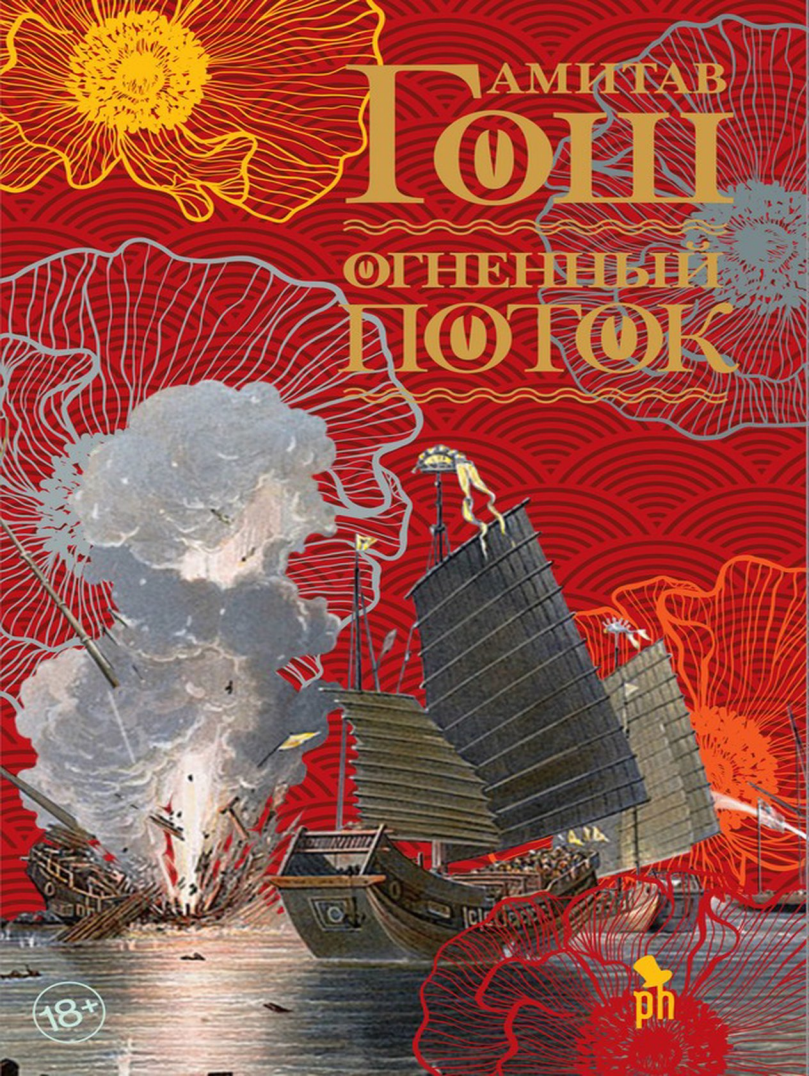
Амитав Гош

Огненный поток



18+

ph

Огненный поток
Амитав Гош

Аннотация
Амитав Гош. Огненный поток
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Эпилог

Аннотация

Финальная часть «Ибисной трилогии» (две первые книги — «Маковое море» и «Дымная река»).

1839 год, напряженность между Китаем и Британией стремительно нарастает. Китай не желает, чтобы чужеземцы превратили его в гигантский рынок индийского опиума. Теряя огромные доходы, британские колониалисты начинают войну. К китайскому Кантону стягивается британско-индийская армада. В числе прочих судов и шхуна «Ибис», с которой так или иначе связаны судьбы всех героев. Среди них сипай Кесри Сингх, возглавляющий отряд индийских солдат; молодой моряк Захарий Рейд, мечтающий о богатстве и славе; Ширин Моди, вдова купца-парса, направляющаяся в Китай, чтобы вернуть потерянное богатство мужа; юная француженка Полетт, которая пошла по стопам своего отца, ученого-ботаника; бывший раджа Нил, пытающийся обрести в Кантоне покой…

Заключительная книга трилогии расскажет, что случилось с героями «Макового

моря» и «Дымной реки». Их драматичные судьбы разворачиваются на фоне не менее драматичной большой Истории, складываясь в огромное и пестрое многофигурное полотно.

В 2015 году роман «Огненный поток» стал лауреатом Crossword Book Award, самой авторитетной литературной премии Индии.

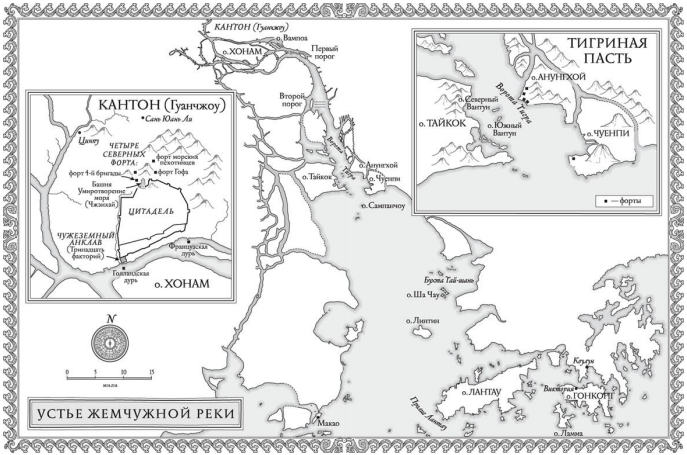
Амитав Гош
Огненный поток

Flood of Fire *by* Amitav Ghosh.

© Александр Сафронов, перевод, 2022.
© Андрей Бондаренко, оформление, 2022.
© «Фантом Пресс», издание, 2022.

* * *

Дебби, к нашему 25-летию


КАНТОН (Гуанчжоу)
о. Вампоа
о. ХОНАМ
Первый порог
Второй порог
Бока Тигровых Врат
о. Анунгхой
о. Тайкок
о. Чуенпи
о. Сампанчоу
ТИГРИНАЯ ПАСТЬ
о. АНУНГХОЙ
Внутренние Врата
о. Северный Вантун
о. ТАЙКОК
о. Южный Вантун
о. ЧУЕНПИ
• — форты
КАНТОН (Гуанчжоу)
Сант Юнг Ли
Центр
ЧЕТЫРЕ СЕВЕРНЫХ ФОРТА:
форт морской пехоты
форт 4-й бригады
форт Гофа
Башня Умиротворения морей (Чжэхай)
ЦИТАДЕЛЬ
ЧУЖЕЗЕМНЫЙ АНКЛАВ (Тринадцать факторий)
Французская пуня
Голландская пуня
о. ХОНАМ
Буквы Тай-шань
о. Шь Чу
о. Лингтин
Крупк
о. ЛАНТАУ
Викторина
о. ГОНКОНГ
Пролив Ламма
о. Ламма
Макао
0 5 10 15
миля
УСТЬЕ ЖЕМЧУЖНОЙ РЕКИ

Глава 1

Хавильдар[1] Кесри Сингх был из тех вояк, кто любит возглавить строй, и особенно в маршах, по уже завоеванной территории, когда от авангарда требуется лишь вскинуть штандарты повыше да придать парадное выражение лицам, впечатляя прорву зевак на обочине.

Даже не глядя на простолюдинов, скопившихся вдоль дороги, Кесри знал, что они сражены. В удаленном уголке Ассама сипаи Ост-Индской компании были событием незаурядным: маршрующий через рисовые поля взвод 25-го туземного пехотного полка (знаменитого «Пачиси») для большинства селян являл собою самое яркое зрелище года, а то и десятилетия.

К обочине стекались толпы фермеров и пастухов, старух и детей, боявшихся пропустить действо; им было невдомек, что продлится оно не один час.

Следом за верховым Кесри двигался пеший строй так называемого продовольственного от-

---

[1] Примечания: 1

Хавильдар — соответствующий сержанту чин в индийской армии. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ряда, а замыкала авангардную колонну обозная команда, что нарушало правду жизни, поскольку обозники всегда выступали впереди батальона и превосходили его числом — две тысячи обслуги против шести сотен сипаев. Обоз напоминал передвижной город: длинная череда подвод на воловьей тяге, занятых разномастным народом — браминами и молочницами, лавочниками и зерновщиками-банджара[2] и даже отделением баядерок. Живности тоже хватало: шумные стада овец, коз и быков, а также пара слонов, перевозивших офицерские пожитки и мебель, — притороченные к слоновьим спинам столы и стулья смахивали на опрокинувшихся навзничь жуков.

Затем слышался барабанный бой, вздымалось облако пыли. Земля ритмично подрагивала в такт барабанам, когда появлялась первая шеренга в десять сипаев, начинавшая длинную извилистую реку из черных киверов и сверкающих штыков. Зеваки бросались врассыпную и за дальнейшим прохождением войска под аккомпанемент флейт и барабанов наблюдали из-за укрытия кустов и деревьев.

---

[2] Примечания: 2

Банджара — кочевое племя, занимавшееся торговлей, скотоводством и перевозками.

Вряд ли какое другое зрелище могло сравниться с видом бенгальских пехотинцев на марше. Это понимали все до последней баядерки, молочника, конюха, водоноса и прочих, но всех лучше — хавильдар Кесри Сингх, исполнявший роль ростры маршевой колонны.

Кесри считал зрительский успех составной частью воинской службы, а потому его вовсе не смущало то, что именно выразительная внешность часто обеспечивала его местом во главе колонны. Ведь не его вина, что участие во многих сражениях придало ему облик бывалого рубаки: он не напрашивался на сабельный шрам, от которого надменно оттопыривалась нижняя губа, и на пересекавший темно-смуглую щеку рубец, похожий на искусную татуировку.

И все же не впечатляющая физиономия его играла решающую роль. Нет, при желании Кесри мог, конечно, выглядеть свирепо, чему способствовали закрученные вверх усы и насупленные брови, но в этом отношении он сильно уступал некоторым однополчанам. Однако никому не удавалось превзойти его в молодцеватости, с какой он носил военную форму: черные рейтузы облегали ляжки, точно собственная кожа, подчеркивая их мускулистость, декоративные

«крылышки» на широких плечах смотрелись не украшением, но доспехом, алая тужурка с ярко-желтой оторочкой сидела как влитая. А лихость, с какой был сдвинут набекрень черный, размером с улей кивер, казалась недосягаемой.

Кесри возглавлял строй чаще прочих унтер-офицеров, что неизменно вызывало глухое недовольство его сослуживцев-афшаров. Но он не обращал внимания на их ворчанье — вполне естественно, что эти тупые увальни завидуют такому молодцу, как он.

В батальоне Кесри безгранично уважал только субедара Нирбхая Сингха, старшего по званию индуса. Пусть чином тот уступал самому младшему английскому субалтерну, но благодаря силе своей личности, а также семейным связям занимал такое положение, что даже командир батальона майор Уилсон не отваживался ему перечить.

Сипаи же воспринимали его не только как старшего унтер-офицера, но как своего патриарха, ибо происходил он из раджпутского[3] рода, три поколения которого составляли ядро полка.

---

[3] Примечания: 3

Раджпуты (сыны царя) — древняя этно-сословная группа в Индии.

Шестьдесят лет назад его дед-*дуффадар*[4], оказавший помощь в формировании полка, стал первым субедаром подразделения, а потом сию должность занимали многие потомки их семьи. Нирбхай Сингх унаследовал ее от своего старшего брата Бхиро Сингха, пару лет назад ушедшего в отставку.

Их семья землевладельцев обитала на окраине Гхазипура, что неподалеку от Бенареса. Поскольку почти все батальонные сипаи были из тех же краев и той же касты, у многих из них, сыновей тех, кто служил под началом отца и деда нынешнего субедара, имелись связи с этим семейным кланом.

А вот Кесри был среди немногих, лишенных этой привилегии. Его родная деревня Наянпур лежала на отшибе, и с вышеозначенным семейством его связывало лишь то, что младшая сестра Дити вышла замуж за племянника субедара. Кесри способствовал устройству этого брака, что сыграло немалую роль в получении им чина хавильдара.

В свои тридцать пять он, отслуживший в полку

---

[4] Примечания: 4

Дуффадар — младший офицерский чин в колониальной полиции Индии и в некоторых армейских подразделениях, присваивали его этническим индийцам.

девятнадцать лет, вполне мог тянуть военную лямку еще добрых годов десять-пятнадцать и потому вполне обоснованно рассчитывал, что с помощью Нирбхай Сингха вскоре получит чин джамадара. И почему бы со временем ему самому не стать батальонным субедаром? Никто из сослуживцев-афшаров ему не ровня по уму, решительности и богатому опыту. Сия должность его по праву.

За последние месяцы Захарий Рейд столько раз обманывался в ожиданиях, что позволил себе поверить в окончание своих испытаний, только увидев публикацию в «Калькуттской газете», извещавшую о его оправдании.

5 июня 1839

Наш обзор заметных событий недели будет неполным без упоминания о недавнем судебном заседании, на котором с мистера Захария Рейда, молодого моряка из Балтимора, Мэриленд, были сняты все обвинения по делу об инцидентах на шхуне «Ибис», имевших место в сентябре прошлого года.

Нет нужды напоминать постоянным читателям нашей газеты, что «Ибис» на-

правлялся на Маврикий, имея на борту двух заключенных и группу кули, однако возникшие беспорядки привели к гибели начальника конвоя Бхиро Сингха, многажды увенчанного наградами за храбрость бывшего субедара туземного пехотного полка.

Вдобавок шхуна попала в страшный шторм, в результате чего пятеро злодеев совершили побег на баркасе, предварительно умертвив первого помощника Джона Кроула. Предводителем банды стал корабельный боцман, негодяй-араканец, а в число его сообщников вошли оба заключенных, одним из которых был бывший расхальский раджа Нил Раттан Халдер (в памяти европейских обитателей Калькутты наверняка свежа прошлогодняя городская сенсация — суд над раджой, обвиненным в подлоге).

К счастью для потрепанной штормом шхуны, ей повстречалась бригантина «Амбойна», которая сопроводила ее в Порт-Луи, избавив от новых человеческих потерь. Охранники, надзиравшие за переселенцами, обвинили мистера Рейда

в сговоре с пятью бежавшими злодеями, одним из которых был убийца субедара — кули, уроженец Гхазипура. Ввиду серьезности обвинения было решено рассмотреть дело в Калькутте, а мистера Рейда переправить в Индию и взять под стражу.

К сожалению, под арестом он провел немало времени из-за нездоровья главного свидетеля — мистера Чиллингуорта, капитана «Ибиса». Как нам стало известно, именно состояние капитана, не позволявшее ему отправиться в путь, было основной причиной неоднократного переноса даты слушаний…

После очередной отмены суда Захарий всерьез подумывал на все плюнуть и сбежать. Ничего сложного: он не закован и легко наймется на какой-нибудь корабль. Многие команды страдали от нехватки людей, и его взяли бы, не задавая лишних вопросов.

Однако он подписал обязательство предстать перед судом, и бегство его означало бы признание своей вины. Вторым весомым сдерживающим фактором была лицензия помощника, которую

он сдал в контору начальника калькуттского порта. Потерять лицензию — значит лишиться всего, добытого тяжким трудом на «Ибисе», где от корабельного плотника он поднялся до второго помощника капитана. Если же вернуться в Америку и выправить новые документы, в них, скорее всего, опять появится отметка «черный», которая навсегда перекроет путь к карьере морского офицера.

Однако честолюбие и решительность его натуры уравновешивались изрядной долей благоразумия, и потому в ожидании суда он предпочел не изнывать от нетерпения, но перебиваться случайными заработками на киддерпорской верфи, став завсегдатаем оккупированных блохами ночлежек. Неутомимый ученик, досуг он посвящал штудированию учебников по навигации и судовождению.

> Слушание по делу «Ибиса» проходило в ухоженном актовом зале ратуши. Председательствовал досточтимый мистер Кендалбуш, член Верховного суда. На свидетельское место первым был вызван капитан Чиллингуорт. Он дал мистеру Рейду пространную благоприятную

характеристику и заявил о его непричастности к путевым злоключениям, обвинив в них мистера Кроула, первого помощника. Тот человек, сказал он, был печально известен своей вздорностью и буйством, дурно исполнял служебные обязанности, разжигал неприязнь между переселенцами и командой.

Следующим дал показания мистер Дафти, некогда подвизавшийся на службе речных лоцманов. Он также безоговорочно высказался в пользу мистера Рейда, охарактеризовав его как яркого представителя белокожего юношества, в котором так нуждается Восток, — честного, трудолюбивого, жизнерадостного и скромного.

Милый старина Дафти! В долгие месяцы ожидания он был единственным, на кого Захарий мог рассчитывать. Раз-другой в неделю старый лоцман сопровождал его в контору начальника порта, удостоверяясь, что дело «Ибиса» не сунули под сукно и благополучно забыли.

Затем были заслушаны два письменных свидетельства, одно из которых дал мистер Бенджамин Бернэм, владелец

«Ибиса». Наши читатели, конечно, хорошо знают этого видного коммерсанта, ярого сторонника свободной торговли.

Перед оглашением сего свидетельства судья Кендалбуш уведомил, что ныне мистер Бернэм пребывает в Китае, иначе непременно явился бы в суд. Помехой ему стала ранее возникшая кризисная ситуация, которую породили необдуманные действия комиссара Линя, нового губернатора Кантона. Поскольку конфликт еще не улажен, мистер Бернэм вынужден остаться на берегах Поднебесной империи, дабы капитан Чарльз Эллиотт, полномочный представитель Ее величества, мог прибегнуть к его мудрому совету.

В своих показаниях мистер Бернэм аттестовал Захария Рейда как добропорядочного человека, честного работника и зрелого христианина, чистоплотного душой и телом. Выслушав свидетельство, судья Кендалбуш отметил, что слова мистера Бернэма имеют большой вес, ибо он давний лидер общины и столп церкви, известный своей благотворительно-

стью не менее, чем страстной борьбой за свободу торговли. Судья не преминул упомянуть и супругу предпринимателя миссис Кэтрин Бернэм, которая по праву считается хозяйкой лучших городских приемов и оказывает поддержку всяческим благим делам.

Второе свидетельство было получено от гомусты мистера Бернэма Ноб Киссин-бабу Пандера, который во время происшествия находился на борту «Ибиса», исправляя должность суперкарго. Сейчас он тоже в Китае вместе с хозяином.

Показания гомусты полностью совпали с тем, что было сказано капитаном Чиллингуортом. Правда, стиль этого послания изобиловал странностями, столь любимыми городскими чудаками. Отдавшись полету фантазии, гомуста выставил себя истинным придурком, назвав мистера Рейда «лучезарным посланником индуистского божества»…

Помнится, Захария кинуло в жар, когда судья прочел эту фразу. В зале как будто возник вечно таинственный Ноб Киссин-бабу: облаченный

в свой неизменный шафрановый балахон, он сложил руки на пышной груди и покачивал головой.

За время их знакомства гомуста разительно переменился, становясь все более женоподобным, а с Захарием вообще держался как любвеобильная мамаша с ненаглядным сыном. Хоть это и коробило, Захарий проникся к нему благодарностью, ибо Ноб Киссин, несмотря на все его странности, располагал большими возможностями и не раз приходил на помощь.

Можно представить, с каким нетерпением ожидалось появление молодого морехода, получившего этакую характеристику. И он, надо сказать, ничуть не разочаровал, хотя, пожалуй, был ближе к эллинскому, нежели индуистскому божеству: светлоликий, темноволосый, ладный, крепко сбитый. Допрос его длился долго, но отвечал он уверенно, без всякой запинки, чем произвел весьма благоприятное впечатление на судей.

Изрядное число вопросов касалось судьбы пятерых беглецов, в ночь шторма покинувших «Ибис» на корабельном

баркасе. На вопрос, имелся ли у них хоть малейший шанс уцелеть, мистер Рейд ответил, что все они, несомненно, погибли. Больше того, он собственными глазами видел неопровержимое доказательство их смерти — перевернувшийся баркас с пробитым днищем.

Все это полностью совпало с показаниями капитана Чиллингуорта, заверившего, что никто из беглецов не мог спастись. Слова мистера Рейда всколыхнули отведенную для местного населения часть зала, где собралась большая родня покойного расхальского раджи, включая его малолетнего сына…

Вот тогда-то Захарий понял, почему зал набит битком: многочисленные друзья и родственники покойного раджи тщетно рассчитывали получить надежду, что он все-таки жив. Увы, утешить их было нечем, Захарий ничуть не сомневался, что все беглецы сгинули в море.

Когда речь зашла об убийстве субедара Бхиро Сингха, мистер Рейд подтвердил, что наряду с прочими был тому свидетелем. Это произошло на экзекуции

— капитан назначил шестьдесят плетей проштрафившемуся кули. Человек необычайной силы, тот освободился от вязок и задушил субедара его же кнутом. Все случилось мгновенно, на глазах у сотен людей, и капитан был вынужден приговорить виновника к повешению. Однако обрушившийся шторм не позволил исполнить приговор.

Слова мистера Рейда вновь всколыхнули зал, ибо, как выяснилось, на суд пришло немало родичей субедара…

Дюжина родственников вела себя так шумно, что привлекла всеобщее внимание. Почти все они были бывшие сипаи, как те надсмотрщики, что сопровождали переселенцев. Захария всегда поражала их беззаветная преданность Бхиро Сингху — не вмешайся офицеры, убийцу субедара порвали бы на куски. Вот и сейчас родня пылала жаждой мести.

Затем суд удалился на совещание. После короткого обсуждения судья Кендалбуш объявил, что с мистера Рейда сняты все обвинения. Вердикт был встречен аплодисментами части зала.

На вопрос о его дальнейших планах мистер Рейд, кажется, сказал, что в ближайшее время намерен отправиться к китайским берегам…

На том бы всему и завершиться, но…

Захарий уже готовился вместе с Дафти отпраздновать благополучный исход дела, когда судебный чиновник вручил ему кипу счетов за всяческие издержки. Самым крупным оказался счет за проезд от Маврикия до Индии, а всего долгов набралось почти на сотню рупий.

— Я не смогу это оплатить! — воскликнул Захарий. — У меня и пяти рупий не найдется!

— К сожалению, должен вас уведомить, сэр, что лицензию помощника вам не вернут до полного погашения долга. — В тоне чиновника было все, кроме сочувствия.

Праздник превратился в поминки — еще никогда эль так не горчил.

— Как же быть, мистер Дафти? Без лицензии не заработать сотню рупий, это ж почти пятьдесят долларов серебром. Здесь, в Калькутте, у меня больше года уйдет, чтоб скопить этакую сумму.

Дафти задумчиво почесал большой, похожий на сливу нос и прихлебнул эль.

— Скажите-ка, Рейд, я не ошибаюсь в том, что некогда вы были корабельным плотником?

— Да, сэр, я начинал подмастерьем на балтиморской верфи Гарднера, одной из лучших в мире.

— И как, еще управитесь с молотком и ножовкой?

— Вне всяких сомнений.

— Что ж, для вас, пожалуй, работенка найдется.

Захарий навострил уши. Требовался плотник для обновления плавучего дворца, по суду доставшегося мистеру Бернэму от бывшего расхальского раджи. Сейчас судно было пришвартовано возле калькуттского особняка Бернэмов, но им давно не пользовались, оно обветшало и нуждалось в хорошем ремонте.

— Погодите, речь о том корабле, где в прошлом году раджа угощал нас обедом? — спросил Захарий.

— О том самом. Только сейчас он превратился в развалюху. Пупок развяжешь, чтоб привести его в божеский вид. Давеча миссис Бернэм меня достала — вынь да положь ей молотчика.

— Молодчика? О чем вы, черт возьми?

— А вы все такой же несмышленыш, Рейд? — ух-

мыльнулся Дафти. — Пора уж маленько освоить наш индийский зуббен. «Молотчиком» здесь называют плотника, ремесленника и всякого работягу. Ну что, возьметесь? Барыш будет хороший — хватит, чтоб расквитаться с долгами.

Захария накрыло волной безмерного облегчения.

— Конечно, возьмусь, мистер Дафти! Располагайте мной!

Он был готов приступить к работе уже завтра, но оказалось, что миссис Бернэм занята подготовкой к отъезду — слабой здоровьем дочке доктора рекомендовали покинуть Калькутту, и она увозила ее в имение своих родителей, что в горном селе Хазарибагх. К тому же общественные обязанности и благие дела поглощали ее время настолько, что мистер Дафти никак не мог с ней поговорить. Наконец ему удалось перехватить миссис Бернэм на лекции недавно приехавшего английского врача, которую она же и устроила.

— О, это был кошмар, мой мальчик, — рассказывал лоцман, отирая взмокший лоб. — Толстозадый лекарь всё нудил и нудил о какой-то жуткой эпидемии. Ну хоть получилось перемолвиться с миссис Бернэм, завтра она примет вас у себя. В десять утра вам удобно?

— О чем речь! Спасибо, мистер Дафти!

Для Ширин Моди тот день начался вполне обычно, и оттого показалось совершенно невероятным, что новость добралась до Бомбея без всяких предвестий и уведомлений. Всю жизнь Ширин придавала огромное значение знакам и предзнаменованиям (муж Бахрам частенько над ней посмеивался и корил за суеверность), но теперь, как ни старалась, не могла припомнить ни единого намека, который можно было бы расценить как пророчество того, что принес тот день.

Нынче к обеду она ждала своих дочерей Шерназ и Бехрозу с их детьми. Пока муж был в Китае, эти еженедельные совместные трапезы, да еще визиты в Храм Огня, стоявший в конце улицы, служили ей главным развлечением.

Ширин обитала в верхнем этаже семейного особняка Мистри, расположенного на Аполлострит в одном из самых оживленных бомбейских районов. Главой семьи долгое время был ее отец сет Рустам-джи, знатный корабел. После его смерти семейное дело переняли братья Ширин, которые с женами и детьми занимали нижние этажи. Из замужних наследниц в доме оставалась одна Ширин, сестры же ее, согласно обычаю, перебрались в жилища своих мужей.

Дом Мистри был шумной обителью, день-деньской полнившейся голосами слуг, поваров, нянек и сторожей. Рустам-джи отвел дочери самую тихую часть дома и настоял на том, чтобы после обручения молодые жили под его крышей, поскольку в то время Бахрам был беден и в Бомбее не имел родственных связей. Заботливый отец, сет хотел быть уверен, что после замужества Ширин ни в чем не будет знать недостатка, и в том вполне преуспел, однако превратил молодых супругов в этаких нахлебников семейства.

Бахрам не раз предлагал отделиться, но Ширин возражала, не представляя, как ей одной вести хозяйство во время долгих отлучек мужа в Китай; она не хотела покидать родное гнездо, в котором выросла. Лишь много позже, когда родители умерли, а собственные дочери вышли замуж, Ширин почувствовала себя приживалкой. Не сказать, что домашние держались с ней неласково, напротив, они были чрезвычайно предупредительны, словно с гостьей. Но все, и в первую очередь слуги, прекрасно понимали, что истинные хозяйки в доме ее невестки. Никто не спрашивал мнения Ширин, когда, например, решался вопрос устройства сада на крыше, ее просьбы приготовить экипаж рассматривались в

последнюю очередь или вообще забывались, а в склоках челяди всегда доставалось ее лакеям.

Порою Ширин погружалась в то странное одиночество, какое бывает в доме, где слуги числом изрядно превосходят хозяев. Еще и потому она с таким нетерпением ждала еженедельных обедов с дочерьми и внуками и тщательно к ним готовилась: долго составляла меню и выискивала старинные рецепты, следя за тем, чтоб повар снял пробу с того, что получилось.

Нынче Ширин раз-другой наведалась в кухню, надумав добавить в меню *дар ни пори*, чечевицу с миндалем и фисташками в кляре. С утра она командировала слугу на рынок за нужными ингредиентами. Его не было долго, и вернулся он какой-то странный.

— В чем дело? — спросила Ширин.

Слуга стал что-то мямлить, а потом сказал, что внизу Вико, управляющий Бахрама, разговаривает с ее братьями.

Ширин оторопела. Вико был с хозяином неотлучно, с тех пор как год назад они вместе уехали в Китай. Если управляющий вернулся в Бомбей, то где же Бахрам? И почему Вико встретился с ее братьями, прежде чем повидался с ней? Даже если его выслали вперед по неотложному

делу, Бахрам, конечно, передал с ним письмо и подарки.

Ширин растерянно смотрела на слугу: этот человек был при ней много лет, хорошо знал Вико и вряд ли мог ошибиться. Однако она спросила:

— Ты, часом, не обознался?

Слуга с таким видом покачал головой, что у Ширин захолонуло сердце.

— Ступай и скажи Вико, что я хочу его видеть немедленно, — приказала она.

Внимательно оглядев себя, Ширин сообразила, что еще не готова к приему посетителей; кликнув горничную, она поспешила в спальню и распахнула дверцы гардероба. Взгляд ее упал на сари, которое было на ней в день отъезда Бахрама. Дрожащими руками Ширин взяла наряд с полки и приложила к своей исхудалой, угловатой фигуре. Сияние богатого шелка, озарившее комнату, окрасило зеленью продолговатое лицо, большие глаза и седину на висках.

Ширин присела на кровать, вспоминая прошлогодний сентябрь, когда Бахрам отбыл в Кантон. В тот день ее сильно встревожили дурные знаки: ночью мужнин тюрбан свалился на пол, а утром она разбила свой красный свадебный браслет. Эти предзнаменования так ее обеспокоили, что

она умоляла мужа отложить отъезд. Но Бахрам сказал, что медлить нельзя, но вот почему — она запамятовала.

Прибежала горничная:

— Звали, биби-джи?

Очнувшись от воспоминаний, Ширин стала одеваться, и тут со двора донеслись громкие голоса. В том не было ничего необычного, но Ширин отчего-то взволновалась и велела служанке сбегать разузнать, в чем там дело. Вернувшись, горничная доложила, что галдели посыльные, которых отправили с сообщением.

— Каким сообщением? Кому?

Этого служанка не знала, и Ширин спросила, поднялся ли Вико.

— Нет, биби-джи. Он все еще внизу, говорит с вашими братьями. Они заперлись в конторе.

— Вот как?

Ширин заставила себя сидеть спокойно, пока горничная расчесывала и укладывала ее лоснящиеся волосы до пояса. Едва покончили с прической, как снизу вновь послышались голоса. Ширин поспешно вышла из спальни и направилась в гостиную, ожидая увидеть Вико, но, к несказанному удивлению, застала там своих зятьев. Оба сильно запыхались и выглядели обес-

кураженными — похоже, они бегом примчались из своих контор.

Охваченная дурным предчувствием, Ширин отринула всякие церемонии:

— Что это вы здесь делаете средь бела дня?

В кои-то веки зятья утратили чопорность и, подхватив ее под руки, усадили на кушетку.

— Что такое? — изумилась Ширин. — Чего вы?

— Крепитесь, *сасу-май*[5]. Мы должны вам кое-что сообщить.

Ширин уже все поняла, но помолчала, на мгновенья продлевая жизнь надежде, затем глубоко вздохнула и вымолвила:

— Говорите. Я хочу знать. Речь о вашем тесте?

Зятья отвели взгляды, и другого подтверждения не требовалось. У Ширин помутилось в голове, но она вспомнила правила поведения вдов и почти машинально ударила запястьем о запястье, разбив стеклянные браслеты. Осколки их оставили на коже кровящие царапинки. Припомнилось, что много лет назад эти браслеты привез из Кантона Бахрам. Однако мысль эта не вызвала слез, все чувства будто умерли. Ширин подняла голову и увидела Вико, маячившего в дверях. Вдруг

---

[5] Примечания: 5
Теща (*хинд.*).

ужасно захотелось избавиться от зятьев.

— Женам уже сказали? — спросила Ширин.

Зятья помотали головами:

— Нет, мы прямиком сюда, сасу-май. Мы даже не знали, что случилось, в записках от ваших братьев была только просьба явиться срочно. Ну вот, мы пришли, и нам сказали, будет лучше, если обо всем вы узнаете от нас.

— Что ж, их поручение вы исполнили, — кивнула Ширин. — Остальное расскажет Вико. А теперь ступайте домой к женам. Им будет еще тяжелее, чем мне. Поддержите их.

— Конечно, сасу-май.

Зятья отбыли, и Вико прошел в гостиную. Неохватный в поясе мужчина с глазами навыкате, одет он был, как всегда, на европейский манер: светлые полотняные брюки и пиджак, сорочка со стоячим воротничком, галстук. Вертя в руках шляпу, он уже что-то пробормотал, но Ширин жестом его остановила и обратилась к слугам:

— Оставьте нас. Я хочу поговорить с ним наедине.

— Наедине, биби-джи?

— Плохо слышите? Да, наедине.

Слуги вышли, Ширин предложила гостю сесть, но он, отказавшись, покачал головой.

— Как это случилось, Вико? Рассказывай все.

— Несчастный случай, биби-джи. Печально, что произошло это на корабле, который хозяин так любил. «Анахита» стояла на якоре возле острова Гонконг, что неподалеку от Макао. В тот день мы только что прибыли на шхуну, распрощавшись с Кантоном. Все улеглись пораньше, а вот сет-джи бодрствовал. Наверное, он прогуливался по палубе. Было темно, он, видимо, оступился и упал за борт.

Ширин слушала внимательно, не сводя взгляда с рассказчика. По опыту прежних утрат она знала, что состояние этакой отрешенности не продлится долго — вскоре чувства захлестнут, затуманив рассудок. Пока голова ясная, надо вызнать, что же там произошло.

— Он прогуливался по палубе?

— Да, биби-джи.

Ширин нахмурилась. Она прекрасно знала «Анахиту» с момента закладки киля, сама выбрала ей имя в честь зороастрийской богини вод и лично надзирала за мастерами, вырезавшими ростру и украшавшими интерьер.

— Значит, он поднялся на квартердек, верно?

Вико кивнул:

— Да, биби-джи. Обычно там он и прогули-

вался.

— Но если он упал с квартердека, кто-нибудь услышал бы всплеск — вахтенный ласкар или на соседних кораблях.

— Да, рядом было много судов, но никто ничего не слышал.

— Где его нашли?

— На острове, биби-джи. Тело вынесло на берег.

— Была ли траурная церемония? Как вы поступили?

Вико мял в руках шляпу.

— Мы устроили погребение, биби-джи. Там было много парсов, среди них нашелся *дастур*[6], совершивший обряд. Задиг Карабедьян, друг хозяина, тоже оказавшийся в тех краях, произнес надгробную речь. Мы похоронили сета на острове.

— А почему не в Макао? — встрепенулась Ширин. — Разве там нет кладбища парсов?

— Это было невозможно, биби-джи, — сказал Вико. — На материке случились беспорядки. Британский представитель капитан Эллиотт издал указ, предписывающий всем английским

---

[6] Примечания: 6

Дастур — зороастрийский священник высокого ранга.

подданным воздержаться от посещения Макао. Потому-то «Анахита» и бросила якорь в бухте Гонконга. Нам ничего не оставалось, как похоронить хозяина на острове. Можете справиться у господина Карабедьяна — вскоре он прибудет в Бомбей и заглянет к вам.

Ширин ощутила волну горя, вздымавшуюся в душе.

— Вы хорошо обозначили могилу? — спросила она.

— Да, биби-джи. Остров немноголюден и очень красив. Хозяин лежит в чудесной долине. Место выбрал его новый секретарь.

— Я не знала, что у мужа был новый помощник, — рассеянно сказала Ширин.

— Прежний секретарь умер еще год назад по пути в Кантон, и сет Бахрам нанял нового, образованного бенгальца.

— Он приехал с тобой? Я хочу его увидеть.

— Нет, биби-джи, он остался в Китае и поступил на службу к американскому купцу. Насколько я знаю, сейчас он обитает в чужеземном анклаве Кантона.

10 июня 1839
Иноземный анклав Кантона

Я жалею лишь о том, что завести дневник не додумался раньше. Если бы я сделал это год назад, когда вместе с сетом Бахрамом впервые прибыл в Кантон! Прежние мои наблюдения были бы полезны в стремлении описать события, в нынешнем марте приведшие к опийному кризису.

В любом случае, я учел свой промах и уже не повторю эту ошибку. Мне так не терпелось начать дневник, что я раскрыл блокнот, едва сойдя с джонки, доставившей меня из Макао в Кантон. Но это было опрометчиво, ибо вокруг тотчас собралась толпа, заинтересованная моими действиями, и я счел за благо повременить. Вдобавок я отказался от первоначальной идеи вести дневник на английском и решил, что бенгали благоразумнее, ибо тогда вряд ли кто разберет мои записи, попади они в чужие руки.

Я пишу эти строки в своей новой обители — американской фактории, где снимает апартаменты мистер Кулидж, мой новый хозяин. В отличие от сета Бахрама, он не барствует, и челяди его отведена общая спальня на задах фактории. Однако мы обустроились, и, несмотря на скудные удобства, я, признаюсь, вне себя от радости вновь очутиться в иноземном анклаве Кантона, сем уникальном крохотном поселении, прозванном

Городом чужаков!

Наверное, странно так говорить о месте, где неумолчные крики *Гвай-ло!* (белый), *Хаак-гвай!* (черный бес) и *Ачха!* (дурной индус) напоминают о твоей чужести, но едва я ступил на кантонский берег, меня, клянусь, охватило такое чувство, будто я вернулся на родину. Возможно, я просто был рад убраться из гонконгской бухты с ее флотилией английских торговых кораблей. В последнее время там вырос целый лес британских флагов, и у меня, скажу честно, будто гора свалилась с плеч, когда они скрылись из виду, ибо от соседства Юнион Джека мне всегда не по себе. Лодка несла меня к китайскому берегу, и я, казалось, задышал свободнее, но лишь в пределах иноземного анклава почувствовал себя в безопасности от всевидящего ока и хваткой лапы Британии.

Вчера днем я прошелся по знакомым местам Города чужаков. Отлучка моя была недолгой, но все здесь изменилось до неузнаваемости. Из чужеземцев тут остались одни американцы, и заколоченные окна опустевших факторий служат незыблемым напоминанием: ничто уже не будет таким, как прежде.

Особенно поражает запустение английской фактории. Просто невероятно, что некогда самое

оживленное и величественное заведение анклава закрыто наглухо и обезлюдело совершенно. Остановились даже часы на церковной колокольне. Стрелки сошлись на цифре двенадцать, точно сведенные в молитве руки.

Опустели и обе фактории, в которых обитали бомбейские парсы, Чун-ва и Фантай. Возле второй я задержался — разве можно пройти мимо места, с которым связано так много воспоминаний? Я полагал, что апартаменты сета Бахрама заняты новым жильцом, однако окна конторы были закрыты ставнями, а вход в факторию охранял привратник. За небольшую мзду он меня впустил, и я обошел весь дом.

В комнатах почти ничто не изменилось, только полы и мебель были укрыты тонким слоем пыли. Признаюсь, жутковато слышать эхо своих шагов в пустых коридорах, где прежде было людно и витал аромат масалы, плывший из кухни. Все здесь напоминало о сете Бахраме, и я, остро ощутив его отсутствие среди живых, не удержался от искушения подняться на второй этаж и зайти в контору, где провел так много часов за составлением писем под диктовку хозяина. И здесь все было на своих местах: огромный булыжник, подаренный компрадором, резной письменный

стол. Возле окна все так же стояло кресло, в котором сет проводил свои последние дни в Кантоне. Казалось, он и сейчас здесь, в этой сумрачной, полной теней комнате — полулежит в кресле, курит опий и смотрит на майдан, словно, по замечанию Вико, выглядывая призраков.

От сего воспоминания меня пробрала дрожь, и я поспешил на дневной свет. Надумав заглянуть в печатню Комптона, я свернул на Старую Китайскую улицу. Некогда кишевшая народом, нынче она тоже выглядела сонной и покинутой. И лишь улица Тринадцати факторий, граничащая с цитаделью, совсем не изменилась. Как всегда, здесь было полно людей, и поток пешеходов, устремлявшийся в обоих направлениях, меня подхватил и вскоре вынес к воротам печатни.

Дверь открыл сам Комптон, ничуть не переменившийся: палевый халат, черная круглая шапочка, косица, зашпиленная в аккуратный узел. Он встретил меня широкой улыбкой и приветствовал по-английски:

— Как поживаете, А-Нил?

Я же удивил его, ответив на кантонском диалекте:

— *Цзоу-сан лян сы сан! Нэй хо ма?*

— Вот это да! — воскликнул печатник. — Что

я слышу!

Я похвастал своими успехами в китайском и настоятельно попросил не говорить со мною по-английски.

Комптон провел меня в мастерскую, восхищенно восклицая:

— *Хоу лэн*! Ну надо же!

Печатня выглядела совсем иной: полки, прежде уставленные бумажными кипами и флаконами с тушью, были пусты, воздух, некогда остро пахший смазкой и металлом, нынче отдавал ладаном, на столах никакого следа захватанных гранок.

Я удивленно огляделся:

— И это все?

Комптон смиренно пожал плечами и сказал, что печатный станок простаивает с тех пор, как британцев изгнали из Кантона.

— Однако у меня появилась другая работа, — добавил он.

— Что за работа? — спросил я.

Оказалось, нынче он служит у своего давнего наставника Чжун Лоу-сы, которого я несколько раз видел (и ошибочно величал «учителем Чаном»). Теперь тот стал *мин-дай*, то бишь большим человеком, — комиссар Линь, *юм-чаэ*, поручил

ему сбор сведений о чужеземцах, их странах, торговой деятельности и прочем.

Во исполнение поставленной задачи Чжун Лоусы создал бюро переводов, куда набрал изрядно людей, владеющих иностранными языками и знаниями о заморских странах. Комптона он пригласил одним из первых. Главной обязанностью печатника стал просмотр местных английских изданий — «Кантонского дневника», «Китайского архива», «Сингапурского журнала» и других. Получив экземпляры этих изданий, он выискивал публикации, которые могли представлять интерес для юм-чаэ и Чжун Лоу-сы.

Разумеется, самое пристальное внимание Комптон уделял теме «большого дыма» и вот как раз наткнулся на статью о производстве опия в Индии. Мой визит оказался как нельзя кстати, ибо печатник не понимал, о чем идет речь в статье. Многие слова, такие как «аркати», «маунд», «тола», «сир», «читтак», «риот», «карканна»[7], были ему незнакомы, и он едва не свихнулся, безуспешно разыскивая их в словаре. Упомянутые в статье географические названия — Чхапра,

---

[7] Примечания: 7

Аркати — вид опия. Маунд, тола, сир, читтак — индийские меры веса. Риот — индийский крестьянин. Карканна (Рукодельница) — прозвище гхазипурской опийной фабрики.

Патна, Гхазипур, Монгхир, Бенарес и другие — тоже были ему неведомы. Он слышал только о Калькутте, которую здесь именуют Галигадой.

Прошло немало времени, пока я все ему растолковал, за что получил горячую благодарность. Я сказал, что рад быть полезным — это лишь маленькое воздаяние за доброту, какую проявили ко мне он сам и его родные за время, поведенное мною в его печатне. Приятно было вновь здесь оказаться, ибо Комптон, пожалуй, единственный из моих знакомцев, кто, как и я, буквально одержим словами.

Перед маршем Кесри уведомили, что до бивака примерно пять часов ходу. Высланному вперед отряду надлежало выбрать место для лагерной стоянки на берегу Брахмапутры. Кесри знал, что к его прибытию все будет готово: размечены участки для офицеров и сипаев, для нужников и обоза.

К полудню, после пяти часов пути, конь под Кесри зафыркал, словно почуяв воду. Дорога взобралась на гребень холма, и в конце пологого склона взору открылась Брахмапутра, столь широкая, что едва видимый другой берег казался размытым зеленым пятном. А на этом берегу воду окаймляла полоса светло-коричневого пес-

ка, где уже были установлены лагерные флаги и указатели.

Песчаная полоса тянулась вдоль реки насколько хватало глаз. Вдалеке Кесри разглядел длинное пыльное облако, быстро приближавшееся к лагерю. Вымпелы небольшого кавалерийского отряда возвестили о том, что это курьеры.

Почту не доставляли уже давно, Кесри не получал вестей от родных почти год. Курьеров он ждал как никто другой и обрадовался, что встретит их первым.

Однако вышло иначе: заметив маршевую колонну, один из всадников отделился от отряда и поскакал к авангарду. Как единственный верховой, Кесри должен был двинуться ему навстречу, что он и сделал, отдав батальонный стяг шагавшему за ним пехотинцу.

Увидев кавалериста, всадник осадил коня и сдернул платок с лица. Кесри узнал знакомого штабного *рисалдара*[8] и, не теряя времени, спросил о самом главном:

— Почта есть?

— Да, мы привезли три мешка писем, они будут ждать вас в лагере. — Рисалдар скинул с плеча

---

[8] Примечания: 8

Рисалдар — чин младшего офицера в индийской кавалерии.

курьерскую сумку и передал ее Кесри: — Вот, необходимо срочно доставить вашему командиру.

Кесри кивнул и развернул коня.

Обычно командир батальона майор Уилсон вместе с другими английскими офицерам ехал в середине колонны. Это означало, что до него добрых мили две, а то и больше, ибо к концу дневного перехода офицеры частенько устраивали себе развлечение в виде скачек или охоты либо просто усаживались в теньке под деревом, вкушая чай и кофе, приготовленные денщиками. Они не спешили, дабы приехать в лагерь, когда для них уже поставят палатки.

Кесри понимал, что отыщет их не сразу, ибо сперва предстояло одолеть против течения весь поток обозников. Едва он развернул коня, как путь ему преградили косари, отвечавшие за фураж для сотен животных, шедших в колонне. Следом двигались установщики палаток и флагов, кашевары с кухонной утварью, носильщики с шестами, переброшенными через плечо, и, конечно, уборщики и водоносы. Далее шагал большой отряд прачек обоего пола в сопровождении осликов, нагруженных тюками с бельем.

Миновав прачек, Кесри придержал коня возле

телег баядерок. С их предводительницей Гулаби он давно был в близких отношениях и знал, что она огорчится, если проехать, не перебросившись с ней парой словечек. Но едва он натянул повод, как чья-то цепкая рука ухватилась за его сапог.

— Кесри, *сунн*! Погоди!

Пагла-баба, нищий аскет, ставший полковым талисманом. Как многие из его братии, он обладал сверхъестественной способностью читать чужие мысли.

— *Ка бхайил?* Что тебе, Пагла-баба?

— *Хамаар баат сун*, послушай меня, Кесри. Предрекаю, что нынче ты получишь весть о родных.

— *Бхагваан банвале рахас!* Благослови тебя Господь! — горячо поблагодарил Кесри.

Пророчество распалило желание поскорее оказаться в лагере, и он забыл о Гулаби. Пришпорив коня, Кесри миновал группу вольнонаемных: брамины, писарь, маркитант-счетовод, толмач *каястха*[9], служивший переводчиком у офицеров, и полковой казначей, отвечавший за денежное содержание сипаев и оплату аттестатов для их семей. Все они ехали на одной подводе,

---

[9] Примечания: 9

Каястха — индийская каста, представители которой традиционно работали писцами, архивариусами, хранителями актов и счетов.

угощаясь пан-масалой.

Почта была в ведении писаря, именно он раздавал письма сипаям. Придержав коня, Кесри сообщил ему о прибытии курьеров и о том, что рассчитывает получить весточку от родных.

— Отложите мое письмецо, мунши-джи, — сказал он. — Я вас разыщу, как только прибуду в лагерь.

На дороге стало чуть свободнее, и Кесри проскакал мимо телег, на которых орудийные расчеты перевозили полковую артиллерию — разобранные гаубицы, мортиры и легкие пушки. За ними следовали передвижная тюрьма, в которой везли пленных бирманских солдат, и подводы с офицерским провиантом — ящики с консервами, бочонки пива, бутыли с вином и бочки с виски. По пятам двигался полковой лазарет — длинная череда повозок с парусиновым верхом, в которых везли хворых и раненых.

Затем возникло новое препятствие — бредущее стадо коз, овец и бычков, уготованных к офицерскому столу. Погонщики попытались расчистить путь для хавильдара, но тщетно. Чтобы не терять время, Кесри свернул с дороги на пустошь, густо поросшую травой.

Это оказалось верным решением, ибо вскоре

он увидел батальонных офицеров-англичан, которые, покинув колонну, направлялись к песчаному взгорку, отделявшему дорогу от реки.

Заметив Кесри, офицеры остановились. Капитан Невилл Ми, адъютант батальонного командира, подъехал к нему, остальные укрылись в тени дерева.

— Вижу, у тебя курьерская сумка, хавильдар?

— Так точно, Ми-саиб.

— Можешь отдать мне. Благодарю. — Адъютант взял сумку и добавил: — Подожди здесь, ты, возможно, еще понадобишься.

Издали Кесри наблюдал за тем, как капитан Ми передает сумку командиру. Майор Уилсон глянул бумаги и хлопнул капитана по спине, видимо поздравляя. Через минуту и другие офицеры пожимали ему руку, восклицая: «Ах ты, везунчик!»

Кесри стало любопытно: неужто капитан получил повышение? Долго же он его ждал — с последнего производства в чин минуло почти десять лет.

Так вышло, что Ми был «дитем» Кесри в том значении слова, какое оно имело в туземном пехотном полку: когда Ми восемнадцатилетним лейтенантом, только что окончившим военную академию в Аддискомбе, прибыл в батальон,

Кесри стал его первым денщиком. Он был чуть старше своего командира, но уже прослужил три года, понюхал пороху и считал себя ветераном. Занимаясь «воспитанием» подопечного, Кесри наставлял его в правилах полковой жизни, обучал приемам индийской борьбы кушти, ухаживал за ним в болезнях и приводил в чувство после ночных попоек и карточных игр в офицерском клубе.

Многие сипаи точно так же опекали своих «деток», которые часто о них забывали, поднимаясь по служебной лестнице. Однако в случае с Кесри и Ми было иначе: с годами их связь становилась только крепче.

Капитан был высок ростом и широкоплеч, но за внешностью смуглолицего, чуть лысеющего добряка с квадратным подбородком скрывалась натура весьма острая на язык и вспыльчивая. Молодым офицером он частенько попадал в неприятности, заслужив прозвище «капитан Задира». Время ничуть не обтесало его, с годами он, похоже, стал еще более колючим и резким.

Однако Ми выказал себя отличным офицером, бесстрашным в бою и душевным к солдатам. У Кесри имелся особый повод быть ему благодарным: на заре их знакомства капитан, узнав о

потаенном желании своего денщика овладеть английским, взялся его обучить и так натаскал, что в беглости речи тот превзошел всех в батальоне, даже толмача. Между ними возникла дружба, выходившая далеко за пределы служебных отношений. Когда капитану требовалась девица на ночь, он полагался на суждение Кесри о том, кто из контингента Гулаби полная никчемность, а кто стоит потраченных денег; когда Ми испытывал финансовые затруднения, что происходило постоянно, ибо он, по его собственному признанию, вечно был на мели, то его заимодавцем становился Кесри, но не банкиры «Палмер и компании» или полковой казначей.

Многие офицеры, картежники и выпивохи, были обременены долгами, но все же не такими крупными, как Ми, — одному лишь Кесри он задолжал сто пятьдесят рупий. Другой бы на его месте запустил руку в полковую кассу или подыскал себе денежную должность, но не таков был Ми. Пусть буйный и несдержанный, он оставался человеком безукоризненной порядочности.

Хоть Кесри и капитан были очень дружны, оба знали, что их отношения зиждутся на правилах, кои нельзя нарушать. Кесри никогда не дерзнул бы спросить, с чем офицеры поздравили

адъютанта. Но капитан сам о том заговорил, подъехав к хавильдару.

— У меня новость. Дело вообще-то секретное, а потому держи язык за зубами, договорились?

— Так точно, сэр.

— Депеша, что ты доставил, касается меня. Мне приказано явиться в калькуттский форт Уильям. Я прослышал, что верховное командование формирует экспедиционный корпус для заморской миссии, и подал рапорт. И вот я назначен командиром роты сипаев-волонтеров. Унтер-офицера я могу выбрать по своему усмотрению, вот почему я тебе все рассказываю. Кроме тебя, хавильдар, на примете никого. Что скажешь? Не желаешь прокатиться за море?

За восемь месяцев гарнизонной службы на дальней точке у границы Ассама и Бирмы Кесри подустал и мечтал об отдыхе, у него и в мыслях не было куда-то отправляться добровольцем, однако он полюбопытствовал:

— А куда посылают корпус, сэр?

— Пока не знаю, все еще на стадии планирования, но денежное содержание обещают хорошее.

— Правда? — На миг Кесри поддался искушению записаться «баламтёром».

— Точно! — ухмыльнулся капитан. — Я по уши

в долгах, и это мой последний шанс из них выбраться. С надбавками я буду получать четыреста пятнадцать рупий! А уж с такими-то деньгами я расплачусь со всеми, включая тебя. Ну что, хавильдар, махнем в загранку?

— Нет, сэр, — решительно сказал Кесри. — Я шибко устал. Извините.

— Жаль, я на тебя рассчитывал. — Капитан огорченно поджал губы. — Но ты все же подумай, время еще есть.

Захарий вышел пораньше, дабы не опоздать на встречу с миссис Бернэм.

Вефиль, обитель Бернэмов, располагалась в дальнем калькуттском пригороде Гарден-Рич, где богатейшие английские предприниматели возвели дома-дворцы. Район этот лежал к югу от киддерпорской верфи, на берегу Хугли.

Имение Бернэмов было одним из самых роскошных: огромный дом в окружении других построек, занимавших береговую территорию более двух акров. Захарий дважды бывал здесь в качестве гостя. Оба раза в парадных дверях главного дома его встречал дворецкий в расшитой ливрее, имя его громогласно объявлялось, когда он входил в залитую огнями гостиную.

Но в те времена Захарий был на коне: только

что получил должность второго помощника на «Ибисе» и владел целым сундуком нарядных одежд. С тех пор он утратил свое положение в свете, и о перемене его жизненных обстоятельств ему ясно дали понять, едва он возник в воротах имения. В дом его провели черным ходом и передали под опеку двух укрытых накидками служанок, которые узкими коридорами и лестницами препроводили его к комнате для рукоделия — небольшой светелке, где на столиках высились шкатулки с шитьем, а на стенах висели вышивки.

За одним столиком сидела миссис Бернэм в строгом платье из белого ситца и кружевном чепце. Она склонилась над пяльцами и не подняла головы, когда ей доложили о Захарии.

— Ах, этот молотчик? Пусть войдет.

Миссис Бернэм, рослая статная дама с темно-каштановой шевелюрой, излучала благодушную холодность. В прошлые встречи они с Захарием не обменялись и словом, что, наверное, было к лучшему, ибо он, напуганный ее отстраненным вальяжным видом, вряд ли нашелся бы с ответом.

Вот и сейчас мадам, не шелохнувшись и не отрывая глаз от вышиванья, произнесла:

— Здравствуйте, мистер… э-э…

— Рейд, мэм. Доброго утра.

Изготовившись к рукопожатию, Захарий сделал шаг вперед, но тотчас поспешно отступил, ибо миссис Бернэм не прервала своего занятия. Теперь он понял, почему его принимают не в одной из множества гостиных, но в комнате для рукоделия: хозяйка хотела подчеркнуть, что нынче он на положении не гостя, а слуги и должен вести себя соответственно.

— Я надеюсь, вы опытный молотчик, мистер Рейд?

— Да, мэм. Я плотничал на балтиморской верфи Гарднера.

Миссис Бернэм по-прежнему смотрела в пяльцы.

— Мистер Дафти, конечно, разъяснил, что от вас требуется. Полагаете, вы сумеете привести *баджру*[10] в божеский вид?

— Да, мэм. Приложу все старания.

Миссис Бернэм наконец подняла голову и нахмурилась.

— Для опытного молотчика вы слишком молоды, мистер Рейд. Однако мистер Дафти о вас

---

[10] Примечания: 10

Баджра — громоздкое неповоротливое судно для речных прогулок.

отзывается очень высоко, а я склонна ему доверять. Он также поведал о ваших финансовых затруднениях, уверив, что вы достойны нашего милосердия.

— Он очень добр, мэм.

Миссис Бернэм продолжила, как будто ее не перебили:

— Мы с мужем всегда сочувствовали несчастным белым, оказавшимся в Индии. Печально, но их здесь избыток — они приезжают с Запада, надеясь сколотить состояние, однако все заканчивается крахом. Мистер Бернэм считает нашим долгом делать все возможное, дабы эти несчастные создания не запятнали престиж правящей нации. Мы стараемся всегда быть великодушными к нуждающимся, вот почему я намерена предложить вам работу.

— Спасибо, мэм. Вы не пожалеете.

Миссис Бернэм еще больше нахмурилась, словно говоря о том, что благодарность преждевременна.

— Позвольте узнать, мистер Рейд, где вы намерены квартировать, получив рабочее место?

Захарий, не ожидавший подобного вопроса, замешкался:

— Ну как, мэм… я снимаю комнату в Киддер-

поре…

— Извините, так не пойдет, — оборвала его миссис Бернэм. — Ночлежки эти — известные рассадники болезней, преступности и порока. Такого я не допущу ни в коем случае. Кроме того, ночью баджру придется охранять, а у меня нет лишнего сторожа.

И тут до Захария дошло: ему намекают, что он должен жить на судне. Вот уж невероятная удача! Он и не надеялся, что получит возможность распрощаться с блохастой ночлежкой!

— Я готов поселиться на судне, мэм, — сказал Захарий, сдерживая радость. — Если вы, конечно, не против.

Теперь миссис Бернэм отложила вышиванье и окинула Захария пристальным взглядом, от которого он покрылся испариной.

— Усвойте, мистер Рейд, — жестко сказала мадам, — у нас приличный дом, где существуют определенные правила. Во все время вашего пребывания здесь вам надлежит вести себя безоговорочно достойно. Никакие посетители, мужского или женского пола, не допускаются. Вам это ясно?

— Да, мэм. Вполне.

Морщина на лбу хозяйки стала глубже.

— Вскоре я ненадолго отъеду, нужно отвезти дочь в поместье моих родителей в Хазарибагхе. Надеюсь, в мое отсутствие не будет никакой расхлябанности?

— Никакой, мэм.

— Если что, я обо всем узнаю, не сомневайтесь. Мне известно, что вы моряк, и, признаюсь, это вызывает мое особое беспокойство. Вы, конечно, наслышаны о скверной репутации, какой мореходы пользуются у почтенных людей?

— Так точно, мэм.

— Имейте в виду, мистер Рейд, вы будете под неусыпным наблюдением. Хоть баджра пришвартована вдали от дома, не воображайте, что расстояние позволит вам скрыть какую-либо непристойность.

— Так точно, мэм.

Миссис Бернэм смолкла, пронзив собеседника взглядом, острым, как игла в ее руке. Казалось, она видит его насквозь. Захарий поежился.

— Что ж, хорошо, — сказала мадам. — Приступайте к делу как можно скорее.

Предсказание аскета о вестях из дома так воодушевило Кесри, что в лагерь он помчался галопом.

На подъезде к биваку хавильдар увидел своего

денщика Дхиру, который бежал ему навстречу.

— Субедар Нирбхай Сингх ждет вас в своей палатке! — крикнул Дхиру. — Прямо сейчас!

Кесри осадил коня.

— Не знаешь, что ему нужно? — спросил он.

— Субедар получил письмо из дома. Похоже, вести дурные. Вам лучше поторопиться, хавильдар.

К командирской палатке подтягивались люди, многие из которых были близкими родственниками субедара. Судя по их виду, семья понесла какую-то утрату. Кесри слегка польстило, что он включен в число избранных.

Спешившись, он едва не столкнулся с батальонным писарем.

— Что стряслось, мунши-джи? Что происходит?

— Вы еще не знаете? — сказал писарь. — Субедар получил чрезвычайно скверное известие. Его брат Бхиро Сингх-джи погиб.

Кесри обомлел. Он-то всегда думал, что Бхиро Сингх всех их переживет.

— Погиб? Но как же так?

— Это случилось в море, уже довольно давно. Бхиро Сингх подрядился конвоировать переселенцев. Все произошло, когда корабль был на

пути к Маврикию. Есть кое-какие другие новости, потому-то субедар и послал за вами. Поспешите.

Кесри взял писаря за плечо:

— Сейчас иду, мунши-джи, только скажите, для меня есть письмо?

Писарь покачал головой:

— Сожалею, хавильдар, вам еще пишут.

Кесри огорченно прикусил губу.

— Может, вы проглядели? Неужели ничего нет?

— Ничего. Право слово, ступайте к субедару.

Кесри вошел в палатку. Нирбхай Сингх, внушительный мужчина, чье широкое, грубо вылепленное лицо украшали роскошные усы в сильной проседи, сидел на циновке.

— Вы хотели меня видеть, субедар-саиб? — сказал Кесри.

Нирбхай Сингх обратил на него воспаленный взгляд.

— Да, хавильдар. Плохие вести.

— Я слышал о вашем брате. Большое горе…

— Но это еще не все, — перебил субедар. — В письме из дома говорится и о моем племяннике Хукаме Сингхе, женатом на твоей сестре.

— *Вохке кучх бхаэль ба?* С ним что-то случилось?

— *Хукам Сингх мар гоэль*. Он тоже умер.

Известие оглушило.

— Умер? Но как? Что произошло?

— В письме об этом ничего не сказано. Однако сюда едут мои родственники, скоро они прибудут на нашу базу в Рангпуре и тогда обо всем поведают. У тебя-то что? Родные написали о твоей сестре?

— Нет, субедар-саиб, ни слова. Я наделся получить письмо с нынешней почтой, но писарь говорит, для меня ничего нет.

Кесри понурился. Невероятно, что родичи не сообщили ему о вдовстве Дити. Чем же вызвано такое странное молчание?

Шагая в свою палатку, он увидел Паглу-баба и сорвал на нем досаду:

— Что ж ты наплел про письмо? *Кучхо нахин!* Ничего нет!

Нищий расплылся в ухмылке:

— Я не говорил о письме, хавильдар-джи. Я только сказал, что ты получишь весть о родных. И ты ее получил, верно?

Глава 2

Солнце уже садилось, когда Захарий с котомкой через плечо взошел на борт баджры. Там повсюду высились горы мусора, трапы были завалены палой листвой, поломанными ветками и обрывками снастей. Вешая котомку на мачту, Захарий споткнулся о кофель-нагель[11], и грязная железяка покатилась по дощатой палубе.

Впервые он увидел сей плавучий дворец меньше года назад, но за этот короткий срок судно так обветшало, что казалось, будто оно горюет по умершему хозяину, точно осиротевшая лошадь или собака: серо-голубая покраска корпуса выцвела, от семейной эмблемы Расхали — стилизованной головы тигра — остался лишь еле видимый контур. Однако, несмотря на запущенное состояние, было видно, что судно, хорошее и крепкое, построено в угоду вкусам богача.

Первый беглый осмотр обнадежил: предстоящая работа в основном заключалась в уборке, подкраске, полировке и небольшом ремонте. Замены несущих конструкций корпуса не тре-

---

[11] Примечания: 11

Кофель-нагель — металлический штырь для крепления снастей.

бовалось. Однако придется перестелить доски палубы, подновить покраску форштевня и верхней части носа, изящные резные боковины которого прогнили и требовали серьезной поправки. Провисшие тросы ватер-вулинга молили о перетяжке; гасписы, недгедсы[12] и водорез тоже просили уделить им внимание. В целом картина не такая уж страшная — если ничто не помешает, управишься за шесть-восемь месяцев. И главное, почти все можно сделать в одиночку.

Захарий решил начать с уборки палубы. Скинув рубашку, он продвигался вдоль правого борта, пока не достиг входа в кают-компанию. Скрипнув, дверь отворилась, изнутри пахнуло сыростью и плесенью, и взору предстали люстра в саване паутины и мебель, укрытая толстым слоем пыли.

Вот здесь Захарий впервые увидел Нила Раттана Халдера, бывшего расхальского раджу. Помнится, он подивился молодости хозяина — болезненного вида юноши с вялым взглядом и как будто заторможенного. Оглядывая заплесневелую гостиную, Захарий ощутил укол грусти: в тот

[12] Примечания: 12

Ватер-вулинг — крепление форштевня с бушпритом; гасписы — гнутые деревянные детали корабельного корпуса; недгедсы — брусья по обеим сторонам носа.

день они потягивали шампанское, не подозревая, что радже недолго гулять на свободе и вообще он скоро станет кормом для акул.

Захарий покинул гостиную и занялся трапом, что вел на верхнюю палубу. Поочередно отчищая перекладины, он медленно поднимался к закатному солнцу, и вот перед ним открылся прелестный вид на реку. В паре сотен ярдов ниже по течению виднелся особняк Бернэмов, а на другом берегу раскинулся окаймленный деревьями калькуттский Ботанический сад.

Для Захария эти места были связаны с воспоминанием о Полетт Ламбер, некогда подопечной мистера Бернэма, — в Ботаническом саду прошло ее детство, а позже ее пристанищем стал особняк. Сейчас, глядя на залитый огнями дом, Захарий вспомнил званый ужин, на котором сидел рядом с Полетт, — тогда он не мог и вообразить, что вскоре она станет беглянкой, под видом переселенки проберется на «Ибис», однажды ночью придет в его каюту и он будет держать ее в своих объятьях. От яркого воспоминания внутри все заныло. Захарий поспешно спустился на нижнюю палубу и наугад стал открывать двери других кают.

Последняя дверь заупрямилась, пришлось наподдать ее плечом. Скрипнув, она распахну-

лась, и Захарий очутился в роскошном салоне, отделанном дорогим деревом и украшенном медными бра. Сия каюта как будто избежала разрухи, захватившей корабль, застеленную кровать по-прежнему укрывала пыльная москитная сетка. Отдернув ее, Захарий повалился на невероятно мягкое ложе и, раз-другой подпрыгнув на нем, рассмеялся.

Блаженство! После всего пережитого совершенно невообразимое блаженство. Эта кровать больше всей его каюты на «Ибисе», той самой каюты, где он держал Полетт в объятьях и на мгновенье приник губами к ее губам.

В долгие месяцы, проведенные на Маврикии и в Калькутте, Полетт часто бывала его собеседницей: когда жизнь казалась уж совсем невыносимой, он представлял ее образ и выговаривал ему: «Видите, во что вы меня втянули, мисс Полетт? Хоть раз об этом задумались? Если б не вы, я бы не сидел в каталажке!»

И тогда ее высокая стройная фигура выступала из темного угла какой-либо чертовой дыры, где он оказался. В своей застенчивой манере Полетт робко подсаживалась к нему, как было в их последнюю яростную стычку на шхуне, когда она умоляла его не препятствовать затеянному

побегу.

«Вы попросили меня отпустить пятерых беглецов, мисс Полетт, я пошел вам навстречу, и вот что со мной стало».

Бывало, что воображаемый разговор с ней шел мягче, и тогда все заканчивалось как той ночью — Захарий ее обнимал и целовал. Иногда ее образ был настолько реален, что Захарий изгонял его из своих мыслей, опасаясь насмешек соседей по скученной ночлежке, всегда возникавших, если кого-нибудь застигали за рукоблудием.

Но сейчас впервые за долгое время он был, слава богу, один, лежал на мягкой податливой кровати, и потому не было нужды изгонять видение, благодаря которому его тело как будто просыпалось от крепкого сна, полнясь почти забытым желанием. Его охватило сладострастие, какого он уже давно не испытывал, и было легко представить, что это рука Полетт, а не его собственная нырнула к нему в штаны.

Потом, уплывая в сон, он уже в который раз подумал о том, насколько милостив был Создатель, снабдивший проклятого им мужчину не только своевольным непокорным отростком, но и подручным средством, способным его усмирить.

Утром, пробудившись от крепкого сна, какого

уже давно не бывало, Захарий вновь наскоро, но сладко пообщался с образом Полетт, после чего соскочил с кровати, чувствуя себя освеженным и полным сил. Позавтракав кашей с чаем, он принялся драить палубу бака.

Судно было сильно запущено, дело продвигалось медленно. Около полудня неожиданно появился слуга Бернэмов, принесший остатки с господского стола; Захарий благодарно принял большую миску «сельского капитана»[13] и прочие вкусности, коих хватало на ланч и ужин.

После плотного обеда он слегка осоловел и решил прикорнуть в своей каюте. Он вовсе не собирался вызывать образ Полетт, но тот явился сам, и повода его изгнать не нашлось.

Но потом, когда он заметил клейкие следы на простыне, его окатило виной. Захарий натянул штаны и вернулся к работе на баке.

Там не было даже намека на тень, и вскоре он весь взмок. Захарий скинул башмаки, носки и сорочку, но легче не стало, пот лил ручьем, и пропитавшиеся им нижняя рубаха и штаны липли к телу.

Река, хоть и мутная, манила. Захарий глянул

---

[13] Примечания: 13

«Сельский капитан» — рис с курицей и приправой карри.

на особняк Бернэмов, прикидывая, увидят ли его оттуда, если он разоблачится до подштанников и сиганет в воду.

Дом отстоял довольно далеко, от реки его отделяла большая лужайка, на которой в этот час сиесты не было ни души. Захарий решил, что стоит рискнуть, вдобавок густые заросли прибрежного камыша послужат ему надежным укрытием.

Он снял нижнюю рубаху и штаны и, оставшись в подштанниках до колена, перевалился через борт. Место было не особо глубокое, но бодряще прохладная вода вмиг освежила.

Захарий раз-другой окунулся и уже хотел вернуться на судно, однако заметил грязный кофельнагель, валявшийся на палубе, и подумал, что сейчас самое время его отмыть. Подтянувшись, он схватил изгвазданный штырь и плюхнулся обратно в реку. Затем подобрался ближе к берегу, где глубина была по пояс, нарвал камышовых листьев и принялся энергично оттирать железяку.

Металлический штырь, формой напоминавший кеглю размером с ладонь, от грязи был скользкий, и потому Захарий одной рукой прижал его к животу, а другой, сведенной в кулак, драил по всей длине.

Через пару минут усердной работы грязная короста отвалилась, стержень был уже чист, и тут с лужайки донесся детский голос:

— Эй вы!

Захария, стоявшего спиной к берегу, оклик застиг врасплох. Резко обернувшись, он увидел светловолосую девчушку в белом сарафане и догадался, что перед ним дочка Бернэмов.

Тут до него дошло, что он голый и его разглядывают. От смущения Захарий покраснел, поспешно отступил на глубину, где вода скрыла его по горло, и лишь тогда сказал:

— Привет.

— Привет. — Девочка смотрела сосредоточенно, по-птичьи склонив голову набок. — Лучше вылезайте. Мама говорит, в реке купаются только кошмарные язычники да индусы.

— Правда? — испугался Захарий. — Но вы ей не скажете, что застали меня в воде?

— Она уже знает. Я видела, как из окна спальни она за вами следит через свои увеличительные линзы.

И тут с дальнего конца лужайки долетел иной голос:

— Аннабель! Как тебе не стыдно, негодная ты девчонка!

Захарий разглядел увенчанную шляпой фигуру миссис Бернэм, в развевающихся кружевах и шелках поспешавшую к берегу, и отшагнул еще глубже, погрузившись в воду до самого подбородка.

— Аннабель, зачем ты, баловница, выскочила на солнцепек? Тут можно изжариться!

Миссис Бернэм так спешила, что шляпа, слетевшая с головы, но удерживаемая розовой лентой, болталась на спине, по лицу разметались выбившиеся пряди, а на щеках рдели красные пятна.

Проштрафившийся Захарий тем не менее отметил, что румяность и растрепанность весьма красят его хозяйку. Пышный бюст мадам тоже не укрылся от его внимания.

— Что за безобразие, дорогая! — Стараясь не смотреть на Захария, миссис Бернэм шляпой прикрыла дочке лицо. — Уходим! Быстро!

Захарию ничего не оставалось, как притвориться, будто ничего не произошло.

— Здравствуйте, миссис Бернэм, ну и пекло, правда? — сказал он, пытаясь выглядеть беззаботным. — А я вот решил охолонуться.

Мадам негодующе вздрогнула, но не обернулась и только сквозь зубы бросила через плечо:

— Искупаться можно было бы и на судне, ми-

стер Рейд. Наверняка там есть необходимые приспособления, а если нет, их надо сделать. Но болтыхаться в этой мути, уподобляясь ошалевшему буйволу, совсем негоже.

— Простите, миссис Бернэм, я не думал, что… — начал Захарий, однако хозяйка его осекла:

— Помните, мистер Рейд, вы в приличном доме, где пристойность соблюдают во всем…

От возмущения она задохнулась и прибавила шагу, погоняя перед собой дочь.

— Приношу извинения за свой вид! — вслед ей крикнул Захарий. — Обещаю, такого больше не повторится!

Ответа он не получил, ибо миссис Бернэм с дочкой были уже далеко.

Две недели минули в полном молчании о финансах Бахрама. Никто и словом не обмолвился о состоянии его дел к моменту смерти.

Сперва вдове, раздавленной горем, было не до того. Но потом, когда первоначальная боль утраты чуть стихла, Ширин задумалась об этаком странном молчании.

В семье, где вопросы дела заботили всех, нарочитое уклонение от данной темы выглядело как-то неестественно, тем более что все прекрасно знали: Бахрам отправился в Китай, намереваясь

выкупить торговый отдел фирмы, которой владели целые поколения семейства Мистри.

В ближайшем окружении Ширин ее братья, пару лет назад совместно унаследовавшие компанию от покойного отца, были, конечно, лучше всех осведомлены о финансовом положении Бахрама. Ширин ничуть не сомневалась, что они кое-что знают, однако ни тот ни другой не выказывали желания затронуть сию тему, хотя виделись с сестрой по нескольку раз на дню.

Для Ширин не было секретом, что после безвременной кончины отца ее муж и братья сошлись в схватке за фирму. Распри не стали неожиданностью: братья никогда не считали Бахрама достойным членом семьи Мистри, и тот, в свою очередь, от всей души платил им нелюбовью. С самого дня свадьбы трения между родичами и мужем опутывали Ширин, точно веревка колодезный ворот. Правда, большую часть своего замужества она участвовала только в семейных дрязгах, ибо в деловых вопросах отец ее своей волей установил непрочный мир. И лишь после смерти патриарха Ширин оказалась осью, на которой вращался родовой конфликт.

Лучше нее никто не знал, каким обманутым и обиженным себя чувствовал ее муж, когда братья

попытались спровадить его на покой, дабы избавиться от его детища — чрезвычайно доходного отдела экспортной торговли. Но безропотно позволить отлучить его от дел было не в характере Бахрама: он решил приобрести торговый отдел в свою собственность, для чего с большим товаром отправился в Китай, надеясь заработать деньги, необходимые для покупки. Не признающий полумеры, он задумал взять груз опия, какой еще никогда не покидал Бомбей. Чтобы осилить такой объем, он использовал все доступные капиталы — привлек деловых партнеров, глав общины, родственников, но когда и этого оказалось мало, попросил Ширин заложить ее драгоценности и земли в Алибауге и Бандре, доставшиеся ей в наследство от отца.

За годы супружества Ширин нередко пререкалась с мужем, чаще всего из-за его полного равнодушия к тому, что у них нет сына. Не раз она упрашивала его отыскать какое-нибудь исцеляющее снадобье, но он только отмахивался, чем причинял ей сильную боль и обиду. Но в том, что касалось бизнеса, муж обладал безошибочным чутьем и всегда посрамлял сомневавшихся в успехе его затей. От природы пессимистка, Ширин и сама частенько была в рядах тех, кто ожидал его

провала. Но такого никогда не случалось, и она постепенно привыкла, что в деловых вопросах стоит доверять суждению мужа. Потому-то и сдалась уговорам, позволив распорядиться ее наследством как он считает нужным.

Так что же стало с теми деньгами? Почему никто не расскажет? Какое-то время Ширин оправдывала это тем, что братья не хотят касаться данной темы при людях. И верно, она ни секунды не оставалась одна, рядом постоянно были ее дочери, сестры, внуки либо кто-нибудь из внушительного отряда ее слуг. Даже вечерами под рукой непременно был человек, удостоверявшийся, что перед сном она приняла добрую порцию опийной настойки.

Ширин была благодарна родне за поддержку, однако вскоре заметила, что сочувствие это носит несколько странный характер. Родные уделяли внимание исключительно ей, начисто позабыв о покойном муже. Ширин попыталась это исправить, объявив, что в Храме Огня закажет пышную поминальную службу по Бахраму, но ее не услышали и, даже не переговорив с ней, заказали скромную панихиду, на которой присутствовали только близкие родственники.

Ширин попросила дочерей дать этому объ-

яснение, но те отмахнулись, сославшись на непомерные расходы, и тогда она поняла, что от нее что-то скрывают, а вот что — придется выяснить самой. На другой день она послала братьям записки с просьбой повидать ее как можно скорее.

Пунктуальные братья, одетые, как на прием, в свежие ангаркхи и тщательно завязанные тюрбаны, явились следующим утром. Отдав дань вежливости, Ширин сказала:

— Спасибо, что пришли, я хочу кое о чем вас спросить.

— О чем же?

— О делах моего мужа. Я знаю, что в последний китайский вояж он вбухал кучу денег. Меня интересует, что с ними стало.

Повисло молчание, братья переглянулись, словно предлагая друг другу начать разговор. Ширин им помогла:

— Говорите, я должна знать.

Братья облегченно выдохнули и заговорили. Ситуация весьма неблагоприятная, сказали они. Бахрам-бхай допустил ужасную ошибку, его любовь к риску завершилась катастрофой, он ввязался в крупную игру, и его ставка безнадежно проиграла.

Рука Ширин нырнула под складки белого сари, где, ища успокоения, коснулась шнуров священного пояса кошти.

— Что произошло? Говорите всё.

Помешкав, братья заговорили хором: в случившемся Бахрам виноват лишь отчасти. Недавние перемены в Китае застигли его врасплох. Вскоре после его приезда был назначен новый наместник в Кантоне, некий комиссар Линь, по всем статьям сбрендивший властолюбец. Он арестовал всех чужеземных купцов и принудил их сдать весь привезенный опий. Комиссар лично наблюдал за уничтожением товара на миллионы испанских долларов! Бахрам был среди тех, кто понес наибольший урон, весь его груз, приобретенный в основном на заимствованные деньги, реквизировали и сожгли. В результате его долги бомбейским кредиторам до сих пор не оплачены; вернись он, ему пришлось бы объявить себя банкротом. Вообще-то удивляться нечему, ведь он всегда был игроком и аферистом, как его дед.

Сложив руки на коленях, Ширин оцепенело слушала. По окончании рассказа она спросила:

— И впрямь ничего не осталось? Совсем ничего?

Братья покачали головами: ничего. Бахрам

не оставил после себя ничего, кроме долгов. Потому-то его великолепная «Анахита» еще там, в Гонконге, за бесценок была продана некоему Бенджамину Бернэму, английскому предпринимателю. Дома, которые Бахрам выстроил дочерям, тоже придется продать. К счастью, у Ширин есть апартаменты в родном доме, и потому она навсегда избавлена от беспокойства о крыше над головой. А зятья сотворили благое дело: открыли денежный счет для ее месячного содержания. Без экономии, конечно, не обойтись, но, если не шиковать, вполне можно прожить.

И тут случилось нечто удивительное. В открытое окно впорхнула бабочка и, покружив по комнате, присела на обрамленный портрет Бахрама. Ширин судорожно вздохнула и сдернула накидку. Давным-давно Бахрам привез из Кантона этот портрет, на котором был чрезвычайно хорош: в синей чоге, он сидел слегка расставив ноги, его точеное лицо с ухоженной бородой озаряла легкая улыбка.

Ширин свято верила, что даже мелкие случайности полны смысла, для нее было очевидным, что всякие совпадения, пусть незначительные, происходят не просто так. Бабочка давно улетела, а она все не могла отвести взгляд от портрета. Ка-

залось, Бахрам смотрит прямо на нее и пытается что-то сказать.

Ширин сделала глубокий вдох и обратилась к братьям:

— Скажите, есть ли шанс вернуть хотя бы часть мужниных денег?

Братья опять переглянулись и заговорили тихо, словно извиняясь, что разрушают ее надежду.

Вообще-то шанс есть, сказали они, кое-что можно вернуть. Бахрам не единственный пострадавший иноземный купец — среди тех, кто сдал свой груз комиссару Линю, были влиятельные английские предприниматели. Британские власти не оставят конфискацию безнаказанной; в отличие от индийских правителей, которым безразличны интересы деловых людей, они понимают всю важность коммерции. Прошел слух, что уже готовится экспедиционный корпус для отправки в Китай, англичане потребуют возмещения ущерба. Случись война, которую китайцы, скорее всего, проиграют, появился бы хороший шанс вернуть часть денег Бахрама. Однако…

— Что? — подстегнула Ширин.

Когда начнут распределять компенсацию, представлять интересы Бахрама будет некому. Несомненно, возникнет грызня между купцами,

прибывшими лично, чтобы урвать свою долю.

Ширин постепенно уяснила ситуацию.

— Но разве мы не сможем отправить своего представителя? — спросила она. — Как насчет Вико?

Братья покачали головами.

— Он уже отказался. И потом, Вико всего лишь управляющий, у него никакого авторитета в кантонской Торговой палате и среди британских чиновников. В Китае иноземные купцы были спаянным кружком, куда не допускались посторонние. Бахрам входил в это сообщество, и коллеги могли бы прислушаться к требованиям, заявленным его кровным родственником, но такого, к несчастью, не имеется.

Ширин прекрасно поняла намек — все было бы иначе, если б интересы Бахрама представлял его сын. Она давно терзалась отсутствием наследника, но сейчас ее терпение лопнуло, и Ширин выпалила первое, что пришло в голову:

— А я? Что, если я сама поеду в Китай?

Братья опешили.

— Ты? — Они изумленно уставились на сестру.

— Да.

— Ты, в Китай? Ты даже на улицу не выходишь одна!

— А что такого? — огрызнулась Ширин. — Ведь ваши жены и дочери появляются на людях, правда? Вы же хвастаете перед английскими друзьями, какая мы «передовая» семья, в которой не соблюдают *пурду*?[14]

— О чем ты говоришь? Да, наши жены не придерживаются строгой пурды, ибо у нас определенное положение в обществе. Но мы никогда не позволим нашим сестрам и дочерям в одиночку шастать по свету. Вообрази, какой будет скандал! Что скажут люди?

— Разве желание вдовы навестить могилу мужа зазорно?

Похоже, братья решили действовать исподволь.

— Поговори с дочерьми, Ширин, — мягко сказали они. — Девочки лучше нас все тебе растолкуют.

11 августа 1839
Кантон

Вчера на улице Тринадцати факторий я столк-

---

[14] Примечания: 14

Пурда — кодекс поведения женщины, распространенный среди некоторых каст. Согласно пурде, женщина должна всегда оставаться в стенах своего дома, вести хозяйство, рожать детей, быть покорной отцу, мужу и братьям, а в присутствии других мужчин укрывать накидкой все части тела и лицо.

нулся с Комптоном.

— А-Нил! — воскликнул он. — Чжун Лоу-сы желает с вами встретиться!

Я поинтересовался, с какой целью, и печатник ответил, что старца весьма впечатлил его отчет об опийном производстве в Бенгалии. Узнав о моем участии в подготовке доклада, он приглашает меня на *ям-чай* (чаепитие).

Конечно, я не мог отказаться.

Мы условились, что назавтра я приду в печатню в начале Часа петуха (пять часов пополудни).

У Комптона я появился за несколько минут до прибытия паланкина с советником. Казалось, Чжун Лоу-сы еще больше постарел: согбенный, тщедушный, паутина седой бороденки. Однако не затуманенный возрастом взгляд его был живым и ярким.

— Говорят, вы обучаетесь кантонскому диалекту, А-Нил?

— *Хай, Лоу-сы*.

Старец родом из других краев, но в провинции Гуандун провел много лет и прекрасно владеет местным диалектом. Он терпеливо воспринял мои косноязычные потуги изъясниться на этом наречии. Надеюсь, я не слишком опозорился, хотя временами по-английски обращался за помощью

Комптона.

Оказалось, у советника был особый повод для нашей встречи: он составляет памятную записку об индийских территориях под британским правлением (старец использовал слово «ганъяо», которым здесь их обозначают) и хотел бы задать мне несколько вопросов.

— *Ят-дин*, конечно, — согласился я.

Прошел слух, сказал Чжун Лоу-сы, будто англичане собираются направить сюда военную флотилию. Известно ли мне что-нибудь об этом?

Я сообразил, что за обманчиво простым вопросом может скрываться полное знание ситуации, обеспеченное разведкой, и решил быть осторожным в своих высказываниях.

В среде иноземцев, ответил я, уже давно поговаривают о том, что скоро англичане направят экспедиционный корпус в Китай.

Хай ме? Вот как? Где я об этом слышал? От кого?

Я пояснил, что многие мои земляки служат писцами и письмоводителями у английских купцов. Некоторые даже числятся в штате работников капитана Эллиотта, полномочного представителя королевы. Нередко мы обмениваемся новостями, и потому общеизвестно, что в апреле сего года

Эллиотт письменно обратился к калькуттскому генерал-губернатору с просьбой сформировать экспедиционный корпус для отправки в Китай. Давеча я случайно услышал разговор моего хозяина, мистера Кулиджа, с друзьями: они считают, что военный штаб в Калькутте уже начал подготовку экспедиции, но гласности это предадут лишь после отмашки из Лондона.

Советник задал новый вопрос: поскольку корпус формируется в *Иньду* (Индии), каким будет его состав, английским или индийским?

Если учесть прошлый опыт, сказал я, состав, скорее всего, будет смешанным по примеру недавних военных кампаний в Бирме, Малайе и на Яве.

Чжун Лоу-сы ничуть не удивился. Во времена правления императора Цзяцина, поведал он, англичане прислали в Макао корабли с сипаями (старец назвал их *сюбо бин*). Пекин откликнулся жестко, и войска не высадились. Было это тридцать лет назад. Десятью годами позже, во второй год правления нынешнего императора Даогуана, англичане вновь прибыли с войском индийских сипаев. На сей раз они ненадолго оккупировали Макао, но потом были вынуждены уйти.

И тут советник меня ошарашил, сказав о вы-

воде, который сделали китайские власти: сипаи — рабы, в бою англичане им не доверяют, потому-то и оставили Макао, не оказав особого сопротивления.

— Но сипаи вовсе не рабы! — возразил я. — Они получают жалованье, как английские солдаты.

— Наравне с рыжеволосыми вояками?

— Нет, — признал я. — Гораздо меньше. Примерно вдвое.

— А как к ним относятся? Индусы и англичане питаются и квартируют вместе?

— Нет, раздельно. Отношение к сипаям иное.

— Они могут занимать командирские должности? Есть ли офицеры-индусы?

— Нет, — сказал я. — Командуют только англичане.

Чжун Лоу-сы помолчал, задумчиво прихлебывая чай. Потом взглянул на меня и сказал:

— Значит, индусы получают мизерное жалованье и знают, что никогда не станут офицерами. Так?

Тут не поспоришь.

— *Цзяо хай ло*, — кивнул я. — Именно так.

— Но тогда почему они воюют?

Я не знал, что ответить. Как объяснить то, чего не понимаешь сам? Чего не понимает никто?

— Потому что это их работа, и она дает им деньги, — сказал я, не найдя ничего другого.

— Значит, они из бедных семей?

— Их родичи — земледельцы, обитающие в глубине страны. Но они вовсе не бедняки, у многих семьи знатного рода, которые владеют собственными угодьями.

Слова мои сильно озадачили советника.

— Но тогда зачем они рискуют жизнью, если в том нет нужды?

— Объяснить это непросто, — сказал я. — Понимаете, большинство сипаев происходят из кланов (я не нашел иного слова для «касты»), которые всегда зарабатывали на жизнь войной. Они присягают своему предводителю и за него воюют. Когда-то их предводителями были индийские цари, а потом — англичане, вставшие у руля власти. Вот сипаи за них и воюют, как прежде воевали за раджей и *навабов*[15], не видя в том большой разницы.

— Но, воюя за англичан, вкладывают ли они душу в свою работу?

И вновь я задумался.

— Трудный вопрос. Сипаи отменные солдаты,

---

[15] Примечания: 15

Наваб — титул правителей провинций Восточной Индии, в том числе Бенгалии.

они помогли англичанам покорить значительную часть Индии. Но иногда бунтуют, особенно если их посылают за границу. Помнится, лет пятнадцать назад в Барракпоре вспыхнул мятеж, когда батальону сипаев приказали отправиться в Бирму. И вообще, выходцы из Бенгальского президентства не любят воевать на чужой территории. Вот почему для зарубежных кампаний англичане чаще нанимают мадрасских сипаев.

Чжун Лоу-сы задумчиво покивал, оглаживая седую бородку. Он поблагодарил меня за беседу и выразил надежду на скорую новую встречу.

Кесри был старше Дити на восемь лет. За это время в семье родились еще пять ребятишек; двое выжили, трое умерли. Несмотря на заметную разницу в годах, Кесри и Дити друг с другом были схожи больше, чем с прочими из потомства.

Во-первых, у обоих были одинаковые светло-серые глаза. Для Дити это стало своего рода изъяном, ибо суеверные жители деревни считали светлоглазых женщин ведьмами. Сия черта, которая у Кесри благодаря его полу считалась всего лишь необычностью и не более того, укрепила узы между сестрой и братом, мгновенно бросавшимся на защиту ее от дразнилок других детей.

Еще одним фактором, сближавшим их, было

то, что оба воспринимали судьбу как личного врага. Для Дити поводом к тому стала ее астрологическая карта, утверждавшая, что девочка родилась под неблагоприятным расположением небесных светил. У Кесри была иная причина: его угораздило родиться старшим сыном в семье.

Во многих семьях статус первенца почитался благом, и будь Кесри иного складу, он бы, наверное, тоже считал себя везунчиком, появившимся на свет в семействе, где блюдут традицию: старший сын остается в родном доме, чтоб возделывать семейные угодья. Однако его ничуть не прельщало весь свой век провести в Наянпуре, таскаясь за плугом и покрикивая на быков. С малых лет он заслушивался рассказами дядьев и наставников, отца, деда и всех других деревенских мужчин об их солдатской службе, когда в юности они были истинными *джаванами*, бойцами. Кесри не желал ничего иного, как повторить их путь: служить сипаем в любой части Индостана или Декана.

В его роду землепашцев всех мальчиков с раннего детства обучали бою. В те времена повсюду рыскали банды вооруженных головорезов, и потому при выходе на поля вдобавок к плугу и косе брали щит и меч. Иначе как возделаешь свою

землю, если не умеешь ее защитить?

Кесри с братьями еще малышами стали заниматься борьбой. Неподалеку от их деревни была знаменитая *акхара* — гимнастический зал, где различными дисциплинами укреплялись тело и дух. Акхара эта принадлежала секте нага-садху — аскетов, не носивших иного одеяния, кроме пепла, но прославившихся бойцовской доблестью и навыком самоограничения. Для них происхождение человека не играло никакой роли; по крайней мере, в пределах акхары действовало нерушимое правило: здесь не существует кастовых различий, всякий гость может искупаться, поесть и вступить в схватку, независимо от своей биографии.

Это коробило отца Кесри, ярого поборника кастовых разграничений, сам же Кесри находил сие правило весьма верным, хотя ничуть не возражал против очистительного омовения по возвращении домой. Дух товарищества, царивший в акхаре, нравился ему не меньше физических испытаний: крепыш и непоседа, он получал особое удовольствие от больших нагрузок. Кесри любил тягать гири, вращать булавы и, в отличие от других ребят, не отлынивал от упражнения под названием «вспашка борцовской арены»: один

усаживался на деревянный брус, а другой, запрягшись в лобную лямку, таскал его по акхаре.

Однако наибольшую радость ему доставляло собственно единоборство, когда в схватке обострялись все его чувства; он умел сохранить холодную голову в ситуациях, у других вызывавших панику. На самостоятельных занятиях он часами оттачивал приемы вроде броска через бедро и удушающего захвата; иногда его слегка раздражало, что контролю дыхания и результатам работы кишечника садху уделяли внимания не меньше, чем практической борьбе, но он исполнял все эти требования, воспринимая их как неизбежную плату за обучение. Каждое утро он дотошно исследовал змеюку, выползшую из его задницы, и если она была тусклой либо плохо «свернулась в кольца, готовая к броску», честно докладывал о том наставникам и менял свое питание согласно их предписаниям.

Благодаря волевым усилиям Кесри достиг того, что к десяти годам был признан одним из лучших борцов в своем весе и возрасте. Вскоре в его тренировки вошло овладение оружием — *латхой*, тяжелой бамбуковой дубинкой, и *тальваром*, кривой саблей. С огнестрельным оружием он познакомился дома — на досуге отец обучал сы-

новей обращению с мушкетом.

Мастерское владение оружием и приемами борьбы увенчалось тем, что к пятнадцати годам, возрасту, когда парней начинали рекрутировать в джаваны, Кесри стал самым грозным бойцом в деревне. Однако отец посчитал это еще одной причиной, чтобы он остался дома, — мол, при нем земля их будет в большей безопасности, чем под охраной любого из его братьев.

Младший брат по имени Бхим, парень крепкий, но тугодум, не способный на самостоятельные решения, во всем слушался отца беспрекословно.

Отец Рам Сингх, некогда и сам отслуживший в солдатах, был упрям и скор на руку. Перечить ему означало напрашиваться на встречу с палкой. Но это не удержало Кесри от огласки своего желания, и потому он многажды был бит за непокорство. Наконец он понял, что споры с отцом — зряшная трата времени: Рам Сингх был из тех солдат, кто при виде неприятеля только глубже окапывается. Стало ясно, что записаться в армию можно лишь наперекор отцу и без всякой сторонней помощи. Но как это сделать? Ни один приличный вербовщик не возьмет рекрута без согласия его родных, иначе поди знай, что может выкинуть новобранец. И потом, без помощи семьи

не осилить положенного рекруту снаряжения, не говоря уже о коне. Что до иных вариантов — вступить в орден нищенствующих монахов или какую-нибудь банду, — благодарим покорно, уж лучше копаться в земле.

Так что Кесри оставалось держать язык за зубами, когда в их дом зачастили вербовщики, справлявшиеся о желающих стать солдатами. Молча сглатывая злость, он слушал отца, готового обсудить перспективы второго сына, а что касаемо старшего, тут говорить не о чем, его судьба решена: парень остается дома и будет землепашествовать.

Вдобавок к этому злосчастью стали поступать брачные предложения старшей сестре. Значит, и она вскоре покинет отчий дом. Похоже, новые жизненные горизонты открывались перед всеми, кроме Кесри.

Поскольку Дити много времени проводила в полях вместе со старшим братом, только она одна понимала его душевное состояние. Сестер ее старались держать дома, чтоб не испортили цвет лица, а у нее из-за неблагоприятного расположения звезд почти не было шансов на хорошее замужество, и потому ее отправили познавать секреты земледелия. Ростом она была по колено

брату, когда тот стал обучать ее обращению с *нукхой* — ножом с восемью зубцами для надрезания созревших маковых коробочек. Вооруженные нукхами, они шли вдоль рядов обнажившихся маков и надсекали набухшие соком бутоны. Когда от одуряющего опийного аромата их начинало смаривать, они присаживались передохнуть в тени дерева.

Несмотря на разницу в возрасте, вместе им было легко как ни с кем другим. Способность Дити к сочувствию и пониманию чужих горестей была так необычна для маленькой девочки, что порой Кесри задумывался, не наделена ли она и впрямь колдовской силой. Когда он впадал в отчаяние от невозможности покинуть Наянпур, именно она, пигалица, его ободряла. Зная, что он изводит себя мыслями о новой жизни, открывавшейся перед младшим братом и сестрой, Дити говорила: «*Ву сааре баат на сочо*. Не думай об этом, обрати мысли на что-нибудь другое».

Но сделать это было просто невозможно: как тут думать об ином, если еще никогда в их доме не было столько посторонних, обхаживавших и улещавших родителей? В конце рабочего дня, возвращаясь в свой глинобитный домишко, Кесри и Дити видели отца, который в тени мангового

дерева вел переговоры с вербовщиками, и мать, во дворе увлеченно беседовавшую со сватами.

В вербовке новобранцев Рам Сингх разбирался так же хорошо, как его жена в спросе и предложении на рынке невест. Много лет он прослужил в армии султаната Берар и был знаком с изрядным числом профессиональных вербовщиков, рыскавших по деревням в поисках перспективных юношей. Костяк армий Северной Индии всегда составляли уроженцы долины Ганга, и потому у них, выходцев из таких же крестьянских семей, были родственники в самых разных полках. Рам Сингх, дороживший этими связями, задолго до появления вербовщиков знал, кто именно объявится на его пороге и кому он сразу откажет, будь тот хоть трижды родич.

Первым появился представитель от Дарбханг-Раджа — территории, где у семьи имелись родственные связи. Отдавая дань родству, вербовщика вежливо выслушали, но едва он отбыл, предложение его было похерено категорически.

— Нынче Дарбханг-Радж — жалкий край, уже совсем не тот, каким был во времена моего отца, — сказал Рам Сингх. — Теперь это вассал белых саибов, служить ему еще непотребнее, чем вступить в армию британской компании.

На этот счет взгляды его были непоколебимы. Уже давно здешние земли были захвачены Ост-Индской компанией, но поначалу вроде бы ничего не изменилось, все шло как обычно. Однако со временем компания стала вмешиваться в дела, в которые прежние правители никогда не лезли, — скажем, такие, как посевная и уборка. В последние годы гхазипурская опийная фабрика начала рассылать сотни агентов — старателей и стряпчих, которые всучивали ссуды крестьянам, чтобы те по осени сеяли мак. Деньги, говорили они, даются на покрытие посевных трат, а урожай принесет небывалую прибыль. Но когда подходило время расчета, фабрика меняла закупочные цены в зависимости от урожайности года. По контракту крестьяне могли продавать сырец только фабрике, и многие из них несли убытки, еще глубже увязая в долгах. Некоторые знакомые Рам Сингха вот так вот разорились начисто.

С недавних пор компания стала вмешиваться даже в рынок рабочей силы, стараясь отбить охоту у мужчин служить в иной армии, кроме ее собственной. Для Рам Сингха и других крестьян это было еще возмутительнее вмешательства в их посевные планы. Казалось невероятным, что кто-то заявляет о своем исключительном праве

на их услуги, посягая на самое главное — возможность выбора лучших условий. Не было ничего необычного в том, что единокровные или двоюродные братья служат в разных армиях; если вдруг они встречались в бою, предполагалось, что каждый будет верен долгу и постоит за своего предводителя, у которого «отведал соли». Так было заведено с незапамятных времен, и нынешняя ситуация давала Рам Сингху еще один повод воспротивиться службе его сыновей в полках компании.

Он хорошо знал эту армию, поскольку участвовал в битве при Асаи. Войска Берара выступили единым фронтом с воинством Гвалиора и едва не разгромили англичан наголову. Рам Сингх частенько вспоминал это сражение и говорил, что британцы одержали победу только благодаря коварству своего командующего Артура Уэлсли, сумевшего обманом и подкупом внедрить измену в стан противника.

Он был незыблемо убежден, что сыновьям его не место в армии Ост-Индской компании. В английской манере войны, говорил Рам Сингх, нет ничего будоражащего кровь, нет никакого героизма. Британский солдат никогда не выйдет на поединок, не станет искать славы в том, чтобы,

покинув свои боевые порядки, напасть на врага врасплох. Англичане воюют, точно муравьи: всегда наступают строем, прикрывая друг друга, и, словно куклы, одновременно совершают заученные движения. Даже внешне они смахивают на муравьев: все в одинаковой форме, никто не дерзнет выделиться неповторимой эмблемой или тюрбаном. Их обозы — полное убожество по сравнению с теми, что сопровождают войска Гвалиора, Джайпура, Индора, предлагая услуги баядерок и базаров.

Какой смысл в солдатской жизни, если она тускла и лишена удовольствий? Зачем бросаться в бой, если потом нельзя отдохнуть душой в обществе приятных женщин, вкусив отменной еды и пьянящих напитков? Тогда уж лучше пасти коров, ибо в такой жизни нет *иззата*, достоинства, она противоречит законам касты и обычаям Индостана.

Рам Сингха огорчало, что многие индийские царства и княжества стали подражать английским войскам. К счастью, еще оставались те, кто воевал по старинке, — к примеру, Авадх, Джайпур, Йодхпур, Джханси. Кроме того, была армия Моголов, сохранившая свою привлекательность: пусть древняя империя быстро съеживались, но

и поныне благодаря ее вековому престижу служивший под могольскими знаменами вызывал уважение у односельчан.

Здешние места облюбовали вербовщики всех армий, и Рам Сингх знал, что у его сына не будет недостатка вариантов. И точно, вскоре начался наплыв зазывал. Некоторые джамадары и дафадары были профессиональными «покупателями», работавшими на несколько царств и княжеств. Как правило, люди в возрасте, они были знакомы Рам Сингху по его солдатским будням. Когда гости появлялись, под манговым деревом устанавливали *чарпаю*[16], посылали за кальянами, едой и водой.

Обычно гостей обслуживал Кесри, разжигавший кальяны. Никто не возражал, что он ошивается рядом, прислушиваясь к застольному разговору, — поскольку о нем речь не шла, его присутствие никого не волновало. Другое дело Бхим — тому запрещалось приближаться к вербовщикам, это было бы неуместно и выглядело сродни бесстыжему появлению потенциальной невесты перед возможными родичами.

Рам Сингх начинал беседу с дотошных расспро-

---

[16] Примечания: 16
Чарпая — топчан для трапезы на свежем воздухе.

сов о размере жалованья и о том, насколько аккуратно оно выплачивается, как распределяются трофеи и какие виды *батты*, довольствия, предусмотрены. Как насчет вещевого довольствия? А походного? Дают ли наградные за зарубежные кампании? Кто обеспечивает провиантом на лагерных стоянках? Насколько велик обозный базар? Что он предлагает? Как расквартирована часть в месте постоянной дислокации?

И вот если ответы выглядели удовлетворительными, лишь тогда Бхим представал перед вербовщиком. Рам Сингх поступал, точно мать, угадывающая момент, когда в наилучшем виде предъявить дочку семье возможного жениха. Дождавшись нужной минуты, он посылал Кесри за братом. Появлялся Бхим: через плечо перекинута соха, одежда, состоящая лишь из жилетки и *ланготы*[17], не скрывает великолепного сложения. Получив от отца указание вычистить лошадь гостя, он с готовностью брался за дело, демонстрируя хорошее воспитание, послушность и уважение к приказам.

Годных к службе парней высматривали не только вербовщики, этим же занимались солда-

---

[17] Примечания: 17
Лангота — набедренная повязка.

ты-отпускники. За рекрутов платили комиссионные, и возвращение в полк с парой новобранцев было хорошим способом слегка заработать.

Бхиму и Кесри молодые солдаты были гораздо интереснее седобородых вербовщиков. С некоторыми отпускниками, родом из окрестных деревень, они были знакомы и раньше, а потому с ними общались запросто; порой какой-нибудь служивый оставался ночевать в их доме, и тогда братья до утра не спали, внимая его рассказам.

Однажды их навестил двоюродный брат, приехавший на побывку в соседнюю деревню. Ненамного старше Кесри, он уже два года провел в Дели, где служил в армии Моголов. Кузен впервые приехал в отпуск, и, конечно, его пригласили заночевать; во двор вынесли раскладушки, и вскоре братья разинув рты внимали рассказу о городских храмах и мечетях, фортах и дворцах. В походах, поведал кузен, за ротами следует обоз, численностью превосходящий полк и похожий на невероятно красочный маленький город. В нем целое отделение баядерок — писаных красавиц из Афганистана и Непала, Эфиопии и Туркменистана. Вы даже не представляете, мечтательно вздохнул рассказчик, какие позы они способны принять и как язычком обработают твой банан.

Разумеется, на этом остановиться было невозможно. Братья забросали кузена вопросами, и тот, недолго поломавшись, изображая скромника, удовлетворил их любопытство сполна и даже больше: поведал об ощущениях, когда по твоему лицу водят соском, а дружка твоего, томящегося в нежном узилище, будто стискивают, щекочут и поглаживают ловкие музыкальные пальчики.

Кесри зашел на опасную территорию, ибо важнейшей стороной его спортивной подготовки был контроль над плотскими желаниями, а также их проявлениями. Для этого он регулярно применял систему упражнений, предотвращавших случайную или умышленную растрату жизненных флюидов. Однако нынче система дала сбой: проснувшись, Кесри обнаружил, что ночью с ним случилась *свапнадоша*, «юношеская авария».

Что до Бхима, тот сразу понял: именно такая солдатская служба ему подходит. Заручившись поддержкой брата, утром он известил отца, что хочет вместе с кузеном отправиться в Дели. Рам Сингх охотно его благословил, пообещав снабдить необходимым снаряжением.

Сборы к отъезду, в которых участвовала вся семья, начались немедленно. Шили одежду, готовили простыни и одеяла, в лядунку укладывали

кремни, порох и мушкетные пули, отбирали клинковое оружие, длинное и короткое.

Все внимание было отдано Бхиму, а Кесри тем временем вспахивал маковые поля. Вопреки всем стараниям, он не мог изгнать мысли о предстоящем отъезде брата в Дели и представлял, как тот в новом красивом тюрбане и увешанный оружием оседлывает коня. Сам он составлял резкий контраст этой картине: голый, в одной лишь грязной ланготе, обмотанной вокруг чресл, взмокшее тело облеплено мухами. Значит, вот какая жизнь ему уготована: год за годом плестись вослед тягловой скотине, отпрыгивая в сторону, когда той вздумается на ходу испражниться, не знать ничего, кроме посевной и уборки, считать роскошью часок сна днем, который удалось урвать в тени дерева, а вечером безуспешно отмывать грязь на ногах, намертво въевшуюся меж пальцев. Бхим же увидит разные города, будет набивать мешки трофеями, сладко есть и блаженствовать в объятьях прекрасных женщин.

Кесри бросил быков посреди поля, сел под дерево и, обхватив руками колени, заплакал. Таким его и нашла Дити, когда принесла ему обед — лепешки роти с маринованными овощами ачар. Поняв все без слов, она была с ним до самого

вечера и помогла закончить вспашку.

По дороге домой Дити сказала:

— Не тревожься, у тебя все получится. Ты тоже уедешь.

— Но когда, Дити? *Батавела*, поведай — когда?

Несколько дней после неудачной встречи с миссис Бернэм и ее дочкой Захарий пребывал в постоянном страхе, что его погонят из комфортабельного жилья на баджре. Казалось, вот-вот появится слуга с запиской, извещающей об увольнении по причине неблаговидного поведения.

Шли дни, извещений не поступало, и Захарий решил, что ему, видимо, предоставлен второй шанс. Однако он понимал, что расслабляться нельзя — внезапные всполохи света в окнах особняка свидетельствовали о неусыпном надзоре, — и оттого всеми силами соблюдал приличия в одежде и поведении вообще. Работая на открытых частях судна, Захарий, невзирая на жару, укутывался с головы до пят.

Если исключить это маленькое неудобство, он был вполне доволен своим житьем. Дни его проходили бессобытийно, но плодотворно: вставал он рано и планомерно работал до заката, порой призывая на помощь господских слуг, но чаще справляясь самостоятельно. Похоже, столь тихое

и скудное существование вызвало сочувствие челяди, которая неустанно снабжала его остатками с господского стола, и, сказать по правде, еще никогда в жизни он не ел так вкусно и не жил в таком комфорте.

Всего лучше были ночи. Захарий нежился в объятьях мягкой упругой кровати, но истинной роскошью были тишина и одиночество. У него, избалованного сытной едой и мирной обстановкой, так разыгрывалось воображение, что он без всякого труда выманивал из тени образ Полетт, укладывал его к себе в постель и порой по нескольку раз за ночь предавался восхитительным утехам.

Однажды утром, когда он работал на баке, с берега долетел голосок Аннабель:

— Эй, привет!

В ответ Захарий козырнул:

— Здравия желаю, мисс Аннабель.

— Я пришла попрощаться, нынче уезжаю в Хазарибагх.

— Что ж, счастливого пути, мисс Аннабель.

— Спасибо. — Девочка шагнула ближе к воде. — Скажите, мистер Молотчик, вы же знакомы с Полетт, верно?

— Да, так и есть.

— Как думаете, вы скоро с ней свидитесь снова?

— Не знаю. Надеюсь.

— Если увидите ее, передайте, пожалуйста, от меня привет. Я по ней очень скучаю.

— Я тоже, мисс Аннабель.

Девочка кивнула.

— Пожалуй, пойду. Мама не хочет, чтобы я с вами разговаривала.

— Почему?

— Говорит, девочке не пристало беседовать с молотчиками.

Захарий рассмеялся.

— Ну тогда бегите домой. Прощайте.

— До свиданья.

В тот же день миссис Бернэм с Аннабель отбыли, две недели особняк был темен и тих. А потом вдруг озарился огнями, и Захарий понял, что хозяйка вернулась. Неделей позже на лужайке перед домом возникла суета: лакеи, горничные, садовники развешивали гирлянды фонариков, расставляли стулья. Один слуга сказал Захарию, что затевается большой прием в честь дня рождения хозяйки.

Вечером к дому подъехало изрядно экипажей и колясок, до поздней ночи на лужайке звенели

смех и голоса. Захарий счел за благо уйти с глаз долой, скрывшись в своей каюте.

На другой день, ближе к вечеру, слуга принес щедрые остатки с банкета и несколько бутылок пива. А еще он доставил небольшой сверток и конверт, на котором стремительным косым почерком было начертано имя Захария.

После той злополучной встречи миссис Бернэм впервые обратилась к нему, и он, вскрывая письмо, очень волновался — поди знай, что в нем. К его удивлению, тон послания был не просто учтивым, но почти сердечным.

30 августа 1839

Дорогой мистер Рейд,

Надеюсь, Вы устроились хорошо и дело с ремонтом продвигается. Если Вам что-нибудь нужно, без колебаний, пожалуйста, известите слуг.

Однако не хлебом единым жив человек, и Вы, безусловно, нуждаетесь в облагораживающей литературе, коя скрасит Ваше одиночество. Посему я взяла на себя смелость послать Вам две книги. Полагаю, Вы сочтете их интересными.

Искренне Ваша,

К. Бернэм

Теперь стало ясно, что казнь откладывалась! Захарий испустил радостный стон и, бросив сверток с письмом на прикроватную тумбочку, отпраздновал отмену приговора бутылкой пива под прекрасную закуску. Затем поднялся на палубу и пригласил Полетт посидеть с ним, любуясь звездами. Присутствие ее было столь ощутимым, что он тотчас возжелал постельных утех и поспешил обратно в свою каюту, на ходу раздеваясь. Не теряя времени, Захарий откинул москитную сетку, скользнул под простыню и замешкался лишь на секунду, нашаривая заскорузлую тряпицу среди других, столь же обляпанных и в немалом числе разбросанных по кровати.

Он уже хотел задуть свечу, но взгляд его упал на сверток, присланный хозяйкой. Захарий сдернул бумажную обертку и увидел две книги, какие и следовало ожидать от миссис Бернэм, — биографию давно почившего миссионера и сборник проповедей какого-то преподобного.

Скукота, да и сейчас Захарий был вовсе не расположен к чтению; он собрался вернуть подарок на тумбочку, но тут из одной книги выпала брошюра, шлепнувшись ему на грудь. Захарий

глянул на обложку, с которой вопили слова, оттиснутые жирным шрифтом:

ОНАНИЯ,
или Мерзкий Грех
Самоудовлетворения

Он резко сел в кровати; смысл названия был не вполне ясен, однако породил тревогу. Наугад открыв брошюру, Захарий увидел жирно подчеркнутый абзац:

Самоудовлетворение суть противоестественное действо, коим мужи и жены, отринув услуги другого пола, оскверняют свои тела; предаваясь грязным фантазиям, они пытаются воссоздать ощущение, коим Господь сопроводил плотские отношения полов во имя продолжения человеческого рода.

Точно завороженный, Захарий уставился на слова «грязным фантазиям». Почувствовав, как от стыда покрывается мурашками, он поспешно перелистнул страницу, однако сразу наткнулся на еще один подчеркнутый абзац:

…само по себе ужасно и противоестественно, сие занятие порочно и мерзко до крайности, преступность его вопиет, а последствия сокрушительны: оно разрушает супружескую любовь, извращает природные склонности и уничтожает надежду на потомство.

Захарий лихорадочно перевернул страницу:

У мужчин и юношей даже одноразовое действо часто вызывает фимоз, а то и парафимоз[18]; не стану разъяснять сии термины, скажу только, что хворям этим сопутствуют чрезвычайная боль и мучительное неудобство, кои могут привести к язвам и прочим скверным последствиям. Многократное самоудовлетворение вызывает странгурию[19], приапизм и прочие заболевания пениса и семенников, но особенно грозит гонореей, гораздо опаснее той, какой заразит женщина…

---

[18] Примечания: 18

Фимоз — сращивание крайней плоти, парафимоз — ущемление головки члена сросшейся крайней плотью.

[19] Примечания: 19

Странгурия — затрудненное мочеиспускание.

Брошюра выпала из дрожащих рук. Захарий спустил подштанники и осмотрел себя на предмет язв, странгурий и фимозов. Он не знал, как они выглядят, однако в зарослях жестких лобковых волос, на члене и морщинистой мошонке было предостаточно ранее не замечаемых тревожных признаков: прыщики, угри, складки и набухшие вены.

Когда же все это появилось и что предвещало? Слава богу, не было симптомов начинающегося приапизма. Эту болезнь часто обсуждали моряки, называя ее «порчей лонг-такель-блока». Говорили, все заканчивалось ужасно — иногда головка члена лопалась, точно чирей или нарыв. Невообразимая напасть.

И тут возникла мысль, напугавшая еще больше букета болезней: что, если появление брошюры отнюдь не случайно? Может, миссис Бернэм умышленно вложила ее в книгу, зная, что она дойдет до адресата?

Нет, это просто невозможно. Нельзя и представить, что хозяйка вообще знает о существовании подобной книжки, не говоря уже о знакомстве с ее содержанием. Да нет, столь утонченная дама, богатая госпожа, и не взглянет на эдакую писанину. А если вдруг и взглянет, то никогда — никогда! —

не пошлет ее едва знакомому мужчине.

И потом, зачем ей это? Какие у нее основания считать его онанистом?

Коли ей ведомо о нем столь тайное и личное, то она, стало быть, заглянула в самую его душу. А такое глубокое проникновение в мысли и чувства другого человека означает полную власть над ним; теперь он, рукоблуд, не посмеет смотреть ей в глаза.

И что самое ужасное, никогда не выяснить, знает она или нет, ибо подобная тема не может возникнуть в разговорах молотчика и хозяйки.

Захария окатило паникой, и все мысли о предвкушаемой встрече с Полетт вмиг испарились. Нахлынувшее отвращение к себе было чрезвычайно острым, и казалось невозможным, что столь грязное искушение когда-нибудь вновь его посетит. А если все же оно возникнет, с ним надо бороться и доказать, что он никакой не онанист. Решено, ибо от этого зависит его свобода и власть над своей душой.

Захария передернуло, когда на глаза ему попались тряпицы в желтых пятнах, разбросанные по кровати. В свете новых знаний они, невыразимо гадкие, выглядели подлинными символами греха и заразы. Ту, что была приготовлена для

сегодняшней ночи, он, содрогаясь от омерзения, забросил в угол. Затем поднял упавшую брошюру и прочел ее от корки до корки.

В последующие дни он зачитал «Онанию» почти до дыр. Особенно сильное впечатление оставили главки о болезнях, и с каждым прочтением крепло ощущение всяческой заразы, зревшей в его теле.

До сих пор он пребывал в уверенности, что триппер — месть лохматки, возможная лишь в том случае, если конкретно пошуровать своим ломом в кочегарке, хоть с носа, хоть с кормы. Но ему и в голову не приходило, что подъем мачты подручными средствами может иметь те же печальные последствия.

На «Ибисе» он, превозмогая ужас, смешанный с любопытством, наблюдал за муками матросов, которые подцепили триппер и теперь вопили, пытаясь отлить из сочившихся гноем елдаков в волдырях и нарывах. По рассказам, лечение ртутью и пиявками причиняло не меньшую боль. Вот так посмотришь и решишь, что уж лучше навеки зачехлить свое орудие, чем угодить в этакую переделку.

Никогда не было и мысли, что ночные свидания с Полетт могут привести к подобному финалу.

Он-то думал, патронташ его ничем не отличается от мочевого пузыря или кишечника и точно так же периодически нуждается в опорожнении. Кто-то говорил, время от времени молофью надо сливать — мол, это все равно что высморкаться. Всякий, кто хоть раз ночевал в матросском кубрике, не мог не заметить канонаду, сотрясавшую гамаки. Не однажды Захарию доставалось по носу от верхнего соседа, чересчур энергично ведшего огонь. И тогда он выдавал фразу, которую временами адресовали и ему: «Хорош уже надраивать пищаль! Пальни и успокойся!»

От воспоминания, что именно завзятые рукоблуды чаще других хворали триппером, екнуло сердце. Сам-то он избегал этой участи, пока не попал под чары призрака Полетт. Сейчас он боролся с соблазном вновь очутиться в ее объятьях, и даже начальный звук ее имени стал невыносим, как и слова вроде «обет» и «манжет», рифмовавшиеся с «Полетт».

Хуже всего было то, что с каждым днем усиливались тревожные симптомы приапизма — недуга, который, как он надеялся, его миновал. Словно в насмешку, болезнь проявилась уже после отречения от ее истока и как будто издевалась, набирая силу тем стремительнее, чем дольше

длилось воздержание. Иногда ночами казалось, будто в паху бурлит котел, но Захарий, скрежеща зубами, удерживал готовую сорваться крышку, ибо иное означало бы капитуляцию и признание себя заурядным дрочилой.

Днем симптомы удавалось приглушить усердной работой. И все равно не проходило часу, чтобы штуцер не шевельнулся в своем чехле. От вида облака, напоминавшего женскую грудь или бедра, перед штанов мгновенно вздувался, точно спенкер под свежим ветерком. Стоило на реке появиться лодочнице в сампане, и приходилось опрометью бросаться за фартуком, чтоб было чем прикрыться. Однажды козочка, лениво щипавшая травку вдали, вдруг навеяла воспоминание о нежном изгибе женского тела, и швартовый конец тотчас попытался пробить клюз в клапане штанов.

Захарий ужаснулся глубине своего падения: если уж скотина — коза! — так на него воздействует…

Он угрюмо смотрел на слуг, приносивших кормежку, и гадал, наведывались ли они когда на Онанские острова. В их лицах он выискивал упомянутые в брошюре признаки: прыщи, лихорадочные пятна, темные круги под часто

моргающими глазами, неестественную бледность. Но если что-то и было, то не столь заметно, как на его собственном лице. Видимо, слуги женились рано, и потому им не было нужды прибегать к пороку одиночества.

И даже столь невинное раздумье таило в себе опасность: одна мысль цеплялась за другую, и перед глазами возникали картины ночных забав слуг со своими женами. Волосатая лапа, державшая поднос, вдруг обретала форму женской груди, а обветренные костяшки на руке, подававшей миску с жарким, превращались в темные набухшие соски, и тогда утлегарь в штанах мгновенно подавал признаки жизни, заставляя придвинуться ближе к столу.

В его нынешнем состоянии Захария более всего страшила возможность неожиданной встречи с миссис Бернэм. Потому-то все свое время он проводил на судне и вообще не сходил на берег. Но однажды утром, измаявшись вконец, решил, что заточение только усугубляет его бедственное положение, и заставил себя пойти прогуляться.

Шагая по берегу, он вдруг почувствовал, как исчезла тяжесть в голове. Зуд в паху тоже понемногу утих, но Захарий предусмотрительно не отрывал взгляд от земли. Однако постепенно

его уверенность в себе окрепла, и он стал смелее смотреть по сторонам. Как ни странно, многое из того, что еще вчера мигом подняло бы его бизань — выпуклость груди под сари, мелькнувшая лодыжка, — нынче не вызвало ни малейшего шевеления.

Окончательно осмелев, Захарий позволил взгляду бродить где ему вздумается, задерживаясь на соблазнительно пышных облаках и зазывно колышущихся кронах деревьев. Повод для беспокойства не возник, и тогда он осмелился произнести запретные «обет» и «манжет», потом даже гаркнул «Полетт!», но и тогда его носовая часть осталась в полном порядке, швартовый конец лежал свернутым в бухту.

Захарий остановился и вдохнул полной грудью, наслаждаясь дарованным избавлением от напасти. Потом он радостно зашагал обратно к судну, где, словно в подтверждение полученной реабилитации, его ожидал гость.

Мистер Дафти принес приглашение на благотворительный бал-маскарад по сбору средств для калькуттской Мореходной миссии; бал устраивали в доме начальника порта и, по традиции, несколько билетов отдавали малоимущим, но достойным молодым морякам.

Захарий горячо поблагодарил старого лоцмана, поняв, что достать билет было совсем непросто.

— Да вот беда, мистер Дафти, у меня нет маскарадного костюма.

Оказалось, лоцман подумал и об этом.

— Не беспокойтесь, мой юный друг. Я приготовил вам костюм, такой же, как себе. В день маскарада приходите ко мне пораньше, мы отобедаем, и я вас снаряжу. Костюм обойдется вам даром, и, обещаю, вы останетесь довольны.

Глава 3

Каждый год в начале зимы, накануне праздника Нага Панчами[20], в акхаре, где тренировался Кесри, устраивали ярмарку. Наряду с обычными ярмарочными увеселениями там сооружали особую арену, на которой состязались борцы, приезжавшие даже из дальних краев.

Ярмарка, длившаяся несколько дней, привлекала огромное число сипаев, джаванов и прочих вояк — тысячи их вместе с уймой голых нага-садху, прикативших со всех уголков индийского субконтинента, стекались к святилищу. Праздник считался особенно благодатным для новобранцев, и потому отбытие Бхима к месту службы отложили до окончания торжества.

В тот год Кесри впервые участвовал в состязаниях, и от него ждали многого. Однако неминуемый отъезд брата и перспектива собственного прозябания в деревне так его подкосили, что он проиграл в первой же схватке, угробив надежды своих наставников. Поражение только усугубило

---

[20] Примечания: 20

Нага Панчами — индуистский праздник поклонения змеям. В этот день бог Кришна одолел змея-демона Калию.

его отчаяние, и на другой день он еле встал с постели. В кои-то веки отец над ним сжалился, разрешив не выходить в поле.

Предстоящий отъезд Бхима стал поводом для семейного застолья на открытом воздухе. Мать выставила закуски, сласти, прохладительный шарбат, и все семейство расположилось на чарпае в тени мангового дерева.

Ближе к полудню угощавшаяся семья вдалеке разглядела повозку, по дороге катившую к ее крытому соломой дому. Вскоре стало ясно, что едут чужаки. Убрали еду, девочек отправили в дом. В сопровождении сыновей хозяин пошел встретить незнакомцев.

Первым из повозки вышел человек впечатляющей и даже устрашающей наружности: грудь колесом, длинные руки, способные обхватить медный поднос тхали, закрученные вверх навощенные усы, лицо цвета спелой пшеницы, лоснящееся от горчичного масла. Все в его внешности и повадках — тугое брюхо, массивные золотые серьги, богато расшитый платок на плечах — говорило о больших запросах и ненасытном аппетите. Он представился Бхиро Сингхом, сказав, что родом из деревни близ Гхазипура, милях в шестидесяти отсюда.

Рам Сингх тотчас насторожился. Жители гхазипурских окрестностей были известны тесной связью с англичанами, многие работали на опийной фабрике. Однако гость не выглядел фабричным рабочим, даже в цивильном платье в нем чувствовалась военная выправка, и вскоре это подтвердилось — он оказался хавильдаром первого батальона 25-го туземного пехотного полка, знаменитого «Пачиси». Он и трое его сипаев ехали в свою часть, расквартированную в Барракпоре под Калькуттой, но решили заглянуть на праздничную ярмарку. Кроме того, сказал хавильдар, хотелось бы обсудить одно важное дельце.

Выяснилось, что он наслышан о спортивной удали Кесри и надеется склонить его к службе в армии Ост-Индской компании. Узнав, что парень не подлежит вербовке, Бхиро Сингх опешил, но еще больше удивился известию о предстоящей службе Бхима в армии могольского бадшаха.

— Но зачем, Рам Сингх-джи? — сказал он. — Сын ваш юн, и вы, как отец, должны ему растолковать, что Дели уже не тот город, каким был когда-то. Кто желает сделать военную карьеру, тому прямой путь в Калькутту, столицу Ост-Индской компании. Ни одна армия в Индостане не может

соперничать с условиями, какие предлагают англичане.

— И какие же?

Вопрос дал основание Бхиро Сингху пуститься в подробный перечень преимуществ от службы в туземном полку: пусть начальное жалованье рядового, шесть рупий в месяц, не выше, чем в других армиях, зато выплачивается полностью и в срок. Кроме того, оно возрастает с повышением в чине: *найк*[21] получает восемь рупий, хавильдар — десять, джамадар — пятнадцать, субедар — тридцать. Главное, выплаты всегда происходят вовремя — за все годы службы Бхиро Сингху ни разу не задержали его жалованье.

— Скажите мне, Рам Сингх-джи, какая другая армия может похвастать четким расчетом с военнослужащими? Вы не хуже меня знаете, что раджи и навабы умышленно задерживают выплаты, чтобы солдаты не дезертировали. В армии Ост-Индской компании такое немыслимо.

А довольствия! У нас они гораздо щедрее, нежели в других армиях, и в денежном исчислении почти равны жалованью. Кроме вещевого, есть особые довольствия в обеспечение походов и

---

[21] Примечания: 21
Найк — капрал (ефрейтор).

боевых действий. Что касаемо трофеев, их всегда делят со скрупулезной справедливостью. Знаете, после битвы при Майсуре английский командующий забрал себе только половину добычи, остальное честно поделили между офицерами и солдатами.

И это еще не все. *Бахадур*[22] Ост-Индской компании — единственный в Индостане, кто заботится о солдатах-отставниках. По завершении службы им назначается этакая «пенсия» не менее трех рупий в месяц, которую они получают до конца жизни. Вдобавок им выделяется земельный надел, если они того пожелают. Раненным в боях безоговорочно предоставляется бесплатный медицинский уход. Скажите по совести, знаете ли вы другого столь щедрого хозяина?

Рам Сингх был впечатлен, однако спросил:

— А что с расквартированием? В Дели солдаты живут в казармах. У вас предоставляют жилье?

В его полку дело обстоит иначе, сказал Бхиро Сингх, сипаям выдают «квартирные», и они сами решают вопрос своего пристанища.

— Никто, поверьте, не ропщет, ибо может выбрать обитель по своему вкусу, поселившись

---

[22] Примечания: 22
Бахадур — глава, предводитель.

среди равных себе.

Рассказ уже посеял сомнение в душе Рам Сингха, и он прибегнул к более веским контрдоводам:

— Что там ни говори, Бхиро Сингх-джи, но эти английские чужаки — мясоеды и христиане. Служить им — значит навлечь позор на раджпутскую семью. Разве не правда, что у них ты вынужден принимать нечистую, а то и запретную пищу и жить бок о бок с людьми самых низких каст?

Хавильдар расхохотался.

— Вы страшно заблуждаетесь, Рам Сингх-джи! Англичане пекутся о кастовой *дхарме*[23] усерднее любого наваба или раджи. В нашем полку служат только брамины и раджпуты. И это не самозванцы, выдающие себя за дважды рожденных[24], родословная и облик каждого солдата подвергаются тщательной проверке. Верно, прежде индийские армии были подобны джунглям, где скрывались желающие поменять свое происхождение. Повоевав год-другой, какой-нибудь

---

[23] Примечания: 23

Дхарма — закон, учение. В зависимости от контекста означает «нравственные устои», «религиозный долг», «универсальный закон бытия».

[24] Примечания: 24

Дважды рожденный — представитель одной из трех высших индийских каст, в которых мальчики проходят обряд, символизирующий духовное рождение.

мусульманин-*джулаха*[25] представлялся высокородным афганцем, а половина тех, кто именовал себя раджпутами, были обыкновенными лесовиками и горцами. Наши бадшахи и махараджи с этим мирились из-за большой нехватки живой силы. За столетия все пришло в упадок: забыв об истинной кастовой дхарме, народ поступал как ему вздумается. Но вот наконец-то англичане навели порядок. В этих делах они куда как строже раджей и навабов: привезли своих ученых, чтобы те изучили наши старинные книги. Теперь белые *пандиты*[26] лучше нас разбираются в наших писаниях. Нынче кастовую чистоту блюдут, как в дни древних мудрецов и *риши*[27]. Саибы следят, чтобы всякая каста была как бы в железной клетке и никто не мог туда-сюда передвинуться хотя бы на палец. Низшие касты должны знать свое место, и в том саибы уже преуспели больше, чем индийские цари за целые столетия. В полк белых может вступить только представитель высшей касты, человек же сомнительного рода

---

[25] Примечания: 25
Джулаха — индийская община ткачей.

[26] Примечания: 26
Пандит — ученый и священнослужитель.

[27] Примечания: 27
Риши — совершенный, просветленный человек.

там не продержится и пары дней. Пищу себе мы готовим сами либо нанимаем слуг высокой касты. По нашему требованию командование расследует дело всякого сипая, и если возникнет хоть кроха сомнения в его касте, он тотчас будет отправлен обратно в свою деревню. Да что там, даже девицы из наших «красных базаров» всегда только благородной касты.

Бхиро Сингх помолчал, давая собеседнику время усвоить сказанное.

— Поверьте, Рам Сингх-джи, — продолжил он, — компания больше нас самих почитает кастовую дхарму. Вот вам пример: недавно английские командиры ввели новое правило — в лагере отбивать время колоколом. Разумеется, никому не хотелось лишней работы, и мы сказали, что высокая каста нам этого не позволяет. И что вы думаете? Тотчас были наняты специальные звонари! А наши навабы и раджи стали бы так хлопотать? Скажи мы, что не желаем звонить в колокол, они бы только рассмеялись и дали нам пинка под зад.

Все это явно произвело впечатление на Рам Сингха, однако он не сдавался:

— И все же, Бхиро Сингх-джи, в службе чужеземным мясоедам нет чести.

— Но ведь мусульмане тоже едят мясо, верно? — парировал хавильдар. — И это не мешает вам отправить сына в могольскую армию, так? Служение мусульманским бадшахам всегда было делом чести для наших отцов и дедов. Армия Ост-Индской компании дает еще больший повод для гордости, ибо англичане очищают Индостан. Тысячелетиями эта земля скатывалась в упадок, люди так перемешались, что не отличишь. Под англичанами все по отдельности, каждый со своим родом: белые с белыми, мы со своими. Они истинные охранители касты, и если вы, Рам Сингх-джи, задумаетесь о дхарме вашего сына, вы отправите его к нам.

— Но дхарма — не только вопрос правил, — возразил Рам Сингх. — Мы раджпуты, и для нас наша *марьяда*, честь, в том, как мы проявляем свою отвагу. В армии белых, где доблесть и сноровка совсем не ценятся, нельзя стать истинным воином. Знаете, в битве при Асаи наши смельчаки вызывали солдат противника на поединок. Вообразите, никто не откликнулся! Во всей армии не нашлось ни одного настоящего храбреца. Многие из тех сипаев были индусами, но, вступив в армию англичан, они утратили честь и мужество, достоинство и благородство. Даже нам было

стыдно за них.

Хавильдар усмехнулся и вкрадчиво спросил:

— Напомните, кто одержал верх в той битве?

Не найдя, чем его отбрить, Рам Сингх понурился. Улыбка хавильдара стала шире.

— Наверное, старые способы войны хороши для сотворения героев, но ими не всегда победишь в сражениях. В том-то и отличие английской армии, что она не зависит от героев. Это не большое собрание смельчаков, вся армия воюет, как один отважный боец. Вот почему ее называют Победительницей. Вся она как один человек, как единый организм, подчиняющийся одной голове, и всякого сипая муштруют, чтобы он это заучил. Каждый подчиняется старшему командиру вплоть до самого верха. Кто откажется исполнить приказ, будет расстрелян. Это вам не индийская армия, где солдаты верны тому, кто им платит, и если командира подкупят, они уходят вместе с ним. Англичане прекрасно о том осведомлены и перед каждым боем подсылают менял-банья, чтобы те подмазали офицеров противника. Почти всегда три-четыре человека возьмут взятку и оставят позиции либо не вступят в бой. Не так ли случилось в Асаи?

— Да, тут не поспоришь, — сказал Рам Син-

гх. — Но это не единственная причина победы англичан. Их пушки были лучше наших. Да и ружья тоже.

— Вот именно! В отличие от наших раджей и навабов, англичане постоянно чему-то учатся и что-то меняют. С каждым годом их артиллерия все мощнее. Они все время улучшают свое вооружение, не допуская тому никаких помех. — Оборвав речь, Бхиро Сингх вскочил на ноги: — Сейчас я вам кое-что покажу.

Он сходил к стоявшей неподалеку повозке и вернулся с двумя саблями в ножнах, кривой и прямой. Хавильдар пристроил их на чарпаю и сам уселся рядом.

— Взгляните на этот *тальвар*! — Он достал сверкающую кривую саблю из ножен и положил себе на колени. — Великолепная работа, не правда ли? А до чего остер клинок! — Хавильдар поднял опавший лист манго и провел им по лезвию сабли — лист мгновенно развалился надвое. — Это оружие моего отца и деда, с ним и я осваивал науку сабельного боя, оно остается моим любимым. По виду английские сабли сильно проигрывают тальвару.

Бхиро Сингх достал из ножен прямую саблю и положил ее на колени рядом с тальваром —

тусклая серая сталь, заостренный конец, тупые края. Никаких узоров на клинке, словно его не коснулась рука мастера.

— Они все одинаковые, в тысяче сабель ни одна не отличается от другой — все скучные уродцы. — Хавильдар снова провел листком по лезвию, и тот лишь скомкался. — Но вот в бою возникает иная картина.

Бхиро Сингх встал и вскинул перед собой кривую саблю.

— Наш тальвар — рубящее оружие, которое требует свободного пространства вокруг бойца, иначе он поранит своих же солдат.

Хавильдар знаком попросил всех отойти подальше и, кренясь сначала в одну сторону, потом в другую, выполнил два рубящих удара, при этом кончик сабли описал перекрещенные дуги в воздухе.

— Чтобы не задеть товарища, солдаты должны отстоять друг от друга на две длины сабли. — Бхиро Сингх отложил тальвар и взял английскую саблю. — А вот оружие совсем иного рода, не рубящее, но колющее, его задача — пронзать. В боевой цепи солдаты, вооруженные такими саблями и штыками, могут идти плечом к плечу, они не представляют угрозы друг для друга. Плот-

ная же цепь гораздо эффективнее в бою даже с превосходящими силами противника. Солдатам с тальварами, пусть они отменно обученные храбрецы, не обратить нас в бегство. А изогнутые клинки не позволят им сомкнуть ряды, иначе они просто порубят друг друга. Нужда в пространстве делает войско слабым, независимо от его числа. И потому враг всегда бежит от нас.

Хавильдар отдал сабли сипаям, чтоб зачехлили.

— Вот вам обоснованные причины того, что ни одна армия в Индостане не может противостоять Победительнице. Иногда неприятель пускается наутек, едва завидев нас. Если хотите, чтобы сын ваш сражался на стороне, не ведающей поражений, и вернулся домой живым, да еще с деньгами, вы отдадите его мне, и я сделаю из него сипая армии Ост-Индской компании.

Но тут вмешался Бхим, громким шепотом известивший отца, что он уже все решил и хочет служить только в Дели.

На том дискуссия закончилась. Бхиро Сингх презрительно пожал плечами, словно говоря «вольному воля».

— Что ж, я вас покину, Рам Сингх-джи. Сказано все, что хотелось. Если передумаете, завтра най-

дете меня на ярмарке.

На этом он и сипаи сели в повозку и уехали.

Лакей перехватил Ширин, когда она возвращалась домой после ежедневного посещения Храма Огня.

— К вам гость, желающий засвидетельствовать почтение, — доложил слуга. — Вместе с вашим братом господин ожидает в гостиной первого этажа.

— *Каун хай?* Кто он такой? — спросила Ширин.

Слуга только знал, что гость — *топивала-саиб*, белый господин в шляпе.

Прикрыв лицо верхним краем белого сари, Ширин вошла в гостиную, где увидела брата и высокого мужчину, чье чисто выбритое лицо напоминало иссеченный ветрами утес: глубокие морщины, выпуклые височные кости, похожие на куски горной породы. В оттенке его кожи было нечто от розоватой усталости заходящего солнца. Черный костюм, траурная нарукавная повязка.

Вид вполне европейский, но что-то в облике гостя не вязалось с западным миром, да и поздоровался он традиционным саламом — руки сложены перед грудью, глубокий поклон.

— Ширин, познакомься с господином Задигом Карабедьяном, — сказал брат. — Его имя тебе,

конечно, известно, он был близким другом твоего мужа и сейчас пришел отдать дань уважения его памяти.

Не поднимая накидки, Ширин склонила голову. Бахрам рассказывал ей о Задиг-бее. Помнится, подружились они на пути в Англию, и было это лет тридцать назад. Муж говорил, его христианский друг-армянин родом из Египта и благодаря своему ремеслу часовщика много разъезжает по свету.

— Простите, биби-джи, что не сразу явился к вам, меня задержали печальные дела. — Гость свободно изъяснялся на хиндустани. — Я тоже понес утрату.

— Неужели?

Задиг-бей показал на траурную нарукавную повязку:

— Не так давно моя пожилая супруга скончалась от изнурительной лихорадки.

— Мои соболезнования, Задиг-бей. Где это произошло?

— В Коломбо. Судьба мне благоволила, и я был рядом с женой в ее последние дни. Господь не дал вам даже этого.

Глаза Ширин увлажнились.

— Да, Он обошел меня этой милостью…

— Не могу выразить, как я опечален кончиной вашего мужа. Бахрам-бхай был моим самым близким другом.

Взгляд Ширин метнулся на бесстрастное лицо брата. Последнее время имя Бахрама словно было под запретом — казалось, в доме Мистри никто его не произносит, дабы лишний раз не напоминать себе о крахе, покрывшем бесчестьем семью банкрота и его родичей.

Сама Ширин говорила о нем только с дочками, но и те держались так, словно речь шла о чужаке, и сокрушительное разорение, предшествовавшее смерти Бахрама, в корне его изменило, превратив в незнакомца, чьи затеи всегда были обречены на провал, а успехи служили знаком грядущего несчастья, которое он обрушит на самых дорогих людей.

Дочери, прежде души не чаявшие в отце, теперь лишь стыдили и укоряли его, однако Ширин их в том не винила, ибо крах лишил их не только ожидаемого наследства, но и значительной доли почтения, которое прежде им оказывали в семьях супругов.

Для Ширин имя мужа было незаживающей раной, которую она попеременно пыталась убаюкать, залечить и скрыть, и сейчас, когда Бахрама

помянули с неподдельной любовью, рана та аукнулась болью.

— Муж часто говорил о вас, — тихо сказала Ширин.

— Бахрам-бхай был невероятно сердечным и благородным человеком. Ужасно, что все так закончилось.

Ширин подметила, как брат заерзал на диване. Конечно, доброе слово о Бахраме ему было неприятно, и он охотно ушел бы, но приличия не позволяли оставить сестру наедине с чужим человеком. Чтобы избавить его от мучений, Ширин прошептала на гуджарати: дескать, можешь уйти, только оставь дверь гостиной открытой и пришли сюда служанку, что ждет в коридоре. Приличия будут соблюдены, сама она под накидкой, беспокоиться не о чем.

Брат тотчас вскочил.

— Ладно, я ненадолго вас оставлю, — сказал он.

Вошла служанка и села возле открытой двери, задрапированной шторой. Укрытая накидкой, Ширин повернулась к гостю:

— Скажите, когда вы последний раз видели моего мужа?

— Месяца за два до несчастья. Я покинул Кантон в самом начале кризиса, а Бахрам остался.

— Почему? Расскажите, что там произошло.

— *Зарур*, извольте, биби-джи.

Задиг поведал, что в марте нынешнего года китайские власти развернули широкомасштабную кампанию по пресечению потока опия в страну. Император назначил некоего комиссара Линя новым губернатором Кантона, и тот сразу же выдвинул ультиматум иноземным купцам: сдать весь привезенный опий. Получив отказ, он заблокировал чужеземный анклав с воды и суши, чем совершенно отрезал его от внешнего мира. Купцов хорошо кормили и вообще ни в чем не ущемляли, но они, не выдержав заточения, все же согласились сдать свой груз. Разрешение покинуть Кантон получили все, кроме самых крупных торговцев, в числе которых был и Бахрам. Вместе с челядью он остался в своих апартаментах.

— Наверное, биби-джи, вы знаете, что иностранный анклав Кантона состоит из тринадцати факторий, которые там называют «хонами». Поселение это больше похоже на огромный караван-сарай. В каждой фактории есть разные апартаменты, которые купцы снимают исходя из имеющихся средств. Бахрам со своим персоналом всегда проживал в фактории Фунтай. Вот там-то я его и видел последний раз.

— Как он выглядел?

Задиг помолчал и, откашлявшись, заговорил как человек, которому нелегко сообщать дурные вести.

— Может, не стоило бы об этом рассказывать, но Бахрам-бхай был чрезвычайно подавлен. Знаете, он выглядел совсем больным. Я поговорил с его секретарем, и тот сказал, что хозяин почти не выходит из дому, но целыми днями сидит у окна и смотрит на майдан.

Ширин накрыло волной горечи.

— Просто не верится, — сказала она, перебирая пальцами край сари. — Он всегда был такой непоседа.

— Неудивительно, что заботы его сокрушили. Ему грозила потеря огромных денег, и он очень переживал из-за долгов. — Задиг покашлял в кулак. — Вы же знаете, биби-джи, для него не было ничего важнее семьи, его религии. Вернее, его второй религии.

Ширин просунула руку под накидку и отерла слезы.

— Да, знаю.

— Ничего странного, что все это сказалось на его здоровье. Бахрам заметно ослабел, но я не поверил своим ушам, узнав, что он упал с палубы.

Человек с таким-то мореходным опытом! И вот что самое печальное: проживи он чуть дольше, узнал бы, что потери его будут возмещены.

Ширин насторожилась.

— То есть обещают компенсацию?

— Да, — кивнул Задиг. — Иноземные купцы учредили фонд, чтобы оказать давление на британское правительство и заставить его предпринять действия против китайцев. Все торговцы сдали по доллару за каждый конфискованный ящик с опием. Набралась внушительная сумма, которую переслали мистеру Уильяму Джардину в Лондон. Некогда самое влиятельное лицо в торговле с Китаем, он распорядился деньгами по-умному: подмазал многих членов парламента и уйму газетчиков. Свет такого еще не видел — предприниматели подкупают правительство! Столько было произнесено речей и опубликовано статей, что теперь всякий англичанин убежден: комиссар Линь — чудовище. Ходят слухи, что британское правительство, вняв совету Джардина, готовит экспедиционный корпус к отправке в Китай. Захват опия сочтен достаточным поводом для объявления войны и, стало быть, требования репараций. — Задиг подался вперед: — Уверьтесь, биби-джи: когда придет пора делить деньги, о

доле Бахрам-бхая не забудут.

— В том-то и беда, что представлять наши интересы некому, — сглотнув рыдание, сказала Ширин. — Братья и зятья заняты собственными делами, им недосуг совершить годовую поездку в Китай. Нет сына, нет наследника, который заменил бы моего мужа, и в том отчасти виноват сам Бахрам.

— Что вы имеете в виду, биби-джи?

Ширин была так удручена, а сочувствие Задига так согревало, что неожиданно для самой себя она заговорила на тему, никогда и ни с кем не обсуждаемую.

— Наверное, вам это неведомо, Задиг-бей, но муж мой страдал изъяном, не позволявшим зачать сына. О том сказал садху, многих излечивший от подобной напасти. Он предложил исцелить и Бахрама, но тот лишь посмеялся. Ах, отнесись он к этому серьезнее, сейчас, возможно, все было бы иначе.

Задиг слушал внимательно, потом, задумавшись, надолго замолчал и вдруг сказал по-английски:

— Позвольте вопрос, биби-джи?

Ширин взглянула удивленно, но часовщик ее остерег, кивнув на служанку.

— Можно кое о чем вас спросить?

— Да, спрашивайте.

— Скажите, вы когда-нибудь выходите из дома?

Вопрос поверг Ширин в недоумение.

— Почему вас это интересует?

— Спрошу иначе: можем ли мы поговорить наедине, чтобы нас не слышали ваши родные и слуги?

Ширин сообразила быстро.

— В четверг годовщина смерти миссис О'Брайен, моей наставницы в английском. Я приду в церковь Богоматери Славы, чтобы поставить заупокойную свечу.

— Католическая церковь в районе Мазагон?

— Да.

— В котором часу?

В коридоре послышались шаги брата, и Ширин прошептала:

— В одиннадцать утра.

Задиг кивнул и тоже ответил шепотом:

— Я буду там.

Сквозь слезы Кесри смотрел вслед удалявшейся повозке, и ему казалось, что в пыли, поднятой ее колесами, похоронены все его надежды.

Из речи хавильдара он не упустил ни слова:

вопросы касты и веры его волновали мало, а вот рассказ об оружии и тактике боя вновь всколыхнул мечты о солдатской службе, только теперь хотелось стать уже не просто вооруженным бойцом, но сипаем в батальоне под началом Бхиро Сингха. Конечно, устаревшие способы войны никуда не годились, новые гораздо привлекательнее. Истинное военное искусство в том и состоит, чтобы приспособиться к обстановке, перехитрить врага и победить, да еще всем этим заработать деньги.

Невероятно, что Бхим упустил такую возможность. Кесри отвел брата в сторонку и спросил:

— *Батаво*, почему ты отказал хавильдару? Боишься отца?

— Нет, — помотал головой Бхим. — Я Бхиро Сингха боюсь. Уж лучше поехать к дьяволу, чем к нему.

— Ты что? Не понимаешь всей выгоды его условий?

Брат лишь пожал плечами и ковырнул ногой землю.

— Эх, будь я на твоем месте… — Кесри горестно вздохнул.

— И что бы ты сделал? Поехал с Бхиро Сингхом?

Кесри кивнул, смаргивая подступавшие слезы.

— Я бы минуты лишней не потратил и уехал с ним прямо сейчас…

Если прежде желание распрощаться с домом саднило тупой болью, то теперь жгло огнем. Жар этот створожил плотный завтрак, и Кесри вырвало на глазах у всей семьи.

Сия неприятность хотя бы дала повод уединиться. Весь день Кесри провел в постели и заснул рано. Утром предстояла поездка на ярмарку, но он боялся не выдержать зрелища, в котором брата благословляют на службу в Дели, и, сказавшись больным, остался дома.

После отъезда домашних Кесри наведался в амбар, где отец хранил опий, и, отщипнув чешуйку, отправил ее в рот. Вскоре он уснул и потом даже не шевельнулся, сквозь сон услышав, что родные вернулись домой. Уже наступил вечер, никто его не потревожил, и он опять уплыл в дрему.

Глубокой ночью его разбудил шепот над ухом:

— *Утхелу, бхайя*, просыпайся, брат! Идем!

Все еще очумелый от опия, Кесри, держась за брата, прошел по спящему дому и выбрался к чарпае под манговым деревом.

— Поторопись, Кесри-бхайя, — зашептал Бхим. — Тебя ждет Бхиро Сингх-джи.

— *Ка кахрелба*? Чего ты несешь? — Кесри протер глаза.

— Все так. На ярмарке я переговорил с хавильдаром — мол, ты хочешь служить в его армии, но бабу-джи против и не даст своего согласия. Что мне до воли вашего отца, сказал Бхиро Сингх, он мне не родич, плевать я хотел на его взгляды. Калькутта далеко, там ему парня не достать.

Сна как не бывало.

— А ты что? — спросил Кесри.

— Я сказал, что без отцовского позволенья тебе не найти денег на снаряжение и коня. Конь не нужен, ответил хавильдар, в Калькутту поплывем на корабле. Что до прочего, он даст тебе взаймы, долг вернешь потом.

— Что еще?

— Если парень решил твердо, сказал он, пусть с рассветом приходит к причалу, там стоит наше судно, мы будем его ждать. *Дер на хой*, не опоздай.

— Правда? — воскликнул Кесри. — Не путаешь?

— Нет, не путаю. Уже светает. Не теряй времени, тогда поспеешь.

Несмотря на жгучее желание уехать, Кесри не хотел подставить брата под гнев отца. Но Бхим

заверил, что все будет хорошо и без всяких последствий, ибо отец никогда не догадается о его участии в этой затее. Может, он, Бхим, еще окажется в выигрыше и теперь его оставят дома, что совсем даже неплохо. Да и Кесри наверняка простят, как только он начнет присылать деньги.

Кесри и не подозревал, что брат способен так тщательно все рассчитать.

— Это твой план? — спросил он. — Ты сам его придумал?

— Да что ты! — Бхиро помотал головой. — Это все Дити, ее идея. Велела отыскать хавильдара и научила, что сказать. Она все продумала. Даже вот об этом позаботилась. — Он протянул брату узелок. — Здесь чистые дхоти и лепешки. Другого тебе не надо. Ну давай, поспеши!

2 сентября 1839
Гуанчжоу

Вчера меня вновь пригласили на встречу с Чжун Лоу-сы в печатне Комптона.

День был погожий, и мы уселись во дворе под вишней. После короткого обмена любезностями опять заговорили о британской агрессии против Китая. Нынче Чжун Лоу-сы был чуть откровеннее и дал понять, что знаком с гуляющими слухами.

Потом, откашлявшись, он сказал, очень мягко, словно подчеркивая сложность и деликатность затронутой темы:

— Вы, А-Нил, родом из Бан-гала, верно?

— *Хай, Лоу-сы.*

— Мы наслышаны, что в Бан-гала под британским правлением люди несчастны. Говорят, зреет восстание против инглизи. Так ли это?

Я помолчал, собираясь с мыслями.

— Простого ответа на ваш вопрос, Лоу-сы, не имеется. Да, в Бенгалии под иноземным правлением многие несчастны. Но в то же время немало тех, кто, сотрудничая с британцами, разбогател и ляжет костьми, чтобы они удержались у власти. Есть и такие, кто всей душой с ними, ибо они принесли мир и покой. Люди помнят бедлам былых времен и не желают его возврата.

Чжун Лоу-сы сложил руки на коленях и чуть подался вперед, сверля меня взглядом.

— А что насчет вас, А-Нил? Как вы относитесь к инглизи?

Вопрос застал меня врасплох.

— Что вам сказать? Мой отец был среди тех, кто поддерживал Ост-Индскую компанию, и я вырос под властью англичан. Но в конечном счете моя семья лишилась всего. Мне пришлось покинуть

родину и искать средства к существованию на чужбине. Наверное, можно сказать, что для меня и моих близких британское правление — напасть, которую мы сами же и сотворили.

Комптон и старец слушали внимательно и переглянулись, когда я смолк. Потом заговорил печатник, словно излагая нечто, загодя приготовленное:

— Чжун Лоу-сы просит передать, что он помнит и весьма ценит помощь, оказанную вами в прошлом. Во время давешнего конфликта с чужеземными купцами вы снабдили нас полезными сведениями и дельным советом. Как вы знаете, ныне мой учитель руководит бюро переводов и сбора информации; он считает, что можно еще немало от вас почерпнуть. — Комптон помолчал, давая мне усвоить им сказанное. — Чжун Лоу-сы интересуется, не желаете ли вы работать с нами. В ближайшие месяцы нам понадобится человек, владеющий индийскими языками. Разумеется, вам положат жалованье, но какое-то время вам придется жить здесь, в Гуанчжоу. Кроме того, на этот срок вы обязуетесь прекратить все сношения с Индией и чужеземцами. Что скажете?

Слова «я опешил» не выразят и десятой доли моего ошеломления: я вдруг понял, что мне

предстоит выбор одной из сторон, что всегда было чуждо моей натуре. Я извечно гордился своей обособленностью — свойством, как сказал Панини[28], необходимым тому, кто изучает лингвистику. Оттого-то мне сразу полюбился Комптон, ибо я распознал в нем родственную душу, которую слова и явления увлекали лишь одним своим существованием. Однако сейчас от меня ждали присяги на верность не одному другу, но многочисленному народу, целой стране, с которой меня почти ничто не связывало.

В ту минуту перед глазами промелькнула вся моя жизнь. Вспомнились мистер Бизли, учитель английского, наставлявший меня в чтении, и мое восторженное наслаждение книгами Даниеля Дефо и Джонатана Свифта, и долгие часы, в которые я заучивал наизусть отрывки из Шекспира. Однако в памяти всплыла и та ночь, когда в тюрьме Алипор я пытался говорить по-английски с дежурным надзирателем, уделявшим моим словам внимания не больше, чем карканью вороны. А на что я рассчитывал? Глупо надеяться, что владение языком и пара-другая прочитанных книг — ключ к взаимопониманию между людьми. Мысли,

[28] Примечания: 28

Па́нини (предположительно V век до н. э.) — древнеиндийский лингвист, автор санскритской грамматики.

книги, слова скорее усиливают разобщенность, ибо они истребляют твои прежние интуитивные привязанности. И потом, кому я должен быть верен? Уж только не бенгальским заминдарам, не шевельнувшим и пальцем, чтобы избавить меня от тюрьмы. И не своей касте, которая теперь во мне видит парию, падшего и опороченного. Может, отцу, чье распутство обеспечило мою погибель? Или британцам, которые, узнав, что я еще жив, загнали бы меня на край света?

А на другой стороне — Комптон и Чжун Лоу-сы с их просьбой поделиться единственным, что воистину принадлежит только мне, — знанием мира. Годами я забивал себе голову бесполезными сведениями, коим почти нигде не найти применения, и вдруг удача — такое место нашлось. Так сложилось, что я стал кладезем знаний, которые могут пригодиться моим собеседникам.

В результате чашу весов перевесили не преданность, каста или дружба, но мысль, что никчемность вроде меня и впрямь может быть полезной.

Я молчал так долго, что Комптон спросил:

— *А-Нил, ней цзоу мх цзоу аа?* Так вы согласны или нет? Или вам нужно время подумать?

Я отставил чашку и покачал головой:

— Нет, раздумывать не о чем. Я охотно принимаю предложение и буду рад остаться в Гуанчжоу. В иных местах я не требуюсь.

— *Дим саай?* — улыбнулся Комптон. — Значит, решено?

— *Цзау хай ло.* Да, решено.

Костюм, выбранный мистером Дафти для бала-маскарада, был прост: пара простыней, схваченных булавками и заколками.

— Тога, мой друг! Лучшая придумка римлян. В ином наряде танцы станут кошмаром.

Одеяние и крепеж были приготовлены в гардеробной. Следуя указаниям лоцмана, Захарий разоблачился до исподнего и завернулся в простыни.

— Теперь вон тот край слегка засупоньте и присобачьте туда булавку… Во, в самый раз! Шабаш! Красота!

Чтобы все надлежаще засупонить и присобачить, ушел битый час. В столовую, где их ждал аперитив, Захарий и мистер Дафти вошли в одинаковых нарядах, с которыми слегка не сочетались носки на подвязках и начищенные башмаки.

За обедом к ним присоединилась миссис Дафти, одетая троянской Еленой: ниспадающий

белый балахон и диадема в блестках. Захарий сделал комплимент ее костюму, и она смущенно зарделась:

— Ой, что вы, меня затмят другие дамы. Говорят, миссис Бернэм предстанет Марией-Антуанеттой!

Мистер Дафти подмигнул Захарию:

— Я думаю, там в одном только корсете *толы*[29] две чистого золота!

Отобедав, они вышли на улицу и сели в нанятый лоцманом экипаж, который доставил их в район Чоуринги к ратуше на Эспланад-роу, месту проведения бала.

Одно из самых величественных в Калькутте, здание впечатляло массивными колоннами и парадной лестницей. Когда наши пассажиры высадились из экипажа, сквозь распахнутые двери ратуши, числом четыре, уже лилась музыка. Следуя в потоке гостей, Дафти шепотом знакомил Захария со знаменитостями:

— Вон генерал-губернатор, рядом с ним командующий сэр Хью Гоф, а вон там лорд Джоселин, который ходит на задних лапках перед мисс Эми-

---

[29] Примечания: 29

Тола — индийская мера веса, приблизительно 12 граммов.

ли Иден[30], сестрой губернатора.

Актовый зал ратуши приготовили к балу: ярко горели газовые лампы, под потолком висели гирлянды из цветных лент. Вдоль одной стены были устроены занавешенные закутки с креслами и кушетками, где притомившиеся танцоры могли бы перевести дух. В дальнем конце зала расположился оркестр шотландского полка — музыканты в килтах и со спорранами[31].

Остановившись в дверях, Дафти обвел рукой сверкающий зал с кружащимися парами:

— Любуйтесь, Рейд, такой чакмак увидишь нечасто!

Захарий согласился, что зрелище и впрямь впечатляло. Не успел он толком оглядеться, как миссис Дафти подхватила его под руку:

— Идемте, я представлю вас барышням.

— Но я собирался ангажировать вас на первый танец.

Звонко рассмеявшись, миссис Дафти отвергла

---

[30] Примечания: 30

Хью Гоф (1779–1869) — британский военачальник. Роберт Джоселин (1816–1854) — британский военный и политик-консерватор. Эмили Иден (1797–1869) — английская романистка, описавшая свое путешествие в Индию.

[31] Примечания: 31

Спорран — поясная сумка-кошель для мелких предметов, поскольку в килте и пледе нет карманов.

приглашение:

— Свой долг кавалера исполните позже. Дамы в жизни не простят, если мы вас монополизируем.

После двух-трех знакомств Захарий понял, что многие дамы читали о нем в «Калькуттской газете» и горят желанием узнать о его приключениях побольше. Изобилие партнерш, пунш, музыка и танцы сулили веселье напропалую.

Однако Захарий не пропустил появление на балу миссис Бернэм в необычном притягательном наряде: шелковое белое платье, широкое в подоле, облегающее в лифе и затянутое в талии. Щедро напудренные волосы были собраны в высокую прическу, напоминавшую улей.

Судья Кендалбуш тотчас увлек ее на середину зала. То и дело Захарий видел свою хозяйку, мелькавшую в толпе танцоров, и, хотя она не подала виду, что заметила его, все время отыскивал ее взглядом. Он бы не отважился пригласить миссис Бернэм на танец, если б не старый лоцман.

— Вы уже отметились в списке ее кавалеров? — спросил Дафти. — Кажется, я не сказал, что существует традиция: молодые моряки приглашают знатных дам на тур вальса. Не стоит пренебрегать своими обязанностями, мой замечательный юный друг.

Возможность исполнить долг выдалась лишь около полуночи; в короткое затишье между танцами Захарий, оказавшись рядом с хозяйкой, отвесил учтивый поклон:

— Вы позволите пригласить вас, миссис Бернэм?

Та нахмурилась, и он приготовился к резкому отказу. Однако миссис Бернэм пожала плечами и в своей обычной надменной манере проговорила:

— Почему бы и нет? В конце концов, это бал-маскарад, где не требуется особая разборчивость.

Оркестр заиграл полонез, размеренным шагом пары двинулись по кругу. Хоть темп был невысок, Захарий подметил, что партнерша его дышит тяжело, а потом еще услышал звук, похожий на скрип трущихся друг о друга костей. До сих пор он старался не пялиться на миссис Бернэм, но теперь, скосив взгляд на ее бюст, который был еще пышнее обычного, понял, что скрип издает слишком сильно затянутый корсет.

Захарий поспешно отвел взгляд и сказал:

— Много народу, правда?

— И не говорите! Так тесно! И ужасная духота! Просто нечем дышать!

Оркестр перешел на вальс, заставив ускорить

темп. После нескольких энергичных оборотов миссис Бернэм так побагровела, что Захарий обеспокоился и уже хотел предложить ей передохнуть, но она сама высвободилась из его объятья и схватилась за грудь:

— Я задыхаюсь, мистер Рейд!

— Позвольте, я провожу вас к креслу.

— Будьте так любезны.

Захарий посмотрел по сторонам, но кресел нигде не было, зато прямо за своей спиной он обнаружил зашторенную нишу и, откинув занавесь, увидел свободную кушетку, освещенную канделябром.

— Извольте сюда, миссис Бернэм.

— Ох, слава богу… — Мадам опустилась на кушетку. — Пожалуйста, задерните драпировку. Я не хочу, чтобы меня видели в таком состоянии.

— Да-да, конечно.

Захарий задернул штору и посмотрел на прерывисто дышавшую хозяйку, на лице которой рдели лихорадочные пятна.

— Может, кого-нибудь позвать? Давайте я приглашу миссис Дафти, она вам поможет.

— Нет-нет, мистер Рейд! Боюсь, не успеем. Пока вы за ней ходите, меня, чего доброго, хватит удар.

— Неужели все так плохо? — всполошился Захарий.

— Нельзя терять ни минуты. Соблаговолите присесть. — Миссис Бернэм похлопала по кушетке рядом с собой.

— Извольте. — Захарий сел, и мадам тотчас повернулась к нему спиной:

— Я буду чрезвычайно признательна, если вы расстегнете верхние пуговицы на платье. Вам откроется край шнуровки, нужно лишь ее распустить.

Захарий сумел побороть нараставшую панику.

— Хорошо, я постараюсь.

К счастью, яркое освещение помогло без особого труда отыскать хитроумно скрытые пуговки. Захарий выпростал их из шелковых петель, ткань разошлась, и взору предстало, как было обещано, нечто вроде шнуровки. Захарий потянул за кожаный хвостик, что-то звучно хрустнуло, и мадам тотчас расслабилась.

— Благодарю вас, мистер Рейд! Вы спасли меня… Я чрезвычайно признательна!

Теперь грудь миссис Бернэм вздымалась и опадала равномерно, и Захарий, вытянув шею, бросил взгляд на драгоценный кулон, висевший точно над кромкой декольте. Кончик его, укра-

шенный сверкающим бриллиантом, указывал в бархатистую тьму ложбины меж грудей. На каждом вдохе сия таинственная впадина как будто увеличивалась в размерах, чем буквально приковывала взгляд, и Захарий непроизвольно придвинулся ближе.

И тут миссис Бернэм, готовая вдохнуть полной грудью, расправила плечи и вдруг взмахнула руками, точно крыльями, причем одна рука ее чиркнула по коленям Захария.

Прикосновение было легким, как перышко, однако мадам испустила придушенный вскрик и мгновенно обернулась, устремив взгляд вниз. Проследив за ним, Захарий пришел в ужас: распахнувшаяся тога явила на свет его подштанники, в промежности вздыбившиеся шатром.

Он поспешно прикрылся, но было поздно. Зажмурившись, миссис Бернэм откинулась на валик кушетки и схватилась за сердце.

— О-о, немыслимо… никогда в жизни… как стереть картину, что видели мои глаза…

От позора Захарий стал даже не красным, а пурпурным и только сумел пролепетать:

— Пожалуйста, простите, миссис Бернэм… мне очень жаль…

— Жаль? Это все, что вы можете сказать?

Во рту пересохло, Захарий охотно лишился бы чувств, но подлый организм в этом ему не помог.

— Понимаете, дело в том, что последнее время я очень нездоров, — промямлил Захарий. В ответ раздалось этакое шипенье, а он все не мог подобрать нужные слова: — Войдите в положение… такое случается… вроде как питомец, сорвавшийся с поводка…

— Вот как? Это, стало быть, ваш питомец?

От стыда Захарий уже плохо соображал.

— Простите. — Он встал и взялся за штору. — Я сожалею, иного сказать нечего, миссис Бернэм. Пожалуй, мне лучше уйти.

Захарий полагал, от него только рады избавиться, но он ошибался. Миссис Бернэм остановила его властным жестом:

— Не вздумайте! Слышать ничего не желаю! Совесть не позволит мне отпустить вас на танцы, мистер Рейд. Если уж дама моего возраста сподобила… вашего питомца… на столь скверное поведение, страшно подумать, что он выкинет от вида хорошеньких барышень. Вообразите, что будет, мистер Рейд, если нежное создание вдруг приметит… вашего питомца? Не удивлюсь, коли девица сомлеет либо с визгом кинется вон! Вы представляете, какой разразится скандал

от известия, что мы приютили вас у себя? Что тут говорить, репутация наша погибнет безвозвратно. — Мадам смолкла, переводя дух. — Нет, мистер Рейд, этого я не допущу, было бы преступно в таком виде выпустить вас в зал. Вы и впрямь нездоровы, вас поразила ужасная болезнь. Еще хорошо, что я не столь впечатлительна, как юная дева. К счастью, в жилах моих течет кровь большого рода отважных солдат. Да будет вам известно, мой дед участвовал в битве при Вандиваше, а отец сражался под Асаи. Я женщина сильная и не уклонюсь от исполнения своего долга. Пока вы под моим надзором, вы безвредны, и моя святая обязанность проследить, чтобы вы благополучно покинули пределы зала. Я лично препровожу вас на баджру. Немедля.

Захарий был сломлен окончательно. Понурившись, точно провинившийся школяр, он пробормотал:

— Хорошо, идемте.

Миссис Бернэм повернулась к нему спиной и жестко скомандовала:

— Будьте любезны застегнуть пуговицы. В смысле, мои.

— Слушаюсь.

— Благодарствуйте. — Мадам встала и, глядя в

сторону, спросила: — Ваше состояние позволяет вам появиться на людях? Питомец ваш надлежаще обуздан?

— Да, мэм.

— Что ж, идемте. Делаем веселые лица и пробираемся к коляске.

Вскинув подбородок, миссис Бернэм отдернула штору и внедрилась в толпу. Не поднимая глаз, Захарий покорно трусил следом. Они покинули зал и прошли к дороге, где стояла хозяйкина коляска.

В экипаже оба расселись друг от друга насколько позволяло сиденье. Лошади взяли резвой рысью, пассажиры молчали, каждый смотрел в свое окошко. Наконец миссис Бернэм тихо, но твердо проговорила:

— Вы сознаете, мистер Рейд, что сами навлекли эту болезнь?

— Я вас не понимаю, мэм.

— Неужели? — Мадам резко повернулась к собеседнику, глаза ее полыхали. — Если вы полагаете свой недуг тайной, вы заблуждаетесь, мистер Рейд. Мир оповещен об этой скверне отважными докторами, один из которых, к вашему сведению, сейчас воюет с ней в Калькутте. Я была на его лекциях и теперь прекрасно, как не мешало бы и

вам, понимаю, что неестественная возбудимость вашего… питомца суть прямое следствие неких гадких… упражнений, названия коих, уж увольте, я не стану оглашать. Достаточно сказать, что они наводят на мысль о крае тьмы и вырождения. Так зачем марать уста, если вы, как я понимаю, далеко не чужак на берегах сего края, верно?

Захарий вдруг разозлился.

— Как вы смеете выдвигать подобные обвинения, мадам? На каком основании? Где свидетельства?

— Свидетельствуют мои собственные глаза, мистер Рейд. Вернее, мой бинокль. В тот день я наблюдала приступ вашего нездорового возбуждения, заставивший вас скинуть одежду и броситься в реку. Не понимаю, с чего вы решили, что облегчите свое состояние скрытно, коль совершали сей акт у всех на глазах.

Ошеломленный Захарий попытался возразить:

— Но я не… вы ошибаетесь, мадам… Заверяю вас, я не делал того, о чем вы говорите.

— А чем же вы занимались?

— Осмелюсь доложить, я просто драил штырь.

— Ха-ха! — Миссис Бернэм саркастически усмехнулась. — Вот, значит, как вы это называете? Еще скажите, что «свежевали хорька». Или,

может, вы «душили гуся»?

— Нет, вы не поняли, это был крепежный штырь.

— И вы его, конечно, смазывали, да? — Мадам рассмеялась. — Не считайте меня несмышленой дурехой, мистер Рейд, это, уж поверьте, не про меня. Я много старше вас, и одурачить меня непросто. Если угодно, мне известно значение таких выражений, как «понежить удава» и «терзать пушку». Знаете, мне даже знакомы варианты вроде «доить бычка» и «чистить дуло». Но это неважно, ибо смысл у них один. Негоже, мистер Рейд, скрываться от истинных причин вашего печального состояния. Вы больны, и первый шаг к излечению — признать себя жертвой недуга. — Она сочувственно похлопала Захария по руке и продолжила уже мягче: — Вам потребна помощь, и я ее окажу. Я понимаю, вы оказались на чужбине, один, без друзей, но знайте: пока я жива, вы всегда найдете во мне опору. Я не побоюсь утратить небольшую долю собственной благопристойности, дабы спасти вас от греха и порока. Моя жертва — ничто по сравнению с подвигом миссионеров, ежедневно рискующих оказаться в котле дикарей. Долгие годы мой муж отдавал все силы спасению заблудших девиц от жизни в

грехе. Будет только правильно, если то же самое я сделаю с вами. Я договорюсь о вашем приватном осмотре специалистом, дабы получить его рекомендации по курсу лечения.

Коляска подъехала к особняку Бернэмов и остановилась там, где от дороги ответвлялась тропка, уводившая к пришвартованному плавучему дворцу.

Захарий соскочил на землю, пробурчал пожелание доброй ночи и поспешно зашагал прочь, но его нагнал оклик миссис Бернэм, высунувшейся в окошко:

— И попомните, мистер Рейд: руки — для молитвы! Будьте сильным. Вместе мы одолеем заполонивший вас мрак, уж в том не сомневайтесь!

Глава 4

Первое путешествие Кесри вниз по Гангу вышло долгим, ибо на пути к военному городку в Барракпоре трехмачтовый пулвар останавливался у каждой пристани. Однако поездку отметили события, еще не изведанные в короткой жизни Кесри и оттого надолго засевшие в память.

Именно тогда он познакомился с Хукам Сингхом, будущим своим зятем и мужем Дити. Они были почти ровесники, но племянник Бхиро Сингха уже пару лет отслужил в полку и сейчас командовал новобранцами, которых вместе с Кесри набралось шесть человек.

Хукам Сингх, рослый здоровяк, любил задирать тех, кто слабее. Но Кесри, не уступавший ему ни сложением, ни силой, не был с ним так почтителен, как другие рекруты. Хукам Сингху, уже привыкшему командовать молодыми, это, разумеется, не нравилось. Он быстро понял, что парня не запугать, и сменил тактику: оскорблял, ехидничал, высмеивал смуглость Кесри и постоянно напоминал, что тот покинул дом без гроша

в кармане и едет на одолженные деньги. Причем не всегда в лицо — Кесри прознал, что втихомолку подвергаются сомнению его происхождение и родословная, а также распускаются слухи, будто родные просто выгнали его из дома.

Первое время Кесри, закусив губу, не отвечал на провокации. Но Хукам Сингх пошел дальше: однажды бросил на палубу грязные ланготу и жилетку и велел Кесри их как следует постирать.

Тому ничего не осталось, как встать в позу — он дернул плечом и отвернулся, чем ужасно разозлил оппонента.

— Не слышал, что ли? Давай принимайся!

— А то — что?

— Доложу хавильдару, моему дяде.

— Валяй.

— Ну смотри…

Хукам Сингх побежал разыскивать дядю, и вскоре новобранцам приказали построиться на баке, где обычно хавильдар проводил свои дни, наслаждаясь свежим ветерком. Сейчас он возлежал на чарпае и покуривал кальян, глядя на медленно проплывавшие берега. Хавильдар поманил к себе Кесри и велел сесть перед ним на корточки, после чего надолго замолчал, сосредоточившись на кальяне. Вскоре у Кесри заломило

затекшие ноги.

— *Э хам ка суна тани?* — наконец промолвил Бхиро Сингх. — Что это мне доносят? Дескать, ты слишком много о себе понимаешь.

Кесри промолчал, но от него и не ждали ответа.

— Конечно, мне следовало учесть, — продолжил хавильдар, — что парень, вопреки воле отца убежавший с чужаками, не что иное, как пиздюк и засранец.

Неожиданно он вскинул руку и ударил Кесри по лицу. Хавильдар был гораздо массивнее и мощнее, и Кесри, в общем-то, еще малец, от оплеухи опрокинулся навзничь. В голове звенело, в нос шибануло запахом крови. Кесри провел ладонью по лицу и увидел кровавый след. Бхиро Сингх ударил его рукой, в которой был зажат мундштук кальяна, разодравший ему щеку. Прежний опыт борцовских схваток к такому не подготовил.

Вновь раздался голос хавильдара:

— Пора тебе усвоить главное правило солдатской службы — подчинение приказу.

Кесри так и лежал на палубе. Приподняв голову, он увидел высившегося над ним Бхиро Сингха. Хавильдар занес ногу и наградил его пинком, от которого он покатился по доскам палубы. Под-

дернув дхоти, Бхиро Сингх шел следом, угощая новыми пинками и стараясь отращенным ногтем большого пальца угодить точно между ягодиц, прикрытых тонкой тканью ланготы.

Потом Кесри отер глаза и медленно встал на четвереньки. Испуганные новобранцы сбились в кучу, переводя взгляды с него на хавильдара, который в одной руке сжимал окровавленный мундштук, а другой, нырнувшей под дхоти, почесывал в паху.

Кесри понял, что экзекуция — своего рода представление, устроенное для всех рекрутов, которые должны осознать: причинить боль и унизить — хавильдару одно удовольствие.

Бхиро Сингх бросил мундштук на палубу:

— Иди-ка отмой с него свою юшку. И запомни: это была лишь первая доза лекарства. Не поможет — усилим лечение.

Врачевание оставило синяки на теле Кесри, однако он одержал маленькую победу, замеченную всеми рекрутами, — приказа на стирку чужого исподнего не последовало, и Хукам Сингх не осмелился напомнить дяде свою исходную жалобу. Кесри сделал вывод, что хавильдар не особо чтит племянника, а тот боится родича, но отчаянно пытается ему подражать — вот на

этой-то вредоносной почве и произрастали его кичливость и злоба.

После того случая отношение молодого начальника к Кесри слегка изменилось, теперь он воздерживался от ядовитых шпилек и, похоже, понял, что рекрут не примирится с положением слуги. Иногда он даже как будто признавал, что Кесри, пожалуй, годен к солдатской службе более остальных новобранцев.

Близился конец путешествия, и рекрутам не терпелось узнать, что за жизнь их ожидает. Особенно их интересовал вопрос *варди*, военной формы. К безмерному огорчению новобранцев, сопровождающие сипаи ехали в цивильном, никто из них ни разу не облачился в военный наряд.

Наконец Хукам Сингх уступил настойчивым просьбам, согласившись показать свою форму, но категорически отказался ради чьей-то прихоти выступать в роли обряженной куклы. Если юнцы так желают показа, пусть кто-нибудь из них станет портняжным манекеном.

Вопреки первоначальному порыву, добровольцев не нашлось. Нужной статью обладал только Кесри, но ввиду натянутых отношений с начальником он тоже не вышел из строя.

В результате Хукам Сингх сам его вызвал и приказал снять дхоти и *джаму*[32]. Кесри разоблачился, и начальник, кивнув на его ланготу, прикрывавшую чресла, сказал, что ее, как и дхоти, и нательную рубаху *унга*, можно носить только вне службы, но никак не с формой. Англичане требовали, чтобы солдаты надевали подштанники до колен, известные как *джанги*. Если на осмотре ты окажешься в ланготе, огребешь неприятности.

— Почему? — удивились рекруты.

— Кто его знает, такая вот блажь.

Затем Хукам Сингх принес свой ранец, к верху которого была приторочена шаровидная медная фляга. По уставу, сказал он, сия посудина должна вмещать ровно один *сир*[33] жидкости и быть укомплектована веревкой, дабы при необходимости черпать воду из колодца. Солдат не расстается с флягой никогда, даже в бою, а потеряет — мало не покажется. Офицеров хлебом не корми, только дай на параде полюбоваться рядами фляг, сверкающих под солнцем. На осмотре снаряжения первым делом проверяют фляги, и если они плохо

---

[32] Примечания: 32

Джама — рубаха типа накидки, которая завязывается сбоку.

[33] Примечания: 33

Сир — мера жидкости, около 1 литра.

вычищены, щедро сыплются штрафные наряды.

В следующую пару минут рекруты завороженно следили за диковинными предметами, появлявшимися из ранца: железной сковородой для приготовления лепешек, шесть на три фута циновкой для ночлега, белой глиной для чистки кожаных ремней и сапог, покрывалом для утепления ночью. К снаряжению с полной выкладкой весом в половину маунда, то бишь почти пятьдесят фунтов, привыкнешь не сразу, сказал Хукам Сингх.

Затем появилась аккуратно сложенная форма.

Рейтузы — их надевали поверх джанги.

Эта деталь одежды озадачила рекрутов. Она смахивала на штаны, только без завязок. Кесри не представлял, как можно влезть в нечто, столь узкое в поясе.

Хукам Сингх показал застежку на боку, но и тогда Кесри с трудом втиснулся в это странное облачение. Еще никогда он не надевал ничего столь облегающего и, оглядев себя, не узнал собственных ног, которые будто стали длиннее и мускулистее.

Рекруты смотрели во все глаза, потом один спросил:

— А как быть, если надо помочиться? Все с себя

снимать?

— Нет. — Хукам Сингх показал, как откинуть передний клапан, застегивающийся на две пуговицы.

Однако приспособление это не выглядело полезным — Кесри безуспешно попытался согнуть ноги в коленях.

— И все равно я не смогу сесть на корточки.

— В рейтузах это не получится, — сказал Хукам Сингх.

— Надо отливать стоя, что ли? — вытаращились рекруты.

— Поначалу это трудно. Ничего, привыкнете.

Из ранца появилась следующая деталь экипировки — манишка с завязками, похожими на те, которыми крепились дхоти. Следом ярко полыхнула алая тужурка.

— Это *курти*, — пояснил Хукам Сингх, помогая Кесри попасть в рукава. — У англичан точно такой же красный мундир, который они прозвали «обдергайкой».

Когда полы тужурки стянули кожаной шнуровкой, Кесри почувствовал, как стало трудно дышать. Опустив взгляд, на груди он увидел три поперечные нашивки и два продольных ряда сияющих пуговиц.

— Они золотые? — спросил Кесри.

— Нет, медные, но все равно дорогие. Потеряешь пуговицу, из жалованья вычтут восемь *ана*.

Восемь ана! Выходит, пуговицы дороже любой одежки из гардероба Кесри. Однако цена их не казалось чрезмерной — будь они даже из чистого золота, вряд ли сияли бы ярче и красивее.

Горловина тужурки застегивалась еще одной шнуровкой, но, прежде чем ее затянуть, Хукам Сингх надел на Кесри шейный платок, яркостью не уступавший жесткому стоячему воротнику с золотистым галуном.

— Платок тоже казенный, офицеры требуют, чтоб мы его носили. Потеряешь — лишишься двухнедельного жалованья.

Застегнутый воротник ощущался ярмом. А с кушаком *камар-бандх*, затянутым на поясе, Кесри и вовсе почувствовал себя курицей, обвязанной для готовки. Он с трудом поворачивал голову, а воротник, подпиравший подбородок, мешал говорить. Да как же воевать-то в этакой упаковке?

Вскинув голову, Хукам Сингх продемонстрировал стойку по команде «смирно».

— В форме ты должен выглядеть браво: взгляд в небо, грудь колесом.

Приосанившись, Кесри покосился на свои пле-

чи, украшенные желтыми крылышками, и вдруг почувствовал себя небывалым орлом-молодцом.

Вот только на голове его красовалась всегдашняя бандана, укрывавшая скрученные жгутом волосы. Хукам Сингх ее сдернул, и волосы рассыпались по плечам.

— Придется остричься. Офицеры не позволят прятать космы под кивером.

Из отдельного мешка он достал обтянутую черной блестящей тканью продолговатую шапку высотою в два фута.

Под ее весом подбородок ушел в воротник, и Кесри чуть не задохнулся. Казалось, голова придавлена грудой камней.

Хукам Сингх рассмеялся, видя растерянность новобранца. Он снял с него кивер и показал медный каркас под тканевой обшивкой:

— Носить тяжело, но в бою скажешь спасибо. Он защитит твою голову.

По очереди примерив кивер, рекруты не проронили ни слова: тяжеленная штуковина наглядно уведомила, насколько их новая жизнь будет отлична от прежней.

Близилась годовщина смерти учительницы английского, и Ширин все больше нервничала из-за условленной встречи с Задигом Карабедьяном.

Оглядываясь назад, она не могла понять, почему так легко согласилась свидеться с ним, не имея ни малейшего представления о его целях.

Прежде ей бы и в голову не пришло встречаться с незнакомым, по сути, человеком, ничего о ней не знающим. Если родные, в том числе дочери, проведают о тайном свидании, не избежать долгих неприятных разговоров. Однако она помнила, как тепло отзывался муж о своем старинном друге, и его появление казалось весточкой, посланной Бахрамом из могилы.

Церковь Богоматери Славы отстояла от дома Мистри недалеко, но пеший визит туда, хоть и в сопровождении слуг, вызвал бы пересуды, и потому Ширин попросила у братьев коляску. В день встречи она себя похвалила за это, ибо с утра небо набрякло тяжелыми тучами.

Дождь полил, едва коляска подъехала к церковным воротам. К счастью, грумы были к тому готовы, и под зонтиком один проводил Ширин до дверей храма. Оставив слугу дожидаться в крытой галерее, она купила свечи и вошла в церковь. Внутри было сумрачно: в непогоду высокие окна закрывали ставнями, и свет исходил лишь от редких мигающих ламп.

Лицо Ширин было скрыто ажурной шалью,

которую она всякий раз надевала, выходя из дома. Сквозь дырочки накидки Ширин разглядела высокую фигуру на скамье в центре храма. Придерживая зубами вуаль, она медленно двинулась по проходу и, поравнявшись с тем человеком, на секунду остановилась, удостоверяясь, что перед ней Задиг-бей. Чтобы и он ее узнал, Ширин отвесила легкий поклон и показала на дальний угол за колонной. Задиг кивнул, и она прошла к алтарю.

У нее дрожали руки, но она, приказав себе успокоиться, зажгла и поставила свечи. Затем медленно двинулась туда, где в тени угадывались контуры рослой фигуры. Усевшись на почтительном расстоянии от нее, сквозь накидку Ширин прошептала:

— Здравствуйте, господин Карабедьян.

— Доброго утра, биби-джи.

Барабанивший по крыше дождь был очень кстати — мешал подслушать их разговор.

— Говорите, Задиг-бей, времени мало, — все так же шепотом сказала Ширин. — На улице меня ждет коляска. Если нас с вами застанут, разразится скандал. Зачем вы хотели меня видеть?

— Да-да… сейчас… — как-то неуверенно откликнулся Задиг, но потом и вовсе смолк. Пришлось

снова его подтолкнуть:

— Ну? В чем дело?

— Простите, биби-джи, — промямлил он. — Трудно говорить об очень личном, особенно когда…

— Что?

— Когда не знаешь, с кем говоришь.

— То есть? — удивилась Ширин. — Я вас не понимаю.

— Я видел ваш портрет в кантонской квартире Бахрам-бхая, но вряд ли узнал бы вас, если б встретил на улице. Есть вещи, о которых нелегко говорить с тем, кому никогда не смотрел в глаза.

Ширин почувствовала, как кровь бросилась в лицо. Завозившись с накидкой, она живо вспомнила иное время, когда открыла свое лицо незнакомцу. Это было в день ее свадьбы: она сидела во главе стола и была охвачена таким смущением, что не могла поднять головы, как будто придавленной безмерным грузом. Как ни старалась, не было сил взглянуть на мужчину, с которым предстояло провести всю жизнь. В конце концов за дело взялась мать и запрокинула ей голову. Много лет спустя то же самое Ширин проделала со своими дочерьми. И сейчас она вновь ощутила себя девушкой, впервые открывающей

лицо перед мужчиной.

В этом чувстве было что-то непристойное, и она поспешила его изгнать. Ширин подняла накидку и увидела, как удивленно округлились глаза Задига. Потом она отвернулась, а собеседник ее изумленно воскликнул:

— *Йа салам!*

— В чем дело, Задиг-бей?

— Простите, пожалуйста, я не ожидал…

— Чего?

— Что вы так молодо выглядите…

Ширин напряглась.

— И что?

Задиг кашлянул в кулак.

— Портрет, что я видел у Бахрам-бхая, не передает вашей красоты.

Ширин взглянула испуганно и опустила накидку.

— Не надо, Задиг-бей.

— Виноват. *Мааф киджие*, прошу прощенья.

— Ничего. Однако поспешите объяснить, почему вы просили о встрече с глазу на глаз.

— Да-да, конечно. — Словно в нерешительности, Задиг сложил руки на коленях и откашлялся. — Не знаю, правильно ли я поступаю… такое поведать нелегко…

— Не тяните!

— Помните, давеча вы сказали, что Бахрам-бхай не оставил сына, который занял бы его место?

— Да, помню.

— Я подумал, вам следует кое-что узнать, и потому попросил о встрече.

— Говорите.

Задиг звучно сглотнул, от чего скакнул кадык на его тощей морщинистой шее.

— Видите ли, биби-джи, дело в том, у Бахрам-бхая *есть* сын.

Слова эти не вызвали отклика — Ширин подумала, что ослышалась из-за громко барабанившего дождя.

— Простите, я не разобрала, что вы сказали.

Задиг поерзал на скамье.

— Это правда, биби-джи. Бахрам-бхай породил мальчика.

Ширин помотала головой и, путаясь в словах, затараторила:

— Да нет, вы не в курсе… это просто невозможно, уж поверьте… мы были у лекаря, который в том разбирается… он прославленный знахарь… и сказал, что только после длительного лечения муж сможет зачать сына… — Она осеклась и смолкла.

— Простите, биби-джи, но я бы промолчал, если бы не знал наверняка, — очень мягко сказал Задиг. — Сын Бахрам-бхая уже юноша. За эти годы он многое пережил. И это одна из причин, почему я решил вас известить.

— Это неправда! Этого не может быть!

Ширин просунула руки под накидку и зажала уши. Казалось, осквернен не только ее слух, но вся она замарана своим согласием встретиться с человеком, который, не колеблясь, произносит непристойности в Господнем доме. Ширин испугалась, что от соседства с ним ее стошнит. Она с трудом поднялась и, совладав с голосом, проговорила:

— Я сожалею о нашей встрече. Вы лжец, грязный, позорный лжец. Вам должно быть стыдно за вашу клевету на того, кто считал вас другом.

Задиг ничего не ответил — понурившись, он замер на скамье. Ширин шагнула к проходу, и тогда ее нагнал его шепот:

— Не верите мне, спросите Вико. Он все знает. И расскажет вам.

— Нам больше не о чем говорить, — отрезала Ширин. Она вдруг подумала, что этот человек может увязаться за ней, их увидят грумы, и тогда родным станет известно о тайной встрече. — Если

в вас осталась хоть капля чести, вы не тронетесь с места, пока я не уеду.

— Хорошо, биби-джи.

Ширин облегченно вздохнула и центральным нефом поспешила к выходу.

30 сентября 1839
Хонам

Уже приняв предложение Чжун Лоу-сы, я задумался о бытовых вопросах: где жить и чем питаться? Чрезвычайно нудная служба у мистера Кулиджа хотя бы обеспечивала кровом и столом. А что теперь?

Я решил переговорить с Аша-диди, хозяйкой единственной в Кантоне индийской харчевни. Эта женщина, которую здесь называют А-Цзе, может справиться с любой проблемой. Выходец из калькуттской китайской общины, в Кантоне она имеет многочисленные знакомства, ибо отсюда родом ее семья. Муж ее Бабурао (я пытался взять в обычай называть супругов их китайскими именами, но безуспешно, поскольку со мной они говорят на бенгали) тоже располагает обширными связями среди лодочного люда. Уж они-то, подумал я, знают, где можно снять комнату. И я не ошибся: стоило обмолвиться о моем

затруднении, как Аша-диди сказала, что свободная комната имеется в доме-лодке, где обитают они с Бабурао, а также их дети и внуки. Лодка причалена на другом берегу реки возле острова Хонам. Аша-диди предупредила, что жилье, использовавшееся как чулан, потребует уборки. Ничего страшного, ответил я.

Но оказалось, что комната служила кладовкой и птичником одновременно. Я был абсолютно не готов к бурану из перьев и куриного помета, взметнувшемуся, едва открыли дверь. Когда пурга эта улеглась, я разглядел кур, унасестившихся на веслах, штабелях досок и реек, на румпелях, коромыслах и свернутых в бухты канатах. «Как же тут жить? — подумал я. — Нет даже кровати».

Увидев мое лицо, Аша-диди рассмеялась.

— *Бхой пейо на*, не тревожьтесь, — сказала она. Всякий раз меня охватывает удивление, когда эта худенькая, подвижная женщина, в повадках и одежде неотличимая от прочих кантонских лодочниц, обращается ко мне на бенгали, да еще с калькуттским выговором. Хотя чему тут удивляться, если в Калькутте она жила через несколько улиц от меня.

Но кое в чем Аша-диди истинная китаянка — зря не тратит времени и слов: показав мне ком-

нату, тотчас отдала распоряжения по ее уборке и меблировке. Птичница, спутав курам лапы, унесла их прочь, словно связки квохчущих кокосов. Затем с полдюжины сыновей, внуков и невесток хозяйки отдраили пол от перьев и помета. Следом появилась мебель: стулья, табуретки и даже чарпая, проделавшая долгий путь из Калькутты в Кантон.

Покончив с обстановкой, Аша-диди прошла к двери в конце комнаты, которая вела, как оказалось, в небольшую пристройку.

— Тут маленькая *баранда*. Идите, гляньте.

На «веранду», заваленную подгнившим брусом и канатами, я вышел опасливо, готовый к неприятному сюрпризу в виде гусей или уток. Но меня накрыло, точно приливной волной, восторгом от возникшей панорамы города.

День стоял ясный, и видно было до самого холма Ву, высившегося над Гуанчжоу, я смог разглядеть даже огромное сооружение на его вершине — Чжэнхай Лоу, башню Умиротворение моря. На переднем плане противоположного берега я увидел иноземный анклав, водное пространство перед которым было запружено судами всевозможных форм и размеров: над лодками лавочников и извозчиков высились торговые

джонки из Шаньтоу, туда-сюда шныряли обтекаемые *кораклы* (вот в таком я ежедневно пересекаю реку, оплачивая проезд мелкой монеткой).

О чем еще мечтать — выйди на веранду и любуйся нескончаемой суетой!

Когда на город опускается вечер, река озаряется огнями. Сияя фонарями, мимо моей веранды проплывают знаменитые «цветочные лодки», оставляя искристый след из мелодий и смеха. На некоторых лодках павильоны без боковых стенок, и ты видишь женщин, услаждающих клиентов музыкой и пением. Наблюдая за ними, я понял смысл фразы «В Кантон юноши приезжают себе на погибель».

Расположение моего жилища просто превосходно: лодка причалена к острову Хонам, где несравнимо тише, нежели на густо застроенном северном берегу с раскинувшимся на нем Гуанчжоу. Контраст поразительный: там невиданная теснота и скученность зданий, а здесь леса да поля, деревушки, монастыри и большие поместья. Вокруг тишина и покой, но до печатни Комптона добраться легко.

Сама лодка-дом — неизменный источник развлечений. Порой ко мне заглядывают сыновья Аша-диди, и разговор наш частенько идет о Каль-

кутте. Когда семья вернулась в Китай, они были совсем маленькие, но все же сохранили кое-какие воспоминания о городе. Интересно, что все знают хоть несколько слов на бенгали и хиндустани и любят пан-масалу. Малыши, внуки Бабурао и Аша-диди, тоже расспрашивают о Калькутте и Бенгалии. Крепость их связи с Индией удивительна, и причина, я думаю, в том, что прадед и прабабка малышей похоронены на китайском кладбище на берегу Хугли. Наверное, так и возникают узы, хотя это трудно понять человеку вроде меня, прах предков которого всегда развеивали над Гангом.

Старшая дочь, которую все зовут А-Маа, дольше других детей Аша-диди прожила в Калькутте. Она года на два старше меня и никогда не была замужем. Очень худа и не по возрасту морщинистa. Подобно всем *айбуро*, незамужним тетушкам, она присматривает за детьми и берет на себя хлопоты по ведению хозяйства. Ни секунды не сидит на месте, однако всегда окутана этакой легкой грустью. Из всего семейства она одна как будто была недовольна моим появлением. Со мной не разговаривает и даже не смотрит на меня, но прячет лицо, как поступают бенгальские женщины при чужом человеке. Мне это кажется

странным, поскольку представительницы здешней лодочной общины не соблюдают пурду, не бинтуют ноги и не придерживаются ограничений, распространенных среди китаянок. И потом, А-Маа не выказывает стыдливости перед другими посторонними.

У меня такое ощущение, что моя персона разбередила в ней какую-то старую рану. Однако ей не удается, по примеру вековух, видеть во мне пустое место. Иногда принесет и молча сунет какое-нибудь блюдо с кухни Аша-диди. Я догадывался, что чем-то ее растревожил, но только не понимал чем.

И вот два дня назад она сбивчиво заговорила со мной на бенгали, словно выковыривая камушки из тины своей памяти. Ее «калькуттское имя», сказала она, Митху. И затем поведала свою историю: девушкой влюбилась в соседского парня-индуса, но обе семьи были против их союза. Ее родители прочили ей в мужья кого-то из местной китайской общины, но она, упрямица, отказала кандидату.

Шли годы, и потом уже стало поздно думать о замужестве.

В ночь перед прибытием на место новобранцы долго не могли уснуть. Теперь все они, подрост-

ки-одногодки, раньше никогда не покидавшие родительский кров, крепко сдружились.

Некоторые ребята из глухих деревенек повидали в жизни еще меньше Кесри. Самый неотесанный, нескладный паренек по имени Ситул в компании рекрутов считался шутом.

В ту ночь говорили о том, что их ждет и каково служить под началом английских офицеров. Больше других это беспокоило Ситула. Надысь, сказал он, один его родич наведался в город, где много англов, и, вернувшись, поделился таким секретом, что вслух не произнесть.

— Да что за секрет-то?

— Слово, что никому не скажете?

Получив клятву, Ситул поведал об открытии родича: женщины белых саибов — феи, у каждой имеется пара крыльев.

Слушатели недоверчиво фыркнули, и тогда рассказчик привел доказательство, которое его родич видел собственными глазами. Саиб с дамой ехали в экипаже; мало того, что дама была во всем белом под цвет волшебных крыльев, так еще у всех на глазах саиб обнимал ее за плечи, чтоб не улетела. Никаких сомнений, это была *пари*, фея.

Над деревенской доверчивостью Ситула посмеялись, но вообще-то все побаивались пред-

стоящей встречи с белыми саибами, о которых в деревнях чего только не говорили.

Однако по прибытии в Барракпор это опасение поблекло перед необычностью всего остального. Судно еще даже не причалило, когда взору открылось невиданное здание — дворец с окнами на реку, с павлинами на крыше и огромным палисадником, полным удивительно ярких цветов.

Оторопь новобранцев позабавила Хукам Сингха. По выходным, сказал он, здесь отдыхает английский генерал-губернатор, но это просто домишко по сравнению с его чертогом в Калькутте.

Высадившись на берег, рекруты терялись, куда смотреть, ибо все было внове. Минуя высокий забор, они услышали звуки, от которых стыла кровь, — рев тигров, рык львов и леопардов. В деревнях такое слышалось лишь в отдалении, а здесь готовые напасть хищники были совсем рядом. Рекруты не кинулись наутек только потому, что не знали, в какую сторону бежать.

Хукам Сингх обозвал их набитыми дураками, посмеявшись над их испугом перед домашним зверинцем, где все твари сидят в клетках.

Следующей новинкой, от которой захватило дух, стал военный городок. Куда ни глянь, повсю-

ду будки, шатры, невысокие дощатые постройки, а посредине большой плац, на котором марширует уйма солдат. И везде белые саибы в форме удивительных оттенков — муштруют сипаев или просто слоняются без дела. Однако самая-то невидаль, заставлявшая изумленно разинуть рот, — отсутствие у саибов бороды и усов, у всех лица гладкие, безволосые, точно у мальчиков или женщин.

Наконец добрались до пустой палатки, где новобранцам приказали ждать.

И вот тогда Ситул куда-то сгинул. Рекруты, оживленно обсуждавшие увиденное, сперва даже не заметили его исчезновения, но потом их внимание привлекли визг и вопли, доносившиеся снаружи. Выскочив из палатки, они увидели своего товарища, которого караульный волоком водворял на место.

Оказалось, у Ситула прихватило живот и он надумал облегчиться. Не знакомый с местностью, он, по деревенской привычке, цапнул флягу с водой и стал высматривать укромный уголок. Углядев подходящий проем в зарослях кустов, он, зорко озираясь, нет ли прохожих, вздернул дхоти, присел на корточки и, тужась, пустил ветры.

К несчастью, эти заросли были живой изго-

родью, окаймлявшей сад полковника. Что еще хуже, своим действом Ситул нарушил пикник полковых дам.

Вину за инцидент возложили на Хукам Сингха, не удосужившегося показать рекрутам нужник. Позже он от души взыщет с Ситула за его промах, а сейчас, исполняя приказ караульного, всю группу повел прямиком в *пакхану*, от вида которой новобранцы засомневались, что когда-нибудь захотят справить нужду.

Над длинными канавами высились помосты с дырами, где на корточках сидели рядком солдаты, точно вороны на веревке. Одуряющая вонь и ритмичные шлепки, доносившиеся из канав, неустанно напоминали о том, что грозит седоку, потерявшему равновесие.

Дома новобранцы нередко испражнялись на свежем воздухе, подставив лица ветерку, и, бывало, на такие посиделки отправлялись вдвоем или втроем, чтобы в случае чего защитить друг друга, но всегда находили какой-нибудь кустик, обеспечивающий уединение.

Рекруты поежились, представив себя в этакой шеренге, но через день-другой обвыклись и быстро усвоили неписаные правила: в утреннем аншлаге определенные места зарезервированы

за старшими чинами, а молодежь допускается последней.

На третий день карантина новобранцев навестил сам Бхиро Сингх. Ребята впервые увидели хавильдара в военной форме; кивер делал его выше ростом, эполеты — плечистее, и вообще теперь он казался вдвое крупнее.

Бхиро Сингх отвел их к строению, похожему на контору, и, велев ожидать на веранде, скрылся внутри. Вскоре он вышел и взбеленился, увидев, что новобранцы уселись в теньке. Хавильдар устроил им взбучку, посулив порку, если подобное повторится, — сипай никогда не сядет, не получив на то приказа.

Перепуганные парни вскочили на ноги и замерли по стойке смирно.

Через минуту появился английский офицер с длинной палкой в руке. Ребята еще больше струхнули, решив, что грядет наказание за их провинность. Но палка оказалась мерной рейкой — офицер прошел вдоль строя, удостоверяясь, что все рекруты ростом выше метки.

Кесри не мог оторвать взгляда от гладкого безбородого лица англичанина. Сам-то он холил свои усы, едва они начали пробиваться, и ему казалось невероятным, что кто-то добровольно

откажется от такого достояния. Когда настала его очередь пройти измерение, он, вглядевшись, понял, что английская безволосость — отнюдь не природный изъян, но осознанный выбор: щетина на щеках офицера отчетливо свидетельствовала о регулярном бритье.

Покончив с измерением, англичанин сел за стол и, взяв перо, стал писать. Как и другие новобранцы, Кесри был грамотен — умел читать и писал на нагари[34], только медленно и неуверенно. Офицерское же перо так летало, что глаз не успевал за ним следить.

Потом англичанин передал бумагу Бхиро Сингху, и тот повел новобранцев к другому зданию. Кесри, оказавшегося во главе строя, вызвали первым — хавильдар знаком приказал ему следовать за ним, а другим оставаться на месте. Они вошли в комнату, где едко пахло лекарствами. Едва Кесри перешагнул порог, как хавильдар отступил в коридор и затворил дверь, оставив своего подопечного наедине с лекарем-англичанином и двумя женщинами во всем белом.

Лекарь заговорил на хиндустани, приказав новобранцу раздеться — снять не только джаму,

---

[34] Примечания: 34
Нагари — разновидность индийской письменности.

но и дхоти с ланготой.

Поначалу Кесри решил, что ослышался. Он не мог и представить, что кому-то взбредет в голову просить его раздеться догола перед посторонними, двое из которых — женщины! Однако лекарь повторил приказ громче и требовательнее, а одна женщина еще и прикрикнула: мол, пошевеливайся.

Кесри вдруг вспомнил остережение отца: кто свяжется с этакой армией, потеряет дхарму. Теперь он осознал истинность этих слов, и его затопило раскаянием, что ослушался родителя.

Мысль об отце промелькнула молнией, а меж тем лекарь шагнул вперед, как будто намереваясь сорвать одежду с неслуха. Решение созрело мгновенно. Кесри метнулся к выходу, распахнул дверь и, проскочив мимо хавильдара с рекрутами, устремился к лагерному базару.

Если затеряюсь в толпе, думал он, удастся сбежать. А там будь что будет! Если что — вернусь домой.

Так быстро он еще не бегал. За спиной слышался голос Бхиро Сингха, но куда там хавильдару его догнать!

Кесри почти достиг цели, когда перед ним возник Хукам Сингх с двумя сипаями. Беглец

заметил их слишком поздно, его схватили и пригвоздили к земле. В ушах гудела кровь, однако он расслышал тяжелую поступь хавильдара.

— *Харамзада! Бахенчод!* — Бхиро Сингх, отдуваясь, сыпал бранью. — Вздумал смыться, ублюдок? Не я ли тебя, мерзавца, ссудил деньгами, да еще целый месяц кормил? А ты, пиздюк, решил, что меня можно обокрасть и дать деру?

Одна ручища хавильдара схватила Кесри за шкирку и вздернула на ноги, а другая сорвала с него дхоти и ланготу.

Собралась толпа. Бхиро Сингх крепко держал извивавшуюся голую жертву, поворачивая ее то задом, то передом к зевакам.

— Вот, гляньте, чего этот недоносок удумал скрыть! — Он швырнул Кесри на землю, ударил ногой и харкнул на него. — Ты же ничем не лучше сбежавшей дворняги. И не мечтай, что сможешь меня облапошить, как своего отца. Помощь не придет, и податься тебе некуда. Запомни накрепко: здесь твоя тюрьма, а я твой стражник.

Перед Кесри, прикрывшимся сорванной одеждой, забрезжила горькая истина этих слов: помощи ждать неоткуда, он стал изгоем и узником. Лишь теперь он осознал, что, сбежав из дома, распрощался не только с семьей и родиной, но и

с собою прежним, у кого были четкие понятия о достоинстве, самоуважении и морали.

Важность этого открытия ничуть не померкла, когда он узнал, что и других новобранцев унтер-офицеры унижают так же, а то и хуже. Кесри сделал вывод: всякий солдат воюет на два фронта — против внешних и внутренних врагов. С первыми сражается ружьем, саблей и мускульной силой, а со вторыми — хитростью, терпением и обманом.

Последующие месяцы муштры прошли как в тумане, из которого проглядывали вехи побоев, угроз и недосыпа. Много раз представлялась возможность сбежать, но Кесри хорошо усвоил, что идти ему некуда и просить о помощи некого. Наконец настал день, когда на плацу были зачитаны первые четыре пункта воинского устава касательно дезертирства, и перед полковым знаменем новобранцы приняли присягу. Отныне жизнь их стала чуточку легче, ибо теперь они считались полноценными солдатами, хотя впереди их ждал еще месяц испытательного срока без жалованья и довольствия.

Именно в то время безденежья, когда новоиспеченные сипаи перебивались на две аны в день, в память о перенесенном унижении Кесри

получил еще один урок, уже гораздо слаще, — он узнал, что в руинах поражения можно отыскать нежданную награду.

Однажды он проходил мимо лагерных «красных бараков» и его окликнул женский голос:

— Эй! Эй ты!

Голос исходил из ветхого строения, известного как *лал котха*, «красный дом». Кесри подошел ближе, и верхнее приоткрытое окно распахнулось чуть шире, явив размалеванную девицу. Она улыбнулась и поманила — мол, заходи.

Узкой лестницей Кесри взошел наверх и увидел, что девушка ждет его на площадке.

— Как тебя зовут?

— Кесри Сингх. А тебя?

— Гулаби. Это ты тогда пытался сбежать от хавильдара Бхиро Сингха?

Кесри вспыхнул и огрызнулся:

— Тебе-то что?

— Ничего.

Девушка опять улыбнулась и провела его в комнату, где в углу стояла чарпая.

Кесри охватила паника: самоконтроль, выработанный им за годы тренировок, вдруг подвергся нападению доселе не изведанного безудержного желания. Нарушение спортивных установок

обойдется недешево, увещевал внутренний голос, за удовольствие когда-нибудь взыщут высокую плату.

Кесри прижался спиной к двери и пробормотал:

— У меня, понимаешь, денег нет.

Он еще надеялся, что теперь его прогонят, но девушка усмехнулась и легла на чарпаю.

— Неважно, заплатишь как-нибудь потом, — сказала она. — Нам с тобой деваться некуда, мы оба *фауж-ке-гхулам*, армейские невольники.

Колечко в носу хорошо сочеталось с нежным овалом ее лица. Ярко-алые и очень пухлые губы создавали впечатление, будто хозяйка их на что-то дуется.

— Чего ты стоишь? — Девушка подошла к Кесри и отстегнула клапан его рейтуз, а затем распустила вязки джанги.

Совсем молоденькая, она, похоже, знала устройство форменных застежек не хуже самого Кесри, который так и застыл со спущенными до колен подштанниками.

Решив, видимо, что дальнейшего раздевания не требуется, девушка вернулась на кровать, чем еще больше смутила Кесри, скрещенными руками прикрывшего промежность.

Гулаби нахмурилась, словно не понимая, почему гость замер возле двери. Приподнявшись, она ухватила его за руку и потянула к себе. Рейтузы и джанги уже сползли к лодыжкам, и потому Кесри засеменил, но все равно запнулся и рухнул на ложе.

На лице девушки появилась недоуменная улыбка, словно она не могла поверить, что на свете еще существуют мужчины, не ведающие, как поступать в таких случаях. Потом она посерьезнела и помогла Кесри выпутать ноги.

— *Пахли баар*, первый раз, что ли? — спросила Гулаби.

Кесри хотел соврать, но понял: его вовсе не пытаются унизить, просто девушка не подозревала, что бывают сипаи, совершенно не разбирающиеся в постельных делах.

Гулаби ему помогла, направив его руку в складки своей *гхарары*, однако вскоре рука заблудилась — Кесри даже не представлял, что на один наряд уходит столько ткани[35]. В мечтах добраться до цели всегда было легко.

---

[35] Примечания: 35

Гхарара — традиционное одеяние, которое состоит из курты (блузы), дупатты (накидки) и шараров (штанов, сильно расклешенных от колена или бедра и украшенных вышивкой. На пошив одной пары уходит около 12 метров шелковой парчи, атласа или жоржета).

Но и когда рука наконец-то отыскала верную дорогу, все оказалось совершенно неожиданным: манкие места, прежде виденные мельком, когда женщины купались или облегчались в поле, теперь, собранные воедино в одном существе, производили совсем иное впечатление.

А потом вдруг оба осознали: уже никогда им не изведать вновь столь всепоглощающего изумленного восторга — даже на многоопытную Гулаби так подействовал исследовательский пыл первопроходца, что она по-новому взглянула на свое тело и ошеломленно поняла, что лежит нагая, чего, как потом призналась, никогда не бывало с другими мужчинами; узнай об этом ее товарки, они бы ее осудили, однако нынче все запреты были отброшены, и это сближало, ибо теперь каждый знал секрет другого.

В последующие дни Кесри думал о ней беспрестанно. Он так часто виделся с Гулаби, что вскоре исчерпал кредит на посещение «красного дома». И не отрицал очевидного, когда над ним подсмеивались приятели: «*Пьяаар ме паагил хо гайилба?* Ты обезумел от любви?»

Он долго терзался тем, что Гулаби принимает других мужчин, но постепенно привык и даже находил в этом некое мрачное удовольствие,

ибо прочих клиентов обжуливали, не давая им и крохи того, что получал он.

Лишь много спустя Гулаби поведала, почему в тот день окликнула его из окошка.

— В тот раз, когда Бхиро Сингх сорвал с тебя одежду, ты был не единственным, кого он избил.

— А кого еще?

— Покончив с тобой, он пришел сюда, справил свое дело и побил меня.

— За что?

Гулаби горько усмехнулась:

— *Кья пата?* Откуда я знаю? Он так поступал и с другими девушками. Похоже, его это заводит.

Сообразив, о чем речь, Кесри гадливо поежился.

— Обещаю, в день, когда Бхиро Сингх сдохнет, я всех угощу сластями. Если только сам не прикончу его раньше.

— Смотри про меня не забудь, — рассмеялась Гулаби. — Прям не терпится отведать тех сластей.

От миссис Бернэм не было никаких вестей, и этакий мертвый штиль наводил на мысль, что обещание устроить приватную встречу со специалистом забыто. Захарий уже почти свыкся с тем, что осмотра не будет, но тут явился слуга со свертком, в котором поверх толстой книги лежал

конверт.

10 октября 1839

Дорогой мистер Рейд,

Приношу Вам свои искренние извинения за долгое молчание. Мы тут все обеспокоены последними весьма тревожными новостями из Китая. Только, пожалуйста, не вообразите, что я позволила мирским заботам отвлечь меня от данного Вам обещания. Нет, нет и нет. Я постоянно думаю о Вас и Вашем нездоровье, и мысли эти меня, можно сказать, преследуют.

Надеюсь, Вы помните, что я упомянула врача, глубоко изучившего Ваш недуг. Его зовут доктор Олгуд, он приехал из Англии, чтобы понаблюдать душевнобольных, пребывающих в психиатрических лечебницах для туземцев и европейцев (сумасшествие — основной симптом Вашей болезни на ее поздней стадии). Доктор Олгуд — мировое светило, посвятившее себя искоренению Вашего недуга. Благодаря его подвижничеству жители города оповещены о расползающейся эпидемии.

Так вышло, что я участвовала в организации лекций доктора Олгуда, и мы близко познакомились. Желая почерпнуть от его мудрости, я

просила доктора о беседе, но он чрезвычайно занят своими исследованиями, однако, несмотря на многочисленные заботы, был так любезен, что давеча уделил мне толику времени, и вот я берусь за перо, чтобы передать его рекомендации.

Полагаю, Вам будет небезынтересно узнать, что современная медицина, отдающая бездну внимания Вашему расстройству, считает его одной из главных причин человеческого упадка. Экономический и физический урон от недуга достиг такого размаха, что страна, победившая болезнь первой, займет положение главной мировой державы. Вообразите, как востребовано лекарство от сей напасти, однако, вопреки усилиям массы врачей и ученых, дело почти не продвинулось. Доктор Олгуд уверяет, что лекарственное средство — скорее всего, вакцина — вскоре будет найдено, но пока его не существует. Можете представить мое огорчение, ибо я надеялась получить рецепт на какое-нибудь успокаивающее питье, пилюли либо компрессы, которые помогут одолеть Ваши припадки, но оказалось, что сейчас основная надежда возлагается на просвещение пациентов, дабы они в полной мере осознали ужасные последствия своей болезни.

Коль уж прописан такой курс лечения, я поста-

раюсь подобрать для Вас необходимые книги и прочие пособия. Посылаю первый том из тех, что Вам предстоит изучить. Закладками помечены главы, требующие Вашего особого внимания, и я настоятельно советую их заучить наизусть. В период обучения, сказал доктор, крайне необходимы экзамены и контрольные уроки, дабы удостовериться, что пациент хорошо усвоил учебный материал. Ради этого я постараюсь устроить нашу приватную встречу для проверки Ваших знаний.

Завершу свое послание горячей просьбой не терять надежды: да, Вас ожидает длинная и трудная дорога, но есть все основания полагать, что стойкость, вера и решимость помогут Вам преуспеть на пути к исцелению. И знайте, что Вы не одиноки, я сделаю все, что в моих силах, чтобы ускорить Ваше продвижение по этой тропе.

Ваша

К. Бернэм

P. S. Дабы сохранить конфиденциальность нашего сотрудничества, лучше уничтожить это письмо по прочтении.

Книга в авторстве некоего Антельма Бальтазара

Ришерана[36], профессора медицины Парижского университета, называлась «Элементы физиологии». Это был увесистый том, но, к счастью, главы, помеченные к изучению, оказались невелики.

Первая из них подробно исследовала случай пятнадцатилетнего французского пастушка, который…

…так пристрастился к онанизму, что предавался сему занятию по семь-восемь раз на дню. В итоге семяизвержение стало затрудненным, и результатом часового усилия были всего две-три капельки крови. В двадцать шесть лет пастушья рука уже не справлялась с поставленной задачей и лишь удерживала пенис в состоянии продолжительного подъема. И тогда пастух, одиноко пестовавший стадо на горных пастбищах, надумал щекотать уретру лучинкой шестидюймовой длины. После шестнадцати лет подобного щекотанья мочевой канал огрубел и потерял чувствительность…

Захария прострелило ужасом, когда он ознакомился с жутким финалом злосчастного пастуха, многострадальный член которого развалился на

---

[36] Примечания: 36
Антельм Ришеран (1799–1840) — французский хирург и физиолог.

две продольные половинки, точно пережаренная сосиска. Несмотря на усилия врачей нарбонского госпиталя, пастух вскоре умер.

Едва Захарий оправился от ночных кошмаров, порожденных этой историей, как прибыли следующий сверток и письмо.

14 октября 1839

Дорогой мистер Рейд,

Только что я, растроганная донельзя, вернулась с лекции доктора Олгуда, посвященной заболеванию, жертвой которого пали Вы. В одолении сего недуга, сказал доктор, сокрыта разница между первобытным и современным человеком. С сим согласно большинство нынешних философов, поведал он и обширно процитировал некоего господина Канта, который считается самым просвещенным мыслителем нашего времени. Я сочла необходимым для Вашего образования привести одну выдержку: «Физические последствия неизмеримо разрушительны, но еще печальнее потери нравственные. Преступление границ естества разжигает безудержную страсть, никогда не получающую истинного утоления».

Доктор Олгуд любезно одолжил мне книгу

Сильвестра Грэма[37] «Наставление молодежи в целомудрии». Посылаю ее Вам. Как же нам повезло, что сия книга, изданная в Америке лишь недавно, но уже распроданная тысячным тиражом, стала для нас доступна. Если и существует средство от упомянутой болезни, сказал доктор, то оно в этой книге. Я настоятельно прошу Вас ближайшие два дня провести за изучением и впитыванием сего материала. Я полагаю, первую проверку Ваших знаний следует устроить, пока все свежо в памяти, и потому назначаю нашу встречу на послезавтра.

Не скрою, я пребывала в некоторой растерянности, ибо подобный разговор требует уединенности, которую нелегко заполучить в доме, полном слуг. Но в конце концов я, кажется, изыскала прекрасный способ разрешить сие затруднение: уведомила дворецкого, что для починки сломанных полок в комнате для рукоделия придет молотчик.

Нынче вторник, и я предлагаю Вам явиться к парадной двери нашего дома в одиннадцать утра четверга. Служанка проводит Вас в комнату для рукоделия. Не забудьте свои инструменты,

---

[37] Примечания: 37

Сильвестр Грэм (1794–1851) — американский проповедник и диетолог-реформатор, известный как «отец вегетарианства».

а также одолженные доктором Олгудом книги — за ними целая очередь, ибо настолько велика озабоченность эпидемией.

Ваша

К. Бернэм

P. S. Посылаю Вам бисквиты, испеченные по рецепту автора «Наставления в целомудрии». Говорят, в Америке они известны под названием «крекеры Грэма» и широко используются как противоядие от Вашей болезни.

P. P. S. Излишне напоминать, что письмо следует уничтожить тотчас.

Глава 5

Очень скоро Кесри понял, что полк — вотчина Бхиро Сингха и его клана. За декоративным армейским фасадом скрывалась иная властная структура со своей иерархией и подданными. Английские офицеры не только мирились с таким положением дел, но даже его поощряли, поскольку сия группа обеспечивала новыми рекрутами вкупе с информацией о солдатах.

Кесри, не входившему в упомянутый клан, пришлось искать иные пути ознакомления с полковым закулисьем, и он обратился к богатому, но весьма необычному кладезю знаний — нищему аскету, повсюду следовавшему за воинской частью.

С головы до ног обсыпанный пеплом, Паглабаба был худ и долговяз, его огромные корявые конечности напоминали обожженный на огне бамбук, а собранные в толстый узел космы смотрелись тюрбаном. На марше он, закинув за спину свои пожитки — скатанную циновку, три обточенные по краям тарелки и медную флягу, ничем не отличавшуюся от солдатской, — шел в хвосте

колонны. Иногда, по требованию английских офицеров, аскет обматывал чресла тряпицей, но, дождавшись ухода командиров, тотчас вздергивал ткань, и она уже ничего не прикрывала. «Мое одеяние — пепел», — говаривал он, щедро присыпая свое хозяйство золой.

Англичане его терпеть не могли, но не только потому, что он злорадно заставлял их краснеть, выставляя напоказ внушительное мужское достоинство, их злило и обескураживало его влияние на солдат. Для отправления религиозных нужд, неустанно твердили командиры, в каждом подразделении есть брамин и мулла, которые числятся на военной службе наравне с англиканскими капелланами, исповедовавшими офицеров, и католическими священниками, заботившимися о барабанщиках и флейтистах (в массе своей евразийцах-христианах, в армию попавших из сиротских приютов и богаделен).

Англичане не понимали, почему при столь широком выборе уважаемых священнослужителей сипаи отдают предпочтение голому прощелыге, который не удосужится надеть хотя бы ланготу, но выпячивает свое орудие, словно изготовясь к артобстрелу.

Им было невдомек, что брамины и муллы хо-

роши для официальных обрядов, но когда дело касается личного — надежды и страха, печали и доверия, — сипаям нужны иные связники с небесами. Аскеты вроде Паглы были не только священниками, но воителями и понимали солдатскую службу, как никакой брамин или *мауляна*[38] никогда не поймет. Они давали не одно лишь духовное напутствие, но и практический совет. В бою сипаи больше полагались на защиту амулетов, полученных от факиров и садху, нежели на благословение браминов и имамов.

Кроме того, аскеты, располагавшие огромной сетью единоверцев, были обо всем чрезвычайно хорошо осведомлены и порой владели данными, каких не имела даже армейская разведка. Вот потому-то в Бенгалии редкая воинская часть обходилась без отшельника в своем лагере, и никого не волновало, какую религию исповедуют голые люди, называвшие себя святыми суфиями. Все это досаждало англичанам, желавшим, чтобы все сидели строго на отведенных местах, а индусы и мусульмане — в своих норках.

Кесри повезло — без всяких усилий он ока-

---

[38] Примечания: 38

Мауляна — исламский религиозный титул перед именем.

зался в ближнем кругу аскета. Так вышло, что Пагла-баба не раз бывал на ежегодных ярмарках в Наянпуре. Обладая феноменальной памятью на имена и лица, он узнал Кесри и с первых дней его службы озаботился благополучием случайного знакомца, а тот, в свою очередь, угадал в аскете, потешавшемся над браминами, капелланами и унылым соблюдением церковных правил и обрядов, родственную душу.

Именно Пагла-баба подсказал способ, как продвинуться по службе, не пресмыкаясь перед Бхиро Сингхом и его кланом: добровольцем отбыть в заморскую командировку. Таких сипаев, поведал он, офицеры берут на особую заметку, ибо в туземном полку нелегко отыскать «балантёров», согласных на путешествие по воде. Бенгальские солдаты, выходцы из глубинки вроде Бихара и Авадха, не желали пересекать океан: одни боялись потерять касту, других отпугивали дополнительные траты, неудобства и опасность. Вот почему в бенгальской армии заморские экспедиции собирали в основном из добровольцев — в прошлом принудительное формирование отрядов вызывало недовольства, и теперь живую силу для зарубежных походов поставляла, главным образом, мадрасская армия.

— *Йех джати-пати ки бат саб баквас хаелба*, все эти разговоры о потере касты — чушь собачья, — проскрипел Пагла-баба. — Стоит посулить походное довольствие, и уроженцы Бихара опрометью бегут записываться. Та же история, когда речь о наградных. Не страшно, что они пересекут Черную воду, — потом оплатят короткий обряд очищения, и все дела. Всякий сипай, учуяв золотишко, откликнется на призыв в добровольцы. Но вот если ты запишешься даром, англичане наверняка тебя приметят.

Кесри стал бы волонтером тотчас, однако возможность представилась далеко не сразу. Но вот однажды командир части объявил о наборе добровольцев для усиления английского гарнизона на границе с Бирмой. Гарнизон располагался на острове Шапури в устье реки Наф, отделявшей бенгальские владения Ост-Индской компании от бирманской провинции Аракан. До острова в сотнях миль от Калькутты предстояло добираться морем, но поскольку гарнизонная служба считалась обычным караулом, походное довольствие, наградные и прочие выплаты не предусматривались.

Не мешкая, Кесри внес свое имя в лист добровольцев, полагая, что в отсутствие финансовых

стимулов он один из всего батальона пожелал отправиться в командировку. Но вот наконец вывесили окончательный список, и оказалось, что Хукам Сингх, польстившись на обещание очередного чина найка, тоже записался волонтером; мало того, они с Кесри попали в один взвод.

Когда прибыли на остров, добровольцы, все до единого, пожалели о своем решении. Застава притулилась на песчаном пятачке, со всех сторон окруженном джунглями, топями и водой, а на другом берегу реки Наф уже собиралось бирманское войско с явно недружественными намерениями.

Кесри не пришлось долго ждать, чтоб отведать вкус первого боя. Его рота была в патруле, когда из засады ее атаковал отряд бирманских лазутчиков. Сипаи успели дать всего один залп, а потом уже в рукопашной скрестили свои штыки с пиками и тесаками бирманцев.

На Кесри мчался боец с устрашающе истатуированным лицом и огромной сверкающей саблей. Отработанным движением Кесри припал на колено и отвел ружье назад, изготовившись к выпаду. Удар его вышел на загляденье. Противник, явно не ожидавший атаки на таком расстоянии, был застигнут врасплох — штык, прошедший

меж ребер, угодил ему точно в сердце.

Кесри впервые убил человека. Истатуированное лицо было так близко, что он видел, как меркнет свет в глазах убитого. Через миг глаза его остекленели, а он все валился вперед, на Кесри, который рванул ружье, пытаясь высвободить штык, застрявший меж ребер мертвеца. Труп дернулся, кровавая слюна, сочившаяся из мертвого рта, попала на лицо Кесри, и он запаниковал, поняв, что штык засел накрепко.

Боковым зрением Кесри заметил приближавшегося к нему другого бойца со вскинутым тесаком и вновь безуспешно рванул ружье. Проткнутый мертвец, чьи глаза невидяще смотрели на Кесри, не желал расстаться с орудием своего убийства.

Времени на новую попытку высвободить штык уже не было, оставалось только использовать труп как щит. Борцовским приемом Кесри вздернул мертвеца на ноги и прикрылся им от летящего вниз тесака.

Приняв на себя рубящий удар, покойник его ослабил, но отразил не полностью. Кесри опрокинулся навзничь и, увидев кровь, забрызгавшую лицо мертвеца, понял, что и сам ранен.

Бирманец вновь атаковал придавленного тру-

пом врага, и Кесри, приподняв насаженного на штык мертвеца, опять закрылся им от разящего удара.

Но и теперь клинок рассек ему руку, скользнув по амулету, подаренному Паглой-баба. Однако после удара штык вдруг выскочил из западни. Лежа под мертвецом, Кесри изготовился к атаке. Дождавшись, когда боец приблизится вплотную, он ткнул штыком, пропущенным между рукой и боком трупа. Удар, направленный в живот, достиг цели — второй мертвец рухнул на первого, вышибив дух из своего убийцы, который, уже теряя сознание, услышал крик Хукам Сингха: «Вставай, чего разлегся!»

Раненого Кесри срочно эвакуировали в Индию. В госпитале он дал себе слово: когда сам станет обучать рекрутов штыковому бою, велит им всегда целить в мягкий живот противника, чтоб клинок, не дай бог, не застрял меж ребер.

Он еще залечивал раны, когда из дома пришло письмо, братом Бхимом продиктованное писцу.

Все это время Кесри регулярно посылал домой деньги, пользуясь оказией в лице сипаев-отпускников и через них же получая вести от родных. Он знал, что после его бегства брат остался в семье и начал землепашествовать.

Пора бы тебе наведаться в родные края, писал Бхим, отец тебя простил и очень хочет повидаться, чему есть целый ряд причин. Во-первых, родитель затеял тяжбу из-за земельного надела, и английский судья скорее решит дело в его пользу, увидев Кесри в форме сипая Ост-Индской компании. Во-вторых, для него, Кесри, получено превосходное брачное предложение от семейства богатых помещиков-*тхакуров*[39]. Братья невесты тоже служат в армии компании, так что это по всем статьям хорошая партия.

В заключение Бхим писал, что и ему не терпится увидеть старшего брата связанным узами брака, дабы открылась возможность задуматься о собственном супружестве.

Кесри отнюдь не спешил с женитьбой и хотел, по примеру многих сипаев, отложить это дело до окончания службы. Однако он горячо желал наладить отношения с родителями, а потому взял четырехмесячный отпуск и поехал домой.

Кесри был удивлен ажиотажем, вызванным его приездом на родину. Оказалось, в Наянпуре он стал довольно заметной фигурой. Деньги, что он присылал, обеспечили его родных до-

---

[39] Примечания: 39
Тхакур — исторический титул индийского феодала.

статком и позволили им совершать пуджи в местных храмах. На заказанный его семьей обряд *прайашчитта* по снятию скверны от заморских путешествий собралась вся деревня. А когда он появился в суде, английский служитель Фемиды, окинув сипая внимательным взглядом, и впрямь решил дело в пользу его отца.

Что касаемо женитьбы, родные быстро отмели все имевшиеся сомнения. За невестой давали такое богатое приданое, что об отказе не могло быть речи при всем желании, которое, впрочем, и не возникло, поскольку суженая была пухленькая, светлоликая и очень милая, да к тому же прекрасно ладила с матерью и сестрами жениха, особенно с Дити, души в ней не чаявшей. Кесри тотчас понял, что с выбором семья не промахнулась, и приготовился на совесть исполнять все супружеские обязанности. Свадьба стала грандиозным торжеством с сотнями гостей. Новые родичи обладали большими связями, и потому на бракосочетание прибыли заминдары со всей округи и *мукхии*, старосты окрестных деревень.

Все складывалось так хорошо, что Кесри даже задумался, а не оставить ли ему службу и осесть дома. Но пара месяцев в роли главы новоиспеченной семьи развеяли его сомнения. Он вдруг

понял, что скучает по упорядоченности военной жизни с ее четкими установлениями, когда есть, спать и мыться, по веселому братству сипаев и своей квартирке, где всё под рукой и на своем месте, по чисто выметенным ровным дорожкам военного городка, после которых улочки родной деревни казались кривыми и грязными.

Через месяц-другой семейной жизни даже угнетающая воинская иерархия выглядела сносной. По крайней мере, там знаешь точно, кто чего стоит, а противостоять маленьким тиранам в виде найков и хавильдаров не сложнее, чем пререкаться с отцом. И потом, удовольствие от постельных утех с Гулаби несравнимо выше того, каким одаривало супружеское ложе.

Но даже если б Кесри надумал остаться, ему бы вряд ли удалось исполнить свое желание. Домашние уже привыкли к его деньгам, и каждый из них по-своему наслаждался близким родством с человеком, который носит военную форму власти, внушавшей все больший страх и уважение. Мало того, к концу отпуска Кесри заметил, что все родичи, кроме Дити, подустали от его гостевания. Оказалось, что после его бегства из дома жизнь семьи вовсе не остановилась, но вошла в новое русло, и теперешний визит блудного сына,

поначалу желанный, постепенно превратился в порог, мешавший плавному течению вод.

Любопытно, что все это придало горестной остроты прощанию: казалось, родные оплакивают не только разлуку с Кесри, но и свою готовность принять ее как неизбежность.

Чуть позже семья сообщила Кесри, что его жена ждет ребенка, а через положенный срок прибыло и письмо с известием о рождении мальчика, которого нарекли Шанкаром Сингхом.

В то время полк стоял в городе Ранчи. Кесри истратил недельное жалованье на сласти, которыми угостил всех сослуживцев.

В четверг утром, точно в означенное время, Захарий вышагивал по лужайке Бернэмов: в одной руке ящик с инструментами, в другой аккуратно обернутые бумагой книги.

Занавешенная накидкой служанка в сари встретила его у парадных дверей, а затем лабиринтом лестниц и коридоров подвела к залитой солнцем комнате для рукоделия.

Миссис Бернэм, одетая в строгое платье белого ситца, небрежно спросила, не поднимая головы от вышиванья:

— Что, пришел молотчик? Пусть войдет.

Захарий перешагнул порог, и лишь тогда она

взглянула на служанку, застывшую в дверях, и махнула рукой:

— Ступай себе.

Женщина вышла, миссис Бернэм закрыла дверь на щеколду.

— Проходите, мистер Рейд. Времени мало, надо провести его с максимальной пользой.

В центре комнаты возле изящного столика китайской работы (замысловатый золотой узор на черном лаковом фоне) были приготовлены два стула, на столешнице лежала тонкая брошюра.

Миссис Бернэм уселась, жестом предложив Захарию занять место напротив.

— Надеюсь, вы захватили свои инструменты, мистер Рейд?

— Да. — Захарий поставил ящик на стол.

— Я думаю, время от времени вам надо постукивать молотком. Так мы создадим впечатление работы и отведем подозрения тех, кто подслушивает под дверью. Эти туземки, знаете ли, любопытны как макаки. Предосторожность никогда не помешает.

— Конечно, мэм. — Захарий достал молоток и стал легонько постукивать по крышке ящика.

— Я полагаю, вы прочли и усвоили историю о злосчастном пастухе, изложенную доктором

Ришераном?

— Да, мэм. — Захарий сосредоточился на ящике, радуясь предлогу не поднимать глаз.

— Позвольте узнать, каково ваше впечатление?

Захарий сглотнул.

— Чрезвычайно огорчительное, мэм.

Миссис Бернэм мгновенно ухватилась за его слова:

— Ага! Не потому ли, что вы почуяли опасность разделить судьбу того бедолаги?

— Нет, мэм, — тотчас сказал Захарий. — Уверяю вас, мое состояние не столь серьезно.

— Вот как? — В голосе мадам послышалось легкое разочарование. — А что до «Наставления»? Вы прочли внимательно?

— Да, мэм.

Миссис Бернэм открыла ридикюль, достала носовой платок и промокнула лицо. Захарий невольно вскинул голову, но, наткнувшись взглядом на шею мадам, тотчас опустил глаза к ящику и продолжил постукивать молотком по крышке.

— Что ж, мистер Рейд, не будете ли вы так любезны перечислить возможные проявления вашего недуга? Я надеюсь, вы заучили их наизусть?

— Да, мэм. Насколько я помню, в перечень входят головные боли, меланхолия, ипохондрия, приступы истерии, общая слабость, нарушение зрения, слепота, эмфизема легких, нервический кашель, туберкулез, эпилепсия, потеря памяти, умопомешательство, инсульт, нарушение работы печени и почек…

Миссис Бернэм перебила его огорченным возгласом:

— Постойте! Вы забыли неполадки с кишечником!

— Вовсе нет, мэм. Просто не хотел быть… бестактным.

Мадам рассмеялась, и Захарий, подняв взгляд, не мог не заметить алые пятна на ее щеках.

— Ох, мистер Рейд! Будь я неженка, краснеющая при упоминании пирожков из печки, я бы вряд ли обременила себя поиском средства от вашего нездоровья! — Однако яркий румянец противоречил ее словам, и миссис Бернэм, будто желая отвлечься, схватила пяльцы и принялась за вышивание. Игла ее летала. — Прошу вас не щадить мой слух. Сестры-миссионерки, спасающие от греха язычников, и не такое слышат. Если при посещении какаториума у вас возникают сложности, не стесняйтесь в том признаться.

Захарий вновь уткнул взгляд в ящик.

— Нет, мэм, все благополучно.

— Да? — В тоне миссис Бернэм опять проскользнуло разочарование. Она снова медленно промокнула лицо и горло. Взгляд Захария съехал с ящика и застыл на груди мадам, вернуть его обратно удалось лишь огромным усилием воли.

Меж тем миссис Бернэм раскрыла брошюру и указала на абзац, отчеркнутый карандашом:

— Доктор Олгуд любезно ознакомил меня со своей недавней статьей о лечении умственных расстройств и помешательства, вызванных сим недугом. Соблаговолите прочесть вслух помеченный кусок.

Захарий набрал в грудь воздуху и приступил к чтению:

— «Натиск безумия, порожденного онанизмом, можно отсрочить путем своевременного лечения, а именно: пиявки к паху и заднему проходу, клизмы с весьма щадящим раствором карболовой кислоты. В отдельных случаях может потребоваться более интенсивное лечение, как то: пиявки непосредственно к мошонке и перинеуму, введение небольших доз хлористой ртути через катетер в уретру, прижигание сальных желез и мембранозной части мочевого канала,

хирургическое вмешательство для удаления поддерживающей связки полового органа…»

Захария прервал вскрик. Миссис Бернэм уронила вышиванье, на кончике ее указательного пальца набухала капелька крови. Мадам сморщилась и спрятала пораненный палец в кулак другой руки.

— О господи, я, кажется, себя проткнула.

Захарий придвинулся чуть ближе, и взгляд его проследовал от уколотого пальца к густо покрасневшей шее миссис Бернэм, затем спустился на ее грудь, целомудренно прикрытую кружевной вставкой, но сейчас вздымавшуюся и опадавшую. Сквозь ажур вставки виднелась крохотная треугольная тень, как будто указующая путь в расселину, ставшую причиной недавнего позора на балу.

Миссис Бернэм удрученно оглядела палец и рассеянно пробормотала:

— Матушка всегда остерегала от того, что протыкает.

Темный треугольник выглядел так соблазнительно, что Захарий, не сводивший с него глаз, вдруг остро почувствовал необходимость притиснуться к столу вплотную. Мимолетное движение это не укрылось от миссис Бернэм. Глянув на пун-

цового гостя, который как-то странно напрягся и навалился на стол, она все поняла, и с губ ее сорвался придушенный возглас:

— Боже мой, невероятно! — Мадам вскочила на ноги и ошеломленно уставилась на сгоравшего со стыда визави. — Что, опять, мистер Рейд? Отвечайте же!

Захарий свесил голову, не в силах вымолвить ни слова.

Взгляд миссис Бернэм потеплел, став жалостливым, она сочувственно погладила гостя по плечу.

— Бедный вы несчастный! Наверное, и сами не понимаете всю серьезность вашего недуга. Но не отчаивайтесь, я вас не брошу. Мы не сдадимся, и, возможно, вы избежите уготованной вам судьбы.

Миссис Бернэм медленно прошла к двери, отодвинула щеколду и, обернувшись, сказала:

— Пойду обработаю свою дыр… свою ранку. А вы оставайтесь здесь, приходите в себя. Вскоре я пришлю вам новые пособия, вы их изучите, и тогда мы опять встретимся. Прошу вас, мистер Рейд, не покидать комнату до окончания припадка и обретения достойного вида.

В последующие дни Ширин всеми силами ста-

ралась изгнать из памяти встречу с Задигом. В целом она преуспела, но бывали минуты, когда слова «Но это правда, биби-джи… у Бахрама *есть* сын… спросите Вико…» застигали ее врасплох, всплывая в уме, точно пузыри со дна заиленного пруда.

И тогда она бросалась в работу — выхватывала у служанки тряпку и начинала протирать стоявшие на полках сувениры из Китая: кивающих болванчиков, расписные веера, шары из слоновой кости с затейливой резьбой и прочее. Обычно приступ активности заканчивался тем, что она замирала перед застекленным портретом Бахрама, и порой ей казалось, что в знакомых чертах проскальзывает нечто неуловимое глазом. Словно в облаке, в котором все, кроме тебя, различают какой-то образ.

Однако Ширин не видела резона копаться в прошлом. Что толку ворошить жизнь покойного? Всякое новое открытие навлечет еще большее бесчестье на нее и дочерей, и без того уже опозоренных.

А потом вдруг однажды утром слуга доложил, что пришел Вико и хочет с ней поговорить.

— Вико? — Сердце екнуло, Ширин присела на ближайший стул. — Что ему нужно?

— Откуда я знаю? — удивился слуга. — Разве он скажет?

— Да, конечно. Пусть войдет.

Ширин сделала глубокий вдох и, собравшись с силами, сумела встретить гостя радушной улыбкой.

— *Кхем чхо,* Вико, как поживаешь? — сказала она на гуджарати.

Как всегда, управляющий, смуглый здоровяк, был одет на европейский лад, его светло-бежевый костюм выглядел безукоризненно.

— Благодарю, как вы, биби-джи? — бодро ответил Вико, сверкая большими глазами навыкате.

Широкая улыбка его и учтивость несколько успокоили Ширин.

— Прошу садиться, — сказала она, указав на козетку.

Однако в обществе хозяйки управляющий всегда оставался на ногах, вот и сейчас он покачал головой:

— Нет-нет, биби-джи, я ненадолго, всего один вопрос.

— Слушаю.

— Я бы хотел устроить скромные поминки по вашему покойному мужу. Несмотря на все события, в Бомбее немало тех, кто желал бы почтить

память сета.

— Вот как? — Взгляд Ширин метнулся на портрет мужа. — Где намечается поминальная трапеза?

— В моей родной деревне Васай. Я очень надеюсь на ваше участие, без вас все будет не так.

— И когда?

— На следующей неделе, биби-джи.

— Что за спешка?

— Понимаете, я хочу пригласить господина Карабедьяна, друга хозяина, а он скоро отбывает в Коломбо.

Ширин вздрогнула.

— Господин Карабедьян в числе гостей?

— Разумеется, биби-джи. — Вико недоуменно вскинул брови. — Он был лучшим другом сета.

Ширин отвернулась, подыскивая слова для отказа, и вдруг услыхала треск рвущейся материи. Опустив взгляд, она поняла, что безотчетно разодрала свободный край своего сари.

Вико, разумеется, это видел.

— Что случилось, биби-джи? Я вас чем-то огорчил?

Теперь, когда Ширин выдала свое смятение, не было смысла притворяться.

— Послушай, Вико… — Голос ее дрогнул. — Я

должна кое о чем тебя спросить… — Глаза ее обратились к портрету на стене, и она чуть слышно прошептала: — Пусть небеса простят меня за то, что я скажу.

— Говорите, биби-джи.

— До меня дошли слухи… о моем муже…

— Какие? — В голосе и взгляде Вико возникла настороженность.

— Говорят, будто на стороне он прижил ребенка, сына. — Ширин пристально посмотрела на управляющего, который, уставившись в пол, мял в руках шляпу. — Но ведь это неправда?

— Конечно, биби-джи, — тотчас ответил Вико. — В том нет ни капли правды.

Говорил он твердо, однако в глаза не смотрел, словно что-то скрывая. Ширин поняла: если сейчас промешкать, истину не узнаешь никогда. Она отринула все сомнения.

— Скажи все как есть, Вико. Я должна знать.

Управляющий не отрывал взгляд от пола, и тогда Ширин встала и подошла к нему.

— Я знаю, ты человек верующий, добрый католик. Прошу тебя присягнуть на распятье, которое ты носишь. Поклянись на кресте, что у моего мужа нет незаконнорожденного сына.

Вико испустил глубокий вздох и попытался

что-то сказать, рука его потянулась к висевшему на шее распятью, но потом безвольно упала.

— Не требуйте присяги, биби-джи, — наконец проговорил он. — Я хотел бы избавить вас от излишнего горя, но клятвы дать не могу.

В груди Ширин словно что-то лопнуло. Не вполне сознавая, что делает, она шагнула к стене и сбросила портрет Бахрама на пол.

На шум разбитого стекла сбежались слуги.

— Что с вами, биби-джи, что произошло?

Ответить не было сил, но, к счастью, Вико привычно взял дело в свои руки.

— Случайность, — сказал он небрежно. — У хозяйки закружилась голова. Принесите нюхательную соль, через минуту все будет в порядке.

Ширин легла на кушетку, что придало ситуации достоверность. Потом, раз-другой нюхнув из флакона, она села. Когда подмели осколки, Ширин велела слугам выйти и закрыть дверь.

— Со мной все хорошо, Вико. Теперь скажи, кто мать ребенка.

— Женщина из Кантона, ее звали Чимей.

— Она *таваиф*, куртизанка? Или уличная девка?

— Нет, биби-джи, вовсе нет. Обычная женщина, лодочница, можно назвать ее прачкой — она

обстирывала иноземцев. Сет-джи с ней так и познакомился.

— Сколько лет мальчику? Как его зовут?

— Он уже юноша, ему за двадцать. Сет-джи называл его Фредди, это уменьшительное от Фрам-джи. Еще есть китайское имя и прозвище А-Фатт.

— Где он сейчас? Как он рос? Говори, раз уж я о нем знаю, я хочу знать все.

— Он вырос в Кантоне, его воспитала мать. Сет-джи всегда был щедр к ним, он купил Чимей большую лодку, которую та превратила в харчевню. Дела, кажется, шли хорошо. Несколько лет назад Чимей умерла.

— А Фредди тоже работал в харчевне?

— Да, мальчиком он помогал матери. Но сет-джи хотел дать ему хорошее образование — нанял учителей, велел освоить английский. Однако парню было тяжко. В Кантоне даже обычные лодочники считаются низшей кастой, а он был ни то ни сё.

Ширин уже не сиделось, она подошла к окну и посмотрела на море.

— Вико, у меня к тебе просьба.

— Слушаю, биби-джи.

— Я хочу повидаться с господином Карабедья-

ном. О нашей встрече не должен знать никто, даже мои дочери. Сможешь это устроить?

— Конечно, биби-джи.

— Каким образом?

Вико задумался лишь на секунду.

— Давайте вот как поступим, биби-джи: вы скажете родным, что моя жена пригласила вас в гости, и мы доставим вас в деревню на частной лодке. Я думаю, никто не станет возражать?

— Нет.

— Остальное предоставьте мне.

20 октября 1839
Хонам

Остров Хонам тих и спокоен, однако и он не без сюрпризов. Здесь обосновался один из самых больших в провинции буддистских монастырей под названием *Хайчжуан*, Океанский Стяг. Помнится, Вико говорил, в нем обитают тибетские монахи.

Перебравшись на остров, я стал наведываться в этот монастырь, похожий на огромные соты. Среди монументальных статуй, старых деревьев и золоченых усыпальниц можно бродить целыми днями.

Иногда я встречаю тибетских монахов. Признав

во мне «ачха», они улыбаются и кивают. Я бы хотел поговорить с ними, но у нас нет общего языка, на кантонском диалекте они знают лишь несколько слов.

Но вот однажды я, прогуливаясь по монастырским дворам, познакомился со старым ламой, у которого изборожденное глубокими морщинами лицо походило на пересохшее речное русло, а седые волоски, торчавшие из всех этих впадин и складок, напоминали цепкие растения. Старик, сидевший в тени баньяна, поманил меня к себе. Когда я подошел, он улыбнулся, показав пеньки зубов, а потом сложил ладони у груди и поздоровался:

— *Ка халба?* Как поживаете?

Бходжпури! В Кантоне! Из уст тибетского ламы!

На секунду я просто онемел.

Старик поведал, что много лет посещал буддистские святые места в Бихаре — Гаю и Сарнатх, где и выучил бходжпури. У него даже было индийское имя — Таранатх-джи.

Я спросил, где еще он побывал, и на меня излился поток историй.

Сейчас ему под восемьдесят, он много странствовал. В правление династии Цин служил

переводчиком у китайского командующего, генерала Фуканган, воевавшего с гуркхами[40]; долгое время состоял в свите последнего панчен-ламы и был его толмачом, когда англичане послали нага-садху Парангири своим эмиссаром в Тибет. Вел богословские диспуты со священниками Русской православной церкви и проповедовал в ламаистских монастырях Северной Монголии. Горы, пустыни и равнины на его обширных маршрутах были для него что реки и моря — он многажды их пересекал. Вместе с панчен-ламой посетил Пекин и даже присутствовал на встрече своего начальника с императором Цяньлуном[41].

Старик огорошил меня вопросом: знаю ли я, что император Цяньлун, величайший правитель династии Цин, написал книгу об Индостане? Нет, признался я, даже не слышал о том.

В глазах Таранатх-джи сверкнула искра. Такая книга, сказал он, и впрямь существует. В последние годы жизни император Цяньлун был

---

[40] Примечания: 40

Фуканган (1753–1796) — маньчжурский дворянин и военачальник. В 1790 г. армия гуркхов (непальцев) вторглась в Тибет. Восьмой далай-лама обратился к правительству Цин за помощью, Фуканган был назначен главнокомандующим тибетской кампанией.

[41] Примечания: 41

Айсиньгьоро Хунли (1711–1799) — шестой маньчжурский правитель империи Цин. 59 лет (1736–1795) правил под девизом «Цяньлун» («Непоколебимое и славное»).

весьма озабочен отношениями с Индией, которую маньчжуры называли Энектек. Расширив пределы Китая, империя Цин теперь простиралась до самых границ с Индией, что порождало множество новых проблем, главной из которых были непальские цари, притязавшие на Тибет. Устав от их бесконечных провокаций, император послал в Непал армию, которая разгромила гуркхов наголову. В какой-то момент те попросили помощи у англичан, но безуспешно — Ост-Индская компания уклонилась, не желая подрывать прибыльные торговые отношения с Китаем. С тех пор покоренные гуркхи стали данниками Поднебесной и ее главным источником сведений об Индостане.

Непальцы, сказал лама, не раз уведомляли империю о ненасытных аппетитах англичан. Стоит промедлить, и в один прекрасный день они станут угрозой Китаю, предупреждали гуркхи и даже предлагали объединить усилия для атаки на бенгальские территории Ост-Индской компании. Если б Пекин к ним прислушался, если б императоры действовали решительно, нынче Китай был бы в совершенно иной ситуации. Но остережения гуркхов пропали втуне, ибо династия Цин не вполне им доверяла и даже сомневалась,

что «фиринги», о которых говорили непальцы, те самые «инглизи», что торгуют в Кантоне.

Все это было мне внове, и я уже не скрывал своего изумления. Вы просто живое сокровище, сказал я ламе, вам бы встретиться с Чжун Лоу-сы.

Оказалось, Таранатх-джи знаком со старцем: он имел долгую беседу с ним, а также с другими высокопоставленными чиновниками, и не только в Гуанчжоу, но и Пекине. Лама поведал им о своих странствиях и щедро поделился знанием жизни, однако насколько все это пригодилось, он не ведает.

Главный недостаток мандаринов, сказал Таранатх-джи, кроется не в отсутствии у них любознательности, а в манере вести дела. Они интуитивно не доверяют изустным сведениям, но всецело полагаются на бумажные доклады. Мандарины встречают в штыки все новое, не совпадающее с тем, что им поведали старинные книги. Им мешает не доверчивость, но излишек скептицизма — они принимают лишь известное наверняка.

Потом еще несколько раз я виделся с ламой, и каждая наша встреча меня поражала. Поселяясь в доме-лодке Бабурао, я не мог и представить, что

совсем рядом найдется такой источник новых знаний.

Очередная посылка прибыла неожиданно скоро. Захария потряхивало, пока он, готовясь получить строгий выговор за свое поведение, вскрывал сверток. Однако миссис Бернэм ни словом не обмолвилась о происшествии в комнате для рукоделия.

25 октября 1839

Дорогой мистер Рейд,

Посылаю Вам еще одну книгу — трактат доктора Тиссо[42], на весь свет знаменитого врача, которого доктор Олгуд называет Ньютоном от онанизма. Мне кажется, сия работа в самой доходчивой форме излагает последние достижения в исследовании Вашего недуга. Я читала ее два дня и, признаюсь, чувствую себя совершенно разбитой. Мое сочувствие к Вам возрастает неизмеримо, как представлю Ваши попытки вырваться из хватки этой ужасной хвори.

Заклинаю Вас ознакомиться с книгой самым внимательным образом, а потом я устрою нашу

---

[42] Примечания: 42

Самюэль Огюст Андре Давид Тиссо (1728–1797) — швейцарский медик и советник Ватикана. Упомянутая книга, чрезвычайно популярная в Европе, за полтора столетия выдержала шестьдесят три издания.

встречу. Пока же умоляю помнить предостережения автора, и будем надеяться, что все это еще не слишком поздно.

Ваша

К. Б.

Письмо встревожило, и пальцы слушались плохо, когда Захарий сдирал обертку с бандероли, а заголовок книги «Онанизм, или Трактат о болезнях, вызванных мастурбацией, или Грозные последствия тайной неуемной похоти» ничуть не унял его страхи. Он начал читать, и опасения его мгновенно превратились в пронизанное ужасом любопытство, заставлявшее безостановочно переворачивать страницы. Доктор Тиссо убедительно доказывал, что онанизм — не только сам по себе недуг, но портал для целого скопища заболеваний, таких как паралич, эпилепсия, слабоумие, импотенция, нарушение деятельности почек, семенников, мочевого пузыря и кишечника.

Предостережения эти так взбаламутили Захария, что теперь он не мог ни спать ни есть и следующее письмо от миссис Бернэм распечатал со вздохом облегчения.

30 октября 1839

Дорогой мистер Рейд,

Наверняка Вы уже прочли трактат доктора Тиссо, и Вам, полагаю, не терпится обсудить его содержание. Я тоже горю желанием продолжить Ваше лечение и рада сообщить, что одно непредвиденное обстоятельство весьма поспособствовало возможности оказать Вам помощь.

Давеча я вновь была удостоена встречи с доктором Олгудом. Но вот оказия: едва я вошла в его кабинет, как доктора вызвали на осмотр туземного юноши, у которого был приступ означенной болезни. Вернулся он не скоро, и я смогла заглянуть в лежавший на столе блокнот, который оказался дневником наблюдений за пациентами, страдающими тем же недугом. Теперь я имею полное представление о том, как строить лечение.

Из записок доктора Олгуда явствует, что лечебный курс следует начать с опроса на весьма деликатную тему. Нет нужды говорить, что подобная беседа требует полной уединенности, тем более что в Вашем случае (как показала наша последняя встреча) нельзя исключать непредвиденные припадки.

Я долго ломала голову, пытаясь решить затруднительный вопрос о месте проведения

нашей консультации. И, перебрав все возможные варианты, я пришла к чрезвычайно обескураживающему выводу, что единственное годное для сей цели прибежище — мой будуар. Но раз уж мы ступили на этот путь, надо, невзирая на препятствия, двигаться вперед, и я, укрепленная примером такого мученика, как доктор Олгуд, ради нашего медицинского сотрудничества готова поступиться собственными принципами.

Я полагаю излишним говорить о риске, сопутствующем задуманному мероприятию, ибо Вам, безусловно, известно, что днем наш дом изобилует назойливыми бездельниками. К счастью, туземцы столь же взбалмошны, сколь любопытны, и в определенные даты они, охваченные языческим пылом, исчезают из виду, дабы исполнить тот или иной нелепый обряд. Одно такое празднество состоится в ближайшую пятницу, и я рассчитываю, что дом будет если не пуст, то хотя бы не столь многолюден.

Однако данное обстоятельство не гасит, но лишь снижает риск, а потому необходимы меры предосторожности. Мой будуар на втором этаже, окна его выходят на реку; он расположен в дальней левой части особняка, если смотреть от баджры. Внизу есть дверка для золотарей, кото-

рые чистят мою гузл-кхана, уборную. По-моему, разумно воспользоваться этим входом. Обычно на ночь его запирают, но я присмотрю, чтобы в пятницу он был открыт. Я оставлю для Вас свечу, и Вы увидите лестницу, которая приведет Вас к гузл-кхана, смежную с моим будуаром.

Наилучшее время для Вашего визита — одиннадцать вечера, когда челядь уйдет и дом стихнет. Не забудьте принести трактат, ибо доктор Олгуд уже требует его вернуть.

Ваша

К. Б.

Через два года после первой заморской командировки Кесри вновь оказался в Бирме.

Все не заладилось с самого начала. Еще на стадии комплектования экспедиционного отряда сипаи узнали, что поход обойдется им недешево — даже покупка волов для перевозки снаряжения предполагалась за их счет. Однако никакого довольствия, компенсирующего траты, не предусматривалось.

В полку, печально известном ленью и неумелостью английских командиров, вскипело недовольство. Страсти до того накалились, что однажды солдаты отказались выйти на утреннее построение.

На другой день в Барракпор внезапно прибыл *Джанги Лаат* (главнокомандующий по прозвищу Бог войны) в сопровождении двух английских полков и артиллерийской батареи. Отказникам велели сдать оружие, но они промедлили с исполнением приказа, и тогда Бог войны скомандовал батарее «огонь». Многие сипаи были убиты, оставшиеся взяты под арест или разбежались. Одиннадцать человек повесили, других приговорили к каторге на дальних островах. Полк расформировали, знамена его уничтожили, номер части вычеркнули из армейского списка.

Жестокие меры усмирили бойцов, но моральный дух экспедиционного отряда был низок, а в Бирме вообще скатился к нулю. Действовать приходилось в густых джунглях и необъятных болотах. Бирманцы, поднаторевшие в лесной войне, уклонялись от позиционных боев, в которых англичане были мастера, а условия местности не позволяли последним в полной мере использовать свое преимущество в артиллерии. С провиантом было крайне плохо: в округе никаких возделанных полей, в обезлюдевших деревнях еды не достать.

В довершение всех бед отряд накрыло эпидемией лихорадки и поноса, настолько повальной,

что во взводе Кесри дважды сменялись найки, и вторым назначенцем стал не кто иной, как Хукам Сингх.

Однажды взвод выслали вперед на разведку. Бойцы вошли в деревушку, вылитый образ умиротворения: горстка хижин под сенью кокосовых пальм. Сипаям, уставшим после многочасового перехода, подобные деревеньки встречались не раз, и все обходилось без происшествий. Солдаты утратили бдительность, в результате чего напоролись на засаду.

Хукам Сингха, возглавлявшего поиск, скосили первым. Кесри оказался рядом и прикрывал командира, получившего множественные ранения в ноги, покуда перегруппировавшийся взвод не отогнал бирманцев.

Хукам Сингх был жив, но потерял много крови. Сипаи его перевязали и на импровизированных носилках, чередуясь, понесли к своим. Раненый был в полубреду, он то благодарил Кесри, спасшего ему жизнь, то просил у него прощения за прошлые обиды. Потом, когда в лазарете его передали санитарам, он схватил Кесри за руку и проговорил:

— Я обязан тебе жизнью… никогда не забуду, что ты для меня сделал…

Кесри не придал значения этим словам, посчитав их бредом, однако чуть позже его вызвал к себе Бхиро Сингх, уже ставший джемадаром. На основании отменной рекомендации Хукам Сингха, сказал он, командование батальона присвоило Кесри чин найка.

Ошеломленный новостью, тот даже не сразу сообразил справиться о состоянии своего командира:

— *Кайсан бадан?* Как он себя чувствует?

— Военная служба для него окончена, — отрезал Бхиро Сингх. — Он вернется домой и будет залечивать раны.

Следующая встреча Кесри и Хукам Сингха произошла очень нескоро. Тем временем отряд провел много боев в Аракане и Южной Бирме. Под Рангуном Кесри и сам был ранен, но, к счастью, рана оказалась «удачной», то бишь легкой.

Благодаря ранению он выиграл приз, вызвавший бешеную зависть сослуживцев.

— Ну и везунчик этот Кесри! — сказал Ситул. — Просто пернул — и подбил куропатку!

Приз состоял в том, что в Калькутту раненых отправляли небывалым чудом, которое на Востоке видели впервые, — пароходом «Энтерпрайз».

По возвращении в Барракпор Кесри сразу наве-

стил Хукам Сингха в лагерном лазарете. Давний знакомец так изменился, словно стал вообще другим человеком: весьма заметная хромота, сильная худоба, лицо в обвисших складках кожи. Однако метаморфозы в речах и манерах были еще зримее внешних перемен. Если прежде в глазах Хукама тлел злой огонек, то теперь они светились покорной грустью. Он выглядел добряком, который наконец-то обрел внутреннюю гармонию.

В последующие годы солдаты туземного полка беспрерывно воевали: то в Ассаме, то в Трипуре, то в Джанглмахалс[43]. Временами сипаи уезжали в отпуск, и через них Кесри получал вести о Хукам Сингхе. Он знал, что тот вернулся в родную деревню под Гхазипуром, и дядя нашел ему хорошую работу на опийной фабрике.

Через пару лет после бирманской кампании Кесри вновь вызвали к Бхиро Сингху, который, став субедаром, достиг высшей ступени в чинах сипаев. Рядом с ним сидел его брат, джемадар Нирбхай Сингх.

Верно ли, спросили они, что у Кесри имеется младшая незамужняя сестра?

---

[43] Примечания: 43

Джанглмахалс (лесные поместья) — район британских владений на территории современного индийского штата Западная Бенгалия.

Вопрос застал Кесри врасплох, но, справившись с растерянностью, он подтвердил: да, так оно и есть.

Братья поведали о полученном письме Хукам Сингха: вместе с братом Чанданом он побывал на ярмарке в Наянпуре, где от садху узнал про Дити. Теперь очень хочет на ней жениться и просит Кесри быть его сватом.

— Но годен ли Хукам Сингх для супружества? — усомнился тот. — В последнюю нашу встречу он был весьма нездоров.

— Племянник полностью оправился, осталась лишь хромота, сейчас все мысли его о женитьбе, — сказал Бхиро Сингх и, заметив, что не убедил собеседника, продолжил: — Что вам терять-то? Ведь звезды не благоволят твоей сестре, и она уже в том возрасте, когда мужа найти нелегко. А у жениха прекрасная работа и достаточно *бигх*[44] земли. Чем плохо наше предложение?

Кесри понимал, что тут не поспоришь: родители, обеспокоенные видами дочери на замужество, обеими руками ухватятся за такой вариант, да и про жениха нынче худого слова не скажешь — он сильно переменился и уже не тот грубиян-задира,

---

[44] Примечания: 44

Бигха — мера площади, равная 1500 квадратным метрам.

каким был прежде.

И все же какая-то заноза в душе мешала отдать свою любимицу в семью Бхиро Сингха.

Видимо, тот что-то прочел в лице Кесри, потому что сказал:

— Ты, найк Кесри Сингх, подумай еще вот о чем: этот брак нас породнит, ты войдешь в нашу семью. А уж мы позаботимся, чтобы наш родич поскорее стал хавильдаром. Что скажешь? Может, прямо сейчас все и решим? Скоро я убываю в отпуск, и хорошо бы оженить племянника, пока я дома.

Кесри распознал угрозу в этих словах. Очередное звание ему давно задерживали только потому, что Бхиро Сингх, батальонный субедар, не давал добро. Если сейчас отвергнуть его предложение, так и закончишь службу найком.

Кесри глубоко вздохнул.

— Будь по-вашему, — сказал он. — Я отпишу своим родным.

Вскоре брак состоялся. Кесри не смог приехать на свадьбу, но Бхиро Сингх рассказывал, что все прошло замечательно вплоть до брачной ночи: целомудренная девственность новоиспеченной жены имела неоспоримое подтверждение.

В конце года родные сообщили: Дити родила

дочку, которую назвали Кабутри.

На следующий год Кесри снова получил отпуск, третий за двенадцать лет службы. Он уже был отцом двух детей, мальчика и девочки, но дочку, родившуюся после второго отпуска, еще не видел.

Пока Кесри был в Наянпуре, приехала Дити с малышкой. Сестра погостила всего три дня, вид у нее был слегка измученный, но в целом она как будто была довольна своей судьбой. Потом они увиделись только через четыре года, в очередной отпуск Кесри, но и тогда Дити ни на что не жаловалась. Перед возвращением в дом мужа она подарила брату портрет Кабутри собственного художества. Кесри и сейчас его хранил.

Известие, что сестренка овдовела, его опечалило. Вот только странно, что родня не удосужилась сообщить о случившемся горе.

Глава 6

4 ноября 1839
Хонам

Два дня назад срочным порядком доставили письмо от Чжун Лоу-сы, который сейчас вместе с комиссаром Линем объезжает провинцию. Нам с Комптоном, говорилось в депеше, надлежит тотчас выехать в Вампоа, а затем паромом добраться до Хумэня, где расположена таможня, выдающая пропуска для прохода судов в Кантон.

Дело было вот в чем: с Явы только что прибыло судно под британским флагом «Роял Саксон», и капитан-англичанин изъявил желание доставить свой груз в Кантон. Он даже согласился подписать обязательство — мол, под страхом смерти зарекается от опийной торговли. Это стало хорошей новостью, ибо все последнее время капитан Эллиотт запрещал английским купцам давать подобные клятвы и заходить в Кантон. Но вот наконец появился знак, давно ожидаемый комиссаром Линем: британские торговцы, похоже, вознамерились пренебречь указанием полномочного представителя. Одно английское судно

уже нарушило запрет, а коли и «Роял Саксон» войдет в Кантон, за ним наверняка последует масса других кораблей, что ознаменует крупную победу нового губернатора.

Нам с Комптоном предстояло быть переводчиками, обеспечив полное и точное взаимопонимание между таможенниками и капитаном с его командой. Необходимость во мне была вызвана тем, что экипаж состоял в основном из ласкаров. Поскольку я считаюсь иностранцем, Чжун Лоу-сы вложил в письмо особый пропуск, избавлявший меня от чиновных придирок.

Хумэнь стоит у пролива, который европейцы называют Бог или Бокка Тигрис — Тигриная пасть. От Гуанчжоу до Хумэня около ста восьмидесяти китайских *ли* (примерно шестьдесят миль), поездка на лодке обычно занимает полтора дня.

Нужно поторапливаться, сказал Комптон, прилив достиг высшей отметки, а с отливом лодки тронутся в путь. Я сгонял домой за вещами, и потом мы встретились на причале Очко. Лодка доставила нас в Вампоа, где мы сели на паром до Хумэня.

Это похожее на гусеницу судно было битком набито людьми, домашней живностью и грузами. Благодаря нашему особому пропуску мы отыска-

ли тихий уголок, где обустроились на ночь.

На другой день к вечеру прибыли в Хумэнь. Город небольшой, но соседствует с фортификационными сооружениями, самыми крупными на Жемчужной реке. Форт, чужеземцами прозванный Анунгхой, сторожит пролив, располагая внушительной орудийной батареей. Здесь берег круто уходит вверх, образуя холм, на вершине которого оборудована еще одна огневая позиция с мощными пушками.

Таможня, конечный пункт нашей поездки, заметнее всех прочих строений в порту. Там мы узнали, что «Роял Саксон» уже на якорной стоянке и капитану велено завтра утром явиться для подписания бумаг. Меж тем от Гонконга вышла британская эскадра с капитаном Эллиоттом на борту, намереваясь, конечно же, блокировать непокорный корабль. Все вокруг были взвинчены до предела, гадая, что уготовил завтрашний день.

Комптон рассчитывал, что мы заночуем в таможне либо какой-нибудь соседней конторе. Однако нам сказали, что для нас помещения нет, мол, вопрос с ночлегом решайте сами. Печатник расстроился, а я почувствовал облегчение, ибо, несмотря на официальный мандат, таможенники

на меня смотрели косо, и мне вовсе не хотелось у них оставаться.

Мы отправились искать пристанище, но все городские постоялые дворы были забиты под завязку: намечалось серьезное укрепление оборонительных сооружений Тигриной пасти, и в Хумэнь потоком хлынули рабочие и десятники.

К счастью, у Комптона здесь имелась родня, что вовсе не удивительно, поскольку он отсюда родом. Кровники его обитали на соседнем острове Шайток, который чужеземцы именуют Чуенпи. Мы наняли лодку, и вскоре нас тепло встретили родные печатника.

Уже поздно вечером дети хозяев повели нас на долгую прогулку. Остров утопает в пышной зелени, над которой высятся два островерхих холма. Но здешние красоты обманчивы: подобно Хумэню, Чуенпи ощетинился пушками. У самой воды обустроена большая огневая позиция, развернутая к мысу Тайкок, что возле Тигриной пасти, а еще одна мощная батарея расположилась на другом берегу. Небольшой форт сооружен и на вершине наиболее высокого холма, откуда открывается широкий обзор окрестностей. Пейзаж потрясающий — как будто любуешься

картиной-свитком. На востоке речное устье превращается в широкий раструб, на одной стороне которого Гонконг, а на другой Макао; на западе Жемчужная река петляет по зеленой долине, неся к Гуанчжоу свои ярко-голубые, кое-где изрезанные лесистыми островами воды. На дальнем берегу виднеются зубчатые горные вершины в дымке облаков.

Комптон захватил с собою подзорную трубу, и мы по очереди рассмотрели корабли внизу. Китайская флотилия, собравшаяся у Тайкока, состояла из шестнадцати боевых джонок с бойницами по всей длине корпуса. На мачтах, унизанных флажками и стягами, взметнулись, точно крылья мотылька, плетеные косые паруса, нос каждого судна был украшен двумя большими нарисованными глазами. Корабли эти, производившие впечатление своим ярким обликом, были невелики — не больше сотни футов в длину, то есть примерно как «Ибис», а то и меньше. В размерах они уступали обычным торговым джонкам, а что до европейских судов, то английские боевые корабли даже шестого класса гораздо больше и мощнее.

Меж боевых джонок сгрудилась дюжина лодчонок и плотов с черными флагами. Комптон

пояснил, что это «зажигалки», предназначенные для уничтожения кораблей противника. Среди них были и «вонючки», начиненные отравляющими веществами.

Британские корабли стояли в паре миль к востоку, там, где устье принимало вид раструба. Английский отряд насчитывал всего два бота и два небольших корабля отнюдь не грозного вида: корвет и малый фрегат. Табель о рангах королевского флота относит их, по-моему, к четвертому-пятому классу боевых кораблей.

«Роял Саксон», бросивший якорь возле острова, смахивал на жирную рыбину, которую караулят два разномастных хищника. В подзорную трубу я разглядел на палубе много голов в тюрбанах. Ласкары! Интересно, а как себя чувствовал бы я, окажись меж китайскими и британскими охотниками?

На обратном пути Комптон сказал, что англичане, скорее всего, уклонятся от столкновения. Как двум судам противостоять шестнадцати боевым единицам?

Я счел за лучшее промолчать.

Утром мы отправились в таможню, но оказалось, что нужда в нас отпала: пропуск уже выдан, известили чиновники, «Роял Саксон» вскоре

возьмет курс на Вампоа.

Других дел у нас не было, и мы решили вернуться на Чуенпи за вещами. На подходе к деревне мы заметили хозяйских ребятишек, бегом взбиравшихся на холм, кинулись следом и быстро нагнали племяшей Комптона. Дальше поднимались все вместе и потом с вершины холма увидели, что «Роял Саксон» направился к таможне Хумэня, а британские корабли, на всех парусах пустившиеся вдогонку, уступают ему всего полмили.

Все это произошло так быстро, что застало врасплох китайскую флотилию: заякоренные джонки и лодки еще даже не тронулись с места.

Вскоре английские корабли приблизились к «Роял Саксон». На фрегате сигнальщик просемафорил флажками. Затем пыхнул дым, бухнуло, и над носом торгового судна просвистело ядро.

Комптон не поверил своим глазам:

— Англичане атакуют английский корабль?

Нет, сказал я, пока только предупреждают: не вздумайте нарушить запрет на посещение Кантона.

«Роял Саксон» внял уведомлению и начал менять курс, круто взяв право на борт. Меж тем китайские суда пришли в движение — развер-

нулись и под водительством флагмана стали подходить к британцам.

Английские корабли чуть сбросили ход и, уяснив, что китайцы идут им наперерез, встали в боевой порядок, корвет позади фрегата.

Джонки держались кучно и, сократив расстояние между собой и англичанами, пустили навстречу фрегату горящую «зажигалку», но та плыла слишком медленно и не могла причинить никакого вреда. Не меняя курса, английские корабли сблизились с китайской флотилией на сотню футов, изготовились к атаке, и, по сигналу с фрегата, каждый дал бортовой залп.

Над фальшбортами обоих судов расцвели белые облачка, но звук выстрелов, запоздало пронесшийся над водой, достиг наших ушей, когда китайская флотилия уже скрылась в плотном дыму. Мгновенье спустя донеслись иные звуки — тошнотворный треск и хруст, перемежавшиеся дикими воплями.

Когда дым рассеялся, глазам предстала жуткая картина — казалось, пролив воспламенила молния, ударившая с небес. Вдребезги разнесенные мачты попадали в воду и на палубы, убив или искалечив стоявших под ними людей. Две джонки получили пробоины и, задрав носы, погружались

в воду. От «зажигалки» остались только горящие деревяшки. Вода вокруг побоища бурлила — уйма молотящих рук и голов, то скрывающихся в волнах, то выныривающих на поверхность.

Я не выдержал и зажмурился. Когда нашлись силы вновь открыть глаза, я увидел, что флагманская джонка пришла в движение — похоже, из всей китайской флотилии уцелела она одна. Корабль, лишившийся двух мачт, медленно развернулся и дал залп. Бесполезно: англичане уже отошли и теперь маневрировали, готовясь к новой атаке.

Флагманом командует адмирал Гуань, сказал Комптон, передав мне подзорную трубу. Я приник глазом к окуляру и разглядел старика, отчаянно пытавшегося сплотить свою окровавленную, оглушенную команду. Тем временем английские корабли, закончив маневр, изготовились ко второму залпу. Адмирал встал к ним лицом, словно бросая безнадежный вызов.

Вновь над английскими бортами взвились облачка, вновь джонки скрылись в дыму. На сей раз залп увенчался невообразимым грохотом, от которого дрогнула земля под нашими ногами, и языками пламени, взвившимися в воздух вместе с обломками. Огненный столб, вознесшийся над

водой, известил, что ядра угодили в пороховой погреб.

Вот дымная пелена истончилась, и мы увидели джонку, расколотую, как орех. Взрывная волна разбросала ее обломки, одарив соседние корабли пробоинами.

А британские суда безмятежно отходили к месту своей стоянки. Они ничуть не пострадали, если не считать пару-тройку дыр, прожженных в парусах.

На холме зрители плакали, не стыдясь.

— Все кончено! — рыдал племянник Комптона.

Печатник обнял его за плечи.

— Да нет, — сказал он. — Все только начинается.

Для Ширин супружеская неверность и предательство были терра инкогнита. Пересуды о чужих изменах — скажем, какой-нибудь дальней родственницы, которую в неблаговидной позе застали с зятем, — ее больше озадачивали, нежели ошеломляли. Как вообще подобное возможно? В каких словах делают предложение любовной связи? И как любовники скрываются от глаз служанок, горничных и прочей челяди?

Она искренне не могла понять, зачем создавать себе такие сложности. Не проще ли жить обыч-

ной жизнью? Что, кстати, гораздо приятнее.

Мысль, что на протяжении тридцати лет муж ее, не вызывая даже крохи подозрения, вел двойную жизнь, оглушила точно обухом по голове. Человек, успешно совмещавший две столь несхожие реальности, казался абсолютным незнакомцем. Больше всего тревожило, что уже из могилы Бахрам потянул ее в свой призрачный мир, это странное измерение, где все лукавство и обман. Мало того, Ширин ему ничуть не противилась и по своей воле устроила новую встречу с Задиг-беем наедине, причем не только ради извинений, но, главным образом, затем, чтоб больше узнать о сыне Бахрама. Неизвестно, обернется ли это добром, но коль уж окошко открылось, захлопнуть его не было сил. Изгнать из дум ребенка Бахрама было так же невозможно, как забыть собственных дочерей.

День поездки в Васай приближался, и Ширин вся извелась от мыслей о возможных мелких каверзах. Грумам, которые утром отвезут ее на причал, наверняка велят сопроводить хозяйку на борт судна и убедиться, что ей обеспечены все удобства. А по возвращении слугам устроят допрос. И что они доложат ее братьям с их женами? Вдруг углядят Задиг-бея и догадаются, что

встреча-то условленная?

По дороге к пристани опасения Ширин достигли такой степени, что она сломала и без того уже изгрызенный ноготь. Но все ее тревоги оказались напрасны: Вико, само благоразумие, прекрасно знал, что делать, и предусмотрел всякие случайности.

Судно, двухмачтовое бателo с командой из шести матросов и зашторенным павильоном в центре палубы, не вызвало никаких нареканий. Задиг-бея не было, зато пассажирку встретила благовоспитанная дуэнья по имени Роза, одежда и манеры которой выдавали в ней монахиню: строгое черное платье с длинным рукавом и воротничком под горло, из украшений только золотой крест.

Она оказалась кузиной Вико — дочерью его тетушки. Год назад муж Розы, гоанец, умер, оставив ее тридцатилетней вдовой.

Вдовство мгновенно сроднило двух женщин. Они взялись за руки, и Роза поведала о своем детстве в Гоа, о том, как вышла замуж за оружейного мастера и перебралась с ним в Макао, где он возьми и умри. Одинокая, бездетная, она вернулась в Индию, чтобы передать кое-какие вещи покойного его родне.

Задиг-бей появился лишь после того, как судно, подняв паруса, вышло в гавань, и сделал это деликатно: Вико о нем предуведомил, дав Ширин достаточно времени, чтобы краем сари прикрыть лицо.

Потом вчетвером пили чай с лепешками *кха-кра*. Задиг рассказывал о ремесле часовщика, атмосфера за столом потеплела, и Ширин уже казалось глупым сидеть под накидкой, тем более что Роза, гораздо моложе ее, и не думала прятать лицо. Позволив краю сари соскользнуть с головы, Ширин о нем больше не вспоминала.

Когда она совсем освоилась, Вико и Роза нашли предлог, чтобы оставить ее наедине с Задигом. Тот, слава богу, продолжил рассказ о хронометрах, неловкого молчания не возникло. Трогательная тактичность собеседника придала сил, и Ширин смогла выговорить заготовленные слова:

— Я должна просить прощенья, Задиг-бей.

— За что?

— За сказанное мною в церкви. Я очень и очень сожалею, что не поверила вам.

— Пустяки, биби-джи. Сказать по правде, ваша преданность мужу меня покорила.

— Хоть он того не заслуживает?

— Поверьте, он очень любил вас и дочерей. Все,

что он делал, было ради вас.

Глаза Ширин увлажнились, но она не хотела тратить время на слезы.

— Пожалуйста, расскажите о сыне Бахрама. Какой он?

— Ну что вам сказать… Жизнь Фредди была нелегкой. Бахрам делал для него все, что в его силах, однако не смог исполнить его главное желание.

— Какое?

Задиг улыбнулся.

— Увидеть вас, биби-джи. Фредди хотел с вами познакомиться, войти в вашу семью. Понимаете, он рос в кантонском плавучем городе, но не был безоговорочно своим даже для «лодочного народа», который у китайцев считается этаким изгоем. Фредди знал, что богатый отец его женат на женщине из видной семьи, и страстно желал хоть крохи признания. Он упрашивал отца отвезти его в Бомбей, но Бахрам-бхай понимал, что ни ваша семья, ни община парсов не примут ублюдка и все станет только хуже.

У Ширин перехватило горло, она откашлялась.

— Возразить нечем, Задиг-бей, муж, наверное, был прав. Возник бы страшный скандал, братья мои и на порог не пустили бы парня. Скорее

всего, и я бы отказалась свидеться с ним. Однако со смертью Бахрама все переменилось. Теперь, когда я знаю о существовании этого юноши, я не успокоюсь, покуда его не увижу. Как по-вашему, он все еще желает встречи со мной?

Задиг решительно кивнул:

— Конечно, биби-джи. Фредди осиротел, он брошен на произвол судьбы. В целом свете у него никого, кроме сводной сестры. Сейчас он еще больше нуждается в вас.

— Но как нам все это устроить?

Часовщик задумчиво сложил пальцы домиком.

— Я проведал, что нынче он в Сингапуре. Если б вы, биби-джи, поехали в Китай, у вас была бы остановка на этом острове. А там свидеться нетрудно.

— Думаете, вы сумеете его разыскать?

— Сумею, биби-джи, наверняка. Если решите пуститься в путь, вы его точно увидите. Все зависит от вас.

Готовясь к ночному свиданию с миссис Бернэм, Захарий не единожды обошел вокруг имения, рассматривая угодья и прикидывая свой маршрут. Деревья, росшие между речным берегом и особняком, служили хорошим прикрытием.

Единственным осложнением могла стать гравийная дорожка, огибавшая дом, по ней предстояло ступать осторожно, чтоб не выдать себя хрустом камешков.

Однако все расчеты перечеркнула погода — незадолго до означенного часа на город обрушилась гроза.

За несколько минут до одиннадцати Захарий натянул шапку, укрыл плечи старой клеенкой, сунул под мышку обернутый парусиной «Трактат» и, осторожно спустившись по скользким от дождя сходням, припустил к имению. Вспышки молний помогли ему быстро отыскать дерево перед будуаром миссис Бернэм.

Дом был темен, но сквозь шторы на окне спальни просачивался свет. Убедившись, что вокруг никого, Захарий метнулся к особняку и одним махом одолел гравийную дорожку. Дверь черного хода открылась послушно, и он проскользнул в дом, не забыв замкнуть щеколду.

Как и было обещано, на первой ступеньке узкой лестницы стояла зажженная свеча. Захарий скинул облепленные грязью башмаки, насквозь промокшую шапку и клеенку. Цапнул свечу и взлетел на площадку. Впереди из-за двустворчатой двери пробивался свет. Захарий двинулся к

ней, осторожно минуя стульчак, умывальник и полки уборной.

Будуар представлял собою большую, богато обставленную комнату, освещенную лампами, язычки пламени в которых чуть подрагивали из-за гулявших по дому сквозняков. Посредине стояла огромная кровать с балдахином, затянутая прозрачной москитной сеткой. Рядом с изголовьем расположились два кресла, в одном из которых сидела миссис Бернэм. При появлении Захария она встала, ее высокая фигура с пышными формами выглядела грозно.

До сих пор Захарий тешил себя надеждой, что необычность встречи несколько смягчит несгибаемую мадам. Однако надежда эта моментально растаяла, ибо нынче облик хозяйки Вефиля был устрашающ как никогда — в руке ее посверкивал тупорылый револьвер, да и само облачение выглядело воинственно: бархатный тюрбан и этакий кокон от горла до пят, мерцавший, точно латы. Лишь приглядевшись, Захарий понял, что это платье «баньян» — балахон из плотного шелка, густо украшенный вышивкой и в поясе перехваченный шнуром с кистями.

Не тратя времени на любезности, в знак приветствия и приглашения войти миссис Бернэм лишь

качнула револьвером, но, заметив, что визитер не сводит с него испуганного взгляда, позволила себе улыбнуться и насмешливо проговорила:

— Я надеюсь, эта штуковинка не обеспокоила вас, мистер Рейд. Я сочла благоразумным удостовериться, что в столь поздний час ко мне пожаловали именно вы, а не какой-нибудь незваный гость, вознамерившийся проникнуть в мой будуар. Что ж, в том я убедилась и могу разоружиться.

Она положила револьвер на столик между креслами, однако Захарий подметил, что оружие осталось в пределах досягаемости, и расслышал предупреждение в следующих словах хозяйки, произнесенных небрежно:

— Между прочим, стрелок я отменный. Знаете, мой отец, бригадный генерал туземной пехоты, любил повторять, что целкость — залог чести дамы.

— Да, мэм.

Захарий похвалил себя, что догадался обернуть «Трактат» парусиной: страшно подумать, какая взбучка ему грозила, если б книга промокла. Он сделал шаг вперед и протянул сверток хозяйке:

— Вот книга, мадам, она, слава богу, ничуть не пострадала от дождя.

— Благодарю вас. — Миссис Бернэм благосклонно кивнула, указав на второе кресло: — Прошу, располагайтесь, мистер Рейд.

— Спасибо. — Захарий отметил на столике графин и два стакана.

Перехватив его взгляд, хозяйка сказала:

— Я подумала, что в такую ненастную ночь капелька бренди не помешает. Сделайте милость, угощайтесь и мне налейте.

Захарий наполнил стаканы и подал один миссис Бернэм, однако руки ее уже были заняты блокнотом и карандашом.

— Время поджимает, и, дабы использовать его с толком, я заранее составила список вопросов, которые необходимо задать, — сказала она. — Ну что, начнем?

Захарий предпринял робкую попытку оттянуть допрос:

— Я даже не знаю…

— Конечно, не знаете, — раздраженно перебила миссис Бернэм. — Что вы можете знать, если я еще ни о чем не спросила? Вы должны понять, мистер Рейд, что зловредность вашего недуга сильно зависит от времени его начала и прочих ранних опытов. Чрезвычайно важно воссоздать точную историю болезни. Значит, прежде всего

надо определить, когда вы пали ее жертвой. Вы помните, сколько вам было лет, когда проявились первые симптомы?

Захарий вспыхнул и опустил взгляд.

— Вы хотите знать, когда я начал…

— Именно. Необходимо установить источник этой заразы. Симптомы возникли сами по себе? Или, так сказать, от общения с другой жертвой?

Негодующий возглас сорвался с губ Захария:

— Боже мой! Неужто вы ждете подобных откровений?

Взгляд миссис Бернэм стал жестким.

— Бесспорно, мистер Рейд.

— Тогда должен вас огорчить, мадам: это не ваше дело, и черта с два я вам отвечу.

Сей бунт не возымел никакого действия, тон миссис Бернэм был неумолимо стальным.

— Позвольте напомнить, мистер Рейд, что вопросы эти и возможные на них ответы мне гораздо неприятнее, чем вам. Не стоит забывать, что не по своей вине я оказалась в печальной ситуации, вынуждающей меня проводить опрос. Я впрямь не понимаю, с какой стати вы тут изображаете скромника, коли на моих глазах сами же явили внезапную выходку вашего… ваших симптомов. Причем дважды.

— То были случайности, мадам, и они не дают вам права подвергать меня подобному допросу.

— Поверьте, мистер Рейд, я задаю вопросы не ради вмешательства в вашу интимную сферу. — В тоне мадам слышалась явная угроза. — Это сбор необходимых данных, которые понадобятся доктору Олгуду для лечения вашего заболевания.

Краска сбежала с лица Захария, он вдруг осип.

— Но вы же ему ничего не скажете?

— Поживем — увидим, — отрезала миссис Бернэм. — Только имейте в виду, что на моем месте доктор Олгуд не обошелся бы одними вопросами.

— В смысле? — Захарий испуганно сжался в кресле. — Что еще ему нужно?

— Он бы счел необходимым обследовать… пораженное недугом место.

— Что? — ужаснулся Захарий. — То есть…

— Да, мистер Рейд, — кивнула мадам. — Доктор Олгуд считает, что обследование — первоочередная задача в подобных случаях. Не убоюсь сообщить, что его дневники содержат подробные измерения и зарисовки известного элемента мужской анатомии. — Она фыркнула и поправила тюрбан. — Вероятно, и вам пришлось бы позировать для портрета, если вы меня пони-

маете.

— Пропади я пропадом! — задохнулся Захарий. — У него что, совсем нет стыда?

— Полно, мистер Рейд. Вы же не думаете, что врач приступит к лечению, не изучив очаг болезни? И если вас обескураживает перспектива быть измеренным и зарисованным в назидание потомкам, то знайте: это далеко не самый радикальный из медицинских методов.

Захарий вздрогнул.

— А что еще?

— В случае необходимости врач прибегнет к хирургическому вмешательству, дабы пресечь рецидив припадков.

— Не может быть!

— Может, может. В наиболее тяжелых случаях крайнюю плоть пронзают шпилькой. Доктор Олгуд говорит, что подобным средством он излечил немало душевнобольных.

— Мать честная! — Захарий согнулся и сплел ноги. — В нем ни капли жалости, что ли?

Миссис Бернэм мрачно улыбнулась.

— Вот видите, мистер Рейд, у вас веская причина быть благодарным, что опрос провожу я, а не доктор Олгуд. По-моему, все яснее ясного: для вас же лучше честно и откровенно ответить на

мои вопросы.

Категоричность, с какой это было сказано, раздула пламя бунта, тлевшего в душе Захария. Он вскочил на ноги и закричал:

— Нет, мадам! Этот допрос абсолютно беззаконен, и я вам не подчинюсь! Желаю доброй ночи!

Захарий шагнул к двери, но его догнал голос миссис Бернэм, в котором звенела угроза:

— Попомните, мистер Рейд, что ваш отказ от лечения вынудит меня передать доктору Олгуду все имеющиеся сведения о вашей болезни. И я не сомневаюсь, что, узнав о происшествии на балу, он сочтет необходимым оповестить соответствующие органы.

Захарий резко обернулся:

— То есть вы обратитесь в полицию?

— Да, если будет нужно.

— Но это же просто чудовищно, мадам!

— Отнюдь, это вовсе не столь чудовищно, как оскорбление моей стыдливости на балу и в комнате для рукоделия. Иль вы забыли, что в данной ситуации я — жертва? Я бы не исполнила свой долг перед женским полом, если б не приложила все силы к тому, чтоб более ни одна дама не пострадала от подобных оскорблений. Согласитесь, это вопрос общественной безопасности.

Переминаясь с ноги на ногу, Захарий отер рукавом лицо в бисеринах пота. Заметив, что он колеблется, миссис Бернэм не преминула усилить натиск:

— Разумнее пересмотреть ваше решение, мистер Рейд. Стоит секунду поразмышлять об имеющихся у вас вариантах, и станет очевидным, что лучший из них — мой опрос. И все это вам же во благо, не правда ли?

Захарий сник, словно из него выпустили воздух. Волоча ноги, он вернулся к креслу и налил себе бренди.

— Так что вы хотели узнать, миссис Бернэм?

В тот день, когда полк закончил марш к месту своей постоянной дислокации в Рангпуре, Кесри не возглавлял походную колонну. Его роту нарядили в тыловое охранение, что означало необходимость дождаться окончания погрузки палаток и боеприпасов на телеги и мулов, а затем медленно двигаться вслед за повозками с больными и ранеными. Лазарет часто останавливался, дабы санитары обиходили своих подопечных, и тогда арьергардная рота выставляла посты охранения от бандитов и грабителей.

Обычно переход старались закончить до наступления дневного зноя. Но лишь головные

части колонны пользовались этим благом, а вот арьергард продолжал движение и в самое пекло. Из-за железных каркасов киверов, накалившихся под полуденным солнцем, сипаям казалось, будто им нахлобучили кипящие котелки.

Кесри, старше всех в роте, переносил поход тяжелее своих солдат, которые были почти вдвое моложе его и не обременены таким множеством старых ран. Заботясь о себе, после обеда он объявил долгий привал, чтобы переждать жару. Разомлевшие на отдыхе сипаи двигались еле-еле, и марш возобновился уже на закате. Когда впереди замаячили огни военного городка в Рангпуре, был поздний вечер; тужурка Кесри вся пропиталась потом, толстый слой пыли, осевший на влажную ткань, напоминал штукатурку.

До лагеря оставалось около мили, и тут вдруг из тьмы вынырнул Пагла-баба.

— Поспеши! — крикнул он, цапая Кесри за руку. — Субедар ждет тебя прямо сейчас!

— Зачем это?

— Не ведаю, тебе приказано срочно явиться в его палатку. Там уж собралось начальство — джамадары, хавильдары, найки.

— Много их?

— Человек девять-десять.

Кесри насторожился. Подобное собрание туземных командиров было событием необычным и в лагере, и в городке. Английские офицеры категорически запрещали этакие сборища, полагая, что они приводят к заговорам и мятежам. Собрания допускались только с одобрения адъютанта, но позволяли их крайне редко, и лишь для решения семейных и кастовых вопросов. И потому совещание в столь позднюю пору было чем-то неслыханным.

Пагла-баба прямо-таки читал мысли Кесри.

— Субедар получил разрешение адъютанта, — сказал он. — Похоже, дело сугубо семейное, приглашены только близкие родственники. Встречают гостей, проделавших долгий путь из деревни под Гхазипуром.

— Тебе эти гости знакомы?

— Только один. Он и твой родственник — брат Хукам Сингха.

— Чандан Сингх?

— Он самый. Деверь твоей сестры Дити, верно?

— Да. Что он здесь делает?

— Не ведаю. Поторопись, Кесри!

Миссис Бернэм глянула свои записи.

— Если помните, я спросила, когда впервые проявились симптомы вашего недуга.

Захарий опорожнил стакан и снова себе налил.

— Кажется, лет в двенадцать-тринадцать.

— Они возникли сами по себе или от общения с другой жертвой?

Захарий выпил залпом.

— Дружок Томми научил.

Карандаш порхнул над страницей и замер. Миссис Бернэм прокашлялась.

— Позвольте узнать, мистер Рейд, знакомы ли вы… с действом, которое Божественное провидение замыслило как священный акт продолжения рода.

Захарий тоже откашлялся.

— Если вы спрашиваете, познал ли я женщину, мой ответ — да.

— И сколько же, осмелюсь спросить, вам было лет, когда вы впервые вступили в интимную связь?

Захарий налил бренди в оба стакана.

— По-моему, шестнадцать.

— И кто была эта женщина?

— Шалава, если вам так интересно.

— В смысле, женщина с улицы?

Захарий фыркнул.

— Скорее, из дома. Публичного.

— Вы часто бывали в этих домах, мистер Рейд?

— Раза четыре или пять, не помню.

— Понятно. — Миссис Бернэм глубоко вздохнула и, помолчав, спросила: — И только с этими женщинами вы… совокуплялись?

— Да.

— Мистер Рейд… — Миссис Бернэм покашляла и пригубила бренди. — Чрезвычайно важно, чтобы вы были со мной откровенны.

Захарий вскинул бровь.

— Я вас не понимаю, миссис Бернэм. Я так откровенен, что куда уж больше.

Мадам осуждающе нахмурилась.

— Нет, это неправда.

Захарий ответил гневным взглядом.

— Откуда такая уверенность? Вы же обо мне ничего не знаете.

— Прошу вас, мистер Рейд, подумать и быть со мной искренним, — не отставала мадам. — Если б я спросила, был ли в вашей жизни случай, когда вы соблазнили и обесчестили невинную девушку, смогли бы вы с чистой совестью опровергнуть сей факт?

— Да, черт возьми, смог бы! — рявкнул Захарий. — Ничего подобного я не делал!

— Но у меня иные сведения, мистер Рейд. Я

знаю наверняка, что вы растлили одну, по крайней мере, несчастную девушку.

— Вы не можете знать наверняка, потому что это вранье! — взбеленился Захарий. — Я никого не растлевал!

— А что, если об этом я узнала от самой жертвы и вот в этой самой комнате?

— Говорю вам, не было никакой жертвы! — заорал Захарий. — Я понятия не имею, о ком речь!

Глядя ему в глаза, миссис Бернэм произнесла:

— О Полетт Ламбер. Станете ли вы отрицать, что соблазнили эту милую девушку и надругались над ней?

У Захария отвисла челюсть, на мгновенье он лишился дара речи, но потом залопотал:

— Не может быть… Полетт не могла такое сказать… не было этого…

— Однако вот сказала. Я это слышала из ее собственных уст. В этой комнате.

— Что именно она сказала?

— Отвечу. Это было в прошлом году, когда Полетт жила у нас. Я призвала ее к себе, дабы сообщить, что судья Кендалбуш жаждет взять ее в супруги. Не скрою, я очень рассчитывала на согласие Полетт. За то короткое время, что она провела с нами, я полюбила ее всей душой. Если

б она приняла предложение судьи, то поселилась бы неподалеку, и наша теплая дружба сохранилась бы и продолжилась. Но не тут-то было: несмотря на все мои увещевания, Полетт отказалась наотрез, чем пробудила во мне подозрения. Я спросила, не отдано ли ее сердце другому. Она этого не отрицала, и тогда я справилась, не вы ли тот молодец, и Полетт не стала отпираться. Подозрения мои окрепли, и я поинтересовалась, не имела ли место преступная связь, и вновь Полетт не сказала «нет», но даже, напротив, известила, что ждет ребенка!

— Невероятно! — опешил Захарий. — Как я признался, мне ведомо, от чего появляются дети, но уверяю вас, миссис Бернэм, у нас с Полетт ничего подобного не было!

— Сожалею, мистер Рейд, но вы, конечно, согласитесь, что нельзя полагаться на слово человека вроде вас, раба похоти, который не стыдится у всех на виду «драить штырь» и настолько не владеет собою, что в публичном месте возбуждается при виде женщины, годящейся ему в тетушки!

— Полноте, не такая уж вы старая, — вяло возразил Захарий.

— Даже если б я годилась вам в бабушки, это не имело бы значения для такого распутного

прохвоста, как вы! — Миссис Бернэм повысила голос. — Скажу вам прямо: со дня бегства Полетт из нашего дома я знала, что тому виной вы. У меня не было и тени сомнения, что она скрылась, дабы родить незаконного ребенка. Своими опасениями я поделилась только с Ноб Киссином-бабу, и он со мною вполне согласился. Кроме него, о том я не сказала никому, даже мужу, ибо не хотела навлечь еще больший позор на Полетт. Но знайте: воздаяние неизбежно. Как только вы здесь появились, я вознамерилась открыть вам пагубность вашей жизни и поквитаться с вами за то, что вы сотворили с Полетт.

Миссис Бернэм разгорячилась, на щеках ее зардели яркие пятна. Удивительно, но пылкость ее охладила Захария, и с минуту он раздумывал, как убедительнее представить всю беспочвенность этаких домыслов.

— Вы, безусловно, правы в одном, миссис Бернэм, — наконец сказал он спокойно. — Да, с нашей первой встречи на «Ибисе» меня ужасно тянуло к Полетт. Однако мы виделись наедине всего раз-другой, и всякое такое свидание заканчивалось спорами или ссорой. Признаюсь, был один поцелуй, но и только. Еще я предложил ей выйти за меня, но она и слышать о том не хотела.

Что касаемо соблазнения и надругательства, это было бы смешно, не будь столь оскорбительно. Подобное ей ничуть не грозило. И если она ждала ребенка, то уж, конечно, не от меня…

Тут вдруг Захария осенила мысль, и слова замерли на его губах. Он откинулся в кресле и, уставившись в потолок, поскреб подбородок, а предположения уже роились в его голове.

— В чем дело, мистер Рейд?

Мадам отложила блокнот и, подавшись вперед, вперила любопытный взгляд в Захария, которого обуяло злорадство, ибо внезапно они поменялись местами, точно корабельные офицеры, друг другу передавшие вахту.

— Пустяки, миссис Бернэм, — с напускным равнодушием ответил Захарий. — Так, мыслишка одна пришла.

— Какая? Пожалуйста, скажите.

Захарий немного помедлил, наслаждаясь просящим тоном мадам.

— Даже не знаю, стоит ли говорить.

— А что такое?

— Понимаете, какая штука, миссис Бернэм, это больше касается вас, нежели меня и Полетт, и может причинить вам большое огорчение.

Мадам опустила глаза.

— Скажите, это как-то связано… — начала она скрипучим, напряженным голосом, но смолкла и теперь сама отерла лицо, — с моим мужем?

— Да, — кивнул Захарий.

Миссис Бернэм прижала к груди руки с переплетенными пальцами.

— Вы обязаны все рассказать, мистер Рейд. Я должна знать.

Голос ее напрочь утратил былую властность, в нем слышалась только мольба. Просто не верилось, что еще минуту назад эта женщина командирским тоном отдавала таящие угрозы приказания.

— Вы в этом уверены? — спросил Захарий. — Обратной дороги не будет.

— Я уверена.

— Что ж, воля ваша.

Захарий переждал близкий раскат грома.

— Будем надеяться, вы не раскаетесь в своем решении. Как-то ночью, вскоре после своего бегства, Полетт устроила нашу встречу. Она сказала, что никогда не вернется в Вефиль, и умоляла взять ее на «Ибис», чтобы добраться на Маврикий. На мой вопрос о причинах столь отчаянного шага она ответила, что желает любой ценой бежать из Калькутты, ибо страшится…

— Мистера Бернэма?

— Да. Я осведомился, не было ли чего-нибудь непристойного между нею и вашим мужем, и она поведала странную историю…

— Продолжайте. Я вся внимание.

— Дескать, мистер Бернэм частенько приглашал ее в свой кабинет для приватного изучения Писания…

— Дальше, мистер Рейд.

— Через несколько уроков, сказала она, мистер Бернэм… кое о чем ее попросил.

— О чем же?

— Что ж, не стану скрывать: он желал порки. Похоже, ему нравилось, когда женская рука пройдется по его огузку. Я этого не понимаю, однако на свете чего только не бывает.

— Полетт это сделала?

Захарий кивнул.

— Она согласилась, потому что мистер Бернэм был добр к ней и ей не хотелось выглядеть неблагодарной. Но потом она сообразила, что затея эта весьма опасная, и решила бежать.

— Скажите правду, мистер Рейд: она сбежала, потому что ее соблазняли, а потом взяли силой?

— Сейчас я почти уверен, что так оно и было. Хотя в том нашем разговоре она сказала, что

решила бежать, чтоб до этого не дошло. Тогда я ей поверил, но вот после вашего рассказа понимаю, что кое-что она скрыла и даже, откровенно говоря, солгала мне.

Миссис Бернэм закрыла руками лицо и беззвучно заплакала.

— Неважно, что там произошло между Полетт и вашим мужем, — поспешно сказал Захарий, — но, уверяю вас, она не была беременна. Наверное, просто поделилась с вами своими опасениями.

— Откуда вы знаете?

— Через некоторое время мы с ней снова встретились, уже на «Ибисе». Будь она на сносях, это стало бы заметно, но не было абсолютно никаких признаков. Может, это хоть немного вас утешит.

— Утешит? — всхлипнула миссис Бернэм. — О каком утешении вы говорите, если только что подтвердили мои наихудшие страхи и подозрения?

Она всем телом содрогнулась в рыдании, и бретелька платья свалилась с ее плеча, открыв тонкую ткань сорочки, обтянувшей пышную грудь. Захарий виновато отвел глаза и спросил:

— Значит, у вас были подозрения?

— Да, — кивнула миссис Бернэм. — Порой я гадала, не происходит ли нечто предосудительное

между моим мужем и теми девушками, кому мы давали приют. Но Полетт казалась невиданно чистой душой, я не могла и подумать… Оттого-то и *расточала* на нее свою любовь. Теперь даже не знаю, чье предательство хуже — ее или моего супруга.

Уткнувшись в ладони, она опять зарыдала и, уже вовсе не статная, согнулась к самым коленям. Захарий присел перед ней на корточки.

— Знаете, предали не только вас, — негромко сказал он. — И меня Полетт обманула и предала. А я-то думал, она любовь всей моей жизни. — Сомневаясь, что его слышат, Захарий коснулся плеча мадам: — Миссис Бернэм?

Она подняла голову и, сощурившись, прошептала:

— Ой, смотрите-ка, мистер Рейд, ваши волосы все еще мокрые… от дождя, наверное…

Мадам осторожно коснулась темных кудрей, а потом вдруг запустила в них пальцы и, притянув к себе Захария, впилась в его губы.

Ответ его был столь неистовым, что покачнувшееся кресло завалилось набок и пара очутилась на полу рядом с тюрбаном, соскочившим с головы миссис Бернэм. Не прерывая поцелуя, Захарий занялся ее платьем и, пока от него избавлялся,

раз-другой вместе с ней перекатился по ковру. Наконец он добрался до сорочки, но та заупрямилась, не желая расставаться с хозяйкой, и тогда Захарий просто рванул ткань, обнажив скрытую под ней спелую грудь.

Мадам пошла тем же путем, с треском разорвав на нем рубашку. В борьбе с собственными штанами и подштанниками Захарий, пытаясь их скинуть и одновременно раздевая миссис Бернэм, врезался во что-то, откликнувшееся хрустом переломленной деревяшки и звоном разбитого стекла. Захарий испуганно вскинулся, но мадам, не выпуская его из объятий, прошептала:

— Ерунда… столик и графин… За грозой не слышно…

Лоскутья разорванной сорочки и штаны Захария, сползшие к лодыжкам, были досадной помехой. В попытке от нее избавиться пара вновь перекатилась по полу, ощутив под спинами нечто твердое. Захарий уже приник губами к соску миссис Бернэм и потому не удосужился глянуть, что это было, и только уловил шепот над ухом:

— Пустяки… мой револьвер…

Миссис Бернэм обвила Захария руками и ногами, словно утопающий, вцепившийся в ветку. Приоткрытые губы ее исторгли стон, плавно пе-

решедший в долгий пронзительный крик, и она резко прогнулась, будто желая сделать мостик, а потом вдруг обмякла и замерла. Застыл и Захарий, ибо ему казалось, что в недрах его тела запалили бикфордов шнур и теперь искрящийся огонек по спирали бежит на дно какой-то невероятно глубокой шахты. Вот он достиг заряда, и тогда ахнул мощный взрыв, от которого хрустнула каждая косточка и свело судорогой мышцы. Взрывная волна мигом докатилась до головы, и перед глазами вспыхнул, а затем медленно померк ослепительный золотистый свет, уступая место густой тьме.

Возвращение к реальности было чем-то, не изведанным прежде, и казалось не подъемом с темной глубины на поверхность, но мягким планированием с облака. Захарий потерял счет времени и осознал только, что так и лежит на полу в объятьях миссис Бернэм.

Когда он шевельнулся, она прошептала:

— Нет, погоди еще немного. Завтра нас затопит океаном вины и угрызений совести. Коль уж нам отпущена всего одна ночь, так пусть кара будет заслуженной.

Захарий удивленно приподнял голову:

— О чем ты? Хочешь сказать, другого раза не

будет?

Миссис Бернэм нежно коснулась губами его щеки.

— Нет, не будет, мой милый. Мне очень жаль, но иначе нельзя. Это наш единственный и последний раз. Не понимаешь, что нам грозит большая опасность? Мистеру Бернэму хватит полунамека, чтобы убить нас обоих. Риск слишком велик.

— Но откуда взяться полунамеку? Мы будем осторожны, правда? Наверняка еще случатся ночи, когда слуги уйдут из дома.

Миссис Бернэм покачала головой и печально улыбнулась.

— И что потом? К чему это нас приведет? Ты неимущий юноша, я жена и мать, притом гораздо старше тебя.

— А сколько тебе?

— Тридцать три. А тебе?

— Двадцать один. Скоро двадцать два.

— Вот видишь. — Она поцеловала Захария в лоб. — Я гожусь тебе в тетушки и быстро надоем. Ладно, хватит гадать о будущем, давай-ка сполна используем отпущенное нам времечко.

В военном городке шатер субедара стоял возле плаца, по другую сторону которого высились палатки английских офицеров. На парусино-

вую стенку одной из них падала неестественно большая тень капитана Ми, сидевшего перед зажженной лампой.

Шатер субедара тоже был ярко освещен свечами и лампами. В нем собралось человек пятнадцать полковых унтер-офицеров, родичей Нирбхай Сингха. В отличие от Кесри, явившегося в пропыленной форме, все они уже переоделись в цивильное — дхоти и рубахи.

Из прибывших гостей Кесри знал только Чандан Сингха, губошлепа с бегающим взглядом. Однажды они встречались в Барракпоре, куда будущий деверь Дити приезжал за своим братом, уволенным из армии. Тогда он специально разыскал Кесри, чтобы поблагодарить за спасение Хукам Сингха.

Кесри уже приготовился выразить ему обычное соболезнование в связи со смертью брата, но слова замерли на его губах, когда он увидел злобный оскал и налитые кровью глаза Чандан Сингха.

Тут что-то не то, подумал Кесри. Субедар не предложил ему сесть, и он один оставался на ногах, хотя все остальные, даже те, кто ниже чином, сидели. Не сразу, но все же стало ясно, что это не просто умышленное оскорбление: похоже, он предстал перед трибуналом, этаким гибридом

полевого суда и *панчаята*[45], где Нирбхай Сингх в роли верховного судии.

Кесри встал по стойке смирно.

— Вы посылали за мной, субедар-саиб?

— Да, посылал, поскольку нынче мы получили очень важные известия.

Субедар говорил сурово, негромко и размеренно. Кесри узнал эту манеру, которую тот приберегал для выступлений на военно-полевых судах. Лицо его было неулыбчиво и серьезно, слова он цедил медленно, выговаривая тщательно. Речь его текла монотонно, и если требовалось в ней что-нибудь подчеркнуть, он поглаживал усы.

— Давеча я тебя уведомил, что получил письмо, извещавшее о смерти моих родичей. — Субедар смотрел Кесри в глаза. — Погиб мой брат Бхиро Сингх, и умер мой племянник, а твой зять Хукам Сингх, с кем ты служил в Бирме. Сегодня мы узнали подробности его кончины, их сообщили Чандан Сингх и другие наши деревенские родственники, проделавшие очень долгий путь. Оказалось, все гораздо сложнее, чем мы думали. — Нирбхай Сингх выдержал паузу. — Стало известно, что в этих событиях замешан и ты.

---

[45] Примечания: 45

Панчаят — совет старейшин касты в конкретной местности, орган самоуправления в Индии.

— Я? — изумился Кесри. — Но я же был здесь, с вами, и знать не знал о том, что случилось. Как же я могу быть замешан?

— Через твою сестру. — Голос субедара чуть дрогнул, он смолк и погладил усы, но потом опять заговорил ровно: — Выяснилось, что она была в преступной связи с другим мужчиной, скотником из низшей касты.

Сходка отозвалась негодующим ропотом, а Кесри ошеломленно уставился на субедара и воскликнул:

— Не может быть! Я знаю свою сестру, она бы никогда такого не допустила!

И тогда Чандан Сингх, забившийся в угол, не выдержал и заорал:

— Если б ты знал эту суку, ты был бы в курсе, что она *ранди*, потаскуха! И вдобавок убийца! Она отравила мою мать и брата!

— *Чуп рах!* — оборвал его субедар. — Тебе слова не давали! — Он снова обратился к Кесри: — Сегодня, хавильдар, нам стало известно, что твоя сестра и скотник сбежали сразу после смерти Хукам Сингха. Похоже, она заранее готовилась к побегу, ибо спрятала свою дочь. И потому сильно подозрение, что Хукам Сингх был отравлен. Однако мы это опустим, поскольку сей факт недо-

казуем. Но вот что определенно: пара тщательно спланировала свое бегство. Они решили записаться в гирмиты и отбыть на заморский остров Маврикий. Однако в пути мой брат Бхиро Сингх узнал беглецов, чем накликал свою смерть. Его убил любовник твоей сестры, и она ему в том помогла.

Для Кесри все это было чистейшей воды вымыслом.

— *Э на хо саке*, это какой-то кошмар! — Он недоуменно потряс головой. — Субедар-саиб, вы знаете, как я вас уважаю, но разве могу я поверить вашим словам? Сестра из деревни-то никогда не выезжала, какое уж тут бегство за море? Курам на смех.

— Однако именно это и произошло, — сказал Нирбхай Сингх. — В Калькутте уже давно провели официальное расследование. Мы о том не знали, поскольку были в походе. Но все выводы и решения опубликованы на английском и хиндустани. — Он показал два бумажных листа: — Вот они. Мы их изучили, и никаких сомнений не осталось. Чандан Сингх и другие наши родичи ездили в Калькутту на слушания по делу, они хотели убедиться, что душегубы получат по заслугам. Но Господь уже сам распорядился:

убийца Бхиро Сингха, любовник твоей сестры, сдох — он утонул, пытаясь сбежать с корабля. А вот сестра твоя жива, и пока она топчет эту землю, ни мне, ни моей семье не знать покоя, ибо невозможно забыть позор и бесчестье, какими покрыли нас, да и тебя, кстати, тоже.

Кесри опять помотал головой:

— Тут какая-то ошибка, речь о другой женщине, я знаю свою сестру…

— *Аур хам тохра се ачха се джаани таани!* А вот я ее знаю получше тебя! — Потрясая кулаками, Чандан Сингх сорвался с места. — Сестра твоя — блядь и сука! Семь лет она жила по соседству, и уж мне есть что о ней порассказать! Изо дня в день, только выйдем в поля, она себя предлагает. Давай, говорит, заделай мне ребенка. Стыдись, отвечаю, ты жена моего брата! Но разве блядям ведом стыд? Ни с кем другим не вышло, так она спелась с грязным скотником. Люди своими глазами видели, как по утрам он от нее выползал, кого хочешь спроси…

Кесри не успел опомниться, как ноги его сами сделали шаг вперед, одна рука схватила Чандана за грудки, а другая на коротком замахе нанесла удар, в который тело вложило свой вес. Губошлеп отлетел, врезавшись в парусиновую стенку

шатра.

Кесри изготовился к новому броску, но ему помешали — четверо навалились, заломили руки и развернули лицом к субедару, сохранявшему полное спокойствие.

— Слушай меня, Кесри Сингх, — сказал он все так же сурово и монотонно. — Наша семья для тебя сделала много. Мы взяли тебя в этот полк, хоть ты не нашего рода. По доброте душевной мы тебя опекали, помогли тебе с чином, который нынче ты носишь. Мы пошли еще дальше, приняв в семью твою сестру, пересидевшую в девках чернавку и бесприданницу. Вот что мы для тебя сделали, однако ты ни разу не выказал благодарность, не дал понять, что ты это ценишь. За нашими спинами ты нас поносишь и смеешься над нами. Нам известно твое мнение, что без тебя полк никак не обойдется. Все это для нас не секрет. Мы мирились с твоими выходками, ибо щедры душой и умеем прощать. Тут мне доложили, что ты, узнав о смерти моего брата, накупил сластей для полковых девок! И вновь я промолчал, зная, что тебя накажут небеса. Так оно и случилось, ибо за то, что произошло, спуску нет. Наша семья запятнана, и сам ты замаран. Для тебя, Кесри Сингх, есть только один способ восста-

новить свою честь — ты должен доставить сюда сестру, чтобы она ответила за то, что сотворила. До той поры никто в полку — ни унтеры, ни рядовые — не станет с тобою пить и есть, не скажет тебе ни единого слова. Отныне здесь тебе места нет, а не захочешь уйти, ты станешь призраком. Утром я все объясню английским офицерам, они уважают наши решения касательно семейных и кастовых дел. Я скажу, что для нас ты — пария, изгой. В наших глазах ты просто бродячий пес, ты грязнее грязи. Твое пребывание в этом шатре нестерпимо, оно оскорбительно для нашего братства. Ты не смеешь переступать порог наших жилищ. Больше мне сказать нечего. — Субедар смачно харкнул на землю. — Сгинь с глаз моих, Кесри Сингх! Чтоб я тебя больше не видел!

Глава 7

Дорожка от шатра субедара до палатки Кесри показалась нескончаемой. Несмотря на поздний час, в лагере было людно — сипаи, перешептываясь, кучковались возле палаток. Кесри прошел мимо солдат своей роты, но никто его не окликнул и даже не посмотрел в его сторону — все уже, конечно, знали, что он объявлен изгоем. Вокруг него образовалась пустота, словно он был источником заразы.

Кесри чувствовал любопытные взгляды вслед, улавливал злорадный шепоток. Пусть бы кто-нибудь вякнул хоть слово, он охотно затеял бы драку. Но подобной радости ему не доставят — его боялись, никто не рискнет с ним связываться.

Возле его палатки собачья свора грызлась из-за объедков, которые кто-то вывалил перед входом. Не сбавляя шага, Кесри прошел мимо псов — за ним, конечно, наблюдают, и черта с два он даст повод для злобного зубоскальства.

В палатке все было перевернуто вверх дном, а денщик исчез. Похоже, малый не упустил возможность смыться, прихватив кое-что из по-

житков командира.

Кесри запалил свечу и, собирая разбросанные вещи, наткнулся на красочную картинку, нарисованную на куске ткани. Портрет девочки, выполненный смелыми мазками. Кесри тотчас узнал произведение Дити, изобразившей свою дочку Кабутри. Сестра подарила ему этот рисунок, когда в его последний отпуск они виделись в Наянпуре.

Кесри присел на койку и, опершись локтями о колени, задумчиво уставился на портрет.

Что же стало с Кабутри? А с Дити?

Россказни о любовнике и бегстве за море не стоят выеденного яйца, но все же кое-что в этой истории правда — скажем, смерть Хукам Сингха. Здоровье бедняги неуклонно ухудшалось, и кончина его не столь уж неожиданна. Можно поверить и в то, что после смерти мужа Дити попыталась вырваться из хватки его семьи.

С ней явно что-то случилось, но вот что? Потому-то, наверное, и молчали родные — видимо, дело настолько щекотливое, что его не раскроешь перед наемным писцом, которому обычно диктуют письма. Всю правду узнаешь, только оказавшись дома, но отпуска еще ждать и ждать.

Кесри повалился на койку и замер, прислу-

шиваясь к привычным лагерным звукам: звону колокола, отбившего время, смеху пьяных солдат, возвращавшихся из борделя, ржанию лошадей в стойлах. Где-то вдали молодой голос пел песню о побывке в родной деревне.

Девятнадцать лет полк был домом и семьей Кесри, но вот теперь стало ясно, что они так и не сроднились. Мечтам его о чине субедара сбыться не суждено. Нирбхай Сингх с родичами этого никогда не допустят: они видели в нем незваного чужака и нашли бы способ ему воспрепятствовать. Противнее всего, что все это никакая не новость, в душе он всегда это знал, но только боялся признать.

От мысли этой нахлынула неприязнь к себе и тем, кого считал товарищами по оружию. Вспомнилось, как он отмахивался от слов Гулаби, предупреждавшей о недоброжелателях. Теперь и ей придется оборвать с ним связь, иначе лишится своей должности в борделе — уж этим субедар озаботится.

Кесри понимал, что ради Гулаби, да и собственного блага ему надо покинуть полк. Изгою нести службу невозможно, такие примеры уже бывали. Во власти субедара сделать так, что он не сможет исполнять свои обязанности: на утреннем по-

строении никто не подчинится его приказам.

Сомнений нет — придется уйти. Но вот куда? С его званием и должностью перевод в другую часть весьма затруднителен, отставка же означает потерю пенсии, до которой осталось всего ничего. Ну и как быть?

Надо ж всем этим событиям подгадать такое время, когда он жутко устал и голова соображает плохо. Вытянувшись на койке, Кесри задремал. Когда он очнулся, рядом сидел Пагла-баба.

— Чего ж ты дрыхнешь, Кесри? Не слыхал, что завтра Ми-саиб отбывает в Калькутту?

Кесри рывком приподнялся:

— Что-что?

— Разве он тебя никуда не звал?

Сразу вспомнилось предложение адъютанта.

— Хочешь сказать, мне надо стать волонтером?

— Ну да, а что еще остается?

Кесри соскочил с койки и выглянул из палатки. Уже минула полночь, но в жилище адъютанта на другой стороне плаца по-прежнему горела лампа.

— Ступай, не медли, — сказал Пагла-баба.

Кесри схватил его за руку:

— Сейчас иду. Слушай, у меня просьба: скажи

Гулаби, чтоб ночью пришла, я хочу повидаться напоследок.

— *Тхик хай*, ладно, передам.

Пагла-баба исчез так же бесшумно, как появился. Расправив плечи, Кесри зашагал к палаткам англичан.

Будь на месте капитана кто другой, он бы не решился беспокоить офицера в такой час. Но у них с Ми были иные отношения, и горевшая лампа в палатке адъютанта как будто говорила, что он кого-то поджидает.

— Разрешите, Ми-саиб?

— Кто там? — Капитан откинул входной клапан и выглянул наружу. — А, это ты, хавильдар. Заходи.

Ми готовился к отъезду: возле койки набитый вещами сундук, на столе кипа бумаг.

— Рано утром отбываю в Калькутту, — коротко известил капитан.

— Я знаю, сэр. Потому и пришел.

— Да? Ну говори.

— Я хочу поехать с вами.

— Вот как?

— Так точно. Решил стать баламтёром.

Капитан широко улыбнулся и протянул руку Кесри:

— Ай да хавильдар! Молодчина! Не знаю, почему ты передумал, но я чертовски этому рад!

Наигранная веселость и притворное неведение не обманули Кесри. Как всякий толковый адъютант, Ми был в курсе всего, что происходит в полку, никакие стычки и ссоры, кражи и дрязги не ускользали от его внимания. Для Кесри, побывавшего первым и наиболее доверенным информатором капитана, не было секретом, что в каждой роте или взводе у него есть осведомители. Весть о сходке в шатре субедара тотчас достигла его ушей, и он, конечно, мгновенно понял, чем она грозит Кесри. В полку и раньше объявляли изгоями не только сипаев, но и английских офицеров, которых, как в таких случаях говорилось, «отправляли в Ковентри», то бишь подвергали остракизму.

Кесри понял, что вовсе не по неведению, но из тактичности адъютант не обмолвился о его бедах.

— Спасибо вам, каптан-саиб, — сказал он, растроганный донельзя.

— Значит, решено, — отмахнулся от благодарности капитан. — Не думаю, что командир полка станет возражать, но давай-ка подпишем бумаги прямо сейчас, чтоб утром сразу их подать.

Оформляя документы, он был деловит, и только, но, покончив с бумажной волокитой, встал из-за складного столика и обнял Кесри за плечи.

— Я очень рад, что ты едешь, хавильдар, — сказал он с необычной серьезностью. — И сильно на это надеялся. Вряд в полку найдутся два других человека столь близких, как мы с тобой.

От подобной прямоты Кесри опешил. Сам он не сумел бы так сказать, но его поразила верность этих слов. После почти двадцати лет совместной службы никто из однополчан ему не посочувствовал, и единственный, кто дружески его обнял, был человек не его касты и цвета кожи, но англичанин, от кого это никак не ожидалось. У Кесри защипало глаза, и он с изумлением понял, что сейчас расплачется.

К счастью, разговор уже завершался.

— Ну вот и ладно, — сказал адъютант. — Утром после завтрака подойди к офицерской столовой.

— Слушаюсь. — Кесри отсалютовал и вышел из палатки.

Была глухая ночь, городок опустел. Кесри вернулся к себе и собрал вещи в дорогу, то и дело прислушиваясь, не раздадутся ли шаги Гулаби, хотя в душе знал, что она не придет. Обиды он не держал — если б их застукали, ее бы ждало

суровое наказание, и, конечно, безрассудно так рисковать куском хлеба, своим и подопечных девушек.

Все это Кесри прекрасно понимал, однако мысль, что они больше никогда не увидятся, наполняла печалью. Никто так не знал его ран, как она. Проворные пальчики ее вдыхали жизнь в грубые рубцы и творили чудеса, превращая старые раны в оазисы наслаждения. Казалось, сейчас все его шрамы вопиют об этих руках.

Вспомнилась их первая встреча, когда он, зеленый рекрут, пришел к Гулаби, а его внутренний голос увещевал, что в свой срок за удовольствие взыщут высокую плату. И вот такой день настал. Кесри твердо решил, что отныне он вновь исповедует самодисциплину и воздержание, забытые по вступлении в полк, — возвращение к *брахмачарье*[46] станет карой за годы солдатской распущенности.

Вспомнились бои, перестрелки, былая гордость за свой полк, и во рту возникла противная горечь. Но ведь именно Дити способствовала тому, что он оказался в этом полку. Не знак ли судьбы, что она же стала причиной ухода из него? Однако зло-

[46] Примечания: 46

Брахмачарья — практика, которой должен следовать ученик брахмана: самоограничение в сексе, еде, питье, речах.

сти на сестру не было. Во всем виноват он один: предался тщетной надежде и ради собственных амбиций пожертвовал своей любимицей, отдав ее в семью Бхиро Сингха, хотя отлично знал, что там за люди.

И если теперь Дити потребовала расплаты, винить ее в том нельзя.

После той ночи любви Захарий себя чувствовал еще хуже, чем предрекала мадам: его не только снедали угрызения совести, вдобавок он холодел от страха перед вероятным возмездием мистера Бернэма, знаки всесилья которого мерещились повсюду. Что Берра-саиб с ним сделает, прознав о неверности жены? Содрогаясь от этой мысли, Захарий крыл себя последними словами за бездумный риск ради единственной ночи удовольствия.

Но, как ни странно, раскаянью не удавалось полностью стереть память о тех ночных событиях. Пусть в голове мутилось от дурных предчувствий, однако тело откликалось зудом, когда иные его органы доставали из собственных кладовых воспоминания о пережитом взрыве наслаждения. И тогда самобичевание превращалось в сожаление — Захарий крыл себя последними словами уже за то, что не продлил

ту ночь, ловя себя на мысли, что готов отдать все на свете, лишь бы она еще разок повторилась.

Конечно, это было невозможно. В словах мадам «наш единственный и последний раз» звучала бесповоротность приговора. Захарий часто говорил их себе, и они служили этаким утешением, когда бремя вины и страха становилось уж вовсе нестерпимым. Но порой тон этих слов, гулким эхом звучавших в голове, вдруг менялся, теряя свою прежнюю непоколебимость. И тогда одна мысль цеплялась за другую, и возникали мечты о получении очередной записки, сулящей бег стремглав через лужайку на новое свиданье в будуаре.

Однако записка, столь желанная и пугающая, так и не пришла. Да что записка — минула неделя, потом другая, а он не видел миссис Бернэм даже издали, но только ее тень на занавеси дребезжавшей коляски, которая увозила хозяйку на какой-нибудь прием, лекцию или праздник.

Столь долгое молчание пугало все больше. Вполне возможно, что мадам сожалеет о своей измене и теперь, выискивая способ себя обелить, измыслит какую-нибудь небылицу. В Балтиморе ходили рассказы о знатных дамах, которые соблазняли своих рабов, а потом обвиняли их в

таких преступлениях, что язык не повернется сказать.

Однажды Захария, охваченного приступом страхов, вдруг посетила мысль: что, если мадам избегает его потому, что их совместная ночь увенчалась беременностью?

Вероятность этого разодрала в лохмотья остатки душевного покоя. Захарий трудился над резными боковинами носа, но теперь отложил инструменты и стал обдумывать, как исхитриться, чтобы найти способ свидеться с миссис Бернэм наедине. Может, проникнуть в ее будуар, сломав щеколду на двери черного хода? Однако на этот вариант не хватало духу, ибо воспаленный мозг неустанно представлял миссис Бернэм с револьвером в руке, перечисляя причины, по которым она может спустить курок.

Захарий уже совершенно извелся в поисках плана, и тут к нему заглянул мистер Дафти. Старый лоцман пригласил его на полдник, который устраивал на следующей неделе.

В своем нынешнем состоянии Захарий был не расположен ходить по гостям, но душевная сумятица не позволила ему придумать убедительную отговорку.

— Спасибо, мистер Дафти, вот только, боюсь, у

меня нет приличной одежды, — промямлил он.

Лоцман добродушно посмеялся.

— Что ж, мой юный друг, вы можете опять завернуться в тогу. Уверен, это позабавит миссис Бернэм. В прошлый раз она так хохотала — мол, вы смотритесь самой баядеристой баядеркой.

Услышав ее имя, Захарий лихорадочно обдумал возникший вариант, потом поскреб подбородок и сказал, стараясь, чтоб вышло небрежно:

— Вот как? Миссис Бернэм тоже там будет?

— Да, а также другие дамочки и барышни. Однако у нас нехватка кавалеров, и миссис Дафти послала меня заарканить вас.

— Я буду непременно. Благодарю вас, мистер Дафти.

— Добро. Кстати, если желаете экипироваться задешево, смотайтесь на воскресную распродажу. Там частенько сбывают пожитки недавно усопших, и вы за гроши приобретете все необходимое.

В воскресенье Захарий, решив последовать совету, достал кошелек, хранившийся под тюфяком. Он пересчитал свои жалкие монетки, и все его прочие тяготы показались пустячными по сравнению с проклятой нищетой.

Взгляд его упал на позолоченные бра, украшав-

шие стены каюты. На базаре легко загнать пару штук, а пропажи никто не заметит. Он подошел к стене и осмотрел светильник: всего-то дела — выдернуть два-три гвоздя.

Вооружившись ломиком, Захарий уже хотел поддеть бра, но вдруг остановился. Казалось, перед ним раскрылся темный неизведанный тоннель под названием Воровство, и он не смог заставить себя войти в него. Захарий отбросил ломик и сунул жалкие гроши в карман штанов.

Долгий пеший путь привел его в центр Калькутты, где он, спросив у прохожих, отыскал распродажу на Расселл-стрит. Покупка костюма недавно почившего аптекаря по фамилии Квинн почти полностью исчерпала его финансы.

Лишь утром в день приема у Дафти Захарий почуял странный запах, исходивший от костюма, — плесени, пота и каких-то лекарств, но что-либо предпринимать было уже поздно. Надежда, что как-нибудь обойдется, оказалась тщетной: слуга, открывший дверь дома Дафти, тотчас узнал костюм и завопил как резаный:

— Квинн-саиб? Гляньте, Квинн-саиб восстал из мертвых!

Шум привлек мистера Дафти, который тоже удивленно воскликнул:

— Бог ты мой, никак вы в шмутках старины Квинна? Знаете, у него был всего один костюм, ни в чем другом его не видели. В аптеке, что за углом, миссис Дафти и все городские дамы покупали у него опийную настойку.

— Откуда мне знать-то? — вспылил Захарий. — Вы же сами посоветовали распродажу!

— Ладно, ничего. Не раздеваться же теперь. Берите курс на залу и там бросайте якорь.

Едва переступив порог гостиной, на кушетке в дальнем конце комнаты Захарий увидел миссис Бернэм. Она была в изящном платье из розового тюля с отделкой тесьмой цвета густого красного вина; лицо ее в ореоле локонов обрамлял капор сердцевидной формы, украшенный пером, которое чуть покачивалось под взмахами подвешенного опахала, гонявшего жаркий воздух.

Захарий явно был в поле ее зрения, но она как будто не замечала его и в своей обычной манере томного равнодушия продолжала беседу с двумя сурового вида дамами.

Почти сразу взгляд Захария метнулся на ее живот. С той памятной ночи минуло семь недель, и если исходом ее, не дай бог, стала беременность, то признаки уже должны бы проявиться. Страхи эти ничем не подтвердились, но Захарий все не

мог оторвать глаз от мадам. И тут воображение сыграло с ним злую шутку, сорвав с миссис Бернэм пену розовой ткани и явив скрытое под ее покровом. Он вновь узрел восхитительную чащу пушистых завитков внизу крутого склона ее живота. Вспомнил, с какой легкостью проскользнул сквозь тот шелковистый полог в гостеприимное тепло, звавшее проникнуть еще глубже, до самого недосягаемого края; в том приюте ему были так рады, что возникало впечатление, будто он допущен в империю, о подданстве которой не смел и помыслить.

Но вот видение угасло, и Захарий, вновь уловив затхлый запах своего наряда, уже и сам не верил, что его наиболее сокровенная часть когда-то была столь душевно привечена той, кто сейчас не подал ни единого знака о том, что давний знакомец узнан и одетым.

Несправедливость этого раздула искры своенравия, подтолкнувшего Захария ближе к кушетке. Засвидетельствовать свое почтение миссис Бернэм вполне естественно, говорил он себе, ведь ни для кого не секрет, что он работник ее супруга, человек, можно сказать, приближенный, да и сама она не так давно танцевала с ним на балу.

Миссис Бернэм непринужденно болтала с

дамами и по-прежнему не обращала на него внимания. Захарий слышал ее переливчатый голос:

— Уверяю вас, дорогая Августа, виною этим китайским неприятностям комиссар Линь. Муж говорит, он чудовище, истинный демон…

Как будто невероятно увлеченная своим рассказом, она не замечала Захария до тех пор, пока он, встав прямо перед ней, не отвесил поклон. Мадам чуть вздрогнула и подняла взгляд:

— Уф, напугали! Ах, это вы, мистер… э-э… Ну так вот…

Небрежный кивок ее означал не столько приветствие, сколько повеление уйти, и она продолжила разговор с дамами.

Ошеломленный этакой спесью, Захарий резко отвернулся, пряча пламенеющие щеки, и поспешил прочь, но успел услышать свистящий шепоток:

— Простите, милая Августа, что не представила этого человека, но я, хоть убейте, не помню его имени. Ну да ладно, он никто, просто молотчик мистера Бернэма.

— Молотчик, говорите? От него так пахнет, что я приняла его за толмача.

— И зачем только Дафти его позвали?

— Надо с ними поговорить, а то скоро начнут

приглашать садовников и кожемяк.

Захария будто стегнули жгучим кнутом, он еле сдержался, чтобы не зажать уши. Оставаться здесь было свыше его сил, и он, наскоро извинившись перед мистером Дафти, поспешил к выходу. Уже надевая шляпу, Захарий глянул через плечо и поймал взгляд миссис Бернэм.

Глаза их встретились всего на миг, но этого хватило, чтобы взгляд ее вонзился в память, точно якорная лапа в песчаное дно.

После поездки в Васай от Задиг-бея не было никаких вестей. Зная, что он собирался в Коломбо, Ширин уже сомневалась, увидятся ли они до его отъезда.

С каждым днем вопрос этот занимал ее все больше, что приводило в смятение, ибо казалось неприличным уделять ему столько внимания. Она пыталась себя убедить, что Задиг был другом Бахрама и лишь потому так часто посещает ее мысли. Порой она себе говорила, что появление его в ее жизни — это знак: в горестный час бытия сам Бахрам прислал своего друга, дабы тот распахнул окно и впустил глоток свежего воздуха в мрачную духоту ее существования.

Имейся способ связаться с Задигом напрямую, она бы, наверное, так и поступила. Но возмож-

ность общения с ним предоставлялась только через Вико, и было неловко обращаться к управляющему с подобной просьбой.

Прошел месяц, Задиг молчал, и Ширин решила, что он уже уехал. Насколько же велико было ее удивление, когда Вико вдруг сказал, что часовщик просит о встрече.

Через посредничество управляющего договорились свидеться в той же католической церкви. Ширин приехала чуть раньше условленного часа, но Задиг уже был на месте — сидел в дальнем углу за колонной, где они беседовали в прошлый раз. Увидев ее, он встал и отвесил поклон:

— Доброе утро, биби-джи.

— Здравствуйте, Задиг-бей. — Усевшись на скамью, Ширин подняла накидку. — Стало быть, вы уезжаете из Бомбея?

— Да, биби-джи. — Задиг слегка замялся. — Близится Рождество, я должен быть с детьми и внуками. Но, прежде чем уехать, я хочу поделиться новостями.

— Да? Какими же?

— Из Лондона. Мне шепнули, что лорд Палмерстон, министр иностранных дел, принял решение об отправке экспедиционного корпуса в Китай. Его формируют в Индии, половина

состава — сипаи, здесь же окажут основную финансовую поддержку. Секретная подготовка уже идет в Калькутте. Все это затевается давно, но будет объявлено лишь при полной готовности.

— Как вы об этом узнали?

— Вам, наверное, известно, что Уильям Джардин — большая фигура в торговле с Китаем и главный партнер Джамсет-джи Джиджибоя, купца-парса?

— Конечно, я это знаю.

— Так вот, Джардин помог министру спланировать отправку корпуса. Недавно я узнал о его письме к Джамсет-джи с просьбой о поддержке от бомбейских купцов. Он дал ясно понять, что главная цель экспедиции — вырвать компенсацию за конфискованный опий, и, конечно, первыми ее получат те, кто оказал содействие корпусу.

— То есть вы считаете, что выплаты все же состоятся?

— Я в этом уверен. Как друг Бахрама, я должен вас уведомить, биби-джи: чрезвычайно важно, чтобы кто-то представлял ваши интересы. Поскольку больше некому, вам самой надо ехать в Китай. Я знаю, этого пожелал бы и Бахрам-бхай.

Ширин вздохнула.

— Но вы же понимаете, что для женщины, да еще вдовы, такая поездка весьма затруднительна.

— Помилуйте, европейки, например, разъезжают по всему свету. А вы образованны, владеете английским, вы дочь сета Рустам-джи Мистри, который строил отменные корабли, бороздившие моря и океаны. В чем же трудность?

— Предположим, я поеду, но где я буду жить?

— Я напишу своим друзьям в Макао, они подыщут вам съемное жилье.

Ширин покачала головой:

— Однако много и других сложностей, Задиг-бей. Как такую поездку осилить финансово? Где взять деньги на дорогу? У меня есть только кое-какие припрятанные драгоценности, но Бахрам, знаете ли, не оставил ничего, кроме долгов.

Задиг, возражая, покачал пальцем:

— Это не так, биби-джи. Бахрам был очень щедр к друзьям и много чего им оставил — вот, скажем, мне.

— В смысле? Что он оставил вам?

— За эти годы он преподнес мне массу подарков и многажды оказывал любезность. То есть всю жизнь вроде как одалживал мне. Поскольку вы его вдова, с моей стороны будет правильным

вернуть эти долги, оплатив ваш проезд.

Ширин почувствовала, как кровь бросилась в лицо.

— Я вовсе не это имела в виду, я не могу принять ваших денег.

— Почему? — не сдавался Задиг. — Это было бы просто возвратом моего долга Бахрам-бхаю. Даже не так — это стало бы моим вложением капитала. Как получите долю мужа, рассчитаетесь со мной. Если угодно, с десятипроцентной надбавкой.

Ширин покачала головой:

— Пусть так, но что я скажу родным? Они захотят узнать, откуда взялись деньги.

— Скажите правду: мол, припрятали драгоценности и теперь решили их продать. Иного вашим близким знать не нужно.

— Вы не понимаете, Задиг-бей… — Ширин потеребила край сари. — Деньги — всего лишь малая часть проблемы. Я должна учитывать репутацию семьи. Едва станет известно, что я, вдова, намерена в одиночку отправиться в Китай, разразится грандиозный скандал. Возможно, панчаят изгонит меня из общины парсов. И потом, я обязана подумать о дочерях. Они изведутся от беспокойства за меня.

Задиг раздумчиво почесал подбородок.

— Я об этом думал и, кажется, нашел решение. Как вы знаете, Роза, кузина Вико, одно время жила в Макао, где работала на Мизерикордию, католическую благотворительную организацию, опекающую больницы и приюты. Монахини зовут ее обратно, и она хотела бы вернуться, но дорога ей не по карману. Роза охотно составит вам компанию, если будет оплачен ее проезд. Я уже переговорил с ней. Семья не сможет воспрепятствовать вашему путешествию с компаньонкой, верно?

Идея не успокоила, но еще больше расстроила Ширин.

— Как же я устрою нашу поездку? — Она стукнула себя ладонью по лбу. — Это слишком трудно, сама я не справлюсь.

Задиг-бей легко коснулся ее руки.

— Прошу вас, не стоит так огорчаться. Рассуждайте спокойно. Мы с Вико поможем вам все уладить. Знаете, на будущий год мне тоже надо в Китай. И я так устрою, что вы, Роза и я поплывем на одном корабле. Он непременно сделает остановку в Коломбо, где я к вам присоединюсь. Вико известит меня о дате, чтобы я забронировал себе место.

Щеки Ширин уже горели, точно ошпаренные.

— Но что скажут люди, узнав о нашем совместном путешествии? Народ горазд на сплетни.

— А кто узнает? Но даже если вдруг узнают, мы скажем, мол, по чистой случайности оказались на одном корабле. Для меня же, признаюсь, путешествие с вами стало бы истинным удовольствием… — Задиг осекся, кашлянул в кулак и проговорил, как будто исправляя оплошность: — То есть для меня удовольствие быть к вашим услугам в дороге, а в Сингапуре устроить встречу с Фредди.

Ширин прижала ладони к щекам:

— Замолчите, пожалуйста, замолчите! Я не могу решиться вот так — по щелчку пальцев. — Она встала и закрылась накидкой. — Мне нужно время.

Задиг тоже поднялся.

— Биби-джи, не тревожьтесь о мелочах, — тихо произнес он. — Трудности эти надуманные. Как только примете решение, все встанет на место.

Часовщик уже завоевал ее доверие, но пока не хватало духу броситься в омут с головой.

— Позвольте мне все обдумать, Задиг-бей. Как буду готова, через Вико я вас извещу. А сейчас давайте распрощаемся.

18 ноября 1839

Хонам

Трагедия в Хумэни взбудоражила комиссара Линя и его окружение, что никак не отразилось на облике Кантона. Здешняя жизнь идет своим чередом, люди занимаются повседневными делами, и это, по мнению Комптона, целиком совпадает с желанием властей. Даже официальные донесения преуменьшили событие: в Пекин сообщили о небольшом столкновении, в котором серьезно пострадали и британцы. Комптон считает, это сделано во избежание паники, но, по-моему, тут еще попытка сохранить лицо и отвести от себя императорский гнев.

Однако подспудно бой этот многим открыл глаза. Скажем, Комптон до глубины души потрясен тем, что видел в Хумэни. Нынче проявилась его склонность досадовать и тревожиться, обычно скрытая за показной веселостью. Он не стыдится этой своей черты и в ответ на укоры цитирует Мэн-цзы[47], что-нибудь вроде «Беспокойство о напастях позволяет выжить, а благодушие ведет к катастрофе».

Теперь его раздражительность частенько

---

[47] Примечания: 47

Мэн-цзы (372 до н. э. — 289 до н. э.) — китайский философ, представитель конфуцианской традиции.

достигает точки кипения. Прежде он весьма равнодушно воспринимал переводы текстов. Но сейчас язык, похоже, стал полем брани, а слова — оружием. Порой Комптон взрывается от негодования, читая английские переводы китайских официальных документов.

— Вы только гляньте, А-Нил! Посмотрите, как искажен смысл!

Он оспаривает абсолютно все, даже само слово «Китай» на английском:

— В китайском языке нет такого названия, английский же заимствовал его из санскрита и пали. Китайцы используют иной термин, который по-английски ошибочно представлен как «Срединное царство».

На его взгляд, более точный перевод — «Центральные государства», что, видимо, сродни нашей индийской *Мадхьядеши*[48].

Всего больше его бесит перевод китайского иероглифа «и» как «варвар». Этот иероглиф, говорит он, всегда использовался для обозначения того, кто родом не из Центральных государств,

---

[48] Примечания: 48

Мадхьядеша (средняя страна) — одно из пяти географических подразделений Древней Индии. В индуистской мифологии этот регион считается священным, поскольку здесь жили боги и герои, упомянутые в эпосах Рамаяна и Махабхарата.

иными словами — иностранец. До недавних пор американцы и англичане так его и переводили. Однако в последнее время некоторые переводчики настаивают, что «и» означает «варвар». Им неоднократно указывали, что слово это применяется в отношении многих известных и почитаемых в Китае людей вплоть до нынешней правящей династии, однако они считают, что знают лучше. Кое-кто из них печально известен контрабандой опия и умышленно коверкает китайский язык, дабы создать неприятности. Поскольку капитан Эллиотт и его начальство не владеют китайским, они принимают на веру сказанное этими переводчиками и убеждены, что слово «и» наделено оскорбительным оттенком. В результате возник повод для большого недовольства.

Все это доводит Комптона до белого каления:

— Всезнайки, будь они неладны! Как смеют они заявлять, что в их «варваре» и нашем «и» отражен один и тот же образ? *Мат доу гаа*, сплошное вранье!

И я бы, наверное, возражал, если б «чужеземца» — на санскрите *явана*, на бенгали *джобан* — переводили «варваром». Пожалуй, Комптон прав в том, что англичане умышленно используют

это слово, ибо нас-то и считают варварами. Они хотят войны, ищут для нее повод, им сгодится даже лексема.

Однако бой в Хумэни имел кое-какие хорошие последствия, в том числе и для Комптона. К примеру, комиссар Линь стал обращать больше внимания на перевод текстов и сбор информации. В итоге положение Чжун Лоу-сы в официальных кругах значительно укрепилось. Комптон этим очень гордится, ибо его наставнику наконец-то воздали должное.

По словам Комптона, мандарины всегда считали изучение заморского бытия делом неважным и даже малопочтенным. Чжун Лоу-сы не брезгует общаться с моряками, судовладельцами, купцами, переселенцами и прочими, но многие его коллеги находят это неподобающим, ибо в глазах китайского чиновничества данный класс неблагонадежен.

Вот потому-то долгое время трудами старца пренебрегали. Он смог продолжить свою работу, когда слух о ней достиг ушей бывшего губернатора провинции Гуандун, желавшего больше знать о чужеземных торговцах и их странах. Благодаря ему Чжун Лоу-сы получил должность в престижном учебном заведении, и вот так Комп-

тон оказался на его орбите.

Семья печатника не одаривала мир учеными и государственными деятелями; сын компрадора, Комптон вырос на Жемчужной реке в тесном соседстве с иноземными моряками и дельцами, которые обучили его английскому языку, поведали о заморских странах и наградили английским именем.

И он не один такой — на берегах Жемчужной сотни тысяч людей, которые зарабатывают на жизнь торговлей, близко общаясь с иноземцами. У многих есть осевшие на чужбине родственники, и потому они в курсе того, что происходит в иных странах. Однако познания их редко пробиваются к ученым и чиновникам у кормила власти. Кроме того, простые китайцы отнюдь не горят желанием попасть на заметку мандаринам — какое им дело, что те думают об устройстве мира? Веками народ живет по пословице «До Бога высоко, до царя далеко». Что ж, верно: не буди лихо, пока оно тихо.

Я полагаю, точно так же было в Бенгалии и Индостане во времена европейского нашествия и даже раньше. Великие мудрецы и государственные мужи мало интересовались внешним миром, а потом в один прекрасный день он взял

и поглотил их.

После унижения, пережитого на приеме у Дафти, Захария утешало только одно — воспоминание о прощальном взгляде, брошенном миссис Бернэм. Если б не тот мимолетный взгляд, он бы уже поверил, что волшебная ночь в будуаре была лишь плодом его воображения, а сам он и впрямь «никто, просто молотчик».

Именно это воспоминание породило тревогу, когда через пару дней возле баджры появился слуга с подносом бледно-желтых сластей.

Что за дела?

Вопрос-другой разъяснил, что это угощение в честь большого праздника, ради которого Берра-биби объявила челяди непредвиденный выходной.

Отказаться было, конечно, нельзя, и Захарий отнес угощение в каюту. Пристроив поднос на стол, он разглядывал сласти, укрытые серебристой фольгой.

Что означает сей дар? В нем зашифровано какое-то послание? Слуга не сказал прямо, что угощение от хозяйки, однако все в доме происходило только с ее ведома.

Захарий лег на кровать и закрыл глаза, чтобы не смотреть на особняк и ни в коем разе не позво-

лить воображению проникнуть в будуар. Хватит с него немыслимых мук последних недель, новых картин уже не вынести.

Он лежал навзничь, стараясь не прислушиваться к голосам слуг, шумно покидавших имение.

Скоро оно совсем опустеет…

Захарий постарался изгнать эту мысль, но потерпел неудачу и тогда решил, что лучше ему отправиться в город. Сунув в карман последние медяки, он зашагал к киддерпорским докам, где в излюбленном матросами притоне заказал порцию карибата и стакан разбавленного грога. Желая убить время, он вступал в разговоры с незнакомцами и выставлял им скверную выпивку, покуда карман его не оскудел. Захарий так и сидел бы до утра, но вот незадача — по случаю праздника питейная закрылась раньше, и еще до полуночи он вернулся к баджре.

Особняк был темен, все слуги разошлись, и только пара сторожей дремала у ворот. Захарий уже ступил на сходни, когда вдруг заметил огонек, мелькнувший в отдалении. Он присмотрелся, но больше его не увидел. Внезапно возникла мысль, что в дом пробрался злоумышленник. Необходимо проверить. Ноги сами понесли его к особняку, и он дал себе слово, что только наскоро осмотрит-

ся, удостоверившись, что все благополучно.

В памяти был свеж ранее проложенный маршрут, и Захарий крадучись проскользнул к дереву перед будуаром, в зашторенном окне которого виднелась полоска света.

Не обнаружив никаких следов злоумышленника, он решил, что, пожалуй, надо проверить, хорошо ли заперта дверь черного хода.

На цыпочках одолев гравийную дорожку, Захарий дернул дверь, и та вдруг распахнулась. На первой ступеньке лестницы опять стояла зажженная свеча. Он задвинул щеколду и взял свечу.

Отступать было поздно. Захарий бесшумно поднялся по лестнице, секунду-другую помедлил в уборной, вдыхая надушенный воздух, и шагнул к дверям будуара, изнутри озаренным ярким золотистым светом.

Скрестив руки на груди, в белой ночной сорочке она стояла возле кровати, распущенные волосы ее каштановыми волнами ниспадали на плечи.

Они смотрели друг на друга, потом чуть слышно она сказала:

— Добрый вечер, мистер Рейд…

— Добрый вечер, миссис Бернэм, — ответил он и поспешно добавил: — Я только хотел убедиться,

что здесь все в порядке.

— Вы очень заботливы. — Она подошла ближе. — У вас рубашка порвана.

Палец ее проскользнул в прореху на рукаве, легонько царапнув ногтем, а потом вдруг она прильнула к нему всем телом, и оба, слившись в тесном объятье, повалились на шелковые простыни и пуховые подушки кровати.

Казалось, будто ночные фантазии воплотились в жизнь, став неправдоподобно реальными, и наслаждение было так велико, что Захарий уже забыл о страхах, терзавших его последнее время. Однако те были живы и неожиданно о себе напомнили, после чего над ухом его раздался огорченный шепот:

— Что случилось? Почему ты остановился? Ты же еще не излился?

— Нет, нельзя, — прохрипел Захарий. — Это слишком опасно, мы не можем так рисковать. После того раза я весь извелся от страха, что ты забеременела.

Миссис Бернэм притянула его к себе и поцеловала.

— Напрасно тревожился, — прошептала она. — Все обошлось.

— Откуда ты знаешь?

— Месячные подсказали.

Захария накрыло волной облегчения.

— Ох, слава богу!

— К счастью, и сейчас безопасно. Ты можешь кончить куда угодно и когда пожелаешь.

— Нет! — Захарий ухмыльнулся и помотал головой. — Только после тебя.

Довольно долго им было не до разговоров, и лишь потом, когда оба чуть отдышались, и она, прикорнув к нему, стала нашептывать всякие нежности, Захарий вспомнил о ране, донимавшей его последние недели.

— Вот сейчас ты лежишь и мурлычешь, — сказал он грубовато, — а тогда, у Дафти, притворилась, будто не знаешь меня — мол, он никто, просто молотчик.

Миссис Бернэм вскинулась, обиженно воскликнув:

— Какой ты жестокий! Теперь будешь этим меня укорять? Ты даже не представляешь, как было тяжело такое сказать. Неужто не понимаешь, что я ужасно боялась выдать себя с головой, а это случилось бы, признай я наше знакомство. Августа Свайно, что сидела рядом, известная городская сплетница, ничто не укроется от ее лисьих глаз. Это она погубила бедняжку Амелию Миддлтон:

на званом обеде поймала ее перегляд со слугой и тотчас смекнула, где собака зарыта. Не прошло и двух недель, как муж развелся с Амелией и отправил ее обратно в Англию. Говорят, она закончила свои дни в блэкпулском борделе.

Захарий ощутил неприятный холодок в теле.

— Значит, вот что нам суждено: всегда оставаться биби и кхидматгаром, госпожой и молотчиком?

— О нет, мой милый, — улыбнулась миссис Бернэм. — Скоро мы сделаем из тебя саиба. Но никто не должен знать, какой ценой, иначе мы погибли.

Захарий повернул голову, чтобы видеть ее глаза.

— Выходит, ты хочешь от меня избавиться?

Она не отвела взгляд.

— По-моему, мы оба, дорогой мой, понимаем, что ни одному из нас не хватит сил избавиться от другого, правда? Вы, мистер Рейд, превратили меня в слабую беспутную ослицу. И я утешаюсь лишь тем, что помогаю вам одолеть ваш недуг.

— Так почему не излечить меня окончательно? Давай сбежим, а?

Миссис Бернэм рассмеялась.

— Теперь кто у нас выставляет себя ослом? Ты

же понимаешь, что мне отнюдь не подходит статус любовницы молотчика и прозябанье с ним в сырой лачуге. И потом, если целыми днями я буду рядом, я быстро тебе надоем. Через неделю-другую ты смоешься с какой-нибудь своей ровесницей, а что станет со мною? Я кончу уличной девкой, пристающей к прохожим: «Мужчина, пошалить не интересуетесь?» — Она провела пальцами по его щеке. — Нет, мой милый, довольно скоро придет день, когда мы расстанемся навсегда. Но перед тем свидимся в последний раз, проведем ночь в восторге любви, а уж потом распрощаемся, и каждый пойдет своей дорогой.

— Ты обещаешь?

— Да, обещаю.

И вновь они сплелись в объятьях, которые разомкнули уже на рассвете.

Пока Захарий натягивал штаны и рубаху, миссис Бернэм выбралась из постели, а потом взяла его за руку и что-то в нее вложила. Разжав ладонь, Захарий увидел три большие золотые монеты.

— Мать честная! — Он бросил деньги на смятые влажные простыни. — Я не могу это взять.

— Почему? — Подобрав монеты, миссис Бернэм зашла ему за спину, обняла и тесно прижалась. — Раз ты станешь саибом, тебе нужна подобающая

одежда, верно?

— Только я не желаю заполучить ее вот так.

— А если так? — Она сунула руку в карман его штанов и одну за другой выпустила монеты.

— Перестань! — Захарий попытался вытащить ее руку, но та вцепилась в его промежность и категорически отказывалась вылезать.

— Это всего лишь ссуда, — прошептала миссис Бернэм, языком щекоча ему ухо. — Вернешь, когда разбогатеешь.

— А я разбогатею?

— Несомненно. Вдвоем мы изловчимся превратить тебя в самого богатого на свете саиба из молотчиков.

Рука ее затеяла игру в карманный бильярд, и Захарий забыл о монетах. Развернувшись, он подхватил миссис Бернэм на руки и уложил на кровать.

— Нет! — воскликнула она. — Тебе пора уходить! Не успеем!

— И то правда, — усмехнулся Захарий. — Времени в обрез.

Оставшиеся минуты были потрачены не впустую, и только на баджре звяканье в кармане напомнило о монетах. Две гинеи Захарий припрятал, а третью, на другой день сгоняв в город,

пустил на заказ нарядного костюма.

Глава 8

Дорога из Рангпура в Калькутту заняла около двух недель, и большую часть времени капитан Ми и Кесри провели на речном корабле, плывшем по Брахмапутре.

Кесри восстанавливал душевные силы и благоденствовал, ибо всю работу выполняла корабельная команда. Отменными блюдами кок оправдывал свою высокую репутацию у речников — из свежей рыбы, купленной по пути, он творил чудеса.

Ми запасся обычным походным рационом из солонины, галет и прочего, чем его и кормил денщик. Однако вскоре капитан, подустав от однообразия меню, намекнул, что не отказался бы от тарелки карибата, давно пришедшегося по вкусу. Будь на корабле другие офицеры, Ми не смог бы стать сотрапезником Кесри, но сейчас получил прекрасную возможность похерить сословные правила не только в еде, но и выпивке: когда судно вставало на причал и команда удалялась в подпалубный кубрик, оба угощались пивом из адъютантских запасов.

— Но это лишь потому, что мы не на службе, хавильдар. Гляди не проболтайся!

— Никак нет, сэр!

В разговорах тема изгнания из полка не возникла ни разу, хотя порой Кесри чувствовал, что капитан пытается выразить ему сочувствие, не прибегая к словам.

Одним вечером они заговорили о Лондоне, родине капитана, которую после переезда в Индию тот посетил лишь однажды. Предаваясь воспоминаниям, Ми поведал нечто удивительное: его ныне покойный отец был лавочником — «банья-ном», как сказал он со смущенным смешком.

Кесри тотчас понял, почему прежде капитан никогда не говорил об этом: английские офицеры не менее сипаев были весьма щепетильны в том, что касалось сословного положения вступавших в их ряды. Многие офицеры происходили из семей землевладельцев или военных и благодаря родственным связям заручились рекомендательными письмами, обеспечившими офицерский патент. Невероятно, что этим документом обзавелся и сын лавочника, но теперь Кесри, узнав его биографию, стал лучше понимать своего бывшего подопечного.

Он вспомнил давний случай, когда Ми вдрызг

напился в офицерском собрании. Кесри, денщика восемнадцатилетнего лейтенанта, вызвали в клуб, чтобы доставил пьяного домой. По дороге Ми заплетающимся языком поведал о том, как хотел вступить в один калькуттский клуб, но ему отказали, хотя всех других новичков, лейтенантов и младших лейтенантов, приняли. Вот тогда-то Кесри понял, что дитё его чем-то — то ли родословной, то ли сословием — отличается от прочих офицеров.

Отказ в клубном членстве он воспринял как личную обиду, но никогда и ни с кем о том не говорил, и если вдруг возникал разговор о его подопечном, не упускал возможность упомянуть, что командир его *кхандаани аадми*, хороших кровей, поскольку подобное много значило в оценке сипаями друг друга и своих офицеров.

В то время полк вместе с другими воинскими частями квартировал в Ранчи. Живописный городок считался «семейным постоем», и потому многие англичане, военные и гражданские, в нем обитали с женами и детьми. Чуть ли не каждый день устраивались приемы, охоты, застолья, а уж танцевальные вечера были так часты, что полковой оркестр вконец изнемог.

В тот светский водоворот Ми окунулся со всем

жаром молодого здорового лейтенанта. Кесри знал о его проделках, ибо слухи об офицерских шалостях всегда просачивались в полк через караульных, поваров, стюардов и опахальщиков, несших службу в клубах и собраниях. Порой из-за этих слухов возникали трения между сипаями, так привязанными к своим командирам, что ссора двух лейтенантов разжигала конфликт их денщиков.

Благодаря своему подопечному Кесри и сам становился объектом добродушных шпилек:

— Эй, Кесри, куда это твой намылился?

— Вот уж ходок, ни одной юбки не пропустит!

— Пусть поостережется, а то не сносить ему головы!

Шутки эти намекали на роман Ми с самой завидной барышней городка — рослой, пышногрудой, темно-рыжей дочерью бригадного генерала, дважды рожденного выходца из знатного рода военных.

Из-за романа своего командира Кесри оказался в неловкой ситуации, поскольку с барышней той был знаком. Однажды его, новобранца, нарядили сопровождать охоту, устроенную генералом, и обязанностью Кесри было заряжать ружья дам. Отменный стрелок, в тот раз генеральская

дочка превзошла самою себя, подбив дюжину уток. Почему-то она решила, что это благодаря Кесри — мол, он приносит удачу, — и с тех пор всякий раз требовала, чтобы на охоте он был ее заряжающим.

В засидке поджидая уток, они беседовали. Когда хотела, девушка, выпестованная туземной няней-мусульманкой, бойко изъяснялась на хиндустани: она расспрашивала Кесри о его деревне и семье, о том, какими путями он оказался в полку. Только ей он и рассказал, как Дити помогла ему сбежать из Наянпура.

Она-то, девушка эта, и свела его с Ми. Когда тот прибыл в батальон, она спросила Кесри, не хочет ли он стать денщиком нового лейтенанта, и, получив согласие, обещала замолвить за него словечко.

Кесри был ей признателен, но ему даже не пришло в голову, что лейтенанта и барышню связывают иные отношения, нежели обычное приятельство, существовавшее между субалтернами и детьми старших офицеров. И лишь когда в городке возникли слухи, он сообразил, что дело приняло неладный оборот. У Ми почти не было шансов получить руку девушки — Кесри, не раз ссужавший своего подопечного, прекрасно знал

о его безденежье, препятствовавшем женитьбе. А у генеральской дочки была куча поклонников, являвших собою отличную партию. И когда речь зайдет о супружестве, родители, ясное дело, принудят ее сделать правильный выбор.

Если кто-нибудь сплетничал о лейтенанте и барышне, Кесри насмешливо фыркал — дескать, обычная дружба, ничего такого. Но поддерживать сию иллюзию становилось все труднее: уже было замечено, что на балах девушка отказывает даже майорам и полковникам, ибо почти на всякий танец ангажирована лейтенантом. Да вот еще стюард шепотом поделился с Кесри: давеча на званом обеде он, подавая суп, заметил, что Ми-саиб и генеральская дочка под столом держатся за руки.

Однажды Ми свалился в лихорадке, выпав из светской круговерти, а Кесри получил приказ на выходных явиться к генералу, дабы сопровождать его гостей на охоте, исполняя, как всегда, роль заряжающего дамских ружей. Компания собралась большая, дочь генерала постоянно была окружена гостями. И все же, улучив минутку наедине с Кесри, она забросала его вопросами: как там лейтенант, хорошо ли за ним смотрят? А потом сунула плотный розовый конверт и

прошептала:

— Пожалуйста, передай ему.

Кесри ничего не оставалось, как взять конверт, который позже он, не говоря ни слова, положил на столик возле кровати лейтенанта. Эпизод этот ими не обсуждался, но через несколько дней уборщик, наводивший порядок в жилище Ми, сказал, что нашел какие-то волосы — чего с ними делать-то, выбросить или как? На столе Кесри увидел знакомый конверт, поверх которого лежала темно-рыжая прядка, аккуратно перехваченная лентой.

Нет, добром это не кончится, смекнул Кесри. Рискуя получить взбучку, он уложил прядь в конверт и отнес лейтенанту, сказав, что подобным разбрасываться негоже, мол, и без того уже идут разговоры. Ми предсказуемо взбеленился и наорал на него: обозвал сволочью, велел не лезть не в свое дело и держать лапы подальше от чужих вещей.

Кесри понял, что подопечный его, обезумевший от любви, стал *маджнуном*, одержимым. Это ж надо, чтобы и он ступил на путь своего наставника, сходившего с ума по Гулаби, чтобы и он выбрал женщину, которую не сделать своей. Теперь не миновать всяких бед.

Развязка не заставила себя ждать. В то лето английские офицеры и дамы пристрастились к новому странному развлечению, подражая, вероятно, моде в своей отчизне. С корзинками еды и питья они отправлялись в джунгли, где, расстелив одеяла и пледы, трапезничали на свежем воздухе. Затея эта доставляла много хлопот денщикам, которым приходилось шугать змей и караулить появление слонов и тигров. Солдаты не понимали, зачем нужно есть там, где самому можно стать кормом диких зверей, но приказ есть приказ, и они ему подчинялись.

Наиболее хлопотным делом был присмотр за лошадьми, которые, чувствуя себя приманкой для леопардов, пребывали в большом беспокойстве. Кесри оглаживал коня, когда заметил, как Ми и барышня уходят в лес. Они не возвращались так долго, что родители девушки встревожились и снарядили поисковую партию. Кесри видел, в какую сторону ушла пара, и, отделившись от группы, стал выкрикивать:

— Ми-саиб! Ми-саиб!

Вскоре эти двое отозвались и, раскрасневшиеся и встрепанные, явились перед Кесри. Сперва он подумал, что они, заблудившись, продирались сквозь чащу, оттого так и выглядят. Но затем

подметил какое-то необычное сияние в глазах девушки, расстегнутый мундир лейтенанта и понял: между ними кое-что произошло. Сделав каменное лицо, Кесри шепотом уведомил командира о непорядке в его форме.

По дороге к месту пикника пара успела прийти в себя и смогла убедить компанию, что всего лишь заплутала в лесу. Остаток дня обошелся без происшествий, но Кесри чувствовал, что этим дело не кончится, и потому не удивился скорому известию об отъезде девушки с матерью в Калькутту.

В разговорах с Ми романтическая тема никогда не возникала, однако он понимал, что разлука стала для лейтенанта тяжелым ударом. *Бичханадар*, спальник, застилая его койку, под подушкой находил письма от девушки, а сам Кесри нередко видел, как Ми одиноко сидит за столом, безутешно уронив голову на руки.

Приказу о возвращении полка в Барракпор Кесри обрадовался, надеясь, что перемена обстановки благотворно скажется на его подопечном. Однако по прибытии на место они узнали, что генеральская дочь выходит замуж за богатого купца-англичанина.

В день свадьбы английская часть лагеря опу-

стела, все офицеры отправились на церемонию венчания. В расположении остался только Ми — его, по слухам, даже не пригласили.

На другое утро Кесри потрогал подушку, которую бичханадар вынес просушиться на солнце, она была мокрая насквозь.

Военный городок в Барракпоре, довольно большой, располагал «особым лазаретом», в котором девиц, обслуживающих белый армейский состав, проверяли на предмет дурных болезней. Кесри знал, что раньше Ми иногда наведывался в бордель «Красный базар» с вывеской «Только для европейцев». Вечером, улучив момент, он обронил, что в заведении появилась новенькая очаровашка. Прежде лейтенант поблагодарил бы его за ценную информацию, но сейчас раскричался, обозвав каждой бочке затычкой.

Кесри прекрасно понимал: подопечный беснуется не только из-за потери милой, но еще и потому, что его унизили перед сослуживцами. Зная горячий нрав лейтенанта, он боялся неизбежного взрыва, и вскоре так оно и случилось. Однажды вечером из офицерского собрания прибежал стюард: Ми напился и устроил скандал — услыхав, как кто-то о нем злословит, вызвал обидчика на дуэль.

Кесри всей душой сочувствовал лейтенанту: одно дело, когда *харамзада* и *сувар-ка-бакча* говорится в шутку, и совсем другое, если ублюдком и сукиным сыном величают всерьез — только трус не вступится за свою честь. Что ж, чему быть, того не миновать, но это все лучше, чем в одиночестве лить слезы по недостижимой женщине.

Кесри сожалел лишь о том, что дуэль будет на пистолетах, ибо в сабельном поединке его подопечный одержал бы верх бесспорно. Не сказать что Ми стрелял скверно, но тут многое зависело от удачи, а он был взвинчен до предела.

Из клуба лейтенант, конечно, пришел вне себя от бешенства. Предвидя это, Кесри кое-что приготовил и подал ему стакан, велев выпить до дна, чтобы спалось хорошо и утром не дрожала рука.

— Что это? — спросил Ми.

— Шарбат с опием.

О дуэли не говорили, да и зачем? Ми осушил стакан, Кесри же взял завернутые в кусок бархата пистолеты, хорошенько их вычистил и смазал, а потом, как велел обычай, отнес в полковую церковь и положил к стопам божества, чтобы *пурохит*[49] освятил оружие. Утром он окунул ми-

---

[49] Примечания: 49
Пурохит — священник.

зинец в горшок с вермильоном и поставил *тику* на виске лейтенанта. Ми не возражал, только удостоверился, что красная точка скрыта волосами.

Когда прибыли секунданты и все отправились к месту дуэли, Кесри порадовался, что лейтенант абсолютно спокоен и даже весел. Теперь ужасно нервничал Кесри — он бы так не волновался, даже если б драться предстояло ему самому. Его изрядно потряхивало, когда он присоединился к толпе зрителей, державшихся на почтительном расстоянии.

Офицерские дуэли были делом обычным, хоть и не одобрялись высоким начальством. Кесри уже бывал на поединках, но сейчас по команде «Сходитесь!» закрыл глаза. И лишь когда окружающие стали хлопать его по спине, он понял, что подопечный одержал победу, и, как оказалось, с наилучшим из возможных исходов — не убил, но только легко ранил противника.

Дуэль возымела благодатный эффект — честь была восстановлена, гнев и горечь слегка унялись. Но история с барышней аукалась еще долго — по службе Ми продвигался медленно, хоть и был отменным офицером.

Роман с генеральской дочкой отразился и на его личной жизни, став главной, по мнению Кесри,

причиной того, что он так и не женился. Можно было ожидать, что после утраты возлюбленной лейтенант приударит за какой-нибудь барышней или дамочкой. Однако ничего подобного не случилось. В походах он, бывало, пользовался услугами девушек Гулаби, а в городке иногда навещал офицерский бордель, если подступала нужда слегка, как он выражался, покобелировать. Однако он не выказывал желания подыскать себе жену, что, в общем-то, было в порядке вещей, поскольку многие английские офицеры женились, перевалив за сорок. Но Кесри знал, что лейтенант не просто записной холостяк, но все еще тоскует по той, кого потерял. Это подтвердил один случай: в перестрелке Ми был ранен в грудь, в лазарете санитары его раздели, и тогда из внутреннего кармана мундира выпал конверт, на котором Кесри тотчас узнал почерк генеральской дочки. В бою Ми хранил ее письмо возле сердца.

С той поры томительная горечь медленно заполонила его существование. Юношеская жизнерадостность уступила место обреченности и недовольству всем на свете. Казалось, он и жив-то лишь благодаря узам с сипаями.

Если б не тот злосчастный роман, с грустью думал Кесри, судьба его подопечного сложилась

бы совсем иначе. Но о том они не говорили даже в долгом пути из Рангпура в Калькутту, хотя общались, скорее, как друзья, а не начальник и подчиненный. Капитан, разумеется, не преминул спросить о жене и детях Кесри, и тот, конечно, сделал бы то же самое, будь Ми женат. Семья — безопасная территория для беседы, а вот неудачный роман — нет.

В последний день пути капитан спросил:

— Ну что, хавильдар, какие планы по окончании экспедиции? Не думаешь ли оформить пенсию и вернуться к семье?

— Так точно, сэр.

И тогда Ми сделал признание, не ставшее такой уж большой неожиданностью:

— Знаешь, я, наверное, тоже подам рапорт об отставке. И ко мне полк был ничуть не ласковее.

После второго свидания Захарий гораздо меньше терзался чувством вины — раскаянье не исчезло совсем, но желание вновь оказаться в будуаре миссис Бернэм было несравнимо сильнее.

Однако следующая встреча состоялась не столь скоро, как того хотелось, ей предшествовало долгое, почти невыносимое безмолвие. Минуло полные две недели, прежде чем прибыло очередное послание, спрятанное в увесистом сборнике

проповедей и имевшее вид загадочной пометки на клочке бумаги: 12-*го*. Она явно означала дату, до которой еще оставалось два дня.

Готовясь к свиданию, Захарий тщательно изучил распорядок сторожей, охранявших имение, и теперь хорошо знал их маршруты обходов с зажженными фонарями. 12-го ночью он легко избежал встречи с привратниками и похвастал перед миссис Бернэм, что отныне он невидимка.

Самонадеянность Захария укрепила доверие миссис Бернэм, и свидания их сделались чаще. Они отказались от системы записок, но, расставаясь, просто условливались о следующей встрече. О слугах тоже больше не тревожились, ибо всякий раз Захарий прокрадывался глухой ночью, когда имение затихало. Он стал настоящим лазутчиком, использующим любое прикрытие, вплоть до зябкого ночного тумана с реки.

Участившиеся свидания ничуть не умерили его аппетит, ибо каждая встреча была как бы новым приключением с женщиной, так не похожей на былую миссис Бернэм, что он не поверил бы в ее существование, если б их отношения не приняли столь непредвиденный оборот. Однако он знал, что все произошедшее с ними отнюдь не случайно, ибо тело его чувствовало то, чего

не мог ухватить разум: под стальной оболочкой хозяйки Вефиля скрывалось совершенно иное существо, потрясающее и причудливое — женщина с невероятной фантазией, проявлявшейся плотски и словесно.

Однажды ночью Захарий попал под ливень и прибыл в дом промокшим до нитки. Миссис Бернэм поджидала его в уборной.

— Ох, милый, с тебя натекла целая лужа! Стой смирно, я сниму твои джаму и джанги.

Стянув с него рубаху и штаны, она усадила Захария на край ванны, а сама присела на корточки, устроившись между его раздвинутых ляжек. Подолом своей сорочки она укрыла его колени, притиснулась грудью к его животу и, нежно мурлыча, принялась полотенцем вытирать ему голову и плечи, прижимаясь еще теснее в стремлении дотянуться до спины. Потом глянула в вырез сорочки и воскликнула:

— Ой, что я вижу! Отважный солдатик пробрался в ложбину меж возвышенностей, поднял голову и осматривает местность! Бедненький! Он тоже мокрый насквозь!

Ей нравилось поддразнивать Захария непонятными словами и метафорами, однако, несмотря на всю глубину чувственных изысканий и пота-

кание обоюдному аппетиту, в вопросе декорума она была непоколебима: даже когда «отважный солдатик» скрывался в ее «окопе», командир бойца оставался мистером Рейдом, молотчиком, а сама она — миссис Бернэм, хозяйкой Вефиля.

Как-то раз охватившая ее крупная дрожь известила о близости того, что она называла «шоком», и Захарий, поощряя ее, выкрикнул:

— Кончай, Кэти! Не сдерживайся, кончай!

Еще не угас его возглас, как она замерла, и от «шока» не осталось и следа.

— Что? Как ты меня назвал?

— Кэти…

— Ну уж нет, дорогой мой! — Резким движением бедер она изгнала бойца из укрытия. — Для тебя я всегда буду только миссис Бернэм, а ты для меня — мистером Рейдом. Если мы позволим себе опуститься до «Заха» и «Кэти» наедине, то в один прекрасный день непременно проговоримся на людях. Вот так вот обнаружилось, что бедная Джулия Фэрли одаривает благосклонностью своего грума, ибо где это видано, чтобы конюх называл госпожу по имени? Но однажды чертов олух, подсаживая ее в седло, ляпнул «Джулия». И тогда выяснилось, что они увлекаются верховой ездой без лошадей, бедняжку мигом упекли в

сумасшедший дом, а все потому, что мужлан получил слишком много воли в обращении с тремя слогами ее имени. Нет, милый, нет, сие недопустимо. Друг для друга мы навсегда миссис Бернэм и мистер Рейд.

В этом Захарий уступил, и не только потому, что внял ее доводам, но еще из-за невероятной сладострастности, слышимой в стонах после наступления «шока»: «О, мистер Рейд! Ты превратил свою бедную миссис Бернэм в желе!»

Замужнее имя ее напоминало, что наслаждение уворовано и преступно, а потому не имело смысла сдерживаться, ибо столь тяжкий грех можно было искупить только беспечной игривостью: «Теперь моя очередь помочь храбрецу восстать!»

С ловкостью опытного шулера она тасовала слова и, дразня и насмешничая, подстрекала его к покорению новых вершин в искусстве постельных утех:

— Не сомневаюсь, мистер Рейд, приятно быть юным удальцом с латхой, всегда готовой к бою, и традиционная кухня, безусловно, хороша, жаловаться грех. Но вот какая штука, дорогой мой молотчик, в старомодное жаркое всегда можно добавить капельку чатни.

— Я ничего не понял, — пробормотал Захарий.

— Да? Похоже, ты не наслышан о рихтовке?

— В смысле, рихтовке такелажа?

— Да нет же, мой несмышленыш! — рассмеялась миссис Бернэм и высунула кончик языка: — В Индии рихтуют вот этим.

Так начался новый курс изысканий, и сперва Захарий проявил полнейшее незнание предмета, то и дело допуская оплошности.

— Нет-нет, милый, не надо жевать и так уж суетиться. Приготовление чатни, мой дорогой, не требует таких зверских усилий.

Он очень старался исполнить этот каприз, и ласковая строгость наставлений возбуждала еще сильнее нежных слов любви. Когда наконец эксперименты в рихтовке увенчались «шоком», он преисполнился гордости, услышав похвалу:

— Поразительно, мой дорогой, как быстро ты освоил таинство гамахуша!

Милое подтрунивание слегка озадачивало, ибо Захария как будто не воспринимали всерьез, но вместе с тем пленяло. Он принял как данность, что познания миссис Бернэм в искусстве любви безграничны, и ничуть не противился положению неофита. Однако в ней еще была этакая невинность, и порой, исследуя его тело, она вдруг

выказывала удивительное целомудрие.

Как-то раз, забавляясь со «спящим солдатиком», она превозносила его очаровательное смирение, и Захарий не выдержал:

— Полно тебе, миссис Бернэм! Ты замужняя женщина, родила ребенка и, уж конечно, не впервые держишь в руке ху…

Он не договорил, потому что ладошка ее прихлопнула ему рот.

— Нет уж, мой милый, давай обойдемся без похабщины. Женщина может сквернословить с подругой, мужчина — с приятелями, но это недопустимо, когда он и она вдвоем.

— А что такого? — удивился Захарий. — Почему не назвать вещи своими именами? Все так делают.

Ответ был дан без запинки:

— Вот именно поэтому, мой дорогой мистер Рейд. Пусть все так делают, но мы — не все. Есть ты и я, неповторимые, не похожие на других. Зачем нам чужие слова, когда у нас есть свои?

— Но так нечестно! Я-то не краснобай, разве смогу за тобой угнаться?

— Вздор! — воскликнула миссис Бернэм, прищелкнув пальцами. — Ты моряк! Тебе стыдно признаваться в нехватке слов!

— Что ж, ладно. Давай поговорим на морском языке. Ты замужем, давно получила лицензию помощника, и уж наверняка повидала мужскую мачту и шлюзовые камеры.

— Ой, не могу! — рассмеялась миссис Бернэм. — По-твоему, респектабельные супруги так похотливы, что раздеваются догола и друг друга ласкают повсюду, как мы с тобой? Нет, ты сильно заблуждаешься. Уверяю тебя, для большинства пар соитие — что бросить письмецо в почтовый ящик: задрали ночные сорочки, раз-два — и готово, причем только в полной темноте.

— Перестань, уж в свою-то брачную ночь…

— И вновь ты ошибаешься, — вздохнула миссис Бернэм. — Наш союз преследовал много целей, среди которых наслаждение не значилось. Мне исполнилось всего восемнадцать, он был на пятнадцать лет старше и жаждал войти в закрытые для него круги. Я ведь говорила, отец мой, бригадный генерал туземной пехоты, имел большие связи. Как многие военные, дорогой мой папенька не проявлял осмотрительности в делах и вечно был обременен долгами. Они с матушкой возлагали большие надежды на мое блестящее замужество. Мистер Бернэм особо не блистал, но имел перспективы и уже был набобом. Он пред-

ложил моим родителям чрезвычайно выгодную сделку.

В голосе ее слышалась исповедальность, какой не бывало прежде; казалось, Захария допустили в потаенное местечко, еще сокровеннее тех, что он уже исследовал. Не терпелось узнать о ней больше.

— Значит, вы не любили друг друга? Даже чуть-чуть?

Миссис Бернэм усмехнулась и прищипнула ему подбородок, точно малышу.

— Какой же ты все-таки еще ребенок, мистер Рейд! Разве не знаешь, что дама не может позволить чувствам встать на пути ее благополучия? Сантименты для прачек и баядерок, но не для женщин нашего круга — этому наставляла меня мать, и тому же я обучу свою дочку. И это, знаешь ли, верно. Любовью не проживешь, а мое бытие не назвать несчастливым. Мистер Бернэм требует немногого: знаться только с ровней и вести дом, как надлежит истинной хозяйке. Остальное предоставлено на мое усмотрение, и тем же я отвечаю супругу.

— Стало быть, ты всегда знала, чем он занимается с девушками вроде Полетт? — наседал Захарий.

— Нет, — отрезала миссис Бернэм. — У меня были подозрения, но я не пыталась разузнать. Если хочешь, скажу почему.

— Почему же?

— Потому что и я не была образцовой женой.

Захарий повернулся на бок и удивленно заглянул ей в лицо:

— В смысле?

— Что ж расскажу, коль настаиваешь. Все началось в нашу брачную ночь. Когда мистер Бернэм улегся рядом, меня охватил такой ужас, что я лишилась чувств намертво. И так всякий раз: едва он меня обнимет, я в обмороке. Решили, надо показаться врачу. Меня отвезли к лучшему в городе английскому доктору, который диагностировал фригидность на почве истерии и других нервных расстройств. После многолетнего лечения я наконец забеременела. Не вдаваясь в подробности, скажу: мистер Бернэм смирился с тем, что я до некоторой степени инвалид, и по-своему меня щадил. Я допускала, что он, как любой мужчина, находит возможность разрядиться, но и представить не могла описанный тобою вариант с Полетт.

— А что ты думала?..

Однако настроение миссис Бернэм неожиданно

изменилось, и она оборвала собеседника, игриво стиснув кулачок.

— Это уже настоящий допрос, мой милый молотчик. Честно говоря, я бы охотнее пообщалась с твоим бойцом.

Захария ожгло обидой, словно перед его носом захлопнули дверь. Он резко высвободился из ласкавшей его руки и схватил штаны.

— Не трудитесь отвечать, миссис Бернэм. Нам с бойцом пора уходить, мы желаем вам покойной ночи.

Как всегда, она попыталась сунуть деньги ему в карман, но Захарий грубо оттолкнул ее руку.

— Не надо, мадам. Вы меня оскорбляете, считая, что эти подачки мне важнее вашей искренности.

Не дожидаясь ответа, он сбежал по лестнице.

Все дни Ширин не думала ни о чем, кроме поездки, идею которой подбросил Задиг. Желание поехать было столь сильным, что возникли сомнения в собственных мотивах к путешествию. Ей хочется сбежать из дома? Или это пошлое любопытство к сыну покойного мужа? А может, стремление вновь увидеться с Задигом?

В голове роились все эти вопросы, порождая иные сомнения. Так ли уж неодолимы возраже-

ния родных? Может, Задиг-бей прав и трудности надуманны?

Единственный способ это выяснить — предпринять попытку.

В начале декабря заглянул Вико. Беседуя с ним, Ширин внезапно приняла решение:

— Вико, я еду в Китай.

— Вот как, биби-джи? — Управляющий не скрывал скептицизма. — А что на это скажут ваши братья?

Ширин ощетинилась:

— Послушай, я не ребенок. Как они могут мне запретить, если я хочу поехать? В желании вдовы посетить могилу мужа нет ничего зазорного. Кроме того, я скажу о выплате компенсации, и тогда они всё поймут. Пусть не одобрят, но они из тех, кто знает цену деньгам.

— А дочери?

— Они, конечно, встревожатся, но известие, что я еду с компаньонкой, их успокоит. Ведь Роза изъявила желание поехать, не так ли?

— Да, только вам придется оплатить ее проезд и дорожные издержки. Что совсем недешево.

— Это я уже продумала. Минутку. — Ширин сходила в свою комнату и вернулась со шкатулкой. — Вот, я тут кое-что сберегла для себя. Как

считаешь, этого хватит на поездку?

Вико достал из шкатулки ожерелье, взвесил его на ладони.

— За такое, биби-джи, дадут большие деньги, которых, конечно, достанет для вашей с Розой поездки. И все же подумайте — вы вправду готовы со всем этим расстаться?

— Да, ведь оно того стоит, если все пройдет удачно. — Чувствуя, что не убедила собеседника, Ширин закруглила разговор: — Только пока никому ничего не говори. Мне надо все обдумать.

— Конечно, биби-джи. Решение важное.

Ночью Ширин почти не спала, размышляя, как лучше поставить в известность родных.

Она понимала, что необходимо хотя бы согласие братьев: в бомбейском светском, да и торговом сообществе семья занимала такое положение, что ни один уважаемый судовладелец не возьмет пассажирку, узнав о противлении ее родственников. Вариант тайного бегства Ширин не рассматривала, поездка могла состояться только открыто, дабы заткнуть рот городским кумушкам, что, конечно, будет нелегко: известие о планах овдовевшей представительницы семейства Мистри отправиться в Китай самостоятельно взбаламутит все дома, где пурда

— непреложный закон.

После долгих размышлений она пришла к выводу, что толков, видимо, никак не избежать, но вот если семья выступит единым фронтом, большого скандала не будет, а маленький они уж как-нибудь переживут и даже, наверное, сумеют подать себя в выгодном свете — дескать, Мистри, пионеры в предпринимательстве, опережают соплеменников и в прочих сферах.

Но как убедить братьев и дочерей? Как добиться своего, не посеяв раздор в семье?

Обилие возможных препон напомнило изречение покойного отца: «Чтобы затопить лодку, не нужно взламывать днище целиком, достаточно оторвать пару досок».

А в моей лодке, решила Ширин, самые главные доски — дочери. Если заручиться их поддержкой, убедить братьев будет гораздо проще. Однако склонить на свою сторону дочек — та еще задача: во-первых, поездка создаст им лишнее беспокойство — все ли благополучно с матушкой, а во-вторых, банкротство отца уже породило в них страх перед скандалом.

Ширин все еще ломала голову, как же затронуть нужную тему, когда судьба неожиданно предоставила ей такую возможность. Однажды

дочери с мужьями пришли на ужин, и за столом разговор сам собою зашел о Китае. Один зять обмолвился о секретном собрании главных бомбейских судовладельцев. Оказалось, второй зять прекрасно знает, в чем там дело: воротилы старались друг друга перещеголять в поддержке английского экспедиционного корпуса — на чрезвычайно выгодных условиях предлагали сотни тысяч рупий, были готовы предоставить для транспортировки войск свои лучшие суда. Все они, конечно, понимали, что самые активные помощники первыми получат компенсацию за опий, конфискованный китайскими властями.

Ширин в разговоре не участвовала, но проследила за тем, чтобы дочери прекратили возню с детьми и прислушались к словам мужей. Позже, оставшись с дочками наедине, она спросила:

— Вы поняли, о чем шла речь за ужином?

Те равнодушно кивнули:

— Да, что-то там о китайской репарации.

— Вико говорит, наша доля могла бы составить двести тысяч испанских долларов.

Цифра впечатлила. Ширин выждала пару минут, чтобы дочери прониклись суммой, а затем сказала:

— Но Вико считает, мы вряд ли что-нибудь

получим вообще, если только…

— Если — что?

Ширин набрала воздуху в грудь и выпалила:

— Если только я сама не поеду в Китай.

Дочери разинули рты.

— Ты? С какой стати?

— А с такой, что в последнем вояже вашего отца значительная часть опийного груза была куплена на деньги, доставшиеся мне по наследству. Но заявить об этом властям я должна лично. Вико сказал, капитан Эллиотт знал Бахрама, и, если подать прошение ему напрямую, он пойдет мне навстречу и друзья вашего батюшки из кантонской Торговой палаты тоже окажут содействие.

— Но зачем тебе самой туда ехать? Нам же в любом случае выплатят компенсацию?

— Нет, на это рассчитывать нельзя.

Ширин объяснила, что деньги, отданные мужу, считались их совместной собственностью, то есть частью имущества Бахрама. Обычно имущественный ущерб компенсируют в последнюю очередь. Но если она, Ширин, будет присутствовать при распределении выплат, друзья Бахрама обеспечат ей статус инвестора, и тогда, вполне вероятно, ей первой возместят потери.

Дочери в задумчивости покусывали губы.

Прошло добрых пять минут, прежде чем они выставили контрдоводы:

— Но поездка туда и обратно займет больше года, верно?

— *Не ахену бхав су*, и во что она станет?

Ширин подошла к гардеробу и отомкнула железный сейф, в котором хранила драгоценности.

— Вот, остались кое-какие золотые украшения, которые мне дарили на свадьбу. Они сберегались для вас, но сейчас не лучше ли их продать и вырученные деньги потратить на поездку? И тогда мы получим вдесятеро больше.

Дочери переглянулись, покусывая ногти.

— Но что скажут люди?

— Женщина твоих лет… вдова… путешествует одна…

Опустив взгляд, Ширин спокойно выслушала, потом сказала:

— Дело не только в деньгах. Пока жива, я хочу побывать на могиле вашего отца. Разве у кого-нибудь найдутся возражения?

Бросив семя, она дала время проклюнуться побегу и данной темы больше не касалась.

Через несколько дней пришел Вико с письмом от Задиг-бея: к поездке в Китай все готово, часовщик поплывет на корабле «Лань», принад-

лежащем Бенджамину Бернэму.

— Бернэм? Не он ли купил нашу «Анахиту»? — спросила Ширин.

— Он самый. Вместе с вашим мужем Бернэм входил в Совет палаты. В письме сказано, что, узнав о ваших обстоятельствах, он, конечно же, предоставит вам хорошую каюту по льготной цене. Задиг-бей все устроит, требуется только ваше согласие.

Сказав, что решилась ехать, Ширин уже не могла сдать назад.

— Хорошо, отпиши Задиг-бею. Как-то раз я встречалась с четой Бернэм, когда они приезжали в Бомбей. Надеюсь, они меня вспомнят. Пусть Задиг-бей готовит поездку. Так или иначе, я уговорю своих родственников.

Произнесенные вслух, эти смелые слова укрепили ее решимость; она понимала, что впереди долгий путь, но препятствия уже не казались неодолимыми. Самое главное, появившаяся цель придала сил и воодушевила, чего не бывало уже многие годы. Окружающий мир расцветился новыми красками, а скучные предметы вроде бизнеса, финансов и политики вдруг стали безумно интересны.

Казалось, вихрь разметал занавеси ее жизни,

сдув многолетнюю пыль и паутину.

16 декабря 1839
Хонам

Нынче утром я пришел в печатню, и Комптон приветствовал меня широкой улыбкой:

— *Наа, А-Нил!* Вы приглашены на встречу с юм-чаэ!

Сперва я подумал, он шутит.

— *Гай чой,* ладно вам, — сказал я. — Решили угостить меня «китайской горчицей»?

— Да нет, серьезно! — рассмеялся Комптон. — Сегодня вы увидите комиссара Линя. — *Фаай ди лаа*, собирайтесь!

Оказалось, этой возможностью я обязан британскому кораблю «Сунда», недавно затонувшему у берегов острова Хайнань. Спаслись пятнадцать моряков, включая юнгу. Почти все они британские подданные, и комиссар Линь приказал обращаться с ними хорошо. Моряков перевезли в Гуанчжоу и поселили в американской фактории. Вскоре они поедут домой в Англию.

Пару дней назад юм-чаэ попросил о встрече со спасшимися моряками. Она состоится в храме на территории цитадели. По личной просьбе Чжун Лоу-сы меня включили в число приглашенных!

Скажи мне кто еще час назад, что нынче я окажусь за стенами цитадели, я бы не поверил — иноземцам туда доступ закрыт, и я давно распрощался с мечтой пройти сквозь городские ворота. Кроме того, комиссара я видел только раз, да и то издали. От возможности лицезреть его близко закружилась голова.

Мы с Комптоном подошли к юго-западным воротам цитадели, где уже собралась изрядная толпа: моряки с «Сунды», американские торговцы, в числе коих мистер Делано и мистер Кулидж, с полдюжины мандаринов и несколько купцов из гильдии Ко-Хон.

Из всей этой компании больше всего меня заинтересовали личные переводчики юм-чаэ — Комптон много о них рассказывал, но я никогда с ними не встречался, ибо они жили и работали внутри цитадели.

Самый именитый из них — Юань Хуэй, спокойный учтивый человек, который обучался в англо-китайском колледже в Малакке и несколько лет прожил в Англии. Сейчас он занимает важный пост в Пекине и, по просьбе комиссара, работает в Гуанчжоу. Еще есть Ляо А-Сэ, серьезного вида мужчина, обладатель «английского» имени Уильям Ботельо; он один из первых ки-

тайцев, получивших образование в Америке, обучался в школах Коннектикута и Филадельфии. Следующий в этой группе — Лян Цзиньдэ, совсем еще юнец, сын новообращенного в протестантскую веру. И наконец, сын китайца и индианки Я Мэн — сгорбленный старик, много лет проведший в миссионерском колледже Серампора, что под Калькуттой.

Он еще помнит бенгали, и мне хотелось о многом его расспросить. Но едва мы обменялись любезностями, как гонги и барабаны возвестили, что ворота открываются. Распахнувшиеся створки явили широкий проспект, вдоль которого выстроились солдаты, и расположенные через равные промежутки арки, а также двух- и трехэтажные дома под зелеными черепичными крышами с изогнутыми краями. В окнах маячили лица зевак.

К моему большому огорчению, недолгий путь не позволил хорошенько рассмотреть город — храм, где назначена встреча, был всего в трехстах ярдах от ворот. За цепью солдат, охранявших вход, собралась большая шумная толпа желающих поглазеть на чужеземцев.

Миновав несколько внутренних дворов, мы оказались на задах храмового комплекса и вошли

в просторный, похожий на библиотеку зал со множеством книг и свитков. В дальнем конце его на подиуме были приготовлены стулья для комиссара и чиновников высокого ранга.

Удары гонга оповестили о выходе юм-чаэ. Все присутствующие встали на колени, и только иноземные купцы лишь склонились в поклоне. Комиссар кряжист и одет, по сравнению со свитой, весьма неброско. Средних лет, он выглядит бодрым, держится просто. Голос приятен, лицо, украшенное жиденькой бородкой, приветливо, глаза ярки, взгляд остер.

Должен признать, у меня, вопреки волнению, не возникло ощущения встречи с божеством. Я столько всего слышал о комиссаре и потому ожидал чего-то необыкновенного. Однако на фоне других мандаринов он выглядел самым неприметным — по крайней мере, внешне. Если прочие высшие чиновники старались сразить пышностью одежд и величавостью манер, комиссар, похоже, стремился произвести совершенно обратное впечатление, и это, наверное, в нем самое необычное. Он себя вел как добрый дедушка — даже погладил по головке английского юнгу и поговорил с ним.

К сожалению, само мероприятие оказалось

малоинтересным. Складывается впечатление, что комиссар Линь искал этой встречи, дабы убедить англичан в праведности своего дела. Ради этого он представил несколько книг и брошюр о пагубности опия (на некоторые из них его внимание обратили именно мы с Комптоном). Желая доказать, что запрет опийной торговли ни в чем не противоречит повсеместно принятым правилам, комиссар приказал зачесть отрывок из европейского свода международных законов.

Англичане вежливо слушали, однако лица их выражали недоумение: почему комиссар обращается к ним, ведь они вовсе не те люди, кто держит штурвал имперской власти?

Комптон тоже счел эту встречу пустой тратой времени и позже, когда мы вернулись в печатню, сказал: главная ошибка юм-чаэ в том, что он слишком уж верит в здравый смысл — дескать, как только простой англичанин уяснит себе политическую подоплеку, станет не о чем спорить. В глубине души комиссар не верит, что любая разумная человеческая общность захочет воевать ради чего-то вроде опия. Вот потому он и пожелал встретиться со спасшимися моряками, думая, что наилучший вариант решения проблемы — пробиться к простому англичанину. Комиссар

больше не доверяет капитану Эллиотту и другим британским официальным лицам, коих считает продажными чиновниками — мол, они отстаивают свой шкурный интерес и обманывают народ, которому призваны служить.

Видимо, комиссар Линь рассчитывает, что простые англичане вроде моряков с затонувшего судна смогут подать петицию правительству, как принято в Китае. Он не понимает, что в Англии все иначе: эти люди не вправе обращаться к власть имущим и хоть как-то влиять на официальную политику.

Наверное, не всякому дано уразуметь деспотии других народов.

Лишь обиженно распрощавшись с миссис Бернэм, Захарий сообразил, что не условился о новой встрече. Он костерил себя за свой резкий уход, а также за панику, порожденную мыслью, что отныне будуар для него закрыт. Захарий сознавал, что эта связь (или что бы там ни было) отнюдь не вечна, однако не мог унять внутренний голос, вопивший: «Нет, не сейчас, не сейчас!»

К счастью, мучения его были недолги: через пару дней пришло послание, скрытое в очередном увесистом томе.

Когда Захарий возник в дверях уборной, его

встретили с пылкостью, говорившей о намерении вымолить прощение.

— Ах, дорогой мой мистер Рейд! — Миссис Бернэм заключила его в объятья. — Как же я тебе рада! Я боялась, ты больше не придешь.

— Почему это?

— Потому что в нашу последнюю встречу я, кажется, неудачно выразилась. Я всегда была ужасной балаболкой. Язык мой — враг мой, прежде ума рыщет, беды ищет, он, по выражению мистера Дафти, что твой кливер, и я молю о снисхождении. Я прощена? Скажи, прощена?

Захарий улыбнулся:

— Да, моя дорогая биби.

— Благодарю! — Миссис Бернэм прижалась животом к его бедрам. — О, я чувствую, отважный солдатик тоже меня простил, и он, я уверена, свершит великие подвиги, узнав, какой подарочек я ему приготовила.

Она раздела Захария и подвела к кровати, простеленной полотенцами. Захарий лег навзничь, устроив голову на пирамиде подушек, а миссис Бернэм взяла с прикроватной тумбочки небольшую миску и поставила ему на грудь.

— Теперь не шевелись, а то все расплещешь.

В миске, наполовину заполненной благовон-

ным маслом янтарного цвета, лежало нечто, похожее на детский носочек, только не матерчатый, а прозрачный; с открытого конца «носочек» был повязан красной шелковой лентой, изящно свисавшей с края миски и не касавшейся масла.

Ухватив ленту, миссис Бернэм выудила «носочек» из миски, поднесла к Захарию, и стекавшее струйкой масло стало собираться в лужицы на его животе.

— Знаешь, что это, мистер Рейд?

— Неужто гандон? — вытаращился Захарий и получил шутливый тычок в ухо.

— Фу, как грубо! Назовем это чехольчиком, который избавит впредь нашего отважного бойца от постыдной необходимости транжирить драгоценное добро. — Миссис Бернэм склонилась для затяжного поцелуя. — Я знаю, как порой тебе было трудно, мой милый, воздержаться от надлежащего излияния. Твоя жертва давила меня тяжким бременем, и я безмерно рада, что отныне тебе не придется ее приносить.

Захарий был растроган такой нежностью и заботой.

— Ты очень внимательна. Трудно было раздобыть чехольчик?

— Невероятно трудно, да еще требовалась

крайняя осторожность. Скажу только, что повитуха-армянка, обитающая на Фри-Скул-стрит, стала гораздо богаче.

— Подарок, выходит, дорогой?

— В Англии чехольчики стоят всего шиллинг за штуку, а здесь вдвое дороже — целую рупию. Я закупила несколько дюжин, так что нам пока хватит. Ты когда-нибудь ими пользовался?

Захарий помотал головой:

— Простым молотчикам такая роскошь не по карману. Я, конечно, слышал о чехольчике, но вижу его впервые.

— И у меня никакого опыта в этой области, но я постараюсь надеть его правильно, а ты мне поможешь, приказав бойцу встать по стойке смирно.

Миссис Бернэм влезла на кровать и устроилась меж раздвинутых ног Захария.

— Говорят, чехольчики изготавливают из кишок барашка, — сказала она, обмакнув пальцы в масло. — Не правда ли, любопытно: животное, что за обедом потчует нас жарким из собственного мяса, ночью предлагает нам услуги иного рода?

Миссис Бернэм расправила горловину чехольчика и, капая маслом на промежность Захария, постаралась приладить изделие на место.

— Дело это скользкое, мистер Рейд, а боец все только усложняет, когда так вздрагивает и пружинит. Пожалуйста, втолкуй ему, что сейчас не время для отработки приемов штыкового боя.

Миссис Бернэм пригнулась к самому паху Захария, и теперь он видел только ее сосредоточенно нахмуренный лоб.

— О господи, я так затянула ленту, что узел распустишь не иначе как зубами. Лежи смирно, не дергайся!

Захарий почувствовал прикосновение ее губ, а следом ее дыхание, похожее на теплый ветерок, овевающий флагшток, и, запрокинув голову, простонал:

— Ох, поскорее, миссис Бернэм, а то я извергнусь!

— Ни в коем случае! Огонь не открывать! — Вновь легкие движения пальцев и радостный возглас: — Ой, какой чудесный бантик получился! Сейчас подам зеркало, чтоб и ты полюбовался!

— Нет! Не томи!

— Уверяю тебя, мой дорогой молотчик, ни одна шляпка на свете не похвастает таким красивым бантом, ну прямо венок под мачтой! Даже в честь королевы не поднимали столь великолепный стяг!

Терпение его иссякло, и Захарий, убрав с груди миску, притянул к себе миссис Бернэм.

— А ты, моя дорогая, заслужила королевский салют — залп из всех орудий!

Она засмеялась и чмокнула его в нос.

— Ну вот, а еще прибеднялся — мол, скуден словарный запас!

Потом, когда распустили насквозь промокшую ленту и отправили обратно в миску отяжелевший чехольчик, Захарий сказал:

— Ты просто невероятная искусница! Даже интересно, сколько раз ты это проделывала раньше.

Миссис Бернэм оторвала голову от подушки и нахмурилась.

— Ни разу! Прежде я никогда такого не делала, мистер Рейд!

— Но у тебя же были другие мужчины? Любовники, с которыми ты обманывала мужа?

Она яростно замотала головой:

— Нет, никогда! Клянусь, до твоего появления я не изменяла мужу. Я была, можно сказать, добродетельной супругой.

— Но ты же сама сказала, что у вас почти не было близости. А уж я-то убедился, какая ты страстная. А как же… зов плоти?

— Разве этот зов как-то связан с супружеской верностью? — Миссис Бернэм насмешливо вскинула бровь. — Нет такого зова, который нельзя унять долгим купанием под опекой горничной, банщицы или даже с другой дамой. Поверь на слово, мистер Рейд, для женщины нет времени счастливее, чем отлучка супруга, что бывает сплошь и рядом с этими вечными мужскими кампаниями и вояжами.

Захарий изумленно разинул рот:

— Ты серьезно? Хочешь сказать, банщицы доводят тебя до… шока? А мистер Бернэм знает?

— Сие вовсе не секрет, дорогой мой, эротический массаж как средство от истерии мне прописал врач. Это вполне обычное лечение, для которого я специально нанимала служанку. Мистер Бернэм о том осведомлен и не возражает, да и как возразишь против врачебного предписания? Скорее всего, он даже рад — не надо беспокоиться о моей верности. Ей-же-ей, не было и мысли о романе на стороне, пока в моей жизни не появился некий молотчик. Забавно, милый, что сначала я видела в тебе скорее противника, нежели любовника.

— Не понял, почему — противника? — удивился Захарий.

Миссис Бернэм лукаво улыбнулась и пощекотала ему горло.

— Видишь ли, дорогой, поначалу я была так нелюбезна с тобой, ибо считала, что ты порушил мои планы касательно Полетт. Если б не ты, она бы вняла моему совету, вышла за судью Кендалбуша, и мы бы с ней наслаждались совместными омовениями. По твоей вине мечты мои рухнули, и я была полна решимости наказать тебя за распутство, однако судьба так распорядилась, что рядом со мной не она, а ты, и в день, когда ты меня бросишь и вы с ней сбежите, я даже не знаю, кого стану ревновать больше — тебя или Полетт.

Удивительное откровение породило водоворот мыслей, и Захарий, как всегда в общении с миссис Бернэм, почувствовал, что барахтается в столь глубоких и бурных водах, каких не изведал прежде. Как ни странно, это не отпугивало, но только усиливало желание обладать ею.

Она это прекрасно знала и тихонько рассмеялась:

— Ага, вижу, наш отважный солдатик услышал боевой сигнал и вновь готов к атаке, хоть только что вышел из схватки.

Захарий невольно улыбнулся:

— Одно скажу, миссис Бернэм: ты умеешь упра-

виться с оснасткой моряка.

Глава 9

За время службы Кесри многажды бывал в Калькутте, однако еще никогда не квартировал в стенах форта Уильям — крепости, что охраняла город, раскинувшийся за безлесной ширью майдана. Индусов редко селили в форте, месте постоя белых военнослужащих, но обычно размещали в Квартале сипаев, отделенном от крепости внушительной пустошью.

В свои прежние визиты в Калькутту Кесри квартировал именно в том районе, и тамошние условия мало чем отличались от лагерной жизни: казарм и столовых не было, солдаты сами обеспечивали себя кровом и пропитанием. Рядовые джаваны самостоятельно строили либо на паях снимали хижины, еду им готовили несколько общих на всех денщиков. Хавильдары и унтер-офицеры жили отдельно, у каждого был свой денщик.

Однако калькуттский лагерь имел одну важную особенность — значительно превосходил в размерах иные военные базы. Примыкавший к лагерю огромный, точно еще один городок, базар

был открыт круглогодично и предлагал такое разнообразие товаров, что молодой джаван мог месяцами не покидать место постоя.

Будь его воля, Кесри охотно пользовался бы услугами базара, но сейчас это было невозможно — обитателям форта категорически запрещалось выходить за его пределы. Поскольку Лондон еще не отдал официального приказа, формирование экспедиционного корпуса считалось военной тайной, и во избежание утечки информации сипаев заточили в границах крепости.

Поначалу Кесри был весьма недоволен запретом, но потом, обустроившись в новом жилище, понял, что все не так уж плохо. Жизнь в казарме сама по себе была новым впечатлением, и, кроме того, он, заселяясь одним из первых, смог занять лучшую комнату в торце здания с окнами на две стороны. Обитание на третьем этаже тоже было в новинку — Кесри никогда не жил так высоко над землей, да еще со столь хорошим обзором окрестностей.

С другой стороны, было утомительно постоянно находиться на службе. В других лагерях и городках существовало уютное разделение служебных обязанностей и досуга: в конце дня, вернувшись в свои жилища, сипаи переодевались в дхоти и

рубахи. Сейчас же им, точно английским воякам, приходилось носить форму весь день, к чему они привыкли не сразу. Однако в такой жизни были свои преимущества — она избавляла от расходов на слуг и хозяйственных хлопот.

Казарма бенгальских волонтеров располагалась в отдаленной части форта. Сипаям отвели небольшую часть здания, поскольку их батальон был таковым лишь по названию. Даже в полной комплектации он не достигал и половины своей обычной численности: всего две роты, каждая в сто человек.

Малый состав подразделения порадовал Кесри — значит, над ним не будет джемадаров и субедара, всюду сующих свой нос. В своей второй роте он был старшим унтер-офицером. Еще одна хорошая новость — майор Болтон только временно исполнял обязанности командира батальона и, скорее всего, займет должность в штабе экспедиционного корпуса. Лучшего нельзя и желать — стало быть, обе роты будут действовать независимо друг от друга, и капитан Ми с Кесри смогут принимать решения самостоятельно. Правда, еще есть с полдюжины английских субалтернов, но капитан, несомненно, сумеет поставить юнцов на место.

А вот коллега его, командир первой роты, оказался рохлей, что стало очевидным при отборе младших унтер-офицеров: с помощью капитана Кесри заполучил именно тех ефрейторов и капралов, каких хотел.

Потом прибыла первая партия рядовых, и она приятно удивила. По опыту, Кесри знал, что обычно в «баламтёры» заморской службы отдают своего рода брак: неумех, лодырей, шалопаев и пьяниц, от которых всякая воинская часть только рада избавиться. Но эти волонтеры были не так уж плохи — по большей части амбициозные юноши, желавшие повидать мир и продвинуться по службе, о чем некогда мечтал и сам Кесри.

Правда, все они были неопытны и прежде служили в разных родах войск. Кесри понимал, что создать слаженную боевую единицу из толпы, собранной с бору по сосенке, будет непросто.

Но вот началась серьезная муштра, и Кесри обнаружил, что в этой волонтерской пестроте есть свои плюсы, выражавшиеся в отсутствии родственных связей между сипаями. Их можно было гонять до одури и наказывать, не опасаясь докучного вмешательства всяких дядьев и кузенов. Вкус власти пьянил, Кесри как будто стал заминдаром и субедаром в одном лице.

Раньше его поражала железная дисциплина в европейских полках. Как, гадал он, иноземные унтер-офицеры умудряются превратить солдат в послушные механизмы? Теперь он понял, что обрыв связей с внешним миром — первый шаг в создании такого подразделения. В обычных туземных войсках это было невозможно из-за слишком крепких уз солдат со своими общинами.

Здесь же все обитали в непривычных условиях. Никто из сипаев прежде в казарме не жил и теперь вел себя совершенно иначе. Кесри делил комнату с четырьмя найками и уже через неделю знал о них столько всякого, чего никогда не ведал о своих подчиненных. Родом из разных мест — Авадха, Митхилы, Бходжпури и горных районов, унтер-офицеры были различных каст: брамины, раджпуты, ахиры, курми[50] и прочие. Поначалу кое-кто возроптал, не желая сидеть за одним столом с представителем низкой касты, но Кесри моментально пресек эти недовольства: иль забыли, что поплывете морем? А корабль — это вам не родная деревня. И все в таком духе. Вскоре унтеры сняли свои претензии, чем подали хоро-

[50] Примечания: 50
Ахиры — скотоводы, курми — земледельцы.

ший пример бойцам, как ужиться друг с другом.

Первое время все было неожиданно хорошо, но Кесри чувствовал — это ненадолго, и не ошибся. Вскоре сказалась насильственная изоляция. Люди не привыкли сидеть взаперти, не имея доступа к разнообразным удовольствиям базара. Малознакомые соседи по казарме и невозможность скинуть форму тоже сыграли свою роль.

С прибытием второй партии волонтеров, пополнивших численный состав роты, ситуация только усугубилась. Почти все новички были «никчемности», от которых мечтали избавиться в их прежних полках, — дохляки либо неисправимые баламуты.

Солдатские нервы не выдерживали, и в отсутствие дядьев и кузенов, которые могли бы предотвратить серьезный конфликт, то и дело мелкие ссоры перерастали в драки. Всего за полмесяца двоих зарезали в поножовщине, но рота лишилась девяти человек, поскольку вместе с убийцами отчислили и других участников потасовок.

С каждым днем появлялись все новые знаки морального упадка: неопрятный вид, отработка приемов вполсилы и неоднократные примеры безмолвного тупого неподчинения, которое не

одолеть обычными взысканиями. Чтобы удержать порядок, требовались неимоверные усилия, и впервые за всю службу Кесри пожалел, что в туземных полках отменили порку.

Наконец ему пришла идея устроить соревнования по борьбе — обычное дело в лагерях и военных городках, где постоянно проводили батальонные и полковые турниры. Сам Кесри никогда не забывал о борьбе и несколько лет был чемпионом полка. Спорт укрепляет человеческие отношения, а юношеские воспоминания об акхаре подсказывали, что это совершенно необходимо в нынешней ситуации, когда люди плохо знакомы друг с другом. Кесри не ошибся в своем расчете на поддержку капитана Ми, который в числе немногих английских офицеров иногда и сам выходил на борцовскую арену. Капитан объявил идею блестящей и всего за неделю раздобыл позволение ее воплотить.

За пару дней соорудили более или менее приличную арену, Кесри взял на себя роль наставника начинающих спортсменов. Результат оправдал его ожидания: солдаты откликнулись охотно и, радуясь отвлечению, разом воспрянули духом. Вскоре вся рота поголовно увлеклась борьбой, во взводах создавали команды для участия

в турнире.

Все это обнадеживало, но главная проблема осталась — никто не знал, куда отправят корпус. И потому ходили тревожные слухи самого разного толка: война с дикарями-людоедами, муки в безводной пустыне и тому подобное. В противовес досужей болтовне Кесри называл вероятные, на его взгляд, места назначения: Шри-Ланка, Ява, Сингапур, Бенкулен, малазийский остров Принца Уэльского. Сипаи побывали на всех этих театрах военных действий, о них старики рассказывали бесчисленные истории. И когда возникло название *Маха-Чин*, Китай, Кесри только посмеялся — слыханное ли дело, чтоб сипаи воевали в Поднебесной? Само это слово подразумевало невообразимую даль, и крохи знаний о ней были почерпнуты от странствующих монахов и садху, рассказывавших о горах в снеговых шапках и ледяных пустынях. Мысль о морском сражении в этаких краях выглядела совершенно нелепой.

В Калькутте декабрь был светским сезоном, и благодаря чете Дафти Захарий получил немало приглашений на празднование Рождества и еще больше — на отмечание наступающего нового 1840 года. В некоторых домах ему встречалась миссис Бернэм, и тогда они сдержанно расклани-

вались, как едва знакомые.

Однако ее присутствие заставляло быть начеку: Захарий знал, что украдкой за ним наблюдают и позже последует детальный разбор его светских манер, грозящий выговором за малейшую оплошность в одежде, речах и прочем. Изредка он удостаивался окрылявшей его скупой похвалы. Всякое доброе слово разжигало аппетит к новому одобрению, и голод этот был неутолим, поскольку Захарий так и не выучился различать, когда его превозносят всерьез, а когда в насмешку.

В Новый год пути их пересеклись на праздничном полднике, и ночью в будуаре миссис Бернэм, посмеиваясь, сказала:

— Ты становишься истинным саибом, мистер Рейд! И скоро превратишься в записного денди! Что за галстук! Что за брелок!

— А костюм? — жадно спросил Захарий. — Как тебе мой костюм?

К его огорчению, вопрос этот вызвал новый приступ смеха.

— Ах, мой милый молотчик! — Миссис Бернэм взяла его лицо в ладони. — На свете ни один костюм не сравнится с твоим нарядом Адама. Дай-ка я рассмотрю его хорошенько…

Светская дама, миссис Бернэм регулярно устра-

ивала собственные приемы, однако Захарию ясно дали понять, что ему не стоит ждать приглашений и вообще лучше не показываться на глаза гостям. Уведомленный заранее об очередном рауте, обычно он уходил в город либо находил занятие в недрах баджры, но иногда, увлекшись работой, забывал о необходимости скрыться. И вот однажды он, настилая палубные доски, заметил на подъездной аллее длинную череду экипажей и колясок и лишь тогда вспомнил о дневном приеме у миссис Бернэм.

Часть плавучего дворца, где он работал, из особняка не просматривалась, и Захарий, решив, что нынче можно не прятаться, продолжил свой усердный труд.

С молотком в руке он стоял на четвереньках, когда с берега за его спиной донесся голос:

— Здравствуйте!

Захарий подскочил и, обернувшись, увидел белобрысую девушку лет семнадцати-восемнадцати.

— Вы не помните меня, мистер Рейд? — сказала она, застенчиво улыбаясь. — Я Дженни Мандевиль, мы с вами танцевали на бале-маскараде… кадриль, кажется… Вы просили называть вас по имени…

— О да, конечно. — Захарий глянул на свои изгвазданные штаны и пропитавшуюся потом рубаху. — Прошу прощенья за мой вид.

Девушка звонко рассмеялась.

— Пустяки! Вы заняты чем-то ужасно интересным. Можно, я попробую?

— Да-да, извольте. — Захарий вручил ей молоток.

— Ух ты, тяжелый! — вскрикнула Дженни.

— Ничуть, если держать его правильно. Позвольте, я покажу. — Захарий вложил молоток в ладонь девушки и сомкнул ее пальцы на деревянной рукоятке.

Он все еще держал ее за руку, когда раздался еще один голос:

— А, вот вы где, Дженни! Загадка исчезновения загадочной барышни наконец-то разгадана!

Возле носа баджры стояла, подбоченясь, разъяренная миссис Бернэм; вопреки своему страху перед солнечными лучами, она была без шляпы и парасоли.

Девушка выдернула руку из ладони Захария и виновато сказала:

— Я просто искала…

— Уже понятно, что вы искали, — оборвала ее миссис Бернэм. — Но вам пора уходить — ваши

родители ждут вас в экипаже.

Дамы поспешили прочь, даже не взглянув на Захария, который с молотком в руке глупо застыл на сходнях.

Нынче его ждало ночное свидание с миссис Бернэм, всегда охотно принимавшей его после ухода гостей, но, обиженный ее резкостью, он решил отказаться от встречи и пораньше улегся в кровать под защитой москитной сетки. Захарий уже крепко спал, когда вдруг распахнулась дверь его каюты. Он испуганно вскочил и на пороге узрел миссис Бернэм с зажженной лампой в руке. Такой он ее никогда не видел: лицо злобно перекошено, взгляд полыхает гневом.

— Подлец! — прошипела она. — Похотливый шакал! Как ты мог? Как ты посмел?

Спрыгнув с кровати, Захарий захлопнул дверь. Он заметил, что миссис Бернэм так и не переоделась после приема.

— Грязный лживый гусак!

— Успокойся, миссис Бернэм. — Забрав лампу, Захарий подвел ее к кровати. — И, пожалуйста, говори тише.

— Как ты мог? — крикнула она. — Сперва заигрываешь с этой потаскушкой, а потом заставляешь меня ждать! Как ты посмел?

Еще никогда Захарий не видел ее в такой ярости.

— Я ни с кем не заигрывал. — Он говорил негромко, чтобы не распалить ее еще больше. — Она явилась сама.

— Врешь! Я знаю, вы встречались за моей спиной!

— Неправда. После бала-маскарада я ее не видел.

— Тогда почему она все время говорит о тебе? Всякий раз — Захарий то, Захарий сё!

— Понятия не имею. Я тут ни при чем.

Она как будто немного успокоилась. Захарий взял ее под локоть и приподнял москитную сетку:

— Забирайся, а то тебя съедят живьем.

Миссис Бернэм оттолкнула его руку, но все же нырнула под сетку. Захарий задул лампу, улегся рядом и обнаружил, что гнев его гостьи сменился потоком слез.

— Почему ты не пришел? — выговорила она, всхлипывая. — Я ждала-ждала…

— Не знаю, задумывалась ли ты, что я не только молотчик, но еще и живой человек, — тихо сказал Захарий. — И мне обидно, когда со мной обращаются как с бродячим псом.

— А чего ты хотел? — вскинулась миссис Бернэм. — Чтобы при всех я с тобою любезничала? Ты прекрасно знаешь, как я должна вести себя на людях.

Захарий проявил терпение.

— Послушай, я все понимаю: ты госпожа, я работник, нам надо соблюдать дистанцию. Но что за нужда быть со мною столь грубой, когда вокруг посторонние? Ни с одним слугой в доме ты не обращаешься так скверно. Ты даже смотришь на меня так, будто я какой-нибудь зловредный паразит.

Миссис Бернэм закрыла руками лицо и сокрушенно покачала головой.

— Какой же ты глупый! — проговорила она, давясь рыданием. — Нет, ты не молотчик, ты законченный осел!

— Чего это вдруг?

— Ну как ты не понимаешь? На людях я смотрю мимо тебя, потому что напугана до полусмерти.

— Чем это?

— Я ужасно боюсь, что лицо мое выдаст смятение, коим при виде тебя переполняется душа.

В темноте Захарий взял ее за руку и почувствовал, как она дрожит.

— Однако ты со мною сурова не только на лю-

дях. Даже когда мы одни, все твои ласковые слова адресованы лишь «отважному солдатику».

Миссис Бернэм выдернула руку из его ладоней.

— Знаешь, если тебе нужны ахи, охи и всякие любовные излияния, тогда ищи кого-нибудь вроде Дженни Мандевиль. От меня ты этого не дождешься, я давно выросла из девичьих фантазий.

— Но ведь когда-то и ты была девушкой, неужели тебе неведома влюбленность?

Миссис Бернэм шумно вздохнула, и Захарий приготовился к резкой отповеди, но услышал прерывистый шепот:

— Да… однажды я была влюблена…

— Расскажи?

— Это случилось давным-давно, когда я была в возрасте этой дурехи Дженни. В отцовский полк прибыл лейтенант-англичанин, всего годом старше меня. Слегка шальной, как все молодые офицеры, темноволосый красавец. Я по уши влюбилась с первого взгляда, как может влюбиться только семнадцатилетняя девчонка. Твоя замухрышка мисс Мандевиль не изведала и десятой доли того чувства, что клокотало во мне.

— А что он?

— Мы оба были без ума друг от друга.

— Так почему ты не вышла за него?

— Это было невозможно. Мои родители никогда не дали бы согласия на столь негодную партию: отец его фулемский зеленщик, мать, по слухам, левантийская еврейка. Говорили, офицерский патент ему достался через шантаж: его мать была любовницей члена правления Ост-Индской компании, которого заставила использовать свои связи. Да он и не смог бы содержать семью. Даже в карты играл по маленькой — ни гроша за душой.

— И что с ним стало?

— Не знаю. Я ничего о нем не слышала с того дня, как шестнадцать лет назад нас разлучили. — Голос миссис Бернэм дрогнул, она помолчала, овладевая собой. — В ту зиму отцовский полк стоял в Ранчи, городке на холмах. Веселое было время — то и дело вечера, пикники, представления. Однажды на пикнике мы с моим возлюбленным ускользнули в лес, там были чудесные леса… Гуляли, немного заплутали, и я не возражала, когда он меня обнял и поцеловал. Я бы позволила ему и больше, мы оба просто сгорали от любви.

— Но он ничего не сделал?

— Нет. Мы услышали голос его денщика, искавшего нас, и поспешили обратно, родителям моим сказали, что заблудились. Но мать, видимо, что-то

прочла в моем лице и дома поговорила с отцом. Во избежание скандала на другой день меня увезли в Калькутту, мать страшно боялась молвы и решила поскорее выдать меня замуж. В то время мистер Бернэм обхаживал моего отца, надеясь заполучить контракт на поставку провианта. Потом мне сказали, что он просит моей руки. Лучшей партии нельзя и желать, заявила мать.

— Интересно, как сложилась судьба лейтенанта.

— Я думаю, он по-прежнему в полку. Наверняка женился, и целый выводок детишек путается у него под ногами.

— Ты его вспоминаешь?

— Нет. Это слишком больно.

Захарий не видел ее лица, но догадался, что она сдерживает вновь подступившие слезы. Еще никогда миссис Бернэм так не открывалась перед ним, и он понял, что любовь, какую в ней пробудил тот лейтенант, неповторима и намного превосходит чувство, что она питает к нему, Захарию. Он-то считал ее не способной на безоглядную страсть, потому что ни разу не получил ее знака. В душе его всколыхнулась досада, раздувшая уголек ревности: да что же это за лейтенант такой, коли образ его запросто одоле-

вает длиннющий тоннель времени, превращая в незнакомку ту, с кем сейчас он лежит в постели?

— Больше ни о чем не спрошу, если ответишь на один только вопрос. — Захарий смолк, затрудняясь облечь это в слова, но потом, запинаясь, произнес: — Скажи… тот лейтенант и я… мы с ним похожи?

Миссис Бернэм чуть улыбнулась.

— О нет, мой милый. Вы разные, насколько это возможно: кузнец и воин, Эрот и Марс.

Захарий сморщился; он не вполне понял, о ком шла речь в конце фразы, но почувствовал, что сравнение, похоже, не в его пользу. Казалось, за этим многословьем скрыто одно: она никогда не полюбит его или кого другого так, как любила утраченного лейтенанта, — тот навеки останется властелином ее сердца.

С помощью Вико и Розы Ширин еле-еле удалось убедить дочерей, что поездка в Китай не таит в себе большой опасности, но обернется всеобщей выгодой. Теперь ей предстояло выдержать бой с братьями, и она сделала тактический ход: прибегла к помощи Шерназ и Бехрозы, поставив им задачу в разговоре с дядюшками прощупать почву.

Но встреча не задалась. Дочери вернулись в

слезах: дядья их разбранили за то, что пошли на поводу у Ширин. Поездка эта вызовет грандиозный скандал и погубит репутацию семьи, сказали они, обвинив племянниц в бездушии и бесстыдстве, а также наплевательском отношении к матери и родным.

Ширин выслушала дочерей, и в душе ее всколыхнулись доселе не изведанные чувства. Обычно гнев отнимал у нее все жизненные силы, но сейчас переродился в бешенство. После ухода дочерей она не могла усидеть на месте и, будто готовясь к сражению, переоделась в свежую *чоли*[51] и белое сари. Сбежав по лестнице, Ширин, невзирая на протесты счетоводов и секретарей, влетела в контору, встала руки в боки и в лоб спросила братьев: неужто они и впрямь считают, что властны воспрепятствовать ей в поездке на могилу мужа?

Братья были младше и в детстве всегда ее побаивались. Время и превратности сестриной жизни поубавили их страх, но сейчас он вновь проявился, выразившись в невнятном бормотании вместо прямого ответа.

Воспользовавшись растерянностью братьев,

---

[51] Примечания: 51
Чоли — блуза с короткими рукавами.

Ширин заявила, что в данном вопросе она одна вправе принимать решение и уже это сделала, а потому никто — ни братья с их женами, ни ее собственные дочери — не сможет заставить ее отказаться от задуманного. Остается только выбрать, что предпочтительнее: скандальный раскол в семье или родственная поддержка друг друга, завещанная отцом и матерью. Неужели братья не понимают, что им выгодно известить весь свет: сестра их поступает, как надлежит скорбящей вдове? Разве не ясно, что выступление единым фронтом перевесит чашу весов в пользу престижа семейства Мистри?

Братья заерзали, и Ширин, почувствовав их неуверенность, уселась в кресло и вперила в них прямой взгляд.

— Ну, как будем действовать? Что скажем людям?

Вместо ответа братья предприняли слабую попытку ее урезонить. Гонконг очень далеко, сказали они, путешествие займет много недель, и длительное пребывание в море подорвет и без того слабое здоровье сестры.

Ширин рассмеялась: еще неизвестно, кто из них выносливее, но уж у нее-то желудок покрепче. Когда в детстве родители устраивали им водные

прогулки, она не страдала морской болезнью, а вот братцев выворачивало наизнанку, едва они ступали на палубу.

Братья вспыхнули и поспешно сменили тактику. Во что обойдется поездка? — спросили они. Путешествие дорогое, где взять деньги?

Ширин уже давно все просчитала и выучила все суммы наизусть; взяв перо, она начеркала несколько чисел и подтолкнула листок братьям:

— Вот, гляньте.

Нахмурившись, те изучили цифры. Одна вызвала их особое неодобрение, они ее подчеркнули и вернули бумагу сестре:

— Стоимость проезда сильно занижена, путешествие много дороже того, что ты можешь себе позволить.

Ширин, дожидавшаяся возможности вклиниться в брешь, победоносно заявила:

— Мистер Бенджамин Бернэм, коллега мужа по Совету палаты, даст мне льготу и предоставит хорошую каюту на своем корабле «Лань», который вскоре придет в Бомбей. В конце марта он отправится в Коломбо, а затем в Калькутту, где заберет войска экспедиционного корпуса. — Она выдержала паузу и добавила: — Видите, путешествие будет вполне безопасным и недорогим.

Братья переглянулись и пожали плечами. Их лица возвестили победу Ширин еще до того, как они сказали:

— *Тхо пачи тхик че*, ладно, поступай как знаешь.

14 января 1840
Хонам

И все-таки мне очень повезло с жильем на лодке Бабурао. Готов спорить, в Кантоне больше никто не располагает столь прекрасным видом на сей огромный город. Давеча обитатели американской фактории запускали фейерверк, отмечая наступление 1840 года от Рождества Христова. Со своей веранды я наблюдал за сим представлением, как будто устроенным в мою честь: все другие видели только всполохи в небе, я же вдобавок любовался их отражением в зеркальной глади Жемчужной реки и озера Белый Лебедь.

На днях Чжун Лоу-сы подробно расспрашивал меня, какое летосчисление принято в Индии и почему. В беседах с ним я частенько вспоминаю свое детство и педагогов, ученых мужей, наставлявших меня в философии Ньяя[52], логике и

[52] Примечания: 52

Ньяя — одна из шести главных школ индийской философии: миманса, веданта, йога, санкхья, ньяя, вайшешика.

санскритской грамматике. Подобно им, старец обладает неистощимым терпением, цепкой памятью и зорким глазом на любые несоответствия и противоречия. С ним надо быть весьма осторожным в выборе слов, ибо он очень внимателен и тотчас делает выговор за всякое неудачное выражение. Чжун Лоу-сы схож с моими былыми учителями еще и тем, что временами мягок и рассеян, а порою раздражителен и гневлив. Но он сильно от них отличается своей нелюбовью к абстракциям и философским рассуждениям. Его интересует лишь *чи хсуэ*, полезное знание, куда входит очень многое из окружающего мира. В наши долгие беседы он забрасывал меня вопросами на самые разные темы: народ, который тибетцы и гуркхи называют «борги», — это маратхи?[53] Когда битва при Асаи произошла по китайскому календарю? Артур Уэлсли и герцог Веллингтон — одно и то же лицо? Наверняка ответы на многие вопросы ему известны и задает он их только для того, чтобы лишний раз утвердиться в своем знании либо проверить мою компетентность. Всякое утверждение он воспринимает критически, происхождение информации для него

[53] Примечания: 53

Маратхи — народность в Индии, основное население штата Махараштра; в XV веке у маратхи побывал тверской купец Афанасий Никитин.

важно не меньше ее содержания: откуда я знаю, что англо-бирманская война 1825 года едва не закончилась поражением британцев? Это просто слухи? Каковы мои источники?

Однако после злополучного морского боя в Хумэни вопросы старца резко сменили характер. Теперь его интересуют не история с географией, но исключительно армия и флот.

Как-то раз он долго расспрашивал меня о колесных пароходах. Я хорошо помню тот день четырнадцатилетней давности, когда в Калькутту вошел пароход «Энтерпрайз», проделавший долгий путь из Лондона. Он стал первым пароходом, покорившим воды Индийского океана, и в награду за свой подвиг получил двадцать тысяч фунтов. Совсем еще мальчишка, я ожидал увидеть громадный корабль, но «Энтерпрайз» оказался маленьким неказистым судном. Однако разочарование мое сменилось изумлением, когда в полном безветрии он пустился верх-вниз по Хугли, ловко маневрируя в скопище лодок и парусников.

Прибытие «Энтерпрайза», поведал я, положило начало яростной гонке среди калькуттских судовладельцев. За пару лет Новая верфь Хаоры построила тиковое колесное судно «Форбс»,

снабженное двумя машинами в шестьдесят лошадиных сил. Событие это побудило моего отца включиться в гонку: он вложил пять тысяч рупий в компанию «Калькуттская ассоциация Паровой буксир», основанную самым видным бенгальским предпринимателем Дварканатхом Тагором. Вскоре компания обзавелась двумя пароходами. Нынче, сказал я, такие суда — привычное зрелище на Хугли, никого уже не удивишь пароходами и паровыми буксирами, что, деловито молотя лопастями по воде, оставляют длинный шлейф черного жирного дыма с яркими крапинами искр.

Коль пароходы строили в Калькутте, сказал Чжун Лоу-сы, их можно, видимо, создавать и в Гуанчжоу.

Ган хай, да, конечно, согласился я, почему бы и нет? Тут все дело в двигателях. В Калькутту, помнится, их доставляли из Англии, но я слышал, что один корабел-парс наладил собственное производство судовых машин в Бомбее. Раз получилось там, наверняка получится и здесь.

Исходя из вопросов старца, я понял, что Китай намерен обзавестись пароходами. Позже Комптон сказал, что несколько лет назад один пароход уже заходил в Кантон и теперь на местной верфи

пытаются создать свой опытный образец.

Вскоре задачи бюро переводов несколько изменились, и я сделал вывод, что горький урок боя в Хумэни не прошел бесследно для комиссара Линя и его окружения: поняв, что их боевые джонки устарели, китайцы всеми силами старались заполучить современные суда западного типа.

Намедни Чжун Лоу-сы попросил искать объявления о продаже судов европейской постройки. Мне повезло — в «Кантонском дневнике», которым нас снабжают агенты старца, я натолкнулся на одно такое объявление.

Речь в нем шла о корабле «Кембридж», выставленном на продажу его английским владельцем капитаном Дугласом: торговое судно водоизмещением 1080 тонн, построено на ливерпульской верфи Фосетта, вооружение — тридцать шесть пушек. С точки зрения Чжун Лоу-сы, идеальный вариант, но согласится ли мистер Дуглас иметь дело с китайским покупателем? Не запретит ли капитан Эллиотт подобную сделку?

Меня снедали сомнения, однако я показал объявление Комптону, и он, испустив ликующий возглас, помчался к Чжун Лоу-сы. Я не ведал, как развивались события, но сегодня печатник победоносно объявил:

— А-Нил, «Кембридж» наш!

Оказалось, капитан Дуглас давно был известен местным властям как злостный нарушитель порядка, который плавал где ему вздумается, наобум паля по рыбацким и торговым лодкам. За его голову объявили вознаграждение в тысячу серебряных долларов.

Чжун Лоу-сы предполагал, что баламут не продаст свой корабль китайцу, и пошел обходным путем, обратившись за помощью к состоятельному купцу из гильдии Ко-Хон, который уговорил своего американского партнера мистера Делано совершить покупку. Предложение американца было принято, он получил корабль и, выждав пару дней, перепродал его китайскому коллеге, который преподнес судно в подарок комиссару Линю. Теперь «Кембриджем» владели китайские власти, намереваясь обновить его вооружение.

Эта ловкая сделка, сказал Комптон, признана победой Чжун Лоу-сы, но и мое скромное участие в ней не осталось незамеченным. В благодарность старец прислал мне бутылку отменной водки *маотай*.

Радует и даже удивляет, что высокопоставленный чиновник преклонных лет столь остер умом и так дальновиден.

Однажды утром усердные труды Захария прервал крик слуги, донесшийся с берега:

— Господин молотчик! Письмо!

По конверту Захарий тотчас понял, что это послание от миссис Бернэм.

30 января 1840

Дорогой мистер Рейд,

Мне нужно срочно Вас увидеть. Прошу прийти в комнату для рукоделия немедля. Дворецкому я сказала, что требуется Ваш совет по новым ламбрекенам, посему захватите мерную ленту.

К. Б.

Вскоре Захарий стоял перед указанной комнатой.

— Миссис Бернэм?

— Что, пришел молотчик? — Голос за дверью был, как всегда, безмятежен. — Впусти его. Живей!

Служанка открыла дверь и ушла прочь. С вышиваньем в руках миссис Бернэм сидела за столиком и выглядела абсолютно спокойной, но через мгновенье сбросила маску.

— Ох, мистер Рейд! — воскликнула она, вскочив на ноги. — Все пошло прахом!

— Что случилось?

— Муж вернулся! Два его корабля, «Ибис» и недавно купленная «Анахита», пришвартовались в проливе, что в двадцати милях отсюда. С нарочным он прислал сообщение — вечером будет здесь.

— Ты знала, что он возвращается? — ошеломленно спросил Захарий.

— Понятия не имела! — Миссис Бернэм схватилась дрожащей рукой за горло. — Но это еще полбеды!

— А что такое?

— Ты не поверишь — он решил, что мы должны переехать в Китай.

— Куда? — изумился Захарий. — Но зачем?

— Вскоре там создадут зону свободной торговли. Решение об этом уже принято в Лондоне. Откроются невероятные возможности, и муж хочет использовать их на полную катушку.

— А твоя дочка?

— Пока что останется у моих родителей.

У Захария голова шла кругом.

— А как же мы-то? Больше не сможем встречаться?

— Абсолютно исключено! — воскликнула миссис Бернэм. — Никаких встреч! И думать забудь! Мистер Бернэм дьявольски хитер, его не про-

ведешь.

— Так что, значит — всё?

— Мы же с тобой знали, что рано или поздно наступит конец, правда? Видимо, такой день пришел, и мы должны с этим смириться.

Захарий ощутил ком в горле.

— Но ты обещала, что мы как следует попрощаемся.

— Теперь это невозможно, как ты не понимаешь? Нынче вечером приедет муж. — Миссис Бернэм взяла его за руку. — Послушай, мне ничуть не легче, чем тебе. Нет, если честно, мне гораздо тяжелее. Я возвращаюсь в свою прежнюю круговерть — приемы, церковь, благотворительность и опийная настойка, без которой мне не уснуть. А ты молод, у тебя вся жизнь впереди. Ты найдешь свое счастье с Полетт или еще с кем-нибудь.

— К черту Полетт! — рявкнул Захарий. За это время связь с миссис Бернэм окрепла, а отношение к Полетт резко изменилось в худшую сторону, и больше всего его возмущала байка о якобы соблазнении, хотя он вел себя исключительно благородно и даже был готов жениться, но получил грубый отказ. Коль такова награда за добродетельность, кто посмеет его осудить за

прелюбодеяние с чужой женой? — Плевать мне на нее!

— Не говори так! Возможно, Полетт допустила ошибку, но она славная девушка, я в том уверена. Она станет тебе хорошей женой.

Захарий еле сдержался, чтобы не затопать ногами, словно капризное дитя.

— Не хочу жениться! Ни на ней, ни на ком другом!

Лицо миссис Бернэм выразило озабоченность.

— Нет-нет, мистер Рейд, тебе надо жениться, и как можно скорее, иначе вернется твой недуг. Наверное, наша связь оправдана тем, что та глава закрыта, верно? Теперь, когда ты излечился, ни в коем случае нельзя допустить рецидива. Все выдающиеся ученые согласны, что уж лучше бордель, нежели уступка эгоистическому наслаждению в одиночку.

— Вот как? Ты благословляешь меня на визиты в грязные бардаки?

— Да нет же! Я хочу одного: чтобы ты одолел дикаря в себе. Мы живем в век прогресса, и дабы идти с ним в ногу, ты должен избавиться от всего, что тянет тебя назад. Я уверена, что, сосредоточившись на этом, ты справишься легко. Усердный труд, молитва, физические упражнения, умерен-

ность в еде и холодные ванны победят напасть. Тебе надо измениться, мистер Рейд, стать современным человеком. И если в том преуспеешь, весь мир будет у твоих ног! Вот чего я от тебя жду, вот чего ты заслуживаешь.

— Легко тебе говорить! Но уж исполнения обещания того, как мы расстанемся, я заслуживаю точно.

— Полно, мистер Рейд! — В тоне миссис Бернэм возникла давняя повелительная нотка. — Ты не ребенок, не устраивай спектакль. — Взмах платком в сторону двери: — Ступай, пока не пришли горничные.

Захарий заупрямился, не двигаясь с места, и тогда мадам, подавшись вперед, прошептала:

— Помни: если у мужа возникнет хоть малейшее подозрение, он нас уничтожит. Поэтому, умоляю, держи себя в руках.

Захарий побрел к выходу, но на пороге обернулся:

— Прощай, миссис Бернэм.

Она промокнула платком глаза.

— Прощай, мистер Рейд.

Захарий открыл дверь и вышел вон.

Только в конце января Кесри узнал, куда посылают корпус. Вестником стал капитан Ми:

— Хавильдар, у меня важная новость. Командующий лорд Окленд и его заместитель сэр Хью Гоф получили официальный приказ из Лондона. Мы отправляемся в Южный Китай.

Известие ошеломило. Китай казался совершенно невероятным пунктом назначения, и Кесри отметал все слухи о нем. Однако на вопрос капитана, не изменилось ли теперь его решение, ответил без промедления:

— Нет, Ми-саиб. Я дал слово и еду. Но вот насчет других не знаю.

— Думаешь, многие откажутся?

— Поглядим, сэр. Без кое-кого будет даже лучше.

На другой день Кесри построил роту, и капитан в своей обычной деловитой манере оповестил солдат. В заключение он сказал, что им даются три дня на раздумье. Потом к роте обратился Кесри и внес уточнение: отказавшиеся от участия в экспедиции должны в те же три дня вернуть подъемные и другие выплаты. После означенного срока отказы не примут, спохватившихся тугодумов сочтут уклонистами.

Кесри знал, что возврат выплат станет сдерживающим фактором, и не ждал большого числа отказов, однако ошибся: девять человек, почти

десятая часть роты, заявили о желании вернуться в свои полки. Их немедленно отпустили и под конвоем вывезли из форта, дабы они не слонялись по территории, распространяя отказную заразу.

Через три дня Кесри напомнил личному составу роты, что время для отказов истекло. Отныне солдаты были под его удвоенным вниманием. Мятежа или беспорядков он не опасался — в замкнутом пространстве форта было легко выявить и пресечь всякое непокорство, его беспокоили возможные дезертиры. Теперь, после официального объявления о восточном походе, сипаи получили право на увольнения в город, и при нынешнем упадке их морального духа случаи дезертирства были неизбежны, с чем приходилось мириться.

Пункт назначения корпуса перестал быть тайной, и Кесри мог наконец-то исполнить заждавшееся его дело: наведаться на базар и укомплектовать обозный отряд, который после зачисления в него всех необходимых прачек мужского пола, портных, сапожников, водоносов, каптерщиков, носильщиков и прочих своей численностью превзойдет боевой состав роты. А еще предстояло отобрать немалый вспомогатель-

ный персонал: санитаров, писарей, толмачей, счетоводов, а также пушкарей, бомбардиров, флейтистов, барабанщиков и других.

Формирование обозного отряда было делом утомительным, но кое-чем вознаграждалось. Как правило, рабочую силу поставляли сирдары, портовые серанги и прочие вербовщики, которые получали хороший навар с заключенных контрактов и потому были готовы на существенную «благодарность». Унтер-офицеры и штабисты, ведавшие комплектованием обоза, порой изрядно пополняли свои карманы. Этот приработок был сложившейся традицией, и Кесри знал, что слегка упрочит свое финансовое положение.

Наем вспомогательного персонала, проходившего по военному ведомству, не имел таких плюсов, но и тут Кесри, заручившись поддержкой капитана Ми, отбирал людей по своему усмотрению. Особое внимание он уделял флейтистам и барабанщикам, присланным армейским Юношеским отделом. Почти все эти музыканты, зачастую мальчишки десяти-одиннадцати лет, были евразийского происхождения: незаконные дети английских военных, оказавшиеся в сиротских приютах, либо отпрыски легендарных «топазовых капралов» — гоанских и португаль-

ских артиллеристов, служивших британцам во времена их первых вторжений в Индию.

Этих, как их называли, «шпанят» было относительно немного, однако несоразмерно своему числу они играли большую роль в поддержании боевого духа солдат. Мальчишки становились талисманами подразделений, и зачастую сипаи к ним так прикипали, что обращались с ними, как с родными детьми.

Кесри решил сам прослушать кандидатов, по очереди вызывая музыкантов из строя. Один паренек, кареглазый курносый шатен лет одиннадцати-двенадцати, очень рослый для своего возраста, держался смело, но, высвистывая мелодию, уронил флейту, и подбородок его задрожал — мальчишка боялся, что теперь его не возьмут. Кесри подозвал к себе парня.

— *Наам кья хай тера?* Как тебя зовут?

— Дики Миллер, хавильдар-саиб.

— Ты знаешь, куда мы направляемся?

— Да, господин. В Китай.

— Не страшно?

Светло-карие глаза блеснули.

— Никак нет! — Мальчишка выкатил грудь. — *Майн то кой бхи чиз се нахин дарта!* Я вообще ничего не боюсь!

Такая горячность позабавила, и Кесри проследил, чтобы парня зачислили в состав барабанщиков и флейтистов. Уже при первом выходе музыкантов на плац он понял, что сделал правильный выбор: этот яркоглазый попрыгунчик наверняка поднимет боевой дух солдат.

Получив от ворот поворот, Захарий поплелся на баджру; в голове царил сумбур, соображалось плохо. Конечно, он знал, что рано или поздно свиданьям в будуаре придет конец, но очень рассчитывал на обещанную прощальную ночь.

Вопреки всем предупреждениям миссис Бернэм, он верил в продолжение их тайной связи и не допускал мысли, что в один прекрасный день его выбросят за борт, точно изношенный блок для подъема мачты. Однако сейчас душа его полнилась не только злостью, горечью, печалью и ревностью, но и безмерной благодарностью за все, что он получил (речь, конечно, не о деньгах), и внезапный разрыв отношений ничуть не уменьшил его восторг перед этой женщиной.

Последнее только усиливало смятение, заставляя ломать голову: так что же это было между ними? Уж точно не любовь, поскольку они никогда не произносили это слово, но и не просто вожделение, ибо один ее голос и то, о чем она

говорила, завораживали не меньше ее тела. Она открыла ему окно в мир богатства и роскоши, в котором самые сильные чувственные наслаждения были украдены, и сам момент их воровства в ее постели наполнял добычу невероятным, пьянящим очарованием. Она как будто подвела его к порогу сего мира, ему только оставалось войти в него, и он был полон решимости сделать этот шаг хотя бы для того, чтобы доказать ей свою способность на поступок.

Но как?

Сраженный этим вопросом, Захарий отправился в киддерпорский кабак, где просидел до поздней ночи.

Наутро он сообразил, что надо бы пойти в особняк и засвидетельствовать почтение Берра-саибу. Однако все тянул с визитом, боясь, что не сможет держаться естественно и выдаст себя каким-нибудь словом или жестом.

Через час-другой он понял, что дальнейшее промедление еще скорее навлечет подозрение, и уже после полудня, соскребя остатки мужества, подошел к парадному входу и попросил доложить о себе мистеру Бернэму.

Слуга препроводил его в гостиную, где Берра-саиб беседовал с каким-то важным господином.

Теребя в руках шляпу, Захарий переминался в дверях, как будто загипнотизированный присутствием хозяина, которому командирский рост, широкая грудь колесом, глянцевая борода и даже выпирающее брюхо придавали весьма внушительный вид, говоривший о том, что заслужить его расположение непросто, но оно того стоит.

Как ни странно, Захарий, вопреки своим опасениям, не ощутил никаких уколов вины или ревности. Напротив, он преисполнился этаким братским сочувствием, порожденным знанием того, что никому из них не завоевать сердце миссис Бернэм, навеки отданное ее первой любви.

Наконец хозяин обратил на него внимание, и Захарий с неподдельной теплотой пожал ему руку:

— Я очень рад вас видеть, сэр.

— И я вам рад, Рейд. Вы уже закончили с баджрой?

— Еще нет, сэр, но осталось немного.

— Добро, приятно слышать. Когда все будет готово, дайте знать, я приду глянуть. — На этом мистер Бернэм развернулся и ушел в контору.

Сей короткий обмен репликами чрезвычайно воодушевил Захария, и он еще с большим усердием взялся шлифовать, приколачивать, вырезать

и драить. Иногда на перекуре он предавался воспоминаниям, и тогда казалось, что все последнее время он существовал в бреду, где единственной реальностью были жаркие сладострастные ночи с миссис Бернэм; даже когда ее не было рядом, голос ее звучал в его голове, и даже в своей одинокой неприбранной постели он будто нежился на атласных простынях будуара.

Если б воспоминания эти жили только в голове, он бы легко с ними справился, однако тело его, привыкшее к плотским наслаждениям, тоже накопило изрядно впечатлений и теперь настойчиво просило о разрядке. Но в этом вопросе он был непоколебим. Памятуя советы миссис Бернэм, питался он умеренно, перебиваясь сухарями и постными блюдами без специй, рьяно тягал гантели и гири, а потом гасил возникший жар контрастной холодной ванной. По ночам, когда страх поддаться искусу был особенно силен, он, следуя рекомендации доктора Тиссо, привязывал себя к кроватной спинке, дабы руки не блуждали где не следует. Как-то вечером он даже посетил молитвенное собрание и впервые в жизни понял, что имел в виду проповедник, говоря о греховной природе человека и дьяволе, притаившемся во всякой душе; по окончании службы он

чувствовал себя среди тех прихожан, кто обрел бесценный клад трепетного страха.

Как и предсказывала миссис Бернэм, растущая озабоченность своим обликом производила в нем медленные, но неуклонные перемены: Захарий стал понимать, почему важнее копить, нежели тратить, и собирать, нежели разбрасывать. Прежняя жизнь его в распутстве и бедности — жизнь, в которой он бесцельно растрачивал душу и тело, растранжиривал свою сущность на причудливые химеры, — теперь вызывала безмерное отвращение. Он очень хотел, чтобы все это осталось в прошлом, но вновь упирался в проклятый вопрос: как это сделать?

Как-то раз увидев хозяина и хозяйку в проезжавшей мимо коляске, Захарий страстно возжелал доказать им обоим, что он не «просто молотчик», но тоже достоин быть саибом, владеть особняком, экипажем и собственными кораблями.

И как же это сделать?

Ответ не находился. После долгих часов бесплодного размышления Захарий отправился в город и купил бутылку рома.

Глава 10

Теперь, зная, куда их отправят, волонтеры говорили только о Китае и ни о чем другом. Обилие разговоров порождало еще больше слухов, и казалось, что одно это название — Маха-Чин — способно пробудить первобытный страх. О Китае не знали ничего, кроме, разве что, одного: тамошний народ совсем иной даже внешне. Кое-кто говорил, что китайцы смахивают на гуркхов, и это уже было поводом для беспокойства. Двадцать с лишним лет назад родичи многих сипаев участвовали в войнах Ост-Индской компании против гуркхов, и репутация последних как неустрашимых бойцов была хорошо известна. Отец одного найка из второй роты погиб в битве при Налапани, в которой гуркхи нанесли сокрушительное поражение британцам. Профессиональные солдаты, сипаи обладали крепкой памятью и не забыли о том, что десятилетиями ранее гуркхи, несмотря на всю их воинскую доблесть, были разбиты наголову армией *Маха-Чин ка Фагхфур*, китайского императора.

Все это способствовало возникновению дурных

предчувствий, усугублявшихся разговорами о том, что китайцы, наделенные сверхъестественной силой, большие мастера в оккультизме и владеют секретным оружием, способным сеять панику среди врагов.

Не сказать, что Кесри был неуязвим для этих слухов — на полях сражений он сталкивался со всякими странностями и верил, что неведомые силы могут вмешиваться в ход войны. Иначе зачем перед боем солдаты возносят молитву? Зачем носят обереги и освящают оружие? Пусть англичане говорят об «удаче» и «случае», они просто боятся назвать это своим именем — вмешательством судьбы. Если ангрезы и впрямь не верят, что божественные силы участвуют в войне, зачем накануне боя они молятся в церкви? Зачем велят денщикам отнести оружие в храм, чтобы его освятили?

Конечно, этими мыслями ни с кем не поделишься, тем более с ефрейторами и капралами, но Кесри рассказывал о своем боевом опыте в Бирме, где народ схож с китайцами и гуркхами. Верно, говорил он, бирманцы, жестокие и умелые воины, использовали всевозможные хитрости, чтобы сбить с толку неприятеля. Но в конечном счете и они, некогда побеждавшие армии китай-

ского императора, потерпели поражение. Нечего трепетать перед китайскими бойцами, их можно одолеть, как всяких других, уверял Кесри.

К тому времени авторитет его стал довольно высок, и слова эти немного успокоили солдат, доверявших ему: со многими из них борцовская арена помогла установить товарищеские отношения. Кроме того, бойцов ободряло, что они служат под началом хавильдара, уже повоевавшего за морем. Вскоре их демонстрация боевых приемов на плацу удостоилась скупой похвалы капитана Ми:

— Что ж, теперь они вроде как похожи на солдат. Хорошая работа, хавильдар.

В конце февраля он провел инструктаж унтерофицеров, на котором с помощью большой карты и двух переводчиков разъяснил: на гражданском судне «Лань» их рота отправится сначала в Сингапур, а затем в Южный Китай. Смотря по погоде, первая часть пути займет от пятнадцати до двадцати дней, второй отрезок будет короче, но насколько — точно не скажешь. Отправка намечена на март-апрель, когда отступят муссоны, но еще не начнутся летние дожди, то есть относительно скоро.

Столь долгий путь удивил даже Кесри. Все его

предыдущие водные путешествия длились не больше недели, и мысль о месяце с лишним в море ошеломила. Дорожные неудобства его не пугали, тревожило иное: как сохранить боевой дух солдат, чтоб по прибытии на место они были способны воевать? Мало кто из них вообще когда-нибудь покидал сушу, но доморощенный страх перед *Калапани*, Черной водой, жил во всех.

Кесри не ошибся в своем предположении: весть о долгом морском путешествии вновь разбередила солдатские опасения. Уже на другой день санитар доложил, что один боец получил серьезную штыковую рану. Поранился по неосторожности, уверял солдат, но Кесри, навестивший его в лазарете, сразу понял, что парень лжет — неопасная рана в мякоть бедра была нанесена умышленно. Сипай надеялся, что его комиссуют с незапятнанным послужным списком, и тогда он, сохранив все прежние выплаты, вдобавок получит пенсию.

Во избежание повального членовредительства следует устроить показательный суд, решил капитан Ми, и спешно созданный трибунал приговорил виновника к семи годам каторжных работ на острове Принца Уэльского.

Обычно взгляд Ноб Киссина-бабу светился

зоркой настороженностью, свойственной травоядным, всегда готовым к нападению голодных хищников. Однако при виде Захария гомуста мигом преображался; вот и сейчас, едва Ноб Киссин отворил дверь каюты, глаза его увлажнились в предвкушении того, что через секунду он узрит объект своего поклонения.

С их первой встречи минуло больше года. Почти все это время гомуста провел в Китае и теперь вместе с хозяином на «Анахите» вернулся в Калькутту. Будь его воля, он бы отправился к Захарию немедля, но мистер Бернэм решил иначе, в тот же день командировав его в Патну и Гхазипур разузнать о видах на нынешний урожай мака. И вот, исполнив поручение, Ноб Киссин-бабу, словно паломник, истомившийся по святыне, поспешил на баджру, но остолбенел, увидев Захария, который в одних подштанниках лежал поперек кровати, сжимая в руке почти опорожненную бутылку.

В иных обстоятельствах крепкая вонь пота и спиртного вызвала бы неодолимое отвращение, но сейчас она исходила от Захария, и гомуста счел сию картину пьянства знаком чего-то неведомого и неожиданного, какой-то непостижимой тайной, что приведет его к просветлению. Поль-

зуясь редкой возможностью без помех лицезреть божество, Ноб Киссин на цыпочках приблизился к кровати; от вида взопревшего истукана, заходившегося мощным храпом, сердце его разбухло неудержимой любовью, какую в нем неизменно вызывал Захарий, и гомуста мысленно перенесся к моменту своего озарения, посетившего его, когда он впервые ступил на борт «Ибиса».

В тот день, направляясь к офицерским каютам на корме, Ноб Киссин услыхал звуки флейты — инструмента небесного музыканта Бриндавана, бога любви и войны. От прекрасной мелодии свело живот, и гомуста встревожился, однако тотчас сообразил, что бурчанье это отнюдь не кишечной природы, но вызвано пробуждением матери Тарамони, его покойной наставницы, после расставания со своей земной оболочкой переселившейся в его тело. Бурление было знаком, что она оживает и будет расти внутри Ноб Киссина, точно зародыш — в яйце; процесс этот завершится, лишь когда она завладеет новым телом полностью, и тогда его собственная оболочка отвалится, как разбитая скорлупа. Гомуста пал на колени перед дверью каюты, и она отворилась, явив самого флейтщика — одетого в рубашку и брюки юного крепыша с россыпью веснушек и

шапкой темных курчавых волос.

Облик миловидный, достойный посланника прекрасного Банке-Бихари[54], вот только огорчало одно: кожа цвета слоновой кости ничуть не напоминала иссиня-черный оттенок Темного Бога. Но Воришка Масла — известный проказник, и Ноб Киссин всегда знал, что носитель Знака будет скрываться под разными личинами, дабы испытать его прозорливость. Истина обнаружилась в самом неожиданном месте — списке команды «Ибиса», где в графе «раса» напротив имени второго помощника стояло слово «черный».

Иного подтверждения не требовалось, все именно так, как должно быть: внешний облик посланника — лишь маскировка его сущности, проявление изменчивости материального мира, согласно сансаре. Вырвав страницу из судового журнала, Ноб Киссин спрятал на груди сию реликвию, установившую его связь с посланником и знаменовавшую начало его собственного перевоплощения.

С того дня преграда, разделявшая его духовную и физическую жизнь, понемногу растворялась.

---

[54] Примечания: 54

Банке-Бихари (верховный наслаждающийся) — одна из многочисленных форм бога Кришны.

До сей поры он тщательно разграничивал сферу духовных исканий и безбожное существование хитроумного жестокого дельца, гордого тем, что отстаивает интересы своего хозяина Бенджамина Бернэма. Преображение, инициированное прибытием посланника, смело дамбу меж этих двух рек его жизни: любовь и сочувствие одного человека приливной волной перехлестнули через плотину и, заполонив русло жизни другого, постепенно превратили обе реки в единый, огромный и бурлящий поток любви и сострадания.

Ноб Киссин-бабу понимал, что ничего этого не произошло бы, не появись в его жизни Захарий, посланник, обладавший мощным даром пробуждать любовь и желание, гнев и зависть, сочувствие и великодушие в сердцах всех, кто попадал в его орбиту. Однако сам он даже не подозревал о воздействии, какое оказывает на окружающих, и это было еще одним знаком его божественности.

Транс гомусты не нарушился, даже когда Захарий открыл глаза и раздраженно рыкнул:

— Эй, бабу, вас не учили стучать? Какого черта так вылупились?

— Как — так?

— Словно хряк на дерьмо.

Ноб Киссин не только привык к грубостям от объекта своего поклонения, но даже с нетерпением ждал резких слов, считая их напоминанием о препятствиях, поджидавших его на избранном пути. Однако ради приличия изобразил обиду и надулся, возмущенно выпятив грудь под просторным балахоном.

— Вот еще! Кто это вылупился? Так, смотрю помаленьку. И зачем мне вылупляться? Душа и сама зряча, не правда ли? Земные обличья излишни тому, кто способен воспринять сокрытое.

Как всегда, Захарий не уловил смысл этих изречений.

— Могли бы уведомить о своем визите, — проворчал он. — А то прям как черт из коробочки.

— Большая занятость помехой стала уведомленью. По возвращении из Китая командирован был я в Гхазипур во имя инспекции опийного урожая. Но как только выплыла возможность, я ухватился, чтоб повидаться с вами.

— Как съездили в Китай?

— В целом жаловаться грех. Кроме того, у меня для вас добрая весть.

Захарий сел и натянул рубашку.

— Что за весть?

— Я виделся с мисс Полетт.

— Что? — Захарий подскочил. — Что вы сказали?

— Я встретил мисс Полетт на острове Гонконг, — ответил гомуста, лучась улыбкой. — Она обрела работу помощницей английского ботаника. На острове ими обустроены питомники, где выращиваются всякие деревья и цветы из джунглей.

Захарий опять повалился в кровать. Он уже давно не вспоминал Полетт и сейчас с легкой грустью подумал об их ночных стычках, когда ее образ воплощался из тени. Но та Полетт была всего лишь призраком, порожденным его фантазиями, а вот настоящая его оговорила, о чем он никогда не узнал бы, если б не миссис Бернэм. Захарий хмуро посмотрел на гомусту:

— Она спрашивала обо мне?

— Всенепременно. В руки ей упал номер «Калькуттской газеты» с репортажем о вашем деле. Мисс Полетт была осведомлена, что вы очищены от всех обвинений и планируете направиться в Китай. Она обильно задавала вопросы о сроке вашего приезда. В ожидании мисс вся извелась. Весьма возможно, что вы наметесь на какой-нибудь корабль, сказал я. Ведь вы, в конце концов, моряк, не так ли?

Ответ был дан мгновенно:

— Ну уж нет, бабу! Этим дерьмом я сыт по горло — в море ежеминутно рискуешь жизнью, а карманы твои пусты. Я больше не желаю быть благородным нищим. — Захарий вздохнул. — Хочу стать богачом — спать на шелковых простынях и пуховых подушках, вкусно есть и жить вот в таком доме. — Он показал на особняк Бернэмов. — Хочу кораблями владеть, а не служить на них. Вот чего я хочу — обитать в мире мистера Бернэма.

Трижды прозвучавшее слово «хочу» возымело удивительный эффект: на гомусту снизошло озарение. Он вспомнил, что всегда говорила мать Тарамони: ныне человечество живет в эпоху Кали-юга[55] — время апокалипсиса, безудержных желаний и стремлений, в котором правят демоны алчности и вожделения. Она закончится лишь с приходом на землю бога Вишну в облике разрушителя Калки, и тогда наступит новый временной цикл — эпоха Сатья-юга, пора истины. Население земного шара неизмеримо возрас-

[55] Примечания: 55

Кали-юга — четвертая из четырех эпох в индуистском нисходящем временном цикле. Она характеризуется падением нравственности, ибо в мире добро уменьшается до одной четверти от первоначального состояния.

тет, ускоряя поступь жадности и желаний и тем самым приближая явление Калки, предрекала мать Тарамони.

Ноб Киссин вдруг понял, что Захарий — живое воплощение этого пророчества. Теперь все встало на свои места: он должен помочь посланнику в его миссии по высвобождению демона алчности, притаившегося во всякой человеческой душе. А способ хорошо известен — вещество, обладающее магической силой превращать людскую слабость в золото.

— Опий все решит, — сказал Ноб Киссин. — Он порождает желание, которое перечеркнет все прочие. Вам надо научиться торговать опием, как мистер Бернэм. У вас есть все задатки.

Захарий недоверчиво сморщился.

— Не уверен, бабу. У меня мозги не для бизнеса, вряд ли что получится.

Ноб Киссин молитвенно сложил руки:

— Не волнуйтесь, мастер Зикри! Если направить энергию в нужное русло и приложить усердие, вы добьетесь успеха. И даже превзойдете мистера Бернэма! Я тридцать лет служил гомустой и всякое что к чему прекрасно разумею. Я все вам подскажу. Если не щадить живот и взять назубок мои наставления, удача не за горой. Под-

натужимся, а?

— Но с чего начать?

Ноб Киссин поскреб подбородок.

— Сколько у вас денег?

— Сейчас поглядим. — Из-под тюфяка Захарий достал сверток с деньгами, которые получал от миссис Бернэм. Часть их ушла на оплату долга по судебным издержкам, но осталось еще прилично — Захарий распустил бечевку, и на кровать хлынул серебристый поток.

— Ого! — Ноб Киссин вытаращился на сверкающую горку монет. — Тут не меньше тысячи рупий. Где вы столько заработали?

— Там и сям по случаю, — поспешно сказал Захарий. — Да еще старался экономить.

— Для начала хватит, а там и прибыль подоспеет.

— Какие мои действия?

— Приступим завтра. В пять пополудни встречаемся на Стрэнде, захватите мошну. Прошу не опаздывать, я буду на месте как из пушки.

18 февраля 1840
Хонам

Вчера был Праздник фонарей. Две недели назад началось отмечание китайского Нового года,

и город превратился в огромную ярмарку. Все бросили работу, многие уехали навестить деревенских родичей. Вечерами на улицах царит веселье, небо расцвечено фейерверками, на реке уйма лодок в ярких огнях.

Куда ни пойдешь, повсюду гульба и оглушительные выкрики *Гун хай фатт чой!* Я отпраздновал Новый год с семьей Комптона, а потом с Аша-диди, Бабурао, их детьми и внуками. Каждый день Митху потчевала меня изысканными деликатесами: длиннющей лапшой, которую нельзя резать, дабы не укоротить свою жизнь, оранжевыми мандаринами с листиками и поджаристыми булочками, приманивающими золотые слитки. Признаться, все это меня вконец утомило, и я порадовался наступлению обычного рабочего дня, когда можно спокойно заняться делами.

Но не тут-то было. Ближе к полудню меня и Комптона вызвали к Чжун Лоу-сы, нас просили безотлагательно явиться в Дом Совета.

Я догадывался, что вызов этот как-то связан с продолжающейся историей «Кембриджа», за которой мы следили с неослабным интересом. Судно все еще стояло на приколе из-за недокомплекта команды, что было весьма неожиданно, поскольку Гуандун — провинция моряков. Тут да-

же ходит поговорка: семерых сыновей в рыбаки, троих к плугу. Однако долгие поиски увенчались неполной дюжиной человек, готовых и умеющих плавать на английском корабле.

Дело не в том, что здесь нехватка людей с опытом службы на судах европейской постройки. Моряки не хотят сознаваться в том, что отбывали за рубеж, не уведомив власти, ибо сие считается преступлением. Страх наказания особенно силен в общине лодочного люда, в прошлом натерпевшегося от чиновников. В том-то и закавыка — многие матросы родом из этой общины, и потому мало кто откликнулся на призыв властей. Сложилась такая ситуация, что «Кембридж» может вообще не поднять паруса.

Комптон уже намекал: Чжун Лоу-сы обдумывает какие-то необычные меры. Нынче я узнал, что они из себя представляют.

Консу, Дом Совета, расположен на улице Тринадцати факторий, наискосок от начала Старой Китайской улицы. Обнесенный грозным каменным забором, он смотрится *ямынем*[56], с ним соседствуют несколько просторных павильонов под изящно изогнутыми крышами.

---

[56] Примечания: 56
Ямынь — казенное учреждение.

Мощеной дорожкой нас провели к павильону в глубине двора. День выдался зябкий, и все окна были закрыты, но сквозь заиндевевшие стекла читались силуэты людей, собравшихся, похоже, на заседание.

Через боковую дверь мы вошли в зал и присоединились к кучке секретарей и помощников, которые негромко переговаривались, сгрудившись у стены. Посреди зала в массивных креслах сидели шесть высокопоставленных чиновников в расшитых халатах со всевозможными знаками отличия. Чжун Лоу-сы, как председатель, восседал в центре этой группы.

О начале заседания возвестил удар гонга, который запустил эстафету перезвонов, медленно угасших в недрах здания. Воцарилась тишина, что позволило расслышать шаркающую поступь в коридоре, и под конвоем вооруженных рослых гвардейцев в зал вошли пять человек, закованных в цепи.

Смуглые изможденные узники были встречены возгласами *хаак-гвай! гвай-ло!* — гляньте, белые дьяволы! Даже я оторопел от жутковатого вида людей, которых будто вытащили из подземелья: всклоченные волосы, нечесаные бороды, запавшие глаза, ввалившиеся щеки. Похоже,

специально для данного мероприятия их одели в просторные рубахи и штаны, обычный наряд кантонского лодочника, но по кушакам и рваным головным платкам я тотчас распознал в них ласкаров.

Конвой развернул узников лицом к собранию, мы с Комптоном встали рядом. Выяснилось, что заключенные говорят на хиндустани, и потому мне предстояло переводить их слова на английский, а уж затем Комптону сделать перевод на официальный китайский.

Чжун Лоу-сы начал допрос:

— Узнайте, за что их посадили в тюрьму.

Я перевел вопрос, и оказалось, что узники выбрали представителя, который будет отвечать от имени всех. Наружность парня не впечатляла — худощавый, среднего роста, однако бойкий взгляд и уверенные манеры выделяли его среди других. Щеки его были обрамлены курчавой бородкой, густые брови над цепкими глазами срослись в прямую линию, разорванную глубоким шрамом.

Ласкар вышел вперед, и я разглядел, что он еще моложе, чем показалось вначале: лицо цвета меди без единой морщины, бородка — всего лишь юношеская поросль, не познавшая унижения бритвы.

Под взглядами всех присутствующих парень сделал нечто, удивившее собрание: приложил правую руку к сердцу и, закрыв глаза, несколько театрально произнес:

— *Бисмилла Ллехи ар-Рахмани ар-Рахим!*

— Чего это он? — шепнул Комптон.

— Мусульманин, молится, — сказал я.

Лишь закончив воззвание к Всевышнему, парень обратился к изумленной аудитории:

— Вы спрашиваете, как мы оказались в тюрьме. Это произошло год назад, здесь, в Гуанчжоу. В то время мы работали на мистера Джеймса Иннеса, английского купца и судовладельца, и уже довольно долго служили матросами на его корабле.

На хиндустани ласкар говорил бегло, но с налетом бенгальского акцента.

— Мы стояли у Вампоа, когда Иннес-саиб приказал загрузить две шлюпки какими-то ящиками и на другой день доставить к его фактории в Кантоне. О содержимом ящиков нас не уведомили, но мы догадывались, что в них опий, и отказались исполнить приказ. Однако мистер Иннес угрозами заставил нас подчиниться. Наутро мы загрузили шлюпки и погребли к чужеземному анклаву. Возле дома Иннеса таможенники

устроили обыск: вскрыли ящики, обнаружили опий. Нас тотчас арестовали и отвели к судье, приговор — тюремное заключение. — Парень возвысил голос: — Мы не совершили никакого преступления, закон не нарушили, вся вина на мистере Иннесе, однако пострадали именно мы. Вопиющая несправедливость!

Пока Комптон делал перевод на китайский, я посмотрел на молодого ласкара и поймал его пристальный взгляд — он даже чуть сощурился, словно пытаясь что-то разглядеть сквозь сумерки. Затем лицо его как-то изменилось, и у меня возникло неприятное ощущение, что я узнан.

Я отвернулся, сердце мое зачастило, мысли путались. Через секунду я вновь посмотрел на ласкара, и меня самого вдруг оглушило узнаванием: передо мной был не кто иной, как Джоду, с которым мы вместе бежали с «Ибиса», а потом распрощались на острове Большой Никобар.

Вот уж не думал, что перегляд двух людей может возыметь такой эффект — меня будто пронзило молнией.

Мы оба поспешно отвернулись, прекрасно понимая, что за нами наблюдает множество глаз. Комптон уже переводил ответ собрания, я его выслушал и вновь обратился к Джоду:

— Меня просили передать, что совет готов сделать вам предложение. Недавно власти провинции Гуандун приобрели корабль европейской постройки. Требуются опытные моряки, знакомые с устройством такого судна. Если вы согласны войти в команду сроком на один год, ваш приговор будет отменен и по окончании службы вы получите свободу. Для вас это приемлемо?

Джоду подал знак, что ему нужно переговорить с товарищами. Через пару минут он вернулся на свое место.

— Скажите мандаринам, что их предложение сулит большие опасности и тяжелую работу. Мы согласимся, если нам будут платить жалованье, полагающееся в плавании, — десять рупий в месяц, что равняется двум испанским долларам.

На мой взгляд, он был не в том положении, чтобы выдвигать требования, и потому я негромко переспросил:

— Так и сказать?

Джоду ответил энергичным кивком, и я честно перевел его слова, хотя не ждал ничего хорошего: зная повадки китайских чиновников, я был уверен, что последует категорический отказ.

Казалось, опасения мои сейчас подтвердятся, но после вмешательства Чжун Лоу-сы в жаркое

обсуждение дело приняло иной оборот.

По просьбе старца я перевел:

— Китайские власти готовы исполнить вашу просьбу, но только на определенных условиях. Вы получите жалованье целиком в конце службы, а до той поры вас обеспечат провиантом и небольшими суммами на бытовые расходы. В случае удовлетворительного исполнения обязанностей по завершении контракта вам выплатят премию в размере месячного жалованья. Мало того, за всякий потопленный вражеский корабль вас ждет премия в размере двухмесячного жалованья, а при захвате в плен неприятельского судна вы получите свою долю трофеев. Имейте в виду, вы несете коллективную ответственность: при попытке дезертировать и всяком ином вероломстве контракт будет аннулирован, все выплаты отменены, а вас предадут суду за измену, что карается смертью. Если вы принимаете эти условия, с вами заключат соглашение.

Ласкары слушали внимательно и после короткого совещания объявили свое решение.

— Передайте, что у нас тоже есть условия, — сказал Джоду. — Мы мусульмане, а потому наш

провиант должен быть халяльным[57] и поставляться торговцами из народности Хуэй[58], как это делается в нашей тюрьме для заключенных исламской веры. На стоянках вблизи Гуанчжоу каждую последнюю пятницу месяца нас должны отпускать в город помолиться в мечети Хуайшэн[59]. Скажите, что мы уже испытали на себе подозрительность китайцев к чужакам, а потому нам требуется надлежащая защита, дабы мы несли службу спокойно и наилучшим образом. — Он помолчал. — И последнее: если эти требования будут выполнены, нет нужды беспокоиться о нашей верности. Мы люди слова и никогда не обманем руку, давшую нам соль.

Выслушав мой перевод, чиновники встали и перешли в соседнюю комнату, дабы посовещаться без лишних ушей. Я надеялся, что удастся перемолвиться с Джоду, но ласкаров сразу увели.

Комптон подметил наше с Джоду знакомство и

---

[57] Примечания: 57

Халяль (разрешенный) — все, что разрешено и допустимо в исламе (противоположность харама). Чаще всего это понятие используется для правильно приготовленной и дозволенной мусульманам пищи.

[58] Примечания: 58

Хуэй-цзу (правоверные мусульмане) — одно из национальных меньшинств в Китае, которое много веков исповедует ислам.

[59] Примечания: 59

Хуайшэн — главная мечеть Гуанчжоу, построенная более 1300 лет назад и названная в честь пророка Мухаммеда.

поинтересовался его истоком. Некогда мы плыли на одном корабле, сказал я, добавив, что хотел бы, если возможно, поговорить с этим ласкаром.

Комптон счел мое желание резонным, но попросил выяснить, насколько мой знакомец и его товарищи честны и надежны. Он обещал устроить нашу встречу у меня на квартире.

Домой я вернулся в сумбуре — казалось, наш с Джоду перегляд изменил его и мою жизнь. Удивительно мощная штука — узнавание!

Уже несколько ночей подряд Ширин, всполошенная диким волнением, от которого сбоило сердце, резко, как от толчка, просыпалась в предрассветный час. Казалось неправдоподобным, что все вероятные препоны, громоздившиеся в ее мыслях, вдруг исчезли и она, Ширин, может беспрепятственно отправиться в Китай, — она, мать и бабушка, всю жизнь проведшая в одном доме и не выезжавшая дальше Сурата! Кто бы мог подумать, что недвижимая стена, в которую она безуспешно билась, внезапно подастся, заставив потерять равновесие и чуть не шлепнуться?

Когда вера Ширин в успех затеи начинала слабеть, на помощь ей приходила Роза, переключавшая ее внимание на бытовые вопросы вроде сборов в дорогу. Сколько у вас сундуков, спраши-

вала она, поместятся ли в них все ваши вещи?

Ширин вспомнила о старых сундуках и баулах Бахрама, убранных в кладовку. К несчастью, они никуда не годились: дерево источили термиты, кожу съела плесень. Правда, два сундука в общем-то уцелели, и Ширин решила, что их вполне хватит, но Роза только рассмеялась:

— Нет, биби-джи, вам нужно еще три сундука как минимум и два портпледа для постельных принадлежностей. Мы с вами отправимся на китайский базар и там все закажем.

Ширин велела заложить коляску, и через весь город они поехали в лавки кожемяк на китайском базаре. Сделали заказ, и тут вдруг Роза предложила:

— Раз уж коляска в нашем распоряжении, давайте-ка съездим к портному да Гама, чья мастерская неподалеку от Эспланады.

В дорогу Ширин собиралась купить белые шали и сари, но и думать не думала о портном, который шил пальто и накидки для европейцев.

— Зачем он нам? — удивилась она, и Роза объяснила, что на побережье Южного Китая случаются студеные зимы, а потому нужны не только шали и шарфы, но еще накидки, шляпы и платья.

— Платья?! — Ширин ладонью прихлопнула

рот. После известия о смерти Бахрама она строго придерживалась правил вдовства, которые предписывали, помимо прочего, носить только белые сари. Надеть платье — значит нарушить вековую традицию.

— Уж не думаешь ли ты, что я обряжусь в платье? — спросила ошеломленная Ширин.

— А что такого? — озорно улыбнулась Роза. — На корабле в нем удобнее, чем в сари.

— Но что подумают люди? Что скажут мои родные?

— Так ведь их там не будет, биби-джи.

— Нет, ни за что! Меня, пожалуй, поднимут на смех.

Роза погладила ее по руке.

— Никто не станет над вами смеяться, биби-джи. Вы стройная и высокая, платье вам очень пойдет.

— Правда?

Представив себя в платье, Ширин поняла, что путешествие повлечет не только смену места, но во имя достижения конечной цели потребует от нее изменить свою личность.

После того как череда портних, кожевниц, вышивальщиц и шляпниц зачастила в ее апартаменты, она стала улавливать наметки своего

нового облика, заставлявшего отводить глаза от зеркала. В комнату, где проходили примерки, не допускался никто, кроме Розы, новые наряды скрывались даже от дочерей и помещались в шкаф, когда те с детьми приходили в гости.

Ширин так преуспела в хитрости, что сохраняла свою тайну до последней недели перед отъездом. Но однажды утром дочери с детьми пришли помочь ей упаковаться, и одна внучка случайно открыла шкаф, в котором были спрятаны обновки.

Спальню огласил восторженный вопль, словно комната вдруг превратилась в пещеру Аладдина: не веря своим глазам, все замерли перед гардеробом с рядами шляп, ботинок и накидок.

Теперь Ширин уже не могла отказать в показе новинок и, сдавшись уговорам, облачилась в полный дамский комплект: платье, накидка, шляпа. Она вызывающе прошлась по комнате, ожидая услышать смех, но распахнутые глаза зрителей светились изумлением, смешанным с завистью.

— О, мама́! — воскликнула Шерназ, никогда так не обращавшаяся к матери.

— Что еще за «мама́»? — удивилась Ширин. — С каких это пор ты меня так называешь?

— Я так сказала? — заморгала Шерназ.

— Да.

— Потому, наверное, что ты не похожа на нашу прежнюю мамочку.

— А на кого я похожа?

— Не знаю… Ты совсем другая и… такая молодая…

Шерназ вдруг расплакалась, и тогда все остальные ее в том поддержали.

На два последних дня перед отплытием дочери и внучки переселились к Ширин. Вместо предполагаемой помощи в сборах гости только добавили хлопот, которым путешественница была рада, поскольку они отвлекали от мыслей о поездке.

Вечером накануне отъезда братья устроили домашний *джашан*[60], дабы снискать благословение путешествию и пожелать сестре легкой дороги. Ширин слегка нервничала, но все прошло очень хорошо. Все видные городские семейства парсов, включая Ридимони и Дадисет, прислали своих представителей, и даже госпожа Джиджибой заглянула ненадолго. Самое главное, среди гостей были члены панчаята, и Ширин почувствовала громадное облегчение, ибо все-таки еще опасалась, что высший орган общины объявит

[60] Примечания: 60

Джашан (почитание, *др.* — *перс.*) — церемония благословения по случаю особых событий.

ее изгоем, а теперь вроде как получено добро на путешествие.

Утром Ширин вместе с дочерями, внучками и зятьями приехала в порт, где уже собралась изрядная толпа: куча родственников провожала Розу, нанятый Вико оркестр играл бодрые марши.

Капитан «Лани», рослый моряк с опаленным солнцем лицом и бакенбардами-котлетами, был уведомлен о Ширин и, встретив ее с букетом в руках, лично препроводил в каюту по правому борту, состоявшую из нескольких помещений: маленькой спальни, комнаты чуть больше, служившей гостиной и столовой, и каморки с койкой для Розы.

— Надеюсь, вы довольны, мадам?

Ширин даже не рассчитывала на подобную роскошь.

— Чудесно! — сказала она.

После ухода капитана родные помогли Ширин обустроиться, все они были в полном восторге от каюты, и только сама путешественница не могла избавиться от ощущения, что как будто что-то упустила. И лишь когда пришло время провожающим сойти на берег, она вспомнила — *торан*! Ширин кинулась к сундуку и достала вышитую

бисером занавеску, какую парсы вешают на входную дверь. Дочери и внучки помогли приладить ее к косяку, потом все гурьбой вышли в коридор полюбоваться своей работой.

— *Экдум гхер джаву че*, совсем как дома, правда? — вздохнула Шерназ.

— Да, — сказала Ширин. — Как дома.

Приобщение Захария к опийной торговле началось на калькуттской Стрэнд-роуд, соседствовавшей с самым оживленным участком реки Хугли. Ноб Киссин-бабу обратил его внимание на шесть парусников, бросивших якорь неподалеку. Эта флотилия, пояснил гомуста, только что прибыла из Бихара, доставив первый в нынешнем году груз с опийных фабрик Ост-Индской компании в Патне и Гхазипуре. Нынче урожай мака побил все рекорды, и производство опия на территориях компании увеличивается невиданными темпами, несмотря на беспорядки в Китае.

— Опий, наводняющий рынок, уподобился потопу в сезон дождей.

Некоторое время они наблюдали за разгрузкой. Сампаны, шлюпки и шаланды, окружившие парусники, напоминали щенят, присосавшихся к матери. Под зорким присмотром вооруженных охранников бригады кули перегружали ящики

в лодки и везли к краснокирпичным складам, стоявшим вдоль реки.

В каждом ящике, сказал Ноб Киссин, два маунда опия, то есть примерно сто шестьдесят фунтов. В среднем один ящик обходится компании в сто тридцать — сто пятьдесят рупий, но крестьянину достанется, если повезет, лишь треть этой суммы, и после расчета с уймой посредников — стряпчими, агентами, писцами — он вполне может оказаться в убытке. А вот компания, продав опий на аукционе, за каждый ящик получит в восемь-десять раз больше — где-то около тысячи-полутора рупий, что равняется пяти-семи сотням испанских долларов.

Затем ящики отправятся на восток — в Китай или другие места, но еще до того, как молоток аукциониста определит им цену, они пройдут через иной, неофициальный рынок — тот самый необычный базар, где состоится посвящение Захария в опийную торговлю.

Проулком гомуста вывел своего спутника на площадь Водоема, от которой до Стрэнда рукой подать. В центре площади, сердце деловой Калькутты, был устроен прямоугольный водоем с питьевой водой, в который смотрелась громада здания, изрешеченного колоннами и арками

и увенчанного искусными коваными тиарами — штаб-квартира Ост-Индской компании.

По другую сторону водоема высилось большое здание без всяких излишеств, имевшее надежный вид солидного банка. Вот здесь, сказал Ноб Киссин-бабу, проводятся опийные аукционы, ближайший состоится завтра утром. Однако сейчас здание было безлюдно, возле запертых массивных дверей стоял охранник.

Базар, упомянутый гомустой, приютился на сырой грязной улочке позади опийной биржи. Под ногами наших путников чавкала навозная слякоть, пока они торили дорогу сквозь заслоны из неспешно бредущих коров и шастающих лоточников. Сам рынок был мал и представлял собою освещенные лампами прилавки, где на подстилках сидели по-турецки продавцы в тюрбанах, раскрыв на коленях конторские книги.

Захария удивило полное отсутствие товаров, здесь никто ничего не продавал и не покупал, и он не сразу вник в разъяснение Ноб Киссина: на этом рынке торгуют не собственно опием, а коечем незримым и неизвестным — ценой на зелье в ближайшем и отдаленном будущем. Здесь только два товара, и оба являют собою бумажку: одна называется *тази-читти*, новая записка, другая

— *манди-читти*, базарная записка. Первую покупают те, кто считает, что на очередном аукционе цена на опий вырастет, вторую — те, кто уверен, что она упадет. Подобные записки выдаются на любой срок — месяц, год, пять лет. В Азии, сказал гомуста, нет рынка богаче — ежедневно здесь циркулируют миллионы рупий.

— Гляньте, повсюду деловая суета, точно в улье!

Упоминание миллионов заставило по-иному взглянуть на базар, и сердце Захария забилось быстрее при мысли о состояниях, которые сколачивались или терялись в этом грязном проулке. В памяти, пробившись сквозь навозную вонь, возникли изящные ароматы будуара миссис Бернэм. Так вот, значит, из какой мути произрастает роскошь? Это как-то странно возбуждало.

— Посмотрите на людей, что сидят на прилавках, — сказал Ноб Киссин. — Это менялы, маклеры. Они съезжаются сюда со всей Индии, даже из такого далека, как Барода, Джодхпур, Матхура, Джхунджхуну. Все они из касты *лакхеров*[61]. Среди них есть миллионеры и даже миллиардеры. У них столько денег, что они могут

---

[61] Примечания: 61
Лакхеры — иное название раджпутов.

купить двадцать кораблей вроде «Ибиса».

Теперь Захарий смотрел на менял заинтересованно: одеты очень просто, никаких дорогостоящих украшений, кроме золотой вставки, посверкивающей в ухе, или цепочки на шее. В ином месте по ним скользнешь взглядом и тотчас забудешь, а здесь они важно восседают на прилавках, и неулыбчивые лица их излучают неоспоримую властность.

Оказалось, Ноб Киссин хорошо знаком с правилами заключения сделки. Захарий внимательно следил за гомустой, когда тот подошел к хозяину прилавка.

Далее началось нечто любопытное: не говоря ни слова, оба произвели несколько быстрых жестов, а потом вдруг Ноб Киссин сунул руки под шаль, укрывавшую колени маклера. Ткань то морщилась, то бугрилась в такт замысловатому танцу, который исполняли невидимые руки покупателя и продавца. Движения их набирали энергичность, а завершилось все короткой дрожью шали, означавшей, видимо, достигнутое взаимопонимание: руки замерли, и хозяева их обменялись скупыми улыбками.

Ни единого слова так и не было произнесено, но едва Ноб Киссин отошел в сторону, как ме-

няла склонился к гроссбуху и быстро зачеркал карандашом.

Все здешние сделки, пояснил гомуста, заключаются на языке жестов, дабы никто не проведал, что и почем покупается.

Захарий опешил, узнав, что его деньги вложены в *тази-читти*. На последнем аукционе цена лучшего бенаресского опия упала до девятисот рупий за ящик, и рыночные ожидания сводились к тому, что из-за беспорядков в Китае она и дальше будет снижаться. Однако Ноб Киссин был убежден в ее умеренном росте.

От перспективы лишиться всех своих сбережений Захария охватила паника.

— Но вы же сказали, что рынок наводнен опием, — пролепетал он. — Не означает ли это, что цена упадет?

Ноб Киссин-бабу приложил палец к его губам.

— Не тревожьтесь, дорогуша, это всего лишь обманка зрения. Отриньте потуги и просто доверьтесь мне.

Ночью Захарий весь извелся от нетерпения ничуть не меньше того, что охватывало его накануне свидания с миссис Бернэм. Казалось, будто полученные от нее деньги ушли в мир и теперь куют себе иную судьбу: условливаются о тайных

встречах, сходятся с ровней, соблазняют, приобретают и тратят, плодятся и размножаются.

На другой день Захарий и Ноб Киссин пришли к опийной бирже пораньше, но перед входом уже собралась большая шумная толпа, которую сдерживали приставы.

— Это всякая шушера, — презрительно сказал гомуста. — Курьеры и нарочные, они ждут исхода торгов, чтобы доложить о нем дельцам в дальних концах страны.

Расталкивая толпу, он пробился к дверям под охраной сурового вида приставов. Гомусту узнали и вместе с Захарием, старавшимся не отстать, пропустили в просторный вестибюль.

Аукционный зал на втором этаже, рассказывал Ноб Киссин, но туда вход открыт лишь избранным — обладателям членского билета, невероятной ценности, о которой мечтают и за которую яростно сражаются торговцы из разных стран.

Гомуста билета не имел, но ему, как секретарю мистера Бернэма, дозволялось наблюдать за ходом торгов с небольшого балкона, куда он и привел Захария.

Балкон, выдававшийся над залом и огражденный медными перильцами, напоминал театраль-

ную галерку. Перегнувшись через край, Захарий увидел большой зал с аккуратными рядами стульев, развернутых к трибуне аукциониста, рядом с которой стояло кресло-трон председателя, надзирающего за процедурой торгов. Торцевая стена была задрапирована огромным бархатным задником с эмблемой Ост-Индской компании.

В первом ряду хорошо просматривалась внушительная фигура мистера Бернэма: темный сюртук, глянцевая борода по грудь. Далее сидели видные горожане, среди которых были отпрыски знатных бенгальских семейств — Тагоров, Малликов и Даттов. Присутствовали бомбейские парсы, марвари и джайны[62] из отдаленных селений и торговых городов Раджпутаны и Гуджарата. Прочих участников аукциона отмечала разномастность наподобие той, что встречается в команде трансокеанского корабля: греки, турки, армяне, персы, иудеи, пуштуны, бохра, ходжа и мемон[63]. Еще никогда Захарий не видел такого изобилия головных уборов: тюрбаны

---

[62] Примечания: 62

Марвари — индийская этническая группа. Джайны — приверженцы древней религии, проповедующей самосовершенствование души для достижения всеведения, всесилия и вечного блаженства.

[63] Примечания: 63

Бохра, ходжа, мемон — этнические группы.

и каракулевые папахи, колпаки и разнообразные молельные шапочки — мусульманские и еврейские, вышитые и кружевные, цветастые и однотонные.

Пала тишина, когда председатель и аукционист, важно прошествовав по проходу, заняли свои места. После короткой молитвы о здравии королевы начались торги: аукционист поднял табличку с номером, и тотчас взлетели руки сидевших в зале, сигналя неведомым семафором.

Опий продается лотами по пять ящиков каждый, разъяснил Ноб Киссин. Покупка совершается вслепую, товар Ост-Индской компании надежнее любой валюты, никакие проверки не предусмотрены и не допускаются. Победитель должен оплатить лишь десятую часть стоимости покупки, для полного расчета ему даются тридцать дней.

В зале возрастал ажиотаж. Даже Захарий, еще не вполне разобравшийся в правилах аукциона, взбудоражился. В том, как люди вскакивали и плюхались на место, размахивали руками и кричали, было нечто дикое, напоминавшее кабацкую драку с ее зловонной атмосферой страха и притязаний.

Самым ярым участником аукциона был, конеч-

но, мистер Бернэм, который поминутно вскакивал, орал, махал рукой и выкидывал пальцы. Вид его вызывал зависть и благоговение. Захарий отдал бы все на свете, чтобы очутиться в зале и вот так же уводить лакомые лоты из-под носа конкурентов. Никогда в жизни он не видел столь захватывающего зрелища, и роль зрителя на галерке его ужасно огорчала. Захарий мысленно поклялся, что когда-нибудь станет обладателем членского билета; здесь он чувствовал себя в своей стихии и хотел одного: быть участником игры, отдавать все свои нерастраченные силы погоне за богатством.

К последнему лоту он весь взмок и, глянув на часы, не мог поверить, что аукцион длился всего-навсего три четверти часа. Захарий себя чувствовал выжатым, как после любовной схватки. Лишь в постели с миссис Бернэм он познал такой бешеный выплеск страсти. А сейчас казалось, что его скрытая сущность наконец-то нашла истинный предмет желаний.

В зале участники аукциона окружили мистера Бернэма и поздравляли его, хлопая по спине.

Расплывшийся в улыбке Ноб Киссин пояснил, что хозяин стал самым крупным покупателем: он приобрел три тысячи ящиков опия на три мил-

лиона рупий, то есть почти на полтора миллиона испанских долларов. Вопреки рыночным ожиданиям, мистер Бернэм единолично поднял цену до тысячи рупий за ящик. Это означало, что Захарий получил большой приварок: его сбережения, вложенные в *тази-читти*, прекрасно окупились, удвоившись против вчерашней суммы.

— Мать моя женщина! — обомлел Захарий. — Когда можно получить деньги?

Вопрос позабавил гомусту; снисходительно улыбаясь, он объяснил, что денег не будет, средства Захария превратились в капитал для строительства новой жизни — двадцать ящиков опия-сырца, но сейчас ему принадлежит лишь десять процентов товара. У него есть тридцать дней, чтобы выкупить всё.

— Но как, бабу? — ужаснулся Захарий. — Где я возьму столько денег за такой срок?

— Не волнуйтесь, дорогуша, я все предусмотрел и подготовил. Вам надлежит оправиться в Сингапур и Китай, чтобы продать свой груз.

— Но я же потратил все деньги, чем оплачу проезд?

— И сей момент мною схвачен, — сказал Ноб Киссин-бабу. — Я смазал хозяина, он сделает все необходимое. Вы поедете, не понеся дорожных

расходов.

Иных разъяснений не последовало, но на выходе, когда они пробирались сквозь толпу в вестибюле, Захария окликнули:

— Рейд, погодите!

Это был сам мистер Бернэм. Почти все головы повернулись к Захарию, любопытствуя, что это за новичок, которого выделил герой дня. Польщенный Захарий невольно зарделся.

— Рад вас видеть, сэр! — Он крепко пожал руку мистеру Бернэму.

— И я рад нашей встрече, особенно здесь. Никак решили попытать себя в коммерции?

— Так точно, сэр.

— Молодец! — Мистер Бернэм потрепал его по плечу. — Побольше бы нам таких свободных торговцев — молодых, энергичных, белых. Вскорости я загляну к вам на баджру, имеется одно предложение, которое, думаю, вас заинтересует.

— Буду ждать с нетерпением, сэр.

Мистер Бернэм кивнул и, улыбнувшись, ушел, а Захарий стоял как вкопанный, не веря в свою удачу.

Лишь в конце февраля в форт Уильям стали прибывать британские солдаты: батальон 26-го полка, известного под названием «камерониан-

цы»[64], и батальон 49-го полка Ее величества. Вместе с двумя ротами бенгальских волонтеров живая сила экспедиционного корпуса теперь чуть превышала тысячу бойцов. Кесри считал, что для вторжения в страну вроде Китая этого крайне мало, и его обрадовало известие капитана Ми: корпус будет усилен батальоном 18-го королевского ирландского полка, который сейчас стоит на Цейлоне, и небольшим подразделением королевского флота. Но самый большой вклад сделает 37-й мадрасский туземный полк: свыше тысячи сипаев, а также изрядно саперов и минеров из инженерных войск. Общая численность корпуса составит около четырех тысяч человек.

Первыми прибыли камеронианцы, проделавшие долгий марш из Патны. Вскоре стало ясно, что годы, проведенные на субконтиненте, ожесточили их к индусам и они не упустят возможности оскорбить сипая. Этим особенно отличался сержант по фамилии Орр, без всякого повода изрыгавший потоки брани: трусливые индюки, черномазые, вонючие ублюдки и тому

[64] Примечания: 64

Камеронианцы — радикальная фракция шотландского национального движения в защиту пресвитерианской церкви, получившая свое название по имени ее лидера Ричарда Камерона. В британской армии имя «камеронианцы» (шотландские стрелки) носил полк, в 1689 г. созданный графом Ангусом.

подобное. Кесри уже имел с ним несколько стычек, едва не кончившихся дракой.

Слава богу, камеронианцев расквартировали вдали от второй роты, что позволило избегнуть общения с ними. Не хотелось и думать о том, что было бы, займи они соседнюю пустующую казарму. Но, к счастью, там поселили добродушных грубиянов из 49-го полка, и это стало любопытным опытом: сипаи часто воевали вместе с британцами, но редко квартировали по соседству.

С появлением крикливых фанфаронов этот некогда тихий уголок форта мгновенно переменился. Каждый вечер англичане, рядовые и унтеры, пьянствовали в своих столовых, где просиживали до пушечного выстрела, возвещавшего отбой. Однако закрытие столовых не прекращало гульбу, ибо британцы были доки в добывании спиртного тайком. Уборщики и водоносы озолотились, контрабандой доставляя им выпивку в полых бамбуковых стволах и козьих бурдюках, спрятанных под дхоти. В любой час ночи казарму оглашали вопли:

— Где эта сволочь? Клянусь, я его прикончу, если сей секунд не получу свой грог!

За этими выходками солдаты второй роты на-

блюдали с насмешливым интересом. Спиртное уже давно считалось секретным оружием белых, превращавшим их в грозных бойцов. Вот потому-то, говорили сипаи, британцы почти всегда возглавляют атаку — крепкая выпивка перед боем делает их самоубийственно бесстрашными.

Перед сражением сипаи тоже прибегали к одурманивающим средствам, у индийских солдат это было обычным делом, но они отдавали предпочтение гашишу, *ганджe, бхангу*[65] и такому виду опия, как мааджун. Эти наркотики воздействовали на нервную систему, наделяя покоем и нечувствительностью к усталости от яростного боя. Эффект спиртного был иным, оно разжигало агрессивность, и все прекрасно знали, что именно ради поддержания «боевого духа» английское командование внимательно следит за бесперебойностью поставок алкоголя в войска.

Один старый мудрый субедар как-то раз сказал Кесри: «В спиртном саибы черпают свою силу, потому-то и пьют с утра до вечера, иначе ослабнут и окочурятся. Если вдруг они, подобно нам, предпочтут ганджу, то можешь быть уверен — империи их придет конец».

---

[65] Примечания: 65

Ганджа — индийская конопля, высокосмолистая форма марихуаны. Бханг — психотропное питье из индийской конопли.

Теперь Кесри понимал разумность этих слов. Он и сам не чурался выпивки, особенно любил джин, хотя не брезговал ромом и пивом. Однако европейский алкоголь достать было трудно, поскольку сипаев не допускали в столовые для белых военных. Лишь в особых случаях им выдавали «жидкое довольствие» в виде грога, в остальное же время они отоваривались в туземных винных лавках, торговавших вонючим самогоном. Имелся еще один канал, но уже подороже — покупка спиртного у английских солдат, порой охотно менявших свой ежедневный алкогольный паек на деньги. И последний вариант — приплатить англичанину, чтобы он купил тебе выпивку в своей столовой. С прибытием батальона 49-го полка Кесри обрел друга, без разговоров оказывавшего подобную любезность. Выяснилось, что сержант Джек Мэггс, здоровяк с обветренным лицом, некогда был ярмарочным борцом, и он пожелал сразиться с Кесри. Схватка вышла непростой, и Кесри одержал победу лишь потому, что сержант не знал правил индийской борьбы. Однако тот добродушно воспринял свое поражение, и вскоре они с Кесри стали закадычными друзьями в исконном смысле слова.

Однажды Кесри помог сержанту уладить дель-

це с девицей из Красного базара, запросившей с него гораздо выше прейскуранта. Хавильдар пригрозил отправить ее в «особый лазарет» для проверки на предмет дурной болезни, и девица тотчас одумалась.

После этого случая сержант стал очень откровенным, и вот от него-то Кесри узнал, что английские солдаты осваивают новое оружие — мушкет с ударным механизмом. Мэггс не уставал воздавать ему хвалу — мол, никакого сравнения со старым кремневым ружьем.

Кесри очень любил свою «индийскую модель» Смуглой Бесс[66], почти шести футов длиной без штыка. С новыми цилиндрическими пулями дальность стрельбы этого ружья достигала двухсот ярдов, правда, тогда страдала точность боя. Но на расстоянии ста и меньше ярдов при залпах по три выстрела за каждые сорок три секунды Смуглая Бесс была смертоносной. Еще одной причиной, по которой Кесри так ее любил, был незаменимый в рукопашном бою штык, венчавший длинный толстый ствол.

---

[66] Примечания: 66

Смуглая Бесс (*Brown Bess*) — прозвище знаменитого британского ружья образца 1722 г. и его поздних моделей. Более ста лет оно было штатным оружием британского пехотинца и окончательно заменено лишь накануне Крымской войны 1853–1856 гг.

Однако, несмотря на трогательную заботу о своей возлюбленной, Кесри охотно изменил бы ей с новенькой, обладающей ударным механизмом, но сержант сказал, что прямо сейчас не получится, ибо испытания ружья еще не закончены.

Кесри полагал это лишь вопросом времени, ожидая, что вскоре и сипаи начнут осваивать новый мушкет. Шли дни, но все было по-прежнему, и тогда он, отринув субординацию, в лоб спросил капитана Ми — выдадут ли новое оружие сипаям?

Сначала капитан пытался уйти от ответа, однако под нажимом выявил свое возмущение: он настоятельно просил перевооружить бенгальских волонтеров, но ему ответили, что новых мушкетов получено слишком мало. Кроме того, они еще не прошли все обязательные проверки, а посему верховное командование решило вооружить ими только британцев.

— Вечно одно и то же! — В тоне капитана слышались досада и горечь. — В бой нас посылают со старым оружием, а потом еще говорят, что сипаи воюют хуже белых!

Как-то раз сержант Мэггс провел Кесри в тир, где проходили учебные стрельбы. Кесри подметил, что после выстрела новый мушкет, в отличие

от кремневого ружья, не оставляет дымного следа. Потом, внимательно осмотрев оружие, он обнаружил еще одно новшество, важность которого понял мгновенно, — у мушкета не было пороховой полки. В сырых условиях кремневые ружья давали осечку, а вот новинка с ударным механизмом была, что называется, всепогодной. Вечером Кесри спросил капитана:

— Сэр, в Китае часты дожди?

Ми тотчас понял, к чему он клонит.

— Давай рассчитывать на сухую погоду, хавильдар, иного нам не остается.

Кесри никому не сказал о новом мушкете, отлично понимая, что от известия о заморской войне с устаревшим оружием и без того невысокий моральный дух солдат падет еще ниже. Но разве такое долго утаишь? Вскоре сипаи обо всем проведали, и результат был именно таким, какого он опасался.

Глава 11

Короткая встреча с мистером Бернэмом на опийном аукционе подстегнула желание Захария скорее покончить с калькуттскими делами. Долг по судебным издержкам был погашен, лицензию помощника ему вернули. Работа на баджре тоже близилась к завершению: доски на палубе и в иных местах перестелены, носовая часть и надстройки отремонтированы, каюты вычищены и отполированы; осталось доделать резные боковины носа, да еще кое-какие мелочи.

Пара дней усердной работы подвели черту под ремонтом, и Захарий, не теряя времени, запиской уведомил Берра-саиба, что судно готово к осмотру.

На другое утро мистер Бернэм добрый час инспектировал баджру и в конце концов хлопнул Захария по спине:

— Отменная работа, Рейд! Молодчина!

Покрасневшему от похвалы Захарию ужасно хотелось услышать предложение, упомянутое на аукционе, но ему пришлось унять свое нетерпение, ибо мистер Бернэм не спешил перейти к

делу. Усевшись в массивное кресло, он огладил роскошную бороду и задумчиво произнес:

— Душа моя возрадовалась от известия, что в вас, Рейд, пробудился дух предпринимательства. Наступает новая эра, век свободной торговли, и его героями станут люди вроде нас с вами, сами себя сотворившие свободные негоцианты. Сейчас самое время отважному белому юноше искать счастья на Востоке. Надеюсь, вы знаете, что вскорости снарядят военную экспедицию в Китай?

— Да, сэр.

— Хорошо. Я думаю, ждать осталось недолго, и войска, собранные в нашем городе, откроют крупнейший мировой рынок. Когда это произойдет, маньчжурская тирания, последнее препятствие на пути вселенского устава свободы, будет сметена. Кончина ее ознаменует рождение эпохи, в которой Божий замысел предстанет во всей красе. Кому судьбой предначертано процветать, добьются успеха, и наградой им станет владение мировыми богатствами. Вам несказанно повезло с редчайшей возможностью нашего времени: сейчас или никогда узнать, принадлежите ли вы к числу избранных.

— Вот как, сэр? — Захарий немного растерялся. — Боюсь, я не вполне понимаю.

— Я говорю, Рейд, об экспедиции в Китай.

Данное мероприятие, разъяснил мистер Бернэм, преподносит возможности небывалых масштабов. Оно не только одарит громадной прибылью, открыв миру китайские рынки, но создаст новый образчик ведения войны, когда бизнес полноправно участвует во всем — от выработки военной стратегии до переговоров с парламентом, информирования общественности и материально-технического обеспечения. Нынешний конфликт не имеет ничего общего с былыми разорительными войнами, сейчас в полной мере будут учтены жестокие уроки прошлого, а все внимание сосредоточено на минимизации финансовых и человеческих потерь со стороны Великобритании.

Нынче опора на частного предпринимателя имеет место в неслыханной степени, и уже одно это открывает бесчисленные пути к барышам, начиная от предоставления транспорта и заканчивая поставкой провианта войскам. Мало того, экспедиция, продвигаясь вдоль восточного побережья, обеспечит доступ к пока еще не освоенным рынкам на севере Китая. Под прикрытием королевского флота британские торговые суда смогут, не швартуясь к берегу, сбывать свой

товар в густонаселенных районах, где недавние перебои с опием наверняка породили огромный спрос. Каждый ящик принесет состояние.

— Не стоит заблуждаться, Рейд: пусть экспедиция невелика размером, но она разожжет революцию. Попомните мои слова: этот поход изменит карту континента!

Грядущие перемены будут так велики, предрек мистер Бернэм, что даже центр коммерции сместится на Восток. Одна из главных целей экспедиции — заставить китайцев уступить остров неподалеку от побережья, где будет создан порт, воплощение всех идеалов свободной торговли. Старинный друг и коллега Бернэма мистер Хью Гамильтон Линдси, бывший председатель кантонской Торговой палаты, выступал в пользу этой идеи, имея в виду превосходное расположение острова Гонконг. Благодаря содействию мистера Джардина правительство наконец-то решилось последовать мудрому совету Линдси. Как бы то ни было, в Китае появится новый порт, свободный от гнета империи маньчжурских деспотов. Тираны больше не смогут вешать ярлык «контрабандист» на честных торговцев опием вроде мистера Бернэма, новый бастион свободы будет с удвоенной энергией слать плоды рук челове-

ческих и слово Божие самому многочисленному народу на планете.

Вне всякого сомнения, продолжал мистер Бернэм, новый порт быстро перехватит основной торговый поток, сейчас направляющийся в Кантон. Вот почему отдельные магнаты, такие как Ланселот Дент и Джеймс Мэтисон, уже предпринимают определенные шаги, дабы заполучить пальму первенства на захваченном острове. Вот почему и он, мистер Бернэм, решил перенести свои операции на китайское побережье.

— Воистину блаженны те, кого Господь избрал к участию в подобных исторических моментах! Вспомните Колумба, Кортеса и Клайва![67] Есть ли большая услада для юноши, нежели стремление приумножить свои богатства, расширяя Господни владения?

— Нету, сэр!

— Однако не всякому дано распознать наметившиеся пути благоприятной возможности. Робких и осторожных наверняка отпугнет неопределенность исхода войны, этим рабам привычки суждено прозябать на обочине, и только избранные смельчаки захватят приз.

---

[67] Примечания: 67

Роберт Клайв (1725–1774) — британский генерал и чиновник, утвердивший господство Ост-Индской компании в Южной Индии и Бенгалии.

Что касаемо его самого, сказал мистер Бернэм, он ни капли не сомневается в зарождении новой коммерческой империи, подданными которой станут те, кому хватило дальновидности и отваги поймать момент. Убежденность его в этом настолько крепка, что он намерен без промедления отправить в Китай «Ибис» с большим грузом опия; судно поведет капитан Чиллингворт, должность суперкарго исправит Ноб Киссин-бабу. Чуть позже, уладив все дела в Индии, сам он отправится в Китай на «Анахите», которая вдобавок к большому ассортименту товаров тоже повезет опий.

Но это еще не все. Свое судно «Лань» он предоставил экспедиционному корпусу. Сейчас корабль в Бомбее — грузится опием «мальва» и забирает немногих пассажиров. При заходе в Калькутту «Лань» возьмет на борт военных и снаряжение, а затем под командованием мистера Дафти присоединится к флотилии корпуса.

И лишь теперь мистер Бернэм подошел к своему предложению:

— Мне нужен порядочный и надежный человек на должность суперкарго «Лани». Он будет отвечать за сохранность груза «мальвы». Если в пути поступят дельные предложения, он вправе

осуществить продажу по собственному усмотрению. Как всем суперкарго, оговоренное число ящиков ему разрешено продать для себя. Условия проживания отменные, вдобавок к заработку от продаж, который, вероятно, окажется весьма существенным, будет положено жалованье. И последнее, но немаловажное: если человек этот проявит себя хорошо, он может быть уверен в моей поддержке его продвижения по карьерной лестнице. — Мистер Бернэм сделал паузу и, огладив сияющую бороду, пристально посмотрел на Захария. — Не секрет, что вы, Рейд, давно уже пользуетесь моим расположением. Чем-то вы напоминаете меня в молодости, когда я впервые оказался на Востоке. Увидев вас на опийном аукционе, я подумал, что вы, пожалуй, вот-вот найдете свое истинное призвание. Вы, конечно, знаете, что Ноб Киссин-бабу очень высокого мнения о вас. Он считает, вы идеально подходите для работы, о которой я только что сказал. Конечно, бабу жуткая нехристь, однако в людях разбирается. Он говорит, вам нужны деньги для полной оплаты двадцати ящиков опия?

— Да, сэр.

— Что ж, я готов ссудить вас авансом в счет жалованья. — Мистер Бернэм опять помолчал,

дав собеседнику время прийти в себя. — Остается узнать: вы согласны, Рейд?

Захарий слушал хозяина с тем же напряженным вниманием, с каким некогда внимал его жене, и предложение новой работы удивительным образом возымело тот же эффект. Захарий возбужденно поерзал, затем подтянулся и, прижав руку к сердцу, сказал:

— Всей душой, мистер Бернэм. Даю слово, вы не пожалеете.

День отбытия в Китай неуклонно приближался. Выучка волонтеров заметно повысилась, результат совместных занятий с англичанами превзошел все ожидания, и несколько проверок, одну из которых проводил штабной офицер, завершились лишь мелкими замечаниями. И пока никто, слава богу, не дезертировал, чего Кесри все-таки опасался, ибо, несмотря на кажущееся благополучие, впереди было главное испытание — праздник Холи.

По традиции, бенгальские пехотинцы отмечали его с большим размахом. Кесри знал, что бойцы второй роты непременно наведаются в Квартал сипаев и хорошенько повеселятся: бханг рекой, море красок, пальба в воздух, безудержные танцы и баядерки нарасхват. И уж

если кто замыслил побег, он, конечно, воспользуется праздничным безумством. Кесри поделился своей тревогой с капитаном Ми, и они пришли к выводу, что запрет праздника только создаст проблемы, уж лучше отпускать солдат небольшими группами и к каждой приставить унтер-офицера. Вдобавок надо издать приказ: на закате всем вернуться в казарму для вечернего построения и пересчета бойцов по головам. А для большего спокойствия обо всем следует уведомить оперативный отдел форта.

В прежние годы Кесри и сам от души праздновал Холи, однако нынче ему было совсем не до гулянки. В Квартал сипаев он отправился вместе со своей группой солдат и, стараясь не спускать с них глаз, наскоро выпил лишь одну кружку бханга. Но разве за всеми уследишь, когда вокруг тьма-тьмущая народу? На вечерней перекличке, о которой возвестил колокол, обнаружилась нехватка шестерых бойцов. Расследование выявило, что четверо из них, перебрав бханга и ганджи, просто утратили способность к передвижению, но двое сгинули бесследно. Извещенный об этом оперативный отдел тотчас выставил посты на дорогах и перепутьях.

Кесри сомневался, что двум юнцам, не достиг-

шим и двадцати лет, достанет ума осуществить задуманное. Так и вышло: беглецов взяли на паромном причале.

На совещании у капитана Ми было решено, что дезертиров предадут военно-полевому суду и обвинитель, в острастку другим, потребует высшей меры наказания — смертной казни. Однако не менее важно было выяснить причину дезертирства и наличие сообщников в батальоне. Капитан Ми распорядился, чтобы Кесри допросил беглецов.

Показания арестованных, допрошенных раздельно, почти во всем совпали. Недовольства их, главное из которых касалось размера жалованья, были знакомы. Известие, что в походе денежное содержание индийских военных будет меньше, чем у англичан, вызвало взрыв негодования, Кесри и сам этому был отнюдь не рад.

Неравенство выплат уже давно задевало сипаев. Довод военного министерства — англичанам платят больше, поскольку им приходится служить на чужбине, — мало кого убеждал. И сейчас лицемерность его стала явной: Китай — чужбина для тех и других, так почему же белые получают больше индусов? Однако ропотом все и закончилось — никто не желал напрашиваться на трибунал.

Вторым номером в списке недовольств дезертиров было устаревшее оружие. Отказ в выдаче новых мушкетов они посчитали унижением их солдатского достоинства. Сей факт вскормил еще одно подозрение: прошел слух, будто суда для транспортировки индийских частей — тоже старье и вряд ли выдержат шторм. Кроме того, ходили пересуды о том, что в случае нехватки провианта все продукты отдадут белым солдатам, а индусам предоставят выбор: жрать картошку и прочую дрянь или подохнуть от голода и болезней.

Обо всем этом Кесри знал, но дезертиры упомянули еще кое-что, ставшее для него полной неожиданностью, — в батальоне циркулировали разговоры о дурных предзнаменованиях и знаках, якобы астролог предрек корпусу гибель, а пурохит объявил бенгальских волонтеров проклятыми.

Кесри обеспокоился: никто не доложил ему об этих толках, что лишь доказывало, как сильно они подействовали на сипаев. Будь в роте этакий Пагла-баба, он бы держал хавильдара в курсе всех солдатских разговоров, а также сумел найти иное толкование знакам, чтобы ободрить бойцов. Вот потому-то в регулярных частях всегда имелся

свой отшельник — незаменимая фигура в подобных ситуациях. Однако бенгальские волонтеры — не кадровое подразделение, но пестрое сборище на один поход, и никакой гуру или садху не успеет прижиться в их среде.

На вопрос о зачинщиках, соучастниках и заговорщиках беглецы не ответили. Они молчали, когда их спрашивали, кто их подстрекал к побегу и вообще вел разговоры о дезертирстве. Жестокое избиение не дало результата, и упорное молчание арестантов лишь подтвердило, что подобные разговоры имели место.

Один дезертир оказался дальним родственником Кесри со стороны жены, он был родом из деревни неподалеку от Наянпура. По завершении допроса в кровь избитый парень напомнил об их родстве, повалился наземь и, обхватив колени Кесри, взмолился о пощаде.

Окажись я в его шкуре, подумал Кесри, и я бы, наверное, решил сбежать. Только действовал бы по-умному, а не так безмозгло. Мысль эта распалила в нем злость, и он отбросил руки парня.

— *Дарпок аур муракх ке ка рахам?* Разве трусы и дураки заслуживают милосердия? Знай, ты сам во всем виноват.

Разумеется, дезертиров приговорили к расстре-

лу. Капитан Ми решил, что приговор приведут в исполнение солдаты его роты, и поручил Кесри отобрать стрелков. Наведя справки, тот намеренно назначил приятелей осужденных в расстрельный взвод и взялся лично командовать казнью. Гадко, но иначе нельзя.

18 марта 1840
Хонам

Пока Джоду не появился на моем пороге, я даже не предполагал, что наша встреча так сильно меня растрогает. В общем-то, мы не были друзьями, нас ничто не сближало — ни семья, ни вера, ни даже возраст, поскольку он много моложе меня. Нас свел побег с «Ибиса», но и тогда вместе мы провели всего пару дней, борясь за выживание на острове Большой Никобар, к которому вынесло наш баркас. Затем пути наши разошлись: мы с А-Фаттом отправились в Сингапур, а Джоду, Калуа и серанг Али наняли лодку до порта Мергуи, что на бирманском побережье Тенассерим.

Но вот когда он вошел в мое жилище, в нас обоих будто рухнула какая-то преграда, и мы разрыдались, точно братья, воссоединившиеся после долгой разлуки. Общая тайна нашего побега стала связующим звеном между нами тогдашними

и нами нынешними, между прошлым и настоящим. А такие узы намного крепче родственных и дружеских связей.

Я догадывался, что Джоду страшно голоден, и попросил Аша-диди наготовить всякой еды побольше: рис, фасоль, китайскую горькую тыкву, карри из рыбьей головы. Митху напекла лепешек.

Я удостоверился, что все блюда халяльны, чем заслужил благодарность Джоду.

Усевшись по-турецки на полу, он ел руками, закидывая пищу в рот, словно в топку. Время от времени Джоду делал короткие передышки, и я пользовался этими паузами, чтобы узнать, как он оказался в Кантоне.

В Мергуи, поведал Джоду, серанг Али решил, что их троице пора разделиться, и посоветовал товарищам двинуть на восток. И вот Калуа записался матросом на корабль, с грузом опия направлявшийся в Ост-Индию, а Джоду поступил в команду английского брига, владельцем которого был не кто иной, как Джеймс Иннес, чьи махинации причинили горе многим, в первую очередь сету Бахраму.

Джоду не знал, где сейчас боцман Али — прощаясь, тот обмолвился о порте Куангбинь в Юж-

но-Китайском море.

Конечно, товарища моего интересовало, что за это время произошло со мной. Я рассказал, как в Сингапуре А-Фатт встретился со своим отцом, сетом Бахрамом, который взял меня к себе секретарем. Джоду поразился, узнав, что во все время опийного кризиса я был в Кантоне; удивительное дело: наши пути могли пересечься еще год назад, в тот день, когда его вели в тюрьму.

Все тарелки он очистил мгновенно — оголодавший тигр не справился бы скорее, однако, насытившись, ничуть не осоловел, а, напротив, буквально пыхал энергией. Я постеснялся спросить, каково ему было в тюрьме, но рассказ его сам полился потоком.

Темница расположена в округе Наньхай провинции Гуандун. Джоду меня удивил, сказав, что тамошние условия несравнимо лучше, нежели в кантонской каталажке, где ласкаров держали в клетке, точно диких зверей. Любопытные зеваки в них тыкали палками и кричали «Белые дьяволы!».

— Это был *джаханнам, нарак*, ад, пекло, — покачал головой Джоду.

Стало полегче, когда арестантам вынесли приговор и отправили в Наньхай. По крайней мере,

здесь их не выставляли напоказ и лучше кормили: на прежнем месте они получали только соленый рис и рисовый отвар, а теперь иногда перепадали овощи. Как-то раз им даже выдали по кусочку мяса, но Джоду заподозрил в нем свинину и отказался от пайки. «В чем дело?» — спросили тюремщики, и ласкары объяснили, что вера запрещает им нечистое мясо. И вот тогда вдруг выяснилось, что они отнюдь не единственные мусульмане в застенке. Единоверцев оказалось немало, и почти все — китайцы! Многие происходили из здешней обширной общины Хуэй, но были и мусульмане из прочих мест — турки, узбеки, малайцы, арабы. В свою среду они приняли ласкаров, как братьев. Из-за большого числа мусульман тюремное начальство ввело особые правила, и пищу им готовили отдельно. И никто их не задирал, убедившись, насколько они сплочены.

Джоду расхаживал по комнате, изредка поглядывая на меня, и рассказ его лился неудержимой лавой:

— Знаешь, Нил, лишь тогда я понял, какое великое счастье родиться мусульманином. Ты найдешь братьев повсюду, даже в китайской тюрьме. Всех мусульман связывают неразрыв-

ные узы.

— Продолжай, рассказывай подробно, — попросил я.

— Наверное, сама судьба так распорядилась, чтобы я оказался в тюрьме. Сейчас объясню. Один узник-мусульманин, человек авторитетный, иногда подкупал надзирателей, чтобы в Ураза-байрам и другие праздники к нам пускали имамов из местных мечетей. Возможно, ты не знаешь, что Гуанчжоу славится знаменитой мечетью и усыпальницей шейха Абу Ваккаса[68], дяди Пророка, да благословит его Аллах и приветствует. — Джоду смолк и показал на верхушку далекой башни за городской стеной: — Видишь тот минарет? Это мечеть Хуайшэн, которую построил Абу Ваккас. Говорят, она одна из самых старых в мире. Паломники из дальних мест, таких как Каир и Медина, приезжают поклониться мечети и усыпальнице. Иногда в тюрьму приходил имам мечети Хуайшэн и руководил нашей молитвой. Однажды во время Рамазана он привел с собою паломника — шейха из Адена, что в аравийском Хадрамауте. Звали его Муса Аль-Кинди. Позже мы узнали, что этот низенький,

[68] Примечания: 68

Саад ибн Абу Ваккас (595–675) — полководец, сподвижник пророка Мухаммеда, одним из первых принявший ислам.

непримечательной внешности купец объездил весь свет: Аравию, Африку, Персию, а в Индостане бывал в Бомбее, Мадрасе, Дели и два года прожил в Калькутте. Но тогда я этого не ведал, и потому вообрази мое изумление, когда он заговорил со мной на бенгали, да еще известил, что в тюрьму пришел ради меня! «Как так? — опешил я. — Мы не знакомы и никогда не встречались». И тогда шейх сказал, что видел меня во сне: ему явился молодой бенгалец-ласкар, мусульманин, еще не постигший истин Священной книги. «Что за дела? — возмутился я. — Ты хочешь меня оскорбить?» В ответ шейх усмехнулся: разве он сказал неправду? «Ты ничего обо мне не знаешь и не смеешь так со мной говорить!» — взбеленился я. Он опять улыбнулся и пообещал, что вскоре я пойму смысл его слов.

Прошло несколько дней, и я повздорил с одним надзирателем, обвинившим меня в воровстве. Тюремщик хотел меня ударить, но я увернулся, и он, грохнувшись наземь, сильно расшибся. Дело приняло серьезный оборот: меня обвинили в нападении на должностное лицо и перевели в камеру смертников. Тебя тоже казнят, посулили тюремщики, и я им поверил. А как было не поверить? — Джоду перестал расхаживать и кос-

нулся моей шеи. — Ты знаешь, как здесь казнят осужденных? Их привязывают к стулу и душат удавкой. Я это видел десятки раз и ждал, что так же поступят со мной. Представь мое состояние и мой ужас. Но потом произошло нечто странное. На другой день после Бакри-Ида[69] один охранник-мусульманин отвел меня в сторонку и сказал, что накануне ходил поклониться усыпальнице Абу Ваккаса. Там он встретил шейха Мусу, который передал мне подарок — свой амулет. — Джоду закатал рукав и показал медный браслет над сгибом правой руки. — Я его надел, и той же ночью мне приснилось, будто на *Юм Аль-Кияма*, Судном дне, я держу ответ за свою жизнь. И я вдруг понял: боюсь-то я не смерти, а того, что будет потом, когда я предстану перед ликом Судии. Меня охватила дрожь, и я, скорчившись на циновке, впервые в жизни почувствовал истинный страх Божий. Я осознал, что хоть исполняю мусульманские обряды, но душа моя черна и весь я погряз в позоре и дурных поступках. Я вырос в доме греха, где моя мать была содержанкой неверующего Ламбера, где Полетт и я носились

[69] Примечания: 69

Бакри-Ид — мусульманский праздник, посвященный пророку Ибрагиму, которому Аллах, испытывая его, повелел принести в жертву сына Исмаила.

по округе, точно дикари, не помышляющие о вере и даже не скрывающие свой срам.

Джоду говорил бесстрастно, словно на время покинул свое тело и наблюдал за собой со стороны.

— В каком-то смысле я и впрямь был диким зверем. Мною руководила похоть, я думал только о прелюбодействе и соблазнении женщин, я сам накликал то, что случилось на «Ибисе». Глаза мои открылись, и как только я все про себя понял, страх смерти испарился, я даже жаждал ее, ибо осознал, что любое вынесенное мне наказание будет вполне заслуженным. — Он заговорил тише: — Вот тогда-то я проникся учением Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, и стал истинным мусульманином. Я больше не боялся смерти, я был к ней готов. Но что удивительно, через день-другой после моего обращения — иначе это не назовешь — меня перевели из камеры смертников обратно к товарищам-ласкарам.

Джоду глубоко вздохнул, теперь он был абсолютно спокоен, словно вместе с потоком слов выпустил из себя лихорадочный жар. Я чувствовал, что откровения эти продиктованы желанием не только поделиться своими переживаниями, но еще и убедить в важности произошедших с ним перемен, оценить которые в полной мере

мог лишь тот, кто знал его раньше.

— Ты упомянул Полетт, — тихо сказал я. — А ведь она тоже в этих краях.

Собеседник мой так разволновался, что даже побледнел.

— Путли? Здесь? Не может быть!

Я поведал, что Полетт на Гонконге, работает у знакомца своего покойного отца — ботаника-англичанина, который, можно сказать, ее удочерил.

Джоду порадовался за давнюю подругу:

— Чудесно, что ей так повезло. Она же не виновата, что ее воспитали кафиром.

— А ведь я тоже неверный, — усмехнулся я.

— Да, ты рожден кафиром, но не обязан оставаться им вечно.

Я рассмеялся:

— Нет уж, неверным родился, неверным и помру. Но возникает один вопрос. Как ты знаешь, кафиры-китайцы готовятся к войне с Англией. Потому-то переоснащают «Кембридж» и предлагают вам войти в его команду. Дав согласие, вы примете сторону китайских неверных. Скажи, друг мой: разве это будет от всей души?

Джоду расплылся в улыбке:

— А почему нет? Обе стороны — кафиры: одни,

как и вы, индусы, поклоняются идолам и животным, другие боготворят стяги и механизмы. Если уж выбирать, я охотнее стану воевать за китайцев.

— Вот как? Почему?

Оказалось, эта тема не раз обсуждалась заключенными-мусульманами. Узники родом из Джохора, Ачеха и с Явы рассказывали, как были покорены их страны, но европейцам все мало, они хотят заграбастать и другие.

— Кроме китайцев, никто не окажет сопротивления захватчикам. Шейх сказал, что в конфликте с европейцами долг мусульман поддержать китайскую сторону.

Решимость, горевшая в глазах Джоду, отмела всякие сомнения в его искренности, и все же я сказал:

— Китайцы опасаются, что ласкары могут переметнуться к англичанам.

— Напрасная тревога, — рассмеялся Джоду. — Если угодно, мы присягнем на верность перед усыпальницей шейха Абу Ваккаса.

«И бис» уже был готов сняться с якоря, и за два дня до его отплытия Ноб Киссин-бабу доставил на баджру двадцать ящиков опия. Перед уходом он сказал:

— На Гонконге я свижусь с мисс Ламбер, и она, вероятно, вновь справится о благополучии мастера Зикри. Не желаете ли начертать послание к ней? Поелику вы хранитесь в ее нежном уголке, было бы лучше, ежели б вы сами обставили подробности вашего бытия, какие сочтете нужным. Я же обеспечу надежную доставку послания.

Захарий встревожился: неужто Полетт питает какие-то надежды? Может, она считает себя помолвленной? Коли так, надо развеять это заблуждение.

— Ладно, — хмуро кивнул Захарий. — Я напишу к мисс Ламбер.

— Поутру я вас навещу.

После ужина Захарий сел за письмо, рассчитывая в пять минут справиться с этой задачей. Однако прошло два часа, он извел кучу бумаги, но все не мог подыскать нужные слова, которые выразят его возмущение тем, как он был оклеветан перед миссис Бернэм. Измучившись, Захарий улегся спать, а утром решил написать кратко, не вдаваясь в детали.

16 апреля 1840
Калькутта

Дорогая мисс Ламбер,

Надеюсь, письмо мое застанет Вас в добром здравии. Я взялся за перо, потому что наш общий знакомец Ноб Киссин Пандер, рассказывая о вашей встрече в Китае, коснулся некоторых материй, кои свидетельствуют о недопонимании, существующем в наших с Вами отношениях.

Вы, конечно, помните, что вскоре после Вашего побега из дома мистера Бернэма Вы обратились ко мне с просьбой помочь Вам добраться на остров Маврикий. Я пытался отговорить Вас от избранного Вами способа и взамен сделал Вам брачное предложение, которое Вы отвергли.

Лишь много позже я, поразмыслив, осознал, что пребываю в большом долгу перед Вами за отказ моему искреннему, но поспешному предложению супружества. Теперь мне абсолютно ясно: друг другу мы нисколько не подходим, и я считаю крупной удачей, что своим отказом Вы избавили меня от необходимости взять курс на беспросветную глупость. По сути, мы просто знакомцы, кого свел случай, и никто из нас не вправе чего-то ожидать от другого.

Я счел необходимым дать сие разъяснение, поскольку вскоре отбываю в Китай, и вполне возможно, что наши с Вами пути вновь пересекутся. Коли так, я надеюсь, что это будет просто

встречей знакомых.

За сим имею честь оставаться
Вашим покорным слугой,
Захарий Рейд, эсквайр

Он уже ставил подпись, когда с берега донесся хруст гравия под колесами экипажа. Глянув в иллюминатор, Захарий увидел коляску Ноб Киссина-бабу.

— Я привез вам подарок, мастер Зикри! — крикнул гомуста.

Захарий вышел на палубу.

— Какой еще подарок?

— Слугу! — Ноб Киссин сиял улыбкой. — Он присмотрит за вами в поездке. Хватайтесь за подобную золотую возможность. — Гомуста хлопнул в ладоши: — Вот, прошу!

Из коляски выбрался мальчик; спрыгнув на землю, он выжидательно уставился на изумленного Захария. Парнишке, одетому в обычный наряд слуги — тапки, шаровары, длинная белая рубаха, в поясе перехваченная кушаком, — было лет десять, не больше. По малолетству, голову его укрывал не тюрбан, а бандана, из-под которой свисали длинные темные волосы.

— Пропади ты пропадом, бабу! — взбеленился Захарий. — Какой, к черту, слуга? Он же совсем

еще шкет. Это мне придется его кормить и подтирать ему задницу!

— Пусть он молод, зато услужлив и прилежен, — ласково сказал гомуста. — К тому же чистоплотен и здоров — язык без налета свидетельствует о регулярном стуле. Кушать-мушать много не просит. Сделает, что велят: застелет кровать, приготовит ванну, разомнет ступни. А вы сидите себе и отдыхайте. Он вам прекрасно подойдет, будет отменным кхидматгаром.

— Поди ты к бесу! Я не нуждаюсь в отменном… хид… как там… мать его…

Ноб Киссин страдальчески сморщился и стал живописать тяжелые обстоятельства, выпавшие на долю мальчика:

— Отец сгинул, в Калькутте будущее туманно. Мать чрезвычайно бедна. Есть угроза попасть в лапы детских воров. Вот почему он хочет добраться до Макао, где служит собрат его отца. Тот человек мой приятель, и потому я должен оказать содействие.

Тут что-то не то, подумал Захарий.

— Я одного не пойму, бабу: если дядя парня ваш приятель, почему бы вам не взять мальчишку с собою на «Ибис»?

— Капитан Чиллингворт не даст соизволенья.

Могу обратиться лишь только к вам. Мальчик не станет вашей обузой. По прибытии в Китай вы умоете руки, сдав его дяде. Он счастлив услужить вам задаром. Крайне полезен и годен для всякой черной работы. К тому же изряден в английском.

— А где он будет дрыхнуть? — не сдавался Захарий. — В каюте и одному-то тесно.

— Ничего страшного, уложите себе под бочок. Он не привередлив.

— В рот вам дышло! — рявкнул Захарий. — Я не собираюсь спать с пацаном!

Гомуста был невозмутим.

— Послушайте, он же маленький, верно? Ляжет на полу, и только. А станет озорничать, так вы его побейте башмаком. Считайте вашу любезность комиссионными за помощь, какую я вам оказал.

Теперь крыть было нечем.

— Что ж, раз вы так ставите вопрос…

Захарий поманил к себе парнишку и одобрительно хмыкнул, когда тот лихо взбежал по сходням, словно всю жизнь только этим и занимался. Уже то хорошо, что не рохля. Живость мальчишки, его выразительное лицо и решительный подбородок вызвали невольную симпатию.

— Как тебя кличут?

— Радж Раттан, сэр, — звонко ответил паре-

нек. — Но все зовут меня Раджу.

— Ты впрямь готов отправиться в этакую даль?

— Да, сэр! — Горящий взгляд мальчишки подтверждал его желание. — Пожалуйста, возьмите меня.

— Ну ладно. Давай попробуем — поглядим, что выйдет. Тащи сюда свои пожитки.

Раджу подбежал к коляске и запрыгнул внутрь, оставив дверцу открытой. В экипаже Захарий увидел женщину, чье лицо было занавешено краем сари.

— Кто это? — спросил он гомусту.

— Всего лишь матушка мальчика. Провожает его в дорогу.

Женщина прижала Раджу к груди, было понятно, что она плачет. Мальчик ей что-то прошептал, и она выпустила его из объятий. С узелком, переброшенным через плечо, Раджу бегом вернулся к баджре. Поднявшись по сходням, он обернулся и посмотрел на коляску, где в щели меж оконными шторками виднелся краешек сари.

— Все будет хорошо, — сказал Ноб Киссин-бабу. — Не тревожьтесь. Он славный мальчик.

— Очень на это надеюсь, — пробурчал Захарий. — Но если что, я быстро приведу его в

чувство.

За всей этой суетой он забыл о письме к Полетт, однако Ноб Киссин ему напомнил:

— А где послание для мисс Ламбер? Хорошо бы получить его сейчас, ибо завтра спозаранку я снимаюсь с якорей.

— Вот оно. — Захарий отдал сложенный листок. — Передайте мисс Ламбер мои наилучшие пожелания.

— Отриньте опасенья, дорогой сэр. Все доставлю всенепременно.

— Счастливого пути, бабу.

— И вам того же, мастер Зикри. Вскорости «Лань» придет в Калькутту, а там недолго и до нашей встречи в Китае.

— Надеюсь. Прощайте, бабу.

Коляска отъехала, и Захарий, вскинув бровь, глянул на паренька:

— Что ж мне с тобой делать-то, а?

Раджу ответил веселой улыбкой:

— Не тревожьтесь, сэр. Никаких затруднений не возникнет.

— Где ты выучил английский? — спросил Захарий, удивленный его бойкой речью.

— Мой отец был слугой в доме англичан, — не замешкавшись, сказал мальчик. — Они-то и обу-

чили нас языку.

— Что ж, дело хорошее. Ну давай, заноси свой скарб.

И вновь Раджу дал повод удивиться — похоже, он прекрасно знал, куда идти.

— Ты что, уже бывал здесь?

— Нет, сэр, никогда, — поспешно ответил паренек. — Но я бывал на других баджрах.

— Чудесно! — обрадовался Захарий. — Значит, ты сам о себе позаботишься?

— Конечно, сэр. Не волнуйтесь, я справлюсь.

Раджу сдержал слово — Захарий не видел его до следующего утра, когда вышел на палубу посмотреть, как паровой буксир выводит «Ибис» из гавани. Мальчик уже стоял у поручней, и они вместе помахали шхуне. В руках у Раджу был воздушный змей.

— Где ты его взял, малыш?

— Нашел в каюте, сэр. Кто-то засунул его под койку.

На другой день после выхода из Бомбея началась сильная качка. Многие пассажиры «Лани» пали жертвой морской болезни, но Ширин стала исключением. Вняв совету Розы, она жевала корешок имбиря и тем самым избегла неприятных ощущений. Опять же по совету спутницы, Ширин

переоделась в «английский наряд». Вообще-то отличие от сари было не столь велико, как ожидалось, однако пришлось согласиться, что в черном платье простого кроя путешествовать сподручнее. Ширин сделала несколько кругов по палубе, и свежий воздух ее так взбодрил, что не хотелось возвращаться в каюту. С тех пор во всякий погожий день, когда качало не слишком сильно, она совершала прогулки. Ветер, трепавший волосы, и брызги, орошавшие лицо, казались восхитительными.

Через пять дней пути по носу судна показался северный берег Цейлона. Едва он завиднелся, как в душе Ширин вспыхнула невнятная тревога: сдержит ли Задиг-бей свое обещание, сядет ли на корабль? Никаких оснований для беспокойства не было, Вико заверил, что часовщик человек слова, но вот же втемяшилось в голову: что-нибудь пойдет не так и господин Карабедьян не появится.

Когда на горизонте возник Коломбо, Ширин поспешила на квартердек, надеясь рассмотреть город. Но ее ждало разочарование: несмотря на славу знаменитого порта, островная столица не имела удобной гавани, и корабли бросали якорь на внешнем рейде, куда подходили флотилии ло-

док, забиравших груз и доставлявших провизию.

Коломбо виделся далеким размытым пятном, что только подогревало беспокойство. С палубы Ширин обшаривала взглядом каждую портовую шлюпку, подходившую к судну, и облегченно выдохнула, лишь когда на носу одной из них наконец-то увидела Задиг-бея.

Однако теперь ее охватила иная тревога: что скажут люди, познав, что встреча с часовщиком отнюдь не случайна? Ширин поспешила в свою каюту, где засела надолго. Позже, столкнувшись с Задигом, она изобразила удивление и переполнилась благодарностью, когда ей подыграли:

— И вы здесь, биби-джи? Надо же, какое совпадение!

Они прошлись по палубе, Ширин выразила признательность за поддержку, но в ответ часовщик рассмеялся:

— Поверьте, я не притворялся, биби-джи. Мое изумление было неподдельным.

— Но почему? Вы же знали, что я на этом корабле.

— Честно говоря, я сомневался, что вы одолеете все препоны. И потом, я не ожидал увидеть вас такой — улыбчивой, без накидки, в европейском платье.

Ширин покраснела и поспешно сменила тему, спросив, нет ли свежих новостей из Китая.

— Имеются, биби-джи, — улыбнулся Задиг. — Я списался со своим другом в Макао и попросил подыскать вам жилье. Днями я получил ответ, теперь могу вас обрадовать: нашелся замечательный дом в центре города.

— Правда? А кто он, ваш друг?

— Фамилия его Чиннери, прозвище Дрозд.

— Он обитает в Макао?

— До недавнего времени жил там, но сейчас перебрался на Гонконг, где помогает знакомым натуралистам в устройстве питомника.

Вскоре «Лань» продолжила свой путь. Ширин и Задиг частенько прогуливались вдвоем, и однажды часовщик сказал:

— Знаете, биби-джи, вот на подобных прогулках по палубе «Каффнеллса» мы и подружились с вашим покойным мужем. Бахрам-бхай обожал такие променады.

Ширин услышала о том впервые. Казалось несправедливым, что Задиг столько всего знает о ее муже и семье, а вот о нем-то ей почти ничего не известно.

— Расскажите о Коломбо, — попросила Ширин. — Там живут ваши дети?

Шагая рядом, Задиг заложил руки за спину.

— Да, сын и дочь, они уже взрослые и подарили мне внуков, это и есть вся моя семья.

Они подошли к правому борту и, опершись на поручни, посмотрели вдаль. Задиг смущенно прокашлялся.

— Вообще-то я сказал неправду. В Египте, на моей родине, у меня есть другая семья и другие дети.

Ширин подумала, что ослышалась.

— Другая семья? Что-то я не пойму. То есть вы женаты не первым браком?

— Да… но все не так просто.

— Поясните?

— Вот как оно было. Совсем юнцом меня оженили на моей кузине. Брак этот устроили наши родные, исходя из деловой выгоды. Толку не вышло, хотя у нас родились два сына и дочь. Ремесло мое требовало постоянных разъездов, и однажды я оказался в Коломбо, где встретил Хильду, вдову-католичку. Я зачастил на Цейлон, и там на свет появился мой сын.

Ширин ахнула и зажала ладонью рот.

— Значит, эта женщина из Коломбо не была вашей женой?

— Она была моей невенчанной женой, биби-

джи. И со временем стала той, кого я считал своей настоящей супругой.

— А что стало с вашей законной женой? Вы ее… бросили?

— Нет, ничего подобного! — вскинулся Задиг. — В Каире у нас полно родственников, мы жили в семейном особняке — ну вот как вы в Бомбее. Жена моя не брошена, почти всю свою собственность я перевел на нее и детей. Она хорошо обеспечена.

Ширин почувствовала, как у нее запылали уши.

— Значит, вы, покинув жену и детей, стали жить с… — Она не смогла произнести слово «любовница».

— Дети от Хильды тоже мои, биби-джи. Пусть незаконные, но это не означает, что они нуждались во мне меньше. В Коломбо не имелось никаких родичей, кто мог бы о них позаботиться. Разумеется, я был не вправе бросить их на произвол судьбы.

Вдруг ощутив тошноту, Ширин привалилась к фальшборту.

— Что с вами, биби-джи? Вам нехорошо?

Не ответив, она опрометью кинулась в свою каюту. Роза, слава богу, куда-то отлучилась, и Ши-

рин, повалившись на койку, закрыла глаза.

В последующие дни она не могла заставить себя выйти на палубу. Ее не оставляла мысль о несчастной жене Задиг-бея, которой пришлось одной поднимать детей, в то время как законный супруг, укатив за границу, поживал себе с другой женщиной. Ширин пыталась представить, во что превратилась бы ее жизнь в доме Мистри, окажись она в ипостаси брошенной жены. Родные, конечно, выражали бы сочувствие, но ее сокрушил бы один только позор.

Теперь она понимала, что все это было вполне возможно, поскольку Бахрам наверняка прикидывал вариант ухода из семьи и жизни с китайской любовницей вкупе с незаконным сыном. Он, конечно, говорил о том с Задигом и, наверное, боролся с соблазном последовать примеру друга.

Мысль эта изводила, отбивая всякое желание знаться с человеком, являвшим собою *лукчу*, распутного ёрника.

Наконец Ширин возобновила прогулки по палубе, но неизменно в сопровождении Розы. При встречах с Задиг-беем она безмолвно отвечала на его приветствие вежливым кивком.

— Почему вы не разговариваете с господином

Карабедьяном? — спросила Роза, удивленная подобной холодностью.

— Ни к чему это, — отрезала Ширин. — А то еще всякие сплетни дойдут до Бомбея.

Роза одарила ее внимательным взглядом, но промолчала.

Уже на подходе к Калькутте Ширин и Задиг-бей случайно оказались на палубе одни. Часовщик тотчас подошел к ней.

— Простите, если обидел вас, биби-джи. Напрасно я завел тот разговор.

Ширин сжала губы, скрывая их дрожь, и вдруг выпалила вопрос, мучивший ее все эти дни:

— Скажите, мой муж хотел бросить меня и дочерей, чтобы, по вашему образцу, уйти… к любовнице?

— Нет, биби-джи! — Часовщик яростно замотал головой. — Уж в этом можете быть уверены. Бахрам души не чаял в вас и дочках. Он никогда не пошел бы моим путем, он был совсем другой.

Слова эти вроде как вернули душевный покой, но не изменили мнения о Задиге, и до самой Калькутты Ширин старалась его избегать.

Однако на калькуттской стоянке делать это стало труднее. Семейства парсов и армян возили обоих по городу, и маршруты их экскурсий

частенько совпадали. Вдобавок обе общины проживали в одном районе, и Храм Огня на Эзра-стрит, где ежедневно молилась Ширин, соседствовал с армянской церковью на Старой Китайской улице, куда нередко наведывался Задиг. Нечаянные встречи больше располагали к живому общению, нежели к сухости и сохранению дистанции.

Вскоре Ширин и Задиг вновь прогуливались по палубе вдвоем.

Через четыре дня после прибытия «Лани» в Калькутту капитан Ми вместе с Кесри и посланцами обозной команды взошел на ее борт, чтобы подготовить размещение роты.

Бенгальским волонтерам отвели пару-тройку кают и два трюма — один для сипаев, другой для обозников. Эти похожие на пещеры отсеки занимали пространство во всю ширину корабля, но даже пустые казались тесными и душными. Такому впечатлению способствовали низкий потолок, не позволявший выпрямиться во весь рост без риска ушибить голову, и ряды стоек для крепления гамаков в двух уровнях.

Кесри терпеть не мог гамаки и потому быстренько занял каюту, располагавшую не только койкой, но даже маленьким иллюминатором. По

опыту он знал, что уже ощущавшаяся сильная вонь трюмной воды — это лишь цветочки, то ли еще будет, когда корабль выйдет в море с отсеками, битком набитыми людьми, — глоток свежего воздуха покажется немыслимой роскошью.

Почти все утро последнего дня волонтеры провели в гарнизонном лазарете — правила предписывали, чтобы перед погрузкой на корабль каждый солдат подвергся медицинскому осмотру. Затем вторая рота построилась на плацу, и капитан Ми через переводчиков обратился к ней с краткой речью. Вы удостоены великой чести, сказал он, на вас возложена историческая миссия. В Китае вы получите бессчетно возможностей покрыть себя славой, захваченные вами трофеи будут вечно храниться в ваших семьях.

Слова об исторической миссии и славе не произвели впечатления на сипаев, чьи лица, как будто окаменевшие больше обычного, были бесстрастны. Они оживились, лишь когда капитан объявил о выдаче аванса в счет жалованья. Тотчас выстроилась очередь к ротным конторщикам и счетоводам, по своим каналам переводившим деньги в Бихар. Почти все свое жалованье сипаи отсылали родным, оставляя себе чуть-чуть. Не история со славой, но поддержка семей в далеких

деревнях — вот что для них имело значение.

Во второй половине дня состоялся борцовский турнир, устроенный Кесри в надежде, что состязание отвлечет солдат от мыслей о неминуемом походе. Сам он выступил в роли рефери, и все прошло гладко, однако было заметно, что борцы не вкладывают душу в поединки, больше походившие на тренировочные схватки, и даже публика не подбадривала соперников.

Затем ротный пандит, тоже отправлявшийся в Китай, провел пуджу, завершив ее декламацией Хануман-чалисы[70]. Кесри рассчитывал, что привычный обряд затушует мрачные события последних дней — дезертирство, казнь, зловещие предзнаменования и прочее. Но, похоже, он только усугубил дурные предчувствия, что было видно по тому, как истово молились солдаты.

Вечером конторщик прислал полдюжины писарей, чтоб те под диктовку сипаев написали их последние письма домой. Перед казармой писари установили конторки, вокруг них сгрудились

---

[70] Примечания: 70

Хануман-чалиса — короткая поэма-восхваление Ханумана, спутника бога Вишну в его седьмом облике. Автор — Тулсидас (1532–1624), крупный средневековый индийский поэт и философ. Поэма чрезвычайно популярна среди индусов, многие ее читают как ежедневную молитву. Есть поверье: если декламировать ее сто раз в день, освободишься от цикла перерождений и удостоишься вечной обители Рамы.

солдаты. Кесри диктовал первым и, понимая, что все его слушают, старался удержать оптимистическую ноту. Адресуясь к своему брату Бхиму, он сказал:

— Завтра мы отбываем в Маха-Чин, но вскоре вернемся, обогащенные премиальными выплатами за участие в заморском походе. Обо мне не тревожься, ибо высокочтимый командующий обеспечил нас хорошим провиантом и всяческой заботой. Как вернусь, на премиальные деньги хочу прикупить земли к нашим семейным владениям. Надеюсь, что нынче урожай мака был хороший. Расплатился ли ты по ссуде от агентов компании? До конца года, пока не наступила пора новой маковой посевной, на моих полях выращивай рис, горчицу, овощи. Передай моим жене и детям, что скоро я привезу им много подарков.

Солдаты слушали Кесри внимательно, однако немногие разделяли его оптимизм. Когда подошла их очередь диктовать, в тоне почти каждого сипая сквозила обреченность.

«Завтра наша часть отбудет в Маха-Чин, чтоб воевать за высокочтимого командующего. Когда вернемся — неизвестно. Скажи папе с мамой, чтоб не тревожились за меня. Здоровье мое хорошее, только последний месяц провалялся с лихорад-

кой в лазарете. Если меня убьют, не горюйте — я погибну в воинском облачении, с мечом в руке. Без меня забота о моих жене и детях ляжет на вас. Если вдруг начнется волынка с моей пенсией, пусть кто-нибудь съездит в Патну и подаст жалобу в районную управу. Вдобавок получите мое жалованье и премиальные. Смотрите, чтоб вам выдали всё. Этих денег должно хватить, чтобы поднять детей».

Или вот:

«Мы отправляемся в ужасную даль, о которой ничего не знаем. Если не вернусь, пусть мое поле с манговым деревом перейдет брату Фатех Сингху. Печалюсь, что не выполнил свои обязательства перед семьей. Лишь из-за этого мне жалко умирать. А так — долг каждого раджпута отдать жизнь за честь своей касты. Я готов к тому, что может случиться».

Настроение солдат давало веский повод для беспокойства. Погрузка на корабль была своего рода смотром, за ней внимательно наблюдали английские командиры. Сипаям надо было кровь из носу выставить себя молодцами, но в их нынешнем состоянии это казалось маловероятным.

Однако на другой день вторая рота дала Кесри повод преисполниться гордостью, ибо выглядела

безупречно. Под барабанный бой и пение флейт, высвистывавших мелодию «Войско», колонной по двое солдаты вышли из западных ворот форта. На берегу они перестроились в шеренгу и, слаженно взяв ружья на караул, выслушали «Военный устав», зачитанный майором Болтоном. Затем повзводно сели в шлюпки, которые доставили их на борт «Лани». Покончив с перевозкой живой силы, шлюпки загрузились артиллерийскими орудиями, приданными роте.

На корабле сипаев встретила обозная команда, прибывшая раньше. Она уже кое-как подготовила трюмы, но, вопреки всем ее стараниям, сумятицы избежать не удалось. Многие солдаты впервые ступили на борт океанского судна и были вконец обескуражены, очутившись под палубой. Страсти накалились, и, как всегда, досталось обозникам, отведавшим изрядно затрещин и пинков.

Кесри наблюдал за бедламом недолго и навел порядок, рявкнув так, что дрогнули переборки:

— *Кхабардар!* Смирно!

Затем он прочел короткую лекцию, от которой у солдат, застывших возле гамаков, перехватило дыхание. Кесри перечислил поджидавшие их напасти: морская болезнь, течи, безумство предметов, летающих во время шторма, и прочее. Но

это все пустяки, сказал он, а вот главная беда — ласкары. Свет не видывал таких негодяев: все до единого воры, пьяницы, блудодеи и забияки, у которых бошки тверже пушечного ядра. Заклятые враги сипаев, ласкары всех обворуют за милую душу, а потому следует держать ухо востро, особенно когда они, точно обезьяны, шныряют по мачтам.

Присмиревшие солдаты начали обустраиваться, и Кесри не хватило духу оставить их в трюме, когда настало время кораблю поднять якорь. Он позволил сипаям выйти наверх, чтобы бросить прощальный взгляд на город.

Возглавив их череду, Кесри вышел на палубу как раз в тот момент, когда «Лань» пришла в движение и в форте Уильямс тотчас салютовала сигнальная пушка.

Захарий тоже стоял на палубе, откликавшейся дрожью на салютные выстрелы. Он вспомнил, как некогда покидал Калькутту на «Ибисе», взявшем на борт кули и надсмотрщиков. Не верилось, что с того дня минуло всего двадцать месяцев, ибо разница в расставании с городом тогда и сейчас была ничуть не меньше той пропасти, что разделяла его прежнего и его нынешнего.

На другом конце палубы Кесри впитывал облик

исчезающего города — церкви, дома, деревья, словно все это видел в последний раз.

Но вот городской силуэт скрылся из виду, и Кесри вдруг стало зябко от гадкой мысли: ведь в глубине души и он предчувствовал, что уже никогда не увидит родные края.

Глава 12

«Лань» не прошла и пары миль по реке, когда к Захарию, в грузовом трюме считавшему ящики с опием, примчался Раджу:

— Вам стоит подняться, сэр!

— Подняться — куда?

— В вашу каюту, сэр.

Мистер Бернэм не обманул: жилище Захария на полуюте было удобно просторным, что оказалось весьма кстати, ибо все корабельные трюмы были под завязку забиты воинским снаряжением и последние пять ящиков с «мальвой» пришлось занести в каюту. Раджу получил инструкцию: составить их в пирамиду и укрыть парусиной.

— Ты закончил с ящиками?

— Нет, сэр. Не вышло.

Расслышав в его голосе испуг, Захарий внимательно посмотрел на мальчика:

— Почему? Что случилось, малыш?

— Лучше вы сами взгляните, сэр.

— Ну ладно, пошли.

Раджу старался не отстать от Захария, когда тот, протолкавшись сквозь шумное столпотворение

в корабельном нутре, поднялся на палубу и, миновав кают-компанию, остолбенел перед трапом к своей каюте, у подножия которого сгрудились все его вещи, включая пять ящиков с опием. Сия картина его настолько ошеломила, что он даже не возмутился, но лишь спросил:

— Кто это сделал?

Раджу кивнул на дверь каюты:

— Я пытался их остановить, сэр…

Еще больший сюрприз поджидал Захария в его жилище, где он увидел двух молодых офицеров: сняв только кивера, но даже не отстегнув сабли, в полном обмундировании они развалились на койках, упершись сапогами в переборки.

Изумленный этакой наглостью, Захарий гаркнул:

— Какого черта вам надо в моей каюте?

— Вашей? — Один офицер сбросил ноги с койки, встал и подошел к Захарию. Прыщавый худосочный юнец, нехватку фактуры он компенсировал язвительностью и спесью. — Ошибаетесь, сэр. — Офицер подсунулся вплотную к лицу Захария. — Каюта не ваша, она передана в иное владение.

— Чье это распоряжение?

— Мое, сэр, — раздался голос, и Захарий перевел взгляд на второго офицера. — Я капитан Ми,

командир бенгальских волонтеров. Это я отдал приказ о смене хозяина каюты.

Даже без кивера, отделанного золотистой тесьмой, статный капитан был на целую голову выше Захария; широкую грудь его пересекала сабельная перевязь, бежавшая от правого эполета к поясу. Нос с горбинкой придавал ему высокомерный вид, а тяжелый подбородок говорил о крутом нраве, искры которого уже мерцали в прямом мрачном взгляде, направленном на незваного гостя.

— Вы не вправе распоряжаться корабельными помещениями, сэр, — сказал Захарий. — На это уполномочен лишь капитан судна.

— Заблуждаетесь, сэр. На время это судно стало военным транспортом. Армейский персонал главенствует во всех вопросах.

— Сэр, каюту мне отвел сам хозяин корабля. — Захарий старался быть убедительным. — Я его представитель, занимаю должность судового суперкарго.

— Значит, вот кто вы такой. — Капитан презрительно скривился. — Так я и думал, что передо мной заурядный опийный торгаш.

Захарий побагровел и, еле сдерживаясь, проговорил:

— Я сопровождаю груз, разрешенный законами этой страны, сэр. И посему в своем полном праве везти его куда угодно.

— А я, сэр, в своем полном праве уведомить вас, что торговцы дурью мне не указ, — парировал капитан.

— В таком случае, сэр, вы конфликтуете не со мной, но с досточтимой Ост-Индской компанией, форму которой вы носите и эмблема которой, как вы могли заметить, четко проставлена на ящиках.

Капитан набычился, рука его легла на эфес сабли.

— Не доводите до греха, сэр, — прорычал он. — Я не потерплю оскорбления моей формы.

— Я всего лишь сказал правду.

— А вот вам другая правда: сейчас вы отсюда уберетесь вместе со своими ящиками. И зарубите себе на носу: не дай бог, я узнаю, что вы пытались всучить свой товар моим солдатам, и тогда я лично прослежу, чтобы весь ваш груз вышвырнули за борт.

Кровь ударила в голову, и Захарий, уже не думая о капитанской сабле, сжал кулаки и шагнул к наглецу.

— Как вы смеете… — начал он, но кто-то крепко

взял его за локоть и оттянул назад.

— Ближе к ветру, Рейд! — Это был мистер Дафти. — Не будемте затевать свару. Военные парни все равно сделают по-своему. Не волнуйтесь, пристанище вам найдется. Под палубой есть премилая комнатушка, именно то, что вам требуется. Ну же, пошли, травим помалу.

Помешкав, Захарий дал себя увести.

— Это несправедливо, мистер Дафти, мне была обещана каюта… — бормотал он, а вслед ему неслись глумливые реплики:

— Рогатому козлине свезло убраться подобру-поздорову…

— Еще минута — и я б ему заехал в рыло…

— Уж кому-кому, а хмырю-то не мешало бы начистить харю…

Захарий только скрежетнул зубами.

Выйдя в открытое море, «Лань» взяла курс на Сингапур, и Ширин все чаще задумывалась о возможной встрече с незаконным сыном Бахрама.

— Расскажите мне о Фредди, вы же его хорошо знали, — попросила она часовщика. — Каким он был в детстве?

Задиг потер подбородок.

— Паренек он был добрый, доверчивый и немного застенчивый; будь его воля, он бы стал

лодочником или рыбаком, как уж заведено в поколениях кантонского лодочного люда. Но Бахрам, полный амбициозных планов, и слышать о том не желал. Он хотел, чтоб его сын себя чувствовал на равных с аристократами любого сорта — европейскими, китайскими, индийскими. Чтоб мог блеснуть знанием поэзии и отменными успехами в благородных видах спорта — фехтовании, боксе, верховой езде. Бахрам нанял учителей по английскому, классическому китайскому и прочим предметам, что было весьма непросто, поскольку в Китае существуют строгие правила — кто, чему и у кого может учиться. Но с помощью своего компрадора он обеспечил сына наставниками, хотя сам Фредди не проявлял особого рвения к учебе.

Бахрам, разумеется, действовал из благих побуждений, сказал Задиг, однако ничуть не облегчил жизнь мальчика. Все вокруг, конечно, знали, что Фредди — сын «ачха» (так в Кантоне называют индусов), богатого купца из племени «белоголовых» (то бишь парсов). И оттого ему было трудно вписаться в свою среду, а платные учителя и частые дорогие подарки все только усугубляли. Порой Фредди было очень одиноко, и он даже подумывал сбежать в Индию. Парень

мечтал познакомиться со сводными сестрами и их матерью, представлял, как будет жить в богатом бомбейском семействе; его, выросшего на лодке-кухне в плавучем городе, пленяла мысль о жизни в особняке со слугами и кучерами.

Однако в этом вопросе Бахрам был несгибаем; он часто потворствовал сыну, но теперь твердо дал понять, что ни в коем разе не возьмет его в Индию. Бахрам ничуть не сомневался, что огласка тайны породит грандиозный скандал, который уничтожит его во всех ипостасях: отца, мужа и предпринимателя.

И оттого у Фредди не осталось иного выбора, как сладиться с жизнью в Кантоне, что означало приобщение к таким же полукровкам, рожденным от иноземных моряков и купцов. Потом он подрос и стал жить отдельно от матери, лишь изредка ее навещая. На вопросы, чем он занимается, Фредди отвечал уклончиво, и мать поняла, что он попал в одну из многочисленных банд, промышлявших в Кантоне и округе.

В последнюю встречу с часовщиком Чимей призналась, что боится за жизнь сына.

Вскоре Фредди исчез. В свой следующий приезд в Кантон Задиг узнал, что примерно в то же время погибла Чимей, став жертвой грабителей. Бахрам

был в Бомбее, и Задиг письмом известил его об ее смерти и бесследном исчезновении сына.

Долгое время о Фредди не было ни слуху ни духу, и Бахрам с Задигом уже опасались, что его нет в живых, но он возьми и объявись в Сингапуре.

Бахрам держал путь, оказавшийся его последним, в Кантон. Задиг направлялся туда же, сделав остановку в Сингапуре. Они случайно встретились, и Бахрам предложил другу дальше следовать на его корабле.

Задиг уже поселился на «Анахите», когда Вико сошел на берег, чтобы купить одежду на толкучем рынке, еженедельно открывавшемся на окраине Сингапура. Вот там-то он вдруг столкнулся с Фредди. С ним был приятель-бенгалец, некий Анил Кумар-мунши, который позже стал секретарем Бахрама.

Сет был вне себя от радости, что вновь обрел сына. Он пригласил Фредди и его друга перебраться на шхуну, они провели несколько чудесных дней вместе. Казалось, Фредди изменился — стал мягче и милосерднее к отцу. Однако о себе говорил мало, на расспросы, где он был все это время, отвечал, что путешествовал по Ост-Индии.

Ремонт «Анахиты» был закончен, пришла пора покинуть Сингапур. Бахрам просил сына сопро-

водить его в Кантон, но тот отказался, сказав, что хочет повидать сводную сестру, обитавшую в Малакке.

— Это была их последняя встреча?

— Да, биби-джи. С тех пор и я не видел Фредди, прошло уже больше полутора лет.

— Срок долгий. И вы надеетесь разыскать его в Сингапуре?

— Да. Если он там, я непременно его отыщу.

Взамен каюты Захарий получил каморку под палубой, некогда занимаемую мастером-парусником; безоконный чуланчик втиснулся между кубриком ласкаров на полубаке и трюмом, отведенным обозникам. Закуток был так тесен, что пространства в нем хватало лишь для одного гамака. Сперва показалось, что взрослый, мальчик и пять ящиков с опием здесь никак не поместятся. Однако выход нашелся: гамак, подвешенный почти вровень с потолком, позволил поставить под ним ящики и сундук Захария, превратившиеся в спальное место для Раджу.

Мальчик не роптал и даже был рад подобному ложу: примостившись на ящиках, он прижимался ухом к переборке, отделявшей каморку от трюма.

Тонкая перегородка была сооружена из плохо

пригнанных досок, которые в качку довольно широко расходились, позволяя наблюдать за происходящим у соседей. Приникнув к щели, Раджу разглядывал барабанщиков и флейтистов, многие из которых были его ровесниками.

Наблюдать за жизнью и особенно перебранками этой веселой компании музыкантов было чрезвычайно интересно. Раджу еще не доводилось сталкиваться со столь легким и частым использованием непотребных слов вроде «пидор», «блядь», «пиздюк» и прочих. Он даже не предполагал, что одно известное ему коротенькое слово может быть столь многозначным.

В ощутимую качку переборка приподнималась над полом, образуя щель, в которую могли скатиться всякие мелкие предметы. Как-то раз вечером Раджу, одиноко коротавший время в каморке, увидел, что к нему прикатилась блестящая серебристая трубочка. Она притормозила возле сундука, где ей грозила опасность быть раздавленной.

Мальчик поспешил спасти нежданную гостью, а за перегородкой уже возникла суета. Прислушавшись, Раджу понял, что кто-то отчаянно ищет флейту, которую он держал в руках.

Как же известить хозяина, что его драгоцен-

ность цела и невредима? В свое время Раджу брал музыкальные уроки и немного был знаком с духовыми инструментами. Приложив флейту к губам, он выдул пару-тройку нот.

Результат не заставил себя ждать. У соседей наступила тишина, затем кто-то шепотом спросил:

— Флейта?

— Да. Сама прикатилась.

Пауза и снова шепот:

— Встретимся в коридоре, ладно?

Раджу вышел в узкий, освещенный единственной мигающей лампой проход, где через минуту появился курносый темноволосый паренек. Ростом он был не выше Раджу, но благодаря форме с бахромчатыми эполетами выглядел старше. Флейтист благодарно принял свой инструмент и подал руку:

— *Тера наам кья хай яар?* Как тебя зовут?

— Раджу. *Аур тера?*

— Дики. Сейчас у меня репетиция, — мальчишка кивнул на трюм, — а вот завтра сможем поболтать.

На другой день, увидевшись на палубе, они обменялись парой слов, а позже продолжили разговор, перешептываясь сквозь щели в перегородке.

Раджу поразился, узнав, что музыканты участвуют в боях наравне с сипаями. Наша задача, поведал Дики, крайне важна: барабанщики задают ритм движения, а флейтисты сигналят о маневрах. Иначе бойцы не знали бы, когда из колонны перестроиться в цепь или встать уступом для атаки. Звук флейты настолько высок, что слышен за шумом боя.

Еще удивительнее было известие, что Дики и сам побывал в боях, но относится к этому спокойно:

— Случались схватки с разбойниками, только вот эти засранцы при первом же залпе давали деру. Бороды до пупа, а отваги, мля, ни на грош.

С тех пор беседы через переборку стали часты, и Раджу довольно быстро освоил вокабулярий нового друга, чьи рассказы буквально завораживали, и жизнь военных музыкантов представлялась невероятно яркой. Просто не верилось, что одногодки Раджу достигли столь потрясающих высот, по сравнению с которыми его собственная жизнь казалась постыдным прозябанием, и оттого было странно, что Дики проявляет острый интерес к ее скучным подробностям: Раджу ходил в школу? У него есть мать? А отец? Семья питалась в харчевне или мать готовила сама? Где

он выучил английский?

Случалось, Раджу терял осторожность, приоткрываясь больше, чем того хотел. Например, однажды он сыграл мелодию на инструменте приятеля, и тот спросил:

— Где это, мля, ты так намастырился?

— Брал уроки, мля, игры на блокфлейте.

— Нихера себе! — вытаращился Дики. — Какой слуга может себе позволить музыкальные уроки?

Пришлось выкручиваться, на ходу сочиняя историю о службе у капельмейстера.

Потом захворал один флейтист, и Дики предложил своего друга на замену. Тамбурмажор, косматый коротышка с вечно недовольным лицом, за любовь к брани и похабщине прозванный Срамословцем, согласился прослушать кандидата.

Раджу пал духом, узнав об оценке своего исполнения: «Играет будто срёт». Но Дики посмеялся над его огорчением и объяснил, что он удостоен редкой похвалы:

— Имелась в виду плавность звучания. Ты, мля, прям готовый флейтист!

Зрелище, открывшееся на внешнем рейде Сингапура, впечатлило Кесри не меньше, чем

молодых сипаев: величественный трехпалубный парусник среди шести военных кораблей на якорной стоянке.

«Лань» и дюжина других транспортных судов встали чуть в отдалении, их палубы пестрели красными тужурками солдат. Рядом с «Ланью» бросил якорь корабль, перевозивший первую роту бенгальских волонтеров, сипаи горланили, приветствуя друг друга.

Кесри разглядел, что уже прибыли батальоны 49-го и королевского ирландского полков, а также камеронианцы; только 37-й мадрасский полк еще был в пути.

Потом капитан Ми вызвал хавильдара для ежедневого доклада о настроениях в роте. Наспех покончив с этим делом, он ознакомил Кесри с боевыми кораблями, скороговоркой перечисляя их названия и вооружение: вон «Крейсер» с восемнадцатью пушками, а вон там — «Алджерин», имеющий десять орудий, рядом с ним два фрегата, «Конвей» и «Аллигатор», у каждого двадцать восемь пушек. А самый большой парусник — это линкор «Уэлсли», у него семьдесят четыре орудия как минимум.

Кесри, в жизни не видевший таких громадин, решил, что линкор, несомненно, в числе самых

мощных судов королевского флота, а то и первый среди них. Однако Ми разъяснил ему: по адмиралтейским меркам, «Уэлсли» — судно среднего размера, оно относится к боевым кораблям третьего класса. То же самое можно сказать и о самой флотилии — для азиатского бассейна она велика, но несравнима со всей британской армадой, подчас насчитывающей больше полусотни военных кораблей.

Кесри устыдился своего неведения, но вместе с тем капитанская лекция его ободрила. Стало быть, англичане считают экспедицию относительной мелочью и абсолютно уверены в достижении поставленных целей. Что ж, тем лучше. Подвиги ему неинтересны, хватит с него ран, полученных за годы службы, сейчас главная забота — самому и его солдатам живыми вернуться домой.

Потом капитан Ми вместе с субалтернами в баркасе отправился на совещание, проводившееся на «Уэлсли». Вернулся он не скоро и вновь призвал Кесри в свою каюту.

В руководстве экспедиции произошли серьезные изменения, сказал капитан. Адмирал Фредерик Мейтленд, назначенный командующим корпуса, занемог, сию должность занял

контр-адмирал Джордж Эллиотт, кузен капитана Чарльза Эллиотта, британского полномочного представителя в Китае.

Контр-адмирал присоединится к экспедиции позже, сейчас он на пути из Кейптауна. Обязанности командующего пока исполняет коммодор сэр Гордон Бремер, начальника штаба — полковник Баррелл. Последний уже принял ряд важных решений касательно стоянки в Сингапуре. Одно из них в том, что английским солдатам и сипаям запрещено покидать корабли.

Кесри расстроился, он лелеял надежду хоть несколько дней провести на суше.

— Но почему, сэр?

— Сингапур — колония молодая, и двадцати лет еще не исполнилось, — сказал капитан. — Разбить на острове большой лагерь, в котором хватит места для всех, затруднительно из-за густых лесов. А здесь тигры — давеча на окраине города они сожрали двух человек.

— Сколько мы простоим здесь, сэр?

— Бог его знает. На подходе еще больше трети корпуса. Я думаю, этим войскам добираться недели две, не меньше.

— А увольнение на берег нам разрешат, сэр? — спросил Кесри.

Капитан окинул его взглядом и кисло улыбнулся:

— Проку-то все равно не будет, хавильдар. Если размечтался о шалавах, выкинь из головы. В Сингапуре женщины на вес золота, здешние бордели забиты переодетыми мужиками, запросто нарвешься на пидора. И коль игра в очко тебе не по нраву, отвлекайся изучением китайской философии инь-ян.

— Но чем занять людей в эти две недели, сэр?

— Муштрой, хавильдар, муштрой! — рассмеялся капитан. — Навыки гребли, приемы рукопашного и штыкового боя, подготовка к артиллерийской стрельбе. Не волнуйся, дел хватит.

Узнав имя громадного линкора, оснащенного семьюдесятью четырьмя пушками, Ширин воскликнула:

— Мне знаком этот корабль! Он построен на бомбейской верфи Вадиа, друзей нашей семьи. Я наблюдала за его спуском на воду. Парусник назван в честь сэра Артура Уэлсли.

— Герцога Веллингтонского? — уточнил Задиг.

— Ну да. Знаете, я видела сэра Артура. Это было после его победы в битве при Асаи. Герцога чествовали в Бомбее, и Вадиа пригласили нас

на шикарный прием, который устроили в своем особняке. Девушкам и женщинам разрешили укрыться в *джхарокхе*[71], чтобы посмотреть на прибытие важного гостя. Выглядел он невероятно сурово.

— Для женщины, всю жизнь соблюдающей пурду, вы повидали немало, биби-джи! — хохотнул часовщик.

Ширин тоже засмеялась, но как-то нервно. Задиг прекрасно понимал, чем заняты ее мысли.

— Тревожитесь из-за Фредди?

— Да, Задиг-бей, — кусая губы, кивнула Ширин. — Я думаю о нем беспрестанно.

— Хотите, завтра поищем его вместе?

Предложение повергло Ширин в панику. Возможность встречи с сыном покойного мужа в незнакомой обстановке, с бухты-барахты, пугала ужасно.

— Нет-нет, так нельзя. Мне нужно время, я должна подготовиться.

— Хорошо, как скажете, биби-джи.

Следующим утром Ширин с палубы проводила Задига на берег, а затем по очереди с Розой сторожила его возвращение.

---

[71] Примечания: 71
Джхарокха — эркер в индийском стиле.

Около полудня забарабанили в дверь ее каюты, внутрь просунулась голова компаньонки:

— Задиг-бей вернулся, ждет вас на квартердеке!

Ширин поспешила на кормовую палубу, где под тентом сидел часовщик. Увидев ее, он встал и широко улыбнулся:

— Хорошие новости, биби-джи. Я нашел Фредди.

— Правда? Рассказывайте подробно.

— Все вышло просто: он увидел меня на набережной Боут-Ки и поспешил поздороваться. Нам с вами повезло, поскольку я бы его не узнал.

— Почему же?

— Он очень переменился, даже английский его стал иным. И выглядит по-другому: сильно похудел, отпустил бороду. Если честно, вид у него неважный.

— А в чем причина?

Задиг прокашлялся.

— Кое-что я вам не сказал, биби-джи.

— Ну так скажите!

— Понимаете, Фредди — курильщик опия. В том ничего необычного, в Китае покуривают многие, но у него это стало пристрастием. Казалось, он одолел свой недуг, но теперь, по-моему, все

возобновилось. Сейчас, конечно, для него трудное время, Фредди тяжело переживает смерть Бахрам-бхая.

Лишь теперь Ширин осознала, что кончина мужа явилась сокрушительным ударом не для нее одной.

— Полагаете, он тоскует по отцу?

— Безусловно. Пусть они не всегда ладили, но Бахрам был глыбой, на которую сын порой ярился, однако она служила ему укрытием. А нынче парень стал круглым сиротой и переживает, что не проводил мать и отца в последний путь. Знаете, в душе Фредди истинный китаец и казнится тем, что не обеспечил родителю вечный покой. Складывается впечатление, будто его… — Задиг уставился в небо, подыскивая нужное слово, — посещают.

— Кто посещает? — Ширин поежилась. — Я не понимаю, Задиг-бей, извольте объяснить.

— Я не умею это выразить складно, биби-джи, но порой Фредди слышит голос отца и ощущает его присутствие. По его словам, оттого-то он и перебрался из Малакки в Сингапур. Дескать, знал, что я приеду, и ждал меня.

— Вы его о том известили?

— Да нет же! Я понятия не имею, как он узнал о

моем приезде. Все это очень странно, и завтра вы уж сами его расспросите.

— Завтра? — вскрикнула Ширин. — Так скоро?

— Да, завтра утром он будет здесь. — Часовщик словно подвел черту. — Конечно, вы не обязаны с ним встречаться, коли нет желания.

Ширин провела бессонную ночь и утром, встретившись с Задигом на квартердеке, не сумела скрыть своих опасений:

— Не знаю, надо ли мне видеться с Фредди? Что хорошего из этого выйдет? Я уж думаю, что совершила ошибку. Не следовало искать человека ради утоления своего любопытства.

Задиг покачал головой:

— Дело вовсе не в любопытстве, а в том, что никто, кроме вас, биби-джи, не вернет ему душевный покой. Только вы его убедите, что он занимал особое место в отцовском сердце. На свете мало женщин, которые решились бы на то, что готовы сделать вы. Не стоит идти на попятный.

— Но я так боюсь, Задиг-бей! — Ширин схватилась за грудь, унимая сердцебиение.

— А вам и не нужно бросаться в омут с головой. Понаблюдайте со стороны. Я ничего ему не скажу, пока вы не подадите знак.

На том и порешили. Когда шлюпка с Фредди

подвалила к кораблю, Задиг сошел на главную палубу, а Ширин, оставшись на квартердеке, накинула шаль на голову и из-за укрытия балюстрады взглянула на худощавого невысокого человека в поношенном полотняном костюме и широкополой шляпе, взбиравшегося по забортному трапу. Бившее в глаза солнце не давало хорошенько рассмотреть его лицо, затененное головным убором. Тут на палубе появился Захарий, и часовщик, познакомившийся с ним в пути, представил ему своего гостя:

— Мистер Рейд, позвольте рекомендовать моего крестника Фредди Ли.

— Рад знакомству, мистер Ли, — сказал Захарий, подав руку.

— Взаимно, мистер Рейд. — Фредди как будто смутился и, сдернув шляпу, прижал ее к груди. Теперь Ширин смогла разглядеть его лицо.

Удивляла не болезненная худоба — впалые щеки, ввалившиеся глаза, — но сам тип лица, настолько китайский, что, по первому впечатлению, его обладатель никак не мог быть сыном Бахрама.

Однако, вглядываясь в это лицо, Ширин постепенно меняла первоначальное мнение, ибо все больше находила знакомые черты: темные

густые брови, полные губы и, самое главное, точеный нос с горбинкой.

— Вы еще не бывали в Сингапуре, мистер Рейд? — спросил Фредди. — Я готов стать вашим гидом, *ла*[72].

Он улыбнулся, мгновенно став копией Бахрама в молодости. И теперь Ширин не понимала, как могла усомниться, что этот юноша — сын ее мужа.

Поймав взгляд Задига, она кивнула и поспешно прошла в пассажирский салон, который, к счастью, был пуст. Ширин села на кушетку и, повернувшись лицом к двери, сбросила накидку.

Фредди вошел первым; увидев Ширин, он улыбнулся ей, как давней знакомой, и отвесил поклон.

— Фредди, я хочу кое с кем тебя познакомить… — начал Задиг, но его перебили:

— Излишне, ла. Я знаю, кто это.

Стараясь быть приветливой, Ширин похлопала по кушетке рядом с собой:

— Не угодно ли присесть?

Не выпуская шляпу из рук, юноша сел на кушетку.

---

[72] Примечания: 72

Ла — частица в кантонском диалекте, которая ставится в конце фразы для усиления сказанного.

— Фредди… — произнесла Ширин, словно опробуя имя на слух, и протянула руку. Если б молодой человек подал свою, они бы, наверное, ограничились рукопожатием, но он этого не сделал, и ладонь Ширин проследовала дальше, коснувшись его лица. Пальцы ее заскользили по бровям, носу, подбородку, и Ширин показалось, что перед нею предстал воскресший Бахрам. Глаза ее наполнилась слезами, она притянула к себе Фредди, и он, уткнувшись в ее плечо, тоже расплакался.

Потом он поднял голову, и стало видно, что покрасневшие глаза его горят диковатым огнем: будто избавившись от занавесей взрослости, они превратились в бездонные колодцы страдания, накопленного с детства.

— Я так ждал вас. — В голосе его слышался упрек. — Все думал, ну когда же вы приедете?

— Как ты мог знать об этом?

— Отец сказал. — Фредди улыбнулся. — Он говорил, мы с вами увидимся еще прежде месяца Голодных духов[73].

---

[73] Примечания: 73

Месяц Голодных духов — традиционный китайский праздник, отмечается в пятнадцатый день седьмого месяца по лунному календарю, когда призраки умерших являются живым, дабы их почтили и освободили от страданий.

Заметив, как побледнела Ширин, Задиг знаком попросил его замолчать.

— Нет-нет, продолжай, — настояла Ширин. — Что еще он сказал?

Фредди ответил не сразу.

— Отец повелел вместе с вами ехать на Гонконг, чтобы на его могиле зажечь жертвенник в память о нем и маме.

Первое впечатление Захария от Сингапура было огорчительным: издали поселение выглядело этакой просекой в джунглях. Да и вблизи его облик не особо улучшился: выбравшись из шлюпки, что доставила с «Лани» к шаткому бамбуковому причалу, Захарий ступил на слякотную набережную Боут-Ки.

Однако город, больше смахивавший на рыбацкую деревеньку, был отнюдь не сонный. Едва сойдя с причала, Захарий очутился в толпе, которая вынесла его к открытому перепутью под названием Торговая площадь, окаймленному салунами, конторами шипчандлеров и брокеров, лавками, цирюльнями и прочими заведениями.

Углядев вывеску «Завтрак», он зашел в харчевню, где спросил чай и бараньи котлеты, и в ожидании заказа взял газету «Сингапурские вести», оставленную кем-то из посетителей.

Взгляд его упал на заметку, начинавшуюся словами «Кое-где в городе розничная цена лучшего бенгальского опия поднялась до восьмисот пятидесяти испанских долларов за ящик».

Захарий ошалело откинулся на спинку стула. Он-то надеялся сбыть свой опий по семьсот долларов, и то если повезет. А тут нежданно-негаданно такая удача!

Спешно заглотнув котлеты и запив их чаем, Захарий вышел из харчевни и уже по-новому взглянул на залитую солнцем площадь. Неужто в этом затрушенном городке дают столь высокие цены? Прям не верится.

Кто-то, тронув за локоть, вывел его из задумчивости:

— Доброго дня, мистер Рейд.

Резко обернувшись, Захарий увидел господина, с которым вчера познакомился на палубе «Лани». Имя этого человека, одетого в тот же светлый полотняный костюм, не вспомнилось.

— Я Фредди Ли, — сказал он, протягивая руку.

— Здравствуйте, мистер Ли. — Захарий ответил рукопожатием. — Какая приятная неожиданность.

— Почему — неожиданность? — неулыбчиво возразил Фредди. — Сингапур город маленький,

э? Вы его уже осмотрели?

— Нет еще, я только сошел на берег.

— Так давайте я устрою вам экскурсию. Много времени это не займет.

Захарий мешкал, прислушиваясь к интуиции, которая противилась сему предложению, но Фредди добавил:

— Не опасайтесь, ла. Вскоре мы с вами станем попутчиками.

— Вот как? Вы будете пассажиром «Лани»?

— Да. Господин Карабедьян, мой крестный, предложил разделить с ним его каюту. Вместе с вами я отправлюсь в Китай, ла.

Захарий успокоился.

— Хорошо, мистер Ли, я не прочь осмотреться.

Он зашагал рядом с гидом, обращавшим его внимание на достопримечательности: вот отель «Лондон», основанный мсье Гастоном Дютронкуа, вон там виднеется портик церкви Святого Андрея, а еще дальше — губернаторский особняк.

— Посмотрите вокруг, мистер Рейд. Взгляните на красивые новые здания. Не упустите из виду корабли в гавани. Знаете, почему они здесь? Потому что Сингапур — свободный порт, где не платят налоги и пошлины. Откуда же город берет деньги?

— Просветите, мистер Ли.

— Опий, монополия британского правительства, оплачивает все: отель, церковь, губернаторский особняк. Все это зиждется на опии.

Вскоре улицы, ставшие у́же и грязнее, подсказали, что европейская часть города осталась позади. Дорога превратилась в петлявший вверх по холму разъезженный проселок, вдоль которого тянулись хижины и лачуги. Здесь было людно от индусов и китайцев не слишком достойного вида.

Захария кольнуло недоброе предчувствие, и он замедлил шаг.

— Благодарю вас, мистер Ли. Пожалуй, мне пора обратно на корабль.

Фредди ничего не сказал, но только кивнул, словно кому-то подав знак. Оглянувшись, Захарий увидел двух дюжих парней, медленно шедших следом. Он понял, что угодил в какую-то ловушку, и резко остановился.

— Не знаю, что вы затеяли, только имейте в виду: при себе у меня нет ничего ценного.

— Зачем обижаете, э? — усмехнулся Фредди. — Ваши деньги мне без надобности, мистер Рейд.

— А что вам нужно?

— Чтоб вы повидались с моим другом, ла. —

Фредди показал на дом неподалеку.

— Зачем?

Ответ был короток:

— Он так хочет, вот и все.

Они подошли к дому, Фредди открыл дверь:

— Милости прошу, мистер Рейд.

Захарий шагнул в темное нутро и после яркого света улицы на мгновенье ослеп. Промаргиваясь, он встал на пороге, однако сразу учуял густой сладковатый запах опийного дыма. Но вот глаза немного обвыклись, и Захарий разглядел большую сводчатую комнату с лежаками вдоль стен. Окна были закрыты ставнями, крохи света просачивались сквозь щели в черепичной крыше.

В углу булькал котелок, возле которого хлопотали двое мальчишек — один помешивал варево из опия-сырца, другой опахалом раздувал угли. Увидев гостей, один мальчишка подошел и снял с них башмаки. Захарий ощутил глинобитный пол, холодивший босые ступни.

— Сюда, мистер Рейд. — Фредди подтолкнул его в дальний конец комнаты, где возле стола с восьмиугольной мраморной крышкой расположились два лежака на высоких ножках. Растянувшись на одном из них, он пригласил и Захария: — Прошу, устраивайтесь удобнее.

Натянутый как струна, Захарий присел на край лежака.

— Чаю, мистер Рейд?

Возник мальчишка с подносом, но Захарий даже не взглянул на него.

— Это всего лишь чай, ла. — Фредди взял чашку и подал Захарию. — Уж позвольте принять вас как подобает, мистер Рейд. Два года назад мы и не думали, что вот так вот встретимся.

Захарий не сразу вник в смысл последней фразы, но потом чуть не выронил чашку.

— Что значит, черт возьми, два года назад?

— Вы все еще не узнали меня?

В потемках Захарий скорее догадался, чем увидел, что собеседник улыбается.

— Не понимаю, к чему вы клоните, мистер Ли, — тихо сказал он. — Мы только вчера познакомились на палубе «Лани».

— О нет, мистер Рейд, это произошло на другом корабле, ла. Может, вам будет легче вспомнить, если я назову вас Зикри-малум?

— Я в толк не возьму, о чем вы! — Захарий еще больше напрягся, таращась сквозь тьму.

— Постарайтесь, и сразу все вспомните, — рассмеялся Фредди. — «Ибис», э? Мистер Кроул, первый помощник, его каюта. Нож вспоминает-

ся? Вас хотят зарезать или, может, чего хуже? Но тут кое-что случается, помните? Кто-то входит, э?

Точно в кошмарном сне перед глазами Захария вдруг возникла яркая картинка: сильная качка, в каюте первого помощника он уперся руками в переборки, над ним навис Кроул, в кулаке его зажата страница, вырванная из судового журнала… «Мне на это плевать, Рейд… клал я, что вы мулат… какой есть, такой есть, мне без разницы… ты — мне, я — тебе, баш на баш, без дураков… иногда заглянете ко мне в каюту…» Сверкает нож, злобный рык: «Не родился еще тот ниггер, что заякорит Джека Кроула…»

— Вспомнили, Зикри-малум? — Фредди зажег лампу и поднес ее к своему лицу. — Теперь понимаете, кто я такой?

Не столько лицо, сколько движения — быстрые, расчетливые, точные — убедили Захария, что перед ним тот самый узник с «Ибиса». Вот и тогда он, вооруженный ганшпугом, возник, словно призрак, в дверях, чтобы свести счеты с Кроулом, и, сделав свое дело, растаял, как тень. Последний раз он мелькнул на баркасе, когда тот под аккомпанемент ревущего шторма с четырьмя другими беглецами отвалил от «Ибиса».

Изгоняя видение, Захарий потер глаза и поста-

рался успокоить себя неопровержимым фактом: все беглецы утонули. В том диком шторме они не могли уцелеть, и он сам видел свидетельство их гибели — перевернувшийся баркас с пробитым днищем.

Наверное, подумал он, пары бурлящего опия затуманили ему голову и оттого все вокруг кажется зловещим, нереальным, враждебным. Захарий протянул руку, словно желая убедиться, что перед ним не тень, а человек во плоти. Фигура на лежаке не шелохнулась.

— Нет, я не призрак, мистер Рейд.

Захарий привалился к стене. Что ему нужно, этому беглому урке? Зачем он непрошено открылся? Понимал ведь, что Захарию придется донести о нем властям. А раз понимал, значит, не намерен отпустить его живым? Он же опытный душегуб.

Захарий глянул на дверь. Ничего хорошего: два бугая, что шли следом, теперь сторожат выход.

Фредди как будто читал его мысли.

— Надеюсь, вы не хотите покинуть нас прямо сейчас, э? Сперва хорошенько подумайте, а то совершите большую ошибку. Ну придете вы в полицию и скажете: «Эй, я видел заключенного, бежавшего с „Ибиса“!» И что потом? Как докажете? Против меня никаких улик, ла. Предположим,

вам поверят, и что дальше, э? Я скажу, это вы устроили наш побег. И это вы убили Кроула. Дескать, он хотел кое-что с вами сотворить, ла.

Захарий пожал плечами:

— Вас и слушать не станут — чего стоит ваше слово против слова белого саиба?

— А если я скажу, что Зикри-малум не вполне белый? — Фредди насмешливо сощурился. — Что тогда, э? Наверное, у вас будут большие неприятности с другими саибами.

Захарий аж задохнулся и, сплетя пальцы, вновь приказал себе успокоиться.

— Послушайте, мистер Ли, что вам от меня надо? Зачем вы меня сюда привели?

— Я же сказал, э? Друг хочет повидаться. Поговорить. Может, затеять дельце, э?

— И где он, ваш друг?

— Недалече. — Фредди кивнул мальчишке, хлопотавшему у котелка, и тот скрылся за дверью в другом конце комнаты. Через минуту оттуда вышел человек в китайском халате и шапочке; глаза его на морщинистом, иссушенном солнцем лице прятались под нависшими веками, измазанный кроваво-красной жвачкой рот обрамляли жидкие вислые усы.

— Чин-чин, Зикри-малум!

Вот его-то Захарий узнал безошибочно.

— Серанг Али? Ты?

— Да, моя серанг Али.

— Едрит твою через колено! Я мог бы и догадаться… Значит, здесь вся ваша беглая пятерка?

— Нет, Зикри-малум. Все вместе легко ловить, да?

— А где трое других?

Боцман подсел к Фредди и усмехнулся:

— Зикри-малум все повидать. В свой время.

Глядя в непроницаемые глаза боцмана, Захарий испытал странное чувство, будто взирает на нечто безжалостное и неуловимое, как сама судьба. Вспомнилось, что именно серанг Али посеял в нем амбициозное желание стать помощником капитана и саибом, а затем на память пришли прощальные слова боцмана, сказанные накануне побега: «Зикри-малум шибко хитрый, да? Серанг Али не тягаться». Еще тогда они встревожили, ибо в них слышалась издевка.

— Чего ты хочешь, серанг Али? — насторожившись, сказал Захарий.

— Мало-мало вопрос спросить.

— О чем?

— Как Зикри-малум добраться Сингапур?

— Наверное, ответ тебе уже известен. — Заха-

рий чуть помешкал. — Я суперкарго на «Лани».

— Корабль везти солдат тоже?

— Да, роту сипаев.

— Сколько человек?

— Зачем тебе это, серанг Али? — прищурился Захарий.

— Один милый друг-китаец хочет знать.

Захарий все понял.

— Ах вот оно что! Ты шпион?

Боцман помолчал и смачно харкнул жвачкой в медную плевательницу.

— Почему Зикри-малум такой говорить? Мы быть друзья, так? Моя хотеть мало-мало помочь. — Он подался вперед: — Зикри-малум иметь много ящик опий. Он ответить и получать очень хороший цена. Один тысяча доллар. — Али выдержал паузу, позволяя оценить сумму. — Хорош не хорош, а?

— В смысле, тысяча за ящик?

— Да. Один тысяча. Серебро.

Захарий задумчиво пожевал губами — предложение настолько выгодное, что даже не верится. По такой цене десять ящиков окупят все траты, остальные дадут чистую прибыль.

— И что за это потребуешь, серанг Али?

— Ничего. Только маленько спросить. Ну, уда-

рить по рукам? — Боцман протянул ладонь, но Захарий ее игнорировал.

— Нет, пока что сделка не заключена. Сперва возьмешь десять ящиков по обещанной цене — тысяча серебряных долларов за штуку. И лишь потом начнем переговоры.

Глаза боцмана вспыхнули, он хлопнул Захария по плечу:

— Молодец! Зикри-малум опять шибко хитрый! Так и надо вести бизи-нес. Деньга на бочка!

30 мая 1840
Хонам

Нынче утром я пришел в печатню, а там уже сидел Чжун Лоу-сы. Это было так необычно, что послужило знаком чего-то из ряда вон выходящего.

Старец и Комптон просматривали кипу газет. Лица обоих были серьезны, но вместе с тем скептичны, словно вести не вполне заслуживали доверия.

— *Мат лю аа?* Как дела? — спросил я, и Комптон уныло покачал головой:

— *Маа маа фу фу*, не так чтобы очень.

— Что-то случилось?

— Получено известие: из Калькутты в Сингапур

прибыла английская эскадра — шесть боевых кораблей, один очень большой, у него семьдесят четыре пушки. Кроме того, два парохода и двадцать транспортных судов с войсками и снаряжением. Большинство солдат — индусы из *Бан-гала* (Бенгалии) и *Ман-да-ла-са* (Мадраса), что в южной части *Иньду* (Индии). Суда предоставлены индийскими купцами.

— Как вы это узнали?

Оказалось, Чжун Лоу-сы послал в Сингапур лазутчика — опытного моряка, некогда бывшего пиратом, он-то и раздобыл все эти сведения.

— И куда направляются корабли? — спросил я.

В Китай, сказал Комптон и в доказательство предложил глянуть присланный лазутчиком номер «Сингапурских вестей»: эскадра, утверждала газета, проследует к южному побережью страны, а затем возьмет курс на север, дабы с определенной позиции оказать давление на Пекин. Видимо, в Сингапуре это уже ни для кого не секрет.

Известие ошеломило печатника и Чжун Лоу-сы. Наверное, они, вопреки всем предостережениям, в глубине душе не верили, что Британия и впрямь нападет на Китай. Даже комиссар Линь говорил, что вряд ли дело дойдет до войны; английских торговцев опием он считал обычными жулика-

ми, не имеющими государственной поддержки. Я думаю, для него непостижимо, что одна страна готова снарядить военную экспедицию за море, дабы заставить другую страну покупать опий.

Я спросил, известна ли численность войска, прибывшего в Сингапур. По прикидкам лазутчика, сказали мои собеседники, корпус насчитывает около трех тысяч солдат, половина из которых индусы. Эти цифры несколько успокоили Чжун Лоу-сы: если б англичане и впрямь вознамерились начать войну, считает он, силы их были бы куда значительнее, ибо немыслимо столь маленькой армией воевать со страной таких размеров да с таким населением. Наверное, англичане ограничатся демонстрацией силы, как они уже делали дважды, в 1816-м и 1823-м, прислав сипаев в Макао. И потом, будь их намерения серьезны, состав экспедиционного корпуса был бы в основном английским. Разве можно зависеть от сипаев в столь ответственном деле? В подобных обстоятельствах китайцы никогда не используют иностранные войска.

Уже не в первый раз я обратил его внимание на то, что в своих азиатских кампаниях англичане всегда уверенно полагались на индийских сипаев — так было в Аракане, Бирме, Персидском заливе

и прочих местах. Численность войска еще ни о чем не говорит, поскольку главная ударная сила не пехота, а корабли. Расчет сделан на подавление китайского флота.

Старец согласился, что на воде им будет трудно противостоять английским военно-морским силам, однако добавил: в какой-то момент боевые действия переместятся на сушу, где китайцы, имея огромное численное превосходство, преподадут англичанам хороший урок за опрометчивую высадку.

Хотя британцы, похоже, именно к ней и готовились. Лазутчик донес, что солдаты усиленно отрабатывают тактику действий на суше и воде. Одно устройство, похожее на то, что в китайский Новый год расцвечивает небо фейерверками, произвело неизгладимое впечатление на городских зевак. Осведомитель лазутчика сообщил, что оно именуется «ракета Конгрива» (пометку с названием по-английски на полях донесения сделал, конечно, сам источник информации).

На вопрос Чжун Лоу-сы, известно ли мне что-нибудь об этом оружии, я ответил отрицательно. И тогда старец попросил разузнать о нем.

Сперва я опешил: где, скажите на милость, я раздобуду сведения о ракетах? Но потом меня осе-

нило: в английской фактории имелась большая библиотека со справочниками по всевозможным предметам.

Разумеется, обитатели давно покинули факторию, но китайские слуги, многие из которых работали на купцов гильдии Ко-Хон, приглядывали за зданием. И если Чжун Лоу-сы замолвит словечко, нас с Комптоном допустят в библиотеку.

Старец ухватился за мою идею, и через час-другой нас известили, что допуск получен.

На закате мы с Комптоном пришли в английскую факторию, где пустынными коридорами нас препроводили к запертой библиотеке на последнем этаже здания.

Я не ожидал увидеть столь просторное помещение с удобными кожаными креслами, большими столами и бесконечными рядами застекленных шкафов. Обилие книг устрашало — чтобы осмотреть все полки, уйдет бездна времени.

К счастью, на столе я увидел каталог и с его помощью быстро отыскал «Руководство по полевой артиллерии», в котором наверняка имелся раздел, посвященный ракете Конгрива.

Обратившись к сему пособию, я с удивлением обнаружил, что речь идет об усовершенствован-

ном оружии, изобретенном в Индии. Да, китайцы с древности были знакомы с ракетами, но использовали их только для фейерверков и никогда в военных целях. Около сорока лет назад султан Хайдер Али, правитель княжества Майсур, и его сын Типу, воюя с Ост-Индской компанией, первыми превратили ракеты в оружие. В битве при Бангалоре, тогда еще крепости, появились летающие бомбы, наводившие ужас на противника и заставившие нынешнего герцога Веллингтонского отступить. И хотя в конечном счете майсурские султаны потерпели поражение, англичане, признав ценность новшества, отправили несколько трофейных ракет в королевский арсенал в Вулидже, где некий Уильям Конгрив (наверняка потомок драматурга)[74] их усовершенствовал. Англичане использовали ракеты Конгрива в наполеоновских войнах и войне 1812 года, а теперь явно нацелены применить их в Китае.

В библиотеке мы просидели долго и отыскали еще пару «полезных» справочников — по строительству укреплений и навигации; к сожалению, о пароходах и паровых двигателях ничего не

[74] Примечания: 74

Уильям Конгрив (1670–1729) — английский драматург эпохи классицизма, стоявший у истоков британской комедии нравов и прозванный «английским Мольером».

нашлось.

Покидая читальню, я взял несколько книг для себя. Я уже соскучился по романам и пьесам, а потому затолкал в свою котомку «Памелу», «Любовь в избытке», «Робинзона Крузо», «Викария Уэйкфилда», «Тристрама Шенди»[75], перевод вольтеровского «Задига» и полдюжины других книг.

В последний момент на глаза мне попалась книжка, ярким тисненым корешком выделявшаяся среди строгих томов, — «Бал бабочек и пир кузнечиков» Уильяма Роско[76]. Когда-то точно такую же я купил в Калькутте, начав учить Раджу английскому языку; это дешевое американское издание стоило, однако, целую гинею. Не совладав с искушением, я взял книгу с полки и сунул в котомку.

---

[75] Примечания: 75

«Памела, или Вознагражденная добродетель» — эпистолярный роман (1740) английского писателя Сэмюэля Ричардсона, очень популярный в Европе XVIII века. «Любовь в избытке» — роман английской писательницы, актрисы, издателя Элизы Хейвуд (ок. 1693–1756). «Викарий Уэйкфилда. Повесть, якобы написанная им самим» — роман ирландского писателя Оливера Голдсмита (1728–1774), очень популярный в XVIII веке. «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» — незаконченный юмористический роман английского писателя и священника Лоренса Стерна (1713–1768).

[76] Примечания: 76

Уильям Роско (1753–1831) — английский ботаник, писатель, член парламента, автор детского стихотворения (1802) о вечеринке насекомых.

Вернувшись к себе на квартиру, первым делом я открыл детское стихотворение, которое много раз читал сыну и знал почти наизусть. Я разглядывал знакомые иллюстрации, и в голове возник чуть шепелявый голосок Раджу, пробирающийся по строчкам «Наденьте шляпки набекрень, мы проведем чудесный день на бале бабочек…». Я прям чувствовал, как сын ерзает у меня на коленях, и слышал себя: «Нет-нет, Раджу, это слово произносится вот так…»

Воспоминание было столь ярким, что я выронил книгу и едва не расплакался. Но что толку изводить себя мыслями, и потому я стараюсь пореже думать о прошлом, о жене и сыне. Да только стихотворение, застав врасплох, пробило мою оборону. Я всеми силами пытался не захлебнуться в пучине тоски, что смела всякие преграды, накрыв с головою.

Дни собирались в недели, экспедиционный корпус неуклонно прирастал числом. Вялая струйка судов из Мадраса принесла сипаев 37-го полка, изрядное подразделение инженерных войск и две роты минеров. Ожидались еще кораб-

ли, прежде всего «Голконда»[77], которая должна была доставить командующего корпусом, персонал и снаряжение штаба. Из-за них-то эскадра и стояла на якоре, хотя всем уже не терпелось отправиться в путь.

В самом конце мая капитан Ми вызвал к себе Кесри и сообщил: «Голконда» и «Тетис»[78] задерживаются на неопределенное время, они догонят корпус у китайского побережья. Поскольку больше нет причин торчать в Сингапуре, коммодор Бремер приказал основной части эскадры утром выдвигаться, взяв курс к устью Жемчужной реки.

— Сколько займет дорога, сэр?

— Я полагаю, от десяти до пятнадцати дней.

Наутро эскадра под водительством «Уэлсли» вышла из гавани. Линкор, на салингах и пертах которого застыли силуэты матросов, оттененные вздувшимися парусами, являл собою впечатляющую картину. Следом парами шли фрегаты, устремившие носы навстречу ветру, а за ними

---

[77] Примечания: 77

Голконда — древняя индийская крепость в районе, знаменитом алмазными копями, синоним «кладези богатств».

[78] Примечания: 78

Тетис (немецкоязычная форма имени греческой богини моря Тефиды) — древний океан в эпоху мезозоя, его реликты — Средиземное, Черное и Каспийское моря.

— пароходы, пенившие воду лопастями колес. Транспортные суда по два-три в ряд готовились замкнуть шествие.

Паруса «Лани» наполнились ветром, и оркестр, выстроившийся на главной палубе, заиграл бравурный марш. С верхней палубы Задиг, Ширин и Фредди любовались юными музыкантами в белой форме. Что до Раджу, у него просто разбегались глаза, и он смотрел то на оркестр, то на линкор, то на пароходы, то на лазурные воды, расстилавшиеся вдали. Он решил, что первым делом расскажет отцу о самом великолепном зрелище на свете — эскадре, уходящей в плавание.

Глава 13

Вторая часть похода на Восток существенно разнилась с первой. Из Калькутты в Сингапур экспедиционные суда добирались порознь, лишь изредка сходясь или видя друг друга издали, ибо каждое судно двигалось с облюбованной им скоростью. После Сингапура корабли шли конвоем, возглавляемым «Уэлсли» с его величественными парусами.

«Лань» занимала позицию в середине группы транспортных судов, довольно далеко от флагмана. Вокруг нее пиршествовали паруса — фор-марсели, грот-бом-брамсели, крюйс-трюмсели, и море будто превратилось в голубую небесную твердь, испещренную облаками, что бегут в одном направлении. Меж этих белых косяков вздымались клубы черного, как грозовая туча, дыма, вырывавшегося из труб трех пароходов, которые шныряли вдоль конвоя, доставляя рапорты, подгоняя отстающих и оказывая им, если нужно, помощь.

Превосходная выучка моряков и отменный внешний вид боевых кораблей раззадорили

шкиперов транспортных судов: взяв девизом «Образцовый порядок во всем», они муштровали свои команды нещадно, то и дело устраивая гонки. Даже пассажиры прониклись соревновательным духом и, подбадривая матросов, шумно ликовали, когда их судно кого-нибудь обгоняло.

Всю первую неделю пути погода была чудесной, но потом стала меняться. Усилился ветер, временами с юго-запада налетали мощные шквалы, трепавшие «Лань». Однако небо оставалось чистым, и потому матросы выполняли свою обычную работу, а пассажиры не отказались от прогулок по палубе.

Один ежедневный корабельный ритуал — обезглавливание кур, предназначенных к офицерскому столу, — всегда собирал большое число зрителей.

Курятник был устроен у основания грот-мачты. Около полудня, когда капитан и первый помощник «брали высоту солнца», на главной палубе, поигрывая сверкающим наточенным ножом, появлялся кок, взявший на себя обязанности корабельного мясника. Этот дородный детина был склонен к позерству: бесстрастно отрубал курам головы и вразвалку шествовал на камбуз, зажав в руке трепыхающиеся тушки.

В тот день, несмотря на ветреную погоду, кок вышел на палубу сразу после тройного трехкратного звона рынды, отметившего полдень. На сей раз в числе зрителей был и Раджу.

Дважды сверкнул нож, и две курицы лишились голов. Одарив публику зубастой ухмылкой, кок неспешно отбыл с безголовыми птицами в одной руке и ножом в другой.

Трап к камбузу, забрызганный волнами, стал скользким. Внезапно «Лань» дала сильный крен, и кок, уже ступивший на трап, грузно упал плашмя. Он пронзительно вскрикнул, однако сумел встать на четвереньки.

С площадки трапа Раджу видел, что в одной руке кок по-прежнему держит кур, но вторая его рука была пуста, нож куда-то подевался. Почти сразу стало ясно куда: из груди кока торчала рукоятка ножа.

Кок медленно, словно не веря в случившееся, опустил взгляд на грудь. Точно в трансе, разжал кулак, выпустив кур. Обеими руками взялся за рукоятку и выдернул окровавленный клинок. Изумленно посмотрел на кровь, толчками полившуюся из груди, перевел взгляд на Раджу и придушенно шепнул:

— *Бачао муджхи!* Спасите ме…

Не договорив, он повалился ничком.

Раджу застыл на месте, не в силах дышать, шевельнуться и оторвать взгляд от жуткой картины: бездыханное тело, окровавленный нож, безголовые куры, которых качкой мотало по палубе. Потом вдруг ноги его подломились, и палуба полетела ему навстречу.

В последний миг его падение прервали чьи-то руки.

— Все хорошо, малыш, все хорошо. — Перекинув мальчика через плечо, Захарий отнес его в свою каморку.

Оправившись от шока, Раджу обо всем подробно рассказал Дики. Как ни странно, того история не впечатлила, и он буднично поведал, что видел много смертей, даже своих товарищей, еще пострашнее:

— Это что, мля! В моем первом бою сволочной *пиндари*[79] убил флейтиста, что шел рядом со мной. Разнес ему башку, ухо отлетело прям в меня.

За ночь ветер еще больше окреп, и к рассвету небо набрякло темными тучами. Эскадра рассыпала строй, теперь на горизонте виднелись

---

[79] Примечания: 79
Пиндари — конные шайки грабителей в британской Ост-Индии.

паруса одного-двух кораблей. Временами, переваливаясь с боку на бок или взлетая на крутой волне, появлялся пароход, торивший путь сквозь неспокойные воды.

Все утро неумолчно стенал ветер, однако дождь так и не начался, а потому сипаи, как обычно, позавтракали на палубе и благополучно вернулись в трюм.

Захарий и Дафти стояли на квартердеке, когда на кормежку потянулись обозники. Заметив всполох молнии вдали, Захарий сказал, что гроза, похоже, вот-вот разразится и лучше, наверное, отправить людей вниз.

Как назло, этот добрый совет услыхал капитан Ми.

— Собака лает, ветер носит! — презрительно усмехнулся он. — Давно я не встречал этакой наглости: торгаш-янки учит английского капитана уму-разуму! Кто управляет кораблем, мистер Дафти, вы или этот голубок?

Стоявшие рядом субалтерны заржали, а побагровевший Захарий, извинившись перед капитаном, сошел на главную палубу.

В тот же миг грянула буря. Проливной дождь посеял панику среди обозников, и они толпой кинулись искать укрытие. Исхлестанные ветром

и водяными струями люди, пихаясь, сгрудились перед трюмным люком, и тут с небес ударила молния, которая, угодив в грот-мачту, перерубила ее пополам. Шквалистый ветер тотчас унес верхнюю половину мачты вместе с вороньим гнездом[80], реями и всеми снастями. Реи грот-марселя, самые большие и тяжелые поперечины, еще пару секунд оставались на обрубке мачты, а затем с громоподобным треском рухнули на палубу, где толпились обозники. Рея, грохнувшаяся по правому борту, убила одного оружейника и сильно покалечила другого, а потом, перевалившись через фальшборт, исчезла из виду. Вторая рея нанесла еще больший урон: брус в десять ярдов длиной, запутавшийся в паутине снастей, летал туда-сюда, точно цеп, молотя обезумевших людей.

Захария сбили с ног, но он тотчас поднялся и, мгновенно сообразив, в чем беда, одним махом пересек палубу, вскарабкался, цепляясь за обрывки снастей, на пенек мачты и складным ножом, который всегда носил с собой, покромсал путаницу канатов, позволив ветру унести взбесившуюся рею.

---

[80] Примечания: 80
Воронье гнездо — площадка на верхней части мачты.

Спрыгнув на палубу, он сразу подумал о Раджу, которого нашел распростертым у шпигатов правого борта, оглушенного, но живого и невредимого.

— Ты цел, малыш?

— Да, сэр.

— Умничка.

Вокруг царил кошмар: на палубе тела погибших и раненых, вой ветра, вопли мальчишек-музыкантов, людская давка у люка.

На квартердеке насквозь промокшие капитан Ми и субалтерны старались удержаться на ногах. При виде их Захарий вскипел и, сложив ладони рупором, крикнул:

— Так что там насчет собаки и ветра, сэр?

Капитан ожег его взглядом и отвернулся, притворившись, что не расслышал вопроса.

Через час-другой буря стихла, но пошлина ее, взысканная с «Лани» в минуты после удара молнии, была чрезвычайно высока: уйма раненых и пятеро погибших — два пушкаря, подручный аптекаря, туземный фельдшер и оружейник. На закате их тела были преданы морю.

Мальчишкам-музыкантам досталось изрядно. Дики попал в число немногих флейтистов, избежавших увечий, но вот прочие серьезно

пострадали в давке перед люком. Один парнишка упал с трапа и сломал бедро, другого чуть не затоптали, в нескольких местах переломав ему ноги.

Злосчастье не пощадило даже ротного пандита — ошалевшая рея ударила его в грудь, размозжив ребра. Корабельный лазарет не вместил всех пострадавших, носилки с ранеными стояли в чуланах и проходах квартердека.

Сипаи, еще до бури укрывшиеся в трюме, остались невредимы, удар непогоды пришелся по обозникам и ласкарам. Однако все понимали, что стихия выставила бы счет куда больше, если б не сноровка и самообладание Захария. Благодарность ему была столь велика, что краешком задела и Раджу. Он вдруг оказался в центре внимания музыкантов, и от непривычности этого у него даже слегка кружилась голова. Превознося своего хозяина, Раджу пространно живописал его подвиги на борту «Ибиса».

— А ты не врешь, мля? — усомнился Дики. — Он и вправду угодил в бунт на корабле?

— Чего я вру-то? Дело о беспорядках на «Ибисе» разбирали в суде. О том писали все газеты.

23 июня 1840
Гуанчжоу

Нынче Комптон сообщил, что британская эскадра встала в устье Жемчужной реки. Об ее приходе говорят так давно, что мы уж думали, она никогда не появится. Но вот корабли здесь, и что теперь?

Вообще-то они прибыли несколько дней назад. Я о том не ведал, поскольку к тому времени уже полторы недели хворал. Порою было так плохо, что я даже не надеялся выкарабкаться. Видимо, это как-то связано с одуряющей жарой, которая держится уже довольно долго.

За мной приглядывала Митху. Каждый день она приносила мне поесть — обжигающе горячие супы и рисовую кашу, напоминающую наш индийский *панта-бхат*. Зная любовь индусов к топленому маслу, Митху разживалась им в тибетском монастыре. Это оказалось как нельзя кстати, поскольку благодаря ее визитам Таранатх-джи проведал о моем нездоровье и навестил меня вместе с ламой, сведущим в тибетской медицине. Тот пощупал мой пульс и, объявив мое состояние весьма серьезным, прописал мне всякие дурно пахнущие отвары и чаи. Я понятия не имею об их составах, но они сотворили чудо. Митху поила меня строго в назначенное время. Даже не знаю, что бы я без нее делал.

Пару дней назад я начал поправляться, и Митху рассказала, что в чужеземном анклаве происходит «чего-то большое»: на майдане установили «мандаринский шатер», к которому стекаются сотни мужчин.

Сегодня по дороге в печатню я заглянул в тот украшенный стягами и вымпелами шатер, больше похожий на просторный павильон. Казалось, там проходят состязания по гиревому спорту, которые судят шесть важных чиновников со знаками отличия. Молодых мужчин, собравшихся на майдане, по очереди приглашали внутрь и предлагали им выжать гирю. Тех, кто справлялся с задачей, отводили вглубь павильона и заносили их имена в список.

Все юноши были одеты по-спортивному, одни держали в руках боевые палки, лбы других пересекали повязки с иероглифами. День выдался жаркий, но кое-кто, дожидаясь своей очереди, устраивал тренировочную схватку на кулаках или палках и, пританцовывая, выполнял нырки, уклоны и выпады.

Позже Комптон разъяснил, что происходит: комиссар Линь отдал приказ о создании местной милиции. И вот толпы юношей повалили к вербовочным пунктам, один из которых я видел. Среди

соискателей те, кто в спортивных обществах постигает искусство традиционных единоборств, а также *чау фэй* — юные хулиганы, желающие подзаработать.

«Но из-за чего вся эта кутерьма?» — спросил я. Вот тогда-то Комптон и сообщил о прибытии британской эскадры. Большое число кораблей встало на якорь в устье Жемчужной реки, вдоль всего побережья от Гонконга до Макао. Они доставили тысячи солдат — индусов и англичан. В проливе Кап Шуй Мун замечена высадка войск на острова Линтин, Гонконг и другие, что вызвало панику в этой части провинции. В Кантоне о том мало кто знает, ибо власти не спешат обнародовать новость.

Окружение комиссара Линя сильно встревожено, оттого-то и предприняты чрезвычайные меры. Всем ясно, что боевые джонки не смогут противостоять военно-морским силам англичан, и потому идет подготовка к сражению на суше. Но и здесь все непросто, сказал Комптон, в распоряжении комиссара всего несколько тысяч бойцов.

Меня это удивило, я-то думал, что в стране с таким населением всякая провинция располагает огромной армией. Оказалось — нет, основные имперские силы растянуты вдоль западных гра-

ниц, вдали от Гуандуна.

Похоже, комиссар не слишком уверен в своих военачальниках, и посему решил вооружить простой народ — жителям провинции раздают пики, сабли и прочее оружие. Вдобавок тысячи лодочников мобилизованы на службу «водными храбрецами» — говорят, недавно им удалось поджечь английские корабли, стоявшие на якоре под Хумэнем.

Комиссар свято верит в обычных людей. Он убежден: именно народные массы поднимутся и отразят атаку агрессора.

Поразительно, что в столь крупном чиновнике проглядывают черты якобинца.

Комптон рассказал о прокламациях, сулящих награду за вражеские корабли, офицеров и солдат. За британского генерала выплатят пять тысяч долларов серебром, если он взят живым, и треть этой суммы за мертвого. За офицеров чином ниже на пятьсот долларов меньше по нисходящей, но на тех же условиях: вся сумма за живого, треть — за мертвого. Купцы, англичане и парсы, стоят сотню долларов живыми и пятую часть суммы покойными. За «черных чужаков», то есть сипаев и ласкаров, дадут вдвое меньше, чем за белых солдат и матросов.

Я не знал, плакать мне или смеяться.

— А как со мной-то? — спросил я. — Надо ли мне опасаться охотников за наградой?

Вам беспокоиться нечего, сказал Комптон, вы не ласкар и не сипай, и потом, многие вас считают не индусом, но выходцем из Наньяна[81].

— Не грозит ли опасность Джоду и другим ласкарам из команды «Кембриджа»? — не унимался я.

Печатник заверил, что меры предосторожности уже приняты: по настоянию Чжун Лоу-сы к упомянутым лицам приставлена особая охрана.

С рассвета следующего дня Захарий помогал корабельным плотникам установить временную грот-мачту. Работа под палящим солнцем была долгой. В полдень он спустился в свою каморку сменить насквозь промокшую рубаху, и там его ждал Раджу.

— Хавильдар Кесри Сингх просил вам кое-что передать, сэр.

Захарий вскинул бровь:

— В смысле, индийский сержант?

— Да, сэр. Он хочет с вами переговорить с глазу на глаз и придет сюда в половине девятого вече-

---

[81] Примечания: 81

Наньян — историческая область Китая.

ра, после склянок на первую вахту. Хавильдар просил о том никому, кроме вас, не сообщать, он не хочет, чтоб прознали его сослуживцы.

— А чего ему надо от меня?

— Что-то касательно «Ибиса», сэр.

— «Ибиса»? — Захарий озадаченно нахмурился. — Сержант-то здесь каким боком?

— Не знаю, сэр. Наверное, он слышал, как вчера я рассказывал музыкантам о вас и происшествии на шхуне.

Захарий удивился еще больше: он даже не предполагал, что Раджу известно о его участии в тех событиях; тема эта никогда не возникала, и кто бы мог подумать, что она интересна мальчишке?

— От кого ты узнал про «Ибис», малыш?

— От вас, сэр, — ляпнул Раджу. — В суде.

Он тотчас понял, что проговорился, выдав себя и, наверное, отца. Казнясь содеянным, он попытался исправить свою жуткую оплошность:

— Вернее, Ноб Киссин-бабу говорил…

Морщина на лбу Захария стала глубже.

— С какой стати ему говорить об этом с тобой? Ты-то здесь при чем?

Отчаяние лишило Раджу дара речи, губы его задрожали, он безмолвно смотрел на Захария, который не мог взять в толк, из-за чего парнишка

так разволновался.

— В чем дело, малыш? — мягко спросил он. — Никаких причин гнать волну. Ты ведь знаешь, я не сделаю тебе ничего дурного.

Ласковый тон поверг Раджу еще в большее смятение. За короткое время Захарий полностью завоевал его доверие, и мальчик с радостью сказал бы правду: в Макао он разыщет своего отца, который тоже был на «Ибисе». Однако Ноб Киссин строго-настрого предупредил — ни в коем случае не открываться. Поди знай, как поступит Захарий, выяснив, что Нил жив, а Раджу — его сын. Вполне возможно, он сочтет своим долгом доложить о том властям.

Захарию хватило одного взгляда на красного как рак, пыхтящего мальчугана, чтобы понять: тут кроется некая тайна.

— Ну так что, малыш? — негромко сказал он. — Ты хочешь мне что-то поведать?

Упрямо сжав губы, Раджу помотал головой. Столь неумелое притворство вызывало улыбку.

— Знаешь, малыш, в тебе много такого, что никак не сходится, — твой английский, твои изящные манеры, — проговорил Захарий. — Как хочешь, но я не верю, что ты всегда был слугой.

Раджу стрельнул в него взглядом, однако мол-

чал. Захарий присел на сундук и посмотрел мальчику в глаза.

— Скажи, мы не встречались раньше, до того, как Ноб Киссин-бабу привел тебя на баджру? Может, я должен был тебя узнать?

Раджу покачал головой и чуть слышно пролепетал:

— Нет, сэр.

Захарий понял, что больше ничего от него не добьется.

— Кто ж ты такой, а? Хотел бы я знать.

По щекам мальчика побежали струйки слез, он сглотнул, словно сдерживая рыдание. Захарий всполошился:

— Эй, ты чего? Ты, это, давай не плачь и все такое… Я же тебя не браню, вовсе нет…

В покаянном порыве Захарий взял его за плечо, и как-то само так получилось, что он привлек Раджу к себе и обнял.

И вот это объятье сломило оборону мальчика, слезы его хлынули потоком, прорвавшим плотину.

Со дня ареста Нила он, не желая добавлять горестей маме, ни разу не дал волю чувствам, все держал в себе. И теперь как будто изливал все свои страдания, скопившиеся за последние

два года.

Захарий же, ощутив теплую влагу на груди, слегка запаниковал: еще никогда он не держал в объятьях плачущего ребенка, еще никогда не утешал маленькое беспомощное существо. Скорее по наитию, нежели осознанно он поднял руку (или она сама поднялась?) и погладил мальчика по голове, сперва неуклюже, потом увереннее.

— Все хорошо, малыш, — приговаривал Захарий. — Что бы там ни случилось, не тревожься. Я с тобой. Я о тебе позабочусь.

Слова эти поразили его самого. Прежде он никогда и никому не обещал своей заботы, и никто, кроме матери, не обещал позаботиться о нем. Казалось, он обнимает себя маленького, того безвозвратно сгинувшего малыша, о ком невозможно не скорбеть.

С первым ударом корабельного колокола Кесри, сменивший форму на белые унгу и дхоти, вышел из своей каюты и ровно в ту минуту, как угас звон восьмой склянки, постучал в дверь каморки Захария. Дверь тотчас отворилась, явив хозяина, одетого в полотняные штаны и тельняшку.

В тусклом свете единственной лампы виднелись ящики, в тесном пространстве исполнявшие роль кушетки, и сундук, служивший креслом.

— Входите, сержант. — Захарий жестом предложил гостю занять сундук, сам уселся на ящик.

С минуту оба разглядывали друг друга, потом Кесри сказал:

— Здравствуйте, Рейд-саиб.

— Добрый вечер.

Хавильдар прокашлялся и, не придумав вступительной темы, сразу взял быка за рога:

— Правда ли, что вы служили на «Ибисе»?

— Да. В рейсе на Маврикий я был вторым помощником.

— С вами плыл один человек — субедар Бхиро Сингх, так?

— Да, верно.

— Что с ним случилось?

В двух словах Захарий поведал всю историю: субедар повздорил с переселенцем-кули и потребовал для него наказания поркой. После дюжины плетей кули, обладавший невиданной физической силой, сумел освободиться от вязок, выхватил из рук субедара бич и, захлестнув его на горле своего истязателя, сломал ему шею. Все произошло мгновенно, а позже выяснилось, что истоком конфликта стало нападение субедара на жену кули.

— Как ее звали, ту женщину? — тотчас спросил

Кесри.

Вспоминая, Захарий почесал голову.

— Что-то вроде «Дитти» или как-то так.

Кесри ждал ответа, затаив дыхание, теперь же шумно выдохнул и поник головой, постигая услышанное.

Значит, все это — правда? Дити, его сестренка, в жизни не уезжавшая дальше Патны, пустилась в бега с другим мужчиной, не убоявшись пересечь Черную воду?

Пытаясь сжиться с этой мыслью, Кесри медленно поднял голову, и вот тогда Захарий разглядел его серые, чем-то знакомые глаза. Он даже вздрогнул от сего странного впечатления, но оно разъяснилось после слов хавильдара:

— Эта женщина — моя сестра Дити.

— Да, теперь я вижу ваше сходство.

— Не знаете, где она сейчас? — хрипло спросил Кесри.

— Наверняка на Маврикии. По-моему, ее определили к французу, чья ферма располагалась на юго-западной оконечности острова.

От невероятности происходящего Кесри помотал головой. Кто бы мог подумать, что этот белый саиб, с виду юнец, сообщит ему новость о Дити? Разве можно представить, что они плыли на

одном корабле, разделенные всего несколькими ярдами деревянных переборок?

— Как она, не хворала? — просипел Кесри.

— Нет, насколько я помню, была в добром здравии.

Кесри хотел спросить еще о многом, но из коридора его кто-то окликнул.

— Надо идти. — Он встал. — Рейд-саиб, пусть все это останется между нами, ладно?

— Конечно.

Взявшись за дверную ручку, Кесри обернулся:

— Я хочу извиниться за то, как капитан Ми ведет себя с вами. Он хороший человек, прекрасный офицер… — Кесри не мог найти нужных слов и стал повторяться: — Капитан хороший человек, только в сердце его печаль… я знаю его давно, семнадцать лет назад был у него денщиком… — Не получив ответа, он закончил просто: — Извините.

— Все в порядке, — сказал Захарий. — Вашей вины тут нет.

— Честь имею, Рейд-саиб. — Кесри отсалютовал. — Если могу быть полезен, дайте, пожалуйста, знать.

— Благодарю, хавильдар.

Кесри шагнул за порог, и тут Захарий кое-что

вспомнил.

— Погодите, еще одна деталь касательно вашей сестры.

— Какая?

— На Маврикий она прибыла беременной. Значит, сейчас ребенку уже больше года.

На другой день на горизонте возник султан дыма — пароход «Куин» разыскивал суда, пострадавшие в бурю. С палубы «Лани» запустили ракету, и вскоре под аккомпанемент приветственных криков пароход подвалил к побитому непогодой кораблю.

Прежде чем взять его на буксир, шкипер «Куина» решил немного «стравить канаты»: за стаканами бристольского молока[82] они с мистером Дафти довольно долго обменивались новостями. Позже, когда заарканенная «Лань», мерно кивая носом, двинулась на север, Дафти поведал Захарию о том, что узнал от коллеги, пока они согревали нутро.

Пятью днями ранее британская эскадра подошла к китайскому побережью, и капитан Эллиотт встретился с коммодором Бремером неподалеку от Ландронских островов. После усиленных

---

[82] Примечания: 82

Бристольское молоко — сухой херес.

размышлений полномочный представитель и командующий выработали план, согласно которому экспедиционный корпус разделялся на два фронта. Один, состоящий из небольшого числа боевых кораблей и транспортов, оставался на юге, укрепляя блокаду Жемчужной реки, другой, более внушительный по составу, следовал на север, имея целью захват стратегически важного острова Чусан, расположенного на пути к главным китайским портам Ханчжоу, Нинбо и Шанхай. Дабы власть в Пекине отчетливо понимала, чем вызваны эти действия, вожаки экспедиции попытаются передать императору меморандум лорда Палмерстона, в котором подробно изложены британские недовольства и требования.

После захвата Чусана восточное побережье Китая окажется во власти экспедиционного корпуса. Остров станет военной базой, а британская эскадра, курсируя вдоль всего побережья и составив планы и карты местности, будет угрожать важным портам, дабы у пекинских владык не осталось сомнений в их уязвимости. Близость Чусана к китайской столице не позволит мандаринам утаить весть о захвате острова, и вскоре император осознает, что у него нет иного выбора, как уступить требованиям Британии возобно-

вить с ней торговлю и возместить ее прошлые потери.

Поскольку восстановление опийной торговли — одна из главных целей экспедиции, к эскадре присоединятся суда, груженные опием. Военные корабли обеспечат английским купцам заход в любые порты по их усмотрению.

Приверженцы свободной торговли могут праздновать победу, ибо военный план сверстан по трафарету Уильяма Джардина. Для них откроется возможность сколачивать состояния, продавая опий на прежде недоступных им рынках. Ожидается, что спрос на зелье в центральных районах страны уподобится Желтой реке в половодье и цены взлетят на неслыханную высоту.

— Мы прибыли в самое время, — сказал мистер Дафти. — Через два дня часть кораблей двинет на север, и капитан Чиллингворт, конечно, постарается быть в их числе. Как только бросим якорь, опий мистера Бернэма надобно перегрузить на «Ибис».

Проснувшись утром, пассажиры «Лани» узрели неземную картину: из морской глади, которая еще вчера была темно-синей, а нынче переливалась всеми оттенками бирюзового, вздымались сотни скалистых островков, похожих на зубы

дракона. В массе своей пепельно-серые, эти каменистые клочки суши были увенчаны зубчатыми грядами, а кое-какие похвалялись еще и отвесными утесами, в которые вцепились причудливо искривленные карликовые деревья. То и дело из укрытия того или иного острова появлялось какое-нибудь судно невероятного облика: высокобортная рыбацкая лодка, джонка с плетеными парусами или, точно привет из прошлых веков, лорча, похожая на галеон.

Удивительное зрелище словно заворожило обитателей подпорченной бурей «Лани», и только крик сигнальщика *Кинара агил хай* разрушил чары. Известие о земле на горизонте всех привело в движение, и даже раненые, едва державшиеся на ногах, приковыляли на главную палубу, дабы бросить взгляд на край под названием Маха-Чин.

Поначалу берег выглядел размытым пятном, но вот обрисовались его контуры, и пассажиры, достав карты и подзорные трубы, пытались идентифицировать проступавшие черты суши. Сверившись с компасом, мистер Дафти ткнул пальцем на северо-восток:

— Вон там остров Гонконг.

Ширин так ухватилась за планшир правого бор-

та, что побелели костяшки пальцев, и, подавшись вперед, всмотрелась в подступающий берег.

— Вот, возьмите. — Тронув ее за локоть, Фредди протянул подзорную трубу. — Будет виднее, ла. Вон он, Гонконг, самый высокий большой остров.

Облака окутывали вершины холмов, голые склоны которых выглядели бесплодными. Остров казался почти необитаемым — лишь горстка хижин на берегу.

Разглядывая продуваемый ветрами кряж, Ширин сглотнула ком в горле: так вот где Бахрам нашел свой последний приют. Вот где завершился его жизненный путь — на неприветливом пятачке земли, далеко-далеко от родного Гуджарата. Хмурая пустынность острова навеяла щемящую грусть. Ширин безуспешно пыталась разглядеть захоронение.

— Как вы думаете, сегодня сможем посетить могилу Бахрама? — спросила она Задиг-бея, стоявшего рядом.

Тот потер подбородок.

— Сегодня вряд ли, биби-джи. Сперва надо разыскать моего приятеля Дрозда и удостовериться, что ваше проживание в Макао устроено. Но я обещаю — при первой возможности мы с

вами отправимся на Гонконг.

— Видите вон тот мыс слева по ходу? — прогремел мистер Дафти, показывая на северо-запад. — Где-то там Макао.

Стоя на палубе, из-под козырька ладони Раджу смотрел вдаль: Макао — конечная цель его пути, место, где он воссоединится с отцом! Уже не было сил сдерживать бурлящую нетерпеливую радость, и он поделился с Дики:

— Вот туда-то мне и надо, в Макао! Там мой дядя!

Скривившись, приятель завистливо вздохнул.

— Везет же некоторым, мля! У них кого только нет — и дядюшки с тетушками, и папаши с мамашами! — Он сплюнул в пенистую волну за бортом. — А вот у нас, приютских сирот, ни одного захудалого родича.

В тоне Дики, вроде бы шутливом, проскользнула нота, от которой Раджу сник, и его горячее желание скорее покинуть корабль сменилось неловкостью от того, что он так легко готов расстаться с другом. Смущенный Раджу поплелся в каморку собирать свои нехитрые пожитки. За этим его и застал Захарий.

— Ну что, малыш, дорожки наши, как я понимаю, расходятся?

— Да, сэр. — Раджу застенчиво протянул ладонь. — Спасибо, что взяли меня с собой. Без вас, сэр, ничего бы не вышло.

Захарий улыбнулся и пожал ему руку.

— Ты славный парнишка. Надеюсь, у тебя все сложится хорошо.

Через минуту корабельный колокол возвестил о появлении на горизонте эскадры.

Бегом вернувшись на палубу, в левом краю устья Жемчужной реки Захарий и Раджу увидели большое скопление британских флагов.

На живописном природном фоне эскадра смотрелась еще выразительнее, чем в Сингапуре, обилие мачт с флагами и вымпелами производило впечатление огромной крепости, поднявшейся из воды.

На якоре стояли двадцать боевых кораблей, включая три линкора, «Уэлсли», «Мелвилл» и «Бленхейм», с семьюдесятью четырьмя пушками, два фрегата, «Друид» и «Блонд», с сорока четырьмя орудиями и целых четыре парохода. Вокруг них скучились двадцать шесть транспортных и грузовых судов с такими именами, как «Футти Салам», «Хугли», «Рахмани», «Сулимани», «Рустомджи Ковасджи» и «Назарет Шах». Меж кораблями шныряли, точно изголодавшиеся

рыбины, десятки маркитантских лодок с большим ассортиментом товаров — овощами, мясом, фруктами, сувенирами.

Южный фланг эскадры охранял фрегат «Аллигатор» с двадцатью восемью пушками. Поравнявшись с ним, «Лань» отвязала буксировочные канаты, ибо в своем нынешнем состоянии не могла пройти сквозь толчею судов к «Ибису», стоявшему в отдалении.

Она еще не успела бросить якорь, как со всех сторон к ней ринулись боты, габары и другие маркитантские лодки.

Чтобы перегрузить изрядное число ящиков с опием, ушло немало времени, и Захарий, исполняя долг сопровождающего, ступил на борт баркаса уже далеко за полдень.

Духота ощущалась горячей припаркой, в мареве от парного безветрия мачты кораблей казались дрожащими миражами.

Баркас как раз огибал форштевень малого корвета, когда на встречной быстроходной гичке Захарий, сидевший на корме, углядел ярко-оранжевое пятно, через минуту обретшее знакомые очертания.

— Ноб Киссин-бабу?

— Мастер Зикри! — вскричал гомуста. — Вы

ли это? — Вне себя от радости, он было вскочил на ноги, но поспешно плюхнулся на лавку, ибо в своем порыве едва не опрокинул гичку. — Жить вам сотню лет! Вас-то мне и надо по весьма срочному делу!

— Что еще такое?

— Капитан Чиллингворт слег в жестоком нездоровье — стул то кашицей, то комочками. Язык стал темным и шершавым, как хвост бандикута. Капитан эвакуирован в Манилу. Я счастлив сообщить благоприятную весть: вместо себя капитаном «Ибиса» мистер Чиллингворт назначил вас.

— Меня — капитаном? — Захарий сощурился. — Вы издеваетесь, что ли?

— Ай-ай-ай! — Ноб Киссин огорченно покачал головой и прищелкнул языком. — В подобном деле я бы не позволил себе легкомыслие. Сейчас я докажу, что не посмеиваюсь в рукав. — Гомуста подал Захарию запечатанный конверт: — Вот собственноручный приказ мистера Чиллингворта. Какая удача, что вы объявились нынче. Вам надлежит приступить к обязанностям немедля. Отбытие ускорено, завтра мы поднимаем паруса. — Он подался к Захарию, изучавшему бумагу, и понизил голос: — Открою вам один секрет: это

была моя идея, хотя я лишь подсказал мистеру Чиллингворту, что вы годны для капитанской должности. Видите, как ладно все устроилось? Вы сможете продать весь опий, свой и мистера Бернэма. Скоро будете в деньгах как в шелках.

Изумленный внезапным поворотом судьбы, Захарий разглядывал приказ.

— Мать честная, бабу, даже не знаю, что сказать!

Но гомуста уже переключился на иную тему:

— А что с мальчиком, Раджу? Надеюсь, он вам не докучал?

— Нет, ничуть. Он на «Лани», собрал вещички и готов отправиться к дяде.

Ноб Киссин нахмурился:

— К сожалению, тут возникла проблема. Дядюшка недоступен, он отбыл из Макао и перебрался на материк. Ничего, я объяснюсь с Раджу.

— Вы найдете его на корабле.

Баркас и гичка уже расходились, когда Захарий, кое-что вспомнив, приложил ладонь ко рту и крикнул:

— Бабу, как там дела с моим письмом к мисс Ламбер?

— Оно получено адресатом, мастер Зикри! — ответно прокричал гомуста. — Не волнуйтесь,

доставлено в собственные руки!

Как только «Лань» встала на якорь, капитан Ми и субалтерны отбыли на линкор доложиться коммодору Бремеру и полковнику Баррелу. Их отъезд ничуть не огорчил Кесри, ибо он наконец-то получил возможность уделить внимание тем, кто в нем больше всего нуждался, — сипаям и обозникам.

События последних дней — удар молнии, потеря мачты, смерти и увечья — многих повергли в состояние полного безразличия к происходящему вокруг. По прибытии на место ситуация не улучшилась: словно в трансе, люди бродили по палубе, тупо озирая незнакомые окрестности и рассеянно прислушиваясь к гомону, доносившемуся с маркитантских лодок.

Кесри понимал, что надо привести солдат в чувство, но не успел что-либо предпринять до появления медицинской бригады, прибывшей забрать раненых. В суматохе он промедлил с отправкой людей в трюм и позже крыл себя за эту оплошность, ибо эвакуация происходила у всех на глазах.

Мало кто из пострадавших мог покинуть судно обычным путем, и потому тяжелораненых, кому не годились забортные трапы и грузовой

подъемник, укладывали в подвесные носилки и лебедкой опускали в лодки.

Душераздирающие крики раненых флейтистов терзали слух, однако самая жуткая сцена разыгралась при эвакуации изувеченного пандита. Из лазарета его вынесли бесчувственным, но когда носилки с ним оторвались от палубы, он вдруг резко сел, точно марионетка, подчиняющаяся кукловоду. Безумные, налитые кровью глаза его обшарили корабль, и он издал пронзительный, леденящий кровь вопль, призывая бога смерти Ямараджа.

В лодку пандита опустили уже мертвым.

В нанятом сампане Задиг-бей отправился разыскивать Дрозда. Ширин показалось, что отлучка его длится ужасно долго. Она уже стала беспокоиться, но часовщик вернулся в хорошем настроении.

Все устроено, сказал он, дом в Макао, найденный Дроздом, готов принять постоялицу.

Ширин облегченно выдохнула.

— Очень хорошая новость, Задиг-бей. Надеюсь, вы поблагодарили Дрозда от моего имени? А я уж подумала, что-то пошло не так.

Часовщик поспешил объяснить, что долго выспрашивал место стоянки «Редрута», Дрозда же

нашел в большом воодушевлении — оказалось, вместе с английской эскадрой тот отбывает на север.

— Вот как? — удивилась Ширин. — Он поступил во флот?

Задиг расхохотался.

— Нет, биби-джи, менее всего Дрозд склонен к мореходству. Он зачислен художником. По его словам, сейчас это модно: для потомков живописец запечатлевает подвиги и победы армии, которую сопровождает в походе. Приглашение поступило от полковника, нельзя упускать такой шанс. Завтра Дрозд отплывает.

— Какая жалость! — огорчилась Ширин. — Я бы хотела с ним познакомиться.

— И он мечтает о встрече с вами, биби-джи. Во время кантонского кризиса Дрозд бывал в доме Бахрам-бхая. Он бы желал выразить вам свои соболезнования, но, к сожалению, уже не успевает. Дрозд шлет вам привет и обещает по возвращении нанести визит вместе со своей подругой Полетт.

— Вы и ее видели?

— Да, она тоже хочет встретиться с вами. Знаете, Полетт была на острове, когда обнаружили тело Бахрама.

— Правда? Я не знала. Удивительное совпадение.

— Вовсе нет, биби-джи, Полетт много времени проводит на Гонконге. — Задиг показал на остров: — Видите вон тот высокий холм? Мистер Пенроуз, попечитель девушки, устроил там ботанический питомник. Однако он слаб здоровьем, и забота о растениях легла на плечи Полетт, которая ежедневно к ним наведывается.

— Одна?

— Зачастую одна. Она облачается в мужскую одежду, и никто к ней не пристает. В тот день Полетт была на холме. От питомника хороший обзор бухты и берега; заметив суету, Полетт спустилась к песчаной косе, где увидела Вико, секретаря и ласкаров с «Анахиты», сгрудившихся у тела Бахрама.

Ширин долго молчала, глядя на махину острова, потом сказала:

— Я бы хотела поговорить с Полетт.

— Уверен, возможность скоро представится, ибо желания ваши обоюдны.

В сумрачной каморке Раджу оцепенело слушал новости от Ноб Киссина-бабу: отец его уже не в Макао, но служит в Кантоне; связаться с ним невозможно, поскольку Жемчужная река бло-

кирована; всякая попытка послать ему весточку чревата опасностью навлечь подозрение, однако попробовать можно…

Не утерпев, он перебил гомусту:

— *Апни читхи ликечхилен на?* Вы же ему писали, верно? Сообщили о моем приезде?

— Да, конечно. Но, видимо, письмо его не застало, он уже покинул Макао. К моему приезду связь с ним была утрачена.

Не слушая объяснений, Раджу напустился на вестника, словно тот был всему причиной:

— Но почему он уехал, почему не дождался?

— Потому что ничего не знал. Вины его в том нет, разве мог он представить, что ты отправишься на его поиски? Знай он об этом, он бы, конечно, дождался. Надо только придумать, как его известить, и тогда он сразу за тобой приедет.

— Но сейчас-то как мне быть? — в отчаянии воскликнул Раджу. — Где жить, у кого?

Слезы в его голосе встревожили гомусту.

— Послушай, завтра я отбываю на «Ибисе», капитаном которого назначен мистер Рейд. Если хочешь, возьмем тебя юнгой.

— Нет! — сверкнул глазами Раджу. — Не нужен мне другой корабль! На «Лани» у меня друзья, зачем нам расставаться? Мало того, что я не

встретился с отцом, так вы намерены лишить меня товарищей?

Обвинение, звеневшее в его тоне, не оставило бабу иного выбора, как мысленно воззвать к небесам — *Хе гобиндо, хе гопал!* Ноб Киссин уже раскаялся, что взвалил на себя этакую обузу, — не разыщи он в Калькутте мальчика и его мать, сейчас жил бы спокойно.

Но решение о том, как уже часто бывало, приняла его духовная наставница мать Тарамони. Давно взирая на Нила с материнской любовью, она повелела, чтоб по возвращении из Китая гомуста непременно отыскал его жену. Ты просто обязан, сказала наставница, известить несчастную женщину, что муж ее жив и когда-нибудь заберет ее вместе с сыном.

Невзирая на имевшиеся сомнения, Ноб Киссин подчинился наказу матери Тарамони, думая, что тем дело и кончится. Ему даже в голову не пришло, сколь серьезную опасность представляет своенравный упрямый мальчишка, который, получив известие, тотчас принялся канючить, требуя, чтобы Ноб Киссин, всего лишь посланник, поспешествовал ему в поисках отца.

Гомуста, конечно, пытался возразить, но ему помешала злосчастная черта его натуры — неиз-

бывный страх перед детьми. Не по зубам коварным сетам и жестоким заминдарам, он не умел сопротивляться просьбе ребенка, и причиной тому было не его мягкосердие, но безотчетный страх перед ужасной силой детской беспомощности. Когда распахнутые ребячьи глаза светились гневом или огорчением, ему казалось, что они обладают способностью к нанесению всяческой порчи. Он был готов на что угодно, лишь бы избежать их проклятия, а Раджу как будто это угадал и воспользовался его слабостью, осадив мольбами, улещеньем и скрытыми угрозами.

И мамаша вовсе не пыталась одернуть парня, но, напротив, примкнула к его горячим просьбам: в Калькутте сына ничего не ждет, он стал непоседлив и неуправляем. Коли останется здесь, он плохо кончит, пусть уж послушается зова сердца и едет на поиски отца.

И вот Ноб Киссин согласился всучить мальчишку Захарию, полагая, что нужно лишь добраться до Макао, а там им озаботится отец.

И нате вам!

— Послушай, Раджу, ведь я предупреждал, что будет трудно, — сказал гомуста. — Но ты был тверд в своем решении ехать, невзирая на любые преграды. Так прояви терпение. Обещаю, я что-

нибудь придумаю, только надо подождать.

И вот тут возник тот взгляд, которого он больше всего боялся, — в распахнутых глазах мальчика плескались боль и огорчение.

— А сколько ждать?

Взбаламученный Ноб Киссин вскочил на ноги:

— Не знаю. Я ухожу, пора повидаться с мистером Дафти. Пока меня нет, подумай, что тебе делать.

Гомуста скрылся. Раджу съежился в углу каморки, перед затуманенным взором его вновь возникла картина ареста, два года назад произошедшего в их калькуттском доме. На крыше они с отцом запускали воздушных змеев, когда камердинер сообщил о приходе полицмейстера с вооруженным конвоем. Отец обещал вернуться через десять минут. Даже после того, как его увезли в крытом экипаже, Раджу еще долго ждал на крыше.

Сейчас его вновь охватило то давнее зябкое ощущение пустоты и брошенности, но теперь он был старше и больше не верил обещаниям. Он понял, что нельзя ждать, пока Ноб Киссин или кто другой распорядится его судьбой, до воссоединения с отцом все придется решать самому. От мысли этой легче не стало, ибо он понятия не

имел, куда податься и что делать.

И тут в переборку, отделявшую от трюма обозников, знакомо постучали, а следом послышался голос Дики:

— Эй, Раджу, ты там, что ли?

— Да.

— А чего так? Ты же куда-то намылился, в Маку или как его там.

— Облом, мля. Дядя уехал.

— И чего будешь делать?

— Не знаю, мля.

Через паузу Дики сказал:

— Слушай, давай к нам в оркестр, а? Нынче я слышал, как тамбурмажор говорил о нехватке флейтистов.

Уже смеркалось, когда офицеры вернулись с линкора. Взбираясь по забортному трапу, субалтерны возбужденно переговаривались, слышался голос живчика-корнета:

— Надо же, какое невезенье! А я уж размечтался, как укокошу своего первого косоглазого…

Капитан Ми замыкал подъем, но говорил всех громче:

— Уж будьте покойны, эти сволочные ирландцы не преминут похвастать своими приключениями на севере…

Кесри предположил, что бенгальских волонтеров не отправляют на боевую позицию. Это радовало, ибо после недавних передряг подразделение было не готово еще к одному морскому переходу, не говоря уже о боях. Появилась надежда, что вскоре они высадятся на берег и встанут лагерем на твердой земле.

Позже капитан Ми вызвал его к себе, и он убедился в верности своей догадки. Завтра основные силы эскадры уйдут на север и займут позицию возле острова Чусан. Вторая рота остается на «Лани», которая встанет неподалеку от Гонконга. Вместе с отрядом английских моряков они обеспечат охрану торговой флотилии и британских подданных в этом районе.

— Жаль, что мы пропустим боевые действия, — сказал капитан. — Но командование считает, нам нужно какое-то время, чтобы прийти в себя.

— Лишек времени не помешает, каптан-саиб, — тихо проговорил Кесри.

— Почему это? — Ми бросил недоуменный взгляд. — Что у тебя на уме?

Самое большое беспокойство вызывали потери среди обозников — некомплект оружейников не позволял полноценно использовать мортиры и гаубицы.

— Мы лишились многих из артиллерийской прислуги, каптан-саиб. Требуется пополнение.

— Не представляю, что с этим можно поделать. Где тут найдешь пушкарей?

— Может, наберем из матросов, сэр?

— Что ж, на худой конец… Дай знать, если приглядишь годных.

— Слушаюсь, сэр. Не знаете, когда высадка на берег?

Ответ капитана огорчил:

— Пока остаемся на корабле, хавильдар. Решение примет капитан Смит с «Ветреного», он отвечает за весь южный участок.

Развернув карту, Ми объяснил дислокацию. Дельта Жемчужной реки напоминала перевернутую воронку, узкий конец которой смотрел на север. Остров Гонконг и рог Макао были на противоположных краях ее горловины. Сейчас «Лань» стояла ближе к Макао, но вскоре переберется в гонконгскую бухту, где расположилась большая часть английской торговой флотилии.

Капитанский палец, минуя скопление островов, неторопливо двигался к месту, где раструб воронки переходил в ее ножку.

— Вот пролив Бокка-Тигрис, его еще называют «полосатиком».

Кесри слышал о нем от ласкаров, которые называли этот рукав «шер-ка-му», «тигриная пасть».

— Тут хорошо укрепленный форт, — сказал Ми. — Случись боевое столкновение, оно произойдет именно здесь.

Могила Бахрама была на краю долины в форме чаши, окруженной крутыми холмами. В гонконгской деревне Шэн Вань, куда добрались лодкой, они наняли лошадей и проводника, сказавшего, что место это называется *Ван Най Чеон*, Долиной Счастья. Прибрежная тропа привела их к восточному краю бухты, где, взяв левее, они поднялись на холм.

Внизу расстилались рисовые поля, орошаемые бамбуковыми акведуками. На одной стороне долины высился иссеченный ветрами гранитный утес, увенчанный огромным продолговатым валуном, перед которым лежала кучка красных бумажных флажков и благовонных палочек. Проводник поведал, что к этому Греховодному Камню приходят женщины, мечтающие забеременеть.

Могила Бахрама на другом краю долины представляла собой скромное каменное надгробие без всяких украшений, но с одним лишь именем «Бахрам-джи Навроз-джи Моди».

— Мы ограничились этой надписью, поскольку не знали пожеланий семьи, — смущенно сказал Задиг.

— Так хорошо, — кивнула Ширин. — Когда представится возможность, добавим строки из Авесты.

Она тихонько прочла молитву Срош-Бадж, а Фредди возложил на могилу цветы и фрукты. За весь день он не проронил ни слова и заговорил только на обратном пути в деревню:

— Не сердитесь, биби-джи, но я не вернусь в Макао.

— А куда ты поедешь? — удивилась Ширин.

— Останусь здесь. Проводник сказал, в деревне можно снять жилье.

— Но почему?

— Отец, он тут, — прошептал Фредди. — Я его чувствую. Он хочет, чтобы я остался.

Глава 14

С прибытием английской эскадры поползли слухи о награде, которую китайские власти сулили за плененных и убитых чужаков. Кроме того, появились сообщения о стычках между иноземцами и жителями селений в устье Жемчужной реки.

Однако Гонконг составлял исключение — здесь иностранцы свободно передвигались по острову, не опасаясь враждебных действий. Островитяне давным-давно привыкли к приезжим, и многие даже извлекали выгоду из присутствия чужаков, как, например, староста деревни Шэн Вань, сдавший в аренду Пенроузу делянку под питомник на склоне самой высокой горы.

Хорька прельстило отнюдь не местоположение участка, тропа к которому начиналась на прибрежной опушке и сразу круто уходила вверх, петляя меж каменных выступов и пересохших русел. Подъем был настолько труден, что Хорек, чьи старые кости частенько подвергались атакам ревматизма, потом неделями не вставал с постели.

Однако высотное положение делянки имело свои преимущества: в болотистых низинах изводило засилье комаров, которых почти не было наверху. Вдобавок тамошняя почва была плодороднее, а для полива вполне хватало воды из журчащего ручья, что сбегал по взгорбленному островному хребту; кроме того, впадина, где умостился участок, служила ему защитой от бурь.

Великолепный вид с горы на гонконгскую бухту и материковый Коулун не привлекал безнадежно близорукого Хорька, но потрясающие картины, постепенно открывавшиеся по дороге к питомнику, впечатляли Полетт, и потому даже крутой подъем ей доставлял удовольствие.

Островитяне именовали этот массив *Тайпин Шань*, Гора Спокойствия, и Полетт считала, что лучше названия не придумать: царившая здесь безмятежность не давала ни малейшего повода опасаться за свою жизнь. Питомник казался вполне безопасным местом еще и потому, что в нем работали два наемных садовника — дружелюбная пожилая супружеская пара из местной деревни; ее присутствие вселяло такую уверенность, что у Полетт и мысли не было обзавестись оружием.

Но с появлением английской эскадры ситуация

изменилась — пошли разговоры о нападениях на иностранцев, и Хорек потребовал, чтобы Полетт брала с собой пистолеты. Ради его спокойствия она не стала перечить, хотя думать не думала, что когда-нибудь порадуется своей вооруженности. Однако такой день настал.

Покончив с работой в питомнике, Полетт пришла на берег, откуда ее обычно забирала гичка «Редрута», и увидела странного человека, который, обхватив руками колени, сидел на песке.

Сюда мало кто наведывался, разве что местные рыбаки, но человек в брюках, поношенном сюртуке и шляпе выглядел иностранцем. Заметив девушку, он поднялся. Теперь Полетт рассмотрела, что, вопреки одежде, он вовсе не европеец — черты лица выдавали в нем явного китайца, уже не юношу, но еще не старика. Что-то в его облике — впалые щеки, ввалившиеся глаза, жиденькая бородка — внушало тревогу, и Полетт расстегнула сумку, в которой лежали пистолеты.

Но тут во взгляде человека промелькнуло нечто, вдруг напомнившее ей еще об одной встрече на этом берегу, случившейся годом ранее. И тогда ее узнал тот, кого сама она, хоть убей, не признала бы.

— Мисс Полетт? — Приподняв шляпу, человек

отвесил поклон, совместивший в себе европейскую и китайскую манеры.

— Прошу прощенья, мы знакомы?

— Меня зовут Эфраим Ли, — степенно сказал человек, приложив шляпу к груди. — Еще меня называют Фредди. Но вам, вероятно, я известен под иным именем, ла. Помните А-Фатта с «Ибиса»?

О боже! Полетт прихлопнула ладонью изумленно приоткрывшийся рот.

— Как вы меня узнали?

Фредди усмехнулся:

— «Ибис» породил удивительные связи, э?

Тогда она видела этого человека лишь издали, и он запомнился смутной угрозой, читавшейся в его скуластом неулыбчивом лице и гибкой мускулистой фигуре. Однако сейчас никакой угрозы от него не исходило, напротив, вид у него был несколько загнанный.

— Что привело вас сюда, господин Ли?

— Я давно ждал возможности попасть в эти края, мисс Полетт.

— Вы что же, бывали здесь раньше?

Фредди покачал головой.

— Нет, но я видел это место, — сказал он, словно это само собой разумелось.

— Когда? Где?

— В снах. И нынче я сразу его узнал — тут нашли тело Бахрама Модди. В тот день вы же были здесь, э? Об этом я знаю от своего крестного, господина Карабедьяна.

Полетт вдруг вспомнила, что в то утро ей сказал Нил: А-Фатт — родной сын сета Моди.

— Я сочувствую вашей утрате, господин Ли.

В знак благодарности Фредди коснулся полей шляпы, и Полетт заметила, как сильно дрожит его рука. Видимо, он перехватил ее взгляд, потому что сцепил руки, словно пытаясь унять дрожь.

— Давайте на минутку присядем, мисс Полетт. — Фредди кивнул на тенистый пятачок под нависшей скалой. — Не могли бы вы рассказать, что происходило в тот день, когда море отдало тело моего отца?

Полетт не видела причин для отказа.

— Конечно, я расскажу все, что помню.

Усевшись на полянке, заросшей дикой травой, она поведала, как в тот памятный день спустилась к берегу и была ошеломлена тем, что один из индусов, сгрудившихся возле обнаженного мертвого тела, ее узнал.

— Нил?

— Да, только он просил не называть его этим

именем.

Фредди кивнул, после чего надолго замолчал. Когда он вновь заговорил, голос его был напряжен и глух:

— Я вот о чем хотел спросить: вы не заметили веревочную лестницу, свисавшую с корабля?

Полетт вмиг поняла, что упустила важную деталь — ведь именно лестница привлекла ее внимание к шхуне. Помнится, еще возникла мысль: кому и зачем понадобилась спускать ее в воду?

— Да, верно, я видела лестницу на корме. А как вы узнали?

— Она тоже мне снится, ла, — сказал Фредди и дрогнувшим голосом добавил: — Не возражаете, если я покурю?

— Ничуть.

Полетт думала, он свернет цигарку, но из карманов сюртука появились длинная трубка и медная коробочка. Тотчас все встало на свои места — дрожащие руки, изможденный вид. Поняв, что перед нею опийный пристрастник, Полетт слегка отпрянула, однако с интересом следила за его манипуляциями.

После получения письма Захария она много размышляла об опии и его целебных свойствах.

Письмо явилось страшным ударом, оно не только ранило, но заставило задаться вопросом: может, все радужные мечты и надежды были всего лишь иллюзией, несбыточной грезой? Она помнила, как в Ботаническом саду Памплемуса ждала Захария, и свой восторг от того, что заброшенный, запущенный сад выглядел воистину Эдемом, в котором произойдет счастливое воссоединение с ее Адамом. Она знала, что любовь их превзойдет даже историю Поля и Виржини, над судьбой которых так часто лила слезы, ибо их-то чувство свободно и будет радостно закреплено телесно. Здесь, в этом саду, она примет в объятья своего избранника, и под звездами они повенчаются душой и плотью, сотворив свой собственный мир, далекий от пут и требований света, сами решат свою судьбу, и тела их восторженно сольются, подчиняясь природному зову, который суть истинный, незамутненный смысл бытия.

Бродя по дому бывшего куратора сада, она увидала комнату, идеально подходившую для брачной ночи, и соорудила ложе на полу (в Эдеме же не было кроватей!), украсив его цветами, а окна — гирляндами из полыни. Она проплакала всю первую ночь, а потом другую и следующую, потому что возлюбленный так и не появился, но

даже эти ночи были ей дороги, и она, часто их вспоминая, представляла долгожданное единение с любимым, всегда видевшееся на острове: оба в белых рубахах и штанах, они, истосковавшиеся по любви, мчатся навстречу друг другу.

Прежде она радостно погружалась в созерцание подобных картин, но после письма, объявлявшего о разрыве отношений и никак не объяснявшего причину столь резкой перемены, ее охватили стыд и отвращение к собственной глупой наивности, до того жгучие, что возникло желание отыскать какое-нибудь средство избавления от них. И сейчас она зачарованно следила за собеседником, который, разогрев чешуйку опия, вдохнул дым. Воздействие зелья проявилось тотчас: руки Фредди больше не дрожали, он успокоился, прикрыл глаза и, сделав два-три глубоких вдоха, вернулся к разговору:

— Так что с этой лестницей, мисс Полетт? Для чего она?

— Не знаю, я сама удивилась.

Фредди вяло улыбнулся.

— Возможно, мы это выясним, когда вернется «Анахита».

— Она возвращается?

— Да, я это видел во сне.

Они сидели в дружелюбном молчании, и впервые за последнее время на Полетт снизошел покой. Догадываясь, что воронка в сердце Фредди еще глубже ее раны от письма, она чувствовала в нем родственную душу, с которой теперь ее связывали узы даже крепче тех, что возникли на «Ибисе».

Еще минута — и Полетт обратилась бы с просьбой отведать опий, но тут появилась пришедшая за ней гичка.

Через неделю после ухода части эскадры капитан Смит, командующий южного фронта, решил, что сипаям пора оставить корабль и встать лагерем на острове Ша Чау.

Получив эту новость, Кесри возликовал, ибо после долгих месяцев на «Лани» просто не чаял оказаться на твердой земле. Однако радость его померкла после изучения местности, проведенного совместно с капитаном Ми.

Остров был недалеко от Гонконга — омываемый водами, которые чужеземцы называли Бухтой Тангу, он лежал на пути к устью Жемчужной реки. К югу от него виднелся скалистый остров Линтин, к северу — мыс Тангу, на котором подразделение китайских солдат занималось боевой подготовкой. Продуваемый ветрами Ша

Чау был невелик и гол: ни кустика, ни деревца на трех невысоких холмах. Менее приветливое место было трудно представить, но приказ есть приказ и обсуждению не подлежит.

В ложбине меж двух холмов разведчики наметили места для офицерских и солдатских палаток, и следующим утром хозвзвод принялся за возведение лагеря, а еще через пару дней вся рота и обозники вместе с багажом амуниции и вооружения перебрались на остров.

Вскоре установился распорядок лагерной жизни: с раннего утра занятия и смотры, а потом все пережидали полуденный зной, прячась в укрытии парусиновых палаток, плохо защищавших от жары.

Офицеры частенько отъезжали в Макао или на Гонконг, но сипаи и обозники не имели подобной отдушины, для них остров стал тюрьмой с ее изматывающим однообразием и лишениями — никаких тебе развлечений, кроме редких визитов маркитантских лодок.

В один прекрасный день Кесри, искавшего способ избавиться от скуки, осенила идея обустроить борцовскую арену. Капитан Ми предложение одобрил, и Кесри тотчас взялся за дело: с помощью добровольных помощников взрыхлил

участок вблизи от сияющих синевой морских вод. На правильную подготовку земли, смешанной с куркумой, растительным и топленым маслом, ушло несколько дней, и когда все было готово, Кесри лично открыл арену молитвой к Хануману.

И вновь, как он рассчитывал, арена, дав возможность выплеснуть излишек энергии, способствовала возникновению товарищеской атмосферы, предлагая событие, которого всякий раз нетерпеливо ожидаешь. В лагере скученность людей была еще больше, чем в Калькутте, и потому Кесри проследил, чтобы в состязаниях участвовали уборщики, прачки, цирюльники и прочие обозники. Кое-кто из сипаев этим был недоволен, но Кесри заткнул рот ворчунам, ознакомив их с нерушимым правилом акхары: на арене нет мирских сословий, здесь все равны. Иные возражения — мол, слабакам-обозникам не тягаться с сипаями — тоже были несостоятельны: среди пушкарей, бомбардиров и водоносов нашлись здоровяки, вполне способные постоять за себя в борцовской схватке.

Вскоре весть об арене вышла за пределы острова, и несколько английских моряков изъявили желание участвовать в состязаниях. Правда, выяснилось, что их больше интересует кулачное

единоборство под названием «бокс», которое Кесри терпеть не мог, считая его заурядной дракой. Он разъяснил морякам, что их выход на арену возможен только по правилам кушти. Англичане добродушно согласились, став хорошей добавкой к расширяющемуся кругу борцов.

Однажды капитан Ми, вернувшись с Гонконга, рассказал о молодом купце-парсе, только что прибывшем из Манилы на собственном корабле, в команде которого имелся ласкар, слывший опытным борцом. Купец, большой поклонник спорта, горел желанием, чтобы тот показал себя на арене.

Как раз подоспел праздник Нага Панчами, и Кесри решил отметить это знаменательное событие турниром с участием только самых опытных борцов. Через капитана Ми упомянутый ласкар получил приглашение испытать свою удачу.

Состязание было в полном разгаре, когда к берегу подгреб двенадцативесельный бот. Из лодки вышел молодой мужчина, широкоплечий, с тяжелым подбородком, и поздоровался с капитаном Ми. В европейской одежде он выглядел англичанином до кончиков ногтей, но Кесри смекнул, что это тот самый судовладелец-парс, чей ласкар приглашен на турнир. Звали купца

Диньяр Фердун-джи.

Он приветствовал Кесри и, кивнув на бот, сказал, что один из гребцов и есть его борец. Уточнять, кто именно, было излишне, поскольку тот человек, даже сидя, возвышался над всеми остальными, а его медленный переход в стоячее положение напоминал подъем раздвижной лестницы. Но вот он выпрямился, и стало видно, что плечи его почти в ширину лодки, весло же в его руках выглядело лучиной. В отличие от других ласкаров, одетых на индийский манер, он был в серых штанах и белой рубахе, оттенявшей его темную кожу. Огромная голова его была под стать массивному телу, однако лицо, будто сглаживая устрашающее впечатление от размеров фигуры, несло выражение бесконечного терпения и мягкости. Глядя на неуклюжую походку гиганта, Кесри решил, что тот, видимо, вообще медлителен и потому в схватке его вес и размеры можно использовать против него.

Но когда ласкар разделся до подштанников, поведение его резко изменилось. Кесри внимательно следил, как великан похлопывает себя по груди и плечам, расслабляя мышцы, и с впечатляющей ловкостью выполняет разминочные упражнения *данд-тхонк*, потягивания и

отжимания. Потом он вышел на арену и принял идеальную стойку: вес распределен равномерно, голова точно над выставленной вперед ногой, подбородок на одной линии с коленом.

Противником ласкара был крепкий молодой сипай, один из лучших учеников Кесри. Он с ходу попытался провести недавно освоенный прием *сакхи*: подсечка и бросок.

Но ласкар легко блокировал ногу соперника и плавно перешел в атаку, применив захват, в котором Кесри распознал безупречно выполненный *дхак*. Через секунду сипай был на лопатках и схватка завершилась.

Затем на арену вышел мощный моряк, коронным приемом которого был *каладжанх*: нырок под руки противника и захват ноги. Кесри понял, что ласкара этим не удивишь, он владеет контрприемом *печ*. Так оно и вышло: руки моряка схватили воздух, и через мгновенье он оказался на земле, безуспешно попытавшись не дать перевернуть себя на спину.

Удивительно, что ласкар как будто не радовался своим викториям, он не делал традиционных победных жестов, но стоял понуро, словно в смущении. Это подзадорило еще двоих борцов попытать удачу, но финал был тот же: ласкар

пришпилил обоих к земле, продемонстрировав мастерское владением сложными приемами *бхакури* и *багал дабба*.

И тогда взгляды солдат обратились к Кесри, словно вопрошая, готов ли хавильдар постоять за честь роты. Он не мог их разочаровать, и, кроме того, ему самому было интересно сразиться с ласкаром. Шепотом помолившись Хануману, Кесри вышел на схватку.

Пару минут оба кружили по арене, изучая друг друга и обманными движениями провоцируя на необдуманный выпад. Затем с помощью *мултани* Кесри перешел в атаку: совершил разворот, чтобы оказаться за спиной соперника. Но ласкар был проворнее и сам очутился позади противника, вынудив его встать в партер.

Случалось, Кесри обращал эту позицию в свое преимущество — применял *дхоби пат*, бросок через плечо в манере прачки, что колотит белье. Но и тут у ласкара нашелся контрприем, который перевернул Кесри на спину.

Чувствуя близость победы, ласкар уперся плечом в грудь соперника, изготовившись всем своим весом припечатать его к земле. Лицо его было почти вплотную к лицу Кесри, и они случайно встретились взглядами. И вот тогда

произошло нечто странное: вместо финальной атаки ласкар вдруг ослабил захват, словно увидел что-то невероятное. Он как будто мешкал, тиски его рук разжались. Кесри воспользовался своим шансом, и в следующую секунду соперник был повержен.

Переменчивость удачи была столь необъяснимой, что Кесри проникся странной благодарностью к ласкару, избавившему его от позорного проигрыша на глазах у солдат. И все же он понимал, что в искусстве борьбы тот его превосходит, и потому, улучив момент наедине, спросил на хиндустани:

— *Кья хуа*, что это было?

Ласкар же ответил на его родном языке:

— *Хамаар саанс рук гоэл*, да просто сбилось дыхание.

— *Ту бходжпури каха се сикхала*, ты говоришь на бходжпури? — изумился Кесри. — Откуда ты родом?

Ласкар сказал, что воспитывался в христианском приюте в Гхазипуре и свое имя Маддоу Колвер получил в честь двух тамошних священников.

— Гхазипур? — переспросил Кесри. Для него это место было неразрывно связано с Дити. — Город,

где опийная фабрика?

— Он самый.

Кесри смолк, охваченный удивительным чувством родства с этим человеком: оба борцы, встретились на празднике Наг Панчами, у обоих связи с Гхазипуром — все это очень похоже на переплетение судеб.

И тут кое-что пришло на ум.

— Послушай, нам требуются силачи в орудийные расчеты, — сказал он. — Не желаешь стать пушкарем? Хотя бы на время, что мы здесь. Жалованье хорошее.

Колвер медлил с ответом, глядя на море и задумчиво почесывая голову, потом наконец кивнул:

— Ладно. Если сможешь это устроить и хозяин мой не будет против, я согласен.

Захарий вернулся на «Ибис» точно в родной дом.

Из Балтимора он, салага, вышел на этой шхуне в должности корабельного плотника. И вот три года спустя он вновь ступил на ее борт, но уже шкипером! Столь разительная перемена произошла не иначе как по вмешательству потусторонних сил. Теперь опытный моряк, Захарий знал, что отдельные корабли обладают разумом и даже душой, и ничуть не сомневался, что «Ибис»

тайно поучаствовал в его превращении.

Он вовсе не удивился тому, что шхуна его как будто узнала, приветственно покивав бушпритом. Но вот в команде не встретилось ни единого знакомого лица. Прежние ласкары все сгинули, новые матросы, набранные в Сингапуре, были в основном малайцы и филиппинцы. Помощники тоже были незнакомые — долговязый немногословный финн и угрюмый голландец. Общаться они могли только на темы управления судном, что оказалось во благо: не обладая словарным запасом для перебранок, помощники отлично ладили.

Захарий получил приказ отплыть на север вместе с парой груженных опием судов, барком и бригантиной. Оба корабля принадлежали сторонникам свободной торговли, старшим из которых был шотландец по имени Филип Фрейзер. Моложавый, сладкоречивый, всегда с иголочки одетый, он походил больше на врача, нежели на морехода. Оказалось, мистер Фрейзер и впрямь в Эдинбурге изучал медицину, но потом перебрался на Восток, где его дядюшка был заметной фигурой в торговле с Китаем. Как самый опытный из трех капитанов, он, по молчаливому согласию двух других, стал флагманом маленького конвоя.

Фрейзер проводил воскресные богослужения, и он же обучил коллег особому шифру, которым пользовались китайские торговцы опием, дабы одурачить таможенников, изъявших бухгалтерские книги.

Поначалу троица кораблей шла в кильватере эскадры, взявшей курс на север. На четвертый день они, по условному сигналу Фрейзера, покинули строй и свернули на восток. Корабли направились к порту Фучжоу и легли в дрейф, едва тот завиднелся на горизонте. Здесь, сказал Фрейзер, можно спокойно дождаться покупателей, не опасаясь докуки властей, ибо джонки таможенников редко выходят так далеко в море. Большей напастью были пираты, но и они, считал Фрейзер, вряд ли сюда сунутся, убоявшись британской эскадры. Однако береженого бог бережет, а потому необходимо на ночь выставить караулы и пушки держать наготове.

Вечером Захарий и капитан барка прибыли на ужин на флагманской бригантине, захватив с собою по дюжине ящиков опия. Решили, что мистер Фрейзер единолично убедится в надежности покупателей, буде они появятся, и уж тогда договорится о цене. Два других капитана останутся на своих кораблях, на всякий случай изготовившись

к орудийной стрельбе.

Однако обошлось без пальбы, ночная сделка была заключена удивительно легко и быстро. Около полуночи на северо-востоке возникли приближающиеся огни — фонари «резвого краба», облюбованного континентальными дельцами. С бригантины лодку окликнули, и толмач мистера Фрейзера быстро достиг соглашения. Вся операция, включая перегрузку трех дюжин ящиков с опием, заняла менее часа.

Получая свою долю выручки, Захарий обнаружил доход, на который не смел и надеяться: каждый ящик принес тысячу четыреста испанских долларов. Голова шла кругом от обладания суммой, достаточной для покупки корабля вроде «Ибиса».

— Кто покупатель? — спросил Захарий.

Оказалось, сделку провел агент одного из самых крупных оптовиков, известного под именем Линь Чон, или Ленни Чан.

— Он тот еще тип, — усмехнулся Фрейзер. — С виду знатный мандарин, весь в чванстве и мишуре, но по-английски стрекочет, что твой англичанин, да еще с лондонским выговором. Судьба его до того необыкновенна, что будьте любезны. В Кантоне он, еще мальчишка, был в услужении

у некоего Керра, англичанина-ботаника, который позже отправил его сопровождающим коллекцию растений в Лондон. Ленни основательно поработал в ботанических садах Кью, а затем вернулся в Кантон и основал собственный питомник. Связавшись с торговлей «черной грязью», он сумел создать крупнейшую розничную сеть в Южном Китае. Однако год назад, когда в Кантоне появился комиссар Линь, ополчившийся на опий, все переменилось, и Ленни пришлось уносить ноги, ибо его поместье было захвачено, а за голову его объявлена большая награда. Но он, ловкач, удрал на дальние острова и возобновил свою торговлю в открытом море.

Поделив выручку, Фрейзер приказал подать бутылку бренди, за которой потекла беседа. В основном говорил он сам в своей спокойной, размеренной манере. Речь его, увлекательная и убедительная, Захария буквально заворожила.

Совершенно ошибочно, сказал Фрейзер, считать англичан виновниками опийной торговли. Не откликнись они на спрос китайских потребителей, это сделали бы другие. Любые попытки перекрыть поток зелья, в котором так велика потребность, будут тщетны, ибо он сродни потопу, являющему собой природное явление, и

желание одного человека или всей нации его контролировать подобно стремлению удержать океанские приливы и отливы. Сей поток подчиняется абстрактным законам наподобие тех, что мистер Ньютон применил к движению планет. Согласно им, предложение соответствует спросу, как уровень воды — определенному часу дня.

Заявления китайских властей о вреде, который свободный поток опия наносит общественному благу, неверны и даже греховны. Истина в том, что наилучший и вообще-то единственный способ достичь общественного блага — позволить всем и каждому действовать в собственных интересах и по своему усмотрению. Вот зачем Господь одарил человека способностью мыслить: лишь когда он имеет возможность правильно рассчитать свою выгоду, возникает общественное благо — суть не что иное, как материальный достаток и социальная гармония. И впрямь, единственная истинная добродетель — разумный эгоизм, и коли дать ему распуститься пышным цветом, он сам создаст общественное благо, какое не снилось любому правительству.

Если кто и стоит на пути сих доктрин, продолжил Фрейзер, так это Китай с его раболепием перед властью и мелочным контролем в быту.

Только разрушив свои нынешние институты, только отринув былые пути и обычаи, народ сего отсталого края может надеяться на достижение гармонии и счастья. И в том историческая миссия свободных торговцев: обеспечивая беспрепятственное поступление опия, всего-навсего очередного торгового артикула, они творят добро для Китая.

Наступит день, когда китайцы, последовав примеру людей, ничем от них не отличных, примкнут к свободной торговле и, будучи народом трудолюбивым, непременно достигнут процветания. Из всех уроков, преподанных им Западом, этот наиболее важен. И сидящие за этим столом не враги, но истинные друзья китайцам, ибо помогают им усвоить означенный урок. Отсюда вывод: чем неустаннее торговля опием, тем похвальнее дело купцов, тем крепче дружба с китайским народом.

— Все это для их же добра, у китайцев нет друзей лучше нас!

— Хорошо сказано, мистер Фрейзер. — Захарий поднял стакан: — Вот за это и выпьем!

Дом, снятый Дроздом для Ширин, стоял на холме в центре Макао, занимая свое место в ряду «домов-лавок», окаймлявших покатую улицу

Игнасио Баптисты.

Узкое длинное строение под черепичной крышей и его небольшой задний двор напомнили Ширин старые дома парсов в Навсари Гуджарата. Скудно обставленные комнаты были, однако, уютны, и Ширин с Розой быстро в них освоились.

Оказалось, эта часть города хорошо знакома Розе — поблизости были церковь Сан-Лоренцо, куда она часто ходила на службы, и миссия Мизерикордия, прежнее место ее работы. Совсем рядом обитали и семьи выходцев из Гоа. В их общине Розу прекрасно знали, а потому встретили радушно, не обделив теплом и Ширин, не ожидавшую так скоро и комфортно обустроиться в Макао.

К вечернему чаю обычно заглядывал Задиг, который остановился у купца-армянина, жившего неподалеку. Иногда они с Ширин отправлялись на прогулку, извилистыми улочками вышагивая к Прайя-Гранде — широкой бухте, обрамленной роскошными особняками. По дороге Задиг делился последними новостями.

Направляясь к острову Чусан, английская эскадра зашла в порты Амой и Нинбо. На стоянках предпринимались попытки передать императору меморандум лорда Палмерстона, в котором

были изложены британские недовольства и требования, но задача оказалась невыполнимой — никто не желал принять послание. Портовые чиновники наотрез отказывали английским эмиссарам и порой проявляли враждебность.

В гавани Чусана эскадру встретила небольшая флотилия боевых джонок. Парламентеры старались убедить защитников острова сдаться без боя, но все напрасно. Будь что будет, заявили китайские капитаны, но они окажут сопротивление, и тогда английские корабли, встав в боевой порядок, открыли огонь. Ровно за девять минут они уничтожили китайскую флотилию и все береговые укрепления. Войска экспедиционного корпуса беспрепятственно высадились на остров и на следующий день захватили его столицу Тинхаэ. Над городом взвился британский флаг, английский полковник стал комендантом острова.

Все это было в точном соответствии с планом коммодора Бремера и капитана Эллиотта.

Под влиянием последних событий дневниковые записи Нила, датированные серединой июля 1840 года, стали отрывочны и были наспех сделаны, как всегда, на бенгали, но порой и на английском.

Как раз в то время в Гуанчжоу узнали о захвате Чусана и падении Тинхаэ. И тогда же пришло известие, что многочисленные торговые корабли, сопровождающие британскую эскадру, напропалую торгуют опием вдоль всего побережья.

Такое развитие событий стало тяжелым ударом для комиссара Линя, все еще лелеявшего надежду путем переговоров достичь соглашения, которое приведет к восстановлению торговых отношений. Но теперь, после проявленной британцами агрессии, он понял, что поголовное изгнание оккупантов — единственный способ пресечь опийную торговлю. И тогда повсюду были разосланы указы, сулящие награду за взятие в плен враждебных чужаков. В категорию эту попали не все иноземцы — португальцы, американцы и ряд других составили исключение. Указы были нацелены на британских подданных, а также купцов-парсов, сипаев и прочих индийских военных.

Только в Макао еще было изрядно британцев, и уж где-где, а там-то указы, как ожидалось, принесут плоды. И точно, вскоре в Гуанчжоу поспешил нарочный с сообщением: задержаны англичанин и двое его слуг-индусов, они переправлены на материк и пребывают под надзором местных

властей.

Гонца тотчас отправили обратно с приказом комиссара Линя: арестованных немедля доставить в Гуанчжоу, проявляя к ним максимальную учтивость.

В последующие дни город был взбудоражен слухами: мол, плененный англичанин — высокопоставленная персона, чуть ли не сам коммодор Бремер, который к тому времени превратился почти в мифическую фигуру, наделенную всевозможными демоническими признаками: фантастически громадным ростом, горящими глазами, огромной копной рыжих волос и прочим.

Ко всеобщему огорчению, доставленный англичанин оказался низкорослым субтильным юнцом, склонным принимать нелепые позы: то сплетал ноги, словно боясь не дотерпеть до горшка, то возводил глаза к небу, точно крестьянин, взывающий о дожде. На допросе выяснилось, что зовут его Джордж Стэнтон, ему двадцать три года, он евангельский христианин, прервавший свое обучение в Кембридже, дабы спасать души. Поскольку в Макао не было рукоположенного священника, он самочинно занял должность благовестника и читал проповеди остаткам ан-

глийской общины.

Человек строгих правил, ежедневно на восходе солнца Стэнтон купался в море, обычно в компании молодых людей, которых старался приучить к здоровому образу жизни. Из-за своей усердной физкультуры он и попал в плен: тем утром Стэнтон вместе со слугами пришел на безлюдный пляж Касильяш и, как всегда, начал заплыв, но был схвачен лазутчиками и прямо в мокром купальном костюме доставлен на материк.

Заодно взяли и слуг, допрашивать которых пришлось Нилу. В протоколе ареста они значились как Чан-ли и Чи-ту, но вообще-то их звали Чиннасвами и Чхоту Миан, уроженцы Мадрасского и Бенгальского президентств соответственно. Обоим катилось к тридцати, прежде они были корабельными ламповщиками и на службу к Стэнтону поступили в Сингапуре после того, как из-за стычки с боцманом их списали на берег.

Подтвердив личность Стэнтона, парни решительно отмежевались от него, заявив, что не встречали хозяина глупее и хуже, чем этот законченный придурок. Всякий раз он их будил до свету, тащил с собою на берег и уговаривал залезть в холодную воду — мол, это единственно верный способ унять позывы ужасного, разруши-

тельного недуга.

Они долго не могли взять в толк, о чем речь, но наконец сообразили и тогда уверились, что малый спятил окончательно. Оба решили при первой возможности сбежать от него, да все не было удобного случая, а теперь вот они под арестом.

— Ничего! — злорадно сказал Чхоту Миан. — Зато и его настигнет кара. Без своих омовений он беспомощен и не сладит с шаловливыми ручонками.

Однако радость слуг оказалась преждевременной: по приказу комиссара Линя Стэнтона поселили в прекрасных апартаментах кантонского Дома Совета, выдали ему Библию и письменные принадлежности, выполняли всякое его требование.

Что касаемо самих бывших ласкаров, то их, прислушавшись к рекомендации Нила, определили в команду Джоду на «Кембридже».

Когда выяснилось, что Стэнтон из себя ничего не представляет, уже не было смысла удерживать его в Гуанчжоу. Пленника, конечно, отпустили бы, не прими дело иной оборот: поступило письмо португальского губернатора Макао (написанное явно под давлением британцев) с

требованием немедленно освободить мистера Стэнтона, незаконно захваченного на португальской территории (о судьбе слуг, подметил Нил, не говорилось вообще).

Комиссар Линь взбеленился. Уже в который раз его вынуждали напомнить, что Макао — отнюдь не зарубежная территория, но часть суверенного Китая, на которой португальцам, оказав им особую любезность, позволили обустроить поселение. Значит, решил комиссар, пришла пора отстоять сие принципиальное положение. С этой целью в Макао был направлен большой отряд боевых джонок, который, обходя английский заслон, шел протоками в дельте Жемчужной реки. Вдобавок войско в пять тысяч человек выдвинулось на позиции вдоль массивной заставы, отмечавшей северную границу Макао.

Все это произошло очень быстро, но в Гуанчжоу царила гнетущая неопределенность. Нил смутно чувствовал приближение чего-то важного, однако не представлял, что это может быть. И вот утром 14 августа Комптон сообщил ему, что Чжун Лоу-сы, лично направлявшийся в Макао, включил его в свою свиту. Поскольку на полуострове много выходцев из Сяо-Сян, то бишь Гоа, могут потребоваться его услуги переводчика.

Из Гуанчжоу отбыли тем же полднем, протоками двигаясь на юг, и на другой день достигли пункта назначения. Высадились чуть выше заставы, которая, отделяя Макао от материка, представляла собою мощную фортификацию, дугой изогнутую над узким, холмистым перешейком, с материковой стороны переходившим в крутой взгорок, откуда открывался широкий обзор португальского поселения на остроконечном извилистом мысе, выступавшем из воды, точно хвост гигантского крокодила.

Места эти были знакомы Нилу, в прежние наезды в Макао он частенько прогуливался к заставе, иногда проходя через ворота, за которыми начиналась провинция Гуандун. В те времена таможня была маленьким сонным постом, за небольшую мзду пограничники пропускали всех желающих осмотреть окрестности.

Сейчас, приближаясь к заставе со стороны материка, Нил подметил ее значительное укрепление: из бойниц смотрели жерла пушек, на склоне холма расположился военный лагерь — ряды палаток, трепещущие стяги.

Вопросов Нил не задавал, было понятно, что боевые действия неминуемы.

Когда группа офицеров, в том числе капитан

Ми, пересела на пароход и отправилась на разведку, стало ясно: бой не за горами. Догадка подтвердилась, после того как «Энтерпрайз», стуча лопастями, вернулся на остров, и Кесри вызвали к капитану.

— Утром рота должна быть готова к погрузке, — сказал Ми. — На рассвете за нами придет транспортное судно «Назарет Шах».

На полуострове, поведал Ми, налицо подготовка к войне: застава укреплена орудийной батареей, в гавани флотилия боевых джонок. Все признаки того, что вскоре португальская колония подвергнется нападению, но командующий южного фронта капитан Смит намерен это предотвратить, а посему решено нанести упреждающий удар. В наземной операции примут участие сто десять морских пехотинцев, усиленные командой фрегата «Друид» в составе девяноста матросов. Сипаи будут в резерве и, если что, поддержат атаку. К ним прикомандирован небольшой отряд обозников из числа самых необходимых — пушкарей, водоносов и санитаров. Солдатская выкладка по форме «Облегченное походное снаряжение».

Не мешкая, Кесри еще раз проинструктировал капралов, хотя погрузка на корабль была хорошо

отработана и каждый знал, что ему делать.

Утром подъем протрубили рано, но «Энтерпрайз» опоздал, и сипаям пришлось долго томиться под палящим солнцем. Однако, начавшись, погрузка прошла без сучка и задоринки, и во второй половине дня транспортный корабль, буксируемый «Энтерпрайзом», прибыл к оконечности мыса Макао, где уже стояли английские суда: корветы «Гиацинт» и «Ларн» с восемнадцатью пушками, тендер «Луиза», несколько баркасов и фрегат «Друид» с сорока четырьмя орудиями.

Окружившие кончик мыса корабли смотрели на бухту Прайя-Гранде. Севернее, возле перешейка, соединявшего полуостров с материком, расположились дюжина боевых джонок и флотилия судов поменьше. Кесри сразу понял, что эти неуклюжие корыта не чета современным кораблям, однако их чрезвычайно странный вид, который им придавали зубчатые башни на корме и носу, вселял определенное беспокойство, усугублявшееся внезапными всплесками активности на палубах, кои сопровождали звон гонгов и колоколов, клубы дыма и хоровое скандирование. Все это до крайности нервировало сипаев.

Вдали, на бастионах заставы, виднелась боль-

шая артиллерийская батарея из обычных пушек и орудий со стволами от шести до четырнадцати футов длиной на вращающихся лафетах-треногах. Крутой склон холма позади заставы пестрел флагами и вымпелами, трепетавшими на ветру. По прикидкам Кесри, в этом лагере было несколько тысяч солдат. Когда стемнело, мерцающие лагерные костры, рассыпанные по всему склону, выглядели светляками на трухлявом дереве. А фонари в руках вестовых, доставлявших новые приказы, казались блуждающими огоньками.

На китайских кораблях всю ночь шли приготовления — то и дело тихий плеск воды перемежался громкими командами и ударами гонга.

На рассвете стало видно, что боевые джонки переместились ближе к берегу и заняли оборонительную позицию возле выступающих стен заставы. За ночь увеличилось число пушек на батарее — с парапетов смотрело около двух дюжин жерл.

Все утро капитан Ми и другие старшие офицеры с борта «Энтерпрайза», утюжившего воду вдоль берега, изучали оборону противника. В полдень был подан сигнал к началу атаки.

Сперва «Луиза», «Энтерпрайз» и оба корвета приблизились к заставе, встав напротив китай-

ских кораблей. «Энтерпрайз» подошел так близко к берегу, что почти зарылся носом в илистое дно. По второму сигналу корветы окрыли огонь с дистанции в шестьсот-восемьсот ярдов.

Небо над гаванью потемнело от стай водоплавающих птиц, всполошенных грохотом орудий. Через минуту-другую китайская артиллерия ответила огнем, невзирая на разрывы вокруг. Стрельба ее была яростной, но беспорядочной, почти все ядра ложились с перелетом. Тем временем тридцатидвухфунтовые пушки корветов пристрелялись, и китайские орудия одно за другим смолкали, погребенные под крошевом из кирпичей и разорванных тел.

Под прикрытием канонады матросы «Друида» и морские пехотинцы перебрались на два баркаса. На фок-мачте фрегата взвился сигнал, призывающий «Энтерпрайз». Бешено молотя лопастями, пароход дал задний ход и, снявшись с мели, развернулся. Он подошел к фрегату, взял баркасы на буксир и направился к береговой точке, определенной для высадки и атаки китайских позиций с тыла.

На какое-то время английский десант пропал из виду, скрытый береговыми скалами. Затем красные мундиры пехотинцев в колонне по

двое и морская форма на ее фланге появились на вершине уступа. Англичане, открытые для китайских позиций, расположенных выше, и батареи на заставе, тотчас угодили под ураганный ружейный и артиллерийский огонь. С обеих сторон к ним приблизились роты противника.

Английская атака захлебнулась, пехотинцы еще не успели развернуть полевое орудие, как получили приказ отступить к берегу. На фрегате взвился очередной флажок.

— Сигнал для нас, — сказал капитан Ми. — Выдвигаемся на поддержку флотских.

— Есть, каптан-саиб! — отсалютовал Кесри.

Сипаи и обозники уже выстроились на палубе. Стволы гаубиц и мортир, каждый весом в сотни фунтов, еще раньше загрузили в тендер, теперь настала очередь живой силы.

Первыми к борту подошли обозники: водоносы, согнувшиеся под весом полных бурдюков, за ними санитары со свернутыми носилками, следом пушкари, тащившие части орудийных лафетов. Новичок Маддоу нес на плечах тяжеленные пушечные колеса, словно игрушечные.

Потом наступила очередь сипаев, и Кесри встал у края забортного трапа, чтобы наблюдать за погрузкой. Необстрелянным солдатам предстояло

вступить в свой первый бой, и было бы неудивительно видеть на их лицах приметы страха и отчаяния. Однако ни у кого не подметилось бегающих глаз, явного знака растерянности. Никто из сипаев даже не взглянул на Кесри, все шли гуськом, сосредоточенно уставившись на ранец товарища. Их непрерывное движение, напоминавшее вращение колесных спиц, порадовало Кесри — значит, бойцы думают не о себе, но о роте, и, стало быть, его многомесячная тяжелая работа окупилась. Вера солдат в своего командира настолько крепка, что, даже не глядя на него, все знают: он рядом и надежен, как поручень трапа, за который они хватаются, спускаясь в тендер.

На «Энтерпрайзе» уже завели буксировочные канаты, и как только офицеры покинули трап, пароход начал движение, шлепаньем лопастей заглушая отдаленную стрельбу. Доставка на берег показалась удивительно быстрой, и вскоре сипаи мчались к плацдарму, занятому англичанами.

Едва они построились, по рядам пробежали водоносы, наполняя солдатские медные фляги. Рядом шеренга английских матросов, готовясь к атаке, дружно отливала себе под ноги. Поняв, что в бою облегчиться будет некогда, сипаи последовали их примеру.

Приняв командование десантом, капитан Ми отдал приказ выдвигаться колоннами, морякам занять позицию на правом фланге. Размеренной рысью поднявшись по склону, атакующие порядки достигли вершины холма и открыли плотный огонь, невзирая на пули, свистевшие над головами.

Залп, другой, третий, и над полем боя повисло густое черное облако пороховой гари, резко снизившее видимость. Сипаи, почти ослепшие в едком дыму и почти оглохшие от пальбы, задыхались, кашляли, но с шага не сбились и, подчиняясь навыку, обретенному за сотни часов ежедневной муштры, шли вперед, точно автоматы.

Кесри занял «наблюдательную» позицию — чуть сбоку, но вровень с передовым строем. С началом боя главным объектом его внимания стали собственные солдаты. Он много раз говорил им о сюрпризах в виде непредсказуемого рельефа местности, грохота выстрелов и дыма, но прекрасно понимал, что реальность ошеломит даже самого подготовленного бойца.

Вдруг в буханье пушек и треске ружейной стрельбы он различил странный вибрирующий звук — звенел штык, в который угодила пуля. В

дыму обозначились контуры солдата: объятый ужасом, он держал ружье на отлете, готовый к тому, что ожившая Смуглая Бесс вот-вот его проткнет. Кесри подскочил к нему и, приложив ладонь к штыку, погасил звон металла. В следующую минуту за его спиной тонко пропела пуля, отрикошетившая от каркаса солдатского кивера. В такой момент оглушенному бойцу кажется, будто его огрели молотом по голове и у него лопнули барабанные перепонки. Сипай, парень лет семнадцати, повалился на колени, зажав руками уши и тряся головой. Кесри вздернул его на ноги, всунул мушкет ему в руки и подтолкнул вперед.

Тем временем артиллеристы смонтировали орудия, и гаубицы присоединились к огню легкой пушки моряков. Утробно ухая, из широких жерл они посылали ядра в защитные укрепления, а пушка, басовито рявкая, посыпала шрапнелью и картечью неприятельские цепи.

Противник дрогнул, и капитан Ми, шедший в первых рядах, вскинул саблю, подавая сигнал к атакующему броску. Исторгнув мощный рев *Хар Хар Махадев!*[83], солдаты с ружьями наперевес ринулись вперед. Их появление из дымовой

---

[83] Примечания: 83

Хар Хар Махадев — призыв к Шиве уничтожить все зло.

завесы обратило врага в бегство — китайцы бросились врассыпную, растворившись в зарослях холма.

Теперь Кесри предстояло привести в чувство своих солдат, опьяненных победой и уподобившихся кровожадному зверю после удачной охоты. Сейчас они были опасны и почти неуправляемы, однако он, размахивая саблей и сыпля страшными проклятиями, сумел согнать их в строй. В душе-то он был рад, что их приобщение к войне произошло не в ожесточенном сражении, а в относительно легком бою. Кесри смотрел на солдат, хмуро переминавшихся в строю, и сердце его наполнялось безмерной гордостью: он знал, что не изведает любви сильнее, чем к этой роте — его, в общем-то, творению, венцу трудов всей его жизни.

С вершины соседнего холма Нил вместе с Чжун Лоу-сы и его свитой наблюдал за ходом боя, поначалу подкрепившим давно сложившееся мнение о сильных и слабых сторонах противников, а именно: морское превосходство англичан будет нивелировано на суше, и подавляющее превосходство китайцев в живой силе позволит отразить вторжение.

Разрушения, причиненные корабельным арт-

обстрелом, никого не смутили, поскольку все были прекрасно осведомлены об огневой мощи западного флота. Войска тоже о ней знали и подготовились к тому, чтоб переждать бомбардировку. Все понимали, что истинной проверкой станет сухопутный бой, и восторжествовали, увидев крохотную численность десанта, не достигавшую трех сотен человек. Наблюдатели возликовали, когда многотысячное китайское войско, хлынув потоком, заставило английских моряков и пехотинцев отступить. В тот момент Комптон и его коллеги сочли, что их ожидания оправдались и битва выиграна.

Оттого-то последующее развитие событий в равной степени ошеломило печатника и Нила. Неполные три сотни солдат обратили в бегство тысячи воинов! Сей факт не только опровергал сложившееся мнение, он перечеркивал благоприятные прогнозы на исход широкомасштабного конфликта и к тому же менял оценку эффективности индийских войск.

При Ниле о сипаях не говорили, но все же он услышал, как Комптон кому-то сказал: «Не подойди черные чужаки, бой закончился бы иначе».

Слова эти доставили злорадное удовольствие, ибо Нил не раз, но всегда безуспешно пытался

изменить невысокое мнение приятеля о боевых качествах индийских войск. Хоть нынче он был в стане китайцев, Нил испытал большую гордость за соотечественников. Сейчас он не думал о том, на чьей стороне воюют сипаи, главное, что они себя не посрамили.

Для Нила этот день стал откровением еще и в ином. Впервые в жизни наблюдая за пехотной баталией, он был глубоко впечатлен увиденным. Позже, размышляя, он понял, что бой этот — квинтэссенция времени: долгие годы подготовки, десятилетия новшеств и перемен втиснулись в коротенький временной отрезок. И воздействие свершившегося события было всесторонним, оно определяло будущее и в чем-то изменяло прошлое — по крайней мере, общее представление о нем. Нил поразился тому, что раньше не сознавал чудовищной силы, скрытой в этих временных складках и способной сформировать жизнь многих будущих поколений. Он вспомнил, что, читая о давних сражениях при Панипате и Плесси[84], воспринимал их как нечто неизмеримо далекое

[84] Примечания: 84

Панипат — город в индийском штате Харьяна, место трех исторических сражений в 1526, 1556 и 1761 гг. Битва при Плесси — сражение у берегов Хугли, в котором 23 июня 1757 года британцы разгромили индусов, положив начало своему владычеству на индийском субконтиненте.

от его жизни, занятное лишь причудливой военной формой и старинным оружием. И только теперь до него дошло, что на подобных полях сражений определялось его место в мире. Он понял, почему шииты ежегодно отмечают битву при Кербеле[85]: это признание того, что история и время подобны земным сдвигам, навеки изменяющим лик планеты.

Но как же так — горстка людей за несколько часов или даже минут решает судьбы миллионов, еще не появившихся на свет? А исход кратковременных событий определяет, кто будет править кем, кто станет богачом, а кто бедняком, кто хозяином, а кто слугой в грядущих поколениях?

Бóльшую несправедливость трудно представить, но так было и есть с момента появления человека на земле.

[85] Примечания: 85

10 октября 680 года в городе Кербела, расположенном на территории современного Ирака, произошла битва между армией Хусейна ибн Али, внука пророка Мухаммеда, и армией Язида ибн Муавии. Хусейн был убит, событие считается началом разделения суннитской и шиитской ветвей ислама. В этот день шииты скорбят по Хусейну и другим погибшим членам семьи Пророка.

Глава 15

По совету Задиг-бея на время боя Ширин укрылась в доме, но разве в маленьком городе спрячешься от жуткого грохота канонады? Расхаживая по темным комнатам, Ширин чего только не передумала, представляя всякие ужасы, и только к вечеру запыхавшийся часовщик принес весть о том, что китайские войска рассеяны.

— Верно ли, Задиг-бей?

— Да, биби-джи. Уж поверьте моему слову, теперь комиссар Линь оставит Макао в покое. Вы в полной безопасности.

Ширин сочла подобное заявление чересчур оптимистичным, но довольно скоро предсказание часовщика сбылось. Через день-другой все китайские войска были выведены из окрестностей Макао и полуостров, наряду с Гонконгом, стал, по сути, протекторатом экспедиционного корпуса, где отныне иноземцам ничто не грозило.

Изменение обстановки привлекло в Макао многих, в том числе судовладельца-парса Диньяра Фердун-джи, сколотившего состояние торговлей опием на Филиппинах и Молуккских островах.

Он снял большой особняк Вилла Нова, окнами смотревший на набережную Прайя-Гранде.

Они с Ширин были родственниками, и Диньяр, узнав, что тетушка обитает в съемных апартаментах, тотчас предложил ей перебраться на виллу. Бахрам-бхай помог ему начать свое дело, сказал он, и добрая память о дядюшке просто обязывает позаботиться о его вдове. Кроме того, своим согласием она окажет ему большую услугу, поскольку особняк укомплектован поварами и стюардами с его корабля «Мор»[86], но сам он, Фердун-джи, молод и совершенно неопытен в управлении домашним хозяйством. Ах, если б Ширин взяла на себя это бремя!

Однако та не спешила принять заманчивое предложение, тревожась о своей компаньонке, которой в таком случае пришлось бы искать новое пристанище. Но Роза просила о ней не беспокоиться, поскольку ею было получено приглашение на постой в семье знакомцев из Гоа.

Причин для отказа не осталось, и вскоре Ширин перебралась на виллу, о чем ничуть не пожалела, ибо ей отвели целое крыло особняка, где она превосходно устроилась. И потом, было приятно

---

[86] Примечания: 86
Мор — главная река Западной Бенгалии, правый приток Хугли.

вновь взяться за ведение дома. Ко всему прочему, вилла стояла в чудном месте, предлагая вид на гавань и набережную, огибавшую губернаторский дворец. Вечерами, сидя в кресле-качалке на большой тенистой веранде, Ширин наблюдала, как весь город выходит на променад вдоль Прайя-Гранде. Почти всегда в толпе гуляющих появлялся Задиг-бей, и чаще всего Ширин, покинув веранду, составляла ему компанию.

Диньяр оказался необыкновенно милым и внимательным хозяином. Ширин опасалась, что родственник посмотрит косо на ее европейские наряды и отсутствие компаньонки, но Диньяр придерживался весьма либеральных взглядов — он не только одобрил подобный выбор одежды, но и наградил Ширин титулом зачинательницы: «Вот увидите, тетушка, когда-нибудь все наши бомбейские женщины возьмут вас за образец».

Вместе с тем Диньяр был истинным парсом — строго соблюдал религиозные обряды и чтил древние традиции. Он пришел в восторг, когда Ширин украсила двери дома собственноручно сплетенными кружевными торанами.

Разумеется, не она одна пользовалась гостеприимством Диньяра, который, регулярно выступая в роли хлебосольного хозяина, любил повторять,

что всего лишь подражает Бахраму, о чьей щедрости и вкусе к жизни ходили легенды на всем китайском побережье. Таким образом для Ширин приоткрылась сторона жизни супруга, доселе ей неведомая.

В Макао постепенно просачивались иные купцы-парсы, и вскоре Вилла Нова стала центром зороастрийской общины: по праздникам, собираясь в гостиной, сеты молились, а потом обменивались бомбейскими новостями, угощаясь *дхансаком*[87], рыбой на пару, тушеными бараньими ножками и сочной курицей, запеченной со специями.

Однако в беседе неизменно возникали всех волновавшие вопросы: сумеют ли англичане добиться компенсации за конфискованный опий? Будет ли она соразмерной, покроются ли потери?

Все это не тревожило только Ширин, которая уже давно не чувствовала такого умиротворения, как в здешних стенах.

За короткое время Захарий настолько освоился с опийной торговлей на море, что уже самостоятельно отыскивал новые точки сбыта в

---

[87] Примечания: 87

Дхансак — баранина или козлятина, приготовленная с чечевицей и овощами, подается с карамелизированным белым рисом.

удаленных заливах и бухтах. Почти всегда его покупателями были материковые контрабандисты — члены групп, связанных с разными бандами и братствами. Овладев их системой сигналов и знаков, он легко определял надежного контрагента. Языковой барьер не возникал, поскольку обычно переговоры велись на пиджине, уже знакомом ему благодаря былому общению с серангом Али. Захарий успешно заключал сделки без посторонней помощи.

Так вышло, что в основном он имел дело с одной группой из сети, принадлежавшей заправиле по имени Ленни Чан, которого всегда представляли его шестерки. Наслышанный о неуловимости их босса, Захарий не думал, что когда-нибудь встретится с ним лично. Но он ошибался.

Душной августовской ночью к «Ибису», бросившему якорь у побережья провинции Фуцзянь, подошла небольшая изящная джонка, у которой, в отличие от лодок ее типа, был треугольный парус, а на корме высился «домик» с мигающими фонарями на входе.

Как обычно, переговоры вел толмач, поднявшийся на шхуну. Соглашение было достигнуто, и тут с лодки что-то крикнули по-китайски.

Толмач повернулся к Захарию и отвесил по-

клон:

— Господин Чан хотеть говорить с господин Рейд.

— *Хайя!* — изумился Захарий. — Правду сказать? Господин Чан в лодка?

Толмач снова поклонился:

— Господин Чан приглашать господин Рейд на борт. Ходить не ходить, ла?

— Ходить, ходить! — энергично покивал Захарий.

Баркас, уже загруженный ящиками с опием, был готов отойти от «Ибиса»; обычно за передачей товара надзирал Ноб Киссин-бабу, но сейчас Захарий сам занял место суперкарго.

Баркас подошел к джонке, и вдруг из темноты раскатисто прогремело приветствие:

— Как оно ничего, мистер Рейд?

Выговор был совершенно английский, но рослый человек, встретивший Захария на палубе, выглядел скорее богатым мандарином: тучное тело, облеченное в халат серого шелка, плоская черная шапочка, косица, свернутая в пучок и зашпиленная на затылке. Обрюзгшее брыластое лицо напоминало переполненную торбу, однако отнюдь не выглядело мягким: нос, точно ястребиный клюв, хищный блеск глаз под нависшими

веками. Пожимая поданную руку, Захарий ощутил ее неожиданную мозолистую твердость и подумал о хватке когтистой лапы.

— Добро пожаловать, мистер Рейд. Я Ленни Чан.

— Очень рад познакомиться с вами, сэр.

— Взаимно, мистер Рейд, взаимно. — Чан коснулся его плеча, приглашая пройти на корму. — Надеюсь, вы не откажетесь от чашки чая?

— Благодарю.

Палубный матрос распахнул дверь «домика», откуда пахнуло благовониями, и Захарий очутился в ярко освещенной комнате, пышно обставленной дорогой резной мебелью. Видя, что хозяин разулся, он хотел последовать его примеру, но Чан его остановил:

— Погодите.

Он хлопнул в ладоши, и тотчас в комнату вошла девушка в длинном платье из мерцающего алого шелка. Не поднимая глаз на Захария, она присела на корточки, распустила ему шнурки и сняла с него башмаки, после чего исчезла.

— Прошу, мистер Рейд. — Чан усадил Захария в массивное кресло, подал ему чашку с чаем и сам сел напротив. — Мы с вами неплохо поработали, верно?

— Именно так, мистер Чан. По-моему, больше половины груза я продал вашим агентам.

Китаец склонил голову набок и прикрыл глаза, но Захарий понимал, что его внимательно изучают.

— Я надеюсь, часть проданного товара принадлежала вам? — сказал Чан.

— К сожалению, всего десять ящиков.

— Что ж, и то хлеб. Держу пари, вы стали гораздо богаче, нежели прежде.

— Это уж бесспорно.

— Однако, полагаю, в богатстве еще не догнали мистера Бернэма?

— Нет.

— Ничего, скоро догоните. — Чан усмехнулся. — Говорят, у вас большое будущее.

Захарий чуть напрягся.

— Вот как?

— Да, и я надеюсь на продолжение нашего сотрудничества, мистер Рейд.

— Наши желания обоюдны, мистер Чан.

— Прекрасно, прекрасно, — задумчиво проговорил Чан. — Но хватит о делах. Сегодня вы мой гость, и я хочу предложить вам разделить со мною трубку. Это, знаете ли, наш обычай: после совместного курения можно доверять друг другу.

Захарий, опешив, медлил с ответом. Его замешательство не осталось незамеченным.

— Вы не курите опий, мистер Рейд?

— Однажды пробовал. Давно.

— Вам не понравилось?

— Да нет, ничего.

— Смею предположить, что обстановка была не соответствующая. Позвольте узнать, вы курили сидя или лежа?

— Сидя.

— То-то и оно, так курить нельзя. Погоня за драконом — это, знаете ли, искусство, требующее особых условий. — Поднявшись из кресла, Чан взял с полки и положил перед Захарием изящное изделие — чубук длиной с руку из какого-то серебристого сплава вроде олова, мундштук и восьмигранная чашка из слоновой кости, от старости пожелтевшей. — Это моя лучшая трубка, мистер Рейд. Именуется она Желтый дракон. За нее мне предлагали тысячи таэлей. Отведав ее, вы поймете почему.

Захарий чуть вздрогнул, коснувшись длинного чубука.

— Ладно, — сказал он. — Разок можно попробовать.

— Верно, надо знать, чем торгуешь, — улыб-

нулся Чан. — Только снимать пробу следует правильно, что невозможно в сюртуке и панталонах. Вам лучше переодеться в китайское платье.

Он хлопнул в ладоши, и в гостиной опять появилась давешняя девушка. Выслушав хозяина, она проводила Захария в соседнюю комнату, выглядевшую большой гардеробной, подала ему серый с голубым отливом халат и, поклонившись, удалилась.

Переодеваясь, Захарий слышал, как за стенкой двигают мебель. Вернувшись в гостиную, он увидел, что огни в ней пригашены, а между двумя кушетками, сдвинутыми друг к другу, поставлен стол с мраморной крышкой, на котором расположились лакированная шкатулка, пара игл с крючками на концах, два блюдца и, конечно, едва уместившийся Желтый дракон. Возле стола сидела на корточках девушка с маленькой лампой в руках.

— Прошу вас, мистер Рейд. — Чан кивнул на кушетку: — Устраивайтесь удобно.

Захарий улегся, и хозяин подал ему лакированную шкатулку:

— Вот, взгляните, это свежеприготовленный опий под названием чанду. Он сварен из сырца, которым заполнены ваши ящики.

В шкатулке лежал маленький темно-коричневый брусок.

— Понюхайте, мистер Рейд.

Сладкий дымный аромат резко отличался от запаха сырца.

Чан забрал шкатулку и передал ее девушке, которая уже поставила лампу между кушетками. Девушка взяла иглу, привычным движением ловко отколупнула от бруска кусочек не больше горошины и поднесла его к пламени лампы. Когда горошина, зашипев, вспузырилась, она подала иглу Чану, и тот стряхнул опаленный опий в чашку Желтого дракона, который он устроил у себя на груди, не касаясь губами мундштука. Вся операция повторилась еще дважды.

Затем Чан сказал:

— Мы почти готовы, мистер Рейд. Сейчас я снова разогрею опий, и он воспламенится на одну-две секунды. Будьте начеку — выдохните весь воздух, чтобы затянуться дымом. Как только опий вспыхнет, я помещу его в драконий глаз, — он показал на крохотную дырочку в восьмигранной чашке, — а вы тотчас сделайте глубокую затяжку.

Передав трубку Захарию, Чан сунул опийную горошину в пламя, та вспыхнула, и он выкрик-

нул:

— Готовы?

— Да!

Захарий уже выпустил весь воздух и, как только горошина оказалась в драконьем глазу, глубоко вдохнул, наполнив легкие текучим, словно жидкость, густым, маслянистым и чрезвычайно душистым дымом, который вмиг его затопил и одурманил.

— Чувствуете, мистер Рейд? Сейчас внутри вас сила, что движет миром. Откиньтесь, отдайтесь ей.

Захарий отвалился на подушки, вдруг ощутив биение пульса не только в запястье и горле, но во всем теле. Сердце гнало кровь так мощно, что он буквально чувствовал ее бег по жилам. Необычное впечатление заставило взглянуть на свою руку: кожа сильно покраснела, словно все поры открылись, излучая цвет крови.

Казалось, глаза его стали зорче, ибо различали мельчайшие трещины в потолочных досках, а слух острее — плеск забортной воды прямо-таки оглушал. Захарий смежил веки, наслаждаясь чувством невесомости и отдаваясь воздействию дыма, точно приливной волне.

Настала очередь Чана. Сделав затяжку, он отло-

жил трубку и откинулся на валик кушетки.

— Знаете, почему меня тянет к опию, мистер Рейд? Потому что по складу своему я садовник, люблю цветы, а этот дым — суть цветочного царства.

Голос его растаял.

Чуть позже Захарий обнаружил, что Чана в комнате нет, а он наедине с девушкой. Впервые за все время она подняла голову и посмотрела ему в глаза, губы ее тронула легкая улыбка. Захарий не мог оторвать взгляд от ее лица, казавшегося чем-то знакомым, вот только чем? Он протянул руку и провел пальцами по ее щеке, и тогда вдруг явился ответ: девушка невероятно похожа на миссис Бернэм. Сходство еще больше усилилось, когда руки ее, нырнув ему под халат, обежали его тело, а потом она стала и вовсе неотличима от оригинала, приняв его в себя.

Захарий держал ее в объятьях, чувствуя неуемный голод, который всегда его охватывал в постели с миссис Бернэм, и на пике наслаждения даже выкрикнул ее имя. Но едва оно сорвалось с губ, как Захария накрыло виной, и он пристыженно замер, напугав девушку, решившую, что она допустила какую-то оплошность.

— Нет-нет, ты ни при чем, — успокоил ее Заха-

рий. — Дело во мне.

Она, конечно, его не поняла. Не зная, как ей это объяснить, Захарий взял ее руку и шутливо ударил себя по щеке — мол, наказан я. Хоть очень легкий, шлепок ожег кожу, под воздействием опия еще не потерявшую особую чувствительность. Ощущение, однако, было удивительно приятным, как будто этим наказанием Захарий искупал вину.

Он снова себя ударил, чуть сильнее, и стало еще приятнее. Похоже, девушка поняла, чего он хочет, и принялась игриво лупить его по лицу, спине и голой заднице. Наслаждение было велико, но Захарий сообразил: надо остановиться, иначе его ждет второй заход на все, включая трубку.

Мысль эта отрезвила, и он, улыбнувшись, сказал:

— Мне пора уходить.

Когда девушка принесла его одежду, Захарий, порывшись в карманах, протянул ей горсть монет, но она помотала головой и, поклонившись, вышла.

Почти сразу дверь отворилась, впустив Чана, и у Захария, пока он натягивал сюртук, возникла неприятная мысль: не наблюдал ли хозяин за всем происходившим в комнате?

Однако Чан, вновь оживленный и деловитый, ничем не проявил свою осведомленность.

— Что ж, мистер Рейд, я надеюсь, визит доставил вам удовольствие и положит начало нашему долгому партнерству.

— Благодарю вас, сэр, — промямлил Захарий. — Я тоже на это надеюсь.

— Уверен, мы с вами поладим. — Чан пожал ему руку. — Должен сказать, вы очень напоминаете мистера Бернэма, с которым я долго вел дела. Вы с ним чрезвычайно похожи.

— Спасибо, мистер Чан, вы мне польстили.

Для Чжун Лоу-сы и его приближенных бой у заставы знаменовал поражение по всем статьям. Они всё видели собственными глазами, однако не сумели убедить комиссара Линя в истинности своих свидетельств. Командарм, раньше добравшийся до комиссара, уверил его в своей безоговорочной победе: мол, англичане, понеся огромные потери, обратились в бегство. Глава района, соседнего с Макао, и другие официальные лица подтвердили ложные сведения, а те, кто пытался сказать правду, сильно уступали им числом и чином.

В результате комиссар поверил фальшивой версии командующего и отразил ее в своем до-

кладе императору.

— Если уж Линь Цзэсюя обвели вокруг пальца, — с горечью сказал Комптон, — можно ли надеяться, что истина все-таки достигнет Запретного города?[88]

Однако вскоре стало ясно, что оградить императора от событий на побережье не удастся.

Бой под Макао еще был свеж в памяти, когда в Гуанчжоу узнали о том, что отряд английских кораблей вошел в устье реки Бай и встал неподалеку от Пекина. Угроза, нависшая над столицей, вынудила высокопоставленного мандарина по имени Цишань, главу провинции, принять меморандум, который англичане так долго пытались передать императору.

Содержание документа ошеломило сверх всяких ожиданий: помимо немалого числа иных требований, британцы выдвигали иск на шесть миллионов испанских долларов в компенсацию за опий, годом ранее конфискованный комиссаром Линем. И вдобавок настаивали на передаче им одного острова под торговую базу.

Самое удивительное, что англичане не признали своей вины — ни словом не обмолвились

---

[88] Примечания: 88

Запретный город — главный дворцовый комплекс китайских императоров с 1420 по 1912 г.

о контрабанде, бесконечных провокациях и отказе соблюдать китайские законы на китайской земле. Напротив, всю ответственность они возложили на комиссара Линя, якобы совершившего бандитский разбой. Похоже, огневая мощь их кораблей наделяла англичан правом выдавать черное за белое.

Оказавшись под сильным давлением, комиссар направил императору пространное письмо, в котором пытался объяснить свои промахи и неудачи. Признавая отдельные ошибки, он подчеркивал, что во всех своих действиях руководствовался ясными указаниями императора, и гневно обвинял купцов Гуанчжоу, которые, по его словам, состояли в тайном сговоре с англичанами, во всем им потакая.

Пока еще было неизвестно, как император воспринял это послание, но уже прошел слух, что доводы комиссара его не убедили. Поговаривали даже, что он согласился выдать Линя британцам, дабы те покарали его, как сочтут нужным.

Для Чжун Лоу-сы и его советников слухи эти уподобились дрожанию земли, и они уже не могли отмахнуться от признаков близкого обрушения свода их власти. Всякий день отмечался новыми толчками и отголосками, принимав-

шими вид молвы и напоминавшими о том, что земля уходит из-под ног.

Из рассказов печатника Нил узнал о том, что среди многочисленных группировок в официальных кругах Гуанчжоу развернулась борьба за власть. Стало ясно, что люди неортодоксальных взглядов вроде Чжун Лоу-сы терпят сокрушительное поражение. Нынче взошла звезда традиционалистов, а тех, кто ратовал за изучение чужеземного опыта, окутали миазмы подозрительности.

Последние события затронули не только власть имущих, простые люди тоже ощутили последствия блокады Жемчужной реки. Слухи о захвате Тинхаэ, Макао и других городов породили большие волнения. Все, кто имел связи с иноземцами (а таких в Гуандуне было немало), попали под подозрение. Повсюду говорили о *хань-чиэн, фаан-гват-цзай* и *чиэн-шан* — изменниках, смутьянах, шпионах и вероломных купцах, спевшихся с британцами.

На семье Бабурао ситуация сказалась особенно остро. Все уже знали, что индийские *хаак-гвай*, солдаты и матросы, на пару с английскими *фаан-гвай* свободно разгуливают по побережью, а связь Бабурао с бенгальцами, как и то, что лодка-кухня

Аша-диди потчует главным образом ачха, ни для кого не было секретом. Возникшие серьезные неприятности не оставили семье иного варианта, как прикрыть харчевню.

После боя под Макао минуло два месяца, и одним прохладным осенним вечером в дверь Нила постучали. Комптон выглядел совершенно убитым.

— Я с плохими вестями, А-Нил…

Комиссар Линь, поведал печатник, смещен с должности, причем в оскорбительной манере: император направил письмо его заместителю, обращаясь к тому как к преемнику главы провинции.

— Без всяких уведомлений великого человека убрали, точно пешку, обмолвившись о том в письме к его подчиненному. Вот она, награда за честную и верную службу императору!

Еще никогда Нил не видел приятеля таким угнетенным.

Через пару дней поступило официальное подтверждение: Линь Цзэсюя отзывали в Пекин. Его место занял Цишань, назначенный генерал-губернатором двух южных провинций, Гуандуна и Гуанси.

Новость взбаламутила Гуандун, где комиссар

был чрезвычайно популярен. На улицах толпы людей выражали ему сочувствие и, окружив его паланкин, бросали подарки — башмаки, зонтики, халаты, ладанки и прочее.

Опала комиссара означала фиаско Чжун Лоу-сы и далее по цепочке Комптона. Оба понимали, что новое руководство максимально ограничит деятельность старца, тем самым уничтожив все их двухлетние труды.

Нил случайно оказался в печатне, когда к Комптону, не уведомив о своем визите, заглянул Чжун Лоу-сы. За последние два месяца он сильно сдал — выглядел измученным и смирившимся, тяжело опирался на палку. Прощание вышло грустным.

Нил больше никогда его не видел.

На другой день Комптон отправился засвидетельствовать почтение отбывающему комиссару и узнал, что тот никуда не уезжает. Император повелел ему остаться в Кантоне и оказать содействие новому начальнику в расследовании его собственных деяний.

Похоже, Линь Цзэсюй уподобился родовому архиву, который по необходимости достают, а потом сразу убирают.

Гуанчжоу ожидал нового правителя, однако ситуация безвластия и неопределенности усугуб-

ляла тревогу, охватившую город.

Одним вечером Нил возвращался домой, и когда он сошел с парома, его окружила толпа беспризорников, выкрикивавших оскорбления и похабщину.

Поношенье иноземцев, жителей других провинций и даже соседней деревни было делом обычным, однако нынче мальчишьи голоса полнились небывалой злостью. Удивительно, что беспризорники обзывали Нила «предателем», но не «черным чужаком». А что б они сделали, поняв, что перед ними ачха? Лучше не думать. И если навести мальчишек на лодку Бабурао, быть беде, сообразил Нил, зашагав к монастырю Океанский Стяг, что был неподалеку.

Выкрики беспризорников становились все громче, а когда Нил был уже совсем рядом с монастырскими воротами, брошенный камень с силой ударил ему в спину. К счастью, в монастырь шпана не полезла.

Таранатх-джи встретил Нила, как всегда, радушно и, печально кивая, выслушал его рассказ. Дух в городе скверный, сказал он. Мишенями нападок становятся не только чужеземцы, но и китайцы из других провинций. Нынче тибетские монахи не выходят за пределы своей обители.

Нил с благодарностью принял предложение остаться в монастыре, готовом дать ему приют. Он послал записку Бабурао, и тот доставил его пожитки.

Лодочник ничуть не удивился происшествию с беспризорниками. О подобных случаях ему уже приходилось слышать от друзей и родственников из лодочного люда, заклейменных предателями и шпионами. Власти провинции винят лодочников в том, что британские корабли не были потоплены. Чиновников разъярило, что «водные храбрецы» не применили свою волшебную мощь для уничтожения вражеской эскадры.

— *Кинту амра ки корбо*, как нам быть-то? — на бенгали сказал Бабурао. — Нас считают чародеями, а мы всего лишь обычные люди.

Утром Нил запиской известил Комптона о своем новом месте жительства, и тот, заглянув к нему, посоветовал оставаться в монастыре, пока не найдется иное надежное пристанище.

Через пару дней он вновь навестил Нила. Печатник переговорил с Чжун Лоу-сы, и вместе они решили, что Нилу лучше перебраться на «Кембридж», который все еще стоит у Вампоа. Там безопасно, поскольку корабль обеспечен особой защитой местных властей, и, кроме того, команда

будет рада услугам переводчика.

К началу декабря Захарий распродал весь свой груз дельцам с маньчжурского побережья. Теперь, когда трюмы «Ибиса» были пусты, он, не теряя времени, развернул шхуну обратно на юг.

В двух днях хода от Гонконга впередсмотрящий разглядел прямо по курсу бригантину Филипа Фрейзера. Суда встали борт к борту, и Захарий отправился на совместную трапезу.

Фрейзер поделился кучей новостей. Английская эскадра вернулась в устье Жемчужной реки, ожидая начала переговоров с Цишанем, новым наместником в Гуандуне. Один из полпредов Ее величества занемог и передал свои полномочия коммодору Бремеру. К большой досаде военных, единственным королевским представителем остался капитан Эллиотт, заслуживший репутацию мягкотелого болтуна, ибо на бесконечных переговорах с ним китайцы лишь тянут время, чтоб укрепить свою оборону. Многие офицеры считают, что Пекин пойдет на уступки, лишь хорошенько получив по носу, и смеются над иллюзиями капитана. Кое-кто во всеуслышание называет его бесхребетным придурком. В ходу издевательские прозвища капитана — Полномочный горшок, Полномочная козявка,

Полномочный писун и подобные.

Меж тем английская эскадра пополнилась боевыми кораблями, среди которых революционный в своей новизне паровой броненосец «Немезида», какого еще не видывал Индийский океан. Фрейзер, побывавший на этом изумительном судне, мог говорить о нем часами. Корпус почти целиком из стали, и вообще на корабле столько металла, что пришлось снабдить компас особым устройством, корректирующим отклонение стрелки. Две машины в шестьдесят лошадиных сил каждая, ежедневно сжирающие одиннадцать тонн угля, приводят в движение гребные колеса с огромными лопастями. Вместе с тем осадка мощного судна так невелика, что ему годится глубина всего в пять футов! Секрет в том, что у него два подъемных киля. Вооружение корабля внушает трепет: два тридцатидвухфунтовых орудия на центральных станках, стреляющие ядрами и картечью, пять медных шестифунтовых пушек и десять железных на вертлюгах; вдобавок на мостке между колесами устроена труба для запуска ракет Конгрива.

По общему мнению, сказал Фрейзер, «Немезида» навсегда изменит характер морского сражения и станет секретным оружием, наводя-

щим ужас на китайцев.

Среди прочих новостей одна вызвала особый интерес Захария: «Анахита» доставила чету Бернэмов к китайскому побережью. Фрейзер виделся с ними на Гонконге, и они были очень рады услышать об успехах мистера Рейда на поприще свободной торговли.

Новость эта побудила Захария скорее поднять паруса, отправив «Ибис» скользить по волнам.

Остров Чусан и продвижение войск на север были главными темами солдатских разговоров в лагере на Ша Чау. Первое время новости поступали скудно, однако всем было ясно, что захват острова обошелся минимальными потерями.

Но вот август перетек в сентябрь, и появились зловещие слухи о повальных хворях — дескать, тяжелобольных переправляют с Чусана в Макао, размещая их в особняке Мизерикордии, оборудованном под госпиталь.

Однажды прошел слух, что заболевшие сипаи из первой роты добровольческого бенгальского батальона эвакуированы с острова и сейчас изнывают в Макао. Кесри справился у капитана Ми, верна ли новость, и тот не только ее подтвердил, но разрешил группе унтер-офицеров навестить больных собратьев.

Хоть предстояла далеко не увеселительная прогулка, сипаи, еще не видевшие Макао, обрадовались возможности познакомиться с городом. И он их ничуть не разочаровал, произведя огромное впечатление на всех, и Кесри особенно. Группа высадилась на берег неподалеку от церкви богини моря А-Ма, и хавильдар не устоял перед искушением заглянуть в храм. К его изумлению, там многое было знакомо: благовония, божества, священные дерева и резные истуканы, стерегущие вход. Он, конечно, знал, что немало китайцев исповедуют буддизм, но даже не подозревал о подобном сходстве двух разных вер.

Отыскивая Мизерикордию, сипаи блуждали по извилистым городским улочкам, однако всегда находился тот, у кого они могли спросить дорогу на английском или хиндустани, — повсюду были гоанцы: лавочники, патрульные, сторожа. Взвод гоанских сипаев даже пригласил осмотреть их казарму и одарил фруктами.

Мизерикордия занимала серое мрачное здание, полное людей, не обративших никакого внимания на группу приезжих. К счастью, Кесри углядел Розу, помнившую его по «Лани», и та провела унтер-офицеров в торец здания, где в тесной темной палате лежали больные сипаи.

Они-то и рассказали, что захват острова Чусан прошел, как предполагал Кесри, относительно легко, но вот потом началось черт-те что. Разразились эпидемии горячки и других недугов, уйма солдат пала жертвой неудержимого дизентерийного поноса. В полевом лазарете санитары, пробираясь меж вплотную постеленных циновок, то и дело наступали на какого-нибудь недужного при смерти.

Всему виной, сказали хворые сипаи, безграмотность высшего командования. Место под лагерь было выбрано без учета тамошнего рельефа, изобилующего заболоченными низинами, из-за чего солдаты дышали ядовитыми испарениями и мокли в палатках, в прилив заливаемых водой. Один взвод хотел обустроиться на холме, но там его вдруг накрыло жуткой вонью. Солдаты принялись копать, надеясь отыскать причину неистребимого смрада, и, углубившись всего на штык, наткнулись на черепа и гниющие кости — холм оказался могильным курганом. Командиры сочли его источником заразы и приказали взорвать. В результате образовалась воронка с кусками гробов и раздробленными скелетами.

На острове, поведали сипаи, острая нехватка пресной воды, и оттого утолять жажду порой при-

ходилось из канав, орошающих рисовые поля. Запасенный в Калькутте провиант был скуден и скверен, на нем оставили мету жучки и плесень — кто-то, ясное дело, хорошо наварил, сбыв просроченные продукты. Дабы избежать голода, интендантам пришлось закупать провизию по бешеным ценам на торговых судах, сопровождающих экспедиционный корпус.

Все это время стояла жара, которую даже индусы переносили с трудом, а уж о белых нечего и говорить. И в довершение всех бед — дикая враждебность местного населения. Китайские власти объявили награду за чужеземных солдат, и те не знали ни минуты покоя, опасаясь, что их убьют или похитят. Потерявшие бдительность заплатили высокую цену, и среди них капитан-артиллерист мадрасского полка; шайка умыкнула его на материк, в потасовке убив капитанского денщика-индуса.

Отправляя войска на Чусан, британское командование заверяло, что островитяне люто ненавидят маньчжуров и радостно встретят своих освободителей. Но это оказалось большим заблуждением.

Наслушавшись солдатских рассказов, Кесри понял, как повезло его роте, оставшейся на юж-

ном участке. Да, жизнь на Ша Чау была не сахар, но кормили их сносно, часто пользуясь услугами маркитантских лодок. Да, и они не избегли хворей, но полевой лазарет не был забит битком. Что и говорить, им улыбнулась удача.

В конце октября из Индии прибыли последние батальоны 37-го мадрасского полка. Их тоже разместили на Ша Чау, и солдаты поведали об ужасах своего морского путешествия. Стремясь сэкономить, военное министерство Мадрасского президентства наняло для перевозки войск старые дырявые корыта. Эти суда не выдержали бы и легкого шторма, но, как нарочно, в Южно-Китайском море угодили в страшный тайфун, изломавший и разбросавший все четыре корабля конвоя. Один провел несколько дней в осаде пиратов, и кто знает, что с ним стало бы, не приди ему на выручку английский пароход. Другой сгинул бесследно. Это была «Голконда» — штабной корабль, везший полковые документы, три сотни сипаев и командный состав подразделения. Ожидалось худшее.

Через пару дней капитан Ми принес известие: «Голконда» перевернулась, все, кто был на борту, погибли. Корабль и впрямь не годился для морского плавания и не мог использоваться как

транспортное судно. Все прекрасно понимают, что на этом фрахте руки нагрели многие, в том числе военные и даже, вероятно, офицеры, ставшие пассажирами «Голконды». Скорее всего, предстоит официальное расследование.

— Всему виной алчные шпаки, — сквозь зубы процедил капитан. — Вот уж кого я ненавижу, так это купцов, наживающихся на солдатских душах. Эти сволочи еще хуже гробокопателей!

Ночью, лежа в койке, Кесри вспомнил двух калькуттских дезертиров. На допросах парни сказали, что опасаются тухлого провианта и негодных кораблей, но он отмел эти страхи, назвав их досужим враньем. Вспомнилось, как он командовал расстрелом, как дезертиры с повязками на глазах упали ничком.

Теперь эти мертвецы являлись в снах, обзывая его *накли гора*, белым жуликом, и дураком, который, точно попугай, все повторяет за ангрезами.

Раз в две недели Кесри наведывался в госпиталь, подкармливая хворых сипаев. Обычно он отбывал в Макао вместе с капитаном Ми, тот отправлялся навестить друзей и знакомых, а Кесри уже знакомыми улочками вышагивал к Мизерикордии, возглавляя процессию носильщиков со съестным.

Изголодавшиеся по новостям сипаи с нетерпением ждали его приходов и постоянно спрашивали, когда же их отправят домой. Кесри говорил, что на севере все еще идут переговоры: полномочные представители пытаются убедить мандаринов принять их требования. Он умалчивал о том, что конца-краю этому не видно.

Всякий раз Кесри замечал, что число больных опять возросло. Вскоре в госпитале закончились свободные койки, и новых пациентов отправляли в Манилу. А они все прибывали. В начале ноября Кесри узнал, что из двух с половиной тысяч бойцов, три месяца назад участвовавших в захвате Чусана, в строю осталось всего восемьсот человек.

Лишь в середине месяца он наконец-то смог сообщить хорошую новость: почти все подразделения корпуса возвращаются на южный участок! Британцы обещали вернуть Чусан в обмен на другой остров, который станет их базой. До выполнения договоренности на Чусане остается небольшой английский гарнизон, а прочие войска уже в пути и скоро прибудут в устье Жемчужной реки.

Добравшись до Гонконга, Захарий узнал, что мистер и миссис Бернэм на своей шхуне отбыли

в Макао, и, не теряя времени, сел на паром.

День клонился к закату, когда он взошел на борт «Анахиты»; к его удивлению, главная палуба была пуста, если не считать двух ласкаров, дремавших в тени стакселя. Интересно, тут ли миссис Бернэм, подумал Захарий. Скорее всего, она была на шхуне, и сердце его забилось чаще.

Увидев в кормовой части натянутый парусиновый тент, Захарий догадался, что он воздвигнут в угоду миссис Бернэм, боявшейся прямых солнечных лучей. Мелькнула непрошеная мысль: видимо, под навесом она и укрылась. Захарий виновато урезонил себя: подобные мысли до добра не доведут. Однако он не сделал попытки удержать свои ноги, когда те сами понесли его к квартердеку. Для шкипера вполне естественно подняться на шканцы, сказал он себе, так поступил бы всякий морской капитан.

Медленно взбираясь по трапу, Захарий приостановился, когда голова его чуть поднялась над уровнем палубы, и осторожно огляделся по сторонам. Не заметив никаких следов миссис Бернэм или кого другого, он испустил глубокий вздох, служивший знаком чего-то неясного ему самому — то ли облегчения, то ли разочарования. Увидев круглую лавку, вырезанную в основании

бизань-мачты, Захарий решил там и дождаться хозяев.

Он направился к мачте, но тут за его спиной скрипнула дверь каюты. Обернувшись, он узрел укутанную в одежды фигуру под вуалью.

— Мистер Рейд!

— Миссис Бернэм?

День выдался прохладный, но мадам не пожалела усилий для защиты от солнца: отделанное кружевами закрытое платье из белого ситца, нитяные перчатки по локоть, широкополая шляпа с белой сетчатой вуалью, напоминавшей забрало, в руке белый полотняный парасоль с кружевом по краю.

Захарий стоял как пригвожденный, а шляпа с сетчатым забралом медленно повернулась в одну сторону, потом в другую, после чего молниеносным движением кисти миссис Бернэм откинула вуаль.

— Похоже, мы одни, мистер Рейд. Муж отправился с визитом к капитану Эллиотту на «Уэлсли».

Захарий все не мог придумать, что сказать в ответ. Как всего органичнее приветствовать жену своего хозяина? Не найдя нужных слов, он шагнул к борту и ухватился за планшир. Захарий услыхал

шорох платья за спиной, но не обернулся, вперив взгляд в «Уэлсли», стоявший в четверти мили от шхуны. Все чувства были так обострены, что он догадывался о действиях миссис Бернэм, даже не глядя на нее. Ну вот, она встала рядом, соблюдая точно выверенную дистанцию, которая скажет случайному соглядатаю, что два малознакомых человека просто любуются видом.

— Я чрезвычайно рада, что выпала возможность повидаться с вами наедине, мистер Рейд.

Захария вдруг накрыло волной неутоленного желания, и он сам расслышал обиду, сквозившую в его тоне:

— Вы меня удивляете, миссис Бернэм. В нашу последнюю встречу вы ясно дали понять, что хотите избавиться от меня.

Из-под прикрытия медленно крутящегося зонтика миссис Бернэм бросила молящий взгляд.

— Полно, мистер Рейд, вы прекрасно знаете, каковы были обстоятельства. Если я выглядела нелюбезной, то лишь потому, что мне было чрезвычайно тяжело отказаться от наших с вами… от нашей близости. Но все это в прошлом, а мне нужно сказать вам нечто важное, и я не уверена, будет ли другой случай. Мистер Бернэм вот-вот вернется, у нас совсем мало времени.

— Так о чем речь? — спросил Захарий, удивленный ее напористостью.

— Это касается Полетт. Я знаю, вы к ней писали, объявив о разрыве отношений. Она поведала мне о вашем послании.

— И что сказала?

— Почти ничего, но я видела, что она ранена в самое сердце.

— Что ж, очень жаль, я старался быть вежливым. И потом, меня тоже глубоко ранили ее небылицы обо мне.

— Вышла ужасная ошибка! — Миссис Бернэм вздохнула, будто всхлипнула. — Полетт совсем другое имела в виду, а я все поняла неправильно!

— Что-то я не уразумею. — Захарий вдруг осип. — То есть она не говорила, что ждет ребенка?

— Впрямую — нет.

— А как насчет ее отношений с вашим мужем? Они были не столь уж невинны, правда?

— Я убеждена, что со стороны Полетт отношения были абсолютно невинны. Да, порки имели место, но она, конечно, не понимала, что происходит, а как только поняла, тотчас сбежала, дабы все не зашло слишком далеко.

Захарий уже свыкся с тем, что Полетт злонамеренно обманула его и миссис Бернэм, и теперь ему было трудно принять безосновательность своих умозаключений.

— Откуда вам это известно? Вы ее расспрашивали?

— Нет, я не задавала вопросов в лоб. На днях мы с мужем ездили в Макао и там случайно встретили Полетт. Я внимательно наблюдала за ними обоими, и она своим поведением, уж поверьте, напрочь опровергла наши с вами домыслы. Полетт держалась свободно и безбоязненно, а вот супруг мой трусил и тушевался. Я совершенно уверена, Полетт ни словом не солгала вам о том, что было между ней и мистером Бернэмом, — только то, о чем она сказала, и ничего другого.

Но Захарий все еще не сдавался:

— Не понимаю, отчего в вас такая уверенность.

— Я и впрямь в том убеждена, мистер Рейд. Теперь я сознаю, что позволила разыграться фантазиям. Я недоумевала, почему вдруг Полетт сбежала от нас, и вы, человек, который ее соблазнил и обрюхатил, были единственным тому объяснением. Когда вы пришли просить о работе, подозрение мое только окрепло. Я решила, что в моих руках вы раскаетесь в содеянном и навсегда

избавитесь от своего порока. Но вышло иначе: наперекор всему, меня к вам тянуло, и я не нашла в себе сил устоять. Потому-то, наверное, я охотно верила дурному о Полетт, хотя она воистину безвинна. Во всем виновата я одна.

Захарий начал сдавать позиции.

— Я виноват не меньше вас, миссис Бернэм, — нехотя признал он. — Вы все берете на себя, но мы оба хороши. И я был готов верить дурному о Полетт, потому что это вроде как уменьшало наше с вами преступление.

— Да, мы оба грешны… — Миссис Бернэм осеклась, увидев ялик, отчаливший от линкора. — Лодка мужа! Сейчас он будет здесь, а я с визитами отправлюсь в город. Времени в обрез, мистер Рейд, умоляю, выслушайте меня!

— Слушаю, миссис Бернэм.

— Мы… нет, я была ужасно несправедлива к Полетт и хотела бы загладить свою вину, да только боюсь, что тогда откроется правда… о нас с вами.

— Значит, ей о нас ничего не известно?

— Разумеется, нет. Я не сказала ничего такого, что могло бы воспрепятствовать вашему с ней будущему.

Захарий вскинул бровь:

— Что вы имеете в виду под «будущим», миссис

Бернэм?

— Ваше счастье, мистер Рейд. — Мадам пальцем смахнула слезу. — Теперь я понимаю, что вы с Полетт предназначены друг другу. И если б не я, вы были бы вместе. — Она повернулась к Захарию, глаза ее блестели. — Я порочное, эгоистичное, слабое создание, мистер Рейд. Поддавшись искушению, я стала причиной больших бед, ваших и Полетт, которую искренне люблю. Уж я-то знаю, каково это, когда разрушают твою любовь, и мне мучительно сознавать свою вину в разлучении двух любящих людей. Не дайте мне сойти в могилу с таким грехом на душе. Я не изведаю покоя, покуда вы не воссоединитесь.

— Теперь уж ничего не поделаешь, миссис Бернэм. Письмо мое получено, назад его не возьмешь.

— Выход есть, мистер Рейд. Извинитесь, объясните, что стали жертвой грязной сплетни. Вымолите прощение. Если я для вас хоть что-нибудь значу, сделайте это ради меня.

В голосе ее слышалась мольба, отказать которой было просто невозможно.

— Но как это осуществить? Полетт вряд ли захочет меня видеть.

— Об этом не тревожьтесь, мистер Рейд, я уже

продумала, как вас свести. — Заметив, что ялик пришвартовался к «Анахите», миссис Бернэм продолжила скороговоркой: — Возможность представится очень скоро. В Новый год мы устраиваем раут на шхуне. Муж хочет развлечь офицеров корпуса. Будут и дамы. Я пригласила Полетт. Она согласилась, поскольку не знает, что вы здесь. Вы должны прийти и поговорить с ней.

На этом она, взяв зонтик на плечо, сошла на главную палубу. Захарий двинулся следом, удивляясь тому, как быстро мадам обрела прежнюю стать и вальяжность. Супруги обменялись легкими поцелуями и парой тихих слов. Захарий восхищенно взирал на мадам и ее мужа, олицетворение самоуверенной властности.

— Можно взять ялик, дорогой? — сказала миссис Бернэм. — Я собралась с визитами в Макао.

— Конечно, милая. Ты не против, если я нагружу тебя поручением?

— Ничуть. Что от меня требуется?

— Ты, наверное, помнишь миссис Модди, с которой мы встречались в Бомбее? Кажется, я говорил, что в Макао она добралась на «Лани», верно? С ее покойным мужем, выдающимся человеком, мы вместе работали в Совете палаты. Знаешь, если б не он, нынче здесь не было бы

экспедиционного корпуса, однако в решающий момент мистер Модди бесповоротно встал в ряды защитников свободы.

— Да, я помню, ты о том рассказывал.

— Насколько я знаю, сейчас миссис Модди обитает в доме племянника на Прайя-Гранде. Наверное, надо пригласить ее на наш новогодний раут.

— Конечно, дорогой. Я непременно к ней заеду.

— Спасибо, милая. — Бернэм поцеловал жену в щечку.

Ялик отбыл, и лишь тогда мистер Бернэм обратил внимание на Захария.

— Идемте, Рейд, — сказал он, поднимаясь на квартердек. — Я уверен, вам есть что рассказать.

— Да, сэр.

В следующие полчаса, что они расхаживали по палубе, Захарий поведал о рейсах на «Лани» и «Ибисе», о торговле опием в Сингапуре и на китайском побережье. Бернэм слушал внимательно, однако молчал и лишь иногда одобрительно покачивал головой. Но вот возникло имя Ленни Чана, и он нарушил молчание:

— И впрямь полезное знакомство, Рейд! Весьма полезное.

Одобрение его стало еще более выраженным,

когда, ознакомившись со счетами, он узнал, что одна только нынешняя поездка принесла ему доход почти в миллион долларов; цифры красноречиво свидетельствовали: вопреки всем усилиям китайского правительства, спрос на опий, особенно среди молодежи, возрастал неудержимо.

— *Шахбаш*, Рейд! Превосходно! — воскликнул Бернэм. — Рост цен говорит о власти рынка и доказывает глупость тех, кто пытается противодействовать законам природы, освященным небесами. Ниспровергнуть тиранов суть божеское дело, и, несомненно, придет день, когда юных торговцев вроде вас назовут апостолами Свободы.

— Благодарю, сэр. Я был рад услужить. Пожалуйста, дайте знать, если еще чем-нибудь могу быть вам полезен.

Мистер Бернэм стал задумчив, лицо его выразило несвойственную ему неуверенность.

— Спору нет, Рейд, сработали вы отменно, однако вы еще очень молоды, — наконец сказал он. — Боюсь, вы пока не созрели для новых задач.

— Помилуйте, сэр, дайте мне возможность проявить себя, — горячо попросил Захарий.

Мистер Бернэм помолчал, словно взвешивая противоречивые варианты, и потом, найдя решение, приобнял Захария за плечи, приглашая продолжить променад по палубе.

— Ваша тяга к развитию весьма впечатляет, Рейд. Но вы, надеюсь, понимаете, что некоторые дела требуют строжайшей конфиденциальности?

— Безусловно, сэр. Я буду нем как рыба.

— Что ж, тогда посмотрите вон туда. — Мистер Бернэм подвел Захария к фальшборту и показал на «Уэлсли» и «Друид», стоявшие неподалеку. — В этих водах собраны тысячи солдат и матросов из разных уголков Британской империи. Трижды в день эту ораву надо кормить, учитывая все ее вкусы и предрассудки. Самая большая сложность — сипаи, бенгальские особенно, у которых великое множество правил питания. Они станут есть только привычные продукты: злаки, бобовые, сушеные овощи, специи и прочее. На их родине эта провизия дешева и доступна, но поди сыщи ее за морем. И тогда возникает ситуация, весьма благоприятная для первого закона торговли.

— Простите, я не понял, сэр.

— Купи подешевле, продай подороже — главный торговый закон, ясно?

— Да, сэр! То, что дешево в Индии, здесь сбывается втридорога?

— Именно! И если вдруг чей-то корабль полон подобного провианта (не скрою, что таков груз «Анахиты»), возможности для прибыли безграничны. Но чтобы сбыть товар, почти всегда необходимо скооперироваться с одним-двумя офицерами. И вот тут закавыка: военных, большинство которых на коммерцию взирает с нездоровым подозрением, склонить к сотрудничеству нелегко. Не будет преувеличением сказать, что в своей закоснелой враждебности к рыночным законам, заповеданным Господом, они ничуть не уступают тиранам Поднебесной.

— Неужели, сэр?

— Прискорбно, но это чистая правда. К счастью, всегда найдется пара офицеров, понимающих, что Господь не одарил бы человека любовью к прибыли, не будь это во благо. Стоит им осознать собственную выгоду, как они оказывают всяческое содействие, пользуясь своим большим влиянием на интендантов.

— Но как их отыскать, сэр?

— С помощью наблюдательности и усердия, Рейд. Главная задача — сбор сведений: нужно определить, кто из офицеров живет не по

средствам и нуждается в деньгах для расчета с кредиторами. Будьте уверены, в подобных экспедициях немало тех, кто записался добровольцем в надежде, что вознаграждения достанет для расплаты по долгам. — Бернэм побарабанил пальцами по поручню. — Могу сказать, что я уже присмотрел одного такого. Недавно я наблюдал за ним на «Уэлсли», когда он играл в карты. Безудержно азартный, он, похоже, погряз в долгах. Горяч, найти подход к нему будет очень и очень непросто. — Торговец окинул Захария оценивающим взглядом. — Я мог бы поручить его вам, Рейд. Как, справитесь?

— Конечно, сэр! — не раздумывая, выпалил Захарий. — Можете на меня положиться.

— Добро. Он ваш. Зовут его Невилл Ми, капитан, он приглашен к нам на новогодний раут.

Захарий, никак не ожидавший услышать от него имя офицера, с которым чуть не подрался, еле успел сдержать удивленный возглас. К счастью, мистер Бернэм не заметил его смущения.

— Вы, часом, не знакомы с капитаном? — спросил он.

— Немного, — промямлил Захарий. — Он был пассажиром «Лани».

— Ах да, конечно, я запамятовал. Удачно, что

вы уже виделись. Ну как, сумеете склонить его к сотрудничеству?

Захарий понимал, что подкупить капитана будет непросто, но не мог идти на попятную, рискуя потерять расположение мистера Бернэма.

— Я попробую, сэр. Приложу все старания.

У ворот Вилла Нова стояла скамья, на которой Кесри обычно поджидал капитана Ми, приглашенного на поздний завтрак или обед, а затем они вместе возвращались на Ша Чау.

И вот нынче, разглядывая набережную Прайя-Гранде, он приметил даму в широкополой шляпе с сетчатой вуалью и белым, отделанным кружевом парасолем на плече, шагавшую так резво, что подол платья раскачивался, точно колокол.

Поняв, что дама направляется к вилле, Кесри почтительно встал и отворил перед нею калитку; он думал, госпожа проследует мимо, одарив его в лучшем случае кивком, но та вдруг остановилась и повернула к нему лицо, скрытое сетчатым забралом, из-под которого неожиданно донесся низкий, чуть хрипловатый голос, произнесший на хиндустани:

— *Муджхе пехчана нахи*, не узнаешь меня, Кесри Сингх?

Изумленный хавильдар помотал головой, и

дама, сообразив, что он не видит ее лица, откинула вуаль.

— Ну? А теперь?

Кесри всмотрелся и, не веря себе, просипел:

— Кэти-мэм? *Аап хай кья*, вы ли это?

Дама рассмеялась и вновь сказала на хиндустани:

— Да, Кесри Сингх, это я!

И тогда сквозь облик зрелой дамы вдруг проглянули черты девушки, у которой когда-то давно Кесри был оруженосцем. Вспомнилась ее былая очаровательная непосредственность, проявившаяся и сейчас, когда она так запросто с ним заговорила. Однако чуть пополневшее лицо ее как будто излучало грусть.

— *Мааф карна*, Кэти-мэм, простите, что не узнал вас. Нынче вы совсем другая.

Она рассмеялась.

— И ты изменился, Кесри Сингх, вот только глаза прежние. По ним я тебя и узнала, хоть столько времени прошло.

— Полтора десятка лет, а то и больше.

— Верно. Теперь я миссис Бернэм, а ты, вижу, стал хавильдаром.

— Да, Кэти-мэм. Как поживает ваш батюшка, генерал-саиб?

— Здоров, и мама тоже. Они вернулись в Англию, с ними моя дочка.

— У вас одна девочка?

— Да, только одна. А у тебя сколько детей?

— Четверо. Два мальчика и две девочки. Они в деревне, с моей женой и родными.

— А что твоя сестра? Ты, помнится, о ней часто рассказывал. Как бишь ее имя…

Кесри аж вздрогнул, словно Дити коснулась его, дотянувшись из далекого прошлого. Вопрос так его изумил, что он воскликнул:

— *Каамал хай!* Невероятно, что вы помните мою сестру! Ее зовут Дити.

— Ну да, верно. — Мадам улыбнулась. — А как ты-то оказался в Китае?

— Да вот стал баламтёром экспедиционного корпуса, Кэти-мэм.

Миссис Бернэм опустила взгляд, будто не решаясь спросить еще о чем-то, но потом проговорила, негромко и осторожно:

— Как там дела в полку? Как поживают офицеры?

Расплывчатость вопроса не обманула Кесри, он понял, что собеседницу интересует один конкретный человек — не кто иной, как капитан Ми. Ведь кроме Кесри вряд ли кто-нибудь знал о

тех давних отношениях барышни и лейтенанта. И сейчас чутье подсказало, что ничего хорошего не выйдет, если Ми вновь окунется в былое безумие, *джунун*. Кэти-мэм уже не девочка, она замужняя дама, и муж ее, наверняка богатый и влиятельный, запросто сломает жизнь какому-то капитану.

— Господин Ми с нами, он командир нашей добровольческой роты, — тихо и спокойно, словно предупреждая, сказал Кесри и, заметив, как вдруг краска сбежала с лица миссис Бернэм, поспешно добавил: — Сейчас он в этом доме на званом завтраке.

— *Яха хай*, он здесь?

Мадам замерла, будто готовясь пуститься наутек, но тут ее окликнули:

— Миссис Бернэм? Неужели это вы? — Ширин сбежала по ступеням крыльца. — Как мило, что вы пришли! Идемте в дом.

— Здравствуйте, миссис Модди.

Приветствуя гостью, Ширин отметила ее бледность и дрожащие руки.

— Что случилось, миссис Бернэм? Вам нехорошо?

Мадам выронила зонтик и, покачнувшись, схватилась за грудь. Казалось, она вот-вот упадет

без чувств. Ширин взяла ее под руку и отвела к веранде.

— Господи боже мой, что с вами?

— Ничего, просто закружилась голова, — чуть слышно проговорила миссис Бернэм, прижав пальцы к виску. — Так неловко, что доставляю вам хлопоты. Пустяки, сейчас пройдет.

— Вам надо присесть!

Ширин помогла гостье подняться на веранду и усадила в кресло.

— Может, воды, миссис Бернэм?

Мадам кивнула и хотела что-то сказать, но тут в вестибюле раздалось гулкое эхо мужских голосов. Дверь распахнулась, выпустив Диньяра, капитана Ми и еще двух офицеров.

— Честь имею, миссис Модди. — Капитан приложил пальцы к козырьку кивера. — Благодарствуйте за отменный карибат.

— До свидания, господин Ми.

Заметив, что капитан смотрит на гостью, Ширин хотела ее представить, но миссис Бернэм отвернула закрытое вуалью лицо, да и вся ее поза говорила о нежелании знакомства.

Проводив офицеров, Ширин подсела к мадам.

— Прошу извинить, если я выглядела невежей, — прошептала миссис Бернэм, — но я очень

плохо себя чувствую.

— Я вас прекрасно понимаю. Может, на минутку приляжете?

— Да, если можно.

Поддерживая под руку, Ширин отвела гостью в свою спальню, приняла ее шляпу и помогла улечься. Однако ее встревожили бисерины пота, усеявшие лоб миссис Бернэм.

— Не послать ли за доктором?

— Нет-нет! — Миссис Бернэм вытянулась на постели. — Всего-навсего приступ тошноты. Сейчас пройдет.

— Точно?

— Да. — Мадам похлопала по покрывалу: — Посидите со мной, миссис Модди.

— Пожалуйста, называйте меня Ширин.

— Хорошо, а вы меня — Кэти. — Миссис Бернэм перевела взгляд на портрет в рамке, что стоял на прикроватной тумбочке. — Это ваш покойный муж?

— Да. — Ширин подала ей портрет.

С минуту миссис Бернэм молча его рассматривала, потом тихо сказала:

— Красивый мужчина.

Ширин безмолвно поблагодарила улыбкой.

— Я много слышала о вашем супруге. Муж мой

очень высокого мнения о нем и попросил нанести вам визит.

Губы Ширин дрогнули, она уткнулась подбородком в плечо.

— Наверное, вы его очень любили, — прошептала миссис Бернэм.

И вновь ответом была только слабая улыбка.

— Знаете, Ширин, хоть вас постигло горе, вы все равно счастливица, ибо не всякой женщине выпадает удача связать свою жизнь с любимым человеком.

Миссис Бернэм будто поперхнулась, и Ширин увидела, что гостья утирает глаза.

— Что такое, Кэти?

Несмотря на все усилия справиться с собой и выдавить улыбку, миссис Бернэм выглядела совершенно убитой. Ширин не ведала истоков ее печали, но это не имело значения — казалось, она и миссис Бернэм, хоть едва знакомы, прекрасно понимают друг друга. Похоже, и та была растрогана внезапно возникшей близостью. Она взяла Ширин за руку и тихо проговорила:

— Мы станем добрыми друзьями, правда?

— Я в это верю, Кэти.

— Милости прошу к нам на «Анахиту». На следующей неделе, в первый день нового года, мы

с мужем устраиваем раут и будем счастливы видеть вас нашей гостьей.

— Вы очень любезны, только…

Слова вдруг иссякли. Как объяснить, что «Анахита» — не обычный корабль? Всякий раз, когда Бахрам отплывал из Бомбея, Ширин поднималась на палубу и в молитве просила шхуну его уберечь. Оказалось, напрасно, ибо с ее-то борта он и шагнул в смерть.

— Пожалуйста, обещайте, что придете! — Миссис Бернэм сжала руку новой подруги.

— Я бы с радостью, Кэти, но, боюсь, это станет испытанием, поскольку все вокруг напомнит о том, что случилось с моим мужем. — Ширин помолчала. — Возможно, будет капельку легче, если я приду с друзьями Бахрама — мистером Карабедьяном и его крестником…

Миссис Бернэм не дала ей договорить:

— Конечно! Приходите с друзьями, мы будем только рады!

На исходе дня, уже после отбоя в лагере на Ша Чау, вестовой доложил, что Кесри срочно вызывают в палатку капитана Ми.

Несмотря на поздний час, капитан был в полной форме.

— Получен приказ коммодора Бремера быть

готовыми к возобновлению боевых действий. Несколько дней назад капитан Эллиотт передал мандаринам ультиматум: немедленное принятие требований или война. Срок ультиматума истек, в любой момент может поступить приказ о нашем выдвижении.

— Когда именно, каптан-саиб?

— Думаю, день-другой еще есть. — Ми зевнул. — Начальство будет тянуть резину сколько сможет. Но я решил тебя предуведомить.

— Слушаюсь. — Весь вечер Кесри искал возможность переговорить с капитаном наедине и теперь, понимая, что вот-вот его отправят обратно, поспешно сказал: — Тут вот какая штука, каптан-саиб…

— Ну что еще? Давай скорее.

— Нынче в Макао, когда я ждал вас у виллы купца-парса…

— Ну?

— Меня узнала одна дама.

— Да? — Капитан вскинул бровь. — И что из этого?

— Это была мисс Кэти.

Ми дернулся, как от удара, смуглое лицо его побледнело.

— Ты говоришь о…

— Да, о дочке генерала Брэдшоу.

Капитан крутанул пресс-папье, точно юлу, и, не глядя не Кесри, спросил:

— Та дама под вуалью?

— Да, каптан-саиб.

— Ты не обознался?

— Никак нет. Она сама со мной заговорила. Спрашивала о вас.

— И что ты ей сказал?

— Мол, вы здесь, в экспедиционном корпусе. Она этого не знала.

Капитан наконец оторвал от стола взгляд, в котором плескалось недоумение.

— Что она делает в Китае?

— Она здесь с мужем, каптан-саиб. Зовут его мистер Баннэм или как-то так.

— Бернэм?

— Точно! Она назвалась миссис Бернэм.

— О господи! — Ми вскочил и стал расхаживать по палатке. — Как же я не сообразил… да нет, и мысли не было…

— Мысли — о чем, каптан-саиб?

Ми глянул искоса.

— Давеча я виделся с ее мужем на «Уэлсли», но мне и в голову не пришло, что он… что они… В общем, он пригласил наших офицеров на отме-

чание Нового года. Бернэм хочет устроить настоящее представление — почетный караул, подъем флага и все такое. Я обещал привести отделение сипаев, флейтистов и барабанщиков. — Высунувшись из палатки, капитан посмотрел на речное устье. — Наверное, и Кэти будет там, да?

— Так точно, каптан-саиб. — Кесри кашлянул в кулак. — Может…

— Что?

— Может, вам туда не ходить?

Против ожидания, в ответ капитан не рявкнул, но глубоко вздохнул, словно покоряясь судьбе, которую он не в силах изменить.

— Все это дьявольское наущение, хавильдар, но я не могу не повидать ее… я должен пойти… — Ми смолк и посмотрел Кесри в глаза. — Мне поможет, если ты будешь рядом и возглавишь отделение, которое я поведу на корабль.

— Это приказ, сэр?

— Нет, — сказал капитан. — Но я был бы тебе признателен.

Вся его командирская властность бесследно испарилась, теперь взгляд Ми полнился чуть ли не детской растерянностью и беззащитностью, словно годами копившееся ожесточение куда-то истекло и он вновь стал пылким и простодуш-

ным юношей, у которого давным-давно Кесри служил денщиком. Правда, в те времена он ни о чем так настойчиво не просил и никогда так не проявлял своих чувств. А сейчас казалось, будто мучительная боль, притаившаяся в глубоком тайнике его души, прорвала наносную оболочку жесткого грубияна, превратив в того, кто абсолютно беспомощен перед властью любви.

Кесри больше не пытался отговорить капитана, поняв, что ему не по силам уберечь свое былое дитятко.

— Есть возглавить отделение, каптан-саиб!

Глава 16

По подсказке Джоду, Нил еще издали приметил «Кембридж», стоявший на якоре у Вампоа. Корабль этот выглядел чудны́м, прежде не виданным сплавом Востока и Запада. Типичный силуэт английского торгового судна с полным такелажем не вязался с украшениями, придававшими «Кембриджу» вид замаскированной боевой джонки: на его мачтах трепетали флажки с иероглифом «отвага» и символами инь-ян, над палубой тянулись гирлянды бумажных фонариков, с фальшбортов почти до самой воды свешивались лозунги с китайскими письменами, похожие на гигантские свитки. И разумеется, с боков носа смотрели два огромных глаза. Из-за этой детали корабль выглядел знакомо и слегка комично: в Бенгалии на всяких судах, больших и маленьких, тоже рисовали глаза на форштевне, однако на трехмачтовике ливерпульской постройки они были как-то не к месту.

На борту Нила ждало еще немало сюрпризов — география помещений осталась европейской, но использовались они совершенно иначе. Ки-

тайский командный состав предпочел расположиться на полубаке, который на западных судах всегда отводился команде, а ласкары обитали в кормовой надстройке, неизменной прерогативе офицеров на английских кораблях.

Управление «Кембриджем» тоже отличалось от западного образца. Капитана как такового не было, но имелся *лао-да* — скорее этакий администратор, нежели командир. Матросов это вполне устраивало, ибо давало им возможность самостоятельно принимать согласованные решения по тем или иным оперативным вопросам, благодаря чему обстановка на корабле была более раскованной.

Состав команды отмечала большая разномастность: кроме ласкаров-индусов, в нее входили матросы с Явы, Суматры, Молуккских островов, Филиппин и, конечно, из Гуандуна; в общем-то все они прекрасно ладили, и потому на борту царил дух товарищества.

Вместе с тем «Кембридж» излучал некую загадочность, точно корабль-призрак, — его всегда окружали сторожевые лодки, а команда сходила на берег только под конвоем, который то ли охранял, то ли предотвращал побег. Джоду был не единственный, кто как бы в шутку называл

«Кембридж» плавучей тюрьмой.

Больше всего Нил страдал от отсутствия новостей — на борту никто не знал, что происходит вокруг, словно корабль уже ушел в плавание.

К счастью, безальтернативным связником стал Комптон, доставлявший на «Кембридж» приказы властей. Визитов сего источника информации все ждали с большим нетерпением, а уж Нил-то особенно.

После года совместной работы он чутко улавливал настроения друга и вскоре заметил, что Комптон, утратив свою обычную бодрость, с каждым разом выглядит все более удрученным. Кроме доставки сообщений, иной работы почти не осталось, жаловался печатник. Новый генерал-губернатор Цишань привез своего толмача, да беда в том, что этот Пен Бао никакой не переводчик, его знание английского ограничено пиджином, которого он нахватался, служа у печально известного торговца опием Ланселота Дента. Новый толмач — *хоу-гау*, подлец, который «врет даже в молитве». Однако он как-то сумел снискать расположение генерал-губернатора, а прежних советников и толмачей комиссара Линя погнали вон. Бюро переводов распустили, Чжун Лоу-сы больше не подпускают к серьезным

делам.

В начале ноября печатник буквально ошарашил Нила, сообщив ему, что намерен покинуть Гуанчжоу и вместе с семьей перебраться в свою родную деревню неподалеку от Чуенпи.

Зная, что Комптон и его родные очень любят Гуанчжоу, Нил оторопел.

— Но почему? Что-то случилось?

Печатник помрачнел.

— Ситуация в городе быстро меняется. В ходу ярлыки «предатель», «шпион», и потому у всякого, кто был связан с иноземцами, есть повод для опасений. Город превратился в крокодилий садок. Поди знай, что может произойти. Ради блага семьи я решил уехать.

Команда «Кембриджа» знала, что напряжение в городе возрастает, однако это не остановило ласкаров-мусульман от ежемесячного посещения мечети Хуайшэн. Правда, проявив благоразумие, они больше не пользовались паромной переправой, но вместе с вооруженным конвоем добирались до Гуанчжоу в нанятых лодках. Обычно ласкары отбывали в четверг вечером, ночь проводили в мечети и на другой день после полуденной молитвы возвращались на «Кембридж».

Возможность вырваться из корабельного

заточения выпадала нечасто, и потому Нил присоединялся к ласкарам в их ежемесячных вылазках. Джоду с друзьями шел в мечеть, а он, переправившись на другой берег реки, добирался до монастыря Океанский Стяг, где всегда мог рассчитывать на теплый прием Таранатх-джи. Бывало, там он встречал и Комптона.

Однажды в разгар зимы их троица завела долгую беседу. Из верных источников Комптон узнал, что генерал-губернатор Цишань не желает нового вооруженного столкновения с англичанами; будь его воля, он бы удовлетворил их требования. Но император категорически запретил всякие уступки. Приказ Пекина остался неизменным: любой ценой изгнать «несносных чужаков» из Китая.

В разговор вступил Таранатх-джи, заметив, что выдворение англичан возможно, если последовать совету гуркхов: объединенными силами атаковать британцев с тыла, на бенгальских территориях Ост-Индской компании. И тогда у вынужденных обороняться англичан не останется иного выхода, как уйти из Китая.

Комптон печально улыбнулся: да, Чжун Лоу-сы говорил, что нынешний король Непала Раджендра Бикрам Шах недавно повторил свое

предложение военной интервенции в Индию, призвав Пекин поддержать его в войне с британцами.

Услышав это, Нил взбодрился, окрыленный надеждой.

— И каков был ответ? — спросил он. — Есть ли шанс, что китайцы поддержат гуркхов в боях на землях Британской Индии?

Комптон покачал головой:

— Нет, это противоречит политике Пекина не заключать союзы с иными царствами. И потом, империя Цин не вполне доверяет гуркхам.

От этих слов Нила аж тряхнуло.

— Какие же вы, китайцы, дураки! — вскричал он. — Умные-то вы умные, но дураки! Как же вы не понимаете, что лишь этот маневр мог бы сработать! Гуркхи абсолютно правы!

Комптон покорно вздохнул:

— Сейчас это уже неважно. Время упущено.

Ночью Нил лежал без сна, размышляя о том, как в Индостане и Китае все могло бы измениться, если б империя Цин прислушалась к своим непальским данникам. Гуркхи могли бы занять значительную часть Гангской равнины, создав государство, способное обуздать европейские державы.

Если б не близорукость кучки людей в Пекине, карта мира стала бы совсем иной…

Нил уже начал задремывать, и тут вдруг за рекой что-то загрохотало. Выскочив на улицу, он увидел фейерверк над американской факторией, где еще обитали несколько иноземных купцов.

Видимо, они праздновали 1841 год, только что наступивший по западному календарю.

Поначалу Ширин собиралась пойти на новогодний раут Бернэмов в своем лучшем вечернем платье. Но потом занервничала, ибо не могла избавиться от мысли, что Бахрам не одобрил бы появления в европейской одежде на борту «Анахиты», для него-то и строившейся. В результате выбор пал на мужнин подарок — лиловое шелковое сари, украшенное кантонской вышивкой.

Задиг и Фредди поддержали национальный стиль, в свою очередь отказавшись от привычных сюртуков и панталон. В день раута прибыв на виллу, Задиг выглядел как сановник Блистательной Порты: крепдешиновый кафтан, высокая черная шапка. Следовавший за ним Фредди был одет в простой, но элегантный китайский халат с изящной отделкой воротника. Однако на свежевыбритом лице молодого человека застыло несвойственное ему выражение тревожного

ожидания — предстоящий визит на знакомую шхуну явно разбередил его чувства.

Согласно договоренности, баркас с «Анахиты» ожидал гостей на той стороне мыса, что смотрела на внешний рейд. Ширин, к причалу прибывшая в паланкине, была ошеломлена тем, как ее встретили на баркасе. К ней подбежал боцман и, отдав честь, гаркнул:

— *Салаам, биби-джи! Кхем чхо?* Здравия желаю, хозяйка! Как поживаете?

Мало того, что моряк заговорил на гуджарати, он как будто прекрасно знал, к кому обращается. Вглядевшись, Ширин поняла, что боцман этот из самой первой команды «Анахиты», члены которой служили ее семье еще до постройки шхуны, а его еще мальчишкой привезли из Кача[89] и взяли юнгой на бателo ее отца.

— Юсуф-джи? Ты, что ли? — спросила Ширин.

— Он самый, биби-джи. — Боцман обрадовался, что его узнали, и бородатое обветренное лицо его расплылось в широкой улыбке.

— Значит, по-прежнему служишь на «Анахите»?

— Так точно, — кивнул боцман. — Господин

---

[89] Примечания: 89
Кач — округ штата Гуджарат.

Бернэм сохранил всю старую команду.

Все до единого матросы прежде служили сету Бахраму, и все они взбудоражились, узнав о визите Ширин, которая для них оставалась хозяйкой.

— Пусть доски «Анахиты» перешли в иные руки, но душа ее навеки с вами и вашей семьей, биби-джи, — сказал боцман. — Корабли, они как лошади — помнят тех, кто их взрастил.

Баркас отошел от причала, и радость взаимного узнавания вспыхнула еще ярче. Среди множества судов, стоявших в проливе, Ширин легко отыскала взглядом «Анахиту»: ни один «купец» или военный корабль не обладал таким изяществом прогулочной яхты.

Шхуна тоже как будто ее узнала и оживилась, столпившиеся у фальшборта матросы вытягивали шеи, стараясь разглядеть вернувшуюся хозяйку. Восторженность их смущала Ширин, ибо все это выглядело так, будто она явилась востребовать наследство, захваченное самозванцами. Возникла мысль, не обидит ли Бернэмов прием, оказанный ей командой.

Но если миссис Бернэм и была этим раздосадована, то виду не подала, приветствовав всю троицу сердечно, а Ширин так с особой теплотой. Подхватив гостью под руку, она сказала:

— Наверное, вы хорошо знакомы с этим кораблем, дорогая?

— Да, конечно.

Похоже, миссис Бернэм совершенно оправилась после недавнего приступа нездоровья, лимонное вечернее платье с завышенной талией и пышными рукавами с шестью перехватами было ей к лицу.

— Не желаете ли вместе с друзьями прогуляться по судну и вспомнить былые времена?

— Благодарю вас, вы очень любезны.

— Тогда идемте, я вас сопровожу, покуда не подъехали другие гости.

Ширин не ошиблась в своем предположении, что интерьер шхуны претерпел большие изменения. Коридор, что вел к покоям Бахрама, некогда украшали картины и резные панели с зороастрийскими и ассирийскими сюжетами. Теперь они пропали, нигде никаких художеств.

Еще бóльшая неожиданность поджидала в конце прежде богато убранного коридора, где располагались «Хозяйские апартаменты», путевая обитель Бахрама, — просторная, роскошно обставленная каюта с кормовыми иллюминаторами.

Ширин допускала, что здесь-то и поселятся

новые хозяева шхуны, но, к ее изумлению, каюта использовалась как чулан. Распахнувшаяся дверь явила нагромождение всевозможной мебели: кресла, столы, разобранные кровати, козетки и даже фортепьяно. Один иллюминатор был открыт настежь.

— К сожалению, случилась неприятность, — сказала миссис Бернэм. — На подходе к Китаю налетел шквал, распахнувший иллюминаторы, и всю каюту залило, ей требуется серьезный ремонт. Но это уже на верфи, а пока мы ее используем под кладовую. Вот, видите, — она показала на иллюминатор, — опять открыт. Ведь только что я приказала ламповщику его задраить, но этот остолоп, конечно, тотчас все забыл.

Фредди шагнул к иллюминатору:

— Позвольте, я закрою?

— Ох, если вас не затруднит.

Молодой человек задраил иллюминатор и сквозь стекло посмотрел на багровеющий горизонт.

— Бахрам-бхай любил эти оконца, — сказал Задиг. — Бывало, полеживает в кровати и смотрит вдаль.

В памяти Ширин слова эти воскресили образ мужа, да так ярко, словно он собственной

персоной выступил из загробной тени, чтоб полюбоваться закатом. И дома, в Бомбее, Бахрам задумчиво и вроде бы с легкой грустью частенько взирал на море. Порой Ширин гадала, чем заняты его мысли, и теперь вдруг поняла, что он, видимо, думал о своей любовнице и сыне Фредди, который в данную минуту точно так же смотрел в иллюминатор.

Или просто каюта насыщена памятью о Бахраме и оттого возникло ощущение его незримого присутствия? Ширин поежилась.

— Давайте выйдем на воздух, Кэти, — попросила она.

— Да-да, конечно, тут сильно пахнет плесенью, правда? Вернемтесь на палубу.

Миссис Бернэм взяла Ширин под руку, и они вышли в коридор, где их уже поджидал Ноб Киссин-бабу.

— Прибыл капитан Ми с сипаями, — доложил гомуста. — Берра-саиб просит миссис Бернэм их встретить.

— Хорошо, бабу, спасибо.

Тон миссис Бернэм был ровен и безмятежен, однако Ширин почувствовала, что мадам напряглась и дыхание ее участилось.

— Что-то не так, Кэти?

— Нет-нет, ничего. Все прекрасно, — сказала миссис Бернэм, но как-то придушенно и еще крепче ухватила руку Ширин, словно ища поддержки. — Вы уже знакомы с капитаном, верно? Может, встретим его вместе?

— Да, конечно.

Флейтисты и барабанщики гуськом поднимались по трапу и, ступив на палубу, проворно перебегали на нос судна, где уже выстроилось отделение сипаев.

Поднявшийся последним капитан Ми выглядел впечатляюще: парадная форма, сабля, алая пелерина. Увидев его, миссис Бернэм буквально стиснула руку Ширин, на которую пока лишь опиралась. Казалось, волнение ее еще больше возросло, когда к капитану подошел мистер Бернэм. Мужчины поздоровались, затем судовладелец направился к другому гостю, и представить капитана хозяйке раута выпало на долю Ширин. Приступив к процедуре знакомства, она заметила, что миссис Бернэм ужасно побледнела, а господин Ми, напротив, залился ярким румянцем. Мало того, во время рукопожатия кокарда на кивере капитана, который он держал на сгибе левой руки, задрожала как осиновый лист. Хозяйка и гость точно онемели и лишь смотрели друг

на друга, а потом капитан рванул ворот мундира, словно ему не хватало воздуха.

Сцена была очень странной, и Ширин отвернулась, решив, что все это ей помнилось, но увидела Кесри Сингха, который не сводил глаз с капитана и миссис Бернэм. Встретив взгляд Ширин, он воспринял его как сигнал, что пора вмешаться, и поспешно шагнул к капитану:

— Там надо кое-что уладить, сэр…

Военные отошли, и тогда Ширин спросила:

— Что-то случилось, Кэти?

— Нет, все в порядке, — сказала миссис Бернэм, провожая взглядом капитана и Кесри.

— В тот день на Вилла Нова я видела, что вы разговаривали с хавильдаром. Вы с ним знакомы?

— Да, — чуть слышно ответила миссис Бернэм. — Он служил в полку моего отца, я знаю его давно.

— Правда? — удивилась Ширин, сбитая с толку внезапной догадкой. — Но тогда, стало быть, вы знакомы и с капитаном? Он как-то обмолвился, что лет двадцать служит вместе с хавильдаром.

Отклик миссис Бернэм был уж совсем неожиданным — у нее задрожали губы, она прикрыла глаза и прошептала:

— Вы правы, дорогая. Я и впрямь знаю мистера

Ми. Как-нибудь я расскажу вам, как мы познакомились…

Тут опять возник Ноб Киссин-бабу с очередным сообщением:

— Прибыла лодка мисс Полетт Ламбер.

Ширин отступила в сторону, наблюдая за встречей новой гостьи.

Полетт была в дурно сидевшем старомодном дорожном платье, голову ее украшало нечто вроде вдовьего чепца. Не красавица в общепринятом смысле, она, отметила Ширин, излучала этакий свет, приковывающий взгляд.

А Захарий, с другого конца палубы тоже наблюдавший за объятьями хозяйки и гостьи, вдруг попеременно взревновал одну к другой. Две эти женщины как будто располагались на разных полюсах его желания: одна прямодушная, импульсивная и простая во вкусах, другая загадочная, утонченная и повенчанная с роскошью. И сейчас их совместный образ высек искру озарения: пусть они абсолютно разные, он-то всегда будет рабом обеих. Только теперь это неважно, поскольку для него обе потеряны безвозвратно.

Краем глаза Полетт заметила Захария, и ее тотчас залихорадило, ибо рана, нанесенная письмом, еще саднила, и мысль об общении с его

автором была нестерпима. Знала б, что он будет на рауте, ни за что не пришла бы, но теперь уж ничего не попишешь.

Как в тумане, она развернулась в другую сторону, прошла к палубному трапу и поднялась на квартердек, где уже собралась большая компания молодых офицеров. В толпе лавировали стюарды с подносами, уставленными алкогольными и освежающими напитками. Солнце еще не скрылось за горизонтом, но уже ярко горели цветные китайские фонарики в гирляндах, растянутых меж мачтами.

И тотчас перед Полетт возник мистер Дафти.

— Надо же, мисс Ламбер! — воскликнул он. — Я не знал, что вы приглашены, и прям-таки чертовски рад вас видеть! Прослышав, что вы в этих краях, я искал встречи с вами!

Полетт тоже обрадовалась знакомому лицу.

— Мистер Дафти! Вот уж удивительно, что мы вновь свиделись на приеме Бернэмов!

Слова ее породили безудержный поток воспоминаний лоцмана о калькуттских пирах.

— О эти старые добрые застолья у Бернэмов! Помните ли, каких овсянок там подавали, мисс Ламбер? А чички со шпинатом? Только подумаю о тех яствах, весь исхожу слюной!

— Вас можно понять, мистер Дафти.

Боковым зрением подметив возникшую тень, Полетт сразу поняла, что это Захарий. Стало зябко, когда тень начала смещаться с периферии к центру обзора, но усилием воли Полетт удержала взгляд на лице мистера Дафти, уныло вбирая детали вроде пористых мясистых щек и шевелящихся бакенбард котлетой. Услышав зловещее покашливание, она смекнула, что Захарий пытается вступить в разговор. Дабы лишить его этой возможности, Полетт затараторила:

— А помните перепелов, завернутых в бекон? Точно петушки в накидках, говаривала миссис Бернэм.

— Разве такое забудешь? Ну вот, уже засосало под ложечкой!

— А жаркое от миссис Бернэм? Клянусь, лучше я не пробовала нигде.

Мистер Дафти, все еще не ведавший о Захарии за его спиной, откликнулся восторженно:

— Не забудьте тамошние гарниры и приправы, мисс Ламбер! Согласитесь, что чатни миссис Бернэм недосягаем для прочих хозяек!

Полетт облегченно вздохнула, отметив, что ее тактический прием неожиданно возымел успех: Захарий, этак стыдливо понурившись, отступил

в сторону. Воодушевленная его непонятной растерянностью, Полетт вознамерилась продолжить в том же духе, но не смогла, ибо кулинарная тема разожгла аппетит мистера Дафти. Увидев стюарда, несшего поднос со снедью, старый лоцман наскоро извинился и бросился за ним вдогонку, оставив Полетт именно в том положении, которого она так стремилась избежать, — наедине с Захарием.

Вновь услышав покашливание, Полетт заполошно огляделась и, не найдя поблизости никакого убежища, просто отвернула лицо, надеясь хоть так отвадить нежеланного собеседника.

Однако расчет ее не оправдался, сердитый вид отнюдь не обескуражил Захария, но напомнил ему о тех временах, когда ссора была единственным способом выманить милый образ из тени в свои объятья. Он как будто вернулся к себе прежнему, когда мечты о главном объекте его желаний были весьма просты. Извинение, тщательно составленное по приказу миссис Бернэм, вылетело из головы, и Захарий смог лишь промямлить:

— Мне нужно кое-что сказать вам, мисс Ламбер…

Явная неловкость визави придала Полетт сил

для резкого ответа:

— Ваши нужды меня не касаются, мистер Рейд. Я не желаю о них знать.

Захарий оттянул воротник сорочки.

— Прошу вас, мисс Ламбер…

У Полетт возникло ощущение, будто ее загнали в угол, но тут вдруг пришло спасение в виде удара гонга.

— Дамы и господа!

Голос мистера Бернэма дал прекрасный повод повернуться спиной к Захарию.

— Дамы и господа, позвольте сказать несколько слов, перед тем как мы вознесем молитву за успех дела, ради которого был сформирован наш экспедиционный корпус.

Мистер Бернэм выглядел проповедником на амвоне: одна рука на корабельном компасе, другая ухватилась за лацкан сюртука, рокочущий бас.

— Наверное, вы знаете, что две недели назад капитан Эллиотт направил новому генерал-губернатору Цишаню ультиматум, в котором уведомил: в случае непринятия наших требований Кантон будет атакован. Срок ультиматума давно истек, и вероятность получения ответа крайне мала. Всем известен императорский указ, предписывающий мандаринам «сокрушить

варваров». — Мистер Бернэм выдержал паузу, оглядел притихшую аудиторию и вновь заговорил, набирая мощь: — Что ж, маньчжурский тиран свое получит. Достоверный источник сообщает, что вскоре — возможно, уже на этой неделе — возобновятся боевые действия, исход которых не вызывает ни малейших сомнений и будет иметь воистину историческое значение.

Мистер Бернэм коснулся эполета капитана Ми, стоящего рядом:

— Вот на плечи таких людей возложена задача по освобождению одной четвертой части человечества от тирании и наделению китайского народа даром свободы, которым Британская империя уже обеспечила все уголки земного шара, ею захваченные и покоренные. — Торговец простер руку к молодым офицерам на квартердеке: — Вам, джентльмены, выпало счастье преподнести китайцам дары, кои Британия уже пожаловала бессчетным миллионам, ныне прославляющим правление нашей милостивой монархини и твердо уверенным в том, что нет большей свободы и большей причины для гордости, нежели пребывание подданным Британской короны. Сам Всевышний доверил сию священную миссию белой расе и нашей нации. Я ничуть не

сомневаюсь, джентльмены, вы вновь докажете, что достойны ее исполнить.

Злые языки утверждают, будто наше правительство умышленно искало конфронтации. Напротив, мы проявили образец терпения, стоически снося оскорбления и попрание нашего достоинства. Мы направляли миссию за миссией, пытаясь пробиться к безбожному тирану, именующему себя Сыном неба, но все наши дипломатические усилия пропали втуне. Наших посланников, представителей самой мощной нации на земле, оскорбляли и гнали прочь, награждая эпитетами вроде «варварского ока», или требовали, чтобы они пали ниц перед деспотом, заявляющим о своем божественном мандате. Все наши попытки найти компромисс и пути к замирению оказались тщетны, маньчжурский угнетатель их отверг напрочь. Самовлюбленный невежда, он сам навлек на себя и своих присных возмездие, кое вот-вот грянет. Он один безоговорочно ответствен за возмутительные действия комиссара Линя, увенчавшиеся беспримерным грабежом, то бишь захватом нашего груза. Пусть ни у кого даже на секунду не возникнет мысль, что наш нынешний поход продиктован желанием получить материальную компенсацию.

Сей конфликт предопределен судьбой, он был неизбежен, как столкновение Каина с Авелем. С одной стороны — нация, погрязшая в греховности, тирании, самодовольстве и зле, с другой — подлинные, зрелые представители свободы, культуры и прогресса, каких только знает история.

Речь мистера Бернэма была прервана взрывом аплодисментов, который он остановил признательным жестом.

— Нельзя забывать, что в сердцевине сего противостояния два бесценных святых понятия: свобода и достоинство. Предстоящая война будет не только ради освобождения потомков династии Хань от маньчжурской тирании, но и ради защиты нашей собственной чести, в здешних краях подвергшейся беспримерному унижению.

Аудитория откликнулась неслаженным хором:

— Позор! Позор!

Мистер Бернэм переждал выкрики и продолжил:

— Допустимо ли вечно глотать обиды, какие здесь наносят белому человеку? Что, так и будем мириться с оскорбительными прозвищами «варвары», «чужеземные дьяволы», «красноголовые бесы» и прочими?

Собрание ответило ревом:

— Нет! Ни за что!

— Мыслимо ли, чтобы мы, живущие под сенью самого гордого воинского флага на свете, не потребовали сатисфакции за бесконечные гнусные поношенья представителей нашей милостивейшей государыни?

Вновь пауза, и вновь ответный рев:

— Нет!

— Быть посему! Пусть Поднебесная отведает вкус воздаяния, на которое сама напросилась, мы же будем надеяться, что оно направит ее на тропу исправления, ибо в Писании сказано: «Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец?»[90] Право слово, я завидую счастью китайцев понести наказание розгой, которую держит вот такая рука.

Ухватив за запястье, Бернэм вскинул руку капитана Ми, чем вызвал ликование слушателей. Лучи заходящего солнца окрасили оратора, представив его пунцовым от восторга.

— Я ничуть не сомневаюсь, джентльмены, что Господь благословит вас и вспомоществует ва-

---

[90] Примечания: 90
Послание к Евреям, 12:7.

шим усилиям, ибо вы заняты божеским делом, по исполнении коего Китай изменится неузнаваемо, и сие станет вашим вкладом в историю. Будущие поколения изумятся сотворенному вами чуду и скажут: воистину мировая история не знала столь грандиозных превращений, содеянных столь малым числом людей! — Бернэм поднял руку, прерывая одобрительный гул. — А теперь, господа, помолимся.

Склонив голову, Полетт зашептала молитву, однако вновь заметила маячившего поблизости Захария. По завершении молебна она решила скрыться, но ей помешало очередное объявление:

— А сейчас, дамы и господа, отважные бенгальские сипаи отдадут салют нашему флагу!

Одновременно с зычной командой хавильдара прошелестел шепот Захария:

— Мне нужно вам кое-что сказать…

Лишенная возможности скрыться, Полетт устремилась на корму, где не было опасности чужих ушей. С каждым шагом она все отчетливее ощущала закипавшую злость и, достигнув фальшборта, обернулась к Захарию, вперив в него пылающий взор.

— Нет, мистер Рейд! — прошипела Полетт. —

Вам нечего добавить к сказанному в письме! Теперь я знаю, что вы лжец и предатель. Человек, слово которого ничего не стоит. Что бы вы там ни собирались поведать, мне это ничуть не интересно.

От ярости, с какой это было сказано, Захарий опешил, и многократно отрепетированное извинение застряло у него в горле. Теперь он уже не понимал, почему пошел на поводу у миссис Бернэм и с какой стати должен заглаживать недоразумение, возникшее по ее вине. В прошлом он немало сделал для Полетт, в благодарность за труды получив сплошные огорчения, и сейчас хотелось одного: чтобы она раскаялась в своих даже самых необидных словах. И тут взгляд его упал на дальний конец палубы, где Кесри, салютуя флагу, стоял навытяжку с саблей наголо. Захарий мгновенно сообразил, что ему надо сказать.

— Стало быть, вы, мисс Ламбер, уверены, что я не могу сообщить вам ничего интересного?

— Да, уверена.

— Ладно, попробую доказать, что вы ошибаетесь. Видите вон того рослого сипая, хавильдара? — Захарий показал на Кесри, командовавшего отделением. — Я думаю, вам было бы чрезвычайно интересно узнать, кто он такой.

— Почему это? И кто он?

Для пущего эффекта Захарий выдержал театральную паузу.

— Брат Дити, вашей подруги по «Ибису».

Ошеломленная Полетт отпрянула.

— Я вам не верю, мистер Рейд, — дрогнувшим голосом сказала она. — Вы столько раз меня обманывали, как я могу положиться на ваши слова?

— Я говорю правду, мисс Ламбер. Мы с хавильдаром плыли на одном корабле, на «Лани». Он как-то прознал, что я был на «Ибисе», и завел разговор о своей сестре. Я поведал ему все, что знал. Хавильдар просил сохранить это в тайне, и я уважил его просьбу, вплоть до сегодняшнего дня. Теперь вы знаете, кто он, и, возможно, это напомнит вам, что ради Дити той ночью вы пришли в мою каюту на «Ибисе», ради нее умоляли не препятствовать побегу ее мужа и его друзей. Я исполнил ваше желание, после чего долгое время томился в застенке и спал на холодном каменном полу, тогда как вы… — нахлынувшие воспоминания о перенесенных тяготах придали злости словам, — нашли приют у богача и почивали на ложе из роз.

Повисло глухое молчание, Полетт не нашлась, чем ответить на выпад.

— Да, мисс Ламбер, «Ибис» породил много тайн, и я честно их хранил. Не такой уж я лжец и предатель, каким вы меня выставили.

И тут Полетт как обухом ударило, до нее дошел потаенный смысл этих слов: сколько ни пытайся покончить с Захарием, ей никогда от него не избавиться, ибо узы «Ибиса» подобны живому существу, наделенному силой дотянуться из прошлого и перечеркнуть желания тех, кто однажды попал в его сети. Казалось, кто-то потешается над ее иллюзией, что она может свободно распоряжаться своей судьбой.

Полетт еще не придумала, что сказать, а Захарий уже коснулся края шляпы и отвесил поклон:

— Прощайте, мисс Ламбер. Не знаю, свидимся ли мы еще когда-нибудь, но если вдруг доведется, инициатором нашей встречи, уж поверьте, буду не я.

Стихла овация, грянувшая после отдания чести флагу. На квартердеке миссис Бернэм, вместе с Ширин наблюдавшая за церемонией, встала из кресла.

— Сипаи так замечательно все исполнили, что, пожалуй, мне надо лично поблагодарить хавильдара.

Муж энергично ее поддержал:

— Непременно, дорогая. И проследи, чтобы солдатам поднесли напитки.

В силу привычки Кесри наблюдал за людским потоком на палубе как за перемещением войск на поле боя. Основное внимание он уделял капитану Ми и миссис Бернэм, этаким знаменосцам, ориентирам в завесе дыма и пыли, созданной сраженьем. После первой встречи у трапа, когда своевременное вмешательство Кесри не позволило капитану выставить себя олухом, эта пара держалась порознь. Заметив, что миссис Бернэм направляется к нему, Кесри вытянулся и уставился вдаль, а после ее приветствия четко отдал честь, не меняя направления взгляда.

— Здравия желаю, мэм-саиб!

— Твои солдаты превосходно провели церемонию, Кесри Сингх.

— Рады стараться, мисс Кэти!

После короткого молчания мадам заговорила вновь, но совсем иначе — тихо и напористо:

— Времени мало, не будем тратить его на пустяки.

— Так точно, мэм-саиб.

— Я хочу спросить о Ми-саибе.

— Слушаю, мэм-саиб.

— Он женат?

— Никак нет, холост.

— О! — Миссис Бернэм помолчала и спросила еще тише: — Может, у него есть… *кали-биби*, тайная жена?

— Не могу знать, мэм-саиб. Он мой командир, о таких вещах мы не говорим.

Кесри даже не рассчитывал, что ему поверят; дочь военного, мадам прекрасно знала: от сослуживцев подобное не утаить. И он не ошибся — ответ его восприняли уверткой.

— Значит, не хочешь поговорить со мной, Кесри Сингх?

— Так я уже все сказал: Ми-саиб холост и не имеет содержанки.

— Он когда-нибудь вспоминал меня?

— При мне — нет, мэм-саиб.

— И что, тебе больше нечего сказать?

Отчаяние в ее голосе разжалобило Кесри.

— Да вот еще что, пожалуй…

— Ну?

— *Эк баар*, однажды, через двенадцать лет после той зимы в Ранчи, Ми-саиба ранили в бою. Я был рядом и помог санитарам снять с него мундир. Из внутреннего кармана… — Кесри коснулся левой стороны груди, — выпал конверт…

— Что за конверт? — выдохнула миссис Бер-

нэм.

— По-моему, это было ваше письмо.

— Неужели?

— Да, я узнал конверт, который когда-то давно вы просили передать Ми-саибу.

Кесри смотрел прямо перед собой, но в двух ярких точках, возникших в нижнем краю обзора, распознал засиявшие глаза миссис Бернэм. И в тот же миг он увидел капитана Ми, спускавшегося по палубному трапу. Предупреждая собеседницу, Кесри глазами подал ей знак. Миссис Бернэм глянула через плечо и, заметив капитана, приняла озабоченный вид, завозившись с ридикюлем.

— Надеюсь, миссис Бернэм, мой хавильдар не выболтал все военные тайны? — с натужной шутливостью сказал Ми. — Похоже, он готов многим поделиться.

— Вы как будто ревнуете его ко мне? — в тон ему ответила миссис Бернэм, но затем вдруг сникла и дрогнувшим голосом мягко проговорила: — Ну хватит, Невилл, сколько еще мы будем притворяться?

Застигнутый врасплох ее прямотой, капитан утратил самообладание напрочь. Кругами по воде от брошенного камня на лице его отразились боль, томления и обманутые надежды последнего

полутора десятка лет. А когда он заговорил, в тоне его слышалась уже знакомая Кесри растерянная беспомощность восемнадцатилетнего юнца.

— Я не знаю, что сказать, Кэти… я так долго ждал… и вот…

Из-под полей шляпы миссис Бернэм метнула в Кесри полный благодарности взгляд. Потом она и капитан медленно отошли прочь.

— Вот вы где, Рейд! — Мистер Бернэм облапил Захария за плечи. — Ну что, удалось перемолвиться с капитаном Ми?

— Пока еще нет, сэр. Тут столько народу, не уединишься для приватного разговора. Но я постараюсь.

— Да уж, постарайтесь, иначе кто-нибудь его перехватит.

Мистер Бернэм перенес внимание на другого гостя, а Захарий сделал круг по запруженному людьми квартердеку, высматривая капитана Ми. Не найдя его, он окинул взглядом главную палубу и, к своему удивлению, увидел миссис Бернэм, увлеченно беседовавшую не с кем иным, как с сержантом бенгальских сипаев.

В прошлом на званых вечерах Захарий не раз наблюдал за ней издали и потому сразу подметил странную перемену в ее обычной осанке вели-

косветской львицы — даже наклон ее головы говорил о том, что она жадно ловит каждое слово собеседника.

И чем же хавильдар смог так ее заинтересовать?

Размышляя над этим, Захарий машинально отметил, что к беседующим присоединился еще один человек в военной форме, в котором через секунду узнал капитана Ми.

Захарий замер. Будто пригвожденный к палубе, он смотрел, как миссис Бернэм и капитан обмениваются репликами, а потом вдвоем отходят от Кесри. Вцепившись в поручень, Захарий перегнулся через ограждение, чтобы не потерять их из виду, и придушенно вскрикнул, увидев лицо миссис Бернэм, оказавшееся в пятне света от бумажного фонарика. Выражение, с каким она смотрела на капитана, отнюдь не соответствовало ее публичному облику, но было хорошо знакомо по свиданиям в будуаре. И только еще один человек мог удостоиться такого взгляда — тот самый лейтенант, ее первая и единственная любовь.

Даже сама манера, в которой затянутый в красную тужурку капитан склонялся к своей спутнице, отметала мысль об их шапочном зна-

комстве. Возникшее подозрение перекипело в столь бешеную ревность, что Захарий еще крепче вцепился в перильца, боясь упасть.

О чем же они говорят, одаривая друг друга такими выразительными взглядами?

Устоять перед желанием это выяснить было просто невозможно. Захарий не успел опомниться, как ноги сами отнесли его на главную палубу. Ввинтившись в толпу гостей, он стал пробиваться к объекту своего наблюдения и был уже в паре шагов от него, как вдруг ожгла мысль: не дай бог, миссис Бернэм его заметит и поймет, что он затеял.

Захарий остановился, не зная, как быть дальше, и тут увидел флейтиста в белой форме, в котором почти сразу узнал Раджу, потерянно слонявшегося по палубе.

— Привет, малыш!

— Здравствуйте, сэр, — испуганно пискнул Раджу.

— Как дела?

— Все хорошо, сэр.

— Нравится тебе во флейтистах?

— Да, сэр, нравится. В целом.

— А в частности? Чего ты здесь бродишь, как потерявшийся щенок?

— Понимаете, барабанщики велели раздобыть им грогу. Сказали, это всегдашняя обязанность младшего флейтиста. А где ж я достану? И они, боюсь, осерчают.

Захарий присел перед ним на корточки.

— Знаешь, я добуду тебе бутылку грога, обещаю. Но ты должен ее выиграть.

— Как это, сэр?

— Сыграем?

— Во что, сэр?

Захарий показал на миссис Бернэм и капитана:

— Видишь вон ту пару?

— Да, сэр.

— Вот какая игра: надо к ним подкрасться и послушать, о чем они говорят. Только чтоб тебя не приметили. Игра секретная, ясно? Играем мы вдвоем.

— Понял, сэр.

— Ну как, сможешь?

— Смогу, сэр.

— Тогда валяй.

Отправив мальчика на задание, Захарий перехватил стюарда и сунул ему испанский доллар:

— Принеси бутылку грога. Мухой.

— Сей минут, господин.

Дожидаясь стюарда, Захарий наблюдал, как парнишка описал круг по палубе и незаметно приблизился к беседующей паре. Когда прибыла бутылка, он подал Раджу знак возвращаться.

— Что-нибудь слышал, малыш? — Захарий вновь присел на корточки.

— Да, сэр. Мадам говорила о лавке модистки в Макао, что возле церкви Святого Лазаря. Мол, бывает там часто.

— Ага. И что ей ответили?

— Офицер сказал, что найдет ее там.

— Что еще?

— Больше ничего не слышал, сэр.

Захарий похлопал мальчика по плечу и отдал ему бутылку.

— Молодчина, Раджу, ты честно выиграл грог. Только помни — это секрет, никому ни слова.

— Конечно. Спасибо, сэр.

Ступив на борт «Анахиты», Ширин ни на миг не забывала о том, что именно здесь случилось несчастье, именно отсюда Бахрам шагнул в смерть. Во время речи мистера Бернэма и последующей церемонии она думала: с какого борта, правого или левого, упал муж? Или, может, это произошло на корме? От мыслей этих ее охватила странная тревога, еще больше возросшая, когда

Фредди подвел к ней Полетт. Однако знакомство с девушкой оставило приятное впечатление, и Ширин пригласила ее сесть рядом. Некоторое время она молчала, слушая Задига и Полетт, говоривших о садоводстве, а потом все же затронула тему, которая ей не давала покоя.

— Верно ли, мисс Ламбер, что вы были на острове в тот день, когда погиб мой муж?

— Да, миссис Модди. Я поднялась в питомник на холме и сверху увидела стоявшую на якоре «Анахиту». В то утро в бухте было много кораблей, но именно она привлекла мое внимание.

— Чем же?

— Веревочной лестницей, что свисала из открытого иллюминатора в торце шхуны.

— То есть из кормовой каюты моего мужа?

— Да, оттуда.

Ширин оторопела.

— Но зачем понадобилась эта лестница? — воскликнула она.

— Вот уж не знаю, — сказала Полетт. — Мне тоже показалось это странным, потому что она спускалась прямо в воду.

Ширин посмотрела на Задига и Фредди:

— Вы знали об этой лестнице?

— Впервые слышу, биби-джи, — покачал голо-

вой Задиг.

— Об этом я ни с кем не говорила, — сказала Полетт. — Если честно, я вообще вспомнила про лестницу, лишь когда Фредди о ней спросил.

— Он-то откуда знал? — Ширин повернулась к юноше: — Тебе кто-то рассказал о лестнице?

— Нет, никто ничего не говорил. Я увидел ее во сне, ла. Лестницу, свисающую из иллюминатора. Потому и спросил мисс Полетт, э? Оказалось, утром она заметила лестницу, которая чуть позже пропала.

— Наверное, ее убрал Вико, — предположил Задиг. — Но об этом он и словом не обмолвился.

Ширин никак не могла взять в толк.

— Но зачем она вообще понадобилась? Думаете, произошло злодейство?

— Нет! — мотнул головой Задиг. — Случись злодейство, лестницу бы не оставили. И потом, не было никаких следов борьбы ни в кают-е, ни на теле Бахрам-бхая.

— Так что же произошло? С какой целью спустили лестницу — чтобы слезть или забраться?

Все молчали, и Ширин вновь обратилась к Фредди:

— Ты ведь знаешь ответ, правда? Ради бога, скажи, зачем понадобилась лестница?

Фредди ответил не сразу. Он прикрыл глаза, словно погружаясь в транс, потом наконец очень тихо произнес:

— Я думаю, отца позвали.

— Кто?

— Моя мать.

— Что? — воскликнула Ширин. — Но это невозможно! Она же умерла!

Фредди покачал головой:

— Не умерла, ее убили, ла. Люди, которые пришли за мной. Она помогла мне скрыться и не сказала им, где я. Ее зарезали и сбросили в Жемчужную реку. Никаких похорон, она и сейчас в воде, под нами. Иногда я ее вижу, она не упокоилась и приходит ко мне. Наверное, той ночью, когда отец вернулся из Кантона, она пришла к нему и позвала его. Он спустил лестницу, чтобы пойти к ней. Так я это видел в снах, ла.

— Нет! — Перед глазами Ширин все качалось и плыло, она резко тряхнула головой, от чего качка сменилась мельканьем. — Я не могу в это поверить! И не поверю!

Внезапно ее окутала тьма.

Суматоха на квартердеке обеспокоила Кесри, но, приглядевшись, он понял, что тревога ложная, просто какая-то дама упала в обморок и ее

отнесли в каюту.

А потом он увидел, что к нему направляется девушка в черном платье и чепце. Кесри не придал этому значения, поскольку гости уже делали комплименты его сипаям, и девица, похоже, шла с тем же намерением.

Однако она, остановившись, молчала и просто его разглядывала. Решив, что девушка сомневается, поймет ли он ее, Кесри сказал по-английски:

— Добрый вечер, мэм-саиб.

И тогда она ответила, только не на английском, а на хиндустани:

— Вы же брат Дити, верно? Я вижу сходство в вашем лице и глазах особенно. Она вас рисовала. Я видела ваш портрет с ружьем.

На мгновенье Кесри онемел. Вновь обретя дар речи, он сумел выговорить:

— Откуда вы знаете… что Дити — моя сестра?

— Мне сказал мистер Рейд. Я, видите ли, тоже была на «Ибисе». С вашей сестрой мы подружились и много разговаривали, особенно в последние дни перед прибытием на Маврикий.

— Вы вместе плыли на том корабле? — ошеломленно переспросил Кесри. — А сестра не сказала, почему после смерти мужа бежала из деревни?

— Сказала, она поведала обо всем, что случи-

лось.

Теперь Кесри боялся одного — вдруг не хватит времени выслушать всю историю.

— Расскажите, о чем говорила Дити. Я так долго этого ждал… Рассказывайте все.

В сгустившихся сумерках Раджу едва не столкнулся с фигурой, облаченной в шафрановый балахон.

— Привет, мальчуган! Отойдем-ка в сторонку, надо поговорить.

Ноб Киссин-бабу отвел мальчика к фальшборту и зашептал ему на ухо:

— Слушай, Раджу, это очень важно. Среди гостей есть друзья твоего отца. Я думаю, они помогут нам его разыскать.

— Как они выглядят?

— Ты видел девушку в черном платье и чепце? Ту, что давеча разговаривала с хавильдаром? Ее зовут Полетт Ламбер, она знает твоего отца. Они вместе плыли на «Ибисе» и потом виделись здесь, в Китае. А человека в китайском халате ты приметил? Он тоже друг твоего батюшки. Уж если кто и сможет доставить твое послание, так только он. Поговори с ним.

Раджу оглядел палубу, но не увидел ни девушку, ни китайца.

— А где они?

— Кажется, пошли справиться о самочувствии миссис Модди. — Гомуста вытянул палец, показывая в коридор, который вел к кормовым каютам. — Ступай посмотри, они должны быть там.

Не тратя слов, Раджу протолкался сквозь толпу гостей и вошел в коридор, тускло освещенный мигающими лампами. Там было тихо и безлюдно.

Раджу медленно двинулся вдоль закрытых дверей по обеим сторонам прохода. Лишь одна дверь с табличкой «Хозяйские апартаменты» в конце коридора была приоткрыта. На цыпочках подойдя к ней, Раджу заглянул в щелку и увидел нагромождение старой мебели. Сквозняк приоткрыл дверь чуть шире, словно приглашая войти. Помешкав, Раджу переступил порог.

Сквозь иллюминаторы, один из которых был открыт настежь, лился лунный свет. Раджу опешил, увидев, что в кресле возле распахнутого иллюминатора сидит человек в тюрбане, читавшийся силуэтом. К счастью, он, похоже, не заметил незваного гостя. Затаив дыхание, Раджу попятился, решив, что лучше убраться подобру-поздорову. Он уже почти выскользнул из каюты, когда тюрбан повернулся в его сторону, и

в серебристом свете луны мальчик разглядел широкоскулое точеное лицо с ухоженной бородой.

— Простите, господин, — пролепетал Раджу. — Я думал, тут никого.

Ожидаемой взбучки не последовало, человек лишь безмолвно улыбнулся.

Еще раз пробормотав извинение, Раджу выскочил в коридор и плотно притворил дверь. Обернувшись, он увидел мужчину и женщину, которые вышли из какой-то каюты. Мужчина, одетый в китайский халат, заметил мальчика.

— Эй! — окликнул он. — Ты кто такой, а? Чего тебе здесь надо?

Раджу вдруг понял, что перед ним та самая пара, о которой говорил Ноб Киссин.

— Я искал вас и госпожу, — выпалил он.

— Искал нас? — удивилась Полетт. — Зачем это?

Мальчик шагнул вперед и негромко сказал:

— Вы оба знаете моего отца. Так меня известил Ноб Киссин-бабу.

— А кто твой отец?

— Его зовут Нил.

Кесри еще не пришел в себя после встречи с Полетт, когда перед ним возник Захарий.

— Здравия желаю, сержант. Есть минутка пе-

ремолвиться?

— Слушаю вас, Рейд-саиб.

— Помните тот вечер на «Лани», когда вы пришли в мою каюту и расспрашивали о своей сестре?

— Да, Рейд-саиб.

— Хочу просить вас об ответной любезности, сержант. Я желал бы получить ответы на кое-какие вопросы.

— Вопросы ко мне? — удивился Кесри.

— Да, сержант. Вы сказали, что семнадцать лет назад были денщиком у капитана Ми, верно?

— Да, сэр.

— Вы служили у него, когда полк стоял в городке Ранчи?

— Так точно.

— Капитан еще был лейтенантом?

— Да.

— И миссис Бернэм тоже была там?

Кесри напрягся, поигрывая желваками.

— Зачем вам это знать, Рейд-саиб?

Захарий ответил резко:

— Послушайте, сержант, когда вы задавали вопросы о своей сестре, я отвечал. И еще вы просили обращаться к вам, буде какая нужда. Вот я и обращаюсь с простым вопросом, и вы дадите

ответ, коли вы человек слова. Я повторю: была ли миссис Бернэм в Ранчи одновременно с капитаном Ми?

Кесри нехотя кивнул:

— Да, была.

— Благодарю, сержант. Это все, что я хотел узнать.

Удостоверившись в своей догадке, Захарий стал несравнимо спокойнее, нежели в ту минуту, когда подозрение только зародилось. Миссис Бернэм как будто преподнесла ему еще один подарок, и теперь только от него зависело, как выгодно воспользоваться этой тайной.

Ту кахан джайч? Кай? Куда ты уходишь? Почему?

Ширин открыла глаза, и ее охватил беспросветный ужас — она не понимала, где она и как там очутилась. Потом рядом раздался голос Задиг-бея:

— Все хорошо, биби-джи, я здесь, с вами.

Ширин резко села, уронив компресс из влажного полотенца.

— Где я?

Задиг-бей подкрутил фитиль в лампе.

— В каюте миссис Бернэм, на ее кровати. Вы, биби-джи, лишились чувств, и она предложи-

ла перенести вас сюда. Я все время был с вами. Заглянули Полетт с Фредди, но вы еще были без сознания, и они ушли.

Ширин окинула взглядом стены в панелях, откинулась на подушку и прижала руку к груди, пытаясь унять бешено, однако с перебоями колотившееся сердце.

— Что с вами, биби-джи? — Задиг взял ее другую горячую руку и накрыл своей прохладной ладонью. — Расскажите.

Ширин смежила веки.

— Мне было видение, очень странное, что-то вроде снов Фредди.

— Поясните, биби-джи.

— Мне явился Бахрам, он стоял рядом. Пришел повидаться и хотел что-то сказать.

Ширин сильно закашлялась, Задиг подал ей стакан воды.

— Говорите, биби-джи.

— Он попросил прощения и сказал, что я должна отринуть прошлое. Смотри в будущее, сказал Бахрам, как можно лучше проживи отпущенные тебе годы. Потом простился и исчез. А я очнулась. — Краем сари Ширин отерла глаза.

— Не надо плакать, биби-джи. В его словах не было ничего худого.

Ширин сглотнула рыдание.

— Я только не понимаю, почему он просил прощения? За что? — Не дождавшись ответа, она посмотрела Задигу в глаза: — Скажите правду… Бахрам покончил с собой?

— Не думаю, что все так просто. — Задиг пожевал губами. — Наверное, Фредди прав — Бахраму почудился голос Чимей. Однажды она уже являлась ему, именно здесь, на «Анахите».

— Невероятно! — Ширин фыркнула. — Бахрам не верил в видения!

— Но он сам мне о том рассказал, биби-джи. Это случилось в его последний рейс, когда Чимей уже давно была мертва. В Бенгальском заливе «Анахита» попала в шторм. Груз разболтался, и Бахрам полез в трюм спасать что уцелело. Внизу все пропахло опием-сырцом, его-то испарения, возможно, и породили галлюцинацию. Наверное, что-то подобное, опять связанное с опием, случилось и в ночь смерти Бахрама.

— Я не понимаю. То есть он был курильщиком опия?

Задиг смущенно поерзал на стуле.

— Не хотелось бы этого говорить, биби-джи, но правда в том, что в свои последние дни Бахрам курил постоянно. После кантонского кризиса он

был ужасно подавлен.

— Из-за финансовых потерь?

— Не только. Он тревожился и о другом…

— Говорите, Задиг-бей.

— Опийный кризис стал тяжелым испытанием, Бахрам разрывался между двумя семьями, между Кантоном и Бомбеем, Китаем и Индостаном. Потеря большого груза опия означала крах не только его жизни, но вашей и дочерей. С другой стороны, он видел, чем опий обернулся для Фредди и что сотворил с Китаем. Бахрам понимал, что зелье медленно разъедает семьи и целые роды, монастыри и армию, что с каждым доставленным ящиком прирастает число опийных пристрастников… — Задиг смолк и потер подбородок. — Однако он никогда не морализировал, не разглагольствовал о религии, добре и зле. Человек из плоти и крови, он жил сердцем, а не рассудком. Главным для него была семья, а вышло так, что судьба ниспослала ему две семьи — одну в Китае, другую в Индии. Бахрам сознавал, что его ипостась опийного торговца отразится на целых поколениях обеих семей, и ему это было невыносимо. Я думаю, он стал курить не потому, что искал забвения… Он как будто приносил себя в жертву во искупление того, что натворил.

Ширин комкала край сари, промокший от ее слез.

— Он с вами говорил об этом? И о Чимей? Признался, что любит ее?

— Нет, биби-джи! — горячо возразил Задиг. — Бахрам-бхай был вовсе не романтик. Он считал, любовь и всякая лирика дельцу излишни. — Часовщик кашлянул. — Вот в этом мы с ним сильно разнились.

— О чем вы, Задиг-бей?

— Когда юношей я впервые влюбился, я понял, что беспомощен перед этой стихией. — Задиг раз-другой сглотнул, дернув кадыком. — И вновь это почувствовал в день нашей с вами первой встречи в церкви.

Ширин вздрогнула, но не оттолкнула его, когда он ее обнял.

Услышав отдаленную барабанную дробь, Полетт притянула к себе Раджу и поцеловала в щеку.

— *Онек катха холо*, мы заболтались, — сказала она. — Твои оркестранты, наверное, гадают, куда ты подевался.

— Да, мне пора. До свиданья, мисс Полетт.

— До свиданья.

Фредди взял мальчика за плечо.

— Хорошо, что мы столкнулись, когда ты выходил из каюты, э?

— Да, господин Ли.

— А что ты там делал? Чего тебе там понадобилось?

— Дверь была открыта, и я зашел. Я не знал, что там кто-то есть.

— Разве кто-то был в каюте?

— Да, мужчина.

— Мужчина, говоришь? — Фредди присел на корточки и посмотрел в глаза мальчику. — Кто такой?

— Не знаю, я никогда его не видел.

— Как он выглядел?

— Бородатый, в белом тюрбане.

— Вот как? — Фредди обнял паренька. — Не волнуйся, ла, все будет хорошо. Я извещу твоего отца. Придется немного подождать, но он узнает, что ты здесь.

— Спасибо вам. До свиданья.

— Пока. Береги себя.

Раджу убежал, Фредди же как будто впал в транс. Потом, ни слова не говоря, прошел в конец коридора и открыл дверь каюты. Полетт, шедшая следом, через его плечо заглянула внутрь, где темнела гора сваленной мебели, подсвеченная

контровым лунным светом. Ветерок тихонько раскачивал створку открытого иллюминатора, возле которого стояло пустое кресло. Фредди медленно, словно опасаясь того, что сейчас увидит, прошел к иллюминатору, выглянул наружу и охнул.

— Иди глянь.

Полетт подошла к нему и увидела веревочную лестницу, тоже слегка качавшуюся под ветерком.

— В тот день она вот так же свисала в воду? — спросил Фредди.

— Точно не скажу. Но сейчас-то почему она здесь?

Фредди не ответил и, снова выглянув наружу, посмотрел на мерцающую воду в лунных бликах. Потом закрыл глаза, как будто прислушиваясь к плеску волн, и тихо произнес:

— Я их слышу, ла. Отца и мать. Они зовут меня.

Полетт схватила Фредди за плечи и втянула обратно в каюту. Скуластое изможденное лицо его, посеребренное луной, обрело странную красивость.

— Нет! Я тебя не пущу!

— Почему?

— Вспомни, что сам говорил об удивительных

связях, порожденных «Ибисом». Мы все нужны друг другу.

Глава 17

Через два дня после наступления английского нового года в Вампоа неожиданно появился Комптон, доставивший приказ о смене позиции «Кембриджа»: кораблю надлежало пройти вниз по течению к острову Северный Вантун, расположенному посредине Тигриной пасти прямо напротив Хумэня.

В тот же день судно подняло якорь; Комптон, согласно полученным инструкциям, остался на борту в роли сопровождающего. О причинах передислокации печатник ничего не сказал, а Нил счел за лучшее не спрашивать.

Это был первый рейс обновленного «Кембриджа», но его команда работала на удивление слаженно, и корабль шел ходко.

В пути Нилу и Джоду стало ясно, что боевые действия, наступательного либо оборонительного характера, неминуемы. Повсюду на речных берегах кипела работа: рылись ходы сообщения, возводились форты, маскировались новые огневые позиции; боевые джонки патрулировали протоки. Дважды «Кембридж» останавливался,

забирая на борт «водяных храбрецов», которым предстояло усилить стоявшую у Хумэня флотилию под командованием Гуань Тяньпея (чуть больше года назад Нил и Комптон видели его в бою, произошедшем в тех же водах).

На подходе к Хумэню завиднелось судно под американским флагом, бросившее якорь неподалеку от таможни. Флаг этот — обманка, сказал Комптон, на самом деле корабль загружен чаем для Ланселота Дента, всем известного английского купца. Сделку спроворил его давний компрадор Пен Бао, ныне подвизавшийся в переводчиках генерал-губернатора Цишаня.

Нил был поражен тем, что человек, занимающий столь видный пост, открыто сотрудничает с пресловутым торговцем опием. Это еще что, сказал Комптон, после отстранения от власти комиссара Линя многие гуандунские чиновники взялись за старое и хлопотливо обустраивают свои гнездышки.

«Кембридж» встал на якорь у оконечности острова Северный Вантун, скалистого массива, взметнувшегося посреди пролива в милю шириной. И здесь было оборудовано внушительное укрепление с большим числом тяжелых орудий. Неподалеку виднелись поплавки оборонитель-

ного новшества — здоровенной железной цепи, поперек фарватера натянутой к Хумэню.

Позже прибыл адмирал Гуань, пожелавший лично проинспектировать «Кембридж».

Нил и ласкары издали наблюдали, как корабельные офицеры-китайцы сопровождают неброско одетого, представительного мужчину за шестьдесят в меховой шапке, увенчанной красным шариком. Комптон пояснил, что это знак очень высокого ранга.

Прежде чем вернуться на свою джонку, адмирал обратился с короткой речью к ласкарам: англичане, сказал он, могут напасть в любой день, за их потопленный корабль выплатят щедрую награду — сумма за фрегат с семьюдесятью четырьмя пушками увеличена до пятидесяти тысяч испанских долларов.

Нилу он показался человеком дружелюбным, знающим и весьма умным. Джоду с ним согласился, сказав, что адмирал гораздо толковее всех прочих шишек, посещавших «Кембридж».

На другое утро Нил, Джоду, Комптон и еще пара матросов в парусной шлюпке объехали Тигриную пасть. Утюжа водную гладь, Нил понял, почему пролив получил такое название: сужающиеся берега его напоминали мощные челюсти. А в

самом узком месте были устроены наиболее внушительные укрепления и огневые точки Хумэня и Северного Вантуна. И далее, на выходе к устью, были оборудованы еще две позиции — на острове Шайток, чужеземцам известном как Чуенпи, и мысе Тайкок.

В конце поездки группа высадилась на Чуенпи и обошла остров. Нил заметил большие изменения, произошедшие с тех пор, как год с лишним назад он здесь побывал вместе с Комптоном. Деревушка, в которой тогда они обитали, обезлюдела, жители ее покинули. Две прежние огневые позиции, на холме и берегу, теперь были объединены в цельное укрепление, снабженное валом, сухим рвом и заграждениями.

С высоты холма Тигриная пасть казалась озером в окружении бастионов, со всех взгорков и выступов ощетинившихся сотнями огневых позиций, каждая с эмблемой в виде головы тигра.

Фортификации впечатлили даже Джоду, прежде сомневавшегося в надежности оборонительных сооружений. Здесь англичанам не пройти, уверенно заявил он, их эскадре уготован капкан.

На «Кембридж» разведчики вернулись в хорошем настроении, убежденные в том, что британцы сами накличут беду, коль бездумно

сунут голову в пасть прожорливой твари.

Вскоре после Нового года сильно похолодало, в устье Жемчужной реки задули студеные ветры, особенно злобствовавшие на открытом пространстве Ша Чау. Сипаи с обозниками впали в этакую вынужденную спячку и, озабоченные лишь тем, как согреться и чем набить живот, без крайней нужды не покидали палатки.

К счастью для солдат, шинели им выдали еще до прихода зимней стужи. Флейтистам и барабанщикам тоже повезло получить меховые шапки, хоть ночью в них не завернешься, как в шинели. И все же музыкантам было грех жаловаться, поскольку большинство обозников не получили никакой теплой одежды вообще. Обеспечение зимней формой входило в обязанности сирдаров, но только самые честные из них, коих было раз-два и обчелся, раскошеливались на подобные траты, и даже они выдавали лишь тонкие одеяла, днем служившие одеждой, а ночью покрывалом. Основная же масса сирдаров, прижимистых скряг, заботилась только о собственном кармане и снабжала обозников лишь кусками побитой молью хлопчатобумажной ткани, не оставляя им иного выхода, как тратить свои скудные сбережения на покупку китайских стеганых курток.

Однако от ледяных шквалов, гулявших по безлесному острову, не спасала никакая одежда. Естественно, многие заболевали, и вскоре лазарет был забит под завязку.

В первые дни января погода стояла хуже некуда, но капитан Ми все-таки уехал в Макао. Вернувшись только шестого числа, он тотчас вызвал к себе Кесри.

Капитан никак не объяснил свое отсутствие, хавильдар же счел себя не вправе расспрашивать, и они сразу приступили к делу.

Командование экспедиционного корпуса, сказал Ми, наконец-то приняло решение атаковать фортификации Тигриной пасти. В комбинированной водно-сухопутной операции будут задействованы команды кораблей и пехотные части.

Расстелив карту, капитан показал огневые позиции, окружавшие пролив. Их расположение диктовало следующую тактику: при атаке со стороны моря необходимо нейтрализовать два передовых форта — Чуенпи на правом берегу пролива и Тайкок на левом. Операция начнется с одновременного удара по этим двум точкам, и бенгальские волонтеры войдут в состав подразделений, атакующих Чуенпи. Завтра «Энтерпрайз»

доставит их к месту высадки, что в двух милях на восток от орудийных позиций противника.

Утром предстоит ранний подъем, в семь часов надо быть готовыми к погрузке на корабль. Рота выйдет в полном походном снаряжении вместе со всеми барабанщиками, флейтистами, оружейниками, вестовыми, бомбардирами и, конечно, санитарами.

— Ну что ж, поторапливайся, хавильдар.

— Слушаюсь, каптан-саиб.

Вскоре уже весь лагерь знал, что утром вторая рота и все ее обозники отправятся воевать.

В палатке флейтистов моментально забыли о холоде, мальчишки взялись проверять снаряжение и содержимое ранцев. Раджу, еще не бывавший в боях, послушно следовал всем наставлениям Дики вплоть до совета запастись парой леденцов:

— Значит, вот чего, парни: как начнется заваруха, суйте конфету в рот. Так оно веселее.

Приятель держался опытным бойцом, но Раджу чуял его нервозность. Ночью, когда они улеглись, съежившись под одним одеялом, Дики метался и стонал во сне; разбуженные музыканты наградили его тычками, пинками и градом проклятий:

— Заткнись, гад, дай поспать, мля! Завтра в бою

наорешься всласть!

Утром Кесри встал еще затемно, взял фонарь и в сопровождении двух унтеров прошел по палаткам, устроив выборочную проверку того, насколько точно солдатские сборы соответствуют «Походному уставу», предписывающему взять запасную тужурку, пару башмаков, циновку для ночлега и скатку одеяла из козьей шерсти, которую вместе с медной флягой надлежит приторочить к ранцу.

Флейтисты и барабанщики тоже встали чуть свет, дабы первыми выстроиться на берегу и обеспечить погрузку роты на корабль музыкальным аккомпанементом. Утро выдалось зябким, над водой стелился густой туман, затушевывавший восходящее солнце.

Как раз к приходу «Энтерпрайза» прилив достиг максимума, и высокая вода позволила избежать промежуточных рейсов в шлюпках. Пароход смог подойти к берегу достаточно близко для установки сходен.

Пока грузились обозники, звон колокола построил сипаев на перекличку. Больных оказалось столько, что рота недосчиталась четверти своего списочного состава. После переклички солдаты с ружьями через плечо встали на погрузку, че-

реда их киверов размытыми черными пятнами маячила сквозь туман. Затем на борт взошли музыканты, следом офицеры, начиная с младшего чина, последним был капитан Ми. Едва убрали сходни, как лопасти колес вспенили воду, и пароход медленно развернулся носом на север.

Барабанщики и флейтисты расселись на баке, но корабль набрал ход, и встречный ветер заставил мальчишек, лязгавших зубами, сбиться в кучу. Раджу, у которого слипались глаза, сунул голову меж колен и умудрился задремать. Очнувшись, он с удивлением увидел, что туман рассеялся, небо прояснилось. Пароход плыл по необъятной шири насыщенно лазурного цвета, окаймленной невозмутимыми серо-зелеными горами.

Прямо по курсу виднелись холмы-двойники острова Чуенпи; тот, что повыше, был увенчан впечатляющими валами и башнями с сотнями цветастых флагов и транспарантов, трепетавших под ветром, — длинные полотнища с иероглифами на малиновом фоне, стяги в виде двух языков пламени с зелеными и желтыми концами, огромные ленты с изображением летящего дракона.

С приближением к острову стали видны зубчатые парапеты, ощетинившиеся жерлами пушек.

Лишь одна часть острова, перекрытая вторым холмом, была вне досягаемости артиллерийского огня. Здесь и предстояла высадка.

В этом месте уже скопилось изрядно всяких судов. Пароходы «Мадагаскар», «Куин» и «Немезида», не боявшиеся мелководья, высаживали войска прямо на берег. Боевые корабли — фрегаты «Друид» с сорока четырьмя пушками и «Каллиопа» с двадцатью восемью орудиями, а также еще четыре судна меньшего класса — бросили якорь на глубине, отправляя свой воинский контингент в ботах и баркасах.

«Энтерпрайзу» пришлось немного обождать, и Раджу получил возможность понаблюдать за высадкой, походившей на учения, устроенные в его честь. Зрелище завораживало: подразделения солдат и матросов согласованно, с механической точностью выполняли сложные маневры по десантированию и выгрузке снаряжения из поочередно швартовавшихся лодок.

Вторая рота высадилась одной из последних, когда на берегу уже собрались тысяча четыреста солдат, а также пара сотен обозников и вспомогательных рабочих, в основном индусов. Почти половину бойцов составляли сипаи: шестьсот семь человек из 37-го Мадрасского полка и

семьдесят шесть из второй роты бенгальских волонтеров. Самым крупным представителем британских войск был полутысячный батальон моряков Королевского флота, в оставшуюся часть контингента входили артиллеристы и подлечившиеся солдаты, вывезенные с Чусана.

Командиром был майор Пратт, офицер Королевского ирландского полка. По его приказу первой выступила тяжелая артиллерия: по дороге, что вела к вершине второго холма, орудийные расчеты тащили две шестифунтовые пушки и огромную двадцатичетырехфунтовую гаубицу. Следом двигались морские пехотинцы и мадрасские сипаи. Бенгальские волонтеры замыкали строй.

Флейтисты и барабанщики шли группой в середине колонны, с обеих сторон прикрытые сипаями. Пыль от марширующих ног летела им прямо в лицо, и Раджу, растерявшись, смазал несколько нот, но только Дики это заметил. Он ухмыльнулся и подмигнул, что весьма помогло Раджу прийти в себя. В животе перестало екать, и он сосредоточился на том, чтобы согласовать свой шаг с перебором клапанов и удержать верную дистанцию от впереди идущего флейтиста. Поглощенный этим, он даже не услышал отдаленной канонады, и лишь толчок Дики привлек

к ней внимание.

Капитан Ми и Кесри возглавляли свою роту. Едва она достигла гребня, как пушки на противоположном холме открыли огонь. Однако ядра падали с большим недолетом, искать убежища не было нужды.

Внимательно изучив линию неприятельской обороны, Кесри тотчас углядел ее многочисленные изъяны: пусть недавно возведенные укрепления были высоки и крепки, но строили их по старинке. Они тянулись сплошняком, точно театральный занавес, и не имели выступов, позволяющих вести перекрестный огонь, отражая фланговые атаки. От передового заграждения, представлявшего собою забор из заточенных кольев, тоже веяло древностью; сипаи, хорошо с ним знакомые, прозвали его «бамбуковой загородкой», а офицеры — «фризской лошадкой»[91].

Пока Кесри и капитан Ми обозревали оборону противника, огонь форта стал плотнее, но по-прежнему был неэффективен — ядра врезались в склон холма, вздымая земляные фонтаны. Ротные

---

[91] Примечания: 91

Фризская лошадь — порода лошадей, выведенная во Фрисландии, северной провинции Нидерландов. Эти лошади очень красивы, но используются лишь в декоративных целях — например, в упряжке английской королевы.

артиллеристы могли неспешно заняться делом — смонтировать пушки и гаубицу.

По команде капитана бомбардиры и пушкари приступили к сборке орудий. Силач Маддоу, как обычно, притащил два лафетных колеса и, сбросив их с плеч, присоединился к заряжающим, уже стоявшим с ядрами наготове.

Пала тишина, расчеты ждали команды «огонь». И вот по цепи пронесся гулкий крик, бомбардиры поднесли горящие фитили к запальным отверстиям. Пушки оглушительно рявкнули и полыхнули огнем, окутав холм черным дымом.

Тем временем «Куин» и «Немезида» подошли к бастионам на расстояние выстрела. На одном судне исторгло пламя огромное шестидесятивосьмифунтовое рыло, на другом гавкнули пушки на вертлюгах, стрелявшие картечью, мощным средством поражения живой силы — при выстреле жестянки, начиненные мушкетными пулями, взрывались, осыпая смертоносным градом все вокруг.

Казалось, на холме разразилась буря из огня и железа, и очень скоро над фортами поднялись столбы дыма.

Ширин завтракала *акури*[92], когда буханье далекой канонады достигло Макао. Сидевший напротив Диньяр поднял удивленный взгляд:

— О! *Серу тхие гайоу*, все-таки начали! Я уж думал, они никогда не раскачаются.

— На что?

— На боевые действия. Я даже заключил пари, что Полномочный горшок вновь отыщет отговорку для волокиты.

Ширин не нашлась что ответить и, пытаясь успокоиться, дрожащей рукой коснулась кошти, скрытого в складках одежды.

— Радуйтесь, тетушка, для всех нас это хорошая новость, которая ускорит компенсацию, — весело сказал Диньяр.

Ширин любила племянника, но слова его ее покоробили.

— Стыдись, Диньяр! Там наши солдаты и мальчики-музыканты.

— Ничего им не сделается! — рассмеялся торговец. — Под защитой «Немезиды» ни один волос не упадет с их голов.

Колокольчиком вызвав слугу, Диньяр приказал подать шляпу и трость.

---

[92] Примечания: 92
Акури — омлет с томатами и зеленью.

— Раз уж бой начался, надо рассчитаться за проигранное пари, — сказал он и уже в дверях добавил: — Не волнуйтесь, тетушка, мы с вами в полной безопасности. Вон, гляньте туда!

Ширин повернулась к окну и посмотрела на гавань, где стоял английский сторожевик, ощетинившийся пушками.

С уходом Диньяра канонада стала как будто громче. Не окончив завтрак, Ширин прошла в свою спальню и села перед устроенным в углу маленьким алтарем — изображением Заратустры и горящей лампадкой. Открыв том Хорде Авесты[93], она зашептала молитву к Ахура Мазде:

— О, Создатель, Властелин вселенной…

В невзгодах Ширин всегда обращалась за помощью этой молитвой, которая неизменно снимала груз с души. Однако сейчас гром пушек мешал сосредоточиться на святых словах, а перед глазами возникали лица недавних знакомцев: капитана Ми, Кесри Сингха, флейтистов…

Ширин уже добралась до последних строк, когда услышала скрип калитки. Решив, что пришел Задиг-бей, она отложила молитвенник и вернулась в гостиную, но увидела гостью под вуалью.

---

[93] Примечания: 93

Хорде Авеста (Малая Авеста) — сборник зороастрийских священных текстов и молитв.

— Миссис Бернэм? Кэти, какой сюрприз!

— Извините, что я так запросто…

Миссис Бернэм сказала, что они с мужем сняли дом в конце улицы, но сейчас супруг отбыл на корабль коммодора и она осталась в одиночестве.

— Ужасно захотелось поболтать, дорогая, а пойти больше не к кому.

— И правильно сделали, я вам рада.

Миссис Бернэм откинула вуаль, и Ширин увидела ее лицо, покрытое той же мертвенной бледностью, что и в их первую встречу на вилле.

— Вам опять нездоровится, Кэти?

— Нет, дело не в том… — Миссис Бернэм прикрыла глаза.

— Это из-за пальбы, да?

Гостья кивнула:

— Как только началось, голова кругом.

— Очень нервирует, правда?

— Мне вроде бы не привыкать, я, знаете ли, выросла под грохот пушек. В военных городках, где мы квартировали, вечно бабахало — артиллеристы бесконечно проводили учебные стрельбы. Но, согласитесь, совсем иное дело — реальный бой, когда опасности подвергаются те, кого ты знаешь.

— Да, верно, хавильдар и капитан Ми букваль-

но стоят у меня перед глазами.

— И у меня. — Миссис Бернэм опустила взгляд на руки, сложенные на коленях. — Только я вижу их такими, как в день нашего знакомства.

— Они сильно переменились?

— Кесри Сингх, пожалуй, нет. А вот Невилл… капитан Ми — определенно.

Почувствовав, что собеседнице нужно облегчить душу каким-то признанием, Ширин мягко спросила:

— Вы, стало быть, хорошо его знали?

Миссис Бернэм, помешкав, прошептала:

— Да. Сказать по правде, я знала его как никого другого.

— Ох!

— Истинно так, Ширин. — Миссис Бернэм как будто прорвало: — Было время, когда другие мужчины для меня просто не существовали.

— И что же вам помешало?

Миссис Бернэм вздохнула и понурилась.

— Мои родители…

Иных объяснений не требовалось. Ширин сочувственно покачала головой.

— И потом вы больше не виделись?

— Нет. Я ничего не знала о нем до того момента, как пришла сюда пригласить вас на раут. А по-

том, когда в Новый год мы с ним встретились на «Анахите», это было так, словно сама судьба вернула его, стерев все прошедшие годы. Казалось, мы расстались только вчера. А сейчас он там, в гуще боя. — Миссис Бернэм бросила взгляд в сторону речного устья. — Здесь он провел последние дни перед отправкой на фронт, и это время стало бесценным сокровищем всей моей жизни. Я не вынесу, если снова его потеряю. — Миссис Бернэм достала из ридикюля платок и промокнула глаза. — Наверное, я кажусь вам безнравственной, Ширин. Но, пожалуйста, не думайте обо мне плохо. Ничего этого не случилось бы, если б мне повезло, как вам.

— О чем вы, скажите на милость?

— Если б и я была счастлива в браке.

— Счастлива? — не сдержавшись, переспросила Ширин, и теперь уже сама ощутила потребность излить душу. — Ох, Кэти, мой брак отнюдь не то, чем он выглядит.

— Неужели?

— После смерти мужа я узнала, что здесь, в Китае, он завел любовницу и другую семью.

— Не может быть!

— Да, вот так вот. Для меня это было страшным ударом. Не укладывалось в голове, что человек,

всегда казавшийся образцом преданности, добропорядочности и набожности, мог спутаться с иноземкой другой веры. — Ширин тоже промокнула глаза. — Лишь теперь я стала понимать, какие повороты случаются в жизни.

Миссис Бернэм окинула ее долгим внимательным взглядом, потом подсела ближе и ласково спросила:

— Но ведь и ваша жизнь изменилась, с тех пор как в ней появился господин Карабедьян, правда?

Ширин поперхнулась и смогла только кивнуть в ответ.

— Знаете, вам несказанно повезло, — прошептала миссис Бернэм. — Вы вдова и можете снова выйти замуж.

— Нет, это невозможно, — твердо сказала Ширин. — Дети, родные, община никогда мне не простят. У меня есть обязанности перед ними.

Миссис Бернэм легонько сжала ее руку.

— Разве мы не исполнили свои обязанности? Не пора ли немного подумать о себе?

Вопрос застал Ширин врасплох, повергнув ее в ошеломленное молчание. Она еще думала, что сказать, но тут слуга доложил о приходе Карабедьян-саиба.

С началом артподготовки музыканты, получив короткую передышку, отошли в укрытие. На усиление обстрела земля отозвалась ощутимой дрожью. Спасаясь от оглушительного грохота, Раджу зажал руками уши, но Дики толкнул его под локоть:

— Глянь-ка туда.

Раджу увидел человека, тащившего на спине нечто похожее на дохлую козу.

— Водонос, — прошептал Дики. — Значит, сейчас начнется. Перед атакой всегда разносят воду.

От души напившись из бурдюка, Раджу заправил флягу и, следуя примеру Дики, сунул в рот леденец.

Обстрел закончился столь же внезапно, как начался. Пала странная звенящая тишина, которую нарушали только пронзительные крики, доносившиеся с китайских позиций.

— Примкнуть штыки! — гаркнул капитан Ми, а следом за ним тамбурмажор скороговоркой выкрикнул свою серию команд. Музыканты вскочили на ноги и выстроились уступом, с обеих сторон прикрытым сипаями.

Раджу много раз отрабатывал этот маневр, но сейчас почувствовал, как перехватило дыхание и закружилась голова. На муштре никто не

уведомил о завесе из пыли и дыма и о том, что рядом идущий сипай может оступиться, угодив в воронку от ядра, и едва не заехать тебе штыком в лицо. Никто не сказал, что будет невообразимо оглушительный шум: топот ног, бой барабанов, боевой клич *Хар Хар Махадев!* и, главное, посвист пуль над головой и жуткое пение штыка, если какая-нибудь его чмокнет.

Оторвав взгляд от земли, Раджу увидел уже близкие стены форта, над которыми торчали островерхие шляпы бойцов, лихорадочно перезаряжавших свои древние ружья без спускового крючка, но лишь с запальным замком для медленно горящего фитиля.

И тут продвижение вдруг прекратилось.

— К стрельбе товсь! — крикнул капитан Ми, и сипаи, припав на колено, вскинули мушкеты. По команде они открыли плотный огонь, прикрывая саперов, кинувшихся заложить взрывчатку под заграждения.

Для Раджу, у которого саднило горло, был забит пылью нос и от дыма пекло глаза, пауза эта стала манной небесной. Он мгновенно осушил свою флягу, и явление водоноса показалось ему услышанной молитвой. Присосавшись к носику бурдюка, он жадно пил, потом окатил водой лицо

и снова пил и, наверное, опустошил бы бурдюк, если б Дики не отпихнул его в сторону.

Вдали, у подножия холма, вновь возникли пламенные всполохи — «Куин» и «Немезида» начали второй акт бомбардировки, теперь обстреливая береговые огневые позиции. А потом раздался грохот, перекрывший все иные звуки, — сработали заряды саперов, заложенные под заграждения. Осели дым, осколки дерева и камней, и Раджу увидел майора Пратта, который с саблей наголо устремился к пробитой в стене бреши, ведя за собой подразделение морских пехотинцев.

Музыканты изготовились к тому, что бенгальская рота ринется следом, однако возникший перед ними тамбурмажор отдал иной приказ: играть не сигнал к атаке, но оповестить сипаев о маневре — перемещении на левый фланг к излучине реки.

Что происходит? Они наступают или отходят? Раджу было все равно, он думал лишь о том, чтоб не отстать от своих.

Крутой спуск с холма заставил роту постепенно убыстрить шаг, а вскоре все уже неслись бегом. Один за другим музыканты опустили флейты, отказавшись от попыток что-либо сыграть, ибо на это не хватало дыхания. Водная синева, замая-

чившая впереди, уведомила о близости подножия холма.

Очередной поворот дороги вывел сипаев на зады форта, который обстрелом двух кораблей, еще не покинувших боевую позицию, был превращен в крошево. Береговую полосу усеивали тела убитых, матросы втаскивали на палубы уцелевших солдат, беспомощно бултыхавшихся в воде.

Мчавшийся в авангарде Кесри увидел, как из ворот форта хлынули сотни китайских бойцов, отступивших под натиском морских пехотинцев, ведомых майором Праттом. Казалось, после кошмара артиллерийского обстрела они только рады сойтись в рукопашной.

Но сипаи, уже готовые к бою, сперва шквальным огнем скосили передовые цепи, посеяв панику в смятых рядах неприятеля, а уж затем, обнажив сабли и примкнув штыки, ринулись в атаку.

Столкновение с врагом породило волну, которая, пробежав по боевым порядкам сипаев, замедлила их продвижение. Раджу не ожидал столь резкой остановки и ткнулся лбом в спину переднего флейтиста. Он и Дики замерли, уронив руки с бесполезными флейтами, которые уже не могли состязаться с лязгом металла, заглушав-

шим даже крики умирающих.

Однако неодолимый напор задних рядов придвинул двух музыкантов к центру бойни, заставив переступать через тела поверженных защитников форта. Одежда почти всех китайских солдат, даже тех, кто еще оставался на ногах, была опалена или сожжена. При всяком попадании пули или удара штыком она вдруг вспыхивала, превращая ее обладателя в факел.

Внезапно из дымного облака материализовался тамбурмажор и приказал ребятам расчистить дорогу от трупов. Засунув флейты под ремни, они ухватили одного мертвеца за ноги и, оттащив в сторону, сбросили с обрыва на узкую полоску прибрежной земли, где уже лежала, местами в два-три слоя, куча трупов. Какие-то бревнами покачивались в воде, на других еще горела одежда.

Мальчишки поспешно вернулись обратно на дорогу. Они ухватили за ноги очередного мертвеца, но тут поблизости раздался глухой рык.

В двух шагах от них китаец в обожженной одежде и с почти оторванной левой рукой пытался встать на ноги. В правой руке он сжимал саблю. Увидев окоченевших от страха ребят, он, пошатываясь, двинулся на них.

Дики, у кого наконец прорезался голос, заво-

пил:

— *Бачао!* На помощь!

Как по волшебству, из клубящейся пыли возник сипай и воткнул штык китайцу в живот. Даже не глянув на мальчишек, он уперся ногой в убитого, выдернул штык и опять нырнул в гущу сражения.

Когда к Раджу вернулась способность дышать, он почувствовал, что в штанах его мокро. Увидев темное пятно, Дики сказал:

— Не бери в голову. Со всеми бывает, мля. Ничё, высохнет.

Раджу заметил, что на штанах приятеля расплылось точно такое же пятно.

В сотне ярдов от них Кесри тщетно пытался охолонить своих солдат.

Он был в первых рядах и видел бойню, начавшуюся после того, как китайцы угодили под шквальный огонь сипаев. Сперва капитан Ми и другие офицеры крикнули — мол, сдавайтесь! Но их, разумеется, не поняли, охваченные паникой китайские солдаты потрясали оружием. Пришлось дать команду открыть огонь, после чего сипаи и морские пехотинцы, срезав передовые цепи, устроили безумную мясорубку.

Кесри мутило, за все годы службы он не видел

такого побоища. Повсюду лежали трупы, почти все с прожженными черными дырами на блузах. У некоторых одежда еще тлела. Приглядевшись, Кесри понял, что это результат изъяна в амуниции. В отличие от английских солдат, китайцы не имели патронташей и держали порох в бумажных гильзах, которые крепились к ленте, носимой через грудь. В бою гильзы часто рвались, и просыпавшийся порох воспламенялся от искр запального замка ружей.

Кесри сошел с дороги, свернув к останкам береговой батареи. На всех поверженных бастионах Чуенпи и в форте Тайкока по другую сторону пролива, где состоялась такая же атака английского десанта, уже развевались британские флаги.

Сквозь пролом в стене Кесри прошел к ближнему бастиону. И здесь были зримые следы бойни: груды трупов, воронки от ядер, мертвецы, придавленные камнями вдребезги разнесенных парапетов, кровавые брызги на побеленных стенах, облепленных кусками ткани, костей и мозгов, медленно стекавших, точно желток разбитого яйца.

Одежда почти всех мертвецов была прожжена вспыхнувшим порохом. Нетрудно вообразить ужас бойцов, когда один за другим они занима-

лись пламенем.

Кое-где на огневых позициях уже трудились английские пехотинцы и артиллеристы, усердно приводя в негодность трофейные орудия — вколачивали шипы в запальные отверстия, разламывали вертлюги. Среди них Кесри узнал одного морпеха, завсегдатая борцовской арены на Ша Чау.

— Орудия-то прям на загляденье, — сказал солдат, оглаживая сияющий медный ствол большой восьмифунтовой пушки. — Надо отдать должное китаезам, учатся они быстро. Тут есть точные копии наших длинноствольных пушек, даже тридцатидвухфунтовых, и все новехонькие. Слава богу, косоглазые не успели их освоить. Во, глянь. — Пехотинец пнул деревянную колоду, подпиравшую ствол пушки. — Не сообразили убрать, чтоб опустить ствол, потому и били с перелетом.

В углу бастиона над кучей трупов висела тряпка с надписью, накорябанной по-английски.

— Что там сказано? — спросил Кесри.

Ухмыльнувшись, пехотинец ладонью отер взмокший лоб.

— Да это один наш сержант постарался. Там написано: «Вот он, путь к славе».

Кесри развернулся и пошел прочь. Обогнув выступающий угол стены, он очутился в темном узком ходе, соединявшем позиции. Когда глаза обвыклись с сумраком, в конце прохода Кесри вдруг увидел китайца, в котором по высокой шапке с плюмажем и сапогам распознал офицера. Он явно был ранен — в кирасе, прикрывавшей его грудь, виднелась пробоина, откуда сочилась кровь.

Увидев Кесри, китаец схватил тяжелый двуручный меч, вся его поза говорила о том, что он собирает силы для последнего броска.

Кесри воткнул свою саблю в землю и поднял руки, показывая, что они пусты.

— Сдавайся! — крикнул он. — Я тебя не трону!..

Кесри знал, что все это зря. Взгляд китайца говорил: если б даже он понял обращенные к нему слова, то предпочел бы смерть плену. Так и вышло. Раненый метнулся к Кесри, словно умоляя прикончить его, и просьба эта была исполнена.

Выдернув окровавленный клинок, Кесри заглянул в немигающие глаза убитого, в которых еще доли секунды теплилась жизнь. Такой взгляд он уже видел, когда воевал в Аракане и горах Восточной Индии, так смотрели те, кто сражался за свою землю, свой дом, свою семью, свои обычаи

и за все, что дорого их сердцу.

Сейчас он вновь видел этот взгляд, и его ожгла мысль, что за всю свою службу он не изведал войны, какую, скажем, познал его отец в битве при Асаи, войны за свое родное, за нечто, связующее тебя с предками и пращурами, ушедшими в тьму времен.

Окутанный неизъяснимой печалью, Кесри опустился на колени и закрыл глаза мертвецу.

Канонада, даже смягченная расстоянием, на Гонконге слышалась столь грозной, что садовники решили воздержаться от работы. В питомнике Полетт все утро трудилась одна, стараясь отвлечься делом — поливом, обрезкой, копкой, однако отдаленное буханье не давало покоя.

За год Полетт свыклась с внезапными всплесками далекой ружейной или орудийной стрельбы, но сегодня она казалась иной. Мало того, что канонада длилась слишком долго, в ней была этакая зловещая безжалостность, выбивавшая из привычной колеи. Трудно было не думать о смерти и убитых, о пролитой крови и разорванной в куски плоти. На таком фоне уход за растениями выглядел тщетой.

Ближе к полудню, когда канонада стихла, но горизонт на севере затянулся дымной пеленой,

Полетт решила передохнуть в тени дерева.

Что же там произошло? Что означает этот дым? Она не могла не задаться такими вопросами, хотя в глубине души не желала получить ответ.

Потом на тропе, что вела к питомнику, возникла какая-то фигура. Наведя подзорную трубу, Полетт узнала в ней Фредди и облегченно выдохнула — не придется изображать веселость, отвагу и всякое такое, он вполне удовольствуется собственным обществом.

И она не ошиблась — издали кивнув ей, Фредди уселся на нижней террасе питомника, привалившись спиной к смоковнице.

Некоторое время он сидел неподвижно, глядя на север. Полетт тоже рассматривала далекие клубы дыма, а потом увидела, как Фредди достал трубку. Что-то в ней шевельнулось, и она, спустившись к нему, села рядом, наблюдая, как он раскладывает свой инвентарь на траве.

— Желаете покурить, э, мисс Полетт?

— Я бы хотела попробовать, — кивнула она.

— Раньше не курили?

— Нет, никогда.

Фредди прищурился:

— Почему?

— Побаивалась.

— Вот как? Чего же?

— Боялась стать рабом зелья.

— Рабом? — Лицо Фредди озарилось редкой для него улыбкой. — Опий не порабощает, мисс Полетт. Нет, опий освобождает. — Он кивнул на дымное марево, укрывшее горизонт: — Вот они там — рабы, э? Рабы денег, наживы. Хоть сами не курят опий, они его невольники. Это фимиам, который они воскуряют своим богам — деньгам и выгоде. С помощью опия они хотят покорить весь мир этим божествам. И они победят, потому что их боги очень сильны, э, сильны, как демоны. Но, одержав победу, они поймут, что только опий спасет их самих от этих демонов. Только он укроет от их же хозяев.

Пока говорил, Фредди чиркнул длинной спичкой с серной головкой и поднес к пламени иглу с опийной чешуйкой. Подогрев ее, он передал трубку Полетт.

— Когда опий вспыхнет, я положу его в драконий глаз… — Фредди показал на крохотную дырочку в чашке, — а вы глубоко затянитесь. Нельзя растранжирить бесценный дым, э? — Он снова поднес чешуйку к огню и через секунду-другую крикнул: — Давайте!

Полетт ухватила губами мундштук и втянула

дым, проникший в нее приливной волной, которая, отхлынув, наделила невероятным покоем. Точно дым костра, отгоняющий мошкару, этот вдох избавил от всего, что терзает душу: страха, тревоги, горя, печали, разочарования, желания. Их место заняла безмятежная пустота, вакуум, не ведающий боли.

Полетт откинулась навзничь на мягкую траву. Отведав трубку, Фредди улегся рядом и, закинув руки за голову, уставил взгляд в густую древесную крону.

— Расскажи, как ты стал курильщиком, — попросила Полетт.

— Женщина научила.

— Правда? А кто она?

— Так, вроде меня — наполовину индианка, наполовину китаянка. Очень красивая… наверное, даже чересчур…

— Почему?

— Иногда красота — проклятие, э? За нее могут убить или еще чего. Ей нужна охрана, и я был сторожем. Я приносил женщине опий, однажды она пригласила покурить вместе, показала как, поделилась секретами. Я и раньше курил, но не понимал секретов, пока она их не открыла.

История эта будто соткалась из дыма, и в ощу-

щении нереальности всего вокруг следующий вопрос не выглядел бестактным:

— А ты… любил ее?

Фредди молчал, наверное, целую вечность. Правда, Полетт потеряла счет минутам, ей казалось, что стрелки ее внутренних часов замерли и время превратилось в нечто иное. Когда Фредди заговорил, она уже почти забыла, о чем спрашивала.

— Не знаю, ла. Не могу сказать, любовь это или нет. Наверное, что-то вроде дыма, которым сейчас мы полны. Это сильнее всяких чувств, сродни безумию или смерти.

— Почему? Почему — смерти?

— Потому что та женщина была наложницей, имуществом моего хозяина. Очень важный человек, Большой брат для мелюзги, как я. Звать Ленни Чан. Только безумец влюбится в женщину Большого брата. Он же всегда узнает, э?

— Так и случилось?

— Да. Он узнал и прислал своих людей. Они ее убили и утопили в реке. Хотели убить и меня, но я сбежал. Моя мать меня прятала, но они вызнали и убили ее — за меня. — Фредди усмехнулся. — Если б Чан знал, что я здесь, меня бы давно не было в живых. Но он думает, что я мертвый, он

не ведает, что я возродился как Фредди Ли. Будем надеяться, он так и не узнает, ла.

Рано утром, узнав о выдвижении английских кораблей к Тигриной пасти, Нил и Джоду взобрались на фок-мачту «Кембриджа» и в подзорную трубу наблюдали за боем.

Когда китайские батареи на Чуенпи открыли огонь, пара на мачте возликовала, уверенная, что атака англичан будет отбита. Но вот английские орудия начали обстрел укреплений, и уверенность сменилась тревогой. Не веря своим глазам, наблюдатели смотрели, как английские ядра крушат стены фортов Чуенпи и Тайкока, но еще больше их ошеломил штурм, который начали войска, высадившиеся с пароходов, баркасов и ботов. С высоты было хорошо видно, как они ринулись в проем, пробитый в стене, а вот их обходной маневр открылся, лишь когда подразделение сипаев появилось в тылу форта.

Тучи пыли и дым скрыли начавшееся побоище, но о нем наглядно свидетельствовали трупы в воде, все прибывавшие числом, однако весь ужас происходящего стал явью, только когда косяки обугленных тел выплыли в пролив.

Английские же корабли, судя по всему, не получили ни царапины.

Быстрота, с какой все закончилось, поражала не меньше однобокости потерь. По часам Нила, атака началась в девять утра, а уже в одиннадцать британские флаги развевались по обеим сторонам пролива. Единственным оплотом сопротивления оставалась флотилия боевых джонок под командованием адмирала Гуань Тяньпея.

В начале боя джонки попали под убийственный огонь противника и, уступая ему числом, отошли в укрытие бухты, отделявшей Чуенпи от Хумэня. Защитой им служила песчаная коса — препятствие, неодолимое для тяжелых кораблей, но отнюдь не страшное для судов с высокой осадкой.

Поначалу английская эскадра, занятая одновременным обстрелом Чуенпи и Тайкока, игнорировала китайскую флотилию, но после падения обоих фортов обратила на нее внимание — группа вооруженных пушками ботов двинулась на расправу.

Они еще не подошли на дистанцию выстрела, когда рядом с ними возник сияющий железом корпус «Немезиды». Пароход обогнал боты, на скорости прибыл к косе и, ткнувшись волнорезом в песок, дал залп снарядами, с жутким воем

взлетевшими с носовой палубы. Нил догадался, что применено то самое оружие, некогда интересовавшее Чжун Лоу-сы, — ракеты Конгрива, предтечи которых использовались в битве при Бангалоре. Описав дугу в воздухе, они нанесли сокрушительный удар: джонка, в пороховой погреб которой угодила ракета, с оглушительным грохотом взорвалась, и через мгновенье вся бухта была объята пламенем, китайскую флотилию как будто смело огненным потоком.

На «Кембридже» затрезвонила рында, подавая команду «По местам стоять, к бою!». Форпосты Тигриной пасти были в руках англичан, и атака победоносных кораблей на следующую линию укреплений — огневые точки Хумэня и острова Северный Вантун, где стоял «Кембридж», — казалась неизбежной.

Но, как ни странно, корабли отошли к Чуенпи, чтобы забрать ранее высаженный десант.

Видимо, наступление отложили на завтра.

Вечером, проверив, как сипаи и обозники устроились в трюме, Кесри зашел к капитану Ми, и они поговорили о давешнем бое. Порванный мундир капитана, получившего легкую рану мушкетной пулей, был надет в один рукав, забинтованная рука покоилась на перевязи.

— Сочувствую, сэр, — сказал Кесри.

— Не стоит, — ухмыльнулся капитан. — Я так даже рад провести отпуск по ранению в Макао.

Потери британцев, сообщил он, составили тридцать восемь человек ранеными, убитых нет. У китайцев же погибли почти шестьсот солдат и бессчетно раненых. На Чуенпи захвачено и выведено из строя тридцать восемь тяжелых орудий, на Тайкоке — двадцать пять. С учетом пушек на потопленных джонках и прочих, уничтожено сто семьдесят три орудия противника.

— Сипаи себя показали отменно, майор Пратт их превознес до небес.

— Правда, сэр? — Кесри знал, что капитан давно мечтает попасть в победную реляцию. — А вас упомянули?

Ми покачал головой:

— Нет, хавильдар, ни словом.

— Может, позже? Ведь завтра снова в бой.

— Да кто его знает. Говорят, на Полномочного надавили — мол, заканчивай с войной. Кажется, китайскому командованию уже послана бумага с условиями капитуляции. Не удивлюсь, если нас отправят обратно в лагерь, а начальники продолжат бесконечную переговорную трепотню.

Кесри огорченно поежился. Он-то надеялся, что

начало полномасштабных действий приведет к скорому завершению всей кампании.

И вот нате вам — следующим утром из Хумэня вышла лодка с белым флагом, направлявшаяся к флагманскому кораблю Полномочного представителя.

Вскоре было объявлено о прекращении боевых действий, бенгальские волонтеры возвращались на Ша Чау.

Всю ночь «Кембридж» впитывал новости и слухи. Но вот размах трагедии уяснился, и взвинченность китайских офицеров и матросов, которых кидало от ярости к глухому отчаянию, достигла предела.

Когда пришла весть о роли «черных чужаков» в бойне на Чуенпи, отношение китайских моряков к ласкарам резко изменилось: былая дружба вмиг улетучилась, уступив место холодности, словно Нил, Джоду и другие были в ответе за содеянное сипаями.

В открытую о том никто не говорил, что было еще хуже. Нилу даже полегчало, когда Комптон обрушился с обвинениями:

— Почему, Нил, почему? Почему твои соотечественники убивают моих, если между нашими народами нет вражды?

— Не надо равнять нас с сипаями, Комптон. Мы — не они. При всем желании, мы с Джоду не стали бы сипаями. Да и зачем нам? Знаете, в Индии они убили народу больше, чем где-либо еще.

Единственной хорошей новостью было известие, что адмирал Гуань жив. Его сочли погибшим при обстреле джонок, но он сумел добраться до Хумэня.

На рассвете поступил приказ адмирала: «Кембриджу» срочно сменить позицию. Едва развиднелось, корабль отошел от острова Северный Вантун и встал возле огневой точки на другой стороне пролива. Команда готовилась к неизбежному бою.

Ранним утром в проливе появились три английских фрегата, и матросы «Кембриджа» заняли боевые посты. Но англичане почему-то развернулись и ушли.

И только позже стало известно о возобновлении переговоров между мандаринами и британским Полномочным представителем.

Вскоре выяснилось, что у англичан имелся еще один повод для прекращения боевых действий: едва начались переговоры, как судно с грузом Ланселота Дента подняло якорь и, миновав Тигриную пасть, направилось к Гонконгу.

Все прекрасно понимали, что за перемирием стоит купец Дент — *мохк хау хаак сау*, кукловод за ширмой. Разумеется, он щедро проплатил английских военачальников, чтоб обеспечить безопасность своего груза.

— Вот что получается, когда войну затевают торговцы, — с горечью сказал Комптон. — Сотни жизней зависят от мздоимства.

Вечером он совершил ездку через пролив и, наведавшись в Хумэнь, вернулся со сногсшибательным известием: генерал-губернатор Цишань капитулировал, приняв все требования захватчиков, включая выплату компенсации в шесть миллионов серебряных долларов за конфискованный опий. Он также согласился передать англичанам под их базу остров, который те уже давно вожделели, — Гонконг, в китайских официальных бумагах именуемый «Гора Красное Кадило».

Соглашение о том будет составлено в ближайшее время.

Последствия боя на Чуенпи проявились почти сразу. В одну ночь уйма лодок заполонила гонконгскую бухту, точно мусор, вынесенный вдалеке прогремевшим штормом. Однако это были не те маркитантские лодки, что ежеднев-

но приходили из Коулуна, предлагая провиант, безделушки и другие товары, но сампаны-развалюхи, доверху груженные домашним скарбом — кухонной утварью, циновками, печками и тюками с одеждой. На изогнутых бамбуковых навесах сидели собаки, кошки и куры, а впереди грудились выводки ребятишек с привязанными к спинам досками, чтоб не утонули, если вдруг свалятся за борт.

Казалось, плавучее население прибывает вместе с приливом. Каждую ночь накатывали волны лодочного люда, и Полетт, проснувшись утром, видела, что сампанов вокруг «Редрута» стало еще больше.

Фредди, теперь ежедневно навещавший питомник, был на короткой ноге с новоявленными переселенцами.

— Это мой народ, э? — говорил он. — Моя мать была лодочницей, я вырос среди даньцзя[94].

— Но почему их так много? — спрашивала Полетт. — Чем их привлек Гонконг?

— В Гуандуне очень неспокойно. Лодочный народ встревожен. Оставаться нельзя, э? Говорят, Гонконг отдадут англичанам. Лодочники счита-

---

[94] Примечания: 94

Даньцзя — народность, традиционно жившая на лодках в прибрежных районах Гуандуна, Гонконга, Макао и др.

ют, здесь им будет безопаснее.

Вскоре кое-кто из новичков, перебравшись на сушу, стал где попало возводить лачуги и халупы. Берег, с которого Полетт начинала подъем к питомнику, уже не был безлюден. Сперва в дальнем краю его появилась одиночная хибара, а через неделю вокруг нее выросла целая деревушка. Обитатели ее выглядели миролюбиво, однако Полетт обрадовалась предложению Фредди сопровождать ее в подъеме на холм и приняла его не колеблясь.

Меж тем англичане тоже расширяли свое присутствие на Гонконге. Каждый день туда-сюда сновавшие боты и баркасы доставляли с военных и торговых судов, бросивших якорь в бухте, солдат, матросов, судовладельцев и экскурсантов. Остров наводнили бригады маркшейдеров, измерявших склоны холмов и вбивавших колышки.

Однажды в питомнике появилась группа из полудюжины официального вида мужчин, вооруженных землемерными циркулями и мерными лентами. Они поинтересовались, кому принадлежит участок, и ответ Полетт, что он арендован мистером Пенроузом, их, похоже, удовлетворил.

— Что-то слишком много вопросов, ла, — после ухода землемеров сказал Фредди. — Может, они

хотят оттяпать землю?

Полетт будто ударили под дых.

— Нет! — воскликнула она. — Это невозможно!

— Люди говорят, англичане, получив остров, заграбастают все, что им понравится.

Коренные жители острова, коих осталось всего четыре тысячи, сказал Фредди, очень обеспокоены недавними переменами. Спокон веку Гора Красное Кадило считалась гибельным местом, где властвуют хвори и разрушительные смерчи. В прошлом народ с материка избегал Гонконга как чумы и жалел его обитателей, приговоренных влачить существование на бесплодном острове, лежавшем под несчастливой звездой. А теперь вдруг сия звезда стала путеводной. Старожилы боялись, что англичане отберут у них землю и дома. Некоторые были так напуганы, что распродали имущество и перебрались на материк.

— Может, поговорить с землевладельцем, э? Вдруг он захочет продать участок?

Через пару дней Хорек сообщил, что помещик нанес визит на «Редрут» и предложил выкупить землю под питомником и примыкающий к ней участок, общей площадью два акра, запросив тридцать испанских долларов. Хорек ухватился за выгодное предложение и уже внес аванс в пять

долларов.

В день, когда с формальностями было покончено, в паланкине он совершил редкое для себя восхождение к питомнику и, оглядевшись, сказал:

— Вы здесь отменно поработали, Полетт, и заслужили владение этой землей.

— Простите, сэр?

— Еще не смекнули? — улыбнулся Хорек. — Я купил ее для вас, это ваше приданое.

Весь январь парсы Макао по-прежнему еженедельно собирались на Вилла Нова и после молитв садились за трапезу, в которой главным блюдом всегда был дхансак. Однако от воскресенья к воскресенью настроение общины заметно менялось. В первую встречу после боя на Чуенпи сеты ликовали: Поднебесной преподан хороший урок, и теперь во избежание еще больших потерь она, разумеется, выполнит требования англичан. Яснее ясного, что иного выбора у нее нет, коль не желает новых ужасных бедствий.

Одинокий путник, спасая свои сокровища от банды грабителей, встретившейся на пустынной дороге, готов рискнуть одним-двумя пальцами, но никто в здравом уме не станет жертвовать всей рукой, а то и головой. У китайцев инстинкт

самосохранения развит ничуть не слабее, чем у других народов, и они, конечно, должны принять, что война уже проиграна. Ежу понятно, их армия — наглядный пример поговорки *бхерем бхол не маэ пол*, сверху густо, снизу пусто. И потом, для страны бескрайних просторов потеря одного маленького бесплодного острова — сущий пустяк. Да и сумма в шесть миллионов испанских долларов не так уж неподъемна — среди кантонских купцов найдутся такие, кто осилил бы ее единолично.

Вот такой разговор шел в первое после боя воскресенье, и к концу трапезы, когда чаша с дхансаком опустела, все уже настолько уверились в окончании войны, что в ознаменование этого события Диньяр приказал открыть шампанское.

Однако через неделю уверенности поубавилось: стало известно, что мандаринам вновь удалось заманить Полномочного в игрище бесконечных словопрений. Потом прошла еще неделя, отмеченная лишь пустопорожней болтовней, и парсы глубже погрузились в хандру.

Но к следующему воскресенью отчаяние сменилось активностью, и сеты заговорили о том, что надо как-то повлиять на капитана Эллиотта,

дабы слегка ускорить ход событий. Взбудораженный Диньяр предложил всем отправиться на его корабле «Мор» на Гонконг и добиться встречи с Полномочным. Предложение было горячо поддержано, приняли решение завтра же отправиться в путь.

На этих совещаниях Ширин обычно оставалась безмолвным слушателем и, пока мужчины беседовали, дирижировала потоком кушаний и напитков, поступавших с кухни. Лишь после ухода гостей она спросила племянника, нельзя ли и ей поехать на Гонконг. Всегда к ней внимательный, Диньяр охотно дал добро.

Назавтра выехали в полдень и к острову добрались уже затемно. Утром же стало ясно, что время для поездки выбрано исключительно удачно, поскольку нынче ожидалось чрезвычайно важное событие — встреча на Чуенпи капитана Эллиотта и губернатора Цишаня для возможного подписания договора о передаче острова англичанам и выплате компенсации в шесть миллионов испанских долларов.

Пассажиры «Мора», собравшись на палубе, наблюдали за отходом впечатляющего отряда пароходов и боевых кораблей. Не все из зрителей надеялись на результативность предстоящей

встречи — прошлые многочисленные и весьма огорчительные проволочки лишали веры в то, что наконец-то замаячил свет в конце туннеля. Однако даже закоренелые скептики не отрицали того, что помпа, с какой был обставлен отъезд Полномочного представителя, обещала нечто значительное.

Лишь после проводов отряда парсы заметили, как за последнее время преобразился Гонконг: берег омыла волна поселенцев, на восточном краю бухты велось какое-то строительство.

Перемены, о которых сеты знать не знали, весьма их обеспокоили. Срочно спустив шлюпку, они поспешили выяснить, что происходит на острове, и через пару часов вернулись, кипя от негодования. Оказалось, британское командование, не дожидаясь никаких конвенций, уже присвоило Гонконг и втихомолку позволило знатным английским купцам захапать самые лакомые земельные участки. Скалистый выступ в восточной оконечности бухты вполне годился для строительства причала, его уже окрестили Восточным пунктом, а поблизости крупные английские торговцы опием уже возводили склады и конторы.

Все это не могло произойти без ведома на-

чальства экспедиционного корпуса — ясно как день, его хорошо подмазали. И какие еще тайные сделки состоялись за кулисами? Что, все лучшие участки уже разобраны?

Один торговец сокрушенно поделился с Ширин:

— Будь жив ваш супруг, биби-джи, ничего подобного не случилось бы, нас бы не держали в неведенье, пока ангрезы делят сочные куски. Как член Совета палаты, Бахрам-бхай об этом знал бы и нас предупредил.

Его перебил знакомый гул канонады, долетевший издалека.

— *Хай!* — всполошилась Ширин. — Опять стреляют?

Диньяр, прислушиваясь, вытянул шею.

— Нет, это, похоже, салютная пушка. Видимо, празднуют подписание договора!

Слова его разожгли дискуссию: сеты заспорили, как заставить англичан допустить на остров других покупателей, что лучше — открытые торги или аукцион? В крайнем случае, сказал кто-то, мы откажемся продавать им опий. Это наш козырь, ибо все иноземные купцы безоговорочно зависят от поставок бомбейской «мальвы».

Однако Диньяр и другие сочли этот путь опас-

ным: ощутив нажим, британское правительство непременно найдет предлог, чтобы силой оружия обеспечить себя опием. Этот туз всегда припрятан в рукаве таких, как Джардин, Мэтисон, Дент и иже с ними. Они разглагольствуют о свободной торговле, но вообще-то плевать хотели на рыночные законы и добиваются коммерческого преимущества только грубой огневой мощью корабельных орудий, коих у Британской империи несметно.

Спор еще не утих, когда на горизонте возник пароход, направлявшийся к острову со стороны устья Жемчужной реки. В подзорную трубу Диньяр разглядел «Немезиду», судно коммодора Бремера.

Вскоре стало ясно, что пароход держит курс к западной оконечности гонконгской бухты. Почуяв в том что-то необычное, Диньяр, не теряя времени, приказал спустить шлюпку, дабы не очутиться вновь во мраке неведенья.

— Вам, тетушка, хорошо бы тоже поехать, — сказал он Ширин.

— Зачем это?

— Ну хоть осмотрите остров. Как получите компенсацию, у вас будет куча денег. Может, приглядите себе участок.

— О чем ты, Диньяр? — удивилась Ширин. — На что мне здешняя земля?

— Пусть вам, тетушка, не нужна, а вот внукам вашим может пригодиться. Вполне вероятно, что когда-нибудь она взлетит в цене. Когда мой дед покупал землю в Бомбее, над ним смеялись. А какова ее стоимость сейчас?

Поразмыслив, Ширин решила поехать, но не ради участка — закатный ветерок, порхавший над бухтой, весьма располагал к небольшой водной прогулке. Она взяла шляпу с вуалью и забралась в подвесной подъемник, который доставил ее в шлюпку.

Меж тем от «Немезиды» отвалил баркас с группой офицеров и в считаные минуты достиг берега.

Шлюпка с «Мора» причалила, когда неподалеку от деревни Шэн Вань уже началась церемония. Обращаясь к офицерам, коммодор Бремер встал возле британского флага, воткнутого у самой кромки воды.

— От имени нашей милостивой королевы, сегодня, двадцать пятого января тысяча восемьсот сорок первого года, я вступаю во владение островом Гонконг.

Офицеры подняли бокалы с шампанским.

— Ура! Ура!

— В ознаменование этой даты место сие отныне и вовеки именуется Пунктом владения.

— Ура! Ура!

Диньяр и другие парсы внимательно слушали, Ширин скромно держалась в сторонке. Потом рядом с ней кто-то кашлянул, и знакомый голос произнес:

— Биби-джи…

— О, Задиг-бей! Рада вас видеть.

— А уж как я-то рад, биби-джи. Не желаете прогуляться?

— Не лукавьте, Задиг-бей! — рассмеялась Ширин. — Вы, поди, тоже присматриваете себе участок?

— Да, я собирался что-нибудь подыскать, — серьезно сказал часовщик. — Но не для себя одного.

— То есть?

Задиг потер подбородок.

— Я уже давно хотел кое о чем вас просить, и, наверное, лучше сделать это сейчас.

— Слушаю вас.

Часовщик залился ярким румянцем.

— Биби… — Он сбился и начал снова: — Ширин… я прошу вас стать моей женой.

Глава 18

После медосмотра капитан Ми был отправлен в трехнедельный отпуск для залечивания раны, полученной в бою на Чуенпи. Капитан решил провести его в Макао, куда тотчас и отбыл. Кесри полагал, что на Ша Чау командир вернется тютелька в тютельку с окончанием отпуска, но, к его удивлению, Ми объявился на два дня раньше.

— Вы прям как новенький, каптан-саиб! — расплылся в улыбке Кесри.

— Серьезно?

Кесри даже не помнил, когда последний раз видел командира в столь хорошей форме.

— Да, выглядите прекрасно.

— Развеяться было полезно, хавильдар, — усмехнулся Ми.

— А почему вернулись раньше срока?

— Получил личный приказ Полномочного.

Оказалось, завтра на Гонконге состоится военный парад. Капитан Эллиотт и коммодор Бремер выступят с речами, бенгальские волонтеры будут представлены отделением сипаев и пушкарями для производства салюта из ротной пушки.

— Ожидаются армейские шишки, так что наши парни должны подать себя во всей красе.

— Слушаюсь, каптан-саиб.

Утром пароход доставил сипаев на Гонконг. Высадившись на восточном краю бухты, по склону холма они поднялись к ровной поляне, где на высоком флагштоке трепетал британский стяг. Там уже выстроились другие участники парада: шотландские стрелки, солдаты ирландского, 49-го королевского и 37-го мадрасских полков.

В парадном строю бенгальским волонтерам отвели место за мадрасскими сипаями, которые шли за подразделениями англичан. Встав во главе своего отделения, Кесри огляделся: на дальнем краю поляны собралась большая толпа гражданских, в основном британцев, еще больше народу из числа местных жителей расположилось выше по склону холма.

Минуло полчаса, прежде чем появились Эллиотт и Бремер; Полномочный представитель был в цивильном, коммодор — в парадной форме. Торжественно прошагав к флагштоку, они встали лицом к войскам. Капитан Эллиотт зачитал по бумажке:

— Остров Гонконг передан Британской короне, что скреплено печатями Имперского министра

и Верховного комиссара, и посему надлежит установить здесь правление, угодное Ее величеству. Данной мне властью объявляю, что отныне все права, пошлины и привилегии Ее величества в полной мере действуют на всей территории острова и распространятся на земли, пристани, владения и службы…

Кесри давно уже освоил искусство застыть в строю по стойке смирно и думать о своем. Блуждая взглядом по толпе зрителей на дальнем краю поляны, он различил знакомые лица Ширин, Диньяра, высившегося над ними Задига, мистера Бернэма с женой по правую руку и Захарием по левую.

— …Что скреплено моей подписью и печатью января двадцать девятого дня, года одна тысяча восемьсот сорок первого.

Спрятав листок, капитан Эллиотт обвел взглядом парадный строй и зрителей.

— Боже, храни Королеву!

В ответ грянул хор голосов, поддержавших здравицу, после чего коммодор Бремер сделал шаг вперед и достал свою бумажку.

— Мы, коммодор Бремер и Полномочный представитель Эллиотт, сим уведомляем население Гонконга, что в соответствии с публичным до-

говором между высшими чинами Поднебесной и Британии остров стал частью владений Королевы Англии, и всем его обитателям следует уяснить: отныне они подданные Ее величества, коим надлежит безропотно исполнять все монаршие установления.

Кесри перевел взгляд на незнатных зрителей, собравшихся на холме. Среди них он узнал Фредди, рядом с которым стоял юноша в сюртуке и панталонах. Лицо его как будто было знакомо, но Кесри не мог вспомнить, где видел этого человека.

Пушка бабахнула в восьмой раз, когда внимание Полетт привлек великан-заряжающий. Вглядевшись в него, она достала подзорную трубу.

— Куда ты смотришь, э?

— Вон на того пушкаря.

— На какого?

Полетт передала трубу Фредди:

— На, погляди. Может, узнаешь его.

— Да кто он такой?

— Смотри, смотри.

Фредди приник к окуляру, с добрую минуту разглядывая великана, и лицо его расплылось в улыбке.

— Думаешь, это он? Калуа с «Ибиса»?

— Возможно, хоть я не уверена.

Парад закончился, и на поляну хлынули зрители, чтоб хорошенько рассмотреть английских солдат и сипаев. Полетт дернула Фредди за рукав:

— Давай подойдем поближе.

Спустившись с холма, они затесались в толпу и остановились ярдах в пятидесяти от пушки.

— Да, это он, — сказала Полетт. — Никаких сомнений.

И тут гигант посмотрел в их сторону. Осоловелый взгляд его задержался на Полетт, потом переместился на Фредди и вновь на девушку. И тогда вдруг глаза его вспыхнули, на губах заиграла улыбка. Увидев неподалеку Кесри, он чуть заметно качнул головой, словно говоря: ближе не подходите.

— Интересно, он знает, что хавильдар — брат Дити? — проговорила Полетт.

Калуа как будто прочел ее мысли и теперь чуть заметно кивнул. Полетт улыбнулась:

— Да, знает.

На другом конце поляны мистер Бернэм с брезгливой гримасой взирал на толпу, окружившую военных.

— Нет ни малейшего желания уподобляться этой шушере, — сказал он жене. — Сейчас мы уедем, но сперва я перемолвлюсь с коммодором.

— Хорошо, дорогой, я подожду тебя здесь.

Мистер Бернэм повернулся к Захарию:

— Я могу быть уверен, Рейд, что под вашим приглядом никакой обкуренный придурок не слямзит ридикюль моей супруги?

— Будьте благонадежны, сэр.

Судовладелец отошел, оставив между миссис Бернэм и Захарием неуютный прогал, который они постепенно сократили, встав почти плечом к плечу. Помолчали. Потом миссис Бернэм сказала:

— Давненько мы не виделись, мистер Рейд. Надеюсь, пребываете в добром здравии?

— Да, благодарю вас.

Они не встречались с новогоднего раута. В Макао Захарий провел пару дней, а все остальное время был на Гонконге, сопровождая мистера Бернэма, начавшего возведение новых построек.

— А как вы себя чувствуете, миссис Бернэм?

— К сожалению, неважно. Потому-то я и осталась в Макао, когда муж уехал на Гонконг. Врачи сказали, что островной воздух мне вреден и лучше от него воздержаться.

Захарий вмиг узнал томную манеру и напускное равнодушие, обычно приберегаемые мадам для светских мероприятий. В прошлом, когда они состояли в тайном сговоре против всех, его восхищала способность миссис Бернэм на публике выглядеть неприступной скалой. Но сейчас этой маской хотели обмануть и его, что было как соль на рану.

— Наверное, жизнь в Макао приятна, — сказал он, стараясь не выдать своих чувств. — Говорят, там полно военных, оправляющихся от ран.

Затянувшаяся пауза свидетельствовала, что заряд угодил в цель. Наконец миссис Бернэм справилась с собой.

— В городе много военных? Я о том и не знала, поскольку даже не выходила из дому.

— Неужели? — Захарий ждал этого момента и знал точно, что скажет, подражая вкрадчивой манере, столь излюбленной его собеседницей. — А мне вот случилось на пару дней заехать в Макао, и я, готов поклясться, видел, как вы входили в лавку модистки, что неподалеку от церкви Святого Лазаря. Вообще-то я даже видел, как через час-другой вы оттуда вышли вместе с капитаном Ми. По слухам, модистка иногда сдает комнату.

— Мистер Рейд! — Мадам побелела. — На что

это вы намекаете?

Захарий хохотнул, будто гавкнул.

— Полно, миссис Бернэм, передо мной-то нет нужды притворяться. Иль забыли, что мне прекрасно известен ваш лицедейский талант?

— Что вы… такое говорите… — запинаясь, пролепетала миссис Бернэм.

Скосив взгляд, Захарий увидел, что она укрылась за парасолем.

— Он тот самый лейтенант, о котором вы мне рассказывали? — Ответом была мелкая дрожь зонтика, и Захарий чуть мягче добавил: — Не прячьте лицо, миссис Бернэм, не надо.

— Поверьте, мистер Рейд… мы просто беседовали… — придушенно проговорила мадам. — Вы же никому не скажете, правда?

Капитуляция еще больше смягчила Захария, и он, сам того не желая, задал вопрос, не дававший ему покоя с новогоднего раута:

— Но почему — он? Что вы нашли в этом неотесанном мужлане?

— Не знаю, — тихо сказала миссис Бернэм. — У меня нет ответа. Но если б можно было вернуться в прошлое, я бы его не выбрала.

— Что так?

— Мы с ним очень разные. В нем нет рас-

четливости, он совершенно бесхитростен и руководствуется одним чувством долга. Это покажется странным, но я не встречала другого столь законченного бескорыстника.

Захарий криво улыбнулся.

— Вы обольщаетесь либо очень наивны, миссис Бернэм. Воякам неведомо бескорыстие. Все они погрязли в долгах и продаются по пятьдесят долларов за штуку. Не верите, спросите мужа — у него их полные карманы.

— Нет, Невилл не такой, — спокойно и твердо сказала мадам. Она перевела взгляд на противоположный край поляны, где капитан Ми, опершись на эфес сабли, разговаривал с офицерами.

— Вы столь уверены, что он невосприимчив к искусам, как прочие?

— Да, абсолютно.

— Ладно, поглядим, — усмехнулся Захарий.

Он понимал, что подкупить капитана будет непросто, но считал это возможным, игра точно стоила свеч. Чем больше Захарий о том думал, тем важнее казался успех сей затеи, дабы не рухнуло все устройство мира, никому не позволяющее пренебречь законом алчности, этим великим двигателем прогресса, который согласу-

ет потребности с доходами и, обеспечивая спрос, справедливо раздает награды самым достойным.

В тот день, когда над Гонконгом гремел салют, Комптон прибыл на «Кембридж».

В Тигриной пасти, где так и стоял корабль, стрельба слышалась отчетливо. Все понимали, что англичане празднуют обретение острова, и общее настроение было скверным, но Комптон переживал событие особенно тяжело и, закрыв руками лицо, в бессильной ярости скрежетал зубами.

Однако он прекрасно сознавал, что тут ничего не поделаешь: генерал-губернатор Цишань оказался в безвыходном положении, поскольку император предписывал любой ценой изгнать чужаков, но англичане фактически завладели островом, и попытки выдворить их неизбежно разрушили бы огневое затишье. После отказа исполнить их требования британцы могли атаковать Гуанчжоу, что привело бы еще к большим потерям. Оставалось только надеяться, что император, получив доклад, поймет мудрое губернаторское решение избрать путь наименьшего урона.

Никто не знал, как откликнется непредсказуемый владыка. В ожидании ответа из Пекина

приходилось готовиться к новому столкновению с англичанами. Потому-то Комптон и прибыл на «Кембридж» — он доставил приказ о передислокации к Первому порогу Жемчужной реки.

Нил хорошо знал этот своего рода водопад в нескольких ли от Вампоа. На реке было два таких места с отмелями, появлявшимися, а потом исчезавшими. Всякую неделю тамошний фарватер пролегал иначе, и судам с низкой осадкой приходилось нанимать местных лоцманов.

Обитая в Вампоа, Нил не раз бывал возле Первого порога, где реку, протекавшую по зеленой равнине, с обеих сторон окаймляли рисовые поля, сады, там и сям разбросанные деревеньки. Пейзаж навевал воспоминания о сельских просторах Бенгалии, сонных и утопающих в зелени.

Однако нынче здешние окрестности претерпели разительные перемены. В последний месяц тысячи солдат и рабочих встали лагерем по обоим берегам. На восточном берегу поднялись глиняные стены форта, реку пересекал крепкий настил из огромных бревен, выглядевший дамбой. Для его сооружения вырубили лес на площади в сотни акров; строительные расходы взяли на себя купцы гильдии Ко-Хон, на одну только древесину истратив, по слухам, тысячи

серебряных таэлей[95].

При необходимости одна подвижная секция настила открывала проход судам. «Кембридж» миновал эту преграду и тотчас бросил якорь, встав напротив форта; ему отвели роль плавучей огневой точки, защищающей крепления настила к западному берегу.

Опробовав разные варианты, офицеры приняли решение развернуть корабль носом в сторону вероятного появления противника, тем самым как бы сузив контуры судна и превратив его в цель меньшего размера. Изъяном этой позиции было то, что она не позволяла использовать бортовые орудия. Для восполнения сего недостатка палубные пушки перетащили на бак. С учетом всей важности носовой батареи в бомбардиры назначили самых опытных матросов, разрешив им набрать орудийные расчеты по своему усмотрению. Одним из первых должность бомбардира получил Джоду, который, к вящей радости Нила, взял его в свой расчет, доверив функции *сумбадара*, заряжающего.

Следующие две недели орудийные команды провели в освоении и оттачивании артилле-

---

[95] Примечания: 95

Таэль — китайская мера серебра, примерно 40 граммов.

рийских навыков. Корабельные офицеры, плохо знакомые с организацией стрельб на судах европейской постройки, мало чем могли помочь, и матросы, покопавшись в памяти, составили собственные руководства. Всем заправлял ласкар-маканец[96], некогда служивший на португальском судне, именно он подавал команды мигом занять боевые посты.

Все это время на «Кембридж» регулярно наведывался Комптон, поставлявший новости. Он часто работал переводчиком представителей генерал-губернатора на продолжавшихся англо-китайских переговорах. Однако новостей было мало, поскольку британцы считали, что обсуждать уже нечего, осталось ратифицировать договор, заключенный на Чуенпи, их удовлетворит лишь безоговорочное принятие императором всех требований.

Сам Комптон был уверен, что император Даогуан не пойдет на уступки вообще. И оказался прав: однажды утром появившись на «Кембридже», он сообщил, что император отверг договор целиком. Кроме того, он жестко выговорил генерал-губернатору Цишаню за потачку британцам.

---

[96] Примечания: 96

Маканцы — восточноазиатская народность, в XVI веке возникшая в Макао и состоявшая из людей смешанного происхождения.

Указания властям Гуандуна остались прежними: никаких компромиссов, любой ценой изгнать захватчиков. Правда, на сей раз император не ограничился наставлениями, но лично распорядился о деньгах на восстановление и укрепление всех фортификаций Жемчужной реки. Вдобавок для усиления обороны провинции направлялись войска из Хунаня, Сычуаня и Юньнаня.

Через несколько дней в район Первого порога прибыло большое подкрепление. Неподалеку от «Кембриджа» на берегу обосновался батальон бывалых солдат из Хунаня.

Вся эта подготовка лишний раз подчеркнула, что настил — ключевой элемент в защите Гуанчжоу и, по сути, являет собой последнюю линию обороны. Дальше река разветвлялась на такое множество протоков, что блокировать все было просто невозможно. Стоило английским кораблям прорваться через Первый порог, как Вампоа и Гуанчжоу оказывались в их власти.

Однажды на занятии «стрельба боевыми» Нил вдруг рассмеялся.

— Чего ты? — спросил Джоду.

— Да вот только сейчас уразумел, что задача по обороне Кантона доверена разномастной команде «черных чужаков».

Уже близилась середина февраля, когда мистер Бернэм сопроводил корпусных командиров в их очередной встрече с губернатором Цишанем. По возвращении он поделился с Захарием: похоже, до Полномочного наконец-то дошло, что император никогда не примет договор, заключенный на Чуенпи. На встрече Цишань, утративший свой всегдашний лоск, выглядел весьма удрученным и как-то странно юлил, словно пытаясь что-то скрыть. Сложилось такое впечатление, что император уже отверг договор, и только силовое давление принудит его к уступкам.

Коммодор Бремер и его коллеги давно поняли, что капитан Эллиотт свалял дурака, позволив мандаринам тянуть время, чтобы упрочить свою оборону. В районе Тигриной пасти отмечено сосредоточение войск. Разведка доносит, что китайцы блокируют судоходные протоки цепями, кольями и настилами.

Эти приготовления до глубины души возмутили британское командование, которое сочло их явным проявлением вероломства, подтвердившим мнение, что победу под Чуенпи следовало закрепить атакой на Кантон. Разделявшие его офицеры требовали скорейших действий, ибо готовность китайцев к боям сильно осложнит

наступательную задачу. Многие настаивали на немедленном возобновлении войны, коя увенчается захватом Кантона.

Уступив нажиму, капитан Эллиотт согласился направить ультиматум: если через четыре дня договор не будет ратифицирован, Гуанчжоу подвергнется атаке.

Почти никто, сказал мистер Бернэм, не питает надежду на мирное разрешение ситуации. Подготовку к боям ведут обе стороны. Британское командование обмолвилось, что, возможно, торговые суда понадобятся в роли вспомогательных боевым кораблям.

Захарий тотчас загорелся идеей:

— Есть ли шанс, что «Ибис» войдет в их число, сэр? Мы стоим без дела, и я бы очень хотел поддержать наших отважных солдат и моряков.

Мистер Бернэм улыбнулся и потрепал его по плечу:

— Ваша горячность делает вам честь, Рейд! Мысль об «Ибисе» меня посещала. Я попробую замолвить словцо, но ничего не обещаю. Все, даже парсы, жаждут предоставить свои суда, так что вклиниться будет непросто.

В последующие дни Захарий весь извелся. Уж так ему хотелось поучаствовать в походе, что он

даже не мог сосредоточиться на постройке нового склада мистера Бернэма. Никаких новостей не было до того дня, когда истек срок ультиматума. А в полдень на стройплощадке появился улыбающийся мистер Бернэм и сообщил потрясающую весть: наступление британских войск начнется через день-два, «Ибис» включен в список шести вспомогательных кораблей, отбывающих вместе с эскадрой. Его задача — подвоз боеприпасов и прием на борт тяжелораненых.

От радости Захарий ошалел. Мог ли он мечтать, что своими глазами увидит этакое зрелище, как морской бой!

— А вы, сэр, отправитесь в поход?

— О да, — гордо сказал мистер Бернэм. — Я буду на «Уэлсли». Коммодор Бремер пригласил меня на свой флагманский корабль. Это большая честь.

— Спору нет, сэр, но вам просто воздают должное. А что миссис Бернэм? Останется на «Анахите» в гонконгской бухте?

— Да, она будет здесь. Коммодор советует торговым кораблям перебраться к Ша Чау, но я думаю, он излишне осторожен. По-моему, тут совершенно безопасно.

— Конечно, вы правы, сэр.

Мистер Бернэм глянул на карманные часы и

хлопнул Захария по спине:

— Ну что ж, ступайте, Рейд, сейчас на «Ибисе» дел невпроворот.

Весь в жажде деятельности, Захарий поспешил на шхуну, однако там его поджидала маленькая неприятность. Первый помощник-финн, рубашка которого была забрызгана кровью, встретил его на палубе, прижимая компресс к запрокинутому лицу. Врезался в распахнутую дверь каюты, пояснил он, упал и, похоже, получил сотрясение; во всяком случае, службу нести не может.

У Захария возникло подозрение, что помощник просто надумал предлог, чтобы слинять с корабля; он рассчитал финна и велел ему тотчас освободить каюту.

Искать замену было некогда, но Захарий не дал остыть своему энтузиазму, решив, что вдвоем со вторым помощником они вполне справятся.

Вечером накануне выхода капитан Ми вызвал к себе Кесри для ознакомления с боевым планом. На столе лежала большая карта оборонительных укреплений в низовьях Жемчужной реки.

Восстановленные и новые фортификации были помечены красной тушью, и оттого район Тигриной пасти выглядел пиршеством алого цвета. Давеча уничтоженные форты Чуенпи и Тайкока

отстроены заново, сказал капитан, через фарватер вновь протянуты цепи, кое-где в дно вбиты колья, препятствующие проходу кораблей.

Наиболее грозные укрепления возведены на острове Северный Вантун, расположенном посреди Тигриной пасти между Чуэнпи на востоке и Тайкоком на западе. Остров ощетинился пушками: одна батарея развернута на восток, вторая смотрит на запад, третья занимает позицию на горном хребте.

Капитан и еще несколько офицеров совершили вылазку, с палубы «Немезиды» осмотрев фортификации Северного Вантуна. Выглядели они внушительно: еще месяц назад на острове было всего несколько дюжин пушек, а теперь их число возросло до двух сотен, изумляла уже сама переброска стольких орудий за очень короткий срок.

Но вот какая штука, сказал капитан: к югу от мощно укрепленного Северного Вантуна расположен остров поменьше, Южный Вантун. Он на расстоянии орудийного выстрела от своего северного соседа, но китайцы, бог знает почему, его не заняли и там не оборудовали позиции. С тактической точки зрения это грубейший просчет: захват Южного Вантуна обеспечит рычаг, который взломает всю оборону Тигриной пасти.

Посему боевой план английских войск предписывает первым делом занять этот остров.

Бенгальские волонтеры с полным составом обозников и всем снаряжением вновь отправятся на корабле «Назарет Шах». Вероятно, боевые действия продлятся дни, а то и недели, сипаям следует подготовиться к долгому пребыванию на корабле.

— Нынче без вариантов, хавильдар, — сказал Ми. — Что бы там ни было, потом нас ждет Кантон.

Утром гонконгскую бухту накрыла буря взволнованного ожидания. Все — купцы и ласкары, судовладельцы-парсы и китайские лодочники — понимали, что наступает судьбоносный момент. Когда пришла пора боевым кораблям поднять паруса, череда английских торговых судов, украшенных вымпелами и британскими флагами, покинула гавань и выстроилась этаким почетным караулом: на палубах толпились пассажиры — одни выкрикивали здравицы, другие шептали молитвы, — на мачтах гроздьями висели матросы, желавшие проводить эскадру.

Возглавляли конвой три линкора, «Уэлсли», «Мелвилл» и «Бленхейм», с семьюдесятью четырьмя пушками, следом шли фрегаты «Друид»

с сорока четырьмя и «Юпитер» с двадцатью четырьмя орудиями. Провожая сей величественный строй, зрители вопили, точно на регате.

Вспомогательные и транспортные корабли подняли якорь последними. На выходе из бухты их сопроводили «Куин» и «Мадагаскар», в кильватер которым встали торговые суда, перебиравшиеся в безопасный приют острова Ша Чау. «Анахита» была в числе немногих кораблей, оставшихся в гонконгской бухте.

Погода выдалась чудесная, было свежо, но не зябко, небо сияло синевой, и под устойчивым ветром корабли шли резво. Захарий впервые направлялся к устью Жемчужной; он уже повидал впечатляющие ландшафты китайского побережья, но сейчас был сражен грандиозностью открывшегося вида: река уподобилась огромной лазоревой долине, раскинувшейся меж серовато-зеленых гор.

Сборный пункт был назначен в миле от острова Южный Вантун. Вспомогательные суда прибыли на место, когда там уже началась подготовка к атаке. Боевые корабли выстроились уступом во главе с флагманом и двумя линкорами. За ними встали фрегаты, боты и канонерки. Поддержкой парусникам были три парохода с мощным во-

оружением.

Строй этот напоминал наконечник стрелы, нацеленной на форты Северного Вантуна, сам же остров походил на сфинкса, развернувшегося к британской эскадре; на макушке его уселась крупная батарея с уже открытыми бойницами, откуда выглядывали пушечные рыла, а возлежал он в неразрывном кольце укреплений, охватывающих все склоны, мысы и вершины Тигриной пасти.

С квартердека «Ибиса» Захарий имел хороший обзор приготовлений к атаке. Три парохода деловито шныряли меж заякоренных кораблей, и только «Немезида», занявшая позицию на острие удара, была неподвижна. Вокруг нее теснилась дюжина буксиров, выгружавших солдат и боеприпасы, за кормой стояла связка ботов, готовых к буксировке.

На закате из высокой трубы «Немезиды» вырвалось густое облако черного дыма, зашумели паровые котлы, и корабль вздрогнул, точно скаковая лошадь на старте, жующая удила, а потом вдруг с места рванул и, таща за собою три бота, устремился к островку, отделенному от Северного Вантуна неширокой полосой воды.

Если б не пара маленьких взгорков, крохотный

Южный Вантун можно было принять за отмель. На фоне своего величавого северного соседа он съежился, точно мышь перед котом.

Едва «Немезида» пришла в движение, две китайские батареи — на высотках Северного Вантуна и в форте Хумэня на другом берегу реки — одновременно открыли огонь. Первые ядра легли мимо, и, прежде чем китайские пушкари поправили прицел, «Немезида» достигла островка, ткнувшись носом в берег, прикрытый взгорком.

Батареи еще вели бессмысленный огонь, но высадка уже состоялась, и синяя форма артиллеристов тотчас расцветила унылые холмы.

Захарий приник к окуляру подзорной трубы. В бывшем корабельном плотнике взыграл профессиональный интерес к тому, как оно все устроено и из чего состоит. Представшая глазам картина завораживала: две сотни человек работали невероятно слаженно, точно осы, строящие гнездо.

Оружейники привезли с собою кипу джутовых мешков и теперь насыпали в них береговой песок. Заполненные мешки по цепочке передавали в седловину, разделявшую два островных взгорка. Там офицер королевской артиллерии, стоя в укрытии склона, руководил возведением

брустверов.

Тем временем пушкари выгрузили с парохода разобранные орудия: сначала огромные медные и чугунные стволы, каждый весом не меньше полутонны, затем колеса и станины лафетов. Разрозненные части пушек соединились с удивительной быстротой, и еще до захода солнца на берегу встала небольшая батарея.

Все это время китайские орудия усиливали огонь, ядра били по острову, но артиллеристы, работавшие под прикрытием холма, ничуть не пострадали.

Спустилась ночь, и Тигриная пасть превратилась в громадную панораму огней. Близлежащие мысы мерцали кострами, на которых китайские войска готовили ужин. Орудия Северного Вантуна не смолкали, и во тьме островные высоты смотрелись жерлами вулканов, неустанно изрыгающими огненные языки.

На укрытой холмами части Южного Вантуна тоже всю ночь мигали огни — индийские и английские пушкари продолжали обустраивать огневую позицию. Рассвет показал, что с работой они справились успешно, ибо в седловине меж двух взгорков вырос бастион, защищенный основательным бруствером из мешков с пес-

ком, — три гаубицы, две восьмифунтовые пушки и одна медная двадцатичетырехфунтовая. На задах позиции расположилась платформа для запуска ракет Конгрива.

Около восьми утра, когда все речное устье купалось в ярких солнечных лучах, лившихся с безоблачных небес, новорожденная английская батарея заговорила. Поначалу она била с недолетом, ядра врезались в береговой утес, дробя камни и вздымая землю. Но постепенно разрывы поднялись выше и теперь крушили бойницы и зубчатые стены укреплений. Вскоре пушки перешли на стрельбу картечью и шрапнелью, осыпая китайские позиции смертоносным градом. Затем в воздух взвились ракеты Конгрива, начиненные взрывчаткой. Окончание их полета сопровождалось страшным громом. Взрыв порохового погреба вышвырнул огромную шестидесятивосьмифунтовую пушку из бойницы. Зацепившись колесами за край амбразуры, мгновенье она висела над обрывом, а потом, сорвавшись, полетела вниз, оглушительно лязгая в соударениях с утесом, и рухнула в реку, взметнув водяной столб.

Готовые к атаке английские корабли уже разделились на три отряда, но пока их сдерживали отлив и полное отсутствие ветра. Они дожида-

лись хотя бы легкого дуновения, а тем временем обстрел острова не стихал, наполняя неподвижный воздух обломками укреплений и клубами черного дыма, похожими на отрыжку вулкана.

В одиннадцатом часу наконец-то прилетел ветерок. Самый крупный отряд под водительством фрегатов «Мелвилл» и «Бленхейм» с семьюдесятью четырьмя пушками поднял паруса и в боевом порядке направился к Хумэню. Второй отряд, состоявший всего из двух кораблей, флагмана «Уэлсли» и двадцатичетырехпушечного фрегата «Умеренный», взял курс к восстановленному форту Тайкока на противоположном берегу. Третья группа судов двинулась к растерзанному и укутанному дымом острову Северный Вантун. Все отряды шли в сопровождении канонерок.

До сих пор английские корабли не сделали ни единого выстрела. Вблизи китайских позиций они встали на шпринг[97], развернувшись для стрельбы бортовыми орудиями. Затем, почти одновременно, корабли дали залп по всем трем целям — Хумэню, Тайкоку и Северному Вантуну.

---

[97] Примечания: 97

Шпринг — трос, заведенный в скобу якоря или звено якорь-цепи и другим концом закрепленный на корме для удержания корабля в заданном положении и эффективного использования бортовой артиллерии.

Грохот выстрелов был поддержан пронзительным визгом ракет Конгрива.

Яростная стрельба создавала впечатление огненного потока, воспламенившего саму реку. Залпы следовали один за другим, и над Тигриной пастью нависла черная грозовая туча — дымовая завеса была столь плотной, что кораблям пришлось на время прекратить огонь.

Когда дым рассеялся, стало видно, что китайские позиции разгромлены. Форт Тайкока умолк, пушки Хумэня и Северного Вантуна огрызались лишь изредка. Все три точки укрепрайона были разбиты вдребезги.

Наступала фаза наземной операции, и корабли перегруппировались: «Уэлсли» и «Умеренный», превратившие форт Тайкока в дымящиеся руины, отошли назад, чтобы поддержать атаку на Северный Вантун.

Лишь теперь Захарий смог оторваться от окуляра. За боем он следил, затаив дыхание и направляя подзорную трубу то на правый берег, то на левый, то на остров посреди пролива.

Никогда в жизни он не видел подобного зрелища, являвшего собою чудо замысла и безукоризненного исполнения. На его глазах состоялся триумф современной цивилизации, наглядно

показавшей, как порядок и разум завоевывают области тьмы, и подтвердившей слова миссис Бернэм о всесилии класса, к которому теперь принадлежал и он, Захарий. Вспомнив своих столь несхожих наставников, указавших ему верный путь, — серанга Али, Ноб Киссина-бабу и миссис Бернэм, он преисполнился благодарности к судьбе, обеспечившей его местом винтика в сем потрясающем механизме.

В месте с подразделениями ирландского, шотландского и 37-го мадрасского полков бенгальские сипаи вошли в состав десанта, которому предстояло атаковать Северный Вантун. Каждый отряд сел в свой бот, два из которых буксировал пароход «Мадагаскар», остальные — «Немезида».

На подходе к острову десантников встретили град стрел и ружейные залпы. Боты еще не достигли берега, когда из разгромленных укреплений высыпали китайцы, потрясая саблями, пиками и копьями.

Кесри знал, что нынче повторится бой, произошедший на Чуенпи. Разрушительный обстрел, убедивший китайцев, что в артиллерийском искусстве они безнадежно уступают противнику, заставил их попытать счастья в рукопашной схватке. Отчаяние придало им смелости и выма-

нило из укрытия бастионов. Однако на открытом пространстве солдаты были совершенно беззащитны, и ружейный огонь вкупе со шрапнелью скашивал их цепи еще до сближения с неприятелем. И вновь просыпавшийся порох превращал бойцов в живые факелы, из-за чего они, пытаясь сбить пламя, бросались в воду, но там и находили смерть от пули.

К окончанию высадки десанта весь берег уже был устлан телами убитых и смертельно раненных. Английские офицеры кричали защитникам фортов «Сдавайтесь!», некоторые даже по-китайски, специально выучив слово *ту-кьян*. Но призывы эти пропали втуне, китайцы оголтело бросались на вражеские штыки.

Десантники захватили с собою штурмовые лестницы, которые почти не пригодились — проход обеспечивали бреши в разнесенных ядрами стенах.

Заняв укрепления, десантники рассредоточились, преследуя остатки войск, отступавшие на островные высоты. Кесри бежал по проходу, в котором не было никого, кроме убитых и раненых. На огневых позициях он видел изрешеченных картечью артиллеристов, повисших на стволах пушек, и был поражен тем, что солдаты эти не

спрятались в укрытие, но до конца оставались на боевом посту.

Ближе к вершине холма Кесри увидел большую группу безоружных пленных, сидевших на корточках под дулами конвоиров, которыми командовал знакомый сержант Мэггс.

— Этим хватило ума сдаться, — сказал он. — Но глянь, что творится внизу.

Высунувшись в бойницу, Кесри увидел груды трупов на прибрежных камнях — сотни китайцев бросились со скалы, предпочтя смерть плену.

И вновь вспомнились прежние войны в Аракане против горных племен, бойцы которых, оказавшись в безвыходном положении, тоже сводили счеты с жизнью. Сипаи, как профессиональные солдаты, воспринимали это весьма болезненно, поскольку чувствовали себя наемными убийцами.

Зачем? Зачем так сражаться? Почему не смириться с поражением и не сохранить жизнь? Если б мог, Кесри объяснил бы всем этим людям, что вовсе не желал им смерти, но просто делал свою работу.

Он перевел взгляд на форт Хумэня на противоположном берегу, где уже развевались британские флаги, окруженные клочьями черного дыма.

Внезапно возникла вспышка, сопровождаемая оглушительным грохотом, и стена форта медленно осела в воду: английские саперы приступили к методичному уничтожению укреплений.

Столько смертей, столько разрушений причинено народу, который не сделал ничего худого тем, кто столь рьяно топил его в огненном потоке. Какой в этом смысл? Ради чего все это?

От мысли о своей роли в происходящем Кесри содрогнулся, в глубине души понимая, что за его поступки ответят еще не родившиеся поколения. Пытаясь унять сковавший сердце страх, он напомнил себе о героях Махабхараты[98], которые против своей воли, но лишь во исполнение долга сражались на стороне зла, ибо уклонение от битвы покрыло бы их бесчестьем. Он вспомнил Дроначарью, ополчившегося на Арджуну, своего лучшего ученика, которого любил больше родного сына, вспомнил Бхишму Питамаху, великого праведника, ввязавшегося в несправедливую тяжбу, и царя Шалью, пошедшего войной на племянников, к чему его принудили необдуманно сказанные слова. Точно так же и он, Кесри,

[98] Примечания: 98

Махабхарата — литературный памятник древнеиндийского эпоса, собрание новелл, басен, притч и легенд богословского, политического и правового характера. Далее упоминаются образы его сюжетов.

присягнул англичанам, и пойти на попятную означало бы позор.

Он искал утешения в этих мыслях, но безуспешно. Покоя не давал проклятый вопрос: ради чего столько смертей, столько разрушений?

Более всего прочего Захария поразила быстрота операции: за четыре часа все фортификации Тигриной пасти перешли в руки англичан. Сразу после захвата Хумэня цепь, натянутая через реку, была сорвана с креплений и благополучно утонула.

Следом началось действо, по-своему внушавшее трепет, как и согласованная атака, — приведение в негодность трофейных орудий и уничтожение фортов.

И это происходило одновременно в трех местах — на обоих берегах и острове. Огромные орудия одно за другим выкатывали из бастионов и сбрасывали в реку. Некоторые взрывали, забив мешки с порохом в дула. Пушки лопались, точно переспелые плоды.

Но буханья эти не шли ни в какое сравнение с трясением земли, вызванным подрывом фортов. Каждый взрыв взметал столб дыма и груду камней, которые как будто исчезали за облаками, а затем просыпались дождем. Вскоре все склоны

вокруг Тигриной пасти посерели от пыли.

Захария настолько заворожило это зрелище, что он не сразу обратил внимание на Ноб Киссина-бабу, дергавшего его за рукав.

— Сэр, поступил приказ о доставке боеприпасов бенгальским волонтерам.

— Займись этим сам, — отмахнулся Захарий. — У меня и так дел по горло.

Едва он избавился от гомусты, как пришел новый приказ — подготовиться к приему раненых: трех офицеров и двух десятков солдат, которые прибудут группами в сопровождении врачей и санитаров.

Твиндек уже разделили перегородкой, отведя одну часть сипаям, другую англичанам. Но помещение для офицеров еще не подготовили, а подпалубное пространство, сообразил Захарий, их вряд ли устроит.

Каюта первого помощника пустовала, но для троих была тесновата. Захарий решил сам туда перебраться, а свою капитанскую каюту, просторную и хорошо обставленную, уступить раненым офицерам, которые наверняка оценят этот жест.

Свободная каюта была в двух шагах от капитанской, напротив столовой, где питались помощники, и переселение не заняло много времени. К

прибытию первой лодки с ранеными «Ибис» был полностью готов принять пострадавших.

Легкораненые бойцы самостоятельно добрались до отведенных им мест, носилки почти не понадобились. Пока новоселы обустраивались, прибыла следующая партия — полдюжины солдат из мадрасского инженерного батальона, посеченных осколками при подрыве фортов. Среди них был офицер, англичанин-йоркширец. Он-то и рассказал Захарию, что саперы использовали заряды из захваченных китайских складов — на подрыв невероятно толстых стен ушло десять тысяч фунтов трофейного пороха.

Уничтожение фортификаций преследовало двоякую цель: стереть с лица земли бастионы и, главное, ошеломить и отрезвить китайцев — вселить в них ужас, дабы уразумели, что дальнейшее сопротивление бесполезно.

— Хороший бабах может спасти много жизней, — важно сказал офицер.

На борту транспортного судна выяснилось, что второй роте бенгальских волонтеров опять крупно повезло — никого даже не ранило, если не считать ссадин и порезов. Пострадал только молодой лейтенант — при штурме укреплений Северного Вантуна он упал с лестницы и сильно

повредил спину. Капитан Ми сам доставил раненого на транспортный корабль и не покидал его, даже не сменив забрызганную кровью форму.

После переклички Кесри спросил капитана:

— Что будет с лейтенантом, сэр?

— Я отправлю его в плавучий лазарет, а завтра беднягу перевезут на Ша Чау или Гонконг.

Кесри отошел к сипаям, с главной палубы завороженно следившим за взрывами в фортах Тигриной пасти. Из зачарованности их вывели крики ласкаров, которым требовалась помощь в подъеме на борт чего-то необычайно тяжелого.

Кесри и еще пара солдат с таким усердием налегли на ворот, что кузов с грузом взлетел аж к подъемной стреле лебедки, выявив свое содержимое — то был не ящик или мешок, но невероятно тучный человек.

Лебедку вдруг заклинило, и гость завис в раскачивающемся кузове подъемника. Разинув рты, сипаи и ласкары уставились на невидаль, этакое сверхъестественное существо, которое как будто выпрыгнуло из воды и воспарило над палубой.

Похоже, небеса с ним были в сговоре, ибо на мгновенье облака расступились, и солнечный луч, выглянувший в оконце, озарил кузов. Однако внешность видения была до того странной,

что даже яркий свет не позволил определить его пол, — неохватное тело, от горла до пят укутанное в просторный шафрановый балахон, огромная голова, брыластые щеки, копна развевающихся волос. Собрание столь необычных черт довершали выпученные глаза, полные неописуемой тревоги — казалось, они вот-вот ракетами выскочат из орбит.

И тут вдруг подвешенное существо мужским голосом издало громоподобный клич:

— *Хе Радхе, хе Шьям!*

Призыв нашел отклик в душах сипаев, хором рявкнувших в ответ:

— Славься, Радхе, славься, Шьям![99]

После сего вопля лебедка внезапно починилась, ворот пришел в движение, и гость плавно опустился на палубу.

Вся сцена длилась не больше минуты, но чрезвычайно взбудоражила Кесри, который, так и не вспомнив, где видел этого человека раньше, неожиданно для себя выпалил:

— Кто ты такой?

— Мое имя Бабу Нобо Кришна Панда, — был

---

[99] Примечания: 99

Радхе — вечная супруга Кришны, олицетворение его духовной энергии наслаждения. Шьям — Кришна в облике пастушка, у которого тело цвета грозового облака.

ответ.

Едва прозвучало последнее слово, как все встало на свои места, все обрело смысл — и яркие одежды, и священный призыв, ибо «панда» — сродни пандиту, то бишь брамину. В прошлом церковные пандиты невероятно раздражали Кесри своими бесконечными просьбами денег, но сейчас казалось, будто молитва его услышана и море с небом, сговорившись, явили того, кто мог дать ответ на изводившие его вопросы.

Не тратя лишних слов, Кесри подвел гостя к борту и показал на столбы дыма, поднимавшиеся над разгромленными фортами.

— Ради чего все это, пандит-джи? — спросил он. — Какой в этом смысл? Вы знаете?

— Конечно, — кивнул Ноб Киссин-бабу, словно речь шла о чем-то совершенно очевидном.

— Просветите, пандит-джи, — взмолился Кесри. — Я тоже хочу знать.

— *Зарур бета,* охотно, — радостно сказал гомуста. — Ты стал свидетелем *пралаи* — начала конца света.

— *Арре йе кья баат хай*, что вы такое говорите? — изумился Кесри.

Ноб Киссин-бабу расплылся в лучезарной улыбке.

— Чему ты так удивляешься, сын мой? Или тебе не ведомо, что мы пребываем в Кали-юге, эпохе апокалипсиса? Возрадуйся, ибо нынче ты воюешь за ангрезов, которым судьба предначертала поспешествовать концу света, но они всего лишь инструмент Божьей воли. — Он показал на «Немезиду», проплывавшую мимо окутанных черным дымом фортов: — Взгляни, в чреве сего судна пылает огнь, пробуждающий демонов алчности, сокрытых во всяком человеке. Оттого-то англичане и пришли в Индостан и Китай, ибо сии страны населены столь густо, что алчность, взыгравшая в их жителях, способна пожрать весь мир. И вот сегодня началось сие великое пиршество. А закончится оно, когда человечество, обуянное бешеной жадностью, пожрет землю, воздух и небо.

У Кесри голова шла кругом.

— Я простой человек, и я не понимаю, — сказал он. — Зачем мне быть при начале конца? И почему вы здесь?

— Неужто не ясно? — В тоне гомусты сквозило удивление. — Мы тут, чтобы помочь англичанам исполнить веление их судьбы. Пусть мы люди маленькие, но нам выпало счастье знать о своем предназначении, чего им не дано. Мы обязаны

всеми силами им помогать, это наш долг, понимаешь?

Кесри покачал головой:

— Нет, пандит-джи, не понимаю.

Ноб Киссин вскинул руку, словно благословляя его.

— Уясни, сын мой: чем скорее наступит конец, тем лучше. Мы с тобой удостоены чести избранников на службе у судьбы, и будущие поколения нас возблагодарят. Ибо лишь после конца сего света народится лучший мир.

На «Кембридже», стоявшем менее чем в двадцати милях от Тигриной пасти, воцарилась тишина, когда вдали возникли огромные столбы дыма и пыли, медленно поднимавшиеся к облакам.

Вид их позволял сделать единственный вывод: горят форты Тигриной пасти.

Поток донесений сделал очевидным, что атака английских кораблей на Первый порог — лишь вопрос времени. Пока было не ясно только одно: это произойдет нынче или чуть погодя?

Текли часы, и вероятность скорого нападения таяла, поскольку к вечеру англичане вряд ли бы сунулись в здешнее русло, известное своими подвохами.

На закате, обагрившем поднимавшиеся вдали

столбы дыма, «Кембридж» вновь окутало этакой зловещей тишиной, пришедшей на смену долгим горячим спорам. И потому азан, призыв корабельных мусульман на вечернюю молитву, исполненный Джоду, показался благостным и успокаивающим даже иноверцам.

По окончании молитвы ласкары сгрудились вокруг своего новоявленного имама, который тихо и серьезно что-то им втолковывал. Напряженное лицо его разбередило любопытство в Ниле, и тот, не устояв, подслушал мусульманскую беседу.

Оказалось, Джоду говорит о подготовке к Судному дню. Позже Нил спросил его, вправду ли он думает, что все так скверно. Джоду пожал плечами:

— *Ке джане*, кто его знает? Но если что, я хочу быть к тому готовым.

Вскоре после заката рулевой доложил, что к «Ибису» подошла шлюпка. Перегнувшись через фальшборт, Захарий увидел лодку, в которой на носилках лежал молоденький лейтенант. Раненого сопровождали санитары и офицер, оказавшийся капитаном Ми.

Захарий затаил дыхание, ибо наконец-то представилась долгожданная возможность переговорить с ним. Он подошел к трапу и протянул

руку ступившему на палубу офицеру:

— Добрый вечер, капитан Ми.

Тот по-прежнему был в грязной форме, в заботах о раненом так и не удосужившись счистить кровь или переодеться. Похоже, он не узнал Захария.

— Вы, как я понимаю, шкипер этого судна?

— Так точно.

Капитан вгляделся в него:

— Ах, это вы…

Захарий напрягся, ожидая язвительной реплики, но ее не последовало, капитан лишь коротко пожал ему руку.

— Здравия желаю.

Меж тем раненого лейтенанта лебедкой подняли с лодки, и он вскрикнул от боли, когда носилки опустились на палубу.

— Потерпи, Апджон, — сказал капитан. — Сейчас мы тебя устроим.

Сказано это было мягко, чуть ли не по-отечески — видимо, сочувствие к юноше несколько сгладило обычную шершавость капитанской натуры. Захарий счел это добрым знаком.

— Что, серьезная рана? — спросил он.

— Парень грохнулся со штурмовой лестницы, — угрюмо проговорил Ми. — Похоже, сломал

спину.

— Печально. Если я могу чем-то помочь, только скажите.

Ми, как будто немного оттаяв, вежливо кивнул:

— Благодарю, вы очень любезны.

Раненого отнесли в каюту, Захарий же остался на палубе, дожидаясь возвращения капитана.

— Можно вас на два слова, мистер Ми?

Капитан помешкал.

— Я ограничен временем.

— Это ненадолго. — Захарий открыл дверь каюты первого помощника. — Соблаговолите войти?

В тесной каюте, освещенной единственной свечой, было не повернуться, и они встали почти вплотную друг к другу. Капитан пригнулся, но все равно доставал головой до потолка. Глянув на койку со сбитыми засаленными простынями, Захарий решил, что все-таки лучше разговаривать стоя.

— Что вам угодно? — спросил Ми.

— Все очень просто. Я хочу сделать вам деловое предложение.

— Деловое? — Капитан выплюнул слово, точно дробину. — Что-то я не пойму.

— Видите ли, у меня большой груз провианта,

излюбленного сипаями, — рис, чечевица, специи и прочее. Мы с партнерами были бы чрезвычайно признательны, если б вы уведомили о том своих интендантов. — Захарий помолчал и кашлянул в кулак. — Разумеется, ваши хлопоты будут достойно вознаграждены.

На лице капитана отразилось недоумение.

— Что значит — достойно вознаграждены?

Захарий взбудоражился, восприняв вопрос как проявление интереса. Наживку заглотнули, осталось только подсечь. Тщательно подбирая слова, он сказал:

— Я имею в виду небольшой знак нашего уважения, мистер Ми. Вам, конечно, известно, что мы, свободные торговцы, чрезвычайно благодарны вам и вашим коллегам за прекрасную работу, которую вы делаете здесь, в Китае. И будет только справедливо, если за тяжкий труд и одоление множества препятствий вы получите свою долю благ, не правда ли? Постыдно, что офицеры невысокого чина вроде вас прозябают лишь на мизерном жалованье… — Захарий опять покашлял в кулак — …тогда как их начальники уже получили существенное вознаграждение.

Ми переменился в лице, когда наконец постиг смысл этих слов.

— Ах, вот оно что! Хотите подмазать меня взяткой?

— Не спешите с выводами, капитан. — Захарий сообразил, что зашел не с того конца, но у него еще имелись козыри в рукаве.

— Заткнись, козел сраный! Ты что, за дурака меня держишь? А то я не знаю ваших махинаций!

Капитанское лицо с рубленым подбородком перекосилось от злости, он сжал кулаки. Захарий отшатнулся, упершись спиной в переборку.

— Позвольте напомнить, капитан, что вы на моем судне. Держите себя в руках.

Губы Ми искривились в презрительной усмешке:

— Не бойся, держу, иначе ты бы уже валялся с разбитой мордой. Но для такого говнюка этого слишком мало, я врежу тебе покрепче.

— Каким же это образом, позвольте узнать?

— Уделаю тебя нахер! Я доложу наверх о твоей хитрожопости, чтоб ты больше ни к кому не сунулся со своей херней! На совести этакой мрази, как ты, бессчетно смертей, ты и твоя братия угробили наших солдат больше, чем китайцы! Я тебя насквозь вижу, сучий ты потрох!

Поток брани подействовал, точно холодный душ — Захарий ничуть не испугался, и только

мысль его заработала быстрее. Теперь он знал определенно, чем прижать капитана.

— Что ж, поступайте, как вам угодно. — Захарий криво усмехнулся. — Только сперва спросите себя: что наше общество считает бóльшим преступлением — мздоимство или супружескую неверность?

Ми растерянно моргнул.

— Ты это к чему?

Улыбка Захария стала шире, и он, смакуя каждое слово, произнес:

— К тому, капитан, что вы потеряете гораздо больше, чем я, а уж про миссис… — Захарий выдержал театральную паузу и закончил: — …Бернэм нечего и говорить.

Капитан замер, а в следующую секунду кулак его впечатался в челюсть Захария. Тот покачнулся и, подкошенный краем койки, рухнул на смятые простыни. Во рту его возник металлический привкус крови, но боль в занывшей скуле подсказала, как развить преимущество, которым одарил вышедший из себя капитан.

Потирая челюсть, Захарий изобразил улыбку.

— Миссис Бернэм, наверное, потратит уйму времени, прежде чем сумеет натянуть чехольчик на этакого бугая.

Он получил несказанное удовольствие, когда капитан пошатнулся, словно сам нарвался на хук правой, и его ошеломленное, грубой лепки лицо стало почти комичным.

— Да уж, в этом она ловка. — Захарий растягивал слова, наслаждаясь беспомощностью противника, а пульсирующая боль в скуле только усиливала его злорадство. — Я навеки запомнил тот первый раз.

Капитан вдруг метнулся к нему и схватил за грудки. Захарий рассмеялся:

— Что такое? Никак ты удивлен? Думал, она ждет тебя, кающегося грешника во власянице? Неужто впрямь рассчитывал, что ты у нее один?

— Заткнись, сволочь, ты врешь!

— Что, не веришь? Может, показать, как она фокусничает с чехольчиком?

Капитан придвинулся вплотную к лицу Захария и, брызжа слюной, прошипел:

— Да ты вконец обнаглел, хер моржовый!

Захарий провел кончиком языка по губам, как это часто делала миссис Бернэм.

— Наверняка твой рот хранит ее вкус, который я-то с первого раза распознаю. И ты его тоже узнаешь, коль лизнешь меня там, где побывал ее язычок. Кажется, она называет это «рихтов-

кой». Ощущение незабываемое, а уж когда по яйцам-то…

— Молчи, сука! — Капитан окончательно потерял власть над собой и сомкнул пальцы на горле Захария. — Забыл, что шантажисты подыхают раньше срока?

Лишенный воздуха, Захарий задергался, и рука его чиркнула по карману, где лежал складной нож. Он успел его достать, но капитан увидел блеск выскочившего лезвия и, всем весом навалившись на Захария, стиснул его руку с ножом в своем кулаке, слегка ослабив хватку на горле. Пришпиленный к койке, Захарий попытался глотнуть воздуху, но едва не срыгнул от кислой вони пота и крови, исходившей от капитанского кителя. Он все же сумел чуть отвернуть голову и сделать вдох. Физически Захарий был полностью во власти человека много сильнее его, однако в этом беспомощном состоянии мысль его работала гораздо четче, и он просипел в капитаново ухо:

— Бедная миссис Бернэм!.. Спать с тобой — все равно что отдаться гаубице!..

Ми зарычал и крепче сдавил его руку с ножом.

— Зря ты достал свой ножик… упростил мне задачу…

Неодолимым движением капитан согнул руку

Захария, и клинок уперся тому в горло. Ощутив укол лезвия, Захарий вдруг вспомнил, что нож этот когда-то принадлежал первому помощнику Кроулу, который три года назад в этой самой каюте точно так же приставил клинок к его горлу.

Воспоминание неожиданно придало храбрости.

— Валяй, зарежь меня, — прохрипел Захарий. — И знаешь, что будет? А я тебе скажу: в моих вещах найдут письма миссис Бернэм, я их все сохранил. Ты этого хочешь — уничтожить ее?

Слова его возымели действие, ибо хватка на горле разжалась. Вывернувшись из-под капитана, Захарий соскочил с койки, оправил одежду и протянул руку:

— Нож верни, я выронил.

Ми, совершенно убитый, молча подал ему нож.

— Спасибо. Знаешь, я советую хорошенько обдумать мое предложение.

— Пошел на хер. Видеть тебя не желаю.

Захарий усмехнулся и открыл дверь каюты.

— Боюсь, так легко от меня не отделаться. Я уверен, скоро мы свидимся, а пока что — наидобрейшего тебе вечера.

Глава 19

Утром на «Кембридже» не нашлось бы ни одного человека, у кого от неизвестности не сводило живот. Позже прибыл нарочный со срочным сообщением: пять английских боевых кораблей и два парохода, один из них «Немезида», вышли из Тигриной пасти и двинулись вверх по реке, вскоре они появятся у Первого порога.

Всем полегчало, ибо известие о близком бое, к которому так долго готовились, внесло определенность. Кое-кто еще надеялся, что мелководья и перемещающиеся отмели Жемчужной преградят путь боевым кораблям. Но из последующих донесений стало ясно, что этого не случится, поскольку англичане разработали систему преодоления речных препятствий: во главе строя шла «Немезида» с высокой осадкой и, замеряя глубину, прокладывала безопасный курс остальным.

С приближением кораблей донесения зачастили: англичане в двадцати пяти ли, теперь в двадцати…

В начале Часа лошади[100] орудийные расчеты встали по местам и повторили свои обязанности; каждый командир проверил готовность орудия к первому выстрелу: запальное отверстие заправлено порохом, ядро с зарядным картузом в стволе и забито пыжом из обрезков пенькового каната.

День выдался жарким, к полудню на баке уже было настоящее пекло. Островерхие шляпы не спасали от жгучих лучей, и пушкари соорудили парусиновый навес. Солнце палило нещадно, взмокшие ласкары разделись, оставшись в рубахах и клетчатых шарфах.

В середине дня пал штиль, воздух стал недвижим. Поступило сообщение, что английские корабли замерли в девяти ли от Первого порога, и только «Немезида» продолжает движение.

Пушкари приободрились: если «бесовское корыто» угодит под перекрестный огонь форта и «Кембриджа», есть шанс его потопить.

Окрыленные надеждой, расчеты не сводили глаз с речного русла, и через какое-то время вдали возникли клубы черного дыма, а потом донесся нарастающий шум паровых машин.

В укреплениях на другом берегу тоже ждали

---

[100] Примечания: 100
Час лошади — с 11:00 до 13:00.

появления корабля. Форт располагал лучшим обзором реки, и его наблюдатели первыми увидели пароход. Тотчас был подан сигнал, извещавший о нем команду «Кембриджа», а через минуту и Джоду показал вдаль:

— Вон он!

Сквозь заросли акаций и бамбука Нил разглядел дымящую трубу.

Перед речной излучиной «Немезида» сбросила скорость. Она уже почти подошла на расстояние выстрела, и пушкари «Кембриджа» смогли хорошенько рассмотреть ее длинный черный корпус и два огромных колеса с лопастями. На палубе высился широкий настил с готовыми к запуску ракетами Конгрива.

Пароход изменился с тех пор, как Нил его видел последний раз: на боковинах носа сияли свежей краской два больших глаза, исполненных в азиатской манере. Казалось невероятным, что сей знакомый символ выглядит столь зловеще и угрожающе.

Разглядывая «Немезиду», Джоду так насупился, что его рассеченная бровь сошлась с другой в одну линию.

— Вон там у него котлы, — сказал он, показав в основание дымовой трубы. — Если туда шарах-

нуть, ему каюк.

Пароходные пушки на вертлюгах пришли в движение: одна развернулась к форту, другая к «Кембриджу». Внезапно тишину разорвал орудийный гром, и было не ясно, кто выстрелил первым, но уже через секунду пароход и форт обменялись залпами.

«Кембридж» выжидал, когда пароход подойдет на расстояние выстрела. Но вот прозвучала команда «к бою», и Нил вместе со своим расчетом бросился к станинам лафета. Разом навалившись, они подкатили пушку к фальшборту, дуло ее выглянуло из бойницы. Глядя через ствол, Джоду наводил орудие на цель, остальные, вооружившись ломами, исполняли его команды.

Покончив с прицеливанием, Джоду подставил колоду под ствол, зафиксировав его положение. Затем взмахом отогнал бойцов и поднес горящий фитиль к запальному отверстию.

Лишь за мгновенье до выстрела Нил сообразил, что «Немезида» тоже открыла огонь, и свист над его головой издает шрапнель, пущенная с парохода. Восьмифунтовая пушка рявкнула и в откате отпрыгнула назад, но ее удержали брюк-стропы, притороченные к рымам лафета.

Теперь думать о чем-либо еще, кроме переза-

рядки пушки, было некогда. Окунув банник в ведро с морской водой, Нил сунул его в дуло, гася тлеющие остатки прежнего заряда. Затем ласкар Чхоту Миан, «пороховая мартышка», вложил новый зарядный картуз и забил его пыжом. Банник утрамбовал все это вплоть до пороховой камеры, после чего заряжающий втолкнул ядро в ствол, потом вновь трамбовка и еще один пыж.

На сей раз Джоду целился долго и тщательно. Он скинул рубаху, обнажив мускулистый, блестящий от пота загорелый торс, и с помощью лома сноровисто начал придавать стволу нужный наклон, то и дело слегка его подправляя.

— Куда ты целишься? — спросил Нил.

— В машину, куда ж еще? — буркнул Джоду.

Прошептав молитву, он поджег запал и отскочил в сторону.

В следующее мгновенье «Немезиду» качнуло, и в том месте палубы, под которым предполагалось машинное отделение, появилась зазубренная пробоина.

— Есть! — заорал Джоду. — *Легечхе*, попали!

Изумленные пушкари возликовали, боясь поверить в свою удачу, однако через минуту огромные лопасти пароходных колес завращались, извещая, что судно лишь повреждено и

вполне способно передвигаться.

Но само отступление «Немезиды» уже было немалым делом. Опьяненные успехом, пушкари «Кембриджа» взяли передышку, наслаждаясь моментом.

Но радость их была недолгой.

«Немезида» еще не скрылась из виду, когда вдали возникли мачты быстро приближавшихся боевых кораблей. Под плотным огнем с форта и «Кембриджа» английский отряд, возглавляемый пароходом «Мадагаскар», рассредоточился.

Не открывая огонь, корабли заняли боевые позиции. Пара судов, пароход и корвет, подошли вплотную к бревенчатому настилу и развернулись бортами к «Кембриджу». Захлопали деревянные створки бойниц, и Нил вдруг понял, что на него уставились дюжины пушечных жерл. А потом под ним дрогнула палуба от одновременных бортовых залпов двух кораблей.

— Пригнись! — перекрывая грохот, рявкнул Джоду. — Они бьют картечью!

Переждав свист пуль, Нил поднял голову: парусиновый навес был разодран в клочья, кусок его, размером не больше носового платка, валявшийся на палубе, походил на сито.

Пригибаясь, пушкари подкатили пушку к

фальшборту, но подготовить к стрельбе не успели, ибо Чхоту Миан с зарядным картузом в руках опрокинулся навзничь, сраженный картечью, — на издырявленной рубахе его расплывались кровавые пятна.

— Шевелись! — гаркнул Джоду. — Заряжай!

Схватив зарядный картуз, Нил затолкал его в дуло, следом заряжающий впихнул ядро. Джоду велел приготовить новый заряд, и Нил, сообразив, что теперь он заменяет убитую пороховую мартышку, кинулся к трапу на главную палубу, укутанную в дымный саван, и там едва не упал, оскользнувшись на поносной луже, натекшей из смертельно раненого матроса. Повсюду лежали окровавленные тела изрешеченных картечью, других убила срубленная ядром тяжелая рея. Густой дым сделал невидимым квартердек, до которого было всего-то тридцать футов.

Оружейника, ведавшего зарядами, чиркнула картечная пуля, он сидел на корточках, отирая струившуюся по лицу кровь, за спиной его высилась груда картузов. Схватив один, Нил бегом вернулся на бак и вновь зарядил свою восьмифунтовую пушку, единственную уцелевшую из всех орудий «Кембриджа».

Пушка еще не закончила откат после выстрела,

когда английское ядро, разнесшее фальшборт, перебило ее брюк-стропы, и сквозь пролом она кувыркнулась в воду. Услышав пронзительный вой, Нил поднял взгляд к ясному небу и застыл, увидев ракету, которая по дуге летела, казалось, прямо в него.

Наверное, он бы так и стоял, если б не крепкий тумак Джоду:

— *Лафао*, прыгай!

На Гонконге Ширин вместе с Фредди прогуливалась по берегу, когда на горизонте возник дым боя у Первого порога, по спирали поднимавшийся к небу.

Первым его заметил Фредди.

— Похоже, там идет сражение, ла. Только очень далеко, даже не слышно грохота. Может, рядом с Вампоа.

Дым выглядел просто кляксой на голубом небе, но Ширин не сомневалась, что источник его происхождения определен верно.

— Ты думаешь, потом англичане атакуют Кантон? — спросила.

— Теперь уж всенепременно, ла.

Тем утром на «Море» разгорелась дискуссия. Многие купцы считали, что наступление на Кантон уж в который раз отложат — мол, Пол-

номочный горшок опять даст слабину, но даже если он совладает с собой, мандарины все равно исхитрятся его одурачить.

Тихий день только укрепил их убежденность. В памяти еще было свежо возбуждение от вчерашнего боя в Тигриной пасти, спозаранку заставившее всех выскочить из коек, и контраст между давешним грохотом и нынешним безмолвием воспринимался дурным знаком.

Настроение чуть исправилось с первыми залпами салютной пушки, но вновь упало по выяснении, что стрельба эта отнюдь не вестник возобновления боевых действий, но всего лишь дань уважения китайскому адмиралу. Это ж надо! Почти единодушно сеты заключили, что незадачливого капитана Эллиотта вновь обвели вокруг пальца.

И только Диньяр сохранял несгибаемый оптимизм. Накануне под грохот канонады в Тигриной пасти он уверенно предрек, что на сей раз англичане не замедлят с атакой на Кантон. Вояки уже распалились, сказал он, и Горшку, при всем желании, их не удержать.

Ширин слушала дебаты вполуха, ибо мысли ее целиком были заняты Фредди, она изобретала, как бы им свидеться наедине.

К счастью, в тот день у Диньяра имелись дела на острове. Услышав его приказ готовить шлюпку, Ширин надумала предлог поехать вместе с ним — мол, в деревне надо подкупить провизии. И ей повезло — она столкнулась с Фредди, едва ступила на берег.

— Знаешь, я искала встречи с тобой по особому поводу, — сказала Ширин.

— Вот как?

— Я хочу поговорить о… кое-чем важном.

— Говорите, — кивнул Фредди и, подметив ее замешательство, улыбнулся: — Не волнуйтесь, я никому ничего не скажу.

Ширин набрала воздуху в грудь и скороговоркой выпалила:

— Ты должен знать, что господин Карабедьян сделал мне предложение стать его женой.

К удивлению Ширин, Фредди воспринял новость походя, в буквальном смысле слова — не сбился с шага и даже не охнул.

— И что вы ответили, э?

— Я сказала, что сперва должна поговорить с тобой.

— Почему, ла?

— Ну как же, Фредди? Ты знаешь его давно, он был тебе вроде второго отца… Я не хочу как-ни-

будь ранить тебя.

— Ранить? — Фредди вскинул бровь. — Чем же меня ранит ваше замужество? Я буду только рад за вас и Задиг-бея, ла. Пожалуйста, не тревожьтесь ни обо мне, ни… об отце.

У Ширин будто гора свалилась с плеч.

— Спасибо, Фредди.

В ответ тот хмыкнул, а потом бросил взгляд искоса.

— Но вот что скажут все ваши парсы, э? Как они к этому отнесутся? Они же такие строгие, э?

Ширин вздохнула.

— Наверное, меня изгонят. Даже дочери на какое-то время от меня отвернутся. Тяжелее всего, что я, видимо, уже никогда не войду в Храм Огня. Но веру-то у меня никто не отнимет, правда? А может, через год-другой об этом все забудут.

Тропинка сделала крутой поворот, и они увидели Диньяра, резво шагавшего им навстречу. Фредди остановился и прошептал:

— Ну вот, один из ваших парсов.

Ширин даже не предполагала, что он знает ее племянника.

— Вы знакомы? — спросила она.

— Только зрительно. Он-то меня знает, но не признается.

— Почему так?

Фредди криво усмехнулся.

— Потому что я полукровка, ублюдок. Он меня боится.

— С какой стати ему бояться тебя?

Ухмылка Фредди стала шире.

— С такой, что он сам породил полукровку, э? В Макао. Он знает, что я знаю. Потому и боится.

Ширин потрясенно молчала. Фредди улыбался.

— Ну мне пора, ла. До свиданья.

По счастью, Нил сиганул в реку во время прилива, и потому остался жив. Случись отлив, его бы утянуло к бревенчатому настилу под пули английских стрелков, а так потащило к Вампоа.

Прежде Нил никогда не плавал в реке, его опыт купальщика ограничивался бултыханьем в *пукурах* и *джхилах*, безмятежных бенгальских прудах. Он был абсолютно не готов к бурлящему речному потоку и в первые мгновенья думал только о том, чтобы поскорее выскочить на поверхность и глотнуть воздуху.

Очутившись в мутной воде, краем глаза Нил заметил какую-то темную ленту, обмотавшуюся вокруг его ног и одним концом прицепившуюся к боку. Водоросль, мелькнула мысль, но в ту же секунду он понял, что это кровавый след, тяну-

щийся из раны, немедленно откликнувшейся острой болью. В два гребка Нил вытолкнул себя на поверхность и, озираясь, закричал:

— *Туи котхэй, Джоду*? Где ты, Джоду?

В двадцати футах голова, подскакивавшая на волнах, повернулась в его сторону, а через минуту руки Джоду обхватили его под мышки и потянули к тростниковым зарослям.

Опираясь на друга, Нил выбрался из воды и рухнул на берег. В прорехе рубашки на боку зияла рана от картечной пули, настигшей его в прыжке или уже в воде. В сумбуре момента он ничего не почувствовал, но теперь притаившаяся боль накинулась что есть силы, заставив кататься по земле и молотить руками.

— Не дергайся! — приказал Джоду.

Нил стиснул зубы, позволив осмотреть его рану.

— Пуля засела глубоко, не вытащить. Но я попробую остановить кровь.

Разодрав бандану на полосы, Джоду перевязал раненого.

Все это время английские корабли ни на минуту не прекращали обстрел. Течением, хоть и сильным, Нила и Джоду отнесло от «Кембриджа» всего на сотню-другую ярдов. И тут вдруг

громыхнул взрыв, от которого перехватило дух, и «Кембридж» превратился в огненный столб высотою в триста с лишним футов, увенчанный черной дымовой шляпой, напоминавшей гриб. Мгновенья спустя с неба пролился дождь обломков, и Нил с Джоду ничком упали наземь, прикрывая руками головы. Оба не шелохнулись, даже когда тридцатифутовый обрубок мачты, прилетевший, точно копье, с громким чавканьем вонзился в илистый берег неподалеку от них.

Чуть погодя на реке прогремел еще один мощный взрыв. Когда дым рассеялся, стало видно, что часть бревенчатого настила превратилась в щепки, а водная поверхность укрыта всплывшей оглушенной рыбой.

В поле зрения пары, засевшей в камышах, возник пыхающий дымом пароход, который сквозь брешь в настиле двинулся дальше по реке, поводя пушками на вертлюгах. Внезапно он дал залп по уже искалеченной боевой джонке, а потом еще один, по берегу.

Нил и Джоду распластались на земле, пережидая проход судна, палившего явно наобум. За ним, стуча лопастями, проследовал еще один пароход, потом прошли два корвета.

Когда они скрылись, Джоду взобрался на бере-

говой пригорок.

— Тут рядом стоят брошенные сампаны, — сказал он, вернувшись. — Видать, хозяева перепугались и дали деру. Как стемнеет, разживемся лодкой.

— Нам бы добраться до монастыря Океанский Стяг, — кивнул Нил. — Там можно схорониться хотя бы на время.

В сумерках Джоду исчез и вскоре вернулся на сампане с навесом. Он уже переоделся в найденные в лодке блузу и просторные штаны — обычный наряд кантонских лодочников. Островерхая шляпа и остатки банданы, скрывавшие нижнюю часть лица, делали его неопознаваемым.

Нашлась одежда и для Нила, которому Джоду помог забраться в лодку. Пошарив под лавками, он еще отыскал кувшин с питьевой водой и несколько лепешек, черствых, но съедобных. Жадно заглотнув пару штук, Джоду оттолкнул лодку от берега.

Дорогу им освещали пожары, разожженные английскими канонерками: горели завалившиеся на бок боевые джонки, тлели разгромленные береговые укрепления, пылали, точно факелы, деревья на островках. Джоду держался тени и греб осторожно, лодка скользила без единого

всплеска.

Возле Вампоа они увидели английский корвет, высвеченный всполохами горящих домов. Силуэт стоявшего на якоре корабля с пушками, наведенными на остров, излучал угрозу. Сотни лодок, держась ближе к берегу, устремлялись в сторону Гуанчжоу. В царившей панике никто не обратил внимания на сампан Джоду.

На подходе к Гуанчжоу примет разгрома стало еще больше. Два английских корабля стояли перед горящими крепостями на островах. Объятые ужасом жители горохом сыпались из домов, создавая столпотворения на дорогах. Неподалеку от монастыря Океанский Стяг английский пароход бросил якорь на траверзе к Тринадцати факториям. На обоих берегах народу мельтешило несметно, и в этой сумятице никто не заметил, как Нил, тяжело опираясь на Джоду, вошел в ворота монастыря.

Десять дней, что минули после боя в Тигриной пасти, бенгальские волонтеры провели на транспортном судне, стоявшем у Чуенпи, и все это время были начеку. Хотя китайские войска отошли, ежедневно возникали новые угрозы: набеги деревенских бандитов, нападения на отставших солдат английского берегового патруля,

похищения и убийства обозников и ласкаров.

Вторая рота уже не чаяла вернуться в свой лагерь на Ша Чау, но все вышло с точностью до наоборот: части, продвинувшиеся по Жемчужной реке, отводили на Гонконг, а бенгальских волонтеров перебрасывали к Вампоа.

Узнав о передислокации, солдаты прокляли все на свете, и только Раджу обрадовался: близость острова к Кантону сулила возможность попасть в город, где чудесным образом появится отец.

Однако Вампоа, оказавшийся обычным перевалочным пунктом в кольце поселков и деревенек, его разочаровал, напомнив стоянку кораблей в заиленной бухте перед входом в Калькутту. Самое обидное, с острова не просматривался Кантон и на нем не было ничего стоящего внимания, разве что пагоды да храмы.

Знакомство Раджу с островом завершилось в одной из этих церквей, каких прежде он никогда не видел: дымные кольца благовоний, неузнаваемые образа. Однако дух святости в храме был вполне привычен.

Оторвавшись от группы флейтистов, Раджу зашел в сумрачный храм и, молитвенно сложив ладони, встал на колени перед ласково улыбавшимся божеством.

— *Йа Дэви сарвабхутешу*, — прошептал он первые слова вспомнившейся молитвы. — Боже, мой отец где-то рядом, помоги, пожалуйста, отыскать его.

Возбуждение, охватившее Захария во время боя в Тигриной пасти, в последующие дни сменилось томительной скукой. «Ибису» было приказано стоять возле Хумэня, где расположился небольшой английский отряд. Всех обязанностей — доставить провиант отряду и стеречь появление пиратов.

Маясь бездельем, Захарий впал в беспокойство касательно ожидаемых действий капитана Ми. Невразумительное завершение их последней встречи давало повод для тревоги: поди знай, внял ли капитан прозвучавшим угрозам. Захарий понимал, что было бы ошибкой ждать, пока Ми сделает свой ход, и ему не терпелось довести дело до конца, но возможность не представлялась, поскольку капитан отбыл на Вампоа.

Пребывание в Хумэне стало особенно тягостным после известия о возобновлении торговли в Кантоне, что было условием продолжения переговоров. На реке ежедневно появлялись английские и американские торговые корабли, готовые загрузиться чаем, шелком, фарфором,

мебелью и прочими товарами, коими славился Кантон. Тратить время попусту, когда другие обогащаются, было чрезвычайно досадно, и Захарий уже начал раскаиваться в собственном восторженном порыве, заставившем его предложить свои услуги экспедиционному корпусу.

Однажды вечером он бездумно слонялся по квартердеку, когда к «Ибису» подвалила шлюпка.

— Приветствую, мистер Рейд! — прокричал знакомый голос. — Позволите подняться на борт?

— Конечно, господин Чан.

Оказалось, китаец держит путь в Гуанчжоу, куда его пригласили новые власти провинции.

— Видите, как все меняется, мистер Рейд? — усмехнулся Чан. — Мандарины, изгнавшие меня из города, теперь сгинули сами. Новый полицмейстер решил, что нуждается в моем совете. И вот после двухлетнего перерыва я могу вернуться в свой родной город, ничего не опасаясь.

— Везет вам, — завистливо вздохнул Захарий. — Вот бы мне с вами, все бы отдал, чтоб увидеть Кантон.

— Вы там еще не бывали?

Захарий покачал головой.

— Больше месяца уже стою на приколе, сил уже

просто нет.

— С этим надо что-то делать, — сказал Чан. — Мистер Бернэм сейчас в Кантоне, верно?

— Так точно.

— Наверное, я с ним увижусь и, конечно, замолвлю словцо за вас. Я уверен, что-нибудь можно устроить.

— Ох, спасибо, господин Чан! Я ваш вечный должник.

Китаец погрозил пальцем.

— Не благодарите заранее. Имейте в виду, мое содействие зависит от исхода одного маленького дела, что привело меня к вам.

— Я к вашим услугам.

Захарий терялся в догадках, чем он может быть полезен столь влиятельному человеку, и первые слова того, произнесенные небрежно, чуть ли не равнодушно, еще больше озадачили:

— По-моему у вашего судна, этого «Ибиса», увлекательная история.

Учуяв подвох, Захарий ответил осторожно:

— Вы говорите о происшествии во время рейса на Маврикий?

— Именно. Не ошибаюсь ли я в том, что на борту был узник, китаец-полукровка? Некто по имени А-Фатт.

— Да, был.

Чан признательно кивнул и продолжил:

— Меня уверили, что человек этот мертв. Однако давеча прошел слух, будто он объявился на Гонконге. Я полагаю, он сменил имя и внешность.

Последняя реплика не имела формы вопроса, и Захарий счел себя вправе не отвечать. Однако его молчание, похоже, не понравилось Чану, который убрал руку с его плеча и, развернувшись к нему лицом, сказал уже резче:

— Видимо, надо пояснить, что человек этот весьма интересует меня, мистер Рейд.

— Могу я узнать — почему?

— У нас, скажем так, есть одно незаконченное дельце, пустячок. Вы бы очень помогли мне, подтвердив, что он и впрямь в этих краях.

Контраст между льстивым тоном и вкрадчивой угрозой, прозвучавшей в этих словах, убедил Захария, что упомянутое незаконченное дело отнюдь не пустячок. Да и кто бы отважился беспокоить пустяками Чана или того же бывшего узника, который, что ни говори, убийца — Захарий своими глазами видел, как он свел счеты с помощником Кроулом. И сейчас лишь одно соображение мешало выдать его Чану: той ночью

он пощадил Захария, хотя мог изувечить, а то и убить.

— Ну же, мистер Рейд! — Чан легонько подтолкнул Захария. — Мы же партнеры, правда? И должны быть честны друг с другом. Уверьтесь, о том, что вы скажете, буду знать только я.

Внезапно Захарий вспомнил намеки и скрытые угрозы, исходившие от Фредди во время их встречи в Сингапуре, и тогда принял решение: этот человек знает слишком много, мир ничего не потеряет, избавившись от него.

— Я думаю, вы правы, господин Чан, — сказал он, глядя гостю в глаза. — У меня тоже есть основания считать, что он объявился в Китае.

Взгляд Чана оставался цепким.

— Часом, не знаете его нынешнего имени?

— Он представляется как Фредди Ли.

Губы Чана растянулись в улыбке.

— Благодарю вас, мистер Рейд, благодарю. Вы весьма облегчили мне задачу. Я рад, что мы так хорошо понимаем друг друга. Долг платежом красен — я озабочусь, чтобы весть от мистера Бернэма не задержалась.

Захарий отвесил поклон.

— Всегда приятно иметь дело с вами, господин Чан.

— Взаимно, мистер Рейд.

Чан сдержал слово. В конце недели пришло письмо от мистера Бернэма, освобождавшее Захария от взятых обязательств. Ему надлежало немедленно прибыть в чужеземный анклав Кантона, оставив «Ибис» у Вампоа.

Пулю извлекли, но жар и дикая слабость еще долго не покидали Нила. О собственно операции помнилось одно: ее провели китайские и тибетские монахи, вооруженные устрашающего вида инструментами. К счастью, Нил потерял сознание еще до начала действа и очнулся лишь на другой день.

Все еще в прерывистом забытье, он обнаружил, что лежит на циновке в комнатке с низким потолком. В углу высилась стопка его книг и дневников, которые он оставил на сохранение Таранатх-джи. Позже, поднакопив сил, он стал читать и делать заметки.

В лихорадочные сны его частенько проникала отдаленная ружейная и орудийная стрельба. Иногда в горячечном тумане возникали знакомые лица Таранатх-джи, Комптона, Бабурао, и в те моменты, когда сознание его прояснялось, он слушал рассказы о том, что творится в городе.

Объявлено перемирие, говорили гости, англий-

ские корабли заняли всю акваторию Гуанчжоу; пароходы и канонерки курсируют по реке, уничтожая любые укрепления и обстреливая всякое подозрительное судно. В чужеземном анклаве вновь поднят британский флаг над английской факторией, многие купцы вернулись, ибо торговля насильственно возобновлена. Генерал сэр Хью Гоф принял командование английскими войсками и вместе с капитаном Эллиоттом издал серию деклараций и ультиматумов с требованиями императорской подписи под актом о передаче Гонконга, немедленной выплаты шести миллионов серебряных долларов, отмены запрета на опийную торговлю.

Ну и так далее.

Однако император был непреклонен — он не только отказался от любых уступок, но отправил Цишаня в позорную отставку, повелев ему вернуться в Пекин. Новым кантонским властям во главе со знаменитым генералом император сказал: «Кроме слова „истреблены“, я ничего не приму».

Но по прибытии в Гуанчжоу его новые назначенцы столкнулись с той же проблемой, что их предшественники: открытое противостояние невозможно в силу военной мощи англичан, а

для оказания отпора необходима широкомасштабная подготовка. Посему они продолжили переговоры с захватчиками, а сами тем временем с удвоенной энергией укрепляли свою армию.

Город наводнили тысячные войска из других провинций, на тайных верфях строились канонерки по образцу английских, в плавильне под Фошанем отливались пушки, в том числе колоссальные 80-фунтовые.

Все понимали, что война вновь разразится, это лишь вопрос времени, и на сей раз полем боя станет Гуанчжоу. Все это порождало большую тревогу, особенно среди тех, кто обитал вовне городских стен: тысячи жителей уже покинули окраины, десятки тысяч собирались последовать их примеру. Кое-где закон и порядок рухнули. Наплыв войск из других провинций усиливал хаос: ходили слухи, что пришлая солдатня насилует местных женщин, и потому происходили стычки между жителями и прибывающими частями.

В Гуанчжоу такого кавардака не было с падения династии Мин, произошедшего двести лет назад.

Вскоре и друзья Нила стали разъезжаться. В один прекрасный день навестивший его Бабурао сообщил, что перевозит семью на Гонконг. Почти все его родичи уже уехали, ибо нынче Гуанчжоу

чересчур опасен для лодочного люда.

— *Аар экхане амра ки корбо?* — печально сказал он на бенгали. — Что нам тут делать? Для таких, как мы, теперь здесь нет места.

На Гонконге Аша-диди сможет вновь открыть свое дело и готовить *бирьяни, пури, самосу*[101] и кебаб, которыми славилась ее кухня; в бухте полно кораблей с командами из ласкаров, и потому не будет недостатка в индийских клиентах. К переезду готовимся уже давно, признался Бабурао, сыновья помогли перетащить пожитки в джонку, через день-другой тронемся в путь.

— А как же ваша лодка-дом?

— Пока постоит здесь. Может, позже удастся ее забрать.

Потом пришел попрощаться Комптон. Решил вернуться на родину, сказал он, но вряд ли там задержусь. В деревне для меня дела нет, придется искать место, где можно заработать на пропитание.

— И где оно, это место?

— А бог его знает. — Комптон горестно вздохнул. — Если снова открыть печатню, так только там, где потребны тексты на английском языке.

---

[101] Примечания: 101

Бирьяни — блюдо из риса и специй с добавлением мяса, рыбы, яиц и овощей; пури — лепешки; самоса — пирожки с мясом.

— Например?

— Скажем, в Макао или даже… — Комптон помолчал и стыдливо закончил: —…на Гонконге.

— Вы и на Гонконге?

— А что делать, А-Нил? Изменилось все. И мне тоже придется, чтобы выжить. — Печатник грустно усмехнулся. — Может, отныне нам с вами говорить только на английском? Мне нужна практика.

На прощанье Нил сказал:

— Спасибо вам за вашу помощь, за все, что вы для меня сделали.

— Не благодарите, А-Нил. Может, и я еще обращусь к вам за подмогой, кто его знает?

И только Джоду ни разу не проведал раненого. Нил спросил о нем, и Таранатх-джи сказал, что ласкар недолго задержался в монастыре, ибо его разыскал свирепого вида чужеземный моряк, у которого рот был измазан красным бетелем.

Джоду ушел с ним, и больше его не видели.

Уже через полчаса по прибытии на Вампоа Захарий сидел в баркасе, направлявшемся к чужеземному анклаву Кантона. О размерах и населенности Гуанчжоу он был наслышан, однако вид городских стен, как будто протянувшихся до самого окрашенного закатом горизонта, его

заворожил. Теперь он понял, почему однажды мистер Холл, капитан «Немезиды», сказал, что в своей жизни видел два потрясающих зрелища: Ниагарский водопад и город Кантон.

С приближением к берегу изумление только нарастало, ибо мозг отказывался воспринять такой разброс жилищ, столь плотное движение по реке и невероятную многолюдность. Захарий нехотя признал, что рядом с этой необъятной метрополией его родной Балтимор, будь он в три, четыре или даже пять раз больше, выглядел бы карликом.

Отыскать в сем громадном улье мистера Бернэма казалось неразрешимой задачей. Но едва баркас встал у причала, Захарий легко определил направление поиска: высокий флагшток с развевавшимся британским флагом обозначил английскую факторию, где снимал жилье мистер Бернэм.

В фактории Захария препоручили кланяющемуся слуге в халате, который повел его через ряд богато отделанных коридоров, устланных ковровыми дорожками. Картины в золоченых рамах, сияющие канделябры, высокие фарфоровые вазы, дверные ручки из слоновой кости, красочные обои, толстые ковры — от всей этой

соблазнительной роскоши разбегались глаза. Вот так и я хочу жить, думал Захарий.

Не меньшее великолепие апартаментов мистера Бернэма превращало богато обставленный Вефиль в скромную обитель. Дверь открыл слуга с косицей, облаченный в черный халат, и через отделанный панелями вестибюль препроводил Захария в большой кабинет, где за столом сидел мистер Бернэм.

— А, вот и вы, Рейд! — сказал он, встав из кресла розового дерева. — Ну наконец-то!

— Здравствуйте, сэр. Я чрезвычайно признателен, что вы устроили мой приезд.

— Пустяки. Но прибыли вы очень вовремя.

— Правда, сэр? Почему?

— Нынче в фактории прием. — Мистер Бернэм сделал паузу, выделяя следующую фразу: — Будет много военных.

Захарий тотчас насторожился.

— Вот как, сэр?

— Кажется, и капитан Ми приглашен.

— Понимаю, сэр.

— Хотелось бы знать, есть ли подвижки в том дельце, о котором мы говорили.

— Недавно я побеседовал с капитаном и, полагаю, заронил в него пару мыслей. У него было

время все обдумать, нынче я добьюсь ответа.

— Прекрасно. — Мистер Бернэм глянул на карманные часы. — Что ж, идемте, вечер уже начался.

Лестницей они сошли в столовый зал, облицованный панелями красного дерева, и к ним тотчас кинулись собравшиеся торговцы.

— Бернэм, вы слышали? Мандарины перебросили четырехтысячное войско из Хубэя в Кантон!

— На «Голландской дури» установили орудийную батарею!

— Никаких сомнений, что китайцы готовятся к новым боям!

— Интересно, чем занят Полномочный горшок, черт бы его побрал?

Под шумок Захарий ретировался, заняв позицию, откуда хорошо просматривалась входная дверь.

Вскоре в зал вошла группа военных в красных мундирах, среди них капитан Ми в парадной форме, с саблей на боку. Встретившись взглядом с Захарием, которого явно не ожидал здесь увидеть, он побагровел.

А по залу разносился уверенный голос мистера Бернэма:

— Господа, из надежного источника мне из-

вестно, что генерал Гоф уже отдал приказ о передислокации войск с Гонконга к Вампоа. Пока он у руля, опасаться нечего!

— Слава богу! Ура!

Захарий слушал вполуха, не спуская глаз с капитана. Тот чувствовал, что за ним наблюдают, и его замешательство становилось все более заметным: то и дело он отирал платком лицо, оттягивая ворот мундира. Один за другим капитан осушил несколько бокалов вина, и во избежание пьяного скандала Захарий решил ускорить события, сделав свой ход. Он пересек зал и, приблизившись к капитану, одиноко стоявшему у окна, протянул руку:

— От всей души доброго вам вечера, капитан Ми.

Капитан бросил косой взгляд. Лицо его с тяжелым подбородком гневно покраснело, на виске запульсировала жилка, ладонь непроизвольно легла на эфес сабли. Захарий, понимая, что все решается сейчас, неотрывно смотрел на капитана. Взгляды их встретились, уподобившись двум мощным потокам, которые, сойдясь, пытаются один другого повернуть вспять. И наступил момент, когда Захарий почувствовал: еще чуть-чуть, и он победит. Не отводя глаз, он вновь подал

руку и повторил:

— Добрый вечер, капитан Ми.

И теперь пальцы капитана мазнули его ладонь.

— Здравия желаю.

Захарий улыбнулся.

— Всегда рад нашей встрече.

— Какого черта вам надо? — отвернувшись, буркнул Ми.

— Меня интересует, что вы решили касательно моего предложения.

Капитан вздернул подбородок, полыхнув гневным взглядом.

— Нам следует помнить, — невозмутимо продолжил Захарий, — что на кону судьба ваша, а также других людей, в частности, одной дамы. Не правда ли?

Воздух буквально потрескивал от скрытой угрозы, пока Ми боролся с собой. Наконец он хрипло выговорил:

— Что от меня требуется?

Захария окатило теплой волной ликования: победа, противник подчинен его воле! Он подозревал, а сейчас вполне убедился, что вспыльчивость Ми — знак вовсе не силы, но беспомощности. Во всем, что не касалось армейской службы, капи-

тан был неумейкой, которого в обычной жизни ждали одни неудачи и поражения. Его капитуляция перед блефом, его готовность унизиться ради любимой женщины вызывали смех. До чего же они слабы, эти надменные вояки с их детскими понятиями о чести и достоинстве! Захарий еле сдерживал злую радость.

— Не будем вдаваться в детали, капитан, — сказал он. — Главное, мы договорились, чему я весьма рад. — Захарий вновь протянул руку, которую на сей раз капитан нехотя пожал. — С вами приятно иметь дело.

Он едва не рассмеялся, когда вслед ему Ми пробурчал:

— Да пошел ты…

В другом конце зала мистер Бернэм все еще увлеченно беседовал с купцами. Захарий тронул его за локоть, вдвоем они отошли в сторонку.

— Я переговорил с капитаном Ми, сэр.

— И что? Он согласился?

— Я рад уведомить вас о положительном результате, — гордо произнес Захарий.

— Молодец! — Мистер Бернэм хлопнул его по спине. — Это я и хотел услышать. Предоставьте его мне, остальное я улажу сам. Довольно и того, что вы его окрутили. Наверное, это было

непросто?

— Да, сэр, совсем непросто.

— Я не спрашиваю, как вы этого добились, но комиссионные вы заслужили определенно.

В иных обстоятельствах Захарий был бы польщен похвалой мистера Бернэма, но успешное решение поставленной задачи придало ему уверенности в себе, и теперь все казалось возможным.

— Не сочтите за наглость, сэр, но комиссионные меня не интересуют, — сказал он.

— А чего же вы хотите? — удивился мистер Бернэм.

— Я бы желал стать вашим деловым партнером.

Торговец насупился, но затем улыбка тронула его губы.

— Я всегда говорил, что дух предпринимательства, пробудившийся в юноше, поведет его неисповедимыми путями! Ладно, Рейд, давайте дождемся окончания военной кампании и тогда подумаем, что можно сделать.

Захарий схватил и крепко пожал его руку.

— Благодарю вас, сэр, благодарю!

От второй удачи подряд кружилась голова. Захарий вознамерился отметить успех бокалом

вина, но тут ему пришла мысль, что победа его будет неполной, если о ней не узнает миссис Бернэм. Лишь когда эта весть достигнет ее ушей, триумф станет подлинным, доставив острое, сладостное наслаждение тем, что разрушены иллюзии мадам касательно ее благородного рыцаря.

Следом возникло неуемное желание вновь овладеть ею. Что ж, при хорошем раскладе мадам уступит. И он получит свое по праву. Разве не она нарушила данное ею обещание? Кто сказал, что перед расставанием они свидятся в последний раз, проведут ночь в восторге любви, а уж потом распрощаются?

Наверное, о душевном состоянии Нила больше скажет рваный прыгающий почерк, нежели путаница слов в дневниковой записи, сделанной в тот вечер, когда он узнал, что Раджу в Китае.

Вышло вот как: в монастыре неожиданно появился Джоду, поведавший, что последнее время был с серангом Али, которого вызвали в Кантон помочь в подготовке к новым боевым действиям.

В задачу боцмана входил также сбор информации о численности войск и перемещениях английских кораблей. Чуть раньше появились

слухи о переброске больших сил к Вампоа, и серанг Али был послан на разведку. На Гонконге он встретился со своим давним товарищем по «Ибису» А-Фаттом, который подтвердил: на острове лишь одно воинское подразделение и один корабль, все другие части ушли к Вампоа и в Кантон.

Но была еще одна новость, сразившая Нила.

Вот тогда-то он узнал, что Раджу добрался в Китай и в составе роты сипаев пребывает на судне, стоящем у Вампоа.

Умыкнуть парня с корабля невозможно, сказал Джоду, остается ждать высадки солдат на берег. В команде серанга Али много местных, они помогут.

— А когда будет высадка?

— Возможно, очень скоро, — загадочно ответил Джоду. — Кто его знает, вдруг что-то важное случится уже завтра.

Разговор этот состоялся 19 мая 1841 года.

Всю последнюю неделю в коридорах английской фактории витали слухи о неминуемом наступлении китайских войск. Захарий был занят тем, что сновал между иноземным анклавом и Вампоа, доставляя товары мистера Бернэма на «Ибис».

Туда-сюда курсируя в баркасе, он своими глазами видел военные приготовления в окрестностях Гуанчжоу: огромный воинский лагерь, разбитый на восточной окраине города, новые артиллерийские позиции, в том числе одна очень крупная на песчаной косе Шамянь вблизи иноземного анклава, флотилии боевых джонок в притоках Жемчужной реки.

Все это было на виду, как и силы англичан, многократно умноженные войсками с Гонконга, которые прибыли под водительством линкора «Бленхейм» с семьюдесятью четырьмя пушками, высившимся над всеми прочими судами на якорной стоянке.

Не оставалось никаких сомнений, что обе стороны вновь готовятся к войне. Захарий ничуть не удивился, когда однажды мистер Бернэм объявил: нынешней ночью китайцы намерены внезапно перейти в наступление, и потому капитан Эллиотт распорядился об эвакуации обитателей английской фактории на судно, под охраной «Немезиды» стоявшее напротив иноземного анклава.

— Я думаю, вам следует ночевать у нас, Рейд, — сказал мистер Бернэм. — Из фактории придется забрать все мои товары, на что уйдет время. А в

такой обстановке слишком опасно возвращаться на Вампоа затемно.

Уже смеркалось, когда последние ящики и сундуки загрузили на баркас. В мрачном молчании был спущен британский флаг, почти три месяца развевавшийся над английской факторией. Затем мистер Бернэм, Захарий и другие торговцы в шлюпках перебрались на шхуну «Аврора», где их ждали ужин и ночлег. Едва они взошли на борт, как китайские позиции пришли в движение. Стало ясно, что бой неминуем.

Торопливо отужинав, купцы собрались на баке. Ночь выдалась безлунной, реку, обычно оживленную, окутала странная тишина: от берега к берегу не сновали кораклы, по озеру Белый Лебедь не кружили прогулочные лодки. Огни на английских кораблях и ботах, через равные промежутки стоявших на реке, смотрелись тусклым ожерельем.

Иноземный анклав был погружен во тьму, и только в американской фактории, где еще оставались обитатели, виднелся свет. Двери опустевшей английской фактории были закрыты наглухо, но башенные часы по-прежнему отбивали время. С их одиннадцатым ударом вдруг громоподобно рявкнула батарея на косе Шамянь. Мгновенья

спустя всю реку озарили вспышки орудий на скрытых огневых позициях.

Первой им ответила «Немезида», за ней и другие корабли дали бортовые залпы по береговым батареям. И тогда в речных рукавах и протоках загорелись трескучие костры.

— Зажигалка! Прямо за кормой! — крикнул сигнальщик «Авроры».

Перебежав на ют, Захарий увидел горящую лодку, приближавшуюся к шхуне. Точно такие же лодки усеяли всю реку и озеро Белый Лебедь. Казалось, накатывает огненный прилив.

Однако англичане предвидели использование зажигалок и расставили по реке боты, которые перехватывали горящие лодки: баграми и шестами матросы отталкивали их в сторону, и они сгорали, не причиняя вреда.

Тем временем английские корабли усилили обстрел города. Несколько попаданий обездвижили «Немезиду», но она по-прежнему вела огонь, и «Алджерин» поспешил ей на помощь. Их сдвоенные залпы вскоре заставили умолкнуть батарею на косе Шамянь.

Шли часы, но китайская артиллерия, держа удар, продолжала стрельбу. Гибло одно орудие, и тотчас где-нибудь подавало голос другое.

В разных частях города полыхали пожары, людские толпы заполонили дороги. Меж тем иноземный анклав оставался целехонек, поскольку кораблям дали приказ по нему не стрелять. Разумеется, жители тотчас подметили сию несправедливость и, не имея другой мишени, излили ярость на Город чужаков.

Глухой ночью огромная толпа двинулась на анклав. Отряд морских пехотинцев, посланный на выручку оставшимся американцам, успел вывести их за минуту до того, как горожане ворвались в фактории.

Из безопасного укрытия «Авроры» торговцы видели, как толпа снесла ворота и хлынула в анклав, чтоб поживиться чем можно, а затем подожгла опустошенные строения.

Паркетные полы и деревянные стеновые панели ценных пород горели жарко, из окон и дверей валили витые клубы дыма.

Объятые ужасом, купцы смотрели на прожорливое пламя. Зрелище ошеломило даже Захария, чье знакомство с Тринадцатью факториями было весьма коротким. Что уж говорить о тех, кто жил там годами, сколачивая огромные состояния. Многие не могли сдержать слез.

К рассвету здания превратились в обугленные

остовы.

После завтрака торговых старшин позвали на совещание, проходившее на «Немезиде». По возвращении мистер Бернэм рассказал, что уничтожена уйма боевых джонок и зажигалок, а число подавленных орудий так велико, что еще даже не подсчитано. Потери англичан ничтожны: несколько раненых, двое убитых, легкие повреждения некоторых кораблей. «Немезиду» починили быстро, и она себя показала: за один свой выход разнесла вдребезги сорок три джонки и тридцать две зажигалки.

Однако боевые действия далеко не закончены, предполагается, что у китайцев еще большой резерв зажигалок и канонерок. Сейчас англичане продолжат зачистку, а по ее завершении, вероятно, предпримут карательную атаку на город, дабы китаезы раз и навсегда уяснили: всякое сопротивление бессмысленно, дальнейшая переговорная болтовня неприемлема.

На время сих операций «Ибису» надлежит оставаться у Вампоа, где бросили якорь и другие торговые суда. Когда все поутихнет, будет организован конвой, и Захарий отведет шхуну в гонконгскую бухту.

— А ваши планы, сэр?

— Меня попросили задержаться в Кантоне. Окажите любезность — как доберетесь на Гонконг, известите мою жену, что я прибуду через пару недель, едва уладится здешняя заварушка.

— Непременно, сэр, — сказал Захарий. — Я тотчас повидаю миссис Бернэм.

В ужасной утренней духоте Полетт проснулась с ощущением, что она, кажется, заболела. Постель и ночная сорочка промокли от пота, но в душе затаилась ледяная тревога.

Выслушав ее жалобу на скверное самочувствие, Хорек сказал, что все это пустяки, мол, дело в перемене погоды — резкий скачок температуры предвещает сильную бурю.

Хорошо знакомый с климатом Южного Китая, он умел распознать признаки надвигающегося урагана: внезапный зной, удушающая влажность и полное безветрие не хуже падения барометра предсказывали ему «непогодь». Хорек был так уверен в своем прогнозе, что в лодке сплавал к западному краю бухты — посмотреть, не сгущаются ли тучи на юге, откуда обычно и налетали ураганы, задававшие трепку Макао, Гонконгу и Коулуну, а затем уходившие к Кантону и далее на север.

Однако нынче в небе — незамутненном зер-

кале, излучавшем зной — не было ни облачка. Ураган задерживается и, видимо, вышлет вперед ливни, доложил Хорек. Дело обычное, тревожиться не о чем.

Доводы эти вроде как убеждали, и все равно у Полетт душа была не на месте. Поняв, что ее гложет какое-то иное беспокойство, Хорек посоветовал ей отложить поход в питомник — ничего страшного, сказал он, садовники со всем прекрасно справятся сами.

Но Полетт решила все-таки поехать на остров — бог с ней, с жарой, лучше отвлечься работой, чем маяться на корабле.

Как и во всякий другой день, гичка отвалила от «Редрута», вот только нынче вода, подобно воздуху, была удивительно неподвижна, и на ее зеркальной глади лишь ненадолго возникали бороздки от весел.

Полетт сидела спиной к носу лодки, и на подходе к острову один гребец предложил ей обернуться. Глянув через плечо, она увидела группу людей, окруживших нечто, лежавшее на земле.

Тотчас вспомнился двухлетней давности день, когда прилив вынес на берег утопленника. Сердце Полетт скакнуло, она попросила гребцов приналечь на весла. Едва гичка ткнулась носом

в песок, девушка выскочила на берег и побежала что есть духу.

Пробившись сквозь людское кольцо, она увидела мертвое тело. Мокрая одежда его была искромсана ножом, но поношенный сюртук и мешковатые брюки не оставляли сомнений в том, кому они принадлежат.

Увидев Полетт, кряжистый старик, сидевший на корточках возле мертвеца, сдернул платок с его лица.

— Миста Фредди Ли.

Старик оказался хозяином, который в деревне сдавал ему жилье. Прошлым вечером, рассказал он, двое незнакомцев интересовались его квартирантом. Назвавшись приятелями Фредди, они сказали, что будут ждать его на берегу.

Фредди воспринял известие настороженно:

— Кого они спросили, э?

— Фредди Ли, — сказал старик, чем снял все опасения.

— Так меня кличут только друзья, э? — Фредди надел шляпу и пошел на берег.

Живым его больше не видели.

Глава 20

Атакам и контратакам, взрывам и канонаде в окрестностях Кантона три долгих дня аккомпанировал непрерывный, нарастающий шум — вой невидимых толп, испуганный детский плач, треск пожаров.

С английской стороны бой вели только военно-морские силы, пехотные подразделения оставались на транспортных кораблях, столав явших у Вампоа.

Бенгальские волонтеры, уже давно переброшенные к острову, переносили заточение крайне тяжело. Как назло, во второй день боев резко изменилась погода, одарившая душным пеклом. В отсутствие даже легкого дуновения трюмная вонь пропитала все судно, и в его нижних отсеках было столь же невыносимо, как под палящим солнцем на палубе.

Капитан Ми, чье душевное состояние пошло на спад после боя в Тигриной пасти, мучился особенно. На взгляд Кесри, он сильно изменился, хотя поначалу был в прекрасном расположении духа, обретенном за время отпуска в Макао. Но вернув-

шись с «Ибиса», куда отвез раненого лейтенанта, капитан впал в черную меланхолию. Сперва Кесри думал, что его расстроило внезапное и такое печальное окончание службы молодого офицера. Но позже понял: нечто иное повергло капитана в столь мрачное состояние, в каком он не был со дня разлуки с мисс Кэти, нежданно случившейся в Ранчи. И теперь, когда войска томились взаперти, порой казалось, что Ми дошел до края — еще никогда Кесри не видел его таким угрюмым и злобным, как в эти долгих три дня.

На третий день бедлам вкруг города достиг пика, канонада грохотала над рекой с рассвета и дотемна. Ежедневное совещание офицеров на «Бленхейме» длилось необычно долго. По возвращении с флагмана капитан Ми вызвал к себе Кесри, и тот мгновенно понял, что вскоре волонтеры пойдут в бой. Впервые за последнее время капитан был оживлен и даже весел.

— Ну вот и дождались, хавильдар! — сказал он. — Полномочный наконец-то понял, что косоглазые не угомонятся, пока не получат хороший урок. И преподадим его мы, штурмом взяв город.

Следя за перемещениями капитанского пальца по расстеленной на столе карте, Кесри видел, что планировка города напоминает купол с основа-

нием у Жемчужной реки на юге и вершиной у горной гряды на севере. Макушку сего купола венчал этакий шпиль — пятиэтажное сооружение под названием Башня Умиротворение моря. Неподалеку от нее, но уже за пределами городской стены, на холмах стояли небольшие бастионы: три круглые и один, самый большой, что был прямо напротив башни, четырехугольный.

Все эти форты защищены слабо, сказал капитан. Китайское командование абсолютно уверено, что наступление англичан пойдет с юга, и потому все свои войска сосредоточило на берегах Жемчужной реки. Но генерал Гоф приготовил сюрприз — атаку с двух сторон. Небольшой отряд высадится на берег у Тринадцати факторий якобы с целью отбить иноземный анклав. Но основные силы поднимутся до озера Белый Лебедь на западной оконечности цитадели, свернут на север и по рукаву Жемчужной обойдут город, завершив маневр высадкой у деревни Цинпу. Оттуда до бастионов на холмах четыре мили сельских угодий с редкими поселениями и без всяких линий обороны. После захвата фортов город окажется беззащитен: всего одна батарея на северных высотах будет держать под контролем весь Гуанчжоу.

В этой операции задействованы две тысячи четыреста бойцов, а также вспомогательные части и обозники. Ударные силы делятся на четыре бригады; сто двенадцать бенгальских волонтеров, двести семьдесят три камеронианца и двести пятнадцать солдат 37-го мадрасского полка входят в состав четвертой.

— Есть вопросы, хавильдар?

Кесри беспокоило только одно: из опыта общения с камеронианцами он знал, что те не слишком обрадуются объединению с сипаями, и потому неизбежно возникнут трения. Все остальное — тщательная тактическая разработка, подробная карта, скрупулезный расчет численности войск — говорило о детально спланированной операции в духе британцев и вселяло уверенность в победе. Может статься, этим боем закончится вся кампания, и тогда сипаи, получив достойное вознаграждение, вернутся домой.

— Когда погрузка на десантные суда, сэр?

— Завтра в час пополудни.

Кесри удивился необычному сроку начала большой операции.

— Почему так поздно, сэр?

— Никак ты забыл, хавильдар? — усмехнулся капитан. — Завтра — 24 мая, день рождения ко-

ролевы Виктории. В полдень будет салют.

Кесри, и впрямь запамятовавший знаменательную дату, обрадовался напоминанию, поскольку в праздники сипаям полагалось особое «жидкое довольствие» в виде грога.

Похоронами Фредди пришлось заняться Ширин и Задиг-бею, поскольку больше было некому.

Они сразу решили, что погребение пройдет по китайскому обряду, как того, уверил Задиг, желал бы покойный. Что касаемо места, Ширин предложила похоронить Фредди рядом с отцом.

— А что скажут Диньяр и другие парсы? — Задиг недоуменно вскинул бровь. — Вдруг они будут против, поскольку Фредди не из их общины?

— Пускай возражают. Главное, Бахрам был бы доволен. Хоть после смерти он признает Фредди сыном, чего не мог сделать при жизни. Будет правильно, если мальчик упокоится рядом с ним.

— Верно, — согласился Задиг. — Такова была бы воля Бахрам-бхая.

Они решили устроить похороны в тот же день. Тело долго пролежало в воде, и жара не позволяла оттягивать с погребением. Кроме того, завтра на острове будут отмечать день рождения королевы, и поди знай, какие возникнут осложнения.

Поскольку Задиг и Ширин ничего не знали о

китайском обряде, организационные хлопоты легли на плечи старика, квартирного хозяина Фредди. Он раздобыл гроб, который обклеил желтой и белой бумагой[102], нанял тележку, могильщиков и плакальщиц.

На подготовку ушло время, и гроб с надлежаще прибранным покойником закрыли только к вечеру.

Солнце уже валилось за горизонт, когда процессия вышла из деревни. По дороге Задиг обратился к Полетт:

— Нет ли вестей от Дрозда?

— Недавно получила письмо, он в Индии, — кивнула Полетт. — На Чусане Дрозд сильно захворал, и его переправили в Калькутту… — Она осеклась и показала на баркас, причаливший к берегу: — Смотрите-ка, миссис Бернэм…

Тележку отправили вперед, а Задиг, Полетт и Ширин дождались гостью.

Несмотря на жару и большую влажность, миссис Бернэм была в перчатках и шляпе с вуалью, сменив, правда, белый цвет на черный. Она оцепенела, увидев, что все другие в одежде светлых

[102] Примечания: 102

В китайском обряде белый цвет считается траурным, красный (цвет жизни, из-за которого душа может застрять между двумя мирами) запрещен категорически.

тонов.

— Господи боже мой! — Миссис Бернэм прижала ладонь ко рту. — Я выставила себя дурой? На похоронах китайцы не одеваются в черное? Мне съездить переодеться?

— Не надо, это мелочи, — сказала Ширин. — Важно, что вы здесь.

Миссис Бернэм пожала ей руку.

— Иначе и быть не могло, дорогая, я приехала, как только узнала.

Все поспешили за тележкой, ушедшей далеко вперед.

Старую тропу от деревни расширили и вымостили, завтра эту дорогу поименуют в честь королевы; работы еще не закончились — бригады рабочих устанавливали мильные столбики и сгребали мусор.

Тележка остановилась на гребне холма перед спуском в Долину Счастья, с дальнего края которой надвигалась грозовая туча.

— Сейчас ливанет, — сказал Задиг-бей. — Надо где-то переждать.

Процессия сошла с дороги и укрылась под деревьями на обочине.

Сверху хорошо просматривалась береговая линия гонконгской бухты. Год назад, когда Ширин

впервые пришла к могиле мужа, на берегу было всего лишь несколько деревенек. А сейчас куда ни глянь — склады, казармы, плацы, базарчики, скопление лачуг. Уже готовились первые торги там и сям размеченными земельными участками, кое-где сампаны и джонки стояли так кучно, что казались продолжением берега.

А на том месте, куда утром вынесло тело Фредди, уже установили большой пограничный знак. Год назад именно там Полетт, возвращаясь из питомника, увидела незнакомца, сидевшего на берегу. Сейчас она отерла слезы, навернувшиеся от воспоминания.

Миссис Бернэм взяла ее под руку:

— Вы тоскуете по нему?

Полетт закрыла руками лицо.

— Не могу поверить, что и он покинул меня, — давясь рыданиями, выговорила она.

Казалось, салют в ознаменование дня рождения королевы, прогремевший на Вампоа, еще больше усилил жару и влажность, напомнив о непереносимой духоте, всегда предшествовавшей сезону дождей на родине Кесри.

Погрузка на десантные суда — разносортные джонки, собранные накануне, — шла очень долго. Лишь в три часа дня «Немезида» начала

движение, имея на буксире не меньше тридцати лодок. В пути случались задержки из-за атак зажигалок, и потому к месту высадки — деревне Цинпу, расположенной к северу от Гуанчжоу, — прибыли всего за час до темноты.

Кесри и капитан Ми стояли на палубе джонки, выделенной бенгальским волонтерам. Через подзорную трубу капитан разглядывал клиновидный берег: четыре бастиона, которые он показал на карте, едва просматривались сквозь дымку.

Расстояние между берегом и фортами и впрямь было невелико, три-четыре мили, как и говорил капитан, но Кесри сразу понял, что одолеть сие пространство будет весьма непросто. Ландшафт был удивительно похож на окрестности его родной деревни в Бихаре: лоскуты полей в зеленых побегах — посевы риса, залитые водой. Кесри помнил, что межи, прорезавшие поля, узкие, не шире ступни, и очень скользкие. На них частенько оступались и падали даже многоопытные крестьяне, а что уж говорить о сипаях, обремененных ружьями и пятидесятифунтовыми ранцами.

Вдобавок местность была не столь уж безлюдна, как уверял капитан. В тесно скученных домишках, усеявших равнину, обитало, прикинул Кесри, несколько тысяч человек. Видимо, столь

близкое соседство хижин было продиктовано необходимостью совместного отпора бандитам и мародерам, к которому сейчас изготовились жители Цинпу. Вооруженные палками, вилами и кольями, они встретили отряд морских пехотинцев, собравшихся наметить границы лагеря.

Действия крестьян ничуть не удивили Кесри (в его родных краях отклик жителей был бы точно таким же), но застали врасплох пехотинцев, и казалось, что вот-вот начнется побоище. И все же командир отряда взял дело в свои руки: пара выстрелов в воздух — и цепь десантников оттеснила разъяренных жителей за церквушку на самом краю поселения.

Когда все успокоилось, генерал Гоф сошел с «Немезиды» и, поднявшись на ближайшую высотку, провел рекогносцировку. По ее окончании младшие командиры, в том числе капитан Ми, наведались в упомянутую церквушку и обратно вышли, издавая радостные вопли, ибо разнообразили свое меню, реквизировав всяческие подношения китайским богам, вплоть до свежих окороков.

— Толстому идолу мясо без надобности, — ухмылялся Ми. — А нам будет чем отметить день рождения королевы.

Кража жертвенных подношений еще больше взбеленила жителей, и они вновь пошли в наступление, потрясая косами и кидаясь камнями. У некоторых были кремневые ружья. Стрельбой в воздух крестьян опять отогнали.

Все эти перипетии задержали высадку. Когда она все же началась, бенгальские волонтеры, самая малочисленная часть четвертой бригады, сошли на берег первыми.

Пользуясь случаем, Кесри застолбил для своей роты хорошее место у самой воды, где была надежда на освежающий ветерок. Он знал, что сипаи и обозники будут ему благодарны за возможность окунуться и смыть дневную грязь — удобство, которое ценилось превыше всех прочих.

Кесри уже распорядился установить палатки, но тут возник старший сержант Орр из батальона камеронианцев.

— Какого хера вы здесь расположились? — сказал он и ткнул пальцем в сторону палаток 37-го мадрасского полка: — Ваше место возле тех засранцев.

Кесри было уперся, но он уступал сержанту в чине, а камеронианцы более чем вдвое превосходили бенгальских волонтеров числом. Да еще

капитан Ми вдруг принял сторону нахрапистых наглецов:

— Сожалею, хавильдар, но вам придется переехать.

Кесри сдался, а вслед ему неслись насмешки:

— Всяк сверчок знай свой шесток!

— Увидим здесь черножопых — мало не покажется!

На беду, свободным оставалось лишь местечко у самого края лагеря, куда не долетал ветерок, но кишмя кишели комары, нагрянувшие с рисовых полей, да в рощице неподалеку маячили обозленные крестьяне. Однако иного ночлега для роты не предвиделось, и Кесри вздохнул, надеясь, что все это лишь на одну ночь.

В виду нехватки лагерного инвентаря музыкантов подселили к водоносам и оружейникам, и теснота в палатке наглядно передавала выражение «как сельди в бочке». Стоялая духота воняла нестираной одеждой, застарелым потом и мочой, а гуденье комаров мощью не уступало урагану. Наземных тварей тоже хватало, поэтому все улеглись одетыми и вдобавок завернулись в покрывала, вмиг пропитавшиеся потом.

Раджу не мог уснуть. Услышав шорох, он выглянул из своего кокона и увидел, как кто-то

выбрался из палатки. Дики тоже не спал.

— Знаешь, куда этот хмырь чесанул? — прошептал он.

— Куда?

— Искупнуться. Я слыхал, водоносы углядели пруд неподалеку. Пойдем, а? Хоть маленько остудимся.

Раджу вспомнил обещание тамбурмажора выпороть всякого, кто высунет нос из палатки.

— А если Срамословец…

— Да хер-то с ним! — зашипел Дики. — Не боись, мля, жидкое довольствие всех вырубило. Ну пошли!

Он ужом выскользнул из палатки. Чуть помешкав, Раджу последовал за ним.

Луна в красном ореоле, тускло светившая сквозь жемчужно-серую дымку, помогла разглядеть водоноса, который крадучись миновал границу лагеря и наддал к темной глади воды, мерцавшей в отдалении.

Пригибаясь, мальчишки перебежками двинулись следом. Убедившись, что вокруг никого, водонос скинул рубаху и штаны и бесшумно погрузился в пруд.

— Легко и просто, видал? — шепнул Дики. — Пошли окунемся.

До пруда им оставалась пара шагов, когда водонос вылез из воды и стал одеваться. Но тут Дики что-то заметил и резко присел за куст, утянув за собой Раджу.

Сквозь листву мальчишки увидели три темные фигуры, которые сзади подкрались к водоносу, пока тот натягивал рубаху. Голова его не успела просунуться в горловину, как парня скрутили и пригнули к земле.

Все произошло очень быстро: еще не угас сдавленный крик о помощи, когда в посеребренном луной воздухе сверкнул клинок и обезглавленное тело повалилось ничком, а рубаха с отрубленной головой белым пятном уплыла в темноту, растаяв вместе с тремя тенями.

От границы лагеря долетел крик часового «Стой! Кто идет?», протопали шаги караульного наряда, зазвонил колокол, возвещая тревогу.

— Валим! — Дики дернул друга за рукав. — Ползком!

В кутерьме никто не заметил, как они проскользнули в свою палатку.

— Наверное, надо рассказать, что мы видели? — прошептал Раджу, забравшись под покрывало.

— Охренел, что ли? Не вздумай! Срамословец вмиг на кол посадит. И меня на пару с тобой.

Раджу закрыл глаза, но какой уж тут сон — жара, а его так колотит, что прям стучат зубы, заглушая лязг лопат, доносящийся снаружи. Там уже копали могилу для обезглавленного водоноса.

— Знаешь, зачем они унесли голову? — шепнул Дики.

— Зачем?

— Получат награду, мля.

— Откуда ты знаешь?

— А для чего еще? Интересно, сколько им заплатили бы за наши с тобой бошки?

Побудку протрубили на рассвете столь же душного и жаркого дня. Взмокшие сипаи побрели на завтрак и обнаружили, что нынче, как назло, кормят ненавистной им картошкой.

Они еще ковырялись в мисках, когда прозвучал сигнал тревоги — возле северных и западных ворот цитадели было замечено движение китайских войск.

Кесри не успел допить свой чай, а капитан Ми уже отдал приказ о выходе из лагеря: вторая рота и мадрасский батальон сопровождают генерала Гофа до лежащего в миле холма, где будет обустроен командный пункт.

Сипаи спешно построились и колонной заша-

гали под бой барабанов и посвист флейт. Однако залитые водой рисовые поля тотчас нарушили походный порядок, что и предвидел Кесри. Солдатам приказали идти гуськом по насыпным межам.

Вскоре от строя не осталось и следа, главным было сохранить равновесие. Оскальзываясь в липучей слякоти, солдаты использовали ружья как посохи и все равно, не удержавшись, падали. Отягощенные ранцами и снаряжением, они только сучили ногами и не могли подняться без посторонней помощи.

Сипаи-то хоть были в сандалиях, а вот офицерам, обутым в тяжелые сапоги, пришлось еще хуже, и они, раскинув руки, пробирались, точно канатоходцы.

Полководец генерал Гоф (или Гофи, как называли его английские офицеры), рослый, вечно угрюмый мужчина с моржовыми усами, всегда отличался отменной выправкой. Но сейчас и он, едва не роняя сбившийся набекрень кивер, балансировал, как циркач на проволоке. Сын генерала, служивший его адъютантом, шел на шаг позади и пытался поддержать отца под локоток, но то и дело оскальзывался сам, и было ясно, что все это добром не кончится. Так и вышло:

уже перед самым холмом оба грохнулись в воду. Отряд остановился, дабы выудить и обсушить свой командный состав.

Срамословец не замедлил со взбучкой хихикавшим музыкантам:

— Вам смешно, подлецы вы этакие? Вы у меня узнаете, как смеяться над генералом! Ничего, погодите, скоро будете прыскать с другого конца!

В отличие от своих товарищей, которых продвижение по слякотной жиже весьма забавляло, Раджу не счел происшествие смешным. Он думал об ином, и неотвязные мысли эти порождали картины, прежде не возникавшие. Что почувствуешь, когда копье проткнет тебе горло или грудь? А когда штык вонзится в живот? Каково это, когда в тебя жахнет пуля? Она вдребезги размозжит твои кости?

Отряд продолжил движение, но Раджу еле брел, сдерживая рвотные позывы. На холме, когда объявили привал, он, отойдя в сторонку, срыгнул непереваренный картофельный завтрак. Дики принес ему воды и сердито прошептал:

— Чего с тобой, кореш? Вспоминаешь, что было ночью? Я же сказал, забудь навеки, понял?

— Да нет, это из-за жары, мля, — поспешил оправдаться Раджу. — Сейчас уже все путем.

С другого края высотки капитан Ми и Кесри обозревали окрестности. Впереди в дрожащем мареве виднелись четыре бастиона на холмах и китайские войска на склонах; позади фортов тянулись бесконечные городские стены с воротами под многоярусными крышами, возвышавшимися через равные промежутки.

Периодический огонь, который с рассвета вели батареи фортов, теперь стал непрерывным, временами усиливаясь до шквального. Из-за большого расстояния пушки не причиняли серьезного урона, однако стрельба их была невиданно яростной и прицельной.

Меж тем генерал огласил план атаки. Сперва английская артиллерия, состоящая из ракетной батареи, двух мортир калибра пять с половиной дюймов, двух двенадцатифунтовых гаубиц и двух девятифунтовых пушек, подавит огонь бастионов. Затем под прикрытием артобстрела четыре бригады выдвинутся к подножию холмов. Четвертая бригада атакует самый крупный прямоугольный бастион, расположенный напротив башни Умиротворение моря. Завершающий этап — атака уступом и штурм, а посему каждая рота должна быть обеспечена штурмовой лестницей.

Кесри тотчас сообразил, что в его роте только

Маддоу справится с этой лестницей, тяжеленной громоздкой штуковиной. Он отыскал взглядом гиганта, тащившего на плечах два огромных лафетных колеса, и обратился к капитану:

— Сэр, для лестницы нам понадобится вон тот пушкарь. Прикажите забрать его из орудийного расчета.

— Хорошо, — кивнул Ми. — Я распоряжусь.

В осуществлении первой части генеральского плана, артподготовки, сразу возникли осложнения: доставка пушек через затопленные рисовые поля оказалась весьма непростой задачей. Пушкари пробирались с трудом, под весом тяжелых стволов по колено проваливаясь в слякоть. Будь бастионы ближе к реке, свою роль сыграли бы «Немезида» и другие пароходы, но сейчас форты были вне досягаемости корабельных орудий.

Сообразив, что артиллерия прибудет еще не скоро, Кесри отвел своих солдат в тенек и велел им отдыхать. После почти бессонной ночи он и сам уснул мгновенно, и пробудил его лишь грохот начавшейся артподготовки.

Утро только наступило, а уже было нечем дышать. Разогретые солнцем рисовые поля так насыщали влагой воздух, что склоны холмов казались окутанными паром.

Камеронианцам было приказано возглавить атаку, по сигналу трубы начав выдвижение. Поля перед высоткой почти просохли, и бойцы ринулись вперед по посевам, доходившим до колена.

Следом с другого края высотки атаковали бенгальские волонтеры. Грохот английских и китайских орудий стал оглушительным. Ядро, упавшее в сотне ярдов справа от роты, взметнуло фонтан земли и зеленых стеблей.

— *Маатха ниче!* Пригнуться! — крикнул Кесри, и барабанщики с флейтистами тотчас удвоили темп.

Кесри бежал, стараясь не вслушиваться в свист летящих ядер. Высокий жесткий воротник мундира казался удавкой, ранец на спине как будто жил своей жизнью и, болтаясь из стороны в сторону, пытался лишить хозяина равновесия, а заскорузлый от пота шов в промежности рейтуз ощущался толстым корабельным канатом.

Наконец поле закончилось, впереди был поросший кустарником склон в пылевой завесе от взрывов. Кесри видел, как упал офицер камеронианцев, как ядро, угодившее в цепь, разметало трех бойцов.

Вдали китайские солдаты колотили по щитам и потрясали копьями, как будто глумясь над вра-

гом. Затем ближний бастион дал залп снарядами, которые, описав дугу, врезались в склон и окутали холм клубами дыма. Кесри изумленно понял, что китайцы стреляют ракетами.

Ничего себе! Вот заразы! Меткая стрельба, ракеты — быстро же, однако, они все это освоили!

Взяв передышку, камеронианцы укрылись под скалистым выступом. Капитан Ми приказал своей роте залечь, а сам перебежками направился к авангарду атаки.

Сбросив ранец, Кесри облегченно выдохнул и повалился на каменистую землю. Они уже были на расстоянии ружейного выстрела от китайских позиций, в воздухе пела шрапнель. Не поднимая головы, Кесри достал флягу и сделал всего один глоток, поскольку воды осталось на донышке. Питье надо беречь — когда еще обозники догонят роту. Перед атакой бойцов мучила такая жажда, что они ополовинили бурдюки водоносов.

Наконец тылы подтянулись, и Кесри подал знак водоносам, чтобы те, передвигаясь ползком, сперва напоили солдат. Предстояла атака на четырехугольный бастион, в которую пойдут только сипаи — музыканты, связные и водоносы так и залягут здесь, в импровизированном бивуаке. Один лишь Маддоу будет в рядах атакующих,

он потащит штурмовую лестницу.

Оглянувшись, Кесри увидел, что великан со своим неподъемным грузом уже в передовой цепи, и поманил его к себе.

— С этой минуты от меня ни шагу, — сказал он. — *Самджхелу*, усек?

— *Джи, хавильдар-саиб.*

Вслед за сипаями музыканты карабкались по склону, когда в воздухе засвистела шрапнель.

— Ложись, засранцы, мать вашу за ногу! — гаркнул Срамословец. — Хотите, чтоб вам яйца поотрывало?

Мальчишки вмиг распластались по земле. Раджу казалось, что язык его превратился в наждак, еще никогда в жизни так не хотелось пить. Дрожащими руками он схватил флягу и охнул: из-за неплотно заткнутой пробки вся вода вытекла.

— Ни капельки не осталось! — взвыл Раджу.

Лежавший рядом Дики уже осушил свою флягу. Он порывисто вскочил на ноги.

— Не ной, мля! Сейчас залью у водоноса.

Дики рванул с места, но через пару шагов вдруг замер, мгновенье постоял навытяжку, а затем медленно повалился набок.

— Дики! — вскрикнул Раджу. Он бросился к другу и схватил его за плечи: — Эй, ты чего?

Странно, распахнутые янтарные глаза Дики как будто смотрели мимо него.

— Что с тобой? — Раджу тряс друга. — Вставай, морда, вставай! Не время валять дурака!

Ответа не было. Раджу упал на неподвижное тело и обнял его.

— Пожалуйста, встань, Дики! Прошу, ответь, мля! Вставай!

Стрельба английских орудий шла крещендо, когда капитан Ми вернулся к своей роте и объявил: теперь атаку камеронианцев возглавит он.

Кесри видел, что командиру его неймется попасть в гущу боя; под огнем он держался с чрезмерной даже для него бесшабашностью, словно искал смерти.

— Поберегите себя, каптан-саиб.

Ми кивнул и под свист шрапнели зигзагами побежал обратно к скалистому выступу.

Лежа на каменистом склоне, Кесри слышал свое участившееся дыхание и чувствовал, как вспотели ладони, из которых едва не выскользнула Смуглая Бесс. Возникшая внутри пустота сперва удивила, а потом он понял, что это от страха сводит живот. Кесри зажмурился и ткнулся лицом в землю, чувствуя хрустящие на зубах песчинки.

Вдруг заныли старые раны, и тело превратилось в хранилище пережитых страданий. Однако ярче вспоминалась не жгучая боль от полученной в бою раны, но та сокрушительная мука на госпитальной койке, когда не можешь шевельнуться и делаешь под себя. Он не хотел вновь пройти через это, он не хотел умирать, да еще, как сейчас, неизвестно за что.

Рядом послышалось судорожное всхлипывание.

Кесри открыл глаза и увидел солдата, немногим моложе себя. Он вспомнил, что сипай этот, родом из горного района, отец целого выводка детей. О чем сейчас он думает? Вспоминает морозные вечера и тени от гор, окружавших его родную долину? Ясно, что он тоже охвачен страхом — вон, побелевшие губы, дрожащие руки, закатившиеся глаза. Еще немного, и он свернется калачиком, а потом, напрочь парализованный ужасом, не сможет встать по команде «В атаку». Кесри доложит о нем капитану Ми, и трибунал наверняка приговорит труса к расстрелу. Но вина хавильдара Кесри Сингха будет не меньше, ибо его работа, его долг и судьба — всеми силами защищать своих солдат от любых напастей и даже, если надо, от них самих.

Кесри сунул соседу локтем под ребра и выговорил, давясь словами:

— Уснул? Сейчас начнется!

И вот английская артиллерия смолкла, ружейная стрельба поутихла.

— Примкнуть штыки!

Шальная пуля взбила земляной фонтанчик перед лицом Кесри за миг до того, как он вскочил на ноги и, оскользнувшись на камнях, едва не упал, но выправился и, пригибаясь, тяжело (ну а как еще, если за спиной пятидесятифунтовый ранец, да в руках мушкет?) пошел вверх по склону. Не сбиваясь с шага, он втянул побольше воздуха в грудь и выкрикнул *Хар Хар Махадев!* Боевой клич, подхваченный солдатами, подтолкнул его дальше вперед.

Одолев двести ярдов, Кесри увидел, что камеронианцы залегли под плотным огнем китайских позиций с вершины холма. Он вскинул руку, направляя свою роту к видневшейся правее рощице. Расчет оправдался — китайцы оказались на линии огня. Через минуту сипаи были в боевой изготовке, их залпы принудили противника оставить позиции.

Кесри дал команду прекратить огонь и побежал к залегшим камеронианцам:

— Они ушли! Отступили!

Но собратья по оружию, похоже, не заметили короткой схватки в своем тылу. Кесри встретили хмурые взгляды и брань сержанта Орра:

— Куда вы подевались, ублюдки черномазые? Уклонились, суки, от боя? Кодла паршивых трусов!

От неодолимого желания воткнуть штык сержанту в брюхо у Кесри буквально тряслись руки. Он чувствовал, что продырявить эту сволочь много полезнее, чем убивать незнакомых китайцев.

И лишь оклик капитана Ми его удержал.

— Хавильдар!

— Я, каптан-саиб. — Кесри привычно козырнул.

— Лестница готова?

Кесри глянул на склон, где Маддоу сидел на корточках среди сипаев второй роты.

— Готова, сэр.

— Хорошо. Давайте закончим работу. Камеронианцы идут справа, наша рота на левом фланге.

По команде капитана бойцы ни шатко ни валко построились для атаки уступом. Бастионы молчали. Вблизи стены форта сипаи взяли в защитное кольцо Маддоу, который поднял и установил

штурмовую лестницу.

Боец, забравшийся на стену первым, сверху крикнул, что бастион пуст, гарнизон его отступил в город. Следом поднялся Кесри, очутившись на парапете перед башней с бойницами. Он вошел внутрь и выглянул в амбразуру, что была выше других. Внизу раскинулся неохватный взглядом Гуанчжоу. Улицы и проспекты, колокольни и пагоды, особняки и лачуги простирались к югу и востоку насколько хватало глаз. Из городских ворот, частью открытых, вытекали нескончаемые людские ручейки, разбегавшиеся в разные стороны.

Прежде чем Кесри освоился с грандиозным видом, оглушительно рявкнули пушки цитадели, ядро взорвалось возле башни, и он, пригнувшись, поспешил в укрытие форта.

К прямоугольному бастиону, большому, но незамысловатому сооружению под крышей, примыкали еще несколько помещений, и все они быстро заполнились бойцами четвертой бригады, вошедшими через ворота.

Тем временем английские войска заняли три других форта. Непрекращавшийся обстрел со стороны города не смог им в том помешать, и к полудню генерал Гоф получил донесение о

захвате всех четырех бастионов. В одном из них был обустроен штаб, в любую минуту готовый принять командующего.

По пути на холм генерал едва не погиб: просвистевшая над его ухом пуля угодила в офицера сопровождения.

По прибытии в штаб Гоф созвал совещание, на котором присутствовал и капитан Ми. Вернувшись в роту, он рассказал о неожиданно больших потерях: нынче англичане насчитали убитых и раненых больше, чем во всех предыдущих боях. А вот бенгальским волонтерам повезло — уцелели все.

Офицеры разбушевались, поведал капитан. Некоторые горячие головы предлагали преподать китайцам кровавый урок и разграбить храмы, пагоды и рынки, известные как огромные хранилища золота и серебра, — мол, трофеи будут бессчетны.

Во всяком случае, на завтра назначен штурм цитадели. Изучив ворота северной стороны, саперы пришли к выводу, что пробить их не составит труда. Разработан план атаки, которая начнется на рассвете силами всех четырех бригад.

В течение дня подтянулись все обозники, кроме тех, что числились за второй ротой. Их отсутствие

не только создавало неудобства, но и тревожило; пока не стемнело, Кесри отрядил людей на поиски своего обоза. Тот объявился уже в сумерках, и вот тогда стало известно о его потерях: ранены связной, повар и водонос, убит флейтист. Потому-то обоз и задержался — провозились с отправкой в тыл раненых и погибшего.

Весть о гибели Дики ошеломила Кесри. Он вспомнил, как сам отобрал этого мальчика, надеясь, что тот станет ротным талисманом. Так оно и вышло: улыбчивый, острый на язык сорванец завоевал солдатские сердца. Печально, что бойцы второй роты не смогут проводить его в последний путь, отдав ему должные почести.

Кесри знал о крепкой дружбе, возникшей между Дики и Раджу, который сейчас, опухший от слез, съежился в уголке и, сидя на грязной земле, не замечал тучи вившихся над ним комаров. Проникнутый сочувствием, Кесри хотел бы его утешить, но боялся, что и сам расплачется. Подозвав к себе Маддоу, он сказал:

— Присмотри за тем парнишкой, ладно? Ему сейчас худо, у него друга убило.

Узнав о надвигавшемся шторме, Диньяр решил перегнать свою шхуну из гонконгской бухты в гавань Макао, где, как говорили, безопасно в

любое ненастье. Он позвал с собою других парсов, но те отказались. Многие сняли жилье на острове и не хотели покидать Гонконг даже на день, поскольку ожидалось, что вооруженный конфликт вот-вот разрешится. Все знали о скором земельном аукционе и ужасно боялись его пропустить.

Сеты ставили себе в заслугу, что сумели убедить нынешнего коменданта острова Джона Роберта Моррисона[103] устроить аукцион еще до того, как Гонконг официально перейдет под эгиду Британской короны. Однако мистер Моррисон почему-то волынил с торгами, и тогда возникло подозрение, что он ухватится за возможность провести их без участия сетов, которые были полны решимости сего не допустить и, не спуская глаз с землемеров, спорили из-за участков.

По совету Задига Ширин согласилась вернуться в Макао. В Южном Китае, сказал часовщик, случаются ураганы невиданной силы и будет лучше укрыться за крепкими стенами Вилла Нова.

— Может, после бури мы и объявим? — подмигнул Задиг.

— О чем?

---

[103] Примечания: 103

Джон Роберт Моррисон (1814–1843) — переводчик и колониальный чиновник в Китае, сын Роберта Моррисона, первого переводчика Библии на китайский язык.

— О нашей помолвке.

— Ой, так сразу? — опешила Ширин. — Пожалуйста, дайте мне еще немного времени. Огласка невозможна, пока я не переговорю с Диньяром, а удобный момент все никак не представится.

— Что ж, тем более надо ехать в Макао. Шторм даст вам массу времени для бесед.

С недавних пор племянник и другие сеты стали холодны с Ширин. Либо прознали об ее отношениях с Задигом, либо им не нравилось что-то иное. Она пыталась разговорить Диньяра, но тот ее избегал, уклоняясь от объяснений.

Но вот «Мор» поднял паруса, и Ширин изловчилась создать нужную ей обстановку. Она велела повару приготовить любимое блюдо Диньяра *алети-палети*. Когда жареные куриные потроха подали на стол, Ширин услала стюарда и собственноручно наполнила тарелку племянника.

— *Маджхану че?* Вкусно, дорогой?

Диньяр угрюмо молчал, вертя в руках вилку.

— *Су тхаю дикра*, в чем дело, сынок? — сказала Ширин, не дождавшись ответа. — Что-то не так?

Наконец Диньяр посмотрел ей в глаза и заговорил по-английски, что уже было знаком, поскольку прежде он всегда общался с Ширин на гуджарати.

— Правда ли, что крестника господина Карабедьяна похоронили рядом с дядей Бахрамом?

Так вот оно что: соседство могил всполошило сетов, скрывающих свои тайные вины.

— Да, сынок, — спокойно кивнула Ширин. — Правда.

— Но почему, тетушка? — взвился Диньяр. — С какой стати? Это неправильно!

— Вот как?

— Именно так — неправильно.

Ширин сложила руки на столе и, глядя прямо в глаза племяннику, сказала:

— Я думаю, тебе известно, что Фредди — не только крестник господина Карабедьяна, но и родной сын моего упокоившегося мужа.

Диньяр, явно не готовый к открытому признанию преступной связи Бахрама, вздрогнул, как от пощечины.

— *Су каоч тхаме?* Что вы такое говорите? Да как у вас язык повернулся?

— По-твоему, все это рассосется, если о том молчать? Не надейся, ибо невозможно произвести детей на свет тайком. Они не безгласны и, подрастая, выучиваются говорить. — Ширин пристукнула по столу, подчеркивая свою следующую фразу: — Помни об этом, когда станет известно о

твоих собственных незаконных детях.

Диньяр шумно вобрал воздух — похоже, он хотел что-то сказать, но передумал и, уставившись в тарелку, оттянул вдруг ставший тесным воротник сорочки. Наконец он, запинаясь, проговорил:

— Тетушка… — голос его дрожал, — имейте снисхождение… мужчинам вроде дяди Бахрама и меня, кого дела надолго уводят из дома, ужасно одиноко… Наверное, вы даже не представляете, до чего им одиноко…

— *Кхарекхар*, неужели? Ты считаешь, нам неведомо одиночество?

Взгляд Диньяра выразил искреннее недоумение.

— Да как же вам его изведать, тетушка? Такие женщины, как вы, моя мать и сестры, живут себе в Бомбее, окруженные детьми и родственниками, к их услугам всяческие удобства. Потому-то мы и отправляемся за море, чтобы они пребывали в роскоши. Что вы можете знать о том, какой ценой это дается? Разве можете вы понять, каково нам и насколько мы одиноки?

Ширин сжала дрожавшие губы и сделала глубокий вдох, чтоб не сорваться.

— Что ж, Диньяр, коль тебе ведомо истинное

одиночество, тогда ты, наверное, меня поймешь.

— В чем?

— Задиг-бей сделал мне предложение, и я ответила согласием.

Челюсть Диньяра отвисла, и голос ему отказал.

— Да вы что, тетушка! — просипел он. — Нельзя! Невозможно! Вас отринут! Никто из наших с вами не заговорит!

Ширин, покачав головой, усмехнулась.

— Ты ошибаешься, Диньяр. Именно ты это примешь. И не только примешь, но убедишь остальных, что для всех будет лучше, если я выйду замуж и останусь на Гонконге. — Ширин перевела дух. — Запомни одно: если сеты поднимут бучу или устроят скандал, если они вынудят меня вернуться в Бомбей, то многие парсийские семьи, уж будь уверен, узнают о своих доселе неведомых родичах в Китае. Твоя семья узнает первой.

Спорадический обстрел бастионов, продолжавшийся всю ночь, издергал нервы хуже шквального огня. Но даже если бы пушки молчали, попробуй усни в жаркой духоте небольшого пространства, до отказа набитом людьми в грязной пропотелой одежде.

В бастионе, не имевшем окон, висел одуряю-

щий смрад. Дизентерия грозила стать повальной, ибо многие гадили где придется, не добежав до нужника. Воздух пропитался едкой вонью от лужиц кровавого поноса.

Камеронианцы больше других страдали «кровавой дрисней», однако «черными вонючками» и «сволочными засранцами» обзывали сипаев. Будь дело в Индии, наверняка вспыхнула бы драка между шотландскими стрелками и объединенными силами мадрасских и бенгальских волонтеров. Но сейчас, оказавшись в тисках китайцев с одной стороны и англичан с другой, сипаи были вынуждены молча сносить оскорбления. Такие как старший сержант Орр прекрасно понимали ситуацию и оттого поливали их бранью, не стесняясь в выражениях.

На рассвете капитан Ми и Кесри вошли в бастионную башню, дабы еще раз бросить взгляд на цитадель. За ночь ручеек жителей, покидавших город, превратился в поток. Дороги во всех направлениях были запружены тележками, повозками и паланкинами, неудержимо вытекавшими из городских ворот. Столпотворение их выдавливало пеших жителей на обочины и рисовые поля.

— Похоже, народ спешит до штурма покинуть

город, — сказал Ми.

— Так точно, каптан-саиб.

Все было готово, и Кесри уже не терпелось, чтобы штурм начался. Бог с ней, с опасностью, но уж лучше в бой, чем еще одна ночь в этой чертовой дыре.

Но не тут-то было. Бригада уже строилась, когда над северными воротами взвился белый флаг.

— Пропади ты пропадом! — вскрикнул капитан Ми. — Будь я проклят, если это не знак новой переговорной болтовни!

Выход отложили, все утро офицеры курсировали между бастионом и штабом.

Позже капитан Ми рассказал, что мандарины запросили перемирия и Полномочный представитель поставил его непременным условием немедленную выплату шести миллионов серебряных долларов и вывод всех китайских войск из города.

Мандарины, как всегда, согласились, но английские офицеры были единодушны в том, что все это без толку и они, выходит, зря проливали кровь и пот, захватывая бастионы. В кои-то веки генерал Гоф решительно выступил за штурм, но у него связаны руки, ибо капитан Эллиотт уперся и дает китайцам время на исполнение условий

перемирия. Видимо, еще несколько дней войска проведут в бастионах.

Меж тем зной набирал силу, в воздухе гудели тучи мух и прочей кусачей дряни, привлеченных зловонием потных тел и переполненных нужников. Возникла необходимость строгих норм на таявшие запасы провианта и воды. Единственной хорошей новостью стали редкие облака, набегавшие с юга.

В середине дня капитана Ми вновь вызвали в штаб на совещание по поводу нехватки провизии и воды. Командование распорядилось о создании продовольственных отрядов, которые обязаны действовать по четким правилам: никакого насилия, но только обход крестьянских домов с просьбой о подношениях в виде риса, овощей и живности. Всякому хозяйству, сделавшему вклад, на дверь дома вешать табличку, дабы его не беспокоили вторично. Домогательства к гражданским лицам — мужчинам, женщинам и детям — исключались категорически. Нарушителей сих правил ждет суровая кара.

— Все ясно, хавильдар?

— Джи, каптан-саиб.

Ми достал карту и показал дорогу к деревне Сань Юань Ли. Кесри надлежит собрать и воз-

главить продовольственный отряд, а капитан в составе группы офицеров наведается в близлежащие пагоды и храмы.

— Имей в виду, хавильдар, неприятности мне не нужны. — Взгляд Ми был тверд. — Никакого мародерства и кобеляжа с местными женщинами. Ты понял?

Кесри вскинул руку к виску:

— Так точно, господин капитан.

Сформировать продовольственный отряд было непросто, поскольку и в лучшие времена сипаи отлынивали от всего, что сулило ручной труд, а нынче и вовсе предстояло таскать тяжести. Выбор среди обозников тоже был небогат, их осталось меньше двадцати человек. В результате не нашлось иного выхода, как включить в отряд барабанщиков и флейтистов, отнюдь не рвавшихся на роль носильщиков, да кто их спрашивает.

Собрав все имевшиеся бурдюки, кувшины, мешки и прочую тару, отряд под водительством Кесри и охраной сипаев тронулся в путь.

Тропа к деревне вилась по крутому склону, у подножия холма сливаясь с дорогой на север, по которой шли многочисленные семьи беженцев. Едва завидев сипаев, они испуганно отступали в рисовые поля.

Под безжалостным зноем отряд быстро выдохся. Углядев сипаев из мадрасского полка, разлегшихся в тени раскидистой красночерепичной крыши пагоды, Кесри обрадовался возможности сделать привал. Он велел своим людям устроиться под деревом, а сам пошел переговорить с мадрасцами. Оказалось, те поставлены в караул, пока офицеры, среди которых был капитан Ми, осматривают кладбище на задах пагоды.

— Чего им там понадобилось? — удивился Кесри.

Сипаи переглянулись, один кивнул на ворота:

— Ступай туда, сам увидишь.

Кесри прошел на территорию храма и, миновав анфиладу дворов и пропитанных благовониями вестибюлей, очутился перед открытой дверью, сквозь которую увидел офицеров и отделение сипаев на примыкавшем к пагоде кладбище. Подойдя ближе, он понял, что солдаты, исполняя приказ розовощекого лейтенанта, раскапывают могилу. Несколько могил уже были вскрыты, лейтенант в них заглядывал и что-то помечал в блокноте.

Неподалеку строй сипаев с ружьями наперевес сдерживал толпу местных жителей.

Учуяв запах тлена из недавних захоронений,

Кесри содрогнулся от ужаса и омерзения. Разве можно тревожить прах умерших?! Поскорее уноси ноги, подсказал внутренний голос.

Зажав нос, Кесри развернулся к выходу и едва не налетел на капитана Ми. Взгляд капитана метнулся с Кесри на кладбище и обратно.

— Не подумай плохого, хавильдар, — сказал Ми. — Из могил ничего не берут. Лейтенант Хэдли, — он кивнул на офицера с блокнотом, — интересуется историей. Он изучает китайские обряды и обычаи, только и всего.

— Понятно, каптан-саиб.

— Давай-ка займись своим делом. — Взмахом руки капитан дал понять, что разговор окончен.

Когда отряд продолжил путь, вдали обозначились темные тучи с полосами дождя, однако то была не долгожданная буря, но лишь короткий ливень.

Впереди замаячило нечто похожее на крестьянское хозяйство: домишко и сараи вкруг мощеного двора с колодцем. На воротах не было таблички, извещающей об уже состоявшемся визите фуражиров, и отряд вполне мог приступить к выполнению поставленной задачи.

Не найдя хозяев, Кесри приказал обозникам наполнить колодезной водой бурдюки и кувши-

ны. Он постучал в дверь раз, потом другой, но в лачуге никто не отозвался, хотя в щели ставен на окошке посверкивали глаза ее обитателей.

Кесри раздумывал, как быть дальше, и тут к нему подбежал обозник с известием, что в сарае обнаружены люди. Через двор Кесри прошел к амбару, где забились в угол два объятых ужасом китайца-батрака. Возле них стояли мешки с рисом и корзины с только что собранными бананами, зеленой фасолью и округлым гладким овощем, похожим на *карелу*, китайскую горькую тыкву, столь любимую сипаями.

При появлении Кесри батраки, одетые в изношенные рубахи и штаны, заскулили и, не вставая с корточек, стали раскачиваться с пятки на носок. Лица до полусмерти напуганных крестьян превратились в потешные маски ужаса.

Кесри предпринял вялую попытку жестами объяснить, что пришел за провизией. Однако дурно исполненная пантомима действия не возымела, ибо китайцы зажмурились, словно им явился жуткий призрак, на который взглянуть невозможно.

И что теперь? Кесри досадливо сплюнул.

Все это без толку: даже если батраки его поймут, они не вправе распоряжаться хозяйскими припа-

сами. И потом, кто же добровольно расстанется с плодами тяжкого труда? Ни один крестьянин, будь то здесь или в родном Наянпуре, на это не согласится, если только речь не идет о спасении собственной шкуры, поскольку просьба незваных гостей подкреплена наставленным дулом ружья. Именно это сейчас и происходит — грабеж средь бела дня, иначе не скажешь. И надо же, чтоб все это выпало на долю простому хавильдару, и лишь по прихоти его командира! Пожалуй, лучшее, что можно сделать, так это поскорее отсюда убраться.

Кесри приказал обозникам взять пять мешков риса и две корзины овощей.

— Укройте парусиной, а то вдруг дождь, — сказал он.

Кесри вышел из амбара и оторопел, увидев возле ворот кучку людей в обычной одежде китайских крестьян — блузы, штаны, островерхие шляпы. Но поразило его не облачение незнакомцев, а то, что Маддоу разговаривал с одним из них.

— *Эха ка хота*, это еще что такое? — рявкнул Кесри, пересекая двор. Прежде чем он дошел до ворот, кучка растаяла, сделав погоню бессмысленной. — *Ву лог каун рахлен*, кто они такие? — Кесри

грозно глянул на великана. — Ты их знаешь?

Лицо Маддоу ничуть не утратило всегдашней сонливости.

— Они матросы. Китайские ласкары. С одним я служил на корабле. Он был моим боцманом. Вот и все.

Кесри прожег его взглядом.

— Не врешь?

— Никак нет, хавильдар-саиб, могу поклясться.

Похоже, великан чего-то недоговаривал, но выяснять было некогда — уже накрапывал дождик.

— Стройся!

Отряд прошел всего сотню-другую ярдов, как небеса разверзлись, и дождь полил стеной.

Близился вечер, смеркалось. Обернувшись, Кесри разглядел островерхие шляпы, маячившие позади колонны. Не собеседники ли Маддоу плетутся за нами? — подумал он. Но великан с огромным мешком на плече шел в середине строя, свободной рукой поддерживая кувшин с водой, который нес Раджу.

Успокоенный Кесри вновь устремил взгляд вперед.

Вскоре Раджу почувствовал, что Маддоу замедляет шаг, что было неудивительно, ибо груз его казался неподъемным.

— *Тхак гайе хо*, ты устал? — шепнул мальчик.

Маддоу безмолвно покачал головой, что тоже не удивило — Раджу знал, что великан не словоохотлив. Прошлой ночью старшие мальчишки хотели, как они выразились, прищучить Раджу, но тут откуда ни возьмись появился Маддоу и одним своим видом отпугнул забияк. Всю ночь он был рядом, но не проронил ни слова. Раджу знал, что без великана ему пришлось бы туго. После гибели Дики он быстро понял, что тот был ему не просто другом, но защитником. С его уходом Раджу превращался в легкую добычу задиристого хулиганья. Даже нынче мальчишки, улучив момент, к нему цеплялись, и сейчас он был рад соседству великана.

Раджу не придал значения тому, что вместе с ним постепенно оказался в хвосте отряда. Под шум дождя, лившего как из ведра, Маддоу тихо проговорил:

— Знаешь, тебя кое-кто ждет. Оглянись.

Сквозь дождевые струи Раджу различил контуры фигуры в островерхой шляпе.

— Кто это? — испуганно прошептал он.

— Не бойся. Это друг. Он отведет тебя к отцу.

— Правда? — Раджу истомился по весточке от отца, но и представить не мог, что вот так ее

получит.

— Пойдешь с ним, — прошелестел Маддоу. — Все будет хорошо. Не опасайся.

— Но кто он? Как его зовут?

— Серанг Али.

У мальчика скакнуло сердце — он знал это имя из рассказов Ноб Киссина-бабу.

— Что я должен делать? — спросил Раджу.

— Ничего, просто остановись. — Без дальнейших слов Маддоу забрал у него кувшин и ушел вперед.

Через минуту колонна скрылась за дождевой завесой. Подле Раджу возник человек с жиденькими вислыми усами, чья свирепая наружность напугала бы, если б в точности не соответствовала описанию Ноб Киссина-бабу.

В следующее мгновенье Раджу оказался под плетеной соломенной накидкой, скрывшей его форму, а кивер уступил место островерхой шляпе. Взяв мальчика за руку, серанг Али свернул на тропинку.

— Держись рядом и молчи, — сказал он. — Если кто с тобой заговорит, притворись немым.

Долгие часы ожидания на сампане, пришвартованном неподалеку от деревни Сань Юань Ли, показались Нилу самыми тягостными в его жиз-

ни. Если б ему позволили войти в отряд серанга Али, он бы чувствовал себя хоть *чем-то* занятым, но боцман был непреклонен: ни в коем случае, сказал он, ты не должен покидать сампан. Страсти накалены до предела, и стоит крестьянам заподозрить, что к ним затесался *хаак-гвай*, его беспременно убьют.

Дабы Нил не нарушил приказ, к нему был приставлен Джоду, который усердно нес охранную службу, не разрешая своему подопечному даже высунуться из-под лодочного навеса.

К счастью, Нил, покидая монастырь Океанский Стяг, прихватил с собою книгу «Бал бабочек», которую часто читал вместе с сыном. Он-то думал, знакомая вещица успокоит мальчика, но оказалось, что успокоение потребно ему самому, и под стук дождя он бесконечно перелистывал страницы.

В очередной раз проглядывая стишки, Нил услышал шепот Джоду:

— Гляди, возвращаются.

Всмотревшись, Нил различил контуры людей, выступившие из береговой темноты, и сердце его замерло, ибо все они принадлежали взрослым мужчинам. Значит, что-то пошло совсем не так. Из груди его ринулся вопль, но Джоду, ко всему

готовый, наглухо зажал ему рот.

Потом фигуры приблизились, и от них отделилась прежде скрытая меж ними тень. Ростом она была с мальчика, однако Нил, ополоумевший от беспокойства, уже не верил своим глазам и только рвался из хватки Джоду.

Но тот выпустил пленника, лишь когда мальчик взошел на сампан.

— Раджу? — Нил распахнул объятья. — Раджу?

Он все повторял и повторял это имя, пока Раджу спокойно не ответил:

— *Ха баба*, да, папа, это я.

И тогда Нил, уткнувшись в его худенькое плечо, разрыдался, и тогда сыну пришлось утешать отца:

— Все хорошо, папа, все хорошо.

Вспомнив о книжке, которую так и держал в руках, Нил подал ее сыну:

— Смотри, что я для тебя приготовил.

Глянув на обложку, Раджу нахмурился и сказал тихо, но твердо:

— Папа, ты понимаешь, что я уже не малыш, правда?

Глава 21

За первым ливнем последовали другие, но они не приносили особого облегчения, ибо удушающий зной немедленно возвращался, как будто уведомляя, что настоящая буря еще только на подходе.

Для Кесри дожди стали источником новых забот, порожденных исчезновением мальчишки-флейтиста. Теперь, угодив под ливень, он тотчас направлял отряд в укрытие либо занимал место в хвосте колонны, удостоверяясь, что никто не отстал.

Дожди усугубили муки постоя, добавив к смраду, заполонившему бастион, вонь плесени; осаждавшие бивак полчища злобных мух и кусачей мошкары так донимали солдат, что даже после команды «смирно» они корчились и почесывались.

Невероятная влажность воздуха заставила дважды в день проверять порох на сухость. Но Кесри отлично сознавал, что состояние пороха уже не будет иметь значения, случись китайская атака во время ливня. Больше всего его изводил страх

очутиться в ситуации, когда откажут Смуглые Бесс. Оставалось лишь надеяться, что войска покинут бастионы еще до того, как разразится буря.

Вот только ход переговоров не вселял оптимизма: часть условий перемирия мандарины выполнили — отвели войска из города, но все еще тянули с выплатой компенсации. Собрать шесть миллионов долларов непросто, говорили они, на это требуется хотя бы несколько дней. Пока мандарины скребли по сусекам, англичане держали в бастионах готовые к удару войска — этакий нож у горла.

Однако войскам этим нужно было чем-то питаться, а добыть провизию у местных крестьян с каждым днем становилось все труднее. Китайцы уже не боялись чужеземных солдат, но плевали им вслед и швырялись камнями, а шпанята выкрикивали оскорбления; жители возводили баррикады, перегораживающие продовольственным отрядам вход в деревни. Мало того, непрошеных гостей встречали ватаги молодых парней, вооруженных кольями и дубинами, и разогнать их можно было только выстрелами в воздух.

В свою очередь, солдаты день ото дня станови-

лись все злее. Своих подчиненных Кесри пока что сдерживал, но видел, как разболталась дисциплина в других подразделениях. Поговаривали, имели место избиение крестьян, мародерство, вандализм и домогательство к женщинам. Однажды капитан Ми сказал, что хавильдара и нескольких бойцов из 37-го мадрасского полка обвиняют в изнасиловании — дескать, они ворвались в дом и надругались над его жилицами.

Но Кесри, побеседовав с мадрасцами, услышал совершенно другую историю. Хавильдар рассказал, что с отрядом сипаев проходил через деревню Сань Юань Ли и увидел озлобленную толпу возле обнесенного забором хозяйства. Решив, что крестьяне осаждают продовольственный отряд, он дал приказ стрелять в воздух и, разогнав толпу, вошел в дом. Но там глазам его предстала совсем иная картина: вместо фуражиров он увидел английских солдат, пьяных и разнузданных, а по дому разносились истошные женские вопли.

Хавильдар узнал одного английского капрала, но не успел и рта раскрыть, как его вытолкали на улицу, приказав не лезть не в свое дело и держать язык за зубами. По возвращении в часть он доложил ротному командиру о происшествии. Это оказалось большой ошибкой, ибо на допросе

капрал во всем обвинил сипаев, и теперь они под следствием.

Кесри не знал, кому верить, но счел своим долгом ознакомить капитана Ми с версией мадрасцев. Тот выслушал и пожал плечами:

— Наверное, нет нужды говорить, что в подобных ситуациях всегда проще обвинить сипаев.

— Так точно, каптан-саиб.

— А в данном случае — слово мадрасского хавильдара против слова английского капрала.

Иных разъяснений не требовалось.

«Ибис» еще был далеко от Гонконга, когда на горизонте возникла темная туча. Захарий этому ничуть не удивился, ибо за неделю, проведенную в Вампоа, где готовился конвой торговых судов, подметил множество признаков надвигающегося ненастья. А барометр, стрелка которого все время пути неуклонно падала, отмел последние сомнения.

Шторм накроет побережье не раньше завтрашнего дня, прикинул Захарий, а стало быть, при удачном раскладе можно еще засветло добраться до Гонконга и нанести визит миссис Бернэм.

В гонконгской бухте «Анахита» попалась на глаза не сразу, хотя судов на стоянке было непривычно мало — видимо, шкиперы, убоявшись

шторма, перебрались в иное место. Конечно, сие разумное действие уменьшало опасность столкновения кораблей, однако весьма огорчило Захария, кому не терпелось свидеться с мадам.

Но оказалось, что «Анахита» не покинула бухту, а только укрылась за фрегатом «Друид». Шхуна стояла на якоре напротив нового склада мистера Бернэма, возведенного у Восточного пункта.

«Ибис» отдал якорь в кабельтове от «Анахиты», и Захарий, убедившись, что судно надежно закреплено и не дрейфует, приказал спустить баркас.

Уже через четверть часа он был на «дистанции оклика» от шхуны и, разглядев на ее палубе знакомое шафрановое пятно, крикнул, сложив ладони рупором:

— Это вы, бабу?

— Я самый, мастер Зикри! Как поживаете? Надеюсь, вы здравы и бодры?

— Благодарю, бабу, лучше некуда! Миссис Бернэм на борту?

— Истинно так, Берра-мемсаиб здесь!

— У меня сообщение от мистера Бернэма! Известите мадам о моем прибытии!

— Будет исполнено, мастер Зикри!

По забортному трапу Захарий поднялся на па-

лубу, где его встретил Ноб Киссин-бабу.

— Вы в курсе, что надвигается шторм? — спросил Захарий.

— О да, и в целях безопасности нынче вечером мы вместе с Берра-мемсаиб сойдем на берег. Для нее приготовлена комната на складе мистера Бернэма. Лишь команда останется на шхуне.

— Вот и хорошо. А где же миссис Бернэм? Вы доложили обо мне?

— Да, Берра-мемсаиб ожидает вас на квартердеке.

— Благодарю, бабу.

Миссис Бернэм стояла у фальшборта, любуясь закатом, который окрасил розовым ее белое дорожное платье и добавил блеска ее волосам.

Захарий замер. Мадам была до того хороша, что душа его заныла, точно старая саднящая рана, не дающая забыть о себе и о том, как она появилась.

— Я очень рада вам, мистер Рейд, — сказала миссис Бернэм, и слова ее будто сорвали коросту с болячки. Она рада мне лишь потому, что истомилась по новостям о капитане Ми, подумал Захарий, и вскипевшая в нем ревность уже грозила перелиться через край, ибо мысль эта была солью на раны.

— И я рад вас видеть, миссис Бернэм, — чопорно сказал он, стараясь совладать с собой. — Я здесь потому, что ваш муж просил передать сообщение.

— Какое же?

— Дела задерживают его в Кантоне. Он приедет, как только там все уладится. Видимо, недели через две.

Улыбка миссис Бернэм угасла, лицо ее стало озабоченным.

— Насколько я знаю, нынче в Кантоне весьма неспокойно. Я очень тревожилась за мистера Бернэма, за вас и… всех наших друзей.

Захарий не сдержал сардонической усмешки.

— Полноте, миссис Бернэм! Перед мной-то не надо изображать. Может, вы и тревожились, но только не о муже или обо мне.

— Вы ошибаетесь, мистер Рейд! Поверьте, я часто о вас думаю.

— Однако, держу пари, не так часто, как о капитане Ми. — Захарий уже не скрывал переполнявшую его злость. — Признайтесь, что именно он предмет вашего беспокойства.

— Да, среди всех прочих, я этого не отрицаю.

— Тогда вас, бесспорно, обрадует известие, что в нашу последнюю встречу он был жив и здоров.

— Правда?

Захарий был доволен, что застал мадам врасплох.

— Я не знала, что вы знакомы с капитаном, — сказала миссис Бернэм.

— Еще как знаком. Я с ним сошелся по указанию вашего мужа.

Удивление мадам было как маслом по сердцу.

— А что ему нужно от капитана?

— Я полагаю, вопрос риторический? Вам не хуже меня известно, что ваш муж всегда имеет пару карманных вояк. Вы сами о том рассказывали. Мистер Бернэм посвятил меня в детали сего прибыльного дела и поручил подъехать к капитану.

У миссис Бернэм округлились глаза.

— То есть вы попытались его подкупить?

— Именно.

— И что он ответил?

— Послал меня куда подальше. Даже пригрозил доложить обо мне начальству.

Миссис Бернэм, затаившая дыхание, шумно выпустила воздух.

— Другого я и не ожидала. — В голосе ее слышалась гордость. — Капитан равнодушен к деньгам и положению в свете.

Захарий дал ей секунду насладиться этой мыс-

лью и широко улыбнулся:

— Надеюсь, вы не слишком огорчитесь, узнав, что я все же сумел переубедить капитана.

Ошеломленной миссис Бернэм даже пришлось ухватиться за планшир.

— В каком смысле — переубедить?

— Лишь в том, что я заставил его передумать.

— Но как?

— Я сказал, что в ответ на небылицы обо мне он станет известен как соблазнитель чужих жен.

Миссис Бернэм ахнула и зажала рукой рот.

— Нет! Вы не осмелитесь!

— Вот тут вы ошибаетесь, миссис Бернэм, очень даже осмелюсь. Кроме того, я известил капитана, что не он один снискал вашу благосклонность.

— Нет! Я вам не верю!

— Напрасно. Это правда.

— И что он сказал?

Захарий рассмеялся.

— Капитан, как вам известно, горяч, и вы не удивитесь тому, что он был вне себя от ярости и даже, по-моему, хотел меня убить. Но я вновь его одолел.

— Каким образом?

— Я сказал, что сохранил все ваши письма, которые, случись мне умереть, найдут в моих

вещах. Иными словами, он погубит вас. Это был весьма трогательный момент, когда с него потребовали дань за чувство к вам.

Миссис Бернэм отерла глаза.

— Почему? Что произошло?

— Весь пыл его улетучился, он сдулся, точно проколотый пузырь. Капитан был сражен мыслью, что вы можете пострадать. Я понял, что теперь легко прибрать его к рукам. Ради вас он должен принять мое предложение, сказал я, пусть это будет его маленькой жертвой на алтарь любви.

Солнце зашло, и лицо миссис Бернэм казалось пепельно-серым.

— Что было потом?

— Я дал ему время на размышление, поскольку, на мой взгляд, мозг капитана не самый резвый из его органов. Не скрою, я таки сомневался, что он примет разумное решение. Но, признаюсь, капитан меня удивил: в нашу последнюю встречу он был вполне сговорчив и даже весьма кроток. Помнится, он сказал так: «Что от меня требуется?»

— О боже! — Миссис Бернэм прижала ладони к щекам. — Не могу поверить, что вы столь безжалостны, столь бессердечны, мистер Рейд!

— Но это всецело ваша заслуга, миссис Бер-

нэм, — парировал Захарий. — Именно вы обучали меня жестокости, а я, знаете ли, способный ученик.

Мадам покачнулась и, ухватившись за планшир, послала умоляющий взгляд:

— Мистер Рейд, вы должны освободить его от этой ужасной сделки.

— Сожалею, но от меня уже ничего не зависит. Теперь капитаном занимается ваш муж. Моей задачей было лишь захомутать его.

— Бедный, бедный Невилл! — Миссис Бернэм сглотнула рыдание. — Всего превыше он ценит честь, для него нет ничего страшнее, чем потерять ее.

— Ох, не сказал бы. Для него, да и для вас все обернется куда как хуже, коль мистер Бернэм прознает о ваших шалостях. — Захарий поскреб щеку. — А ему всего-то и надо, как перемолвиться с тем хавильдаром, от которого я все узнал. Наверное, будет нетрудно устроить их встречу.

— Вы этого не сделаете!

— Уж это зависит только от вас. — Захарий разглядывал свои ногти.

— Что вы имеете в виду?

— Я надеюсь, вы не забыли о некогда обещанной ночи любви перед нашим расставанием, — тихо

сказал Захарий. — По-моему, пора сдержать свое слово.

— Но… мистер… Рейд… — по слогам прошептала мадам, словно впервые произнося его имя. — Как можно этого требовать после всего, что вы сказали? Это немыслимо… невообразимо… Совершенно невозможно…

— Вполне возможно, миссис Бернэм. И вы это сделаете. Если капитан Ми приносит маленькую жертву на алтарь любви, почему бы и вам не последовать его примеру?

Миссис Бернэм обеими руками вцепилась в поручень, словно опасаясь упасть за борт.

— Что с вами стало, мистер Рейд? — чуть слышно проговорила она. — В кого вы превратились?

Захарий не замедлил с ответом:

— В того, кем вы желали меня видеть. Вы хотели, чтобы я стал современным, верно? И вот он я нынешний: человек безудержных желаний, которому неведомо слово «довольно». Всякий, кто стоит на пути моих желаний, враг моей свободы, и его ждет соответствующее обращение.

Миссис Бернэм беззвучно плакала.

— Мистер Рейд… Захарий… разве так можно? Ваше требование бесчеловечно… Только дьявол, чудовище измыслит подобное… Неужели вы

стали таким…

— Благодарите себя, миссис Бернэм. Не ваша ли это заслуга? Вы сами решили, что меня надо переделать по просвещенному образцу. Может, для нас обоих было бы лучше, если б вы оставили того работягу прозябать в непроглядном мраке, но вы своими руками вытащили его на свет божий, и теперь уже поздно что-либо менять. — Захарий смолк, глядя на темнеющее небо — туч еще не было, но ветер усилился. — Полагаю, вы знаете, что надвигается шторм. Как только он минует, я устрою наше свидание. Не беспокойтесь, все меры предосторожности будут соблюдены. А пока что поберегите себя — стихия, похоже, разыграется не на шутку. Хорошо, что вы сойдете на берег. В шторм корабль — не место для сухопутных крыс, в укрытии вам будет безопасно.

— Не тревожьтесь о моей безопасности, мистер Рейд. — Мадам отвернулась. — Вы же знаете, я смогу о себе позаботиться.

Вечером пришло сообщение, что шесть миллионов серебряных долларов наконец-то выплачены, деньги доставлены и хранятся на «Бленхейме».

Все четыре бастиона накрыло волной облегчения, впервые за долгое время Кесри спал крепко.

Однако спозаранку кто-то заорал ему в ухо:

— Хавильдар-саиб, *утхо*, просыпайтесь!

Еще только забрезжил рассвет, но капитан Ми, сказал вестовой, ожидает хавильдара в башне. Кесри торопливо натянул свежевыстиранную сорочку и красный мундир. Жара с духотой даже не думали спадать, и в башню он поднялся весь мокрый от пота, рубашка его противно липла к телу. С капитана тоже лило.

— Нам уготована очередная парилка, — сказал он, промокая лицо.

И все же нынче что-то изменилось: неподвижный воздух уподобился гнету, смолкли птицы и стрекот цикад, а горизонт на юге измарали иссиня-черные тучи.

— Похоже, сегодня грянет буря, сэр, — поделился предчувствием Кесри.

— Думаешь?

— Так точно, мощный ураган.

— Хуже времени не выбрать. Глянь-ка. — Капитан показал на подножие холма.

Рисовые поля на подступах к бастионам вновь кишели народом, только уже не беженцами, устремлявшимися на север, а вооруженными людьми. Откуда же их столько взялось всего за ночь?

— Армейские части, сэр?

— Нет, возможно, резервисты, но никак не регулярные войска.

Одолжившись у капитана биноклем, Кесри разглядел молодых парней вроде тех, что встречали фуражиров на входе в деревню, но только теперь их было намного, едва ли не в сотни раз, больше.

Вскоре капитана вызвали на совещание в штабе. Вернувшись, он сообщил: командование сочло необходимым что-то предпринять и для начала направило мандаринам требование убрать толпы перед бастионами.

Посланный переводчик вскоре доставил ответ: власти тоже встревожены, поскольку не имеют никакого отношения к стихийному сборищу крестьян и сами его весьма опасаются.

— Что ж, коль мандарины не в силах выдворить эту шушеру, — сказал капитан Ми, — нам, видимо, придется сделать работу за них.

С рассвета в небе над Гонконгом клубились черные тучи, оставив лишь узкий просвет на востоке. Вскоре на «Ибис» обрушились потоки дождя и морской воды, огромные волны били шхуну в корму.

Накануне Захарий предпринял все возможные меры предосторожности: шхуна встала на дополнительный якорь, были убраны паруса и реи,

проверены и перепроверены якорные канаты, задраены люки. Кроме того, он удостоверился в безопасной удаленности других судов — самой близкой соседкой была «Анахита», стоявшая в кабельтове, но, судя по всему, она тоже подготовилась к шторму.

Часа два ветер неистовствовал без устали. Потом небо чуть-чуть прояснилось, и когда волна приподнимала «Ибис», в иллюминаторы было видно, что́ стихия натворила на острове: вынесла на берег уйму лодок, разбив их вдребезги, разметала недавно возведенные домишки, повредила много строений. К счастью, склады Восточного пункта не пострадали, и, стало быть, миссис Бернэм была под надежной защитой каменных стен.

Около десяти утра, когда небо ничуть не утратило своего темного покрова в серых прожилках, «Ибис» вдруг задрал нос, и возникшая сильная болтанка не оставила сомнений в том, что один якорный канат лопнул.

Захарий предвидел нечто подобное и был к тому готов. По его команде матросы на время оставили помпы, перекатили на бак самую тяжелую пушку и, приторочив к ней канат, сбросили ее в воду. Результат не заставил себя ждать —

«Ибис» тотчас прекратил свое бешеное метание.

Захарий уж хотел вернуться в каюту, но зацепил взглядом «Анахиту» и обомлел: кормовые иллюминаторы шхуны, прежде задраенные, были распахнуты настежь. Прямо на его глазах вздыбившаяся громадная волна хлынула в «Хозяйские апартаменты».

Захарий понимал, что с открытыми иллюминаторами «Анахита» затонет. Наверное, матросы, занятые откачкой воды из трюма, не ведали о том, что случилось.

Как же их предупредить?

Семафор флажками или фонарем когда еще заметят, поможет разве что выстрел в воздух. В капитанской каюте Захарий выхватил из оружейного шкафа мушкет, бегом вернулся на палубу и лишь там сообразил, что в руках у него кремневое ружье. Оно не выстрелит, ибо порох и фитиль отсырели.

Корма «Анахиты» уже погрузилась в воду, иллюминаторы хозяйской каюты скрылись под волнами, утлегарь торчал под острым углом к водной поверхности. Умом Захарий понимал, что шхуне уже ничем не помочь, но не мог лишь стоять и смотреть, как она гибнет. Он вновь бросился в каюту за пистолетом, а вернувшись на

палубу, увидел, что все кончено: почти вся шхуна ушла под воду, и только ее изящный нос еще был устремлен к беснующимся небесам.

На мгновенье она будто зависла, прощаясь с белым светом. Сквозь завесу дождя Захарий увидел баркас, который, отвалив от шхуны, устремился к ближайшему причалу, и мысленно умолял гребцов приналечь на весла, чтобы их не засосало в воронку от затонувшего судна.

Уходя под воду, «Анахита» стала все быстрее и быстрее вращаться, возник водоворот, от него разбежались круги, которые, казалось, вот-вот настигнут баркас, но волна, подхватившая суденышко, вытолкнула его к берегу.

— Слава богу! — Сжав в кулаке нательный крест, рядом стоял второй помощник. — Ну хоть команда спаслась.

— И, благодарение Господу, сухопутные крысы загодя сошли на берег, — сказал Захарий.

А в восьмидесяти милях к северу, в Гуанчжоу, небо еще было ясным и на рисовых полях прибывало народу. Вскоре уже казалось, что войска в бастионах рискуют попасть в окружение.

В фортах всерьез готовились к бою. На перекличке второй роты сипаев выяснилось, что в строю лишь пятая часть ее списка, остальных

свалили лихорадка и дизентерия. Они же сильно проредили состав обозников, и потому к несению службы призвали всех, включая поваров и каптерщиков. В последний момент капитан Ми затеял проверку снаряжения, удостоверяясь, что у каждого бойца есть дождевик.

По сигналу трубы все подразделения выстроились перед четырехугольным бастионом. Первая, третья и четвертая бригады получили приказ немедленно спуститься с холма и занять позицию на рисовых полях. Вторая бригада, состоявшая из матросов и морских пехотинцев, оставалась на охране бастионов.

Узкие тропы препятствовали быстрому спуску, лишь к полудню три бригады вышли на позицию. В миле от них стояла толпа в четыре-пять тысяч человек, вооруженных вилами, острогами, косами, дубинами и баграми, у некоторых были сабли и кремневые ружья.

Командиры очень долго изучали диспозицию. Жара достигла апогея, но казалось, что с приближением грозовых туч зной только усиливается. На солнцепеке, где не было ни клочка тени, железные каркасы киверов раскалились не хуже печки. В солдатских рядах появлялись щербины, когда санитары оттаскивали потерявших созна-

ние бойцов.

Генерал Гоф решил переместить свой штаб на пригорок, наделенный пятнышками тени. Солдаты видели, как по дороге к нему два офицера покачнулись и едва не упали. Один из них, сам генерал, выправился и смог самостоятельно добраться до места, а вот второго вели под руки, и на пригорке он рухнул ничком. Позже выяснилось, что это был генеральский заместитель по тылу, и он почти сразу умер от удара, спровоцированного жарой.

Инцидент стал причиной новой задержки, и, казалось, минула вечность, прежде чем генерал Гоф наконец-то отдал распоряжения. Войскам было приказано разогнать сброд, действуя с разных направлений. Четвертая бригада выдвигалась прямо по центру: камеронианцы на левом фланге, мадрасские и бенгальские сипаи на правом.

Лежавшие впереди поля были залиты водой. По приказу капитана Ми солдаты с ружьями наперевес стали медленно пробираться по чавкающей слякоти. Толпа попятилась, однако, даже отступая, прирастала числом. Упершись в земляную насыпь на краю поля, она остановилась, на фоне потемневшего неба читаясь многоголовым силуэтом. Солнце давно миновало зенит. На левом

фланге камеронианцы скрылись за скоплением хижин. Три сотни сипаев стояли перед шести-семитысячной толпой.

Солдатам, измученным долгим переходом по слякотным полям, требовалась передышка. Пока они приходили в себя, подтянувшиеся водоносы успели раздать воду. И тут вдруг толпа ринулась вперед, потрясая дубинами и паля из ружей.

Меж тем в тылу сипаев уже развернулась орудийная батарея. В воздух взмыли ракеты Конгрива; вспахивая толпу, они оставляли в ней борозды из трупов, однако не остановили ее продвижения.

Теперь отступали сипаи, но, обремененные тяжелым снаряжением, двигались медленнее противника. Когда расстояние между противоборствующими сторонами сократилось до броска камня, сипаи получили приказ изготовиться к бою.

Их первый залп, скосивший передние ряды, заставил толпу притормозить. Небо уже потемнело, поднялся дикий ветер. Молния прорезала тучи, и под аккомпанемент раскатов грома дождь сразу, без всяких уведомительных капель, хлынул мощными струями. Окрестность как будто подверглась обстрелу водяными ракетами.

Сипаи вымокли насквозь, прежде чем достали дождевики.

Кремневые ружья стали бесполезны, теперь сипаи могли воевать только штыками и саблями, которые были много короче неприятельских вил и острог. Лишь буря, единственный союзник волонтеров, хоть как-то сдерживала натиск разъяренной толпы.

Сквозь рев ветра Кесри расслышал голос капитана, кричавшего ему в самое ухо: получен приказ установить связь с камеронианцами, с ним отправятся хавильдар и взвод сипаев.

— И нам понадобится вестовой!

— Слушаюсь, каптан-саиб.

Прикрываясь от хлещущего дождя, Кесри глянул на малочисленных обозников, сумевших не отстать от роты, и поманил Маддоу:

— Боец, ко мне! Быть рядом!

На Гонконге дождь лил не переставая, хотя ураган, прогулявшийся по бухте, уже унесся на север, к Кантону. Вскоре бешеный ветер стих, и горы волн уступили место пенистым барашкам. Как только всякая опасность миновала, Захарий приказал спустить баркас и велел гребцам держать к причалу перед новым складом Бернэма.

Само здание не пострадало, но подойти к нему

оказалось нелегко, ибо все вокруг было завалено разномастными обломками. Захарий долго стучал в дверь, прежде чем ему открыли.

Несколько мигающих ламп тускло освещали огромную пещеру склада. Одни моряки с «Анахиты» стояли на коленях, совершая намаз, другие забились в угол и, обхватив себя руками, старались унять дрожь.

— Мастер Зикри!

Увидев поспешавшего к нему Ноб Киссина-бабу, Захарий тотчас спросил о том, что не давало ему покоя:

— Где миссис Бернэм? Вы говорили, здесь для нее приготовлена комната.

Гомуста замедлил шаг и покачал лопоухой головой:

— Мне так жаль…

— Что вы тут мямлите? — рявкнул Захарий. — Где она? Отвечайте же!

Ноб Киссин все качал головой, как китайский болванчик.

— Мне очень жаль…

Захарий схватил его за плечи и сильно встряхнул.

— Мне недосуг выслушивать вашу болтовню, просто скажите, где миссис Бернэм.

— Так я и пытаюсь, мастер Зикри…

Оказалось, в последнюю минуту миссис Бернэм передумала, решив переждать шторм на «Анахите». Дескать, она вполне уверена в матросах и не позволит какому-то ненастью ее запугать. Гомуста как мог ее отговаривал, но она в своей обычной властной манере велела ему замолчать. Спорить с ней было бесполезно. Подчиняясь приказу, Ноб Киссин вместе со всеми покинул шхуну и укрылся на складе.

Об остальном он узнал от матросов, спасшихся с тонущей «Анахиты».

Утром миссис Бернэм колокольчиком вызвала стюарда и велела подать чай в хозяйскую каюту. Вернувшись с подносом, стюард увидел ее в кресле возле иллюминатора. К тому времени ветер уже разгулялся, и она сказала, что хочет понаблюдать за приходом шторма.

А потом команде было уже не до нее. Лишь когда шхуна стала тонуть, боцман бросился к хозяйской каюте. Дверь не открывалась, ее, видимо, заклинило обломками мебели, на стук никто не отзывался. Боцман побежал за топором, но к его возвращению корма уже ушла под воду, коридор затопило. Попытайся боцман добраться до каюты, он бы утонул. Все было кончено.

— Мастер Зикри…

Ноб Киссин стоял рядом, но Захарию казалось, что голос его доносится из далекого далека.

— …перед тем как я сошел с «Анахиты», миссис Бернэм передала мне письмо. К вам. Просила, чтоб я непременно его доставил.

— Где оно?

— Вот, в целости и сохранности.

Захарий отошел в сторонку и, сломав печать, прочел письмо.

Капитан Ми вел взвод, Кесри шел замыкающим. Свой бесполезный мушкет он отдал Маддоу и держал в руке саблю.

На полях, превратившихся в бескрайние озера, межи скрылись под водой, и теперь единственным ориентиром служили скопления хижин, еле видимые за стеной дождя. До вечера было еще далеко, но темное небо уже казалось ночным.

Уловив какой-то звук, Кесри обернулся и, вглядевшись, различил нечеткие очертания перемещающихся фигур. «Слава богу, камеронианцы», — с неимоверным облегчением подумал он, и тут в плечо его ударил камень, пролетевший сквозь стену дождя. Значит, сброд шел по пятам.

— Стой! Стой! — крикнул Кесри, и тотчас рядом с ним возник капитан Ми с обнаженной саблей в

руке. — Неприятель сзади, сэр.

Едва он это сказал, как сам понял поспешность своего вывода: размытые силуэты были не только сзади, они были повсюду. Острие заточенного кола, вдруг выскочившего из дождевой завесы, едва не проткнуло ему грудь, но сабля капитана успела его отбить.

Под градом камней, летевших сквозь водяные струи, Кесри почувствовал, как что-то цапнуло его за ногу, и, опустив взгляд, увидел здоровенный крюк. Взмахом сабли он перерубил нацеленный на него багор. Но вот другого солдата такой же багор зацепил и поволок по грязи.

Сипаи успели вызволить товарища и помогли ему подняться на ноги.

— Каре! — крикнул капитан Ми. — Встать в каре!

Увязая в грязи и прикрывая руками головы от шквала булыжников, сипаи встали плечом к плечу, каре ощетинилось штыками.

— Здесь мы открыты, надо уходить, — донесся голос капитана. — Слева от нас дома, будет какая-никакая защита с тыла. Взвод, за мной! Кесри, прикрываешь отход!

— Есть, каптан-саиб!

В темноте хоть глаз коли только вспышки мол-

нии позволяли что-либо разглядеть. Пятясь вслед за взводом, Кесри держал саблю наготове.

Под обстрелом водяных ракет взвод пробрался через слякотное поле и, ощутив наконец твердую землю под ногами, смог прибавить шаг. Обернувшись, Кесри его уже не увидел и понял, что должен поторопиться, чтобы догнать своих.

И тут вдруг справа вылетела нацеленная в него острога. Ударом сабли Кесри ее отбил, срубив острие. А потом левая нога его, даже не уведомив болью о ране, подломилась, и он грузно упал навзничь. Вспышки молнии высветили окружавших его людей с кольями и острогами.

Кесри стиснул эфес сабли. Он понял, что ему, как говорится, вышел номер, но ощутил не страх, а только печаль, что это случилось вот так, что он принимает смерть от рук людей, с которыми у него нет никого раздора и которые даже не солдаты, но всего лишь защищают свои дома, как делал бы и он у себя на родине.

Кесри полоснул саблей метнувшуюся к нему тень. Он успел почувствовать, как клинок вонзается в плоть и крушит кость, а в следующий миг его собственный бок ожгло болью. Кесри хотел откатиться в сторону, но удар вилами пригвоздил его руку, вышибив из нее саблю. Безоружный и

беспомощный, он распростерся на земле и вдруг услышал низкий горловой голос, окликавший его по имени:

— Кесри Сингх-джи!

— *Ха! Яха!* Сюда, я здесь! — заорал Кесри.

— Хавильдар-саиб! — Это был голос Маддоу.

В ответ Кесри лишь простонал. Поводя ружьем с примкнутым штыком, гигант присел на корточки рядом с Кесри.

— Я возьму вас на закорки, хавильдар-саиб, обхватите меня за шею.

Приникнув к широкой спине великана, Кесри почувствовал, как его поднимают; Маддоу шел осторожно, уставив штык в темноту.

Лишь теперь Кесри ощутил жгучую боль в ноге. Видимо, порвано сухожилие, подумал он, и от мысли этой боль, накатывавшая волнами, стала просто нестерпимой. Потом сквозь туман в голове пробился голос капитана Ми: «Черт возьми, хавильдар, ты весь в крови...» — и Кесри понял, что он у своих, лежит в середине каре, а взвод отбивает неприятельские атаки.

— Ступайте к солдатам, каптан-саиб, — сквозь стиснутые зубы проговорил Кесри. — Маддоу за мной приглядит.

Капитан кивнул и растворился в темноте. Меж

тем великан распорол на Кесри рейтузы.

— *Бахут кхоон ба*, кровь течет сильно, — сказал он. — Нужна повязка.

Маддоу стянул с себя рубаху, разодрал ее на полосы и перевязал раненого. Потом что-то достал из кармана и сунул ему в рот. В нос Кесри ударил густой, приторно-сладкий запах опия.

Зелье стало как будто ответом на молитву: боль мгновенно отступила, дыхание выровнялось.

Через минуту вновь донесся голос капитана:

— Ну как ты, хавильдар?

— Сносно, каптан-саиб. Как там ребята?

— Стараются, да только не знаю, сколько еще мы продержимся без ружей. Эта шваль повсюду.

Кесри, окутанный удивительным покоем, вдруг кое-что припомнил из своей сипайской юности.

— Дайте мне дождевик, каптан-саиб! — крикнул он. — Я попробую один фокус — может, получится.

Вместе с Маддоу он соорудил подобие палатки из двух дождевиков. Потом выковырнул отсыревший заряд из своего ружья и попросил великана раздобыть сухие тряпицы. Тот снял тюрбан и с его изнанки оторвал несколько кусков ткани, не успевшей промокнуть. Скрутив их в жгуты, Кесри насухо протер ствол и ружейный замок. Затем

позвал капитана и сказал, чтобы тот попытался выстрелить, укрывшись дождевиком.

Чуть погодя щелкнул выстрел, послышались испуганные вскрики. Капитан просунулся в палатку:

— Что ж, на время это их отпугнет. Повторить сможешь, хавильдар?

— Уже сделано, каптан-саиб.

Кесри передал мушкет капитану, и тут вдали грохнул выстрел, следом другой.

— Это капсюльные ружья! — вскинулся Кесри.

— Точно! — возликовал капитан. — Камероницы! Они услыхали наш выстрел!

Поняв, что помощь близка, Кесри позволил себе расслабиться. Когда подошли камероницы, он был без сознания.

Мой дорогой Захарий,

Пишу в спешке…

Я не знаю, каким поступком или какими словами убедить тебя, что я не желала причинить тебе боль. Если порой я была бессердечной и капризной, то лишь потому, что понимала: лучшим выражением моей любви станет предоставленная тебе свобода для поиска своего пути в жизни. Ты же знаешь, я глупое, суетное и несчастное создание, и я хотела избавить тебя от бед и позора,

которые навлекала на всех, кого любила. Но и в этом своем стремлении я была глупа и суетна, лишь теперь я понимаю, что есть только один действенный способ отпустить тебя на свободу…

На прощанье прошу об одном: позаботься о Полетт, чьи надежды на счастье я тоже порушила. Ты уже крепко стоишь на ногах и, несомненно, добьешься большого успеха, а вот ей придется несладко. Если хоть что-нибудь я для тебя значу, ты исполнишь то, что не успела я: загладишь мою вину.

Я надеюсь, что когда-нибудь ты простишь себя и женщину, которой злосчастная судьба предначертала быть

Твоей Кэти.

29 мая 1841 г.

Глава 22

После бури английские войска перегруппировались и, собрав свои заблудившиеся подразделения, спешно отступили в укрытие четырех бастионов.

Однако противостояние далеко не закончилось, демонстрация враждебных намерений длилась еще два дня: двадцать пять тысяч крестьян, подчинявшихся только своим вожакам, упорно стояли под знаменами своих деревень.

Контрмерами английского командования стали новые ультиматумы мандаринам с угрозами атаковать город, если толпа не рассеется. Грозные посулы возымели действие, и китайские власти, наконец вмешавшись, уговорили крестьян разойтись по домам. И лишь тогда английские войска оставили высоты над Кантоном.

Обо всем этом Кесри узнал гораздо позже: волонтеры еще томились в бастионе, когда у него началась гангрена и ему отняли выше колена левую ногу.

Накачанный морфием, он мало что помнил о том времени. Но однажды, в минуту просвет-

ления, увидел стоявшего над ним капитана Ми. Заметив, что Кесри открыл глаза, тот сказал:

— Здравствуй, хавильдар. — Голос его дрогнул. — Ну как ты?

— Живой, каптан-саиб, — прошептал Кесри.

— Жаль, что так вышло.

— Жалеть не о чем, каптан-саиб. Вот он я, хоть не думал, что уцелею.

— И мне бы, наверное, конец, если б не ты. Камеронианцы вряд ли подоспели бы, не сообрази ты с ружьем. Поди знай, чем бы оно все закончилось.

— Нам повезло.

— Дело не в везенье. Ты всех нас спас. Командующий представил тебя к награде за храбрость.

— Рад стараться, каптан-саиб.

— Завтра возвращаемся на транспортный корабль, что стоит у Вампоа. Потом тебя переправят на Гонконг. Там о тебе позаботятся, и я договорился, чтобы у тебя была отдельная комната. Компанию тебе составит пушкарь Маддоу, он сам попросился в сопровождающие.

— Благодарю, каптан-саиб, я тронут.

— Не за что, все по твоим заслугам. — Капитан похлопал Кесри по плечу. — Я навещу тебя, как только окажусь на Гонконге. Ну, до скорого.

— Спасибо, каптан-саиб.

Последующие дни Кесри помнил плохо, за исключением того, что рядом неизменно был Маддоу, который переменял ему нательное белье, обрабатывал культю, выносил судно и давал морфий.

Однажды, вынырнув из забытья, Кесри спросил:

— *Батавела*, скажи, почему ты со мной возишься? И почему вернулся, когда меня свалили? Это же не твое дело, ты не солдат. Ты понимал, что можешь погибнуть?

Маддоу долго молчал и наконец ответил:

— Я делал это ради вашей сестры, Кесри Сингхджи. Иначе не смог бы смотреть ей в глаза.

— Ты говоришь о Дити?

— О ней.

Вот все и разъяснилось. Перед глазами Кесри, уплывавшего обратно в забытье, возник образ Дити, и он понял, что сестра вновь управляет его судьбой.

Сперва казалось, что миссис Бернэм, заточенная на «Анахите», сгинула безвозвратно. Но через двое суток после шторма, в тот день, когда мистер Бернэм вернулся на Гонконг, ее тело нашли на берегу восточной оконечности бухты.

Мистер Бернэм был раздавлен горем, органи-

зацией похорон занимались Захарий и Дафти; местом упокоения выбрали протестантское кладбище в Макао, куда на другой день и переправили покойницу в срочно купленном гробу. Ближе к вечеру состоялось погребение, на которое пришло много народу.

Во время прощания Захарий выглядывал Полетт, но увидел ее лишь по окончании церемонии. В дальнем конце кладбища она сидела на обросшем мхом надгробии, уткнувшись лицом в платок. Захарий подошел неслышно, не дав ей возможности скрыться.

— Мисс Полетт…

Девушка подняла заплаканное лицо:

— Что вам?

— Позвольте присесть?

Полетт пожала плечами и вновь закрылась платком, давая понять, что сейчас ей все безразлично. Захарий прокашлялся.

— Знаете, миссис Бернэм хотела, чтобы мы помирились. Она сама мне о том сказала.

— Что-что? — выглянув из-за платка, удивленно спросила Полетт.

— Именно так. И еще настоятельно просила позаботиться о вас.

— Вот как, мистер Рейд? А мне она сказала со-

всем другое.

— Что же?

— Что я — ваша единственная надежда и должна за вами присмотреть.

Повисло молчание. Потом Захарий сказал:

— Могу ли я хотя бы взглянуть на ваш питомник?

— Как вам угодно. Я не против.

— Спасибо, мисс Полетт. Я уверен, миссис Бернэм была бы довольна.

В следующий раз Кесри и капитан Ми свиделись на Гонконге, куда вернулись бенгальские волонтеры.

К тому времени Кесри провел неделю в новом военном лагере, отстроенном на острове. Одним вечером он дремал в постели, когда дверь его комнаты распахнулась, едва не загасив мигающее пламя свечи. Сперва Кесри подумал, что, покончив с делами, вернулся Маддоу, но потом в силуэте, возникшем в дверном проеме, узнал капитана Ми. Растрепанного командира слегка покачивало, в руках он держал кожаный саквояж.

Страдая от жары, Кесри лежал неприкрытый и теперь, желая избавить капитана от зрелища своей культи, зашарил рукой, безуспешно отыс-

кивая простыню. Кончилось тем, что капитан сам поднял ее с пола и накрыл его.

— Прости, что вот так вваливаюсь к тебе, хавильдар, — нечетко выговорил Ми, от него попахивало спиртным.

— Пустяки, каптан-саиб, я рад вас видеть.

Капитан кивнул и, выронив саквояж, плюхнулся на стул возле кровати. В свете свечи стали видны его осунувшееся лицо и воспаленные глаза в темных окружьях. Подтянувшись, Кесри сел повыше.

— Как вы, каптан-саиб?

Ми не ответил, но согнулся и, упершись локтями в колени, спрятал лицо в ладонях. Кесри ошеломленно понял, что капитан плачет. Не шевелясь, он ждал, что будет дальше.

Но вот плечи гостя перестали вздрагивать, и тогда Кесри спросил:

— Что случилось, каптан-саиб?

Ми поднял еще больше покрасневшие глаза:

— Наверное, ты не знаешь про Кэти… миссис Бернэм…

— Что с ней, сэр?

— Умерла.

— Не может быть!.. — воскликнул Кесри, потрясенный известием. — Как… когда?..

— В шторм она была на корабле, который затонул. Это все, что я знаю.

— Каптан-саиб… я… — Кесри не находил слов, — я не могу…

Ми оборвал его резким жестом.

— Все понятно, не надо ничего говорить. — Он поднял саквояж. — Я тут кое-что тебе принес.

— Мне? — удивился Кесри.

— Да. — Капитан всунул саквояж ему в руки. — Открой.

Чемоданчик был очень тяжел, и Кесри, возясь с замком, услышал, как в нем что-то звякает. Капитан поднес свечу, Кесри заглянул в саквояж и тотчас отвернулся, не веря своим глазам. Затем опять посмотрел и вновь чуть не ослеп от блеска золотых украшений и серебряных монет.

— Что это, каптан-саиб?

— Здесь моя доля трофеев, да еще вчера нам выплатили долги по денежному довольствию. Об остальном не спрашивай.

— Но… я не могу это принять.

— Можешь. Я твой должник.

— Нет, тут гораздо больше. Я в жизни столько не зарабатывал. Не возьму.

Капитан встал.

— Бери, — жестко сказал он. — Я хочу, чтоб это

было твоим.

— Но… — начал Кесри.

Ми хлопнул его по плечу:

— Прощай, хавильдар.

— Почему — прощай? — опешил Кесри, но дверь за Ми уже захлопнулась.

Расстроенный его столь резким уходом, Кесри прокручивал в голове последние слова капитана, и они все больше его тревожили. Беспомощный калека, он старался найти способ предотвратить возможное несчастье. Может, обратиться к кому-нибудь из офицеров? Но вряд ли кто ему поверит, если только не выложить всю правду о капитане и миссис Бернэм, что совершенно невозможно. Пожалуй, его сочтут вруном — откуда все это известно простому хавильдару?

Вернулся Маддоу.

— Ты знал о смерти Бернэм-мемсаиб? — спросил Кесри.

— Да, слышал.

— Почему же не сказал мне?

— Я думал, скажу позже, Кесри-джи. Как вы узнали?

— Приходил каптан-саиб…

Если б не мучительная фантомная боль, Кесри отказался бы от медикаментов. Предчувствие

дурного было столь острым, что лучше бы ему не спать. Но к ночи он не вытерпел, принял дозу морфия и, одурманенный, провалился в глубокий сон, от которого через пару часов его пробудил Маддоу.

— Кесри-джи! — Великан тряс его за плечо. — Проснитесь!

— *Каа хорахелба*, что стряслось?

— Понимаете… Ми-саиб…

Кесри сел в кровати и протер глаза, пытаясь разогнать дурман.

— Что с ним?

— Несчастье. Каптан-саиб чистил пистолет. И тот выстрелил.

— Как он? Рана тяжелая?

— Он убит, Кесри-джи.

Цепляясь за руку великана, Кесри попытался выбраться из постели.

— Помоги встать. Мне надо к нему. Я хочу его видеть.

Костыль он еще не освоил, а потому обхватил Маддоу за плечи и запрыгал к офицерским палаткам, где суетились караульные и денщики.

Перед палаткой Ми дорогу преградил сержант из ирландского полка:

— Назад!

— Дай пройти, — сказал Кесри. — Он мой ротный командир.

— Извини, приказано никого не пускать.

Поняв, что с сержантом не сладить, Кесри отвернулся и, вздохнув, пробормотал будто самому себе:

— *Абх то вох унке хайн*, теперь он не наш, он их.

С помощью Маддоу хавильдар приковылял в свою комнату и рухнул на койку. Хоть морфий еще действовал, сна как не бывало. Вспоминались долгие годы с капитаном, сражения, через которые они вместе прошли. Ужасно горький конец для того, кто достоин солдатской смерти на поле боя. Ради чего истрачены жизни капитана и самого Кесри? Ради пенсии? Наград?

Кесри открыл саквояж и, зачерпнув горсть монет, пропустил их сквозь пальцы: тут много больше положенной ему пенсии.

Внезапно ожгла мысль: сослуживцы капитана, конечно, знают, что давеча тот получил большие деньги, и беспременно станут их искать, а потом, ничего не найдя, затеют расследование.

И что будет, когда саквояж, набитый золотом и серебром, обнаружат у Кесри? Кто поверит, что капитан одарил своего хавильдара таким

богатством?

И тогда денежки тю-тю.

Ну уж нет, лучше утопить саквояж в море, чем отдать этим сквалыгам.

Повернувшись на бок, Кесри шепотом окликнул Маддоу:

— Эй, ты не спишь?

— Нет, Кесри-джи. Что, болит? Дать еще лекарства?

— Не надо. Я хочу кое о чем спросить.

— Слушаю, Кесри-джи.

— В тот день, когда пропал мальчишка-флейтист…

— И что?

— Ты же ему помог, верно? Устроил побег, сговорившись с теми китайцами, да?

— Зачем вам это знать? — тихо спросил Маддоу.

— Я вот чего подумал. Может, ты еще разок к ним обратишься и мы с тобой тоже смоемся? Как по-твоему, это возможно?

Через две недели после шторма, 14 июня 1841 года, на Гонконге, захваченном англичанами, состоялся первый земельный аукцион.

Объем торгов был меньше, чем ожидалось, всего пятьдесят участков, каждый со стороной

в сто футов, смотрящей на море, и все вдоль Королевской дороги, единственной транспортной артерии острова. Власти заранее уведомили, что расчет будет в фунтах стерлингов. Поскольку испанские доллары еще имели широкое хождение, был установлен твердый обменный курс: за один серебряный доллар давали четыре шиллинга и четыре пенса. Правила предписывали, что начальная цена лота составит десять фунтов, а шаг аукциона — десять шиллингов. Кроме того, всякий был обязан в течение полугода с момента покупки возвести на участке здание стоимостью не менее тысячи долларов, гарантией чего служил залог в пятьсот долларов, внесенный в казну.

Подобные условия были под силу немногим, и все равно событие привлекло большое число зрителей с кораблей, стоявших в гонконгской бухте. В новый склад Ланселота Дента на Восточном пункте, месте проведения аукциона, пришла толпа пассажиров, суперкарго, помощников капитана, боцманов и даже юнг, которые не могли участвовать в действе, но желали хотя бы вдохнуть аромат богатства.

Председательствовал мистер Джон Роберт Моррисон, исполняющий обязанности секретаря и

казначея Торгового представительства. Наплыва покупателей не ожидалось, и оттого перед трибуной поставили всего два-три ряда стульев. Когда двери склада открылись, мистер Моррисон распорядился, чтобы к стульям пропускали только участников аукциона, а зрителей направляли к огороженным канатом стоячим местам на задах помещения.

Начавшись, торги сразу взяли хороший темп. Некоторые торговцы уже получили свою долю из выплаченной китайцами компенсации в шесть миллионов долларов и пополнили отряд толстосумов.

Один из самых крупных лотов, участок в 30 600 квадратных футов, ушел за 265 фунтов стерлингов, за другой, еще больший лот в 35 000 квадратных футов, дали 250 фунтов стерлингов, поскольку его местоположение было менее привлекательным. Мало какие участки набрали сумму ниже двадцати пяти фунтов, почти все получили цену вдвое больше. Непроданным остался лишь один лот.

Парсы, чуть ли не самые активные покупатели, приобрели не менее десяти лотов. Бомбейское семейство Рустом-джи перещеголяло всех прочих, купив участки общей площадью 57 600

квадратных футов. Один только сет Хормуз-джи Рустом-джи закупил шесть лотов в 36 000 квадратных футов, отдав 264 фунта.

Вторым крупным покупателем стала компания Джардина и Мэтисона, которая за 565 фунтов приобрела три смежных участка общей площадью 57 150 квадратных футов. Мистер Дент, от которого ожидали подобного же размаха, разочаровал участников, потратив всего 144 фунта на два лота скромной площадью в 14 800 квадратных футов.

В виде исключения двум потенциальным покупателям разрешили зарезервировать за собой участки, оформив покупку позже. Одним из них был мистер Пенроуз, он же Хорек, который по состоянию здоровья не мог присутствовать на торгах. Другим — Задиг-бей, носивший траур по крестнику. На аукцион он пришел вместе с Ширин, но в торгах они не участвовали.

Их первое совместное появление на публике многие восприняли как объявление о предстоящем бракосочетании. Когда пара перешагнула порог склада, кое-кто из присутствующих затаил дыхание в предвкушении зрелища: соплеменники подвергают Ширин остракизму.

Однако их ждало разочарование, парсы и не думали чураться Ширин, но, оказав сердечный

прием, вступили с ней в задушевную беседу, не оставившую сомнений в том, что они вполне примирились с ее выбором нового мужа из иноверцев.

Ширин тоже успела получить компенсацию потерь, понесенных ее покойным супругом в опийный кризис двухлетней давности. Бóльшую часть денег она перевела в Бомбей для оплаты мужниных долгов, а еще послала значительные суммы дочерям. Но даже после этих издержек у нее остался внушительный капитал, исчислявшийся десятками тысяч серебряных долларов.

Многие знали, что она богата, и потому были удивлены ее пассивностью на аукционе. Когда она поздравила сета Хормуз-джи Рустом-джи с удачным приобретением, тот, не удержавшись, спросил, почему она не участвовала в торгах.

— Я решила дождаться, когда на продажу выставят склоны Горы Спокойствия, — сказала Ширин.

— Зачем они вам?

— Здешний воздух весьма целебен, и потому я намерена основать на этой земле общественную больницу имени Бахрама Модди.

В конце торгов выяснилось, что лоты с шестнадцатого по двадцатый зарезервированы

анонимным покупателем. Изрядная площадь наделов взбудоражила любопытство участников.

По окончании аукциона, когда зрителей выпроводили из помещения, а слуги мистера Дента подали шампанское удачливым покупателям, мистера Моррисона забросали вопросами о личности анонима. Отговорки, что он не вправе предать имя гласности, не возымели действия, гомон только усилился, и председатель, сдаваясь, вскинул руки:

— Могу только сказать, господа, что покупатель этот среди нас. Если ему угодно открыть свое имя, пусть он сам это сделает.

Гул тотчас стих. В полной тишине мистер Бернэм, с головы до пят в траурном одеянии, вышел вперед и обратился к собравшимся:

— Дамы и господа, я признателен мистеру Моррисону за столь ревностное исполнение моей просьбы о конфиденциальности. Она была продиктована вовсе не желанием ореола таинственности, оглашение имени покупателя потребовало бы еще одного объявления, казавшегося неуместным во время траура. Однако сейчас я понял, что никто не возрадовался бы ему больше моей любимой покойной супруги, а потому нет нужды откладывать дело в дол-

гий ящик. — Жестом подозвав к себе Захария, мистер Бернэм взял его за плечо. — Господа, я имею удовольствие сообщить, что покупателем лотов с шестнадцатого по двадцатый стал новый, недавно созданный субъект, а именно фирма «Бернэм и Рейд». — Он сделал паузу, пережидая аплодисменты. — Я допустил бы оплошность, не упомянув еще одну составляющую новой компании, которая возникла лишь сегодня и которая, я уверен, весьма укрепит наше детище.

Мистер Бернэм вновь сделал приглашающий жест, и рядом с ним встал человек в безупречно скроенном костюме. По рядам внимавшего собрания пробежала легкая рябь, ибо он оказался китайцем.

— Дамы и господа, с особой гордостью я извещаю, что отныне фирма «Бернэм и Рейд» тесно сотрудничает со своим добрым другом мистером Ленардом Чаном.

Ухватив правую руку Захария и левую Чана, мистер Бернэм победоносно воздел их в воздух.

Одним из немногих зрителей, так и не покинувших склад, был Ноб Киссин-бабу, притаившийся в темном уголке. Когда троица дельцов триумфально вскинула руки, сердце его переполнилась радостью, ибо великое действо подошло к своему

логичному завершению.

От воспоминания о первой встрече с Захарием на борту «Ибиса» на глаза гомусты навернулись слезы. Столь скорое преображение наивного добродушного юноши в идеальное олицетворение эпохи Кали-юга казалось истинным чудом, и было приятно сознавать, что его, Ноб Киссина, скромная персона способствовала сей трансформации. Конечно, он сознавал свою невеликую роль в триумфе ликующего трио, однако ничуть не сомневался, что с приходом Судного дня и явлением Калки в земном обличье ему отдадут должное в приближении пралаи[104] на пару десятков лет как минимум. И этого достаточно, словесные излияния ему не нужны. С него довольно и того, что он первым среди соотечественников осознал предначертанную им судьбу: во имя ускорения конца света служить верными помощниками избранным предтечам Калки.

Ноб Киссин подумал о том, что именно «Ибис», удивительное средство преображений, направил его по судьбоносному пути, и преисполнился неудержимым желанием еще раз взглянуть на благословенное судно. В развевающемся шафра-

[104] Примечания: 104

Пралая — период отсутствия активности во Вселенной, который длится 4,32 миллиарда земных лет.

новом балахоне он выбежал на берег и узрел очередное чудо: «Ибис», последнее время стоявший на якоре у Восточного пункта, исчез.

В святилище Дити на утесе Ле-Морн-Брабан, вознесшемся в юго-западной оконечности Маврикия, особая пещера была отведена эпизоду из жизни Маддоу Колвера, известному как «Побег». В семействе Колверов эту часть Поминального храма любили все, а малыши особенно. Во время ежегодного паломничества на утес, что устраивали в Большие выходные, семья, затаив дыхание, ждала момента, когда Дити укажет на стилизованное изображение сампана с шестью узнаваемыми путниками: серангом Али (кроваво-красный рот), Джоду (три брови), Нилом (связка дневников), Раджу (кивер флейтиста), Кесри (традиционный мушкет) и, конечно, самим патриархом Маддоу Колвером.

— Вот, глядите! — восклицала Дити, и вся толпа свояков, свояченицы, золовок и прочих деверей завороженно следила за ее пальцем, который, двигаясь по рисунку, повторял путь сампана от Коулуна до безлюдного «Ибиса» (второй помощник отправился на земельный аукцион, а матросы сошли на берег или дрыхли). — Вот оно как! — Затем палец указывал на серанга Али: — А

это тот самый башковитый хитрован, придумавший план побега. Вот, смотрите, он забирается на палубу, следом за ним Джоду и Маддоу. Запереть матросов в кубрике — плевое дело, и вот Кесри, Раджу и Нил тоже на борту.

Вмиг поднятые паруса наполнены ветром, торги еще не закончились, а шхуны уж и след простыл…

Эпилог

Приступая к рассказу о компании на борту «Ибиса», автор рассчитывал включить в него материалы, послужившие фундаментом повествования, а именно архив Нила, который состоит не только из его дневников и отрывочных записей, но и большого собрания книг, рисунков и документов, накопившихся за те годы, что в партнерстве с Комптоном (Лян Куэй Чуанем) он держал печатню в Шанхае.

На взгляд автора, спасение архива — самая интересная часть всей истории, и он лелеял надежду, что сцены эти станут кульминационным тамам-шудом[105] его хроники. Но чтобы последовательно к ним подойти, описание должно охватить почти целый век вплоть до годов, предшествующих началу Второй мировой войны, когда правнуки Нила тайком вывезли из Китая самую важную часть архива.

К сожалению, на деле оказалось, что за десять

---

[105] Примечания: 105

Тамам Шуд — до сих пор не раскрытое уголовное дело по факту смерти неизвестного человека на пляже австралийской Аделаиды 1 декабря 1948 года.

лет усердного труда автору удалось охватить период лишь в четыре года — с 1838-го по 1841-й. С учетом того, что последующие события растянулись почти на столетие, автор вынужден признать: за оставшиеся ему годы он вряд ли справится с задачей представить уцелевший архив в полном объеме. Но поведать о том поспешно, нарушая череду событий, было бы предательством замысла, и потому уж лучше пусть все это останется навеки нерассказанным, нежели будет рассказано в этакой манере.

Что до нынешнего сочинения, достаточно сказать, что после побега Нила на «Ибисе» в июне 1841 года война в Китае тянулась еще год с лишним. Все это время Нил внимательно следил за перемещениями значительно усиленного английского экспедиционного корпуса, который направился к Пекину, а также атаковал Сямынь, Чжоушань, Нинбо и Шанхай, результатом чего стали ужасные разрушения и неисчислимые человеческие жертвы, вынудившие императора Даогуана уполномочить своих наместников на принятие требований захватчиков.

Уступки были серьезные: официальная передача Гонконга, открытие пяти портов для иностранной торговли, выплата громадной ком-

пенсации в двадцать один миллион серебряных долларов. Капитуляция, известная как Нанкинский договор, была подписана 29 августа 1842 года на борту военного корабля «Корнуоллис» (Нил сопровождает это язвительной пометкой: «Сей корабль, построенный на бомбейской верфи Вадиа, был назван в честь человека, имя которого навеки предваряет прозвище „Мясник“ и чьи останки покоятся в Гхазипуре неподалеку от опийной фабрики»[106]).

Текст договора на английском, китайском и других языках имел широкое распространение, некий художник даже сделал его фотокопию. За большие деньги Нил раздобыл себе экземпляр договора, который так его взбеленил, что он измарал его пометками на полях и выделением разных абзацев — таких, скажем, где упоминалась продукция, уничтожившая торговую систему гильдии Ко-Хон. Особую ярость Нила вызвал параграф о том, что отныне британские и китайские власти действуют на «основе равенства» и обмениваются представителями своих правительств. Нил сардонически замечает, что

[106] Примечания: 106

Чарльз Корнуоллис (1738–1805) — британский военный и государственный деятель, в 1786–1793 гг. генерал-губернатор Ост-Индской компании и главнокомандующий английских войск в Индии.

«равенство» в понимании европейцев напрочь переворачивает смысл сего параграфа и означает диктат англичан. А рядом с абзацем, где Китай обязуется компенсировать Британии расходы и потери от ее вторжения, он пишет: «Стало быть, китайцы должны оплатить катастрофу, обрушившуюся на их страну!» Любопытно, что самый знаменитый параграф договора о передаче Гонконга англичанам Нил никак не комментирует и только помечает: «Они и так его уже захватили!»

Все следующее десятилетие Нил не жалел средств и усилий для сбора материалов о событиях, известных как Первая опийная война (излишне говорить, что Вторая опийная война значительно пополнила его собрание). Позже Раджу внес свой весомый вклад в этот архив; неугасимое желание в полной мере осознать события, пережитые им в детстве, подвигло его на поиски военных материалов — историй, рукописей, донесений, мемуаров, карт и особенно рассказов очевидцев о сражениях, которым он сам был свидетелем.

Когда архив перевозили из Китая, сложившиеся обстоятельства заставили пожертвовать увесистыми томами ради спасения записей Нила. К счастью, он и Раджу, дотошные архивари-

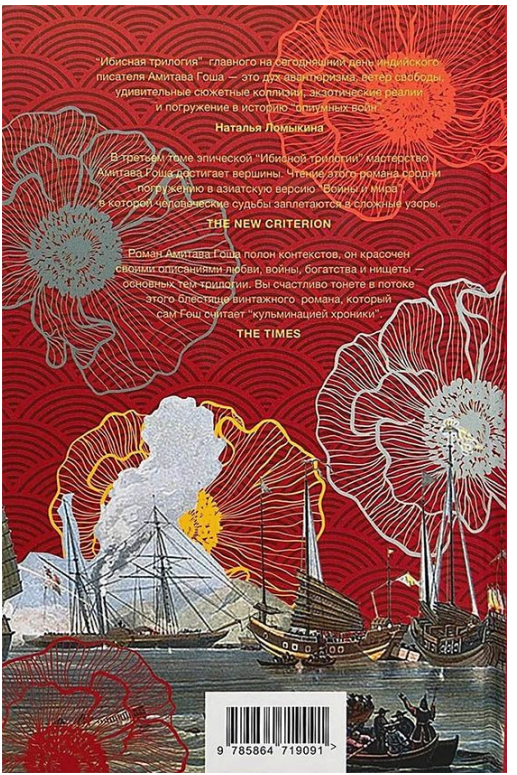
усы, составили подробный каталог материалов, имевшихся в их распоряжении, и тех, что они надеялись раздобыть (к примеру, некоторые правительственные доклады, в ту пору засекреченные).

Каталог уцелел, но время его не пощадило — разорванные и отсутствующие страницы, многие записи, изъеденные сыростью и плесенью или прожорливыми червями, муравьями и жуками, просто невозможно прочесть. Однако из сохранившихся фрагментов удалось сложить «воображаемую библиотеку» источников, какими пользовался бы Нил, доведись ему описать все эти события.

Автор признателен всем лицам и организациям, оказавшим помощь в создании сего произведения.

Что касается обширной семьи автора, благодарить ее нет нужды, ибо одним своим существованием она сделала возможным этот рассказ, который, по сути, только-только начался…

КОНЕЦ.



"Ибисная трилогия" — главного на сегодняшний день индийского писателя Амитава Гоша — это дух авантюризма, ветер свободы, удивительные сюжетные коллизии, экзотические реалии и погружение в историю "опиумных войн".

Наталья Ломыкина

В третьем томе эпической "Ибисной трилогии" мастерство Амитава Гоша достигает вершины. Чтение этого романа сродни погружению в азиатскую версию "Войны и мира", в которой человеческие судьбы заплетаются в сложные узоры.

THE NEW CRITERION

Роман Амитава Гоша полон контекстов, он красочен своими описаниями любви, войны, богатства и нищеты — основных тем трилогии. Вы счастливо тонете в потоке этого блестяще винтажного романа, который сам Гош считает "кульминацией хроники".

THE TIMES

9 785864 719091